Рихард фон Крафт-Эбинг

Половая психопатия

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей монументальный труд немецкого психоневролога Рихарда фон Крафт-Эбинга — книга очень непростой судьбы, оказавшая сложное влияние и на перипетии личной жизни ее автора, и на формирование научных представлений о сексуальном поведении человека.

Крафт-Эбинг родился в 1840 г. в Мангейме, откуда после окончания средней школы он переехал вместе с родителями в Гейдельберг, где жил его дедушка по материнской линии — адвокат, снискавший значительный авторитет своей правозащитной практикой. Под его благотворным влиянием юноша начинает изучать медицину, но вскоре, заболев тяжелой формой тифа, вынужден отправиться в Швейцарию. После выздоровления, увлеченный лекциями знаменитого психиатра В. Гризингера, он продолжает учебу в Цюрихе и специализируется по психоневрологии.

Заняв в 1870 г. профессорскую кафедру в Страсбурге, он публикует несколько фундаментальных руководств (в их числе: «Основы криминальной психологии», 1872; «Учебный курс судебной психопатологии», 1876 и др.), систематически приглашается и часто выезжает в качестве консультанта во многие европейские страны (в том числе в Россию и Англию), завоевывает репутацию самого эрудированного психоневролога континента.

И вот на этом этапе, будучи на вершине славы, Крафт-Эбинг предпринимает акцию, которую в равной степени можно расценить и как легкомысленную, и как смелую (если угодно, даже героическую). В 1886 г. он публикует книгу «Половая психопатия», нарушая и ниспровергая этой пионерской работой все общепринятые (хотя и негласно) каноны благопристойности.

Дело в том, что в течение многих веков, со времени укоренения в Европе христианства, любое упоминание секса из всех университетских кафедр изгонялось как грех, а в судах занятие им нередко безжалостно преследовалось как преступное деяние. Цитаделью же этого пуританско-аскетического взгляда в Европе с течением времени становится так называемое *викторианство,* связываемое с эпохой царствования английской королевы Виктории (1837—1901). Согласно установившемуся идеалу, благовоспитанные молодые люди в надлежащее время влюблялись, делали предложение руки и сердца, сочетались церковным браком, а затем во имя прокреации (то есть продления рода) время от времени совершали при потушенных свечах и под одеялом половой акт со своей супругой, неуклонно соблюдающей правило ladies don't move — дамы неподвижны

(поскольку благовоспитанным дамам не позволялось извиваться в конвульсиях страсти и они должны были отдаваться мужьям пассивно, сохраняя полную двигательную и эмоциональную отключенность, вплоть до диссимуляции оргазма и каких бы то ни было иных положительных чувственных проявлений, — кодекс двойной морали в какой-то степени разрешал умеренные плотские радости только представителям сильного пола).

И вот один из самых уважаемых европейских профессоров в одночасье ниспровергает всю эту тихую благость, нарушая обет молчания публикацией своей коллекции самых отвратительных, самых разнузданных, самых тошнотворных поведенческих актов, связанных до этого времени именно с плотно замаскированной, закрытой на все застежки сексуальной сферой. Тошнотворность представленных автором протокольных описаний, заставившая, дабы не шокировать аристократических читателей предпоследнего десятилетия XIX в., прикрыть наиболее крутые эпизоды завесой древней латыни, не утратила своего отталкивающего аромата и в наше вроде бы ко всему привычное время: медицинская сестра отделения сексопатологии психиатрического института, переписывавшая на машинке приготовленные мной для данного издания русские эквиваленты латинских вставок, через несколько дней отказалась от этой работы (потому что перепечатываемые тексты вызывали у нее приступы тошноты...). Своей монографией о половой психопатии Крафт-Эбинг прежде всего нанес такой сокрушительный удар по собственной к этому времени широко и прочно установившейся репутации, что отзвуки растерянности прослеживаются даже в некрологе, опубликованном «Бритиш медикал джорнэл» («The British Medical Journal»), игравшем роль рупора не только английских, но и европейских медиков; в номере за 3 января 1903 г., спустя одиннадцать дней после смерти ученого, в траурном сообщении соседствуют такие высказывания: «... среди его работ — шестикратно переиздававшееся руководство по психиатрии, а также руководства по судебной медицине и психопатологии... Его имя, к сожалению, приобрело скандальную известность благодаря книге, названной «Половая психопатия»... Крафт-Эбинг, однако (!), внес в неврологию много ценных разработок, заставляющих относиться к его имени с уважением...» А за 10 лет до этого, в 1893 г., то же периодическое издание высказывалось еще более категорично: «Мы всесторонне обсудили, следует ли нам вообще реагировать на появление этой книги... Мы подвергли сомнению целесообразность ее перевода на английский язык. Заинтересованные лица могут ознакомиться с ней по оригиналу. Лучше, если бы она была написана на латыни целиком, так, чтобы прикрыть ее содержание мраком и неясностями мертвого языка...» При этом буря, вызванная злосчастным вторжением в запретную сферу, не ограничилась британскими островами, так что Крафт-Эбинг был вынужден подать в отставку, отказавшись

от кафедры в Страсбурге, и ограничиться заведованием небольшим санаторием недалеко от Граца в Австрия. Лишь к концу жизни он вновь занял высокий академический пост, унаследовав руководство клиникой и кафедрой Майнерта в Венском университете.

Очень показательна и по-своему типична противоречивая динамика событий, определяющих оценку и судьбу книги и ее автора. С одной стороны, нелицеприятные, подчас уничижительные высказывания общепризнанных официальных объединений, а с другой — беспрерывная череда переводов на большинство языков мира и многочисленные все более объемистые переиздания (так, характерно, что первый перевод на русский язык сделан с тринадцатого, дополненного издания).

Объяснение этих противоречий — в своеобразии тактики, избранной Крафт-Эбингом: он посягнул на заглавный тезис христианской церкви, отнюдь при этом не объявляя ей войны. По существу, Крафт-Эбинг осмелился повторить прегрешение змея-искусителя, заставившего первых людей вкусить запретный плод познания, изначально связанного именно с сексуальной сферой: «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились. Змей был хитрее всех... И сказал змей жене:... но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его, и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания...» После этого, как известно, изгнал Господь грешников из сада Эдемского, и наказал их всех, сказав при этом Адаму: «... за то, что ты послушал голос жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: «не ешь от него»... в поте лица твоего будешь есть хлеб...» «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей...» «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей. И вражду положу между... семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Первая книга Моисеева, Бытие, гл. 2 и 3).

Нетрудно заметить, что из всех трех грешников самая тяжкая кара возлагается именно на змея-искусителя, а в период, когда наука, выйдя из монастырских келий, где она веками находила укрытие, и обретя полную самостоятельность, начала чем дальше, тем настойчивее теснить церковь, Крафт-Эбинг не только следует по проложенной змеем стезе, поливая живительной влагой бесчисленных фактов древо познания, но и,

вроде бы провозглашая анафему описываемым в его книге злодеям, в то же время пытается перехватить у Всемилостивейшего его суверенное право прощать (даже в официальной церковной иерархии даруемое далеко не всем ее представителям) — ведь именно он в своей книге первый приводит развернутые аргументы, доказывающие, что гомосексуализм — не проявление злой воли, а болезненное расстройство и, следовательно, гомосексуалов следует не карать, а лечить. При этом Крафт-Эбинг сочетает осуждающие эпитеты и оправдательные мотивы в такой пропорции, что временами вводит в заблуждение даже некоторых современных сексологов.

И все же, по иронии судьбы, в наши дни имя Крафт-Эбинга сохраняется только благодаря фундаментальной сексологической работе, в то время как большинство других его трудов прочно забыты. Безжалостное время за прошедшие с момента публикации сто с лишним лет многое в научных взглядах изменило; сегодня уже, по существу, ушло из употребления само понятие половой психопатии; не принимается наукой и предлагаемая им расстановка причин, среди которых слишком часто и без достаточных оснований фигурируют «порочная наследственность», «моральное вырождение» и в особенности мастурбация, рассматриваемая как самый универсальный механизм подавляющего большинства половых нарушений. Однако именно Крафт-Эбинг был первым из первых, отважившихся представить подробнейшие описания половых извращений и девиаций, прежде всего таких, как садизм, мазохизм, гомосексуализм, фетишизм, эксгибиционизм, зоо- и некрофилия, а также всесторонне рассмотреть их медико-биологические и правовые аспекты и предложить объединяющую их концептуальную гипотезу. Именно эти разработки, положившие начало формированию новой научной отрасли человеческого знания — сексологии, определяют высочайшую общую оценку как огромных заслуг смелого и прозорливого ученого, так и значения издаваемой книги.

Г. *С. ВАСИЛЬЧЕНКО,*

профессор, руководитель Федерального

Российского научно-методического центра

медицинской сексологии и сексопатологии.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Лишь очень немногие вполне сознают могучее влияние, оказываемое половой жизнью на чувства, мышление и поступки как каждого отдельного человека, так и всего общества. В

стихотворении «Мудрецы» Шиллер говорит об этом факте следующим образом:

Покуда мира строй и вид

Нам философия хранит,

Землею правит всею

Любовь и голод с нею.

[Перев. Ф. Миллера]

Достойно внимания то обстоятельство, что роль половой жизни встретила лишь крайне ничтожную оценку даже со стороны философов.

Шопенгауэр («Мир как воля и представление») прямо удивляется тому, что любовь до настоящего времени служила материалом только для поэзии, а не для философии, если не считать скудных исследований, находимых нами у Платона, Руссо и Канта.

То, что Шопенгауэр, а вслед за ним творец философии бессознательного Э. фон Гартман высказывают о половых отношениях, до такой степени ошибочно и страдает обилием общих мест, что если исключить работы Мишле («Любовь») и Мантегаццы («Физиология удовольствия»), представляющие скорее остроумную беседу, чем научное исследование, то придется признать, что как эмпирическая психология, так и метафизика половой стороны человеческой жизни являются пока еще почти совершенно нетронутой научной почвой.

Можно было бы полагать, что поэты — лучшие психологи, чем профессиональные психологи и философы, но вся суть в том, что они люди чувства, а не логики и по меньшей мере односторонни в исследовании интересующей нас области. Свет и тепло любви, вдохновляющей их, заслоняют им теневые ее стороны. Какой бы неистощимый материал ни дала историку «психология любви», этой поэзии всех времен и народов, великая загадка может найти свое разрешение только при содействии естествознания, и в частности медицины, черпающей психологический материал непосредственно из всестороннего изучения анатомо-физиологических данных.

Быть может, медицине удастся при этом найти посредствующую точку зрения для философского познавания, одинаково далекую как от безотрадного мировоззрения философов-пессимистов вроде Шопенгауэра и Гартмана, так и от жизнерадостного наивного оптимизма поэтов.

Автор отнюдь не имеет в виду положить краеугольный камень в создание психологии половой жизни, хотя не подлежит сомнению, что психопатология явилась бы одним из важнейших источников для знакомства с психологией.

Задача настоящего исследования — познакомить с психопатологическими явлениями половой жизни и попытаться свести их к закономерным условиям. Задача эта нелегка, и несмотря на многолетний опыт, вынесенный мною из моей деятельности в качестве психиатра и судебного врача, я прекрасно сознаю, насколько труд мой далек от желательного совершенства.

Важное значение затронутого мною предмета для общественного блага и, в частности, для судебной практики требует, чтобы исследование его было обставлено вполне научно. Только тот, кому в качестве судебного врача приходилось давать свое заключение о ближних своих, жизнь, свобода и честь которых зависели от этого заключения, и горьким опытом прийти к безуспешному выводу о несовершенстве наших знаний в области патологии половой жизни, только тот может по достоинству оценить важность и значение попытки дать здесь общие руководящие принципы.

Во всяком случае в области половых преступлений еще до настоящего времени господствуют самые превратные воззрения и самые нелепые заблуждения, отражающиеся, конечно, и на законодательстве, и на общественном мнении.

Тот, кто избирает предметом научного исследования психопатологию половой жизни, становится лицом к лицу с темной стороной человеческой жизни, с бедствием, в тени которого человек, «образ и подобие Божие» поэта, превращается в гнусное, чудовищное существо, отвращающее от себя и эстетика, и моралиста.

На долю медицины, и в частности психиатрии, выпала печальная привилегия постоянного созерцания оборотной стороны человеческой жизни, ее слабостей и пороков.

Быть может, она найдет себе утешение в своем тяжелом призвании, а моралисту и эстетику доставит удовлетворение свести к патологическим условиям многое из того, что оскорбляет наше этическое и эстетическое чувство. Этим она возьмет на себя защиту и чести человечества перед судом морали, и чести единичных жертв рока перед их судьями и согражданами. Права и обязанности врачебной науки по отношению к таким исследованиям являются логическим выражением той высокой цели, которая должна отмечать всякое

изыскание, — стремления к истине.

Автор в этом отношении вполне придерживается взгляда, сформулированного Тардье («О преступлениях против нравственности»): «Никакая физическая или моральная ущербность, никакое несчастье, даже если оно свидетельствует о порочности, не должно отпугивать того, кто посвятил себя науке о человеке, и священное служение медицине, обязывающее его видеть все, разрешает ему и ничего не утаивать».

Нижеследующие страницы предназначены для людей, интересующихся серьезными исследованиями в области естествоведения и юриспруденции. Для того чтобы они не могли служить предметом чтения непризванных, автор счел нужным избрать заглавие, понятное только специалисту, равно как по возможности прибегать к соответствующим терминам. Кроме того, отдельные места, особенно оскорбляющие наш слух, переданы на латинском языке.

Выражаем надежду, что исследование, посвященное одной из важных областей жизни и могущее дать врачам и юристам некоторый ключ к ее уразумению, встретит среди них благосклонный прием и пополнит действительный пробел в литературе, которая, за исключением нескольких статей и рассмотрения отдельных случаев, насчитывает всего две монографии — Моро и Тарновского, посвященные притом лишь некоторым вопросам нашей темы.

Рихард фон Крафт-Эбинг

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВЕНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее 12-е издание подверглось тщательному пересмотру и отчасти переделано и дополнено. Благосклонный прием, единодушно оказанный моей книге юристами, доставил автору отрадное сознание того, что она не останется без влияния на законодательство и окажет свое содействие в деле устранения многовековых заблуждений.

Неожиданно большое распространение книги представляет, очевидно, лучшее доказательство того, какая масса несчастных искала и нашла в ней разъяснение и утешение в загадочных явлениях своей половой жизни. Справедливость подобного предположения удостоверяется большим количеством писем, полученных автором из всех стран от таких пасынков природы. Чтение этих писем, принадлежащих в большинстве случаев перу лиц, занимающих высокое положение и по степени развития, и в социальном отношении, лиц, очень часто наделенных самыми тонкими чувствами, наполняет душу глубочайшим

состраданием. Они раскрывают такие душевные муки, перед которыми бледнеют все страдания, приуготовляемые нам таинственным роком!..

Пусть же моя книга и дальше приносит этим несчастным утешение и нравственную реабилитацию!

Позволяю себе выразить надежду, что и предлагаемое издание встретит тот же дружеский прием, какой выпал на долю предыдущих, и высказать пожелание, чтобы книга моя сослужила полезную службу науке, праву и гуманности!

Автор Грац, декабрь 1902

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИНАДЦАТОМУ ИЗДАНИЮ

Приступая к выпуску 13-го издания настоящего сочинения, я занялся изучением литературного наследия моего незабвенного учителя и нашел там богатейший фактический материал, которым сам Крафт-Эбинг предполагал воспользоваться для последующих изданий, так как на многих случаях есть собственноручные его пометки с указанием, что эти случаи предназначены для нового издания. Я считаю поэтому своим нравственным долгом привести в исполнение это намерение моего учителя в настоящем издании; так как, несмотря на многочисленные работы по данному вопросу, появившиеся в печати со времени выхода 12-го издания, никаких существенных открытий в области *патологии* половой жизни не произошло, я решил никаких изменений в общий план данного труда не вносить.

Впервые появляются в печати наблюдения за № 82, 89, 90, 117, 121, 144, 161, 178, 223 и 227.

Приношу сердечную благодарность за советы и помощь моим глубокоуважаемым учителям проф. Вагнеру и Оберштейнеру.

Приват-доцент *Альфред Фукс*

Вена, 1 июня 1907

ПСИХОЛОГИЯ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ

Продолжение рода человеческого не представляет собой чего-то случайного или обусловленного прихотью человека, но поддерживается природным влечением, половым инстинктом, властно, неудержимо требующим удовлетворения. В удовлетворении этого природного инстинкта человек находит не только чувственное наслаждение и источник физического хорошего самочувствия, но и удовлетворение более высокого

чувства — потребности продолжить свое собственное кратковременное существование за пределы времени и пространства в лице новых существ путем наследственной передачи им своих духовных и физических свойств. В грубо чувственной любви, в стремлении к удовлетворению природного инстинкта человек стоит на одной ступени с животным, но ему дано подняться на высоту, на которой он уже перестает быть безвольным рабом инстинкта, и в нем пробуждаются более благородные ощущения и стремления, которые при всем своем чувственном происхождении раскрывают пред ним целый мир прекрасного, возвышенного и нравственного.

На этой ступени человек становится властелином природного инстинкта и черпает из неиссякаемого источника материал и стимулы для высших наслаждений, для благородного труда и для достижения идеальных целей. Майдслей (Deutsche Klinik, 1873, 2, 3) справедливо называет половое ощущение основой развития социальных чувств. «Если бы человек был лишен инстинкта размножения и всех духовных благ, отсюда вытекающих, то из его жизни исчезла бы вся поэзия и, быть может, также все нравственное развитие».

Во всяком случае, половая жизнь представляет могущественнейший фактор индивидуального и общественного бытия, главнейший импульс для работы, приобретения собственности, основания домашнего очага, пробуждения альтруистических чувств прежде всего по отношению к лицу другого пола, к детям, к своей семье, а затем и по отношению ко всей человеческой семье.

Таким образом, начало всякой этики, а, вероятно, также значительной доли эстетики и религии берет свое основание в половом чувстве. Но если половая жизнь способна служить источником величайших добродетелей, до самопожертвования включительно, то, с другой стороны, в ее чувственной силе кроется та опасность, что она может перейти во всепоглощающую страсть, быть источником величайших пороков.

Необузданная страсть подобна вулкану, все разрушающему, все уничтожающему, подобна пропасти, поглощающей все — честь, состояние, здоровье.

С точки зрения чисто психологической весьма интересно проследить фазы развития, через которые прошла половая жизнь в течение культурного развития человечества, прежде чем она получила свой современный характер, достигла современного нравственного уровня[1]. На первобытной ступени развития культуры человек удовлетворяет свои половые потребности так же, как животное. Половой акт совершается открыто, и мужчины и женщины не стыдятся ходить нагишом.

На этой ступени развития находятся еще и в настоящее время некоторые дикие народы, например, австралийцы, полинезийцы, малайцы Филиппинских островов (ср. Плосс). Женщина представляет общее достояние мужчин, временную добычу более могущественного, более сильного. Этот последний стремится к обладанию наиболее красивыми представительницами другого пола и тем самым инстинктивно выполняет своего рода половой подбор.

Женщина представляет движимость, товар, предмет купли, мены, дара, орудие чувственных наслаждений, труда. В последнее, однако, время Йозеф Мюллер привел веские данные в пользу того мнения, что среди первобытных людей в самом начале существовала моногамия и что грубые пороки половой жизни следует рассматривать скорее как явления вырождения более позднего времени, чем как явления первобытной среды. Началом облагораживающего характера половой любви является зарождение чувства стыдливости по отношению как к проявлению и удовлетворению полового влечения в присутствии посторонних, так и к взаимному общению обоих полов. Отсюда возникает стремление к прикрытию половых органов («и узнали »ни, что наги») и к совершению полового акта наедине.

Развитию этой ступени культуры благоприятствуют суровость климата и вызванная последней потребность в прикрытии всего тела. Этим объясняется отчасти то обстоятельство, что у северных народов, согласно данным антропологии, чувство стыдливости обнаруживается ранее, чем у южных.

Дальнейшим моментом культурной эволюции половой жизни является перемена господствующего до того времени воззрения на женщину как на движимость. Она становится *личностью* и, хотя она еще долго продолжает стоять на социальной лестнице значительно ниже мужчины, тем не менее постепенно пробивает себе путь взгляд, разрешающий ей распоряжаться собственной личностью и своей любовью.

И вот женщина становится объектом поисков мужчины. К грубо чувственному ощущению половой потребности примешиваются зачатки этических ощущений. Половая похоть проникается духовным элементом. Общность женщин исчезает. Взаимное влечение отдельных индивидов различного пола определяется уже духовными и физическими их качествами. На этой ступени развития женщина проникается сознанием, что ее прелести принадлежат только избраннику ее сердца, и она старается скрыть их от глаз посторонних. Отсюда наряду с чувством стыдливости берет свое начало целомудрие и половая верность, сохраняемые все время, пока длится любовная связь.

Этого социального положения женщина достигает раньше там,

где с превращением прежнего кочевника в оседлого жителя у последнего возникает родина, домашний очаг, а стало быть, и рождается потребность иметь подругу жизни в лице жены и хозяйки дома.

Из восточных народов этой ступени очень рано достигли древние египтяне, евреи и греки, из западных — германцы. У этих народов высоко ценятся девственность, целомудрие, стыдливость и половая верность, в противоположность другим народам, которые предоставляют своих женщин гостю для половых наслаждений.

То, что рассматриваемая ступень облагораживания половой жизни довольно высока и появляется значительно позже некоторых других форм культурного развития, в частности эстетической, доказывается примером японцев, у которых еще сравнительно недавно всякая незамужняя женщина могла беспрепятственно заниматься проституцией, без малейшего ущерба для своего будущего положения жены и матери.

Христианство дало могучий толчок к облагороженью половых отношений, подняв женщину на одинаковую социальную высоту с мужчиной и превратив любовную связь между ними в религиозно-нравственный обряд. Этим устанавливалось то положение, что на высшей ступени цивилизации любовь человеческая может быть только моногамной и должна иметь в основе длительный союз. Природа может требовать только размножения рода, но общественная единица, будь то семья или государство, должна иметь гарантию, что потомство будет преуспевать физически, нравственно и интеллектуально. Именно равноправие полов, установление моногамии и укрепление последней правовыми, религиозными и этическими узами дали христианским народам преимущество и духовное и материальное над народами с полигамией вообще и над исламом, в частности

Мухаммед, правда, стремился поднять положение восточной женщины, бывшей только рабыней и орудием грубой чувственности, и поставить ее на более высокую ступень в социальном и семейном отношении, но все же в мусульманском мире женщина продолжает стоять неизмеримо ниже мужчины, которому одному предоставлено право расторжения брачного союза, расторжения, к тому же крайне легко выполнимого.

Ислам совершенно отстранил женщину от всякого участия в общественной жизни и тем самым затормозил ее интеллектуальное и нравственное развитие. Из-за этого мусульманская женщина, в сущности, осталась только средством удовлетворения половой похоти и сохранения расы, тогда как добродетели и способности христианки, являющейся хозяйкой

дома, воспитательницей детей и равноправной подругой мужчины, могли расцвести пышным цветом.

Таким образом, ислам с полигамией и гаремной жизнью является резким контрастом моногамии, отличающей семейную жизнь в христианском мире.

Тот же контраст обнаруживается и при сравнении религиозных воззрений мусульман и христиан на загробную жизнь. Верующему христианину последняя представляется в виде рая, очищенного от всей земной чувственности и обещающего чисто духовные наслаждения, воображение мусульманина рисует ему загробную жизнь в образе сладострастной гаремной жизни с восхитительными гуриями.

При всех средствах обуздания чувственного влечения, предоставляемых в распоряжение культурного человека религией, законами, воспитанием и нравственностью, над ним всегда висит как дамоклов меч опасность падения с лучезарной высоты чистой и целомудренной любви в бездну низменных позывов плоти.

Для того чтобы утвердиться на этой высоте, требуется непрерывная борьба между природным инстинктом и порядочностью, между чувственностью и нравственностью. Только людям с сильной волей удается совершенно освободиться из-под власти порабощающей их чувственности и любить той чистой любовью, которая служит источником благороднейших радостей человеческого бытия.

Можно спорить о том, сделалось ли человечество в течение последних столетий более нравственным, но не подлежит сомнению, что оно стало стыдливее, и это облечение чувственных животных потребностей покровом тайны, обязанное успехам цивилизации, есть во всяком случае уступка, сделанная добродетели пороком.

При чтении книги Шерра «История немецкой культуры и нравов» нельзя не вынести впечатления, что современные нравственные воззрения по сравнению со средневековыми сделались чище, хотя и должно признать, что сплошь и рядом прежняя грубость и непристойность выражений сменились только более утонченными нравами, но без повышения нравственности.

Если, однако, сравнить наше время с более отдаленными историческими эпохами и периодами, то ни на минуту не может возникнуть сомнения, что общественная нравственность, невзирая на эпизодические реакции, неудержимо идет вперед с развитием культуры и что одним *из* наиболее могучих рычагов

на пути нравственного совершенствования является христианство.

Мы в настоящее время все-таки далеко ушли от тех половых отношений, которые нашли выражение и в содомических верованиях, и в народной жизни, и в законодательстве, и в религиозных обычаях древних эллинов, не говоря уже о культе фаллоса и Приапа афинян и вавилонян, о вакханалиях Древнего Рима, о привилегированном общественном положении гетер у этих народов!

В результате медленного, часто незаметного развития, которое испытывают человеческие нравы и человеческая нравственность, естественно, должны были произойти колебания аналогично тому, как и у отдельных людей половая жизнь имеет свои приливы и отливы.

Периоды ослабления нравственности в жизни народов совпадают обычно с периодами изнеженности и роскоши Явления эти мыслимы только при усиленном перенапряжении нервной системы, которой приходится приспособляться к возрастающим потребностям. Результатом этой повышенной нервозности является усиление чувственности, ведущее к развращению народной массы и подрывающее общественные основы, нравственность и чистоту семейной жизни. Как скоро эти общественные основы расшатаны распущенностью, прелюбодеянием, роскошью, распад государственной жизни, материальное, моральное и политическое разрушение последней становятся неминуемыми.

Предостерегающими примерами подобного рода служат Римская империя, Греция и Франция в царствование Людовиков XIV и XV '. В такие эпохи государственного упадка и замечаются чудовищные искажения половой жизни, причины которых, впрочем, отчасти могут быть объяснены психопатологическим или, по крайней мере, невропатологическим состоянием населения.

То, что большие города являются очагами нервозности и извращенной чувственности, доказывает история Вавилона, Ниневии, Рима, равно как и мистерии современной жизни крупных городских центров. Достоин внимания факт, с которым мы знакомимся из чтения выше цитированного труда Плосса, а именно, что извращения полового влечения не встречаются у диких или полуцивилизованных народов (за исключением алеутов, далее в форме мастурбации у восточных женщин и у намаготтентоток).

Изучение половой жизни человека надо начинать с момента развития ее в период половой зрелости и проследить различные

фазы ее вплоть до полного угасания половых ощущений.

Мантегацца в своей «Физиологии удовольствия» превосходно описывает влечения и стремления пробуждающейся половой жизни, зачатки которой, в виде смутных предчувствий и неопределенных ощущений, удается, однако, проследить еще задолго до наступления половой зрелости. Этот, так сказать, период предвестников представляется в психическом отношении наиболее важным. По богатству пробуждающихся в это время ощущений и идей можно судить о значении полового фактора для психической жизни. Эти первоначально смутные, неопределенные стремления, которые возникают из ощущений, пробужденных в сознании органами, остававшимися до сих пор неразвитыми, сопровождаются могучим возбуждением чувственной стороны жизни.

Психологическая реакция полового инстинкта в период возмужалости обнаруживается многообразными явлениями, у которых есть только одно общее — повышенная душевная возбудимость и стремление выразить в той или другой форме, так сказать, перенести на известный объект новое, своеобразное содержание своего настроения. Ближайшими объектами являются религия и поэзия, которые, даже по истечении периода полового развития, после того, как первоначально смутные стремления приобрели определенное выражение, получают могучие импульсы от полового мира. Кто в этом сомневается, пусть вспомнит, как часто в период возмужалости наблюдаются религиозные мечтания, как часто в жизни святых появляются половые искушения, какими отвратительными сценами, настоящими оргиями завершались религиозные празднества древних, а в наше время и собрания известных новейших сект, если уже не говорить о чувственной мистике, которой запечатлены культы древних народов. И, напротив, мы видим, что чувственность, не нашедшая себе удовлетворения, сплошь и рядом ищет и находит себе эквивалент в религиозной мечтательности.

Но и в несомненно психопатологической области обнаруживается это взаимоотношение между религиозным и половым чувством. Достаточно указать на резкое проявление чувственной стороны в историях болезни многих религиозно помешанных, на пеструю смесь религиозного и полового бреда, столь часто наблюдаемую при психозах (например, у маниакальных женщин, считающих себя Богоматерью), в особенности при психозах на почве мастурбации; наконец, можно указать на сладострастно-жестокие самооскопления, самобичевания, даже самораспятие, производимые под влиянием болезненного, религиозно-полового экстаза.

Попытка объяснения психологических взаимоотношений между

религией и любовью наталкивается на многие затруднения, но аналогий можно найти немало.

Чувство полового влечения и религиозное чувство (рассматриваемые как психологические явления) состоят каждое из двух элементов.

В *религиозной области* первичным элементом является чувство подчиненности — факт, отмеченный Шлейермахером еще задолго до того, как к этому положению пришли новейшие антропологические и этнографические исследования, опиравшиеся на наблюдение первичных состояний. Только на более высокой ступени культурного развития в религиозное чувство вступает второй, собственно этический элемент — любовь к божеству. Место злых духов первобытных народов занимают то добрые, то гневные образы более сложных мифологий, и под конец человечество начинает почитать единого, всеблагого Творца, дарующего вечное спасение, все равно заключается ли это последнее в земном блаженстве евреев, в райских утехах мусульман, в вечном блаженстве на небе христиан или в нирване буддистов.

В *половой склонности* первичным элементом служит любовь, ожидание безмерного блаженства. Чувство подчиненности присоединяется уже вторично. В зародыше оно существует как у мужчин, так и у женщин, но обычно оно резко выражено только у женщин из-за их пассивной роли в деле продолжения рода и социальных условий; в виде исключения такая подчиненность характеризует и мужчин с психическим типом, приближающимся к женскому.

Любовь, как в религиозной, так и в половой области, представляется мистической и трансцендентальной, т. е. при половой любви собственно настоящая цель влечения — размножение рода — не входит в сознание и сила импульса гораздо более могуча, чем то удовлетворение, которое доходит до сознания. В религиозной области предмет обожания по своей природе таков, что он не доступен эмпирическому познанию. Отсюда широкий простор, открываемый фантазии в указанных душевных процессах.

Но и то и другое чувство имеют еще и «беспредельный» объект, поскольку блаженство, которое доставляет половой инстинкт, представляется по отношению ко всем другим наслаждениям несравнимым и неизмеримым, и то же самое нужно сказать об обещанном блаженстве веры, которое в глазах верующего кажется бесконечным и по времени, и по силе.

Следствием тождественности обоих состояний в отношении величины их объекта является то, что оба они вырастают часто

до непреодолимой силы и ниспровергают все противоположные мотивы. Следствием их сходства в отношении необъемлемости их объекта является то, что оба они легко переходят в смутную мечтательность, в которой яркость чувства намного затмевает отчетливость и постоянство представлений. В этой мечтательности в обоих случаях рядом с ожиданием необъятного счастья играет роль потребность безграничной подчиненности.

Многообразная тождественность той и другой мечтательности делает понятным то обстоятельство, что при сильных степенях интенсивности они могут в порядке замещения сменять друг друга или возникать рядом друг е другом, так как всякий сильный подъем одного элемента в душевной жизни влечет за собой подъем и прочих элементов. Таким образом, чувство доводит до сознания то одно, то другое из обоих кругов представлений, с которыми оно связано. Но оба вида душевного возбуждения могут также перейти и во влечение к жестокости (активной или пассивной).

В религиозной жизни это происходит при посредстве Жертвы. Жертва связывается с представлением: прежде всего, что она материально угодна божеству, затем, что она приносится ему в знак почитания, как доказательство подчиненности, как дань, наконец, что ею искупаются грехи и вина перед божеством и приобретается вечное блаженство.

Если жертва состоит, как это встречается во всех религиях, в самоистязании, то у религиозных, сильно возбудимых натур она не только служит символом подчинения и эквивалентом в обмене страдания в настоящем на блаженство в грядущем, они ощущают непосредственно как блаженство все, что, по их убеждению, исходит от беспредельно любимого божества, все, что происходит по его воле или в его честь. Религиозная мечтательность ведет тогда к экстазу, к состоянию, в котором сознание до такой степени переполнено психическим чувством блаженства, что представление о перенесенном истязании доходит до него совершенно свободным от болевых ощущений.

Экзальтация религиозной мечтательности может привести к ощущению блаженства и при виде приносимой в жертву другой личности, если сострадание к последней перевешивается религиозным аффектом.

То, что и в области половой жизни возможны аналогичные явления, доказывает, как мы увидим ниже, садизм и в особенности мазохизм.

Таким образом, часто констатируемое родство между религией, сладострастием и жестокостью[1] может быть приведено

приблизительно к следующей формуле. Религиозное и половое состояния аффекта обнаруживают на высоте своего развития тождественность в отношении количества и качества возбуждения и могут поэтому при подходящих обстоятельствах замещать друг друга. Оба они могут при патологических условиях переходить в жестокость.

Не меньшее влияние оказывает половой фактор и на пробуждение эстетических чувств. Чем были бы живопись, скульптура и поэзия без половой основы? В любви (чувственной) они приобретают тот пыл фантазии, без которого немыслимо истинное творчество, и в пламени чувственных ощущений они сохраняют свой жар. Вот почему великие поэты и художники являются чувственными натурами.

Этот мир идеалов раскрывается с появлением процессов полового созревания. Кто в этот период жизни не воодушевлялся стремлением к великому, благородному, прекрасному, тот останется на всю жизнь филистером! Есть ли человек, призванный и непризванный, который в это время не седлал бы Пегаса?

На границе физиологической реакции стоят процессы полового созревания, во время которых названные смутные, страстные стремления выражаются в личной и мировой скорби, доходящей до отвращения к жизни, и сопровождаются нередко болезненным влечением причинять другим боль (слабая аналогия психологической связи между сладострастием и жестокостью).

Любовь первой молодости окружена романтическим, идеальным ореолом. Она возносит свой предмет до апофеоза. В своих первых проявлениях она имеет платонический характер и часто направляется на поэтические и исторические образы. С пробуждением чувственности юноше угрожает опасность перенести всю идеальную аилу этой любви на лицо другого пола, не выдающееся ни в духовном отношении, ни в физическом, ни в социальном. Отсюда неравные браки, похищения невест, ошибки со всей трагедией страстной любви, входящей в коллизию с общественными понятиями и родовыми предрассудками и нередко находящей себе печальный исход в одиночном или двойном самоубийстве влюбленных.

Чересчур чувственная любовь никогда не может быть прочной и настоящей любовью. Вот почему первая любовь, являясь только вспышкой проснувшейся страсти, обыкновенно весьма скоропреходяща.

Истинной любовью может быть названа только та, которая зиждется на сознании нравственных преимуществ любимого

человека, которая готова делить с ним не только радости, но и горе, не останавливаясь ни перед чем в своем самопожертвовании. Любовь высокоодаренного человека не страшится никаких препятствий и опасностей, как скоро дело идет о том, чтобы достигнуть и упрочить обладание любимым существом.

Она способна на подвиги героизма и презрения к смерти. Но при известных условиях и при недостаточной твердости нравственных основ такой любви грозит и опасность совершить преступление. Позорным пятном ее является ревность. Любовь слабо одаренного человека носит сентиментальный характер; при иных обстоятельствах она ведет к самоубийству, если она не встречает взаимности или наталкивается на препятствия, тогда как при тех же условиях она может сильно одаренного человека довести до преступления.

Сентиментальная любовь может сделаться карикатурной, особенно там, где чувственный элемент не отличается силой (рыцарь Тогенбург, Дон Кихот, многие средневековые миннезингеры и трубадуры).

Такая любовь приторна и может даже стать просто смешной, тогда как при обычных условиях проявления этого могучего чувства вселяют в человеческое сердце то сочувствие, то уважение, то содрогание.

Далеко не редко эта слабая любовь переносится на созвучную с ней область — поэзию, которая в таком случае также становится приторно-сентиментальной, на эстетику, делающуюся тогда утрированной, на религию, которая приобретает характер мистический, религиозно-мечтательный, а при более сильном развитии чувственности она переходит в сектантство, а то и в религиозное помешательство. Все эти особенности в незначительной степени присущи и незрелой любви в период начинающейся зрелости. Из массы всевозможных сочиняемых в это время стихов обнаруживают известный смысл только те, в которых прославляется милосердие Творца.

Хотя любовь нуждается в этике, чтобы подняться до истинного и чистого чувства, чувственность все же обязательно составляет ее прочнейшую основу.

Платоническая любовь есть нонсенс, самообман, ложное обозначение чувства, только родственного любви.

Поскольку любовь основана на чувственном вожделении, она нормальным образом мыслима только между разнополыми, способными к половому общению индивидами. Раз эти условия

отсутствуют или утрачены, место любви заступает дружба.

Замечательна роль, которую у мужчин играет состояние их половых отправлений в возникновении и сохранении у них чувства собственного достоинства. Значение этого фактора доказывается утратой мужественности и самодоверия, замечаемой у слабонервных онанистов и импотентов.

Правильно замечает Журковецкий («Мужская импотенция» — Mдnnliche Impotenz. Wien, 1889), что на психике старых и молодых людей существенно отражается состояние их половой способности и что импотенция в резкой степени ограничивает бодрое, жизнерадостное настроение, умственную работоспособность, доверие к себе и полет фантазии. Этот дефект тем значительнее, чем в более раннем возрасте мужчина утратил свою половую силу и чем большей чувственностью он был одарен.

Внезапная утрата половой способности может повести здесь к развитию тяжкой меланхолии и даже к самоубийству, если для таких лиц жизнь без любви составляет бремя.

Но и там, где реакция не в такой степени резка, субъект, утративший половую способность, становится угрюмым, недоброжелательным, эгоистичным, ревнивым, слабовольным, трусливым, лишенным самолюбия и честолюбия.

Аналогичное мы встречаем у скопцов, характер которых после кастрации меняется к худшему. Еще в более резкой степени сказывается выпадение половой способности у лиц, отягченных наклонностью к так называемой эффеминации (см. ниже).

Менее резко выраженные в психологическом отношении, но все же заметные изменения наблюдаются у пожилой женщины, завершившей свою половую роль. Если отошедший в область прошлого период половой жизни ее был удовлетворителен, если у нее есть дети, радующие сердце стареющей матери, то биологическая перемена едва доходит до ее сознания. Совершенно иначе обстоит дело тогда, когда женщина лишена этой радости вследствие ли бесплодия или по причине вынужденного обстоятельствами воздержания от ее естественного призвания.

Факты эти проливают яркий свет на различия в психологии половой жизни мужчин и женщин, на разницу половых ощущений и вожделений тех и других.

Нет сомнения, что половая потребность у мужчины сильнее, чем у женщины. Подчиняясь могучему природному инстинкту, он, достигнув известного возраста, стремится к обладанию

женщиной. Он любит чувственно, определяющим мотивом в его выборе являются исключительно физические преимущества. Повинуясь властному природному влечению, он в своих любовных исканиях ведет себя агрессивно и бурно, хотя эта природная потребность и не наполняет всего его психического мира. Как скоро его вожделение удовлетворено, любовь его временно отступает перед другими жизненными и социальными интересами.

Иное дело — женщина. Если она нравственно нормально развита и хорошо воспитана, то чувственные ее вожделения выражены слабо. Будь это иначе, весь свет превратился бы в дом терпимости и брак и семья стали бы немыслимы. Как бы то ни было, мужчина, избегающий женщины, и женщина, набрасывающаяся на половые наслаждения, оба они представляют явление ненормальное.

Благосклонности женщины добиваются. Она держится пассивно. Это лежит в ее половой организации, а не только в выработанных обществом правилах приличия.

Тем не менее в сознании женщины половая область играет большую роль, чем в сознании мужчины. Потребность в любви у нее сильнее, чем у мужчины, постояннее, не так эпизодична, как у последнего, но любовь эта отличается более духовным, нежели чувственным характером. В то время как мужчина любит в своей жене прежде всего жену, а потом уже мать своих детей, в сознании женщины на первом плане находится отец ее ребенка и только затем уже муж. При выборе спутника жизни женщина руководствуется несравненно в большей степени духовными, нежели физическими преимуществами. Сделавшись матерью, она делит свою любовь между ребенком и супругом. Перед материнской любовью отступает чувственность В дальнейшем супружеском общении женщина находит для себя не столько чувственное удовлетворение, сколько доказательство любви и расположения мужа.

Женщина любит всей душой. Любовь для нее — это вся жизнь, для мужчины — только наслаждение жизнью. Несчастная любовь наносит мужчине рану, женщине же она стоит жизни или, по меньшей мере, счастья жизни. Может ли любить женщина дважды — вопрос, заслуживающий внимания психологов. Во всяком случае, духовный склад женщины — моногамический, мужчины — полигамический.

В могуществе половой потребности кроется слабость мужчины перед женщиной. Он находится в зависимости от нее, и степень этой зависимости прямо пропорциональна его слабости и чувственности, другими словами, зависимость тем больше, чем невропатичнее мужчина. Это делает для нас понятным факт

пышного расцвета чувственности в эпохи общего физического и морального расслабления. При таких условиях государству грозит опасность подпасть под гибельную для него власть фавориток, чему яркими примерами могут служить господство метресс при дворе Людовиков XIV и XV, гетеризм в Древней Элладе.

Биография многих государственных деятелей древнего и новейшего мира показывает нам, что они совершенно подчинялись влиянию женщин благодаря своей сильной чувственности, причина которой, в свою очередь, лежала в их невропатической конституции.

Тонкое психологическое понимание природы человека видим мы в правиле католической церкви, которое предписывает своим священнослужителям безбрачие (целибат) и этим путем стремится освободить их от влияния чувственности для того, чтобы они могли полностью посвятить себя своему призванию. Жаль только, что обреченный на безбрачие священнослужитель лишен одновременно и того облагораживающего влияния, какое оказывает любовь, а с нею и брак на развитие характера.

Так как природа предназначила мужчине агрессивную роль в половой жизни, для него существует постоянно опасность переступить границы, налагаемые на него в этом отношении обычаями и законами.

Несравненно более противонравственным, а стало быть, и подлежащим более тяжкой каре закона является прелюбодеяние, совершаемое женщиной. Нарушительница супружеской верности обесчещивает не только себя, но и своего мужа, и детей, не говоря уже о том, что на свете появляется ребенок «неизвестного отца». Природный инстинкт и общественное положение легко могут совратить мужчину с пути истинного, тогда как женщина поставлена в этом отношении в гораздо более благоприятные условия.

Для незамужней женщины половая жизнь также складывается совершенно иначе, чем для мужчины. Общество требует от холостого мужчины только приличия, от женщины — вместе с тем и целомудрия. Культурный уровень современного общества допускает половую жизнь у женщины только в браке.

Целью и идеалом женщины, даже погрязшей в пороке, является только брак. Женщина, как верно замечает Мантегацца, желает не только удовлетворения своих чувственных влечений, но и защиты, и содержания себя и своих детей. Самый распущенный мужчина требует от женщины, которой он предлагает руку и сердце, целомудрия как в прошлом, так и в настоящем.

Щитом и украшением женщины в стремлении к достижению этой достойной ее цели служит стыдливость. Мантегацца метко назвал последнюю «одной из форм физического самосохранения у женщины».

Здесь не место вдаваться в подробности антрополого-исторического исследования развития этого прекраснейшего украшения женщины. По всей вероятности, женская стыдливость представляет наследственно совершенствуемый продукт культурного развития.

В полном противоречии со стыдливостью стоит стремление обнажать свои прелести, которое под защитой законов о моде и санкционированных условных понятий о приличии позволяют себе в бальном зале даже самые скромные девицы. Мотивы этого понятны. По счастью, они столь же мало доходят до сознания целомудренных девушек, как и побуждения гой периодически возвращающейся моды рельефно подчеркивать пластику известных частей тела, не говоря уже о корсете и т. п.

Во все времена у всех народов женский пол обнаруживает стремление украшать себя и выставлять напоказ свои прелести. В мире животных природа при распределении красоты выказала по отношению к самцам гораздо больше щедрости. Мужчины называют женщин прекрасным полом. Любезность эта, очевидно, проистекает из чувственных потребностей мужчин. До тех пор, пока стремление украшать себя непреднамеренно или пока истинный психологический смысл желания нравиться не сознается женщиной, ничего против этого возразить нельзя. Но как скоро сюда примешивается сознательный элемент, мы говорим уже о кокетстве.

Мужчина, стремящийся к украшению себя, смешон при всех обстоятельствах. В женщине мы привыкли к этой маленькой слабости и не видим в ней ничего предосудительного, пока она не вытекает из того, что французы окрестили словом «кокетство».

В сфере психологии любви женщина далеко оставила за собой мужчину отчасти благодаря наследственности и воспитанию, так как область любви неотделима от нее, отчасти вследствие того, что она отличается более тонкими чувствами (Мантегацца).

Даже с точки зрения высокой нравственности нельзя поставить в укор мужчине, если он видит в женщине прежде всего объект для удовлетворения своего природного влечения. Но на нем лежит при этом обязанность принадлежать исключительно одной женщине, избраннице его сердца. В правовом государстве следствием этой обязанности является возникновение

нравственного договора, брака и брачного права, поскольку женщина нуждается в защите и содержании себя и своего потомства.

С психологической точки зрения, а также для объяснения известных, описываемых ниже патологических явлений необходимо рассмотреть психические процессы, которые привлекают и приковывают друг к другу мужчину и женщину, причем среди всех прочих лиц того же пола только один или одна являются желанными.

Если бы удалось доказать в этих процессах преднамеренность — в целесообразности им нельзя отказать, — то самый факт неотразимого обаяния, оказываемого определенными лицами друг на друга при полном равнодушии ко всем другим, как это имеет место при истинной, счастливой любви, свидетельствовал бы о поразительно мудром законе природы, коим обеспечивается моногамное соединение в интересах той же природы.

Для исследователя, однако, эта влюбленность, эта «гармония душ», этот «союз сердец» отнюдь не представляют «мистерии душ», но в большинстве случаев сводятся к определенным физическим, а при известных обстоятельствах — также духовным качествам, обусловливающим притягательную силу данного лица.

В этом случае говорят о так называемых *фетише* и *фетишизме.* Под *фетишем* имеют в виду предметы или части, или же просто свойства предметов, от которых, в силу ассоциативного отношения к общему представлению или общей личности, вызывающей живое чувство, живой интерес, исходит своего рода очарование (feitiso, по-португальски) или по меньшей мере *очень глубокое, индивидуально своеобразное впечатление, которое в действительности не присуще внешнему признаку (символу, фетишу) как таковому*[1]*.*

Индивидуальное почитание фетиша, доходящее до форменного культа, обозначают именем *фетишизма.* Это психологически интересное явление объясняется эмпирически ассоциативным законом, отношением частного представления к общему, причем, однако, существенным моментом является индивидуально своеобразная окраска частного представления в смысле чувственного наслаждения; наблюдается оно преимущественно в двух родственных психических областях: в сфере религиозных и в сфере эротических ощущений и представлений. *Религиозный* фетишизм имеет другое отношение и значение, чем половой, поскольку он находил и находит свои первоначальные мотивы в убеждении, что предмет, являющийся фетишем, или изображение Божье обладает божественными

свойствами, а не представляет только чувственный образ, или поскольку фетишу суеверным образом приписываются особые свойства: чудотворные (реликвии) или предохраняющие (амулеты).

Иное дело — *эротический* фетишизм, психологическая мотивировка которого заключается в том, что фетишем становятся физические или также духовные свойства лица, мало того — даже просто предметы обихода и т. п., причем они каждый раз пробуждают могучие ассоциативные представления о самой личности и сверх того всегда окрашиваются живым чувственным ощущением. Аналогия с религиозным фетишизмом выражается во всяком случае постольку, поскольку и при этом последнем, в зависимости от обстоятельств, фетишами становятся довольно незначительные предметы (ногти, волосы и т. п.) и связываются с чувствами, доходящими до экстаза.

Что касается развития физиологической любви, то очень вероятно, что зародыш ее надобно искать в каком-нибудь индивидуальном, чарующем влиянии фетиша, оказываемом лицом одного пола на лицо другого пола.

Наиболее простым является тот случай, в котором с чувственным возбуждением совпадает по времени вид представителя другого пола, причем его созерцание усиливает чувственное возбуждение.

Чувственное и зрительное впечатления вступают в ассоциативную связь, и эта связь укрепляется по мере того, как возвращающееся чувственное возбуждение пробуждает оптический образ воспоминания или же последний (новое свидание) вновь вызывает половое возбуждение, доходящее даже до оргазма и поллюций (сновидение). В этом случае фетишем служит *телесный* образ любимого человека как одно целое. Но, по мнению Бине и др., и части целого, просто свойства, притом как физические, так и духовные, могут влиять в качестве фетишей на лицо другого пола благодаря тому, что восприятие их совпадает с (случайным) половым возбуждением (или вызывает таковое).

Что в этой духовной ассоциации решающим является случай, что фетишами могут служить предметы индивидуально самые разнообразные, что отсюда порождаются самые странные симпатии (и, наоборот, антипатии), факт общеизвестный, подтверждаемый ежедневным наблюдением.

Этим физиологическим фетишизмом объясняются индивидуальные симпатии между мужчиной и женщиной, предпочтение, оказываемое одной определенной личности перед всеми другими того же пола. Так как фетиш представляет собой

совершенно индивидуальный признак, то само собой разумеется, что он действует только совершенно индивидуально. Поскольку он приобретает очень сильную чувственную окраску, то, понятно, данное лицо не замечает недостатков в предмете своей любви («любовь делает слепым») и приходит в состояние экзальтации, которое имеет лишь индивидуальную основу, непонятную другим лицам, и при известных обстоятельствах может даже представляться смешным. Этим объясняется то обычное явление, что человек, сердце которого свободно от стрел Амура, не может понять своего влюбленного ближнего, тогда как этот последний боготворит своего идола, возводит обожание его в истинный культ и наделяет его качествами, которыми тот с объективной точки зрения отнюдь не обладает. Этим объясняется также, почему любовь представляет собой нечто большее, чем страсть, какое-то особенное психическое состояние, в котором недостижимое становится достижимым, уродливое кажется красивым, невежда — образованным, в котором забываются и исчезают всякие интересы, всякое сознание долга.

Тард (Archives de Fantropologie criminelle, 5 ann № 30) справедливо указывает, что фетиши могут быть разнообразны не только в индивидуальном, но и в национальном отношении, хотя общий идеал красоты у культурных народов одной и той же эпохи остается одинаковым.

Бине принадлежит великая заслуга точного изучения и анализа этого *фетишизма любви.*

Любовный фетишизм служит источником особых симпатий. Так, одного привлекают стройные женщины, другого — толстые, одного — брюнетки, другого — блондинки. Для одного индивидуальным чарующим фетишем служит особое выражение глаз, для другого — особый тембр голоса или особый запах, даже искусственный (духи), или рука, нога, ухо и т. п., и этот фетиш представляет собой исходный пункт сложной цепи душевных процессов, общим выражением которых является любовь, т. е. стремление к физическому и духовному обладанию предметом любви.

Факт этот представляет важное условие для установления физиологического фетишизма.

Фетиш может долго сохранять свое значение в физиологических пределах, но только до тех пор, пока он развивается от частного представления к общему, пока расцветшая благодаря ему любовь имеет своим предметом духовную и физическую личность в целом.

Нормальная любовь может быть только синтезом, обобщением.

Меткое выражение этого положения мы находим у Макса Дессуара (псевдоним Людвига Брунна)[1] в его сочинении «Фетишизм в любви»: «Нормальная любовь представляется нам, следовательно, в виде симфонии, составляющейся из всевозможных тонов. Она есть результат различнейших возбуждений. Она, так сказать, политеистична. Фетишизм же знает только тон одного-единственного инструмента; он возникает из одного определенного раздражения; он монотеистичен».

Всякий, кто хотя бы немного призадумается над этим вопросом, не может не признать, что об истинной любви (этим выражением, к сожалению, злоупотребляют слишком часто) может быть речь только тогда, когда предметом обожания является вся личность, и физическая, и духовная. Конечно, всякая любовь должна заключать в себе чувственный элемент, другими словами, — стремление к обладанию предметом любви и к совместному служению законам природы.

Но кто избирает предметом своей любви только тело представителя другого пола, кто ищет единственно удовлетворения чувственной потребности, без обладания душой, тот любит не истинной любовью, точно так же как неистинна любовь платоника, любящего только душу и отвергающего физическое обладание (тоже вид полового извращения). Для одного фетишем служит лишь тело, для другого — лишь душа; любовь одного, как и другого, не что иное, как простой фетишизм.

В этом случае перед нами переходные ступени к патологическому фетишизму, и наш вывод справедлив уже потому, что дальнейшим критерием истинной любви должно служить *духовное*[1] удовлетворение в половом акте.

В пределах физиологического фетишизма нам остается еще заняться расследованием того интересного факта, что среди множества предметов, могущих служить фетишами, существуют единичные, приобретающие это значение у довольно большого числа лиц.

В качестве таких фетишей можно назвать для мужчин: *волосы женщины, ее руку, ногу, выражение ее глаз.* Некоторые из них приобрели в патологии фетишизма выдающееся значение. Эти факты играют, очевидно, и у женщин известную роль, то бессознательную, а то и осознаваемую.

Главной заботой женщины является уход за *волосами,* которому она часто отдает непозволительно много времени и денег. С каким тщанием мать ухаживает за головным убором еще у своих маленьких дочерей! Какую роль играет парикмахер! Вылезание

волос повергает молодую женщину в страшное отчаяние. Я вспоминаю одну тщеславную женщину, которую это обстоятельство довело до душевного расстройства и самоубийства. Женщины охотнее всего беседуют о прическах и питают чувство зависти к тем, кого природа одарила богатой растительностью.

Красивые волосы являются могучим фетишем для многих мужчин. Уже в легенде о Лорелее, завлекавшей мужчин, фетишем оказываются «золотистые волосы», которые она причесывает золотым гребнем. Не меньшей притягательной силой обладают во многих случаях *рука* и *нога,* причем зачастую (но отнюдь не всегда) мазохистские и садистские ощущения содействуют выбору того или другого особого рода фетиша.

В переносном смысле, путем ассоциации идей, может получить значение фетиша *перчатка* или *башмак.*

Макс Дессуар (указ. соч.) справедливо отмечает, что средневековый обычай пить из башмака красавицы, обычай, местами еще ныне существующий в Польше, играет выдающуюся роль в качестве знака любезности, обожания. Вспомним, какая роль отводится женскому башмаку и в сказке «Золушка».

Особенно важное значение в качестве воспламеняющего фетиша имеет *выражение глаз,* и в этом отношении давно установленной репутацией пользуются невропатические глаза, действующие притом как на женщин, так и на мужчин. «Мадам, ваши прекрасные глаза предрекают мне смерть от любви», — говорит герой комедии Мольера.

Примеров того, что фетишем может сделаться *запах человеческого тела,* очень много.

И этот факт бессознательно или сознательно используется женщинами в искусстве любви. Уже в Ветхом завете Руфь стремилась приковать к себе Вооза, умаслив свое тело благовонными мазями. Полусвет прежних времен, как и новейшего времени, является одним из главнейших потребителей парфюмерных магазинов. Иегер в своем «Раскрытии души» приводит много указаний на обонятельные симпатии.

Известны случаи, когда люди женились на уродливых женщинах только потому, что их бесконечно привлекал запах тела последних.

Об этом свидетельствует и роман Бело «Купальни Трувилля». Бине полагает, что не один брак, заключенный с певицами, имел

в своем основании очарование, произведенное голосом.

Этот же автор обращает внимание еще на один интересный факт, именно на то, что у певчих птиц голос имеет такое же половое значение, как у четвероногих запах. Так, птицы привлекают самок пением, и восхищенная самка прилетает ночью на свидание к победителю на этом своеобразном турнире.

То, что и *духовные* качества могут играть роль фетишей в более широком смысле, доказывается патологическими проявлениями мазохизма и садизма.

Этим же объясняются случаи идиосинкразии и подтверждается старое правило «о вкусах не спорят».

Относительно фетишизма у *женщин* в научном отношении можно высказать лишь предположения. Как и в половой жизни мужчин, при развитии половых симпатий у женщины он, по всей вероятности, играет аналогичную роль, а тот факт, что фетишизм у мужчин представляет явление физиологическое, можно считать доказанным. Более близкого знакомства с женской половой жизнью следует ожидать только тогда, когда изучением этого вопроса займутся женщины-врачи.

Фетишами для женщин являются несомненно как физические, так и духовные качества мужчин. Для большинства женщин такая роль выпадает, конечно, на долю физических качеств мужчины, из чего, однако, нельзя еще выводить обязательно заключения о существовании особой чувственности у женщин. Во многих, однако, случаях притягательную силу для женщин обнаруживают не телесные достоинства мужчины, подчас оставляющие желать очень многого, иногда и отрицательные по своему характеру, а его душевные качества. И на высокой ступени развития культуры мы особенно часто встречаемся с этим явлением при отсутствии и особого воспитания, и особого склада ума, причем нет и тени мысли о том, чтобы воспользоваться выгодами блестящего социального положения, завоеванного или могущего быть завоеванным мужчиной благодаря его выдающимся духовным способностям.

Этот фетишизм тела или духа не лишен значения для потомства, поскольку он содействует удачному подбору и делает возможным наследование физических или душевных качеств.

В общем, женщине импонируют в мужчине и вызывают симпатию физическая сила, мужество, благородство, рыцарство, уверенность в собственных возможностях, иногда также известное самомнение, высокомерие и подчеркиваемое сознание своего превосходства и господства по сравнению со слабым

полом.

Даже репутация отъявленного Дон Жуана часто делает мужчину интересным и неотразимым для женщины, как если бы эта репутация свидетельствовала о его половой силе, причем, конечно, неопытная девушка далека от подозрения, какую опасность в виде сифилиса и хронического уретрита может представлять для нее брачное единение с интересным грешником.

Актер и певец, иногда также цирковой наездник и атлет, пользующиеся благосклонным вниманием толпы, часто оказывают на девиц-подростков и даже на более зрелых женщин прямо магнетическое воздействие, о чем можно судить по многочисленным вещественным и невещественным доказательствам обожания, получаемым этими артистами от представительниц прекрасного пола повсюду, где бы они ни выступали.

Несомненна также слабость, питаемая большинством женщин к военному мундиру, причем кавалерия пользуется безусловно предпочтением пред пехотой.

Волосы мужчин, бесспорно, имеют для женщин значение фетиша, в особенности борода и усы, как печать мужественности, как выдающийся вторичный половой признак. Подобно тому как у женщин укладка волос, и в частности косы, в туалете мужчин, желающих произвести впечатление на прекрасный пол, уход за бородой и специально за усами играет особенно значительную роль.

Фетишистское значение глаз доказывается частотой взаимной симпатии супругов и любовников, обладающих так называемыми невропатическими глазами.

Чарующее влияние мужского голоса — факт общеизвестный, и знаменитые певцы могут быть поистине названы завоевателями женских сердец; бесчисленные любовные записки, которыми их буквально забрасывают, неоспоримо свидетельствуют об этом фетишистском обаянии голоса. По сравнению с баритонами и басами тенора пользуются безусловным преимуществом.

Бине приводит по этому поводу наблюдение Дюма, которым этот романист воспользовался в своей новелле «Дом на ветру» и которое относилось к даме, влюбившейся в голос одного тенора и нарушившей из-за этого супружескую верность.

Относительно *патологического* фетишизма у женщин мне до сих пор еще не удалось собрать достоверных сведений.

ФИЗИОЛОГИЯ ПОЛОВОЙ **Половая психопатия**

В период развития анатомо-физиологических процессов в половых железах индивида проявляется стремление к сохранению вида (половое влечение, половой инстинкт).

Половое влечение при половом созревании представляет физиологический закон.

Продолжительность анатомо-физиологических процессов в половых органах, равно как и интенсивность обнаруживающегося полового инстинкта, у различных индивидов и народов различны. Раса, климат, наследственность и социальные условия являются в этом случае весьма влиятельными факторами. Общеизвестна более сильная чувственность южан по сравнению с северянами. Но и половое развитие происходит у обитателей южных стран значительно быстрее, нежели у жителей севера. В то время как у жительницы севера овуляция, распознаваемая по развитию тела и появлению периодически возвращающегося кровотечения из половых органов (менструация), наступает обычно только на 13—15-м году жизни, а у мужчин половая зрелость (отличительными признаками которой служит понижение голоса, появление растительности на лице и лобке, временное наступление поллюций и т. д.) становится заметной лишь на 15-м году, обитатели южных стран обнаруживают эти изменения несколькими годами раньше, женщины, например, иногда уже на 8-м году.

Обращает на себя внимание и тот факт, что горожанки развиваются почти на год раньше сельских девушек и что, чем город больше, тем раньше, при прочих равных условиях, наступает половое созревание.

Немаловажное влияние на половой инстинкт и половую способность оказывают также наследственные условия. Так, бывают семьи, в которых наряду с значительной физической силой и долголетием половое влечение и половая способность сохраняются до самого преклонного возраста, тогда как в других семьях половая жизнь и поздно развивается, и преждевременно угасает.

У женщины период деятельности половых желез короче, нежели у мужчины, у которого созревание семени может продолжаться до глубокой старости. У женщины овуляция прекращается приблизительно спустя 30 лет после наступления половой зрелости. Период угасания деятельности яичников известен под названием критического или климактерического Эта биологическая фаза представляет собой не простое прекращение функции половых органов с заключительной атрофией их, но процесс изменения всего организма. Половая зрелость мужчины в средней Европе начинается около 18-го

года. Половая способность достигает своего максимума к 40 годам; начиная с этого возраста, она медленно понижается.

Способность к произведению потомства угасает большей частью на 62-м году, способность к совокуплению может продолжаться до глубокой старости Половой инстинкт существует непрерывно в течение всей половой жизни, притом, однако, с колеблющейся интенсивностью. При физиологических условиях он никогда не обнаруживает периодического характера, как у животных. У мужчины интенсивность его усиливается и ослабевает соответственно накоплению и расходованию семени; у женщины повышение полового влечения совпадает с процессом овуляции, притом так, что оно наиболее резко обнаруживается после менструации.

Половой инстинкт, как ощущение, представление и влечение, есть функция мозговой коры Область коры, заведующая исключительно половыми ощущениями и влечениями (центр полового чувства), до настоящего времени еще не определена, но существование ее обязательно нужно допустить для объяснения физиологических фактов, и таким психополовым центром может быть только то место, где собираются и перекрещиваются между собой проводящие пути, которые направляются отсюда, с одной стороны, к двигательным и чувствительным аппаратам половых органов, с другой стороны, к тем частям зрительного, обонятельного и других центров, где формируются процессы сознания, в общем и дающие представление об индивиде как «мужчине» или «женщине».

Близкое соотношение, в котором стоят половая жизнь и чувство обоняния[1], позволяет предполагать, что половая и обонятельная сферы либо расположены в мозговой коре по соседству друг с другом, либо, по крайней мере, соединяются сильно развитыми ассоциативными путями. Развитие полового инстинкта имеет своим началом ощущения, происходящие под влиянием созревания половых желез. Ощущения эти возбуждают внимание индивида. Чтение, впечатления из общественной жизни (в наше время, к прискорбию, чересчур рано и часто) переводят первоначально смутные предчувствия в ясные представления. Последние получают чувственную окраску (сладострастие), и под ее влиянием развивается стремление к эротическим представлениям (половое влечение).

Таким образом развивается взаимозависимость между мозговой корой (как местом возникновения ощущений и представлений) и половыми органами. Последние при посредстве анатомо-физиологических процессов (гиперемия, созревание семени, овуляция) вызывают половые представления, образы и стремления.

Мозговая кора действует при помощи воспринятых или воспроизведенных чувственных представлений на половые органы (вызывая гиперемию, созревание семени, эрекцию, извержение семени). Это воздействие совершается при посредстве центров — сосудистой иннервации и семяизвержения, расположенных в поясничной части спинного мозга, и притом, следует полагать, по соседству друг с другом. Оба центра рефлекторные.

Центр эрекции (Гольц, Экхард) представляет собой промежуточное звено между головным мозгом и половым аппаратом. Нервные пути, соединяющие его с головным мозгом, проходят, по всей вероятности, через pedunculi cerebri (ножки мозга) и варолиев мост. Центр этот может быть возбуждаем центральными (психическими и органическими) раздражениями, непосредственным раздражением его путей в pedunculi cerebri, варолиевом мосту, шейной части спинного мозга, равно как и периферическими раздражениями чувствительных нервов (пениса, клитора и соседних частей). Влиянию воли центр эрекции непосредственно не подчинен.

Возбуждение этого центра проводится в пещеристые тела при посредстве проходящих через поясничные сегменты нервов, связанных с эрекцией (Экхард).

Функция нервов, заведующих эрекцией, задерживающая. Они тормозят ганглиозный нервный аппарат в пещеристых телах, влиянию которого подчиняются гладкие мышечные волокна пещеристых тел (Кёлликер и Кольрауш).

Под влиянием нервов, связанных с эрекцией, гладкие мышечные волокна пещеристых тел расслабляются и полости их наполняются кровью. В то же время расширенные артерии корковой сети пещеристых тел оказывают давление на вены полового члена и задерживают отток крови из последнего. Действие это подкрепляется еще сокращением соответствующих мышц, апоневрозы коих распространяются на тыльную поверхность полового члена.

Эрекционный центр находится под двояким влиянием головного мозга: возбуждающим и задерживающим. *Возбуждающим* образом на него действуют представления и впечатления органов чувств полового характера. Судя по наблюдениям над повешенными, нужно думать, что эрекционный центр может обнаружить свою деятельность и при раздражении проводящих путей в спинном мозгу. Что такое возбуждение возможно также и под влиянием органических процессов раздражения в мозговой коре (психополовой центр?), показывают наблюдения над лицами, страдающими болезнями головного мозга и психозами. Непосредственное возбуждение эрекционного

центра может иметь место на ранних стадиях заболеваний поясничного отдела спинного мозга (сухотка спинного мозга, миелит вообще).

Рефлекторное возбуждение эрекционного центра происходит часто при раздражении (периферических) чувствительных нервов половых органов или соседних с последними частей, при трении, раздражении уретры (перелой), прямой кишки (геморрой, черви-паразиты острицы), мочевого пузыря (наполнение мочой, особенно по утрам, раздражение пузырными камнями), при переполнении семенных пузырьков семенем вследствие гиперемии половых органов, обусловленной горизонтальным положением на спине и давлением внутренних органов на тазовые сосуды.

Далее, эрекционный центр может быть возбужден также раздражением многочисленных заложенных в ткани предстательной железы нервов и ганглиев (простатит, введение катетера и т. п.).

О том, что эрекционный центр подчинен и *задерживающему* влиянию со стороны головного мозга, свидетельствуют опыты Гольца, показывающие, что эрекция (у собак) наступает легче в том случае, когда перерезан поясничный отдел спинного мозга.

Об этом говорит также тот факт, что у человека влияние воли, душевные волнения (опасения неудачного совокупления, внезапный испуг в процессе полового акта и т. п.) могут задержать или прекратить эрекцию.

Продолжительность эрекции зависит от длительности возбуждающего момента (чувственные и чувствительные раздражения), от отсутствия задерживающих процессов, от иннервационной энергии центра, равно как от более раннего и более позднего наступления семяизвержения (см. ниже).

Центральной и высшей инстанцией полового механизма является мозговая кора. Есть полное основание предполагать, что местом для образования половых ощущений, представлений и стремлений служит определенная область коры (черепно-мозговой центр), в которой возникают все психосоматические процессы, связанные с половой жизнью, половым чувством, половым влечением. Центр этот возбуждается как центральными, так и периферическими раздражениями.

Центральными раздражениями могут явиться органические возбуждения, обусловленные заболеваниями мозговой коры. В физиологических пределах они выражаются психическими раздражениями (представления на почве воспоминания и

чувственные восприятия).

При физиологических условиях речь идет главным образом о зрительных впечатлениях и образах, восстанавливаемых воспоминанием (например, эротическим чтением), далее об осязательных впечатлениях (дотрагивании, рукопожатии, поцелуе и т. п.).

Во всяком случае в физиологических пределах слуховые и обонятельные впечатления играют сугубо второстепенную роль. При патологических условиях они, бесспорно, выступают как факты, вызывающие половое возбуждение[1].

У *животных* влияние *обонятельных впечатлений* на половое чувство составляет факт, не подлежащий сомнению. Алтаус (Beitrдge zur Physiologie und Pathologie des Olfactorius. — Archiv fьr Psychiatrie, XII. H. 1) именно чувство обоняния и признает очень важным для размножения. Он говорит, что разнополые животные привлекаются друг к другу обонятельными впечатлениями и что почти все животные во время течки распространяют из своих половых органов особенно резкий запах. В пользу этого говорит следующий эксперимент Шиффа: он вырезал у новорожденных щенков обонятельные нервы, и оказалось, что когда они выросли, то самец не мог уже выследить самку. Опыт Мантегаццы («Гигиена любви»), удалившего кроликам глаза и не наблюдавшего при этом никакого препятствия для размножения, показывает, какое важное значение для половой жизни у животных имеет чувство обоняния.

Достойно внимания также, что половые органы некоторых животных (кабарга мускусная, вивера цибетовая, бобр) имеют железы, выделяющие сильно пахучие вещества.

И по отношению к человеку Алтаус признает связь между *чувством обоняния* и *половым чувством.* Он указывает на Клоке («Osphresiologie». Paris, 1826), который обратил внимание на возбуждающий запах цветов и, между прочим, привел в пример Ришелье, жившего с целью возбуждения своей половой функции в атмосфере сильнейших духов.

Циппе (Wiener medizinische Wochenschrift, 1879, № 24) равным образом подтверждает указанную связь по поводу случая *клептомании* у одного онаниста и в доказательство цитирует Гильденбрандта, который в своей «Популярной физиологии» говорит следующее: «Нельзя отрицать того, что между чувством обоняния и половыми функциями существует связь, хотя и слабая. Аромат цветов часто вызывает сладострастные ощущения, и это замечание было сделано еще мудрым Соломоном, как о том свидетельствует следующая строфа из его

песнопений: «и с рук моих капала мирра, и с перстов моих мирра капала на ручки замка». На Востоке благовония пользуются большой любовью именно благодаря своему отношению к половой сфере, и гаремные покои султана благоухают смешанным ароматом всевозможнейших цветов».

Мост, профессор в Ростоке, сообщает (ср. Циппе) следующее: «Я узнал от одного похотливого молодого крестьянина, что он возбуждал и соблазнял не одну целомудренную девушку, достигая легко своей цели тем, что во время танцев обтирал потное лицо своей дамы платком, который он предварительно продержал некоторое время под мышкой».

То, что ощущение запаха человеческого пота может служить первым толчком к страстной любви, доказывает пример Генриха III, который на пиру, устроенном по поводу помолвки короля Наваррского и Маргариты Валуа, случайно вытер себе лицо потной сорочкой Марии Клеве. Последняя была уже невестой принца Конде, тем не менее Генрих внезапно воспылал к ней страстной любовью, принесшей, как известно из истории, величайшее несчастье бедной девушке. Аналогичный рассказ передают о Генрихе IV, влюбившемся в прекрасную Габриэль с того момента, когда он на одном балу вытер себе лоб ее носовым платком.

Подобный же намек мы встречаем у профессора Иегера, который в своей книге «Раскрытие души» (2 изд. 1880. Гл. 5. С. 173) обращает внимание на важное значение пота для возникновения половых аффектов, считая его особенно соблазнительным.

Сочинение Плосса «Женщина в естествознании и народоведении» (Перев. под ред. д-ра А. Г. Фейнберга. Спб., 1898) равным образом изобилует примерами из психологии различных народов, указывающими на стремление привлекать лиц другого пола собственной испариной.

Замечателен в этом отношении приводимый Ягором обычай, существующий на Филиппинских островах среди туземцев. При разлуке влюбленные обмениваются частями собственного носильного белья, с помощью которых они соблюдают взаимную верность. Предметы эти тщательно оберегают, покрывают поцелуями и... подносят часто к носу.

Пристрастие многих донжуанов и чувственных женщин к духам также говорит в пользу тесного соотношения между обонянием и половым чувством.

Достоин внимания также сообщенный Гешлем (Wiener Zeitschrift fьr praktische Heilkunde, 1861, 22 Mдrz) случай отсутствия обеих

обонятельных луковиц при одновременной атрофии половых органов. Речь идет о 45-летнем интеллигентном мужчине, яички которого, величиною с боб, не имели семенных канальцев, гортань была женских размеров. Констатировано полное отсутствие обонятельных нервов; точно так же отсутствовали trigona olfactoria (обонятельные треугольники) и борозда на нижней поверхности передних долей головного мозга. Число отверстий в решетчатой пластинке было скудно; вместо нервов через них проходили безнервные отростки твердой мозговой оболочки. В слизистой оболочке носа равным образом отсутствовали нервы.

Примечательна, наконец, явственно обнаруживающаяся связь между чувством обоняния и половыми органами при душевных болезнях; необычайно часто обонятельные галлюцинации наблюдаются в случаях психозов (у лиц обоего пола), зависящих от мастурбации, а также при психозах, развивающихся на почве страданий женской половой сферы или климактерических процессов; в то же время при отсутствии половых расстройств обонятельные галлюцинации сравнительно редкое явление.

Мне представляется сомнительным, что у нормального человека обонятельные впечатления играют такую же существенную роль в возбуждении полового центра, как у животного. Тем не менее, ввиду важного значения этой связи для понимания патологических случаев, мы сочли необходимым уже здесь остановиться на рассмотрении *отношений, существующих между обонянием и половым чувством.*

Представляют интерес физиологические и клинические наблюдения, сообщенные также Дж. Н. Макензи (Journal of Medical Science, 1884. April). Он нашел: 1) что у известного числа женщин, нос которых был совершенно здоров, регулярно с каждой менструацией наступало набухание пещеристых тел носа, снова исчезавшее с окончанием регул; 2) появление заменяющей носовой менструации, которая впоследствии большей частью уступала место маточному кровотечению, но иногда возвращалась периодически в течение всей половой жизни; 3) явления раздражения (чихание и т. п.), иногда наступавшие в носу при половом возбуждении; 4) с другой стороны, появление полового возбуждения при заболевании носа.

Далее, Макензи заметил, что у многих женщин, страдавших болезнями носа, последние усугублялись во время менструаций, что эксцессы в половой сфере обычно вызывают воспаление носовой слизистой оболочки или усиливают уже существующий воспалительный процесс последней.

Макензи указывает также на то, что мастурбанты, почти как

правило, страдают болезнями носа, часто жалуются на ненормальные обонятельные ощущения, а также на кровотечения из носа. По его наблюдениям, существуют заболевания носа, упорно противостоящие всякому лечению до тех пор, пока не будут устранены одновременно существующие (служащие причиной?) страдания половой сферы. Интересное подтверждение и расширение наших сведений о связи narium et genitalium (обонятельной и половой сферы) мы находим у ряда авторов.

Половая сфера в мозговой коре может быть также возбуждена и процессами в *органах размножения* в смысле половых представлений и стремлений. Сюда мы относим все, что возбуждает и эрекционный центр путем центростремительного воздействия (раздражение, обусловливаемое наполненными семенными пузырьками, набухшими Граафовыми пузырьками, какое-либо чувствительное раздражение в области половых органов, гиперемия и набухание последних, в частности эректильной ткани пещеристых тел полового члена или клитора вследствие сидячего либо изнеженного образа жизни, брюшного полнокровия, высокой внешней температуры, теплой постели, теплой одежды, употребления шпанских мушек, перца и других пряностей).

Раздражение *нервов седалищной области* (сечение, бичевание) равным образом может вызвать половое влечение.

Факт этот имеет немаловажное значение для понимания известных патологических явлений. Иногда случается, что наказание розгами пробуждает у мальчика первые порывы полового влечения и дает ему, таким образом, толчок для мастурбации — обстоятельство, заслуживающее внимания педагогов.

Ввиду опасностей, грозящих школьникам при этой форме наказания, было бы желательно, чтобы она была совершенно изгнана из обихода родителями, учителями и воспитателями.

То, что *пассивное бичевание* в состоянии пробудить чувственность, доказывает распространившаяся в XIII — XV вв. секта *флагеллантов,* которые в целях раскаяния или умерщвления плоти (в смысле проповедуемого церковью принципа целомудрия, т. е. освобождения духа из-под власти чувственности) подвергали себя собственноручному бичеванию.

Вначале секта эта находила поддержку со стороны церкви. Но так как именно бичевание и пробуждало чувственность и факт этот обнаруживался крайне неприглядными картинами, то церковь увидела себя наконец вынужденной выступить против секты флагеллантов. Для выяснения возбуждающего характера

бичевания характерны следующие факты из жизни обеих знаменитых героинь бичевания — Марии Магдалины де Пацци и Елизаветы из Гентона. Первая, дочь знатных родителей, была кармелиткой во Флоренции (около 1580) и своим бичеванием, а еще более последствиями его приобрела значительную славу, оставившую ее имя в анналах истории. Величайшей радостью для нее было, когда настоятельница монастыря приказывала связывать ей руки за спину и бичевать по обнаженным ягодицам в присутствии всех монахинь. Однако бичевания эти, практиковавшиеся ею уже с ранней юности, совершенно расстроили ее нервную систему, и, быть может, ни одна героиня бичевания не имела столько галлюцинаций, сколько она. Внутренний жар любви до того терзал ее во время этих сцен, что она то и дело восклицала: «Довольно! Не разжигайте сильнее этого пламени, пожирающего меня! Не такой смерти желаю я себе, эта сулит мне чересчур много наслаждения и блаженства!» Дух любострастия рисовал ей непрестанно самые чувственные и обольстительные картины, так что не раз она была близка к потере целомудрия.

Точно так же обстояло дело с Елизаветой из Гентона. Бичевание приводило ее буквально в состояние вакхической ярости. Всего сильнее бесновалась она в такие моменты, когда на высоте возбуждения, вызванного жестоким бичеванием, ей казалось, что она обручилась со своим «идеалом». Состояние это до такой степени наполняло ее беспредельным блаженством, что из груди ее исторгались возгласы: «О любовь, о бесконечная любовь, о любовь, восклицайте вы все со мною: любовь, любовь!» Известно также подтвержденное Таксилем наблюдение, что истощенные плотскими излишествами развратники, желая поднять свою снизившуюся половую способность, заставляют себя иногда сечь перед совершением полового акта.

Эти факты находят интересное подтверждение в следующих сообщениях, приводимых Пауллини в его книге «Целительный бич» («Flagellum salutis». l Aufl., 1698; новая перепечатка: Stuttgart, 1847). «Бывают народы (между прочим, персы и русские), которые (в особенности женщины) принимают удары за признак особого к себе расположения и величайшей милости. Странным образом русские женщины чувствуют себя наиболее довольными и веселыми после того, как мужья их сильно побили. Иоганн Барклярус рассказывает по этому поводу забавную историю. В Московию прибыл один немец, по имени Иордан, и так как страна эта ему понравилась, то он поселился в ней и взял в жены русскую девушку, которую он от всего сердца полюбил и которая платила ему взаимностью. Но по прошествии некоторого времени он стал замечать, что она постоянно грустила, ходила с опущенными глазами и то и дело вздыхала. Муж пожелал узнать причину, так как он решительно не мог понять, чего ей недоставало. «Да, — сказала она, — ты говоришь,

что любишь меня, а ничем этого не обнаруживаешь». Он обнял ее, просил извинить его, если он ее невольно чем-либо обидел, уверял, что этого никогда больше не будет. «Мне не хватает только, — был ответ с ее стороны, — ударов нагайкой, а в этом, по обычаям нашей страны, и выражается собственно любовь». Иордан принял к сведению этот обычай и понемногу привык к нему, после чего жена еще более сильно его полюбила. Такую же историю рассказывает и Петер Петреус, прибавляя к этому, что мужья тотчас после свадьбы запасались в числе необходимой домашней утвари и нагайкой. На с. 73 этого интересного сочинения автор говорит: «Знаменитый граф Джованни Пико делла Мирандола рассказывает об одном своем приятеле, что тот был ненасытный сластолюбец, но до того вял в служении Киприде, что не был ни на что способен, если его предварительно не подвергали сильнейшей порке. Чем страстнее он стремился к удовлетворению своей похоти, тем сильнее должно было быть истязание, так что если его не хлестали до крови, то он оказывался совершенно бессильным. Под конец он велел приготовить специально для себя бич и, продержав его сутки в уксусе, вручал своей подруге с настоятельнейшей просьбой бичевать его по возможности больнее, чтобы ни один удар не пропал даром. По мнению доброго графа, это был единственный человек, который находил удовлетворение своего сладострастия в таких мучениях, и так как в остальном он был не из худших людей, то хорошо сознавал и в то же время ненавидел свою слабость. Подобную же историю сообщает Коелинс Родиген, и, со слов последнего, знаменитый юрист Андреас Тиракель. Во времена искусного врача Оттена Брунфельсена жил в баварской резиденции в Мюнхене один господин, который, однако, ни разу не мог выполнить своих мужских обязанностей, если он не получал предварительно сильных ударов. Точно так же Томас Бартелин знал одного венецианца, который способен был к совершению полового акта только после бичевания. В Любеке жил несколько лет назад торговец сыром, который был обвинен перед судом в прелюбодеянии и должен был покинуть город. Непотребная женщина, с которой он совершил грех, отправилась к судьям и ходатайствовала пред ними за виновного, указывая на то, какие муки он терпел, так как он ни на что не был способен, если его предварительно не подвергали сильнейшим побоям. Обвиняемый вначале от стыда и боязни насмешек не хотел сознаться в этом, но потом не устоял перед более строгим допросом. В Нидерландах также жил мужчина знатного происхождения, который отличался такой же вялостью и без ударов был бессилен совершить половой акт. Когда суд узнал об этом, человек тот не только был смещен с должности, но и вынужден был уплатить значительную пеню».

Близкий друг мой, физик из большого имперского города, сообщил мне 14 июля прошлого года о следующем случае. Одна

непотребная женщина рассказала недавно своей соседке в больнице, что какой-то мужчина пригласил ее и другую товарку ее последовать за ним в лес, где он нарезал розог и, передав их им, попросил хлестать его по обнаженным ягодицам, не жалея сил, что они и сделали. Легко представить себе, что он потом предпринял с ними. Не только, однако, мужчины, но и женщины возбуждают себя к половым сношениям при помощи ударов, дабы испытывать большое наслаждение. Римлянка с этой целью заставляла сечь и бичевать себя, как это видно из строф Ювенала:

Эти «супруги» детей не оставят, и им не поможет

Толстая бабка-лидийка с ее пузырьками и мазью

Или удар по рукам от проворно бегущих луперков.

[Перев Ф. Петровского]

Но и раздражение других областей кожи и слизистой оболочки может, как у мужчин, так и у женщин, вызвать эрекцию, оргазм и даже извержение семени. Такими «эрогенными» поясами является у женщины, до тех пор, пока она девственница, клитор, а после дефлорации — также влагалище и шейка матки.

Особенно эрогенным образом у женщины действуют, по-видимому, грудные соски. Раздражение этой области играет в эротическом искусстве существенную роль. В своей «Топографической анатомии» (1865. Т. 1. С. 552) Хиртль цитирует В. Гильденбрандта, который наблюдал особую аномалию полового влечения, названную им «порочное сосание». Молодая девушка заставляла своего любовника сосать себе груди, и последние этим путем постепенно вытянулись до такой степени, что она могла их сосать сама, что доставляло ей чувство неизъяснимого наслаждения. Хиртль указывает также на то, что и у коров встречается самососание вымени. Л. Брунн в своей интересной работе «О чувственности и любви к ближнему» обращает внимание на то, как усердно отдается кормлению ребенка мать «из любви к слабому, неразвитому, беспомощному».

Можно предположить, что помимо названных этических соображений известную роль играет и то обстоятельство, что сосание связано с ощущением физического наслаждения. Об этом говорит дальнейшее, само по себе вполне справедливое, но односторонне толкуемое замечание Брунна, что, согласно наблюдениям Гузо, у большинства животных отношения между матерью и детенышем бывают сердечными только в период сосания, впоследствии же они уступают место полнейшему

равнодушию.

То же самое (притупление привязанности к ребенку после окончания лактационного периода) нашли Бастиан и др. и у диких народов.

При патологических условиях, как видно, между прочим, из докторской диссертации Шамбара, могут приобрести значение эрогенных поясов и другие части тела по соседству с грудной железой, равно как и с половыми органами.

У мужчин физиологически единственным эрогенным поясом является головка полового члена и, быть может, также кожа наружных половых органов.

При патологических условиях задний проход может также быть эрогенной областью, и этим, вероятно, объясняются как анальная автомастурбация, наблюдаемая, по-видимому, не особенно редко, так и пассивная педерастия.

Психофизиологический процесс, связанный с *половым влечением,* слагается из 1) центрально или периферически возникших представлений и 2) ассоциирующихся с этим чувственных ощущений. Отсюда возникает половое влечение (libido sexuahs).

Влечение это становится все сильнее, по мере того как возбуждение мозговой коры соответствующими представлениями и фантазией повышает чувственные ощущения и путем возбуждения эрекционного центра и последовательной гиперемии (избыточного наполнения кровью) половых органов усиливает их до степени сладострастного чувства (поступление простатического сока в уретру и т. д.).

Если условия благоприятствуют совершению полового акта, то все возрастающее половое влечение находит себе удовлетворение; в противном случае вторгаются задерживающие представления, они ослабляют половой пыл, тормозят деятельность эрекционного центра и препятствует половому акту.

Для культурного человека существование такого рода представлений, задерживающих половое влечение, является безусловно необходимым. Интенсивность возбуждающих представлений и сопровождающих их органических ощущений, с одной стороны, и сила задерживающих представлений, с другой — определяют нравственную свободу человека и возможность уклонения на стезю распущенности и даже преступления. На силу возбуждающих моментов оказывают решающее влияние конституция и органические воздействия вообще; на степень

развития тормозящих представлений — воспитание и самовоспитание.

Возбуждающие и тормозящие силы суть переменные величины. Роковым образом влияет в этом отношении злоупотребление алкоголем, так как оно пробуждает и усиливает половое влечение, понижая вместе с тем нравственную устойчивость.

АКТ СОВОКУПЛЕНИЯ

Основным условием для акта совокупления является достаточная эрекция. Аньель (Archiv fьr Psychiatrie, VIII, H. 2) справедливо обращает внимание на то, что при половом возбуждении не только возбуждается эрекционный центр, но нервное возбуждение распространяется на всю сосудодвигательную нервную систему Доказательством этого служат напряжение органов при акте совокупления, налитие сосудов конъюнктивы, выпячивание глазных яблок, расширение зрачков, сердцебиение (вследствие паралича выходящих из шейной части симпатических сосудодвигательных сердечных нервов, обусловливающего расширение артерий сердца, конгестивную гиперемию и, как результат этого, усиленное возбуждение сердечных узлов). Половой акт сопровождается сладострастным ощущением, зависящим у мужчины от выступления семени через эякуляторный проток в уретру, в свою очередь рефлекторно вызванного чувственным раздражением половых органов. Сладострастное ощущение обнаруживается у мужчины раньше, чем у женщины, лавинообразно усиливается ко времени наступающего семяизвержения и достигает своей высоты в момент полной эякуляции, быстро затем исчезая.

У женщины ощущение это наступает позднее, нарастает медленнее и большей частью переживает акт семяизвержения.

Главнейшим процессом при акте совокупления является эякуляция. Функция эта зависит от спинального полового центра, открытого Бёджем на высоте 4-го поясничного позвонка. Центр принадлежит к числу рефлекторных; возбуждение его вызывается рефлекторным выхождением семени из семенных пузырьков в перепончатую часть уретры под влиянием раздражения головки полового члена. Как скоро отделение семени, сопутствуемое нарастающим сладострастным ощущением, увеличится настолько, чтобы подействовать в качестве достаточного раздражения на эякуляционный центр, этот последний обнаруживает свою деятельность. Двигательные рефлекторные пути эякуляционного центра проходят через 4 и 5 поясничные нервы. Процесс семяизвержения состоит в судорожном возбуждении мышц (иннервируемых 3 и 4 крестцовыми нервами), под влиянием которого семя

выбрасывается из уретры.

У женщины также на высоте полового и сладострастного возбуждения происходит рефлекторный двигательный акт. Он обусловливается раздражением чувствительных половых нервов и состоит в перистальтическом движении в фаллопиевых трубах и в матке вплоть до влагалищной части, благодаря чему из последней выжимается трубочная и маточная слизь Задерживающее действие на эякуляционный центр может быть обусловлено влиянием мозговой коры (душевные волнения, до некоторой степени также волевое влияние).

С окончанием акта совокупления в нормальном состоянии исчезают эрекция и половое влечение, причем психическое и половое возбуждение уступают место чувству приятного расслабления.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Человек, половое развитие которого совершалось вполне нормально, обнаруживает физические и душевные особенности, свойственные тому полу, к которому он принадлежит. Эти половые особенности делятся на первичные (половые железы и органы размножения) и вторичные; последние бывают физические и психические. Они развиваются только в период возмужалости и появления функции половых желез. Бывают редкие случаи как преждевременного развития половой жизни, так и запоздалого развития. Наблюдаются они всегда при каких-либо ненормальных условиях, и особенно у людей, отягощенных невропатической наследственностью.

Вторичные половые особенности характерны для обоих полов и дают специфические типы, мужские и женские. Чем выше антропологическое развитие расы, тем резче выражена эта дифференциация типов; наоборот, на низкой ступени развития эти различия между мужским и женским типом слабо заметны.

Наиболее важные соматические вторичные половые особенности отмечаются на черепе, скелете, в особенности на тазе, общем типе лица, росте волос, голосе, грудях, бедрах и т. д. Важными психическими особенностями служат: сознание пола (сознание различия в половой индивидуальности мужчины и женщины), соответствующее этому половое влечение и целый ряд особых черт характера, душевных явлений, наклонностей и т. д., развивающихся на основе сознания своего пола.

Эта дифференциация полов и образование половых типов есть, по-видимому, результат бесконечно длинного ряда промежуточных ступеней эволюции. Основным типом во всяком случае была двуполость, как это и теперь наблюдается у низших

животных и у человека в первые зачаточные месяцы развития. Теперешний тип — однополость, т. е. развитие характерных для данного типа физических и психических половых особенностей, — по всей вероятности, соответствует развитию тех или иных половых желез. Наблюдения показывают, что мужской или женский тип может не быть чистым, т. е. у мужчин появляются так называемые вторичные половые особенности женского типа, и наоборот. Я встречал мужчин с наклонностью к женским занятиям (рукоделию, туалетам и т. д.), женщин с наклонностью к мужским занятиям спортом (без влияния воспитания), причем и в том, и в другом случае отмечается большая способность к указанным занятиям и в то же время полная неспособность к обычным занятиям своего пола. Сюда относятся мужчины с женскими голосами, женщины с низким грубым голосом и соответствующим строением гортани, с узким тазом, с бородой, с атрофической грудью, вплоть до так называемого маскулинизма (у женщин) или феминизма (у мужчин).

Большой научный интерес представляет явление гинекомастии, т. е. развития грудей у мужчин при задержке развития яичек к периоду возмужалости. Еще Гален отметил и описал это явление, и им же было дано ему название. Лоран[1] посвятил гинекомастии в 1894 г. ценную монографию.

При гинекомастии члены в период возмужалости очень нежны, лицо гладкое, яички неразвиты. Такой человек лишен так называемых вторичных половых особенностей, половое влечение к женщине очень слабое; он представляет собой не то остановившегося в развитии мужчину, не то недоразвившуюся женщину. Примечателен тот факт, что гинекомастия встречается только в вырождающихся семьях, и ее надо рассматривать как анатомическое и функциональное явление вырождения. Лица, пораженные гинекомастией, отстают и умственно, и нравственно. Кастрация у взрослых не ведет к гинекомастии. Развитие ткани грудных желез отмечается здесь только в исключительных случаях, однако сосок способен возбуждаться и напрягаться, как у женщины. Очень редко наблюдается выделение молока. При инволюции исчезают и груди. В большинстве случаев у подобных лиц бывают и женственные черты — высокий нежный голос, волосы на лобке женского типа, нежная кожа, широкий таз. Потенция слабая, однако направлена на лиц другого пола, незначительная похотливость. Вне всякого сомнения, здесь вследствие расстройства в развитии половые особенности мужчины заменяются женскими и в результате такой замены развитие некоторых физических особенностей совершается в извращенном виде. При этом возможны самые разнообразные комбинации.

Весьма интересным и важным является вопрос, на чем основано

развитие индивида в определенный половой, мужской или женский, тип со всеми его особенностями.

Были сделаны попытки найти решение этого вопроса в способе развития половых желез, которое, как известно, начинается еще в утробной жизни и, по-видимому, является решающим моментом в определении пола, причем у двуполого зародыша атрофируется все, что имеет отношение к другому полу, а развивается все, что соответствует определенным половым железам, так называемые первичные особенности; затем все это остается в латентном состоянии до периода возмужалости, когда развиваются так называемые вторичные половые особенности.

Что половые железы важны для пола, этого никто не будет отрицать, но они не являются решающими; это видно из того, что важнейшие вторичные половые особенности (сознание пола, увлечение психическими и физическими свойствами лиц другого пола, стремление к половой связи с лицами другого пола) могут находиться в противоречии уже в самом начале полового развития с полом данного лица (см. ниже о половой возбудимости к лицам другого пола), с другой стороны, мы имеем наблюдения гинекологов *(Hegar* — Nothnagels Pathologie, XX, 1. P. 371), которые указывают на то, что 1) несмотря на врожденный дефект и рудиментарное развитие яичников, женский тип может быть вполне выражен, 2) существование независимости женских половых особенностей от яичников доказывается побочным гермафродитизмом и поэтому старое положение о том, что «только после развития яичников можно установить женский пол», неправильно. «Момент, определяющий пол. неизвестен». Поэтому следует считать критерием для определения пола скорее не особенности половых желез, а сознание пола и половое влечение.

С этой точки зрения надо обратить внимание на центральные области тех частей нервной системы, которые служат половым функциям; они, соответствуя первоначальному двуполому состоянию плода, могут создавать промежуточные ступени между чистыми типами мужчины и женщины в тех случаях, когда возникают препятствия к развитию одного пола, чаще всего на почве наследственного вырождения.

Современная наука имеет весьма мало фактических данных относительно взаимовлияния различных частей полового аппарата в период их развития. Мы еще только приближаемся к определению того влияния, которое оказывает удаление или атрофия половых желез на развитие и на весь характер половой жизни. Это влияние, несомненно, существует, но объем его должен зависеть от того, произошло ли исчезновение половых желез до или после периода возмужалости, причем надо принять во внимание и то обстоятельство, что возникновение

психических половых особенностей может предшествовать физическому половому развитию. Факты говорят о том, что при гибели половых желез до наступления возмужалости развитие физических и психических половых особенностей может сократиться до полной асексуальности. Это относится не только к мужчинам и женщинам, но и к домашним животным.

Иначе обстоит дело *после* этой биологической фазы. Здесь постоянно отмечаются те или другие физические и психические половые особенности, свойственные данному полу, но их развитие задержано. Безразлично, вследствие чего погибли половые железы (от болезни, от операции), безразличен и пол индивида, у которого погибли железы; важно только то, что развитие вторичных половых особенностей началось, ибо это развитие стоит в очевидной зависимости от центральных областей. Насколько далеко простирается в этих случаях половое развитие, зависит от предрасположения и степени развития этих центральных факторов; то направление, в котором оно идет, обусловлено биологической энергией этих бисексуальных от природы центров.

Если предшествовавшее развитие было направлено на другой пол, но не было особенно сильным, то это наносит только небольшой ущерб для половой жизни, но если Первоначальное природное влечение, сильное само по себе, еще не вылилось в определенную форму влечения к известному полу, то могут появиться половые особенности противоположного пола, а при известных условиях может возникнуть половое извращение. Большей частью, однако, дело ограничивается развитием частичных особенностей другого пола.

Совершенно аналогичные явления можно отметить и в тех случаях, когда гибель половых желез наступила после периода возмужалости, даже через большой промежуток времени. Так, у многих «бородатых» женщин после смерти не было констатировано отсутствие яичников. Равным образом у самок фазанов с перьями и голосом самцов находили перерожденные яичники.

Известно также, что у многих женщин после климактерического периода начинает расти борода и голос становится более грубым. При рано наступившем климактерии, но при значительной еще жизненной энергии может даже развиться извращение полового чувства; эти случаи, примеры которого приведены ниже (наблюдение 135), заслуживают внимания с точки зрения психиатра.

Точно так же наблюдения над евнухами указывают на необходимость различать, произошла ли кастрация до или после периода возмужалости. В последнем случае половая жизнь

имела место, и налицо и половое чувство, и половое влечение, хотя физические и психические половые особенности мужского типа почти совершенно атрофированы вплоть до появления феминизма.

В редких случаях — по-видимому, при сильно развитой двуполости — могут развиться признаки, присущие другому полу (случай Бедора в Кадиксе — евнух с развитием грудей).

Все эти факты говорят не в пользу исключительного влияния половых желез на развитие половой жизни и специальных психических половых особенностей; последние находятся исключительно в связи с центральными областями, которые начинают нормально функционировать к периоду возмужалости и которые определяют существенные половые признаки (сознание пола и половое влечение).

ОБЩАЯ НЕВРО И ПСИХОПАТОЛОГИЯ

Отклонения половых отправлений у культурного человека встречаются необычайно часто. Факт этот объясняется отчасти разнообразными злоупотреблениями половыми органами, отчасти тем обстоятельством, что такого рода функциональные аномалии сплошь и рядом являются симптомами наследственного болезненного отягощения центральной нервной системы (функциональные дегенеративные признаки).

Очень тесная функциональная связь органов размножения со всей нервной системой, притом как в психическом, так и в соматическом отношении, делает для нас понятной частоту развивающихся на почве половых (функциональных или органических) расстройств общих неврозов и психозов.

Схема половых неврозов

I. ПЕРИФЕРИЧЕСКИЕ НЕВРОЗЫ

1. Чувствительные неврозы

а) Анестезия, б) Гиперестезия, в) Невралгия.

2. Секреторные неврозы

а) Аспермия. б) Полиспермия.

3. Двигательные неврозы

а) Поллюции (спазм), б) Сперматорея (паралич).

И. СПИННОМОЗГОВЫЕ НЕВРОЗЫ *1) Поражения эрекционного*

центра

а) *Возбуждение* (приапизм) происходит рефлекторно — под влиянием периферических чувствительных раздражений (гонорея), непосредственно — под влиянием органического раздражения проводящих путей между головным мозгом и эрекционным центром (заболевания в нижнем шейном и верхнем поясничном отделе спинного мозга) или самого центра (известные яды) или же под влиянием психических раздражений.

В последнем случае имеет место сатириаз, т. е. ненормально длительная эрекция с похотливостью. При простом рефлекторном или непосредственном органическом раздражении похотливость может отсутствовать и приапизм бывает связан даже с половым отвращением.

б) *Паралич* происходит вследствие разрушения центра или проводящих путей при повреждениях спинного мозга (паралитическая импотенция).

Более легкую форму представляет уменьшенная возбудимость центра, обусловленная чрезмерным его раздражением (половыми эксцессами, особенно онанизмом) либо отравлениями алкоголем, бромистыми солями и т. п. Она может быть связана с мозговой анестезией и часто также с анестезией наружных половых частей. Более частое явление здесь составляет мозговая гиперестезия (усиление похотливости) Своеобразную форму пониженной возбудимости представляют те случаи, в которых центр является доступным только известным раздражениям и отвечает на них эрекцией. Так, бывают мужчины, у которых половое сношение со скромными женами не вызывает возбуждения, способного обусловить появление эрекции, а между тем последняя наступает неизменно, как скоро они совершают половой акт с проституткой или решаются на противоестественные половые сношения. Психические раздражения, играющие здесь роль, могут даже быть прямо противоположного характера (см. ниже о парестезии и извращении половой жизни).

в) *Задержка.* Эрекционный центр может утратить свою функциональную способность из-за влияний, исходящих из головного мозга. Такое тормозящее влияние могут оказывать эмоции (отвращение, боязнь заражения) или представление о недостаточной половой способности. Первое часто имеет место у мужчин, питающих непреодолимое отвращение к данной женщине, далее у лиц, опасающихся заражения, наконец, у таких, которые страдают извращением полового чувства; последнее встречается у невропатов (неврастеники, ипохондрики), а также нередко у лиц с ослабленной половой

способностью (онанисты), справедливо или несправедливо имеющих основание не доверять своей половой силе. Этого рода психический процесс действует в качестве задерживающего представления и временно или навсегда делает невозможным акт совокупления с данным лицом другого пола.

г) *Раздражительная слабость.* В этом случае имеет место ненормально сильное половое возбуждение, но вместе с тем и быстрое ослабление энергии эрекционного центра. Речь здесь идет о функциональном расстройстве самого центра, либо об иннервационной слабости нервов, связанных с эрекцией, либо о слабости соответствующих мышц. Как о переходной форме к следующим аномалиям должно упомянуть о тех случаях, в которых недостаточность эрекции является следствием чересчур раннего выбрасывания семени.

2) Поражения эякуляционного центра

а) *Ненормально легкое семяизвержение* под влиянием недостаточной мозговой задержки, обусловленной сильным психическим возбуждением, или под влиянием раздражительной слабости центра. В этих случаях, смотря по обстоятельствам, для возбуждения центра достаточно бывает уже простого представления о какой-либо эротической ситуации (высшие степени спинальной неврастении большей частью вследствие половых эксцессов). Третья возможность — это гиперестезия уретры, из-за которой выхождение семени немедленно вызывает бурное рефлекторное действие на эякуляционный центр. Здесь уже одно приближение к женским половым органам в состоянии вызвать эякуляцию (ante portam — букв, перед входом, или «у ворот»).

В том случае, когда причиной ненормально легкого семяизвержения является гиперестезия уретры, эякуляция может сопровождаться не сладострастным, как обычно, ощущением, а болевым. Но большей частью одновременно с гиперестезией уретры существует и раздражительная слабость центра. Оба функциональных расстройства имеют важное значение для поллюции чрезмерной и дневной.

В патологических случаях может отсутствовать сладострастное ощущение, обычно сопутствующее извержению семени. Это имеет место у мужчин и женщин с отягощенной организацией (анестезия, аспермия?), далее вследствие болезней (неврастения, истерия) или (у проституток) вследствие чрезмерного раздражения половой системы, ведущего последовательно к ее притуплению. От силы сладострастного ощущения зависит степень сопровождающего половой акт психического и двигательного возбуждения. При патологических условиях возбуждение это может усиливаться

настолько, что движения, сопутствующие акту совокупления, приобретают непроизвольно конвульсивный характер, доходящий до степени общих судорог.

б) *Ненормально затрудненное семяизвержение.* Эта аномалия обусловливается невозбудимостью центра (недостаточное половое влечение, паралич центра как органического происхождения — при заболеваниях головного и спинного мозга, так и функционального — при половых эксцессах, маразме, сахарном мочеизнурении, морфинизме) и сочетается тогда большей частью с анестезией половых органов и параличом эрекционного центра. В других случаях она представляет собой следствие повреждения рефлекторной дуги, периферической анестезии (уретры) или аспермии. Эякуляция при этом либо вовсе не наступает, либо запаздывает во время акта совокупления, либо, наконец, появляется уже только впоследствии в виде поллюции.

НЕВРОЗЫ ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

1. *Парадоксия,* то есть половые возбуждения вне периода анатомо-физиологических процессов в области половых органов.

2. Анестезия (отсутствие полового влечения). В этом случае все органические импульсы со стороны органов размножения, а равно и все представления, все зрительные, слуховые и обонятельные впечатления не вызывают решительно никакого полового возбуждения. Физиологическим такое состояние является для детского и старческого возрастов.

3. *Гиперестезия* (усиленное половое влечение, доходящее до степени сатириаза). При этой форме половая жизнь обнаруживает ненормально сильную реакцию по отношению к органическим, психическим и чувствительным раздражениям (ненормально усиленное половое влечение, похотливость, сладострастие). Раздражения могут быть центрального (нимфомания, сатириаз), периферического, функционального или органического происхождения.

4. *Парестезия* (извращение полового влечения, то есть возбуждение половой жизни неестественными, неадекватными раздражениями). Подвидами парестезии являются:

а) *Садизм.* Сущность его заключается в том, что на психическо-дегенеративной почве появляется ассоциация сладострастия с жестокостью, причем эта ассоциация слабо проникает в сознание; удовольствие, испытываемое при подобных жестоких представлениях, может привести к очень сильному аффекту. Последовательно возникает стремление к осуществлению

подобных представлений,

что и имеет место тогда, когда случай осложняется гиперестезией или когда отсутствуют тормозящие нравственные контрпредставления.

По отношению к качеству садистского акта решающее значение имеет потенция. При наличии последней садист стремится к совокуплению, причем или предварительно, или одновременно, или последовательно истязает всячески свою жертву вплоть даже до ее убийства. В последнем случае обычно потому, что сладострастие не удовлетворено имевшими место при совокуплении манипуляциями.

Если же садист импотентен (психически или на почве поражения спинных центров), то эквивалентом совокупления является стремление душить свою жертву, колоть, бить, истязать (у женщин) или, смотря по обстоятельствам, производить самые нелепые насильственные действия по отношению к другим лицам (символический садизм), особенно по отношению к лицам подчиненным (истязание учеников, рекрутов, подмастерьев, жестокость по отношению к животным и т. д.).

б) *Мазохизм.* Это нечто противоположное садизму в том смысле, что здесь страстность создается оскорблениями, получаемыми от другого лица, полным подчинением его насилию. Отсюда возникает могучее аффективное стремление испытать подобное состояние, которое при наличии половой силы предшествует или сопровождает совокупление, а при отсутствии способности к половому акту является эквивалентом его. При этом, в зависимости от степени интенсивности извращенного стремления и от силы моральных и эстетических оснований, Здесь можно наблюдать переходы от сентиментальных форм акта до отвратительнейших, чудовищных (стремление к оскорблениям, унижениям, особенно к пассивным истязаниям и т. д.).

в) *Фетишизм.* Он основан на том, что представления об отдельных частях тела, или одежде лиц другого пола, или даже о тканях, из которых она изготовлена, тесно связывается с ощущением сладострастия. Ненормальность этого явления заключается в том, что фетишизм известных частей тела не имеет непосредственного отношения к полу, что частичное впечатление от общей картины лиц другого пола концентрирует в себе все половые интересы и что обычно совокупление при отсутствии этого фетиша невозможно или достижимо только при соответствующей работе фантазии, и то не доставляет удовлетворения. Ненормальность этого явления ясна в особенности из того, что лицо, пораженное этим недугом, видит

собственно цель своего удовлетворения не в половом акте, а в манипуляции с данной частью тела или предметом, являющимися для него фетишем.

Фетиш может быть очень разнообразен. Он почти всегда связан со случайным происшествием, впечатление от которого соединилось со сладострастным чувством.

г) *Извращенное половое чувство.* Здесь отсутствует половое влечение по отношению к лицам другого пола и, наоборот, налицо имеет место влечение к лицам того же пола, так что действуют возбуждающим образом и пробуждают стремление к половой связи только физические и душевные свойства последних. Здесь речь идет о чисто психической аномалии, так как половое влечение не соответствует ни первичным, ни вторичным физическим половым особенностям. Так, мужчина, несмотря на вполне дифференцированный половой тип, несмотря на нормально развитые и функционирующие половые железы, чувствует влечение к мужчине, так как он сознательно или бессознательно испытывает к нему чисто женское влечение. С соответствующими изменениями женщина выступает по отношению к другой женщине в роли мужчины.

Клинически и антропологически в этом ненормальном явлении можно различать следующие степени:

при преобладающем гомосексуальном половом влечении имеются следы гетеросексуального (психического) гермафродитизма;

существует только склонность к собственному полу (гомосексуальность); вторичные физические половые особенности нормальны, психические обнаруживают только начинающееся извращение;

психические половые особенности извращены,
т. е. соответствуют ненормальной сексуальности (эффеминация);

вторичные физические половые особенности приближаются к тому же полу, к которому данное лицо чувствует себя принадлежащим (андрогинность).

Эти церебральные аномалии входят в область психопатологии. Они могут также сочетаться со спинальными и периферическими аномалиями, обычно, однако, наблюдаемыми у лиц душевно здоровых. Они могут многообразно комбинироваться между собой и подавать повод к половым преступлениям, чем и объясняется необходимость их более детального описания. Но главнейшая особенность аномалий церебрального происхождения заключается в том, что они

необычайно часто ведут к безнравственным и даже уголовным деяниям.

ПАРАДОКСИЯ

Половое влечение вне периода соответствующих анатомо-физиологических процессов

1) *Появление полового влечения в детском возрасте*

Всякому невропатологу, всякому детскому врачу известно, что пробуждение половой жизни может обнаружиться даже у самых маленьких детей. Достойны внимания в этом отношении сообщения Ульцмана о мастурбации в детском возрасте. Здесь необходимо различать, с одной стороны, те многочисленные случаи, где благодаря фимозу, баланиту или присутствию остриц в заднем проходе или во влагалище развивается зуд половых частей, дети, расчесывая последние, ощущают при этом сладострастное раздражение и таким путем доходят до мастурбации; с другой стороны, те случаи, где у детей без всякой периферической причины, исключительно на почве церебральных процессов обнаруживаются половые возбуждения и стремления. Только в последних случаях и можно говорить о преждевременном пробуждении полового инстинкта у детей, причем оно с высокой степенью вероятности представляет лишь частичное проявление общего унаследованного невро-психопатического состояния.

Следующее наблюдение Марка превосходно иллюстрирует интересующую нас аномалию. Объектом этого наблюдения является 8-летняя девочка из почтенной семьи, лишенная всяких детских и нравственных чувств; уже с 4 лет она предавалась мастурбации, кроме того, совершала порочные действия с мальчиками с 10 до 12 лет. Она постоянно была занята мыслью о том, как она погубит своих родителей, наследует им и получит возможность беспрепятственно отдаваться половым наслаждениям с мужчинами.

И в этих случаях преждевременно пробуждающегося сладострастия дети занимаются мастурбацией, и так как они представляют собою жертвы наследственной порочной организации, то они сплошь и рядом впадают в слабоумие или заболевают тяжелыми дегенеративными неврозами или психозами.

Ломброзо (Archivio di psichiatria, IV. P. 22) собрал ряд случаев подобного тяжелого наследственного отягощения детей. Между прочим, он рассказывает об одной девочке, которая уже с 3-летнего возраста мастурбировала самым бесстыдным, необузданным образом. Другая девочка начала онанировать с 8 лет и продолжала предаваться этому пороку и в браке, не останавливаясь даже перед беременностью. Она рожала 12 раз;

6 детей умерли в раннем возрасте, 4 имели гидроцефалию (головную водянку), 2 (мальчика) стали мастурбировать на 7-м и на 4-м году жизни.

Цамбако (L'Encйphale, 1882, № 1—2) передает нам возмутительную историю двух сестер с преждевременным и извращенным половым влечением. Старшая девочка мастурбировала уже с 7 лет, предаваясь порочным действиям с мальчиками, выкрадывала, где только могла, 4-летнюю сестру, вовлекала ее в мастурбацию и 10 лет от роду проделывала невероятные гнусности; даже прикладывание каленого железа к клитору не в состоянии было удержать ее от ее порочной привычки, и, между прочим, она мастурбировала сутаной патера в то самое время, когда он увещевал ее исправиться. Ср. описанный Маньяном в лекциях по психиатрии случай преждевременной и извращенной половой жизни у наследственно отягощенной 12-летней девочки.

Там же рассказывается и о других случаях.

2) *Возрождение полового влечения в старческом возрасте*

Бывают редкие случаи, когда половой инстинкт продолжает существовать до глубокой старости. «Старость оценивается не годами, а мужской силой» (Циттман). Ёстерлен сообщает даже о 83-летнем старике, который за распутство приговорен был вюртембергским судом присяжных к трехгодичному тюремному заключению.

К сожалению, автор не указывает подробнее, в чем именно заключалось распутство, равно как не говорит и о психическом состоянии преступника.

Проявления полового инстинкта в преклонном возрасте сами по себе во всяком случае не представляют ничего патологического. *Патологический характер полового влечения, однако, необходимо признать там, где речь идет о дряхлом субъекте, с давным-давно угасшей половой жизнью, когда у такого человека, который, быть может, прежде вовсе не выказывал особого полового влечения, половой инстинкт обнаруживается с необычайной силой, без удержу, без стыда и даже с наклонностью к извращенному удовлетворению.*

В подобного рода случаях даже здравый смысл профана усмотрит патологию. Врачебной науке известно, что такое ненормальное влечение является результатом болезненных изменений в головном мозгу, ведущих к старческому слабоумию. Это ненормальное проявление полового инстинкта может быть предвестником старческого слабоумия и проявляется, во всяком случае, задолго до того, как обнаруживаются осязательные

признаки интеллектуальной слабости. В этом продромальном периоде внимательный и опытный наблюдатель одновременно с резко бросающимся в глаза половым возбуждением всегда сумеет выявить изменение характера к худшему и притупление нравственного чувства.

Похотливость у лиц с развивающимся старческим слабоумием выражается прежде всего в циничных речах и жестах. Ближайшими объектами сладострастия подобных циников-старцев с атрофией мозга и психическим вырождением являются дети. Этот печальный и опасный факт находит объяснение как в более легкой возможности привлечь детей, так и главным образом в сознании недостаточности своей половой силы. Недостаточность половой способности и глубокое падение нравственного чувства объясняют нам затем и извращение полового акта у таких старцев. Извращение это является не чем иным, как эквивалентом невозможного для них физиологического акта совокупления.

В качестве подобных эквивалентов анналы судебной медицины приводят: выставление половых органов (эксгибиционисты), сладострастное ощупывание половых органов у детей, принуждение последних к онанированию обольстителя, мастурбация жертвы, сечение ее (флагелляция).

В этой стадии интеллект может быть еще сохранен настолько, что виновный скрывает свое преступление, тогда как нравственное чувство уже притуплено до такой степени, что он не сознает безнравственности своего деяния и не пытается противостоять болезненному инстинкту. Но с постепенным развитием слабоумия действия эти становятся все более и более бесстыдными. Тут уже исчезает всякое сомнение в недостаточной половой способности, и объектами половых наслаждений избираются и взрослые, но недостаточная потентность заставляет прибегать к эквивалентам акта совокупления. Нередко здесь дело доходит также до содомии, причем, как замечает Тарновский, при половом сношении с гусями, курами и т. п. больной испытывает чувство полного удовлетворения при виде умирающего животного и его предсмертных судорог в момент совокупления. В такой же степени омерзительны и понятны в психологическом отношении извращенные половые сношения со взрослыми.

Примером того, до какой степени усиливается половое чувство в период старческого слабоумия, может служить наблюдение 49 написанного автором руководства по судебной психопатологии (Lehrbuch der gerichtliche Psychopathologie, 3 Aufl. S. 161), где старый развратник в припадке возбуждения убил дочь своей сестры и наслаждался созерцанием груди

убитой.

В течение этой болезни при появлении маниакальных приступов, но даже и без них, дело может доходить до эротического бреда и состояния настоящего сатириаза, как это доказывается следующим случаем.

Наблюдение 1. Ж. Рене, издавна предававшийся чувственным и половым наслаждениям, но все же соблюдавший известный декорум, с 76 года жизни начал обнаруживать все возраставшее ослабление интеллекта и извращение нравственного чувства До того времени скупой и по внешности нравственный, он стал проматывать свое состояние с проститутками, сделался завсегдатаем публичных домов, не пропускал ни одной встречной женщины, чтобы не предложить ей стать его женой или совершить с ним половой акт, и до такой степени нарушал общественное благочиние, что его пришлось посадить в заведение для душевнобольных. Там половое возбуждение его возросло до форменного сатириаза, продолжавшегося до самой смерти. Постоянно мастурбируя в присутствии посторонних, он впадал в непристойное возбуждение, сопровождаемое приставанием к окружающим мужчинам и женщинам с грязными домогательствами. *(Legrand du Saulle.* La folie. P. 533).

Подобного же рода состояния чрезмерного полового возбуждения могут встретиться и при старческом слабоумии у женщин, до этого почтенных и скромных (нимфомания, «утробная страсть»).

В том, что на почве старческого слабоумия болезненно усиленное и извращенное половое влечение может быть направлено и исключительно на лиц своего пола (см. ниже), можно убедиться, прочитав «Мир как воля и представление» Шопенгауэра. Способом удовлетворения является здесь пассивная педерастия или, как показывает нижеследующее наблюдение, обоюдная мастурбация.

Наблюдение 2. X., 80 лет, занимает высокое общественное положение, происходит из наследственно отягощенной семьи, издавна обнаруживал сильную чувственность и цинизм, отличается ненормальным, вспыльчивым характером По собственному признанию, уже молодым человеком предпочитал мастурбацию нормальному половому акту, но никогда не проявлял признаков извращенного полового чувства, имел любовниц, прижил с одной из них ребенка, женился на 48 году по склонности, родил еще 6 детей, со времени женитьбы ни разу не дал жене повода жаловаться на неисправное выполнение супружеских обязанностей. О семье его я мог получить только неполные сведения. Вполне установлено, что брата его подозревали в склонности к педерастии, а племянник сделался

душевнобольным из-за чрезмерной мастурбации.

Несколько лет назад характер больною, от природы своеобразный и вспыльчивый, начал делаться все несноснее. Он стал необычайно недоверчив, малейшее противоречие приводит его в состояние неудержимого аффекта, доходящего до взрывов бешенства, когда он даже поднимает руку на свою жену.

Год тому назад показались явные признаки начинающегося старческого слабоумия. Больной сделался забывчивым, рассеянным, он смещает события прошлого, плохо ориентируется во времени. В продолжение последних 14 месяцев в нем начали замечать настоящую страсть к нескольким мужчинам, принадлежавшим к штату его прислуги, в особенности к одному из помощников садовника. Обычно суровый и надменный с подчиненными, он осыпает своего любимца знаками благоволения, подарками и требует от своей семьи и прислуги, чтобы и те относились к нему с величайшим почтением. С жаром страстно влюбленного юноши ждет старик часа свидания. Он выпроваживает своих домашних, чтобы остаться наедине со своим фаворитом, запирается с ним на целые часы в комнате, после чего выходит оттуда совершенно изнеможенный и ложится на кровать. Но одновременно с этим любимцем он по временам дарит своей благосклонностью и других служителей. Он привлекал своих любовников к себе, страстно ласкал, заставлял касаться своих гениталий, добиваясь, таким образом, взаимной мастурбации[1]: Семья бессильна бороться с этой гнусностью, ибо всякие увещания вызывают у старика приступы бешеного гнева, небезопасного для домашних. Больной совершенно не сознает безнравственности своих деяний, так что для огорченной почтенной семьи не остается иного исхода, кроме наложения опеки и заключения больного в дом умалишенных.

Какого бы то ни было эротического возбуждения к лицам другого пола не наблюдается, хотя больной по-прежнему разделяет с женой брачное ложе Для характеристики полового извращения и глубокого падения нравственного чувства у этого несчастного человека должно отметить любопытный факт, что он выпытывал у горничных своей невестки, нет ли у них любовников.

СЕКСУАЛЬНАЯ АНЕСТЕЗИЯ (ОТСУТСТВИЕ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ)

1) *Врожденная анестезия*

Неоспоримыми примерами отсутствия полового влечения церебрального происхождения могут служить лишь те случаи, в которых, при нормальном отправлении органов размножения

(приготовление семени, менструация), всякое половое возбуждение отсутствовало и отсутствует вообще. Эти функционально бесполые субъекты встречаются весьма редко и, конечно, всегда представляют собой дегенератов, у которых можно констатировать и иные функциональные церебральные расстройства, психические и даже анатомические признаки вырождения.

Наблюдение 3. К., 29 лет, чиновник, обратился ко мне по поводу ненормальностей в половой сфере; он желал бы жениться из-за своего одиночества; решение это сложилось под влиянием ума, а не чувства. Он никогда еще не испытывал чувственного возбуждения. Он знаком с половой жизнью только по рассказам других людей и по книгам соответствующего характера, но эти книги никакого впечатления на него не производили. У него нет ни отвращения к женщинам, ни влечения к мужчинам, он никогда не занимался онанизмом. С 17 лет временами появляются поллюции, но без сладострастных сновидений; эрекции появляются только утром при пробуждении и после опорожнения мочевого пузыря тотчас исчезают. За исключением недостатка полового чувства во всем остальном К. совершенно нормален. Нет никаких указаний на психические дефекты, он любит уединение, человек сухой, рассудочный, не интересующийся чистым искусством, в то же время умный и сильный.

Наблюдение 4. В., 25 лет, торговец, без наследственного предрасположения, без тяжелых болезней в прошлом, онанизмом не занимался, с 17 лет появились редкие поллюции, сопровождавшиеся обычно сладострастными сновидениями. С 21 года крайне редкие совокупления, наподобие полового акта, мастурбации на теле женщины без всякого удовлетворения. В. утверждает, что он делал это только из любопытства и вскоре прекратил, так как ни потребности, ни удовлетворения не получал, а в конце концов не было и эрекций. Влечения к мужскому полу также не чувствует. Дефект не тревожит его в сильной степени. В области этики и эстетики никаких уклонений от нормы.

Классический случай подобной категории описан Леграном дю Соллем (Annales mйdico-psychologiques, 1876, Mai).

Наблюдение 5. Ф., 36 лет, поденщик. Поступил в мою клинику в начале ноября по причине спастического спинномозгового паралича. Утверждает, что происходит из здоровой семьи. С юных лет заикается. Череп микроцефаличен. Больной несколько туповат. Он никогда не отличался общительностью, полового возбуждения не испытал ни разу. Вид женщины никогда не представлял для него какой-либо притягательной силы. Влечения к мастурбации также не испытывал ни разу. Эрекции

появляются часто, но всегда только по утрам при пробуждении с полным мочевым пузырем, притом без следа полового возбуждения. Поллюции крайне редки, приблизительно не чаще раза в год. ночью, большей частью после сна, в котором ему грезилось, что у него что-то произошло с женщиной; но резко выраженного эротического содержания эти сны, как и вообще сны у него, не имеют. Акт поллюций, по словам больного, не сопутствуется сладострастным ощущением. Больной не испытывает каких-либо неудобств или мучений от этого дефекта полового чувства. Он уверяет, что и брат его, 34 лет от роду, обнаруживает то же отсутствие полового влечения, и предполагает, что этой же особенностью отличается и его 20-летняя сестра. Напротив, младший брат в половом отношении нормален. Обследование половых органов больного не обнаружило никаких отклонений, если не считать фимоза.

Хэммонд (Половое бессилие. Перев. д-ра А. Г. Фейн-берга. Спб., 1897) равным образом отбирает из своей богатой коллекции фактов следующие три случая прирожденной половой анестезии.

Наблюдение 6. Б., 33 лет, здоровый, крепко сложенный субъект, с нормальными половыми органами; ни разу не испытывал полового влечения, тщетно пытался пробудить его чтением книг соблазнительного содержания и общением с проститутками. Все эти попытки только вызывали в нем отвращение, доходившее до рвоты, нервное и психическое истощение, и лишь однажды ему удалось добиться эрекции, и то самой кратковременной. Б. никогда не предавался онанизму, с 17-летнего возраста имел каждые два-три месяца поллюции. Важные соображения потребовали его женитьбы. Он не испытывал никакого отвращения к женщине, тосковал по домашнему очагу и женской ласке, но чувствовал себя неспособным к выполнению полового акта и умер холостяком во время междоусобной войны в Северной Америке.

Наблюдение 7. X, 27 лет, с нормальными половыми органами, никогда не испытывал полового влечения. Эрекция наступала легко под влиянием механических и термических раздражений, но вместо полового влечения регулярно наступало вслед за этим влечение к алкоголю. Мало того, злоупотребление алкоголем часто вызывало самопроизвольную эрекцию, причем больной иногда прибегал к мастурбации. Он избегал женщин и питал отвращение к половому акту. Каждый раз, когда при появлении эрекции он делал попытку совершить акт совокупления, напряжение полового члена немедленно исчезало. Больной умер в коматозном состоянии после приступа гиперемии головного мозга.

Наблюдение 8. О., нормального сложения, здоровая, правильно

менструирует, 35 лет от роду, замужем 15 лет, никогда не испытывала полового влечения, в отношениях с мужем ни разу не чувствовала эротического возбуждения. К совокуплению она не питала никакого отвращения, иногда оно даже было ей приятно, но желания повторить его она не обнаруживала никогда.

В дополнение к этим чистым случаям анестезии' укажем еще и на такие, в которых психическая сторона половой жизни хотя и представляет собой tabula rasa (чистую доску) в истории жизни индивида, тем не менее временами обнаруживаются, по крайней мере в виде мастурбации, элементарные половые ощущения (ср. переходный случай, наблюдение 7). Согласно остроумному, но не вполне верному и чересчур догматическому делению Маньяна, половые ощущения здесь ограничиваются спинномозговой областью. Возможно, что в отдельных подобных случаях существует все же психическая сторона половой жизни, но она имеет место лишь в виде крайне слабых зачатков и под влиянием мастурбации угасает прежде, чем успевает надлежащим образом развиться.

Здесь возникают, таким образом, переходные формы от прирожденной к приобретенной (психической) половой анестезии. Опасность эта угрожает многим наследственно отягощенным мастурбантам. В психологическом отношении интересно, что в этих случаях с преждевременным угасанием зачатков полового чувства обнаруживается и дефект чувства этического.

Считаем уместным привести в пояснение следующие два достойных внимания случая, опубликованные мною уже раньше (Archiv fьr Psychiatrie, VII).

Наблюдение 9 Ф. И., 19 лет, студент, мать — очень нервная женщина, сестра страдала эпилепсией В возрасте 4 лет — острое заболевание головного мозга, продолжавшееся две недели Ребенком обнаруживал апатичность, был холоден к родителям, на школьной скамье отличался странностями характера, всегда был замкнут, сдержан, всецело отдавался чтению и размышлениям. Хорошие способности. С 15 лет начал онанировать. Со времени наступления половой зрелости эксцентричность, постоянное колебание между религиозной мечтательностью и материализмом, увлечение то богословием, то естественными науками. В университете товарищи считали его ограниченным человеком. Читал исключительно Жана Поля, проводил время самым нелепым и праздным образом. Полнейшее отсутствие эротических влечений к женскому полу. Один раз удалось его убедить предпринять совокупление, но он не испытал при этом никакого полового удовлетворения, признал акт этот мерзостью и отказался наотрез от новой

попытки. Часто у него зарождалась мысль о самоубийстве, притом без всякого эмоционального повода; он избрал этот вопрос темой для философского сочинения, в котором проводил идею, что самоубийство, подобно мастурбации, представляет акт целесообразный. После повторных попыток со всевозможными ядами принял 57 гр. опия, но был возвращен к жизни и помещен в заведение для душевнобольных.

Больной лишен всяких этических и социальных чувств. Его сочинения полны невероятного легкомыслия и пошлости. У него обширные познания, но логика крайне своеобразна. Аффективных явлений никаких. Обо всем, даже о самых возвышенных материях, рассуждает с безграничным апломбом и иронией. Он приводит ложные философские аргументы в защиту целесообразности самоубийства, которое он замышлял совершить так же спокойно, как если бы дело шло о самой обыкновенной вещи. Он страдает, что у него отняли его перочинный нож, иначе он, как некогда Сенека, вскрыл бы себе в ванне вены. Один из его друзей незадолго перед этим вместо яда, который тот просил, дал ему слабительное; этот яд, по его словам, привел его не на тот свет, а в отхожее место. Его «жизнеопасную дурацкую идею» может снести косою только великий хирург и т. п.

У больного большой ромбический череп, левая половина лба площе, чем правая; затылок спускается очень круто. Уши расширены далеко назад, сильно отстают, наружное ушное отверстие образует узкую щель. Половые органы весьма вялы, яички необыкновенно мягки и малы.

От времени до времени больной жалуется на навязчивые идеи. Он против воли углубляется в разрешение бесполезнейших загадок, в течение многих часов его мозгом овладевает в высшей степени мучительная и утомляющая навязчивая работа, после которой он чувствует себя до того изнеможенным, что не способен ни на какую разумную мысль.

По истечении года больной был выписан из больницы в том же положении и дома по-прежнему отдавался чтению, остальное же время тунеядствовал, носился с мыслью создать новое христианское учение, так как, по его словам, Спаситель страдал бредом величия и обманул мир чудесами (!). После годичного пребывания в домашней обстановке внезапно развившееся психическое возбуждение снова привело его в заведение для душевнобольных. Состояние его представляло пеструю смесь первичного бреда преследования (черти, антихрист, преследователи, бред отравления, преследующие голоса) и величия (воображает себя Христом, искупителем мира), рядом с этим совершенно импульсивные нелепые поступки. По прошествии 5 месяцев этот интеркуррентный (привходящий)

психоз прошел, и больной, как и раньше, представлял картину прирожденной интеллектуальной спутанности и нравственного дефекта.

Наблюдение 10. Э., 30 лет, ученик живописца, застигнут был на месте преступления, когда он намеревался отрезать мошонку у мальчика, которого он завлек в лес. Он мотивировал свое решение желанием сделать надрез, чтобы предупредить размножения человеческого рода и заявил, что в юности он с этой же целью надрезывал и свои половые органы.

О родословной Э. не удалось добыть сведений. Сам он уже с детства был душевно ненормален: задумчив, вечно грустен, сильно раздражителен, вспыльчив, мечтателен, слабоумен. Он ненавидел женщин, любил уединение, много читал. Улыбался он лишь изредка, и то про себя, говорил всякую нелепость, делал глупости. В последние годы ненависть его к женщинам еще более усилилась, в особенности к беременным, от которых нельзя ждать ничего другого, кроме зла. Он ненавидел также и детей, проклинал произведших его на свет, проповедовал социалистические идеи, осыпал бранью богатых и духовенство, поносил Бога, создавшего его бедняком. По его словам, лучше кастрировать уже родившихся детей, чем производить новое потомство, обреченное на нужду и страдание. Этих взглядов он держался всегда и уже на 15-м году от роду предпринял попытку самооскопления, дабы не содействовать несчастью и увеличению человечества. Женский пол он презирает потому, что женщины способствуют размножению человеческого рода. Только дважды в жизни он дал себя мастурбировать женщинам; других половых сношений с ними не имел. Половое возбуждение он по временам испытывал, но ни разу не удовлетворял его естественным путем, и если натура была бессильна, то он прибегал к онанизму.

Э. — сильный, мускулистый мужчина. Развитие половых органов не представляет ничего ненормального. На мошонке и половом члене видны многочисленные рубцы от резаных ран — следы прежних попыток само кастрирования, не доведенного до конца по причине испытывавшихся им сильных болей. Правая нога с искривленным коленом. Онанизм не оставил никаких следов. Характер мрачный, упрямый, раздражительный. Социальные чувства больному совершенно чужды. Функциональных расстройств никаких, кроме сильной бессонницы и частых головных болей.

От подобного рода случаев церебрального происхождения нужно отличать случаи, в которых сексуальная анестезия обусловливается дефектом или атрофией половых органов, например у некоторых гермафродитов, идиотов, кретинов.

Что половая анестезия вызывается не простой аспермией, в этом мы убеждаемся из наблюдений Улъцмана, по которым даже при врожденной аспермии половая жизнь и половая сила могут быть вполне удовлетворительны — дальнейшее доказательство того, что причину отсутствия врожденного полового чувства нужно искать в церебральных условиях.

Менее резкую форму половой анестезии представляет «природная фригидность» Заккиаса. Этого рода анестезия наблюдается чаще у женщин, нежели у мужчин. Малая склонность к половому общению, доходящая до настоящего отвращения, само собою разумеется, без полового эквивалента, и отсутствие какого бы то ни было психического, сладострастного возбуждения при совокуплении, совершаемом просто в силу обязанности, — вот характеристика данной аномалии, на которую мне сплошь и рядом приходилось выслушивать жалобы от мужей. В таких случаях веет да речь идет о женщинах невропатических от рождения. Некоторые из них страдают вместе с тем и истерией.

2) *Приобретенная анестезия*

Приобретенное ослабление полового влечения, доходящее до полного его угасания, может обусловливаться самыми различными причинами.

Причины эти бывают органические и функциональные, психические и соматические, центральные и периферические.

Ослабление полового влечения, по мере того как человек становится старше, а также временное его исчезание после совокупления представляют явления физиологические. Индивидуальные различия в отношении продолжительности половой жизни колеблются в очень больших пределах. Воспитание и образ жизни оказывают на интенсивность половой жизни значительное влияние. Напряженная умственная деятельность (серьезные занятия), физические напряжения, тяжелое душевное настроение, половое воздержание самым решительным образом угнетают половое влечение.

Воздержание действует вначале возбуждающим образом. Но затем, то раньше, то позже, в зависимости от конституциональных условий, деятельность половых органов, а вместе с ней и половое влечение постепенно угасают.

Во всяком случае, у зрелого в половом отношении человека существует тесная связь между деятельностью его половых желез и степенью полового влечения. То, что деятельность половых желез не имеет при этом решающего значения, доказывает пример тех чувственных женщин, которые и после

наступления климакса еще продолжают половые сношения и обнаруживают половое возбуждение (церебрального происхождения).

Евнухи равным образом убеждают нас в том, что половое влечение может надолго пережить прекращение деятельности семявырабатывающих желез.

С другой стороны, наблюдение показывает, что половое влечение все же существенно обусловливается функциями половых желез и что упомянутые факты во всяком случае представляют собой только исключительные явления. В качестве периферических причин ослабления или отсутствия полового инстинкта можно привести: кастрацию, перерождение половых желез, маразм, половые излишества, проявляются ли они неумеренным совокуплением или чересчур частой мастурбацией, далее, алкоголизм. Сюда же можно отнести и угасание полового влечения при расстройствах общего питания (сахарное мочеизнурение или диабет, морфинизм и т. п.).

Наконец, нужно упомянуть об атрофии яичек, наблюдаемой иногда при гнездных заболеваниях мозга (мозжечка).

Ослабление половой жизни под влиянием перерождения проводящих путей и спинального полового центра имеет место при заболеваниях спинного и головного мозга. Центральное ограничение полового влечения может развиться как органически — вследствие заболеваний мозговой коры (паралитическое слабоумие в позднейших стадиях), так и функционально — вследствие истерии (центральная анестезия?), душевной болезни (меланхолия, ипохондрия).

ГИПЕРЕСТЕЗИЯ (БОЛЕЗНЕННО ПОВЫШЕННОЕ ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ)

Одной из существенных аномалий половой жизни является ненормальное увеличение половых ощущений и представлений и вытекающая отсюда сильная и частая потребность в половом удовлетворении.

Тот факт, что присущее каждому нормальному человеку половое влечение и стремление к продолжению рода не получило доминирующего значения в жизни человека, должен быть объяснен многовековым воспитанием; более того, несмотря на временные приливы и отливы, половое влечение, являясь лишь эпизодом в чувствах и стремлениях культурных людей, сообщает их социальным и нравственным чувствам более высокий, благородный, возвышенный характер, дает широкий простор как для личной, так и для общественной деятельности.

Далее, законы нравственные и уголовные держат половое влечение культурного человека в известных границах, установленных в интересах общества и ограждающих в особенности стыдливость и нравственность последнего; эти законы заставляют человека превозмогать свое влечение, когда оно идет вразрез с альтруистическими социальными требованиями.

Если бы эти требования не могли быть выполнены нормальным культурным человеком, то не существовало бы ни семьи, ни государства, этих основ нравственного и правового общежития.

В действительности у человека нормального, душевно здорового, не потерявшего ума и рассудительности вследствие отравления алкоголем и другими подобного рода средствами, половое влечение никогда не достигает такой высоты, чтобы захватить все его мысли и чувства, поглотить его всецело, заставить бурно, без удержу, импульсивно стремиться к удовлетворению полового влечения с забвением нравственных и правовых законов и даже после выполнения полового акта губить себя в ненасытной тяге к новым наслаждениям.

Половое влечение такого типа, безусловно, является патологическим. При случае оно может повести к половому аффекту такой силы, что при помраченном сознании, в состоянии психической невменяемости, под влиянием непреодолимого стремления совершается насильственный половой акт.

Подобные явления еще мало изучены с научной точки зрения, хотя они имеют огромное значение для суда, так как при подобном душевном состоянии, когда природное половое влечение, достигнув патологической высоты, вступает в противоречие со всеми нравственными и правовыми нормами, вряд ли может идти речь о вменяемости. Для общества и для судебного врача, которому приходится давать заключение, весьма важно то, что такие случаи непреодолимого влечения, ведущего к тяжелым и крайне ненормальным половым аффектам, встречаются только среди лиц известной категории, у людей вырождающихся, и почти исключительно на почве наследственного вырождения.

К сожалению, число лиц с различными признаками физического и психического вырождения довольно велико в современном обществе, особенно в культурных центрах. В связи с извращением половой жизни, особенно на почве морального слабоумия дегенеративного характера, нередко при содействии алкоголя возникают чудовищные, ужаснейшие сексуальные преступления, которые являлись бы позором для человечества,

если бы допустить, что они совершаются нормальными людьми.

Совершение таких преступлений дегенератами, а в известной части и ненормальными людьми сопровождается насильственными действиями или импульсивным бредом. Этот характер действий свойствен психической дегенерации.

Способ действий соответствует наследственным или приобретенным свойствам и в значительной степени зависит от потенции или импотенции данного лица.

Такая патологическая сексуальность — ужасное несчастье для человека, ибо ему постоянно угрожает опасность нарушить нравственные и уголовные законы, потерять честь, свободу и даже жизнь. Употребление алкоголя и длительное половое воздержание могут у таких дегенератов во всякое время вызвать подобного рода сильные половые аффекты.

Наряду с тяжелыми проявлениями патологической сексуальности на почве психической дегенерации в виде «Насильственных действий встречается более часто не столь резкое выражение чрезмерной сексуальности. В наиболее слабой степени мы встречаем эту форму У людей, у которых половая страсть постоянно нуждается в удовлетворении, носит очень сильный характер, а весь смысл жизни, все счастье их жизни заключается для них

в удовлетворении полового стремления; однако у них нет болезненного влечения, они обыкновенно могут владеть собой, сохранять внешнее приличие, не компрометировать себя; в остальном они стремятся использовать для своих целей всякий удобный случай и пользуются им в чрезмерной степени. Следующую ступень представляют собой «юбочники», донжуаны, вся жизнь которых проходит в неразборчивом удовлетворении своей чувственности, причем, как люди с извращенным нравственным чувством, они не останавливаются ни перед обольщением, ни перед прелюбодеянием, даже кровосмешением.

Наблюдение 11 П, управляющий домом, 53 лет, женат, без тяжелой наследственности и эпилептических явлений, умеренный кутила, без явлений преждевременной старости, обнаруживал, по словам жены, во все время своей брачной жизни (с 28 лет) чрезмерную половую страсть, резкую похотливость, значительную потентность и был ненасытен в половых удовольствиях. При совокуплении он был «подобен зверю, дик, дрожал всем телом, сопел», так что несколько холодная жена испытывала при этом отвращение и выполнение супружеских обязанностей являлось для нее мучением.

Он мучил ее ревностью, сам же вскоре после свадьбы соблазнил сестру своей жены, невинную девушку, и прижил с ней ребенка. В 1873 г. он взял ее с ребенком к себе в дом и имел таким образом двух жен, причем предпочитал свояченицу, что жена считала еще наименьшим злом. С годами его похотливость все возрастала, а потенция уменьшалась. Часто он помогал себе мастурбацией, даже тотчас после имевшего место совокупления, причем цинично не стеснялся присутствия жен. С 1892 г. он начал развратничать со своей 16-летней воспитанницей, обычно заставляя девушку мастурбировать его. Он пытался даже с револьвером в руке принудить ее к совокуплению. Такую же попытку он сделал по отношению к своей незамужней дочери, так что приходилось часто оберегать последних от его поползновений. В клинике П. держался спокойно, прилично, объяснял все повышенной сексуальностью. Он не оправдывал свои поступки, но ничем другим не мог себе помочь. Холодность жены заставила его прибегнуть к адюльтеру. Никаких расстройств в психике не заметно, но все этические чувства отсутствуют. В течение 25 лет супружества было несколько эпилептических припадков (!). Никаких признаков дегенерации не отмечается.

Эту половую гиперестезию я, на основании своих исследований, считаю признаком функциональной дегенерации. Может ли подобное явление быть приобретенным, случайным у человека, не отягощенного наследственностью, — этот вопрос необходимо подвергнуть научному исследованию. Утверждают, что это возможно на почве отравления кантаридином, алкоголем, при одновременном сильном чувственном возбуждении, далее на почве периферического раздражения, как, например, при зуде в гениталиях, экземе и т. д., в особенности в климактерическом периоде.

Необходимо также отметить, что у вполне нормального человека степень половой страсти подвержена большим колебаниям в зависимости от возраста, конституционального состояния организма, образа жизни, влияния соматических заболеваний и т. д. Начиная с периода половой зрелости, половое влечение быстро поднимается до значительной высоты, всего сильнее бывает выражено в возрасте от 20 до 40 лет и затем медленно понижается. Брак сохраняет и обуздывает половое влечение.

Перемена объекта полового общения увеличивает силу влечения. Так как женщина в половом отношении обычно воздержаннее мужчины, то на резкое усиление у нее половой потребности следует смотреть как на явление патологическое. Жители больших городов, которым все напоминает о половой сфере, которых все возбуждает к половым удовольствиям, (при прочих равных условиях) обладают большей страстностью, чем жители деревни. Роскошный, изнеживающий, сидячий образ

жизни, преобладание животной пищи, употребление спиртных напитков, пряностей и т. п. действуют возбуждающим образом на половую жизнь.

У женщин половая жизнь усилена в послеменструальный период. У невропатических женщин возбуждение в это время может достигнуть патологической высоты.

Достойна внимания сильная похотливость чахоточных даже в более поздних стадиях болезни. В общем гиперестезия центрального происхождения на почве предрасположения нередко представляет собой частичное явление психической экзальтации[1]. В этих случаях, когда мозговая кора, а с ней и психополовой центр находятся в состоянии гиперестезии (ненормальная возбудимость фантазии, облегченные ассоциации), не только оптические и осязательные, но и слуховые и обонятельные ощущения достаточны для того, чтобы обусловить эротические представления.

Маньян сообщает об одной девушке, которая со времени наступления половой зрелости обнаруживала все возраставшее половое влечение и удовлетворяла его путем мастурбации. Постепенно это усиление полового влечения дошло до такой степени, что уже один вид любого мужчины приводил ее в сильнейшее возбуждение, и так как она не могла ручаться за себя, то каждый раз запиралась в комнату, пока не проходил приступ. В конце концов, желая успокоить мучительную страсть, она стала отдаваться первому мужчине, но ни нормальное половое сношение, ни онанизм не приносил ей облегчение, и ее пришлось поместить в заведение для душевнобольных.

В параллель к этому можно привести еще следующий случай Речь идет о матери пятерых детей, которая, сильно страдая от ненасытного полового влечения, неоднократно пыталась наложить на себя руки, потом поступила в больницу для душевнобольных Здесь состояние ее улучшилось, но она уже не доверяла себе и боялась оставить больницу.

Много выразительных случаев подобного рода, относящихся как к мужчинам, так и к женщинам, приведены в статье автора «О некоторых аномалиях полового влечения», наблюдения 6, 7 (Archiv fьr Psychiatrie, VII, 2).

Насколько сильна, опасна и тяжела половая гиперестезия для лиц, страдающих этой аномалией, показывают следующие два наблюдения.

Наблюдение 12. Сексуальная гиперестезия. Мастурбация в присутствии учеников в школе. Ц, 36 лет, 12 лет женат, отец 7 детей, директор школы, постоянно во время урока

мастурбировал, и хотя сторона кафедры, обращенная к ученикам, была закрыта, однако они это замечали. Однажды накануне вечером он выпил несколько более обыкновенного, перед началом урока имел неприятность и на уроке при виде 15-летней ученицы, которая давно уже возбуждала его, впал в состояние полового аффекта, получилась эрекция, и он, не владея собой, захватил половые органы, после чего сейчас же наступила эякуляция. Только тогда он понял, что случилось, понял весь позор происшедшего и старался, чтобы девушки ничего не заметили.

Он не мог указать на затемнение сознания, на отсутствие памяти во время этого полового аффекта.

Так как вся его предшествующая жизнь была безупречна, то суд предположил, что он находился в это время в болезненном состоянии, и подверг его экспертизе. При моем исследовании обнаружилось следующее. Ц происходил от здоровых родителей. Два родственника были эпилептиками. На 13-м году тяжелое сотрясение мозга с последующим острым ослаблением рассудка, продолжавшимся три недели. С этих пор сильная раздражительность и невыносливость к алкоголю.

С 16 лет пробуждение половой жизни в очень сильной форме, с сильной половой раздражительностью, так что одно чтение скабрезных книг, вид фотографической карточки женщины достаточны были, чтобы быстро вызвать эякуляцию. На 18-м году изредка совокупление. Чаще всего достаточно было ему коснуться руки женщины, чтобы появились оргазм и эякуляция. Женился на 24-м году Половой акт 3 — 4 раза в день, одновременно мастурбация и «мысленное совокупление».

Со времени рождения 4-го ребенка принужден был из-за экономических соображений воздерживаться от половых сношений, презервативы он отвергал, помогал себе автомастурбацией, прикосновением к женщине и вызываемой таким путем дневной поллюцией, однако это его не удовлетворяло, он был постоянно в половом возбуждении и почти каждые 6 недель приходил в такое состояние, что терял волю и рассудок, и, чтобы предохранить себя от половой агрессии по отношению к женщине, усиленно мастурбировал. Со времени этого относительного воздержания Ц был до такой степени вспыльчив, раздражителен, что нередко без всяких причин бил жену и детей, кричал на них, бушевал. Несколько раз случалось, что в период таких сильных аффектов он лишался сознания, падал на землю, своеобразно хрипел. По истечении нескольких минут он приходил в себя, но не помнил о происшедшем. Подобный приступ появился у него и через три дня после совершенного проступка.

Я нашел Ц человеком интеллигентным, развитым, исполненным раскаяния и стыда. Он понимал, что больше не может быть преподавателем в женской школе, жаловался на свою неестественную, неограниченную чувственность. Он не делал никаких попыток оправдать свой поступок, но указывал на то, что вследствие своей ненасытной похотливости, чрезмерной работы (до 12 уроков ежедневно), он в последнее время совершенно расстроил свои нервы. Никаких признаков растительности на голове, теменная часть черепа выпукла. Половые органы велики, вялы, в общем нормальны. Пателлярный рефлекс сильно повышен.

Мое заключение сводилось к тому, что Ц страдает болезненно-повышенной сексуальной силой, по всей вероятности, также эпилепсией и совершил проступок в состоянии патологического аффекта, когда его способность владеть собой была понижена до минимума. Ц. был освобожден от дальнейшего судебного преследования и получил пенсию.

*Наблюдение 13.*11 июля 1884 г. в клинику поступил Р., 33 лет, слуга, с паранойей преследования и сексуальной неврастенией. Мать—неврастенический субъект, отец умер от болезни спинного мозга. Сильное половое влечение с самого раннего детства, причем с 6-летнего возраста уже сознательное. С этого же времени и мастурбация, с 15-го года педерастия, а иногда и содомистические акты. Впоследствии злоупотребление половым актом в браке с женой. От времени до времени отклоняющиеся от нормы импульсы, попытки куннилингуса, назначение жене шпанских мушек, так как ее похотливость не соответствовала его собственной. После непродолжительного замужества жена скончалась. Материальное положение больного ухудшилось, и он лишен был возможности иметь нормальное половое сношение. Снова мастурбация и использование языка животного (в рамках содомистического акта) для достижения эякуляций. По временам приапизм и состояние, близкое к сатириазу. Затем, по мере усиления половой неврастении и ипохондрических припадков, стало замечаться, к удовольствию больного, ослабление чрезмерного влечения.

В качестве *своеобразной формы сексуальной гиперестезии* надо отметить случаи *у женщин,* у которых появляется бурная потребность полового общения с определенным мужчиной, причем эта потребность настоятельно требует удовлетворения. «Несчастная любовь» к другому мужчине может довольно часто происходить на почве психического или физического (супружеская импотенция!) неудовлетворения в браке у страстных женщин, но при отсутствии тяжелой наследственности она обычно подавляется этическими принципами. Иначе обстоит дело в патологических случаях,

т. е. на почве психической дегенерации.

Почти всегда здесь играет роль фетишизм. Половое стремление непреодолимо, иногда возникает периодически. Попытки бороться с ним вызывают мучительное состояние страха. Болезненная потребность настолько сильна, что перед ней отступают все соображения, связанные с позором, оскорблением нравственности, женской чести, и это совершается без всякого стыда, даже в присутствии мужа, в то время как нормальная, психически здоровая женщина стремится всячески скрыть эту ужасную тайну.

Маньян (Psychiatrische Vorlesungen. Ьbers, von Mцbius. H. 2, 3) сообщает, исходя из своей практики о двух впечатляющих случаях подобного рода. В одном особенно показательном случае речь шла о молодой даме, матери троих детей, с безупречным прошлым, однако, дочери душевнобольного. Однажды, без всякого стеснения, она заявила пораженному мужу, что она любит одного молодого человека и покончит с собой, если ей помешают войти с ним в интимные отношения. Пусть только позволят ей в течение 6 месяцев удовлетворять свою пылкую страсть, а затем она вернется к домашнему очагу. В настоящее время муж и дети ничто для нее в сравнении с возлюбленным. Несчастный муж увез жену в отдаленную местность и подверг ее врачебному лечению. Эта патологическая любовь замужних женщин к другим мужчинам еще нуждается в научном освещении с точки зрения сексуальной психопатологии. *Я* наблюдал 5 относящихся к этой категории случаев. Во всех речь шла о лицах, отягощенных тяжелой наследственностью (вырождающихся). Болезненное состояние наступало пароксизмами, в одном случае рецидивировало несколько раз и резко отличалось от относительно здорового периода жизни. В здоровом состоянии всегда появлялось глубокое раскаяние в происшедшем, которое, однако, признавалось неизбежным несчастьем, зависящим от психически ненормального состояния.

В период болезненного состояния существует иногда полное равнодушие к мужу и детям, доходящее до отвращения к первому, одновременное полное непонимание значения и последствий скандального поведения для женской и семейной чести и достоинства. Замечательно, что во всех случаях оскорбленные мужья и родственники понимали, что здесь причиной является болезненное состояние, раньше, чем их мнение подтверждалось врачебным исследованием.

В противоположность непсихопатическим, хотя и чрезмерно похотливым обыкновенным Мессалинам, в данном случае половая распущенность является только эпизодом в жизни прежде добродетельной женщины, затем незаконные сношения

строго моногамичны и удовлетворение полового влечения не представляет всей сущности болезненного заблуждения. Последние факты, а также то обстоятельство, что несчастная не отдается всем мужчинам, а только одному возлюбленному, очень важны и для отличения этого состояния от нимфомании. В трех моих случаях грубо чувственный момент вообще не стоял на первом плане, и толчком к нарушению супружеской верности служило очарование характера фетиша, душевные свойства, в одном случае голос. В двух случаях мне, однако, удалось доказать, что здесь дело шло о настоящей сексуальной гиперестезии при полной холодности мужа; в этих случаях простое прикосновение вызывало оргазм, и половой акт доставлял величайшее наслаждение. Конечно, в этих последних случаях возникало полное половое подчинение (см. ниже наблюдение 234).

ПАРЕСТЕЗИЯ ПОЛОВОГО ЧУСТВА (ИЗВРАЩЕНИЕ ПОЛОВОГО ВЛЕЧЕНИЯ)

В этом случае круг половых представлений отличается извращенной окраской, поскольку представления, которые при физиопсихологических условиях вызывают отвращение, при описываемой аномалии сопровождаются страстным вожделением, доходящим иной раз даже до степени аффекта. Практическим последствием являются извращенные действия (извращение полового инстинкта). Это происходит гораздо легче, если усиленные до степени аффекта страстные вожделения подавляют еще сохранившиеся представления и чувства противоположного характера или если эти последние, из-за отсутствия или утраты этических и эстетических представлений, вообще не возникают. Такие условия как раз и встречаются там, где источник этических представлений и чувств (нормальное половое ощущение) уже с раннего детства ненормален.

Извращением — при существующей возможности естественного полового удовлетворения — необходимо считать всякое проявление полового инстинкта, не соответствующее целям природы, т. е. размножению. Обусловленные парестезией извращения полового акта имеют в высшей степени важное клиническое, социальное и судебно-медицинское значение. Это обстоятельство побуждает нас, преодолев всякое этическое и эстетическое отвращение, остановиться на них более подробно.

Извращение полового влечения, как это видно будет из нижеследующего, не должно быть смешиваемо с *извращенностью* половых действий, так как последняя может быть обусловлена и не психопатологическими условиями. Конкретное извращенное действие, как бы чудовищно оно ни было, еще ничего не доказывает. Для того чтобы отличить болезнь (извращение) от порока (извращенность), нужно

рассмотреть всю личность данного индивида и мотивы его извращенного действия: в этом именно и заключается ключ к диагностике (см. ниже).

Парестезия может сочетаться с гиперестезией, и сочетание это клинически встречается довольно часто. Извращение полового удовлетворения может быть направлено на лиц как своего, так и другого пола. Отсюда деление описываемой аномалии на две большие группы извращений половой жизни.

САДИЗМ

Связь активной жестокости и насилия со сладострастием

В области полового извращения садизм не является редкостью, если, конечно, принять во внимание его рудиментарные проявления. Садизм есть ощущение полового удовольствия, доходящее до оргазма при виде и при испытывании наказаний и других жестокостей, совершаемых над человеком или даже над животным; садизмом называется также стремление причинять другим живым существам унижение, страдания, даже боли и раны с целью вызвать ощущение сексуального удовольствия.

Нередко врачу как доверенному лицу приходится слышать, что один из супругов при половом экстазе бьет другого, кусает, толкает, так что поцелуй незаметно переходит в укус. Иногда можно также наблюдать, как влюбленные супруги «из шалости» друг друга крепко давят, щиплют. Между этими, быть может, еще атавистическими явлениями в области половой жизни и чудовищными актами убийства одного из супругов в половом экстазе есть многочисленные переходные ступени.

Совершенно своеобразное, несомненно садистское и во всяком случае не физиологическое явление современной культурной жизни заключается в очень бурном совершении полового акта одним из супругов, доходящее до угроз и толчков. По всей вероятности, слишком большая сдержанность жены по сравнению с сексуальными домогательствами мужа, и именно в первое время брачного сожительства, пробуждает у мужа, при наличии гиперсексуальности, подобные садистские наклонности, на почве которых и возникают такие сцены. Так как, однако, сдержанность женщины и как бы насильственное овладевание ею мужем вызывает и у нее приятные ощущения, то подобные комедии любви повторяются. Дальнейшее развитие таких садистских наклонностей состоит в том, что мужчина жаждет совокупления в ненадлежащем месте, причем он наслаждается смущением, стыдливостью жены, дает ей чувствовать свое превосходство и вызывает с ее стороны противодействие.

Наблюдение 14. Один из моих пациентов, с тяжелой

наследственностью, человек со странностями, муж необыкновенно красивой женщины с живым темпераментом, чувствовал отвращение к чистоте и нежности кожи жены и к ее элегантным туалетам, и, наоборот, охотно сходился с простыми, особенно нечистоплотными особами (фетишизм). Одновременно случалось, что он на уединенной прогулке принуждал свою жену к половому акту, несмотря на ее сопротивление, бросал ее на землю и удовлетворял свои желания на лесной тропинке, в кустах. Чем больше было сопротивление, тем больше он возбуждался, и его потенция не оставляла желать ничего более. То же происходило и в месте, где существовала опасность быть застигнутыми, например, во время путешествия в купе вагона, в клозете ресторана, и в то же время никогда у него не появлялось желания в брачной постели.

Так как у современного культурного человека, поскольку он наследственно не отягощен, ассоциация между сладострастием и жестокостью очень слаба и проявляется в рудиментарной форме, то возникновение связи между ними, ненормально легкое взаимное их возбуждение, их проявление часто в невероятных действиях надо искать в ненормальном (дегенеративном) предрасположении, в большой склонности к ассоциации в области чувства и полового влечения (половая и двигательная сфера).

Здесь, очевидно, дело в простом пробуждении душевных наклонностей из их латентного (скрытого) состояния путем внешних воздействий, которые для нормального человека лишены всякого значения, а тем более неспособны вызвать аффект.

В смысле современного учения об ассоциации здесь не может быть и речи о случайной связи направлений чувства и полового влечения. Нередко садистские ощущения начинаются в детстве и возникают в тот период жизни, когда нельзя и думать о вызывании их путем внешних воздействий и в особенности об их половом характере.

Поэтому садизм, равно как и мазохизм и однополое влечение, должен рассматриваться как природные аномалии половой жизни. Это расстройство или уклонение в эволюции психосексуальных процессов на почве психической дегенерации.

То, что сладострастие и жестокость часто сочетаются друг с другом, — факт давно известный. На это явление указывали писатели всех направлений.

Блумрёдер видел мужчину с многочисленными ранами на груди, нанесенными развратной женщиной, которая достигала

наслаждения укусами.

Балл сообщает о случае из своей «Клиники св. Анны», где очень сильный физически эпилептик во время совокупления откусил нос у своей возлюбленной и проглотил кусочек носа.

Феррани (Archivio delle psicopatia sessuali, 1896, I. P. 106) сообщает о молодом человеке, который до совокупления щипал свою возлюбленную, во время совокупления кусал и щипал ее, «так как без этого он не испытывал никакого удовольствия». Однажды возлюбленная явилась с жалобой, что он ее слишком сильно изранил.

В сочинении «Об удовольствии и боли» (Friedreich's Magazin fьr Seelenkunde, 1830, II, 5) обращается специальное внимание на психологическую связь между сладострастием и манией к убийству. Автор указывает на индийский миф о Шиве и Дурге (смерть и сладострастие), на человеческие жертвы со сладострастными мистериями, на половое влечение в период половой зрелости с тягой к самоубийству, на смутное стремление к удовлетворению похоти путем бичевания, щипания половых органов.

Ломброзо *(Lombroso.* Verzeni e Agnoletti. Roma, 1874) также приводит многочисленные примеры появления мании убийства при чрезмерном усилении сладострастия.

С другой стороны, часто мания убийства сопровождается сладострастием. Ломброзо в цитированном труде приводит упоминаемый Мантегаццой факт, что к ужасам грабежа и убийства, производимым разнузданными солдатами в военное время, всегда присоединяется скотское сластолюбие.

Факты эти представляют собой переход к резко выраженным патологическим случаям.

Поучительны примеры выродившихся цезарей (Нерон, Тиберий), которые упивались зрелищем совершавшейся по их приказанию и на их глазах казни юношей и девиц, равно как и история маршала Жиля де Ре *(Jacob.* Curiositйs de l'histoire de France. Paris, 1858), казненного в 1440 г. за изнасилование и умерщвление в течение 8 лет более 800 детей. По собственному признанию этого чудовища ему, под влиянием чтения Светония и описания оргий Тиберия, Каракаллы и других, пришла идея завлекать детей в свои замки, насиловать их под пытками и затем убивать. Изверг утверждал, что он испытывал при этих ужасах чувство неизъяснимого наслаждения. Пособниками его были два приближенных к нему лица. Трупы несчастных детей сжигались, и только несколько особенно красивых детских головок он... сохранял на память. Эйленбург (указ. соч., с. 58)

приводил почти несомненные доказательства того, что Ре был душевнобольным.

При попытке объяснить эту связь между сладострастием и жестокостью необходимо вернуться к тем как бы еще физиологическим случаям, в которых на высоте сладострастного ощущения сильно возбудимый, но в общем нормальный субъект кусает и царапает партнера по половому акту, т. е. совершает действия, присущие обычно гневному аффекту. Далее следует напомнить о том, что любовь и гнев суть не только два самых сильных аффекта, но вместе с тем и две единственно возможные формы сильного (стенического) аффекта. И та и другой ищут своего объекта, желают овладеть им и, так сказать, разрядиться в форме телесного воздействия на него; и та и другой приводят психомоторную сферу в состояние сильнейшего возбуждения, при посредстве которого и происходит их нормальное внешнее проявление.

С этой точки зрения становится понятным, что сладострастие приводит к действиям, обычно адекватным гневу. Как и этот последний, оно представляет собой состояние экзальтации, могучее возбуждение всей психомоторной сферы. Отсюда рождается желание реагировать на вызывающий это раздражение объект всевозможными путями и в наиболее интенсивной форме. Подобно тому как маниакальная экзальтация легко переходит в неистовое стремление к разрушению, так и экзальтация полового аффекта обусловливает иногда тягу разрядить общее возбуждение в форме нелепых и, по-видимому, враждебных действий.

Эти последние представляют собой до известной степени психические сочувственные движения; но здесь имеет место не простое бессознательное возбуждение иннервации мышц (иногда, впрочем, наблюдается вместе с тем и оно в форме метания из стороны в сторону), но настоящая гипербулия, желание оказать возможно наиболее сильное воздействие на лицо, служащее источником возбуждения; наиболее же действенным средством для этого является причинение боли.

Взяв за исходную точку такие случаи причинения боли на высоте аффекта сладострастия, мы переходим к случаям, в которых дело доходит до серьезного насилия над жертвой, до ранения ее и даже умерщвления. Здесь влечение к жестокости, могущее сопутствовать сладострастному аффекту, усиливается в психопатическом индивиде до чрезмерной степени, тогда как, с другой стороны, из-за отсутствия или недостаточности этических чувств все нормальные противодействия оказались или оказываются очень слабыми.

Но у мужчины, у которого чудовищные, садистские действия

этого рода наблюдаются несравненно чаще, нежели у женщины, они имеют еще второе сильное обоснование в чисто физиологических условиях.

В общении полов на долю мужчины выпадает активная, даже агрессивная роль, тогда как женщина сохраняет пассивное, оборонительное положение. Для мужчины составляет большой соблазн завоевать женщину, покорить ее, и в искусстве любви непорочность женщины, пребывающей в оборонительном положении до того момента, когда она отдается, является фактором, имеющим высокое психологическое значение. Нормальный мужчина, следовательно, видит себя стоящим лицом к лицу с препятствием, преодоление которого составляет его задачу и облегчено самой природой, наделившей его для этого агрессивным характером. Но при патологических условиях этот агрессивный характер опять-таки может вырасти до чрезмерной величины и превратиться в стремление безгранично подчинить себе предмет вожделения, подчас вплоть до уничтожения, умерщвления его.

Как только эти составные элементы, — ненормально усиленное влечение к бурной реакции на объект возбуждения и болезненно повышенная потребность подчинить себе женщину, — совпадают, в результате возникают сильнейшие взрывы садизма.

Садизм, таким образом, не что иное, как патологическое усиление — возможных в виде намеков и при нормальных условиях — сопутствующих явлений психической половой жизни, особенно у мужчин, до чрезвычайных и даже чудовищных размеров. Но, само собой разумеется, отнюдь не безусловно необходимо и действительно отнюдь не всегда бывает, что садист сохраняет в своем сознании эти элементы своего влечения. То, что он ощущает, есть обычно только стремление к жестоким и насильственным действиям по отношению к противоположному полу, причем представление о таких актах сопровождается сладострастными ощущениями. Отсюда могущественный импульс к совершению действий, не выходивших до сих пор из круга представлений. Поскольку подлинные мотивы этого влечения не сознаются самим индивидом, садистские акты носят характер импульсивных действий.

При существовании ассоциаций между сладострастием и жестокостью не только сладострастный аффект пробуждает стремление к жестокости, но и, наоборот, представление о жестоких действиях и в особенности созерцание их вызывает в извращенном индивиде сильное половое возбуждение и используется им в этом направлении.

Эмпирического различия между прирожденными и

приобретенными случаями садизма провести нельзя. Многие от рождения отягощенные индивиды длительное время прилагают все усилия, чтобы противостоять своим извращенным стремлениям. Если половая сила еще сохранилась, то они вначале ведут нормальную половую жизнь зачастую при содействии внутренних представлений извращенного характера. Только впоследствии, после постепенного подавления этических и эстетических мотивов противоположного характера и после повторного опыта, показавшего им, что нормальный половой акт не доставляет полного удовлетворения, болезненное влечение прорывается наружу. Такое позднее превращение прирожденной извращенной склонности в действия может симулировать приобретенное извращение. Но умозрительно следует принять, что это психопатическое состояние всегда существует с рождения. Основания для такого воззрения приведены ниже.

Садистские акты крайне разнообразны в зависимости от степени их чудовищности, от власти извращенного влечения над данным индивидом и от силы имеющихся еще противодействий, которые почти всегда в большей или меньшей степени ослабляются прирожденными этическими дефектами, наследственным вырождением, нравственным помешательством. Таким путем возникает длинный ряд форм, начинающийся тягчайшими преступлениями и оканчивающийся самыми нелепыми действиями, которые имеют целью доставить извращенной потребности садиста лишь символическое удовлетворение.

Далее, садистские акты могут быть различаемы еще в зависимости от того, предпринимаются ли они после нормального совокупления, не насытившего, однако, чрезмерной похотливости, от того, производятся ли они в качестве подготовительного этапа для того, чтобы поднять упавшую половую силу, или, наконец, от того, прибегают ли к ним при полном отсутствии потенции как к эквиваленту сделавшегося невозможным полового акта, для достижения семяизвержения. В обоих последних случаях, однако, несмотря на импотенцию, у данного субъекта имеется еще сильная похотливость или, по крайней мере, имелась в то время, когда садистские акты сделались привычными. В половой гиперестезии следует всегда видеть основу садистских наклонностей. Половое бессилие, столь частое у рассматриваемых здесь психо-и невропатических лиц и являющееся в большинстве случаев последствием эксцессов сексуального плана, имевших место уже в ранней юности, бывает обычно спиналь-ной слабостью. Иногда может наступить и своего рода психическая импотенция под влиянием сосредоточения сознания на извращенном акте, рядом с которым картина нормального полового удовлетворения

бледнеет.

В чем бы, однако, ни выражался садизм с внешней стороны, для понимания его существенное значение имеют всегда психически извращенные предрасположение и направление страсти садиста.

а) *Мания убийства на почве сладострастия*

(сладострастие, усиливающееся до жестокости, мания убийства и антропофагии)

Наиболее гнусным, но в то же время и наиболее доказательным примером взаимной связи между сладострастием и манией убийства может служить случай Андреаса Бишеля, опубликованный Фейербахом в его «Документальном описании необычных преступлений».

Бишель насиловал молодых девушек и затем убивал и разрезал их на части. Вот как рассказал он на суде об убийстве одной из своих жертв:

«Я вскрыл ей грудь и рассек ножом мясистые части тела. После того я повернул ее, как мясник это делает со скотом, и разрубил топором тело на части, чтобы иметь возможность положить его в яму, вырытую мною на горе. Я должен сознаться, что при вскрытии я чувствовал такую жадность, что дрожал всеми членами и едва удержался от искушения отрезать кусок мяса и съесть его».

Ломброзо также приводит соответствующие случаи; между прочим он упоминает об одном субъекте по имени Филип, который имел обыкновение душить после совокупления проституток и однажды выразился так: «Женщин я люблю, но мне забавно душить их после того, как я насладился их ласками».

Некто Грасси однажды ночью почувствовал неодолимое желание совершить половой акт со своей родственницей, жившей в одном доме с ним. Раздраженный встреченным сопротивлением, он несколько раз вонзил ей нож в живот, а когда отец и дядя пытались остановить его, он и им нанес удары тем же оружием. Затем он отправился к одной проститутке, чтобы охладить в ее объятиях свой пыл. Но и это не удовлетворило его. Он убил еще своего отца и заколол несколько быков, стоявших в хлеву.

В том, что многие из таких убийств имеют своим истоком гиперестезию в соединении с половой парестезией, после всего сказанного сомневаться нельзя. Так, под влиянием извращения

чувственных ощущений убийца способен и на дальнейшие чудовищные манипуляции с трупом своей жертвы, например, он рассекает его на мельчайшие куски, роется в его внутренностях и т. п. Уже приводимый выше случай Бишеля доказывает эту возможность. Пример из новейшего времени представляет случай Менесклу (Annales d'hygiine publique), который на основании экспертизы Ласега, Бруарделя и Моте был признан душевно здоровым и приговорен к смертной казни.

Наблюдение 15. 15 апреля 1880 г. исчезла из дома родителей 4-летняя девочка. 16-го арестован был один из жильцов этого же дома, по имени Менесклу. В его карманах были найдены ручки ребенка, а из печки извлечены полуобугленная головка и внутренности. В отхожем месте также нашли части трупа. Половые части не были найдены. При вопросе об этих последних Менесклу обнаружил смущение. Это обстоятельство, в связи с найденным у него циничным стихотворением, не оставляло никакого сомнения в том, что именно он изнасиловал и затем убил ребенка. Менесклу не выказывал ни малейших следов раскаяния и преступление свое объяснял только несчастьем. Умственные способности ограниченны. Признаков вырождения не имеется; преступник туг на ухо, золотушен.

Менесклу 20 лет; на 9-м месяце жизни наблюдались судороги; впоследствии страдал беспокойным сном, ночным недержанием мочи, отличался нервностью, развился поздно и плохо. С периода половой зрелости обнаруживал раздражительность, дурные наклонности, был ленив, неспособен ни к каким занятиям. Даже в исправительном заведении он не переменился. Его отдали в морскую службу, но и там дело шло не лучше. Возвратившись домой, он обокрал своих родителей и вращался в самом дурном обществе. За женщинами он не бегал, но онанизму предавался усердно и иногда содомизировал сук. Мать его страдала периодическим маниакальным состоянием менструального характера, один дядя был душевнобольной, другой — пьяница.

При исследовании мозга Менесклу обе лобные доли, первая и вторая лобные извилины и часть затылочной извилины оказались патологически измененными.

Наблюдение 16. Приказчик Элтон, в Англии, отправляется на загородную прогулку, завлекает ребенка в кусты, через некоторое время возвращается и идет к себе в контору, где и заносит в свою записную книгу следующие слова: «Убил сегодня девочку, было прекрасно и горячо».

Дома родители хватились ребенка, отправились на поиски и нашли рассеченный труп, причем некоторые части, между прочим половые органы, не удалось отыскать. Элтон не

обнаружил ни малейших следов душевного волнения и не дал никаких объяснений относительно мотивов и подробностей своего ужасного злодеяния.

Это был психопатический субъект, у которого по временам замечались подавленное настроение и отвращение к жизни. Отец его испытал однажды приступ острой мании; один из близких родственников страдал манией убийства. Элтон был казнен.

Наблюдение 17. Джек-потрошитель. В 1887—1889 гг. в различных кварталах Лондона находили трупы девушек, своеобразным образом убитых и изувеченных. Убийцу не нашли. По всей вероятности, убийца совершал свое дело на почве скотской похоти, причем прежде всего перерезал им горло, затем вскрывал живот и рылся во внутренностях. Во многих случаях он вырезал наружные и внутренние половые органы и брал их с собой, очевидно для того, чтобы возбуждать себя их видом. В других случаях он удовлетворялся тем, что разрезал их на мелкие части. Можно предполагать, что убийца не совершал никакого полового акта с жертвами своего извращенного полового влечения, а убийство и изувечение трупов являлось для него эквивалентом полового акта.

Наблюдение 18. Ваше-потрошитель. 31 августа 1895 г. в поле нашли 15-летнего пастуха почти голым с распоротым животом и массой ран на теле. Выяснилось, что этим ранениям предшествовало удушение.

4 августа 1897 г. был арестован в качестве предполагаемого убийцы некий Ваше, бродяга, которому приписали не только это убийство, но и ряд подобных злодеяний, совершенных во Франции с 1894 г. Он утверждал, что совершал эти преступления в припадке временного сумасшествия, бессознательно и импульсивно, в состоянии неистового бешенства. Исследование, однако, показало, что убийца действовал в полном сознании и по совершении преступления принимал все меры к его сокрытию. Кроме того, он прекрасно помнил происшедшее.

В. родился в 1869 г., от почтенных родителей, в психически здоровой семье, никогда не был тяжело болен; в детстве был злым, ленивым, неуживчивым, на 20-м году сделал попытку к насилию над ребенком, на военной службе считался злым человеком и был уволен в 1893 г. из-за психических расстройств (он заговаривался, иногда появлялась мания преследования, он угрожал, был крайне раздражителен). В 1893 г. он ранил девушку, отказавшуюся выйти за него замуж, покушался на самоубийство (выстрел в голову через правое ухо, после чего осталась глухота на правое ухо и парез лицевого нерва). Он был

помещен в заведение для душевнобольных, где у него обнаружили бред преследования. 1 апреля 1894 г. выписался здоровым.

Затем он бродяжничал и совершил следующие возмутительные преступления. 20 марта 1894 г. он задушил некую Делом, 21 года, отрезал ей голову, часть правой груди и совершил совокупление с трупом. То же, кроме последнего, он совершил 20 ноября 1894 г. над 13-летней девушкой Марсель, затем 21 мая 1895 г. над 17-летней Мортюре. 24 августа 1895 г. он задушил и обесчестил 58-летнюю женщину. 22 сентября отрезал голову и пытался распороть живот 16-летней девушке, 29 сентября совершил над 14-летним пастухом Пеле то же самое, что он потом сделал с Порталье, разрезал его половые части и осквернил труп.

1 марта 1896 г. он сделал попытку к изнасилованию 11-лет-ней Деруе, но ему помешал сторож, 10 сентября он совершил такое же злодейство над 19-летней, недавно вышедшей замуж Мунье, 1 октября — над 14-летней пастушкой Родье, у которой; вырезал наружные половые органы и взял их с собой. В конце мая 1897 г. он убил 14-летнего бродягу Бопье, отрезал ему голову и труп бросил в колодец, 18 июня убил 13-летнего пастуха Лорана и совершил педерастический акт с трупом. Вскоре затем последовало покушение на г-жу Плантье, но здесь помощь подоспела вовремя, однако Ваше успел убежать.

Экспертами в этом чудовищном судебном деле были проф. судебной медицины в Лионе Лакассань, проф. психиатрии Пьеррель и врач по душевным болезням Ребатель. Они констатировали отсутствие отягощенной наследственности, какой-либо мозговой болезни, эпилепсии. Он был не особенно развит, с детства раздражителен, зол, вспыльчив, мучил животных. Никто не хотел держать его на службе. Он поступил в монастырь послушником, однако должен был уйти оттуда, так как мастурбировал товарищей. Вследствие его безнравственных поступков и раздражительности его всегда прогоняли со службы. Пьяницей не был. Во время военной службы его боялись и избегали. Однажды он пришел в ярость, хотел ударить начальника, начал бредить, так что пришлось его отправить сперва в госпиталь, а затем в заведение для душевнобольных. Товарищи считали его ненормальным. В периоды гневного аффекта он не помнил себя и был очень опасен для окружающих женщин, угрожал тотчас зарезать, и всякий видел, что он способен на это. Он плохо спал, грезил убийствами, часто бредил ночью, так что никто не мог спать вблизи него.

В заведении для душевнобольных у него нашли бред преследования, считали его опасным. Он сделал новую попытку

к самоубийству. В конце концов его отпустили поправившимся.

Затем он совершил 11 убийств, являвшихся садистскими актами. Они состояли в задушении или отрубании головы, разрубании и уродовании трупов, особенно половых органов, и в удовлетворении еще ненасыщенной половой страсти над трупом.

С положительностью было доказано, что В. совершал свои преступления хладнокровно, при полном сознании, при отсутствии каких-нибудь особых явлений со стороны психики.

Преступления были совершены в различных частях Франции, которую Ваше исколесил вдоль и поперек.

В. не обнаруживал никаких анатомических признаков дегенерации, половые органы развиты нормально. Он тщеславен, вспыльчив, неуживчив. Из упрямства он однажды в течение 7 дней отказывался от пищи. Другой раз с ним случился приступ ярости от того, что ему не позволяли пойти в церковь. С цинизмом говорил он о своих преступлениях, не обнаруживал никакого раскаяния, мотивировал их сильными припадками ярости, притворялся сумасшедшим в надежде попасть в заведение для душевнобольных, откуда легче можно было бы бежать.

В действительности эксперты не нашли у него никаких симптомов душевной болезни.

Заключение экспертов следующее: В. не эпилептик, не импульсивный больной. Он безнравственный, одержимый страстью человек, который однажды страдал преходящей депрессивной формой бреда преследования с наклонностью к самоубийству. Выздоровев, он сделался вполне вменяемым. Его преступления — преступления человека антисоциального, кровожадного, садиста, который рассчитывал, что он может безнаказанно совершать свои ужасные злодейства на основании бывшего у него ранее душевного заболевания и освобождения от наказания в прошлом, это обыкновенный преступник, и прежнее душевное заболевание не уменьшает ответственности за совершенное им. В. был присужден к смертной казни (Archives d'anthropologie criminelle, XIII, № 78).

В подобного рода случаях может обнаруживаться даже страстное влечение к мясу убитой жертвы и как последствие извращения соответствующих представлений — пожирание частей трупа.

Наблюдение 19. Леже, винодел, 24 лет от роду, с ранних лет мрачного, замкнутого характера, нелюдимый, отправляется искать себе место. 8 дней блуждает он в лесу, встречает там 12-

летнюю девочку, насилует ее, разрезает половые части, вырывает сердце, съедает его, пьет кровь и затем закапывает труп. Арестованный, он сперва отпирается, но под конец с циничным хладнокровием признается в своем преступлении. Столь же равнодушно он выслушивает смертный приговор. При вскрытии Эскироль нашел патологические сращения между головным мозгом и его оболочками.

Наблюдение 20. Тирш, смотритель богадельни в Праге, 55 лет от роду, всегда замкнутый, своенравный, грубый, в высшей степени раздражительный, угрюмый, ворчливый и мстительный, приговорен был за покушение на изнасилование 10-летней девочки к заключению на 20 лет. В последнее время обратил на себя внимание приступами ярости, вспыхивавшими по малейшему поводу, равно как и отвращения к жизни.

В 1864 г., после отказа одной вдовы выйти за него замуж, воспылал ненавистью к женщинам и 8 июля шатался по городу с целью убить кого-нибудь из этой ненавистной ему половины человеческого рода.

Набросился на встреченную им в парке немолодую женщину, пытался совершить с ней половой акт, несмотря на сопротивление повалил на землю, охваченный яростью со всей силой сдавил ей горло. Труп собирался сечь срезанным березовым прутом, затем передумал, вырезал ножом груди и половые органы, дома сварил и все это ел. 12 сентября при аресте его найдены были еще остатки этого ужасного пиршества. Свое преступление он мотивировал «внутренней жадностью» и сам требовал своей казни, указывая на то, что он всегда был отщепенцем рода человеческого. В тюрьме он обнаруживал необычайную раздражительность, которая по временам усиливалась до настоящих взрывов бешенства, сопровождавшихся отказом от пищи и требовавших изолирования его на несколько дней. Следствием было констатировано, что и большинство его прежних половых эксцессов совпадало с приступами возбуждения и ярости.

В других случаях сладострастного убийства изнасилование, вследствие физических или психических причин, не совершается и садистское преступление является исключительно суррогатом полового сношения.

Прототипом подобных случаев служит случай Верцени. Жизнь его жертв зависела от быстрого или медленного наступления у него эякуляции. Так как этот примечательный случай заключает в себе все, что современная наука знает о связи между сладострастием и манией убийства, доходящими даже до антропофагии, то мы позволим себе привести подробное его

описание, тем более что он и исследован довольно точно.

Наблюдение 21. Винченцо Верцени, родился в 1849 г., в тюрьме с 14 января 1872 г., обвиняется: 1) в покушении на задушение своей тетки Марианны, в то время, когда последняя в течение 4-х лет лежала больной в постели; 2) в покушении на задушение 27-летней замужней женщины Арзуффи; 3) в покушении на задушение замужней женщины Галы, которой он сдавил горло, став коленями на живот; 4) кроме того, его подозревали в совершении следующих убийств.

В декабре 14-летняя Иоанна Мотта ушла между 7 и 8 часами утра в соседнюю деревню. Так как она долго не возвращалась, то хозяин отправился искать ее и на дороге, вблизи деревни, наткнулся на ее труп, страшно изуродованный бесчисленным множеством ран. Кишки и половые органы были вырваны из вскрытой полости живота и находились здесь же, поблизости от трупа. Нагота последнего и ссадины на бедрах заставляли подозревать изнасилование, а рот, наполненный землей, указывал на задушение. Вблизи трупа, под кучей соломы, лежали оторванный кусок правой икры и части одежды. Убийца остался неразысканным.

28 августа 1871 г. рано утром 29-летняя замужняя женщина Фриджени отправилась в поле. Так как к 8 часам она не возвратилась домой, то муж отправился за ней. Он нашел на поле ее обнаженный труп со странгуляционной бороздой на шее, со множеством ран и вскрытым животом, из которого вывалились кишки.

29 августа, в полдень, 19-летняя Мария Превитале, проходя по полю, настигнута была своим двоюродным братом Верцени, который затащил ее в сторону, повалил наземь и начал душить. Когда он на минуту освободил ее горло, желая удостовериться в том, что поблизости никого нет, девушка вскочила на ноги и просила его отпустить ее.

Верцени предстал перед судом. Ему 22 года, череп его несколько больше средних размеров, асимметричен. Правая лобная кость уже и ниже левой, правый лобный бугор менее развит, правое ухо меньше левого (на 1 см в длину и на 3 см в ширину), на обоих ушах недостает нижней половины helix (улитки), правая височная артерия несколько атероматозна. Ригидность затылка, ненормальное развитие скуловой кости и нижней челюсти, пенис сильно развит, frenulum (уздечка) отсутствует; легкое перемежающееся косоглазие (слабость внутренних прямых мышц и миопия) На основании этих признаков вырождения Ломброзо сделал вывод о врожденной задержке развития правой лобной доли. У Верцени, по-видимому, порочная наследственность: двое дядей — кретины,

третий — микроцефал, не имеет бороды, одно яичко отсутствует, другое — атрофировано. Отец представляет следы пеллагрозного перерождения и имел приступ пеллагрозной ипохондрии. Один двоюродный брат страдал гиперемией мозга, другой занимался воровством.

Семья Верцени отличается ханжеством и мелочной скупостью. Сам он обнаруживает среднее умственное развитие, умеет хорошо защищаться, пытается доказать свое алиби и набросить тень на дающих показания свидетелей. В прошлом его нет ничего, что указывало бы на душевную болезнь; характер у него, впрочем, странный; он молчалив, любит уединение. В тюрьме ведет себя цинично, мастурбирует и во что бы то ни стало ищет случая увидеть какую-либо женщину.

Верцени сознался наконец во всех своих преступлениях и сообщил их мотивы. Совершение их, по его словам, доставило ему неописуемо приятное (сладострастное) ощущение, сопровождавшееся эрекцией и излиянием семени. Уже при дотрагивании до шеи жертвы у него появлялись половые ощущения. В этом отношении для него было безразлично, была ли женщина стара или молода, красива или безобразна. Обычно его удовлетворяло уже одно душение, и тогда он оставлял свою жертву в живых; в двух вышеназванных случаях наступление полового удовлетворения замедлилось, и вот почему он стал нажимать на горло сильнее, пока жертва его не испустила дух. Душение женщины доставляло ему большее половое удовлетворение, нежели онанирование. Ссадины на бедрах Мотты сделаны его зубами, когда он кусал ее и с наслаждением высасывал ее кровь. Кусок икры правой ноги он унес с собой, чтобы зажарить дома, но зарыл его по дороге под кучей соломы, опасаясь, что мать узнает обо всем. Он захватил с собой также часть одежды и внутренностей, так как ему доставляло большое наслаждение ощупывать и обнюхивать их. По его словам, в эти моменты он испытывал необычайно сильное сладострастное ощущение. При совершении своих преступлений он не сознавал, что вокруг него делается (очевидно, в силу прекращения апперцепции и инстинктивности действий, обусловленных чрезмерным половым возбуждением). После этого он неизменно получал ощущение полного удовлетворения и чувствовал себя превосходно; угрызений совести он не испытывал никогда. Ни разу не приходило ему в голову прикасаться к половым частям женщин, которых он подвергал мучениям; он довольствовался удушением их и высасыванием крови. Действительно, показания этого современного вампира, по-видимому, вполне соответствуют истине. Нормальное половое влечение ему совершенно чуждо: сношения с двумя любовницами, которых он имел, ограничивались только тем, что он созерцал их; он сам удивлялся тому, что по отношению к ним он не испытывал никакого желания душить их или сжимать им руки, но верно и

то, что они не доставляли ему того наслаждения, какое он получал от своих жертв. Нравственного чувства, раскаяния или чего-либо подобного в нем не было и следа.

Верцени сам соглашался с необходимостью заключения его в тюрьму, так как на свободе он не был в состоянии противодействовать своему ужасному влечению. Он осужден был на пожизненное тюремное заключение *{Lombroso C.* Verzeni e Agnoletti).

Интересна исповедь Верцени, написанная им после осуждения.

«Я испытывал неизменное удовлетворение от удушаемой женщины, тогда я возбуждался и получал настоящее сексуальное наслаждение. Даже женская одежда вызывала во мне сладострастное чувство. При удушении женщины я наслаждался больше, чем при мастурбации. Когда я пил кровь Мотты, я испытывал невыразимое наслаждение. Мне доставляло также большое удовольствие вытаскивать головные шпильки из волос убитой.

Платья и внутренности я брал с собой для того, чтобы обнюхивать и ощупывать их, что также доставляло мне приятное ощущение. Мать моя под конец узнала об этом, замечая после каждого убийства или покушения на убийство семенные пятна на моей рубашке. Я не сумасшедший, но в моменты душения я ничего не сознавал. Совершив убийство, я испытывал чувство полнейшего удовлетворения и чувствовал себя отлично. Мне никогда не приходило в голову ощупывать или рассматривать половые части и т. п. С меня достаточно было сдавить женщине горло и сосать ее кровь. Половое строение женщины мне неизвестно до сего времени.

Во время душения и после я прижимался всем телом к телу своей жертвы, не отдавая предпочтения какой-либо его части».

Поводом к проявлению у Верцени его ужасного извращения послужило следующее обстоятельство. 12 лет от роду он заметил, что каждый раз, когда ему приходилось душить кур, в нем появлялось странное половое возбуждение. После того он стал истреблять массу кур, уверяя домашних, что в курятнике поселился домовой. *(Lombroso* — Goltdammers Archiv. Bd. 30. S. 13.)

Аналогичный случай, имевший место в Виттории (Испания), также описал Ломброзо.

Наблюдение 22. Некто Грухо, 41 года от роду, до того времени безупречного поведения, трижды женатый, задушил в продолжение 10 лет 6 женщин. Почти все женщины эти были

проститутки, притом уже довольно почтенного возраста. У задушенных он извлекал через влагалище кишки и почки, некоторых несчастных перед смертью насиловал, с другими (если испытывал сильную импотенцию), обходилось без этого. Преступления он свои совершал с такой осторожностью, что они в течение 10 лет оставались нераскрытыми.

б) *Осквернители трупов (некрофилы)*

К ужасной категории сластолюбцев-убийц примыкают, естественно, некрофилы, поскольку у них, как и у первых в аналогичных случаях, представление, само по себе вызывающее ужас и отвращение у человека нормального, сопровождается чувственным ощущением и тем самым дает импульс к совершению акта некрофилии.

Отмеченные в литературе случаи *осквернения трупов* производят впечатление явно патологического свойства, но все они, за исключением знаменитого случая сержанта Бертрана (см. ниже), недостаточно точно исследованы и описаны.

В отдельных случаях, быть может, все сводится к тому, что неудержимое половое влечение не видит в представлении о наступившей смерти препятствия к своему удовлетворению (глубокий упадок нравственного чувства и крайняя чувственность).

К подобным примерам можно, пожалуй, отнести седьмой из случаев, сообщенных Моро *(Moreau.* Des aberrations du sens genesique, 1887. P. 243).

Молодой человек, 23 лет, покусился на изнасилование 53-летней женщины, и, встретив сопротивление, убил ее, совершил с нею совокупление и бросил в реку, но затем снова вытащил, чтобы повторить совокупление.

Убийца был в 1879 г. казнен. На вскрытии мозговые оболочки оказались утолщенными и сращенными с мозговой корой.

Другими французскими авторами также сообщены многие примеры некрофилии. Два случая касались монахов, читавших молитвы над покойниками. В третьем случае речь шла об идиоте, страдавшем к тому же периодической манией: за изнасилование он был заключен в дом умалишенных и здесь осквернял женские трупы в покойницкой.

Но в других случаях мы имеем дело, несомненно, с явным предпочтением, отдаваемым трупу перед живой женщиной. В том случае, когда над трупом не предпринимаются никакие дальнейшие акты жестокости, вроде, например, рассечения

и т. п., причину возбуждения, вызываемого в извращенном индивиде, нужно, по всей вероятности, искать в самой безжизненности трупа. Возможно, что труп, единственно представляющий сочетание человеческой формы с полным отсутствием воли, потому и удовлетворяет патологическую потребность видеть объект желания безгранично себе подчиненным, без возможности сопротивления.

Бриер де Буамон (Gazette medicale, 1859, 21 Juillet) сообщил историю одного некрофила, который, подкупив сторожа, пробрался в дом, где лежало тело 16-летней девушки знатного рода. Ночью услышали шум как бы от упавшего кресла в комнате, где находилась усопшая. Мать последней вбежала туда и заметила человека, спрыгнувшего в одной сорочке с одра покойницы. Сперва думали, что имеют дело с вором, но вскоре истина выяснилась. Оказалось, что человек этот, происходивший из хорошей семьи, уже неоднократно осквернял трупы молодых женщин. Он был приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Весьма интересной при рассмотрении проблемы некрофилии является история одного прелата, сообщенная Таксилем *(Taxil.* La prostitution contemporaine. P. 171). Прелат этот по временам являлся в Париж в дом терпимости и заказывал себе проститутку, которая должна была ложиться на парадную постель, изображая из себя труп; для довершения сходства он заставлял ее сильно набелиться. Какое-то время в комнате, как бы превращенной в покойницкую, он, облачившись в траурную одежду, совершал печальный обряд, читал отходную, затем совокуплялся с молодой женщиной, которая все это время должна была изображать усопшую.

Случаи, в которых преступник оскверняет и рассекает труп на куски, скорее поддаются объяснению. Они непосредственно примыкают к мании убийства на почве сладострастия, поскольку жестокость или, по крайней мере, стремление наложить руку на женское тело сочетается со сластолюбием этих лиц Быть может, сохранившийся еще остаток нравственного чувства удерживает их от совершения акта жестокости по отношению к живой женщине, быть может, фантазия перескакивает через сладострастное убийство и прямо переходит к его результату, к трупу. Возможно, что и здесь играет роль представление о полном отсутствии воли в трупе (некросадизм).

Наблюдение 23 Сержант Бертран — человек нежного телосложения, странного характера, с детства замкнутый, нелюдимый, любящий уединение

Состояние здоровья его родных недостаточно точно известно, но достоверно установлены случаи душевных заболеваний в

восходящем поколении. Еще ребенком он обнаруживал ничем не объяснимую наклонность к разрушению и ломал все, что попадалось под руку.

В раннем детстве он, без всякого постороннего внушения, стал заниматься онанизмом. На 9-м году он начал испытывать склонность к лицам другого пола. В 13 лет в нем пробудилось сильное стремление к половому сношению с женщинами; в это время он усиленно предавался онанизму, причем воображение рисовало ему каждый раз комнату, наполненную женщинами, с которыми он имел сношение и затем мучил их. Вслед за этим он представлял себе их трупы, которые он подвергал осквернению. Иногда при этом в фантазии его возникало и представление о сношении с мужскими трупами, но картины эти вызывали в нем отвращение.

С течением времени он стал испытывать стремление проделывать то же самое и с настоящими трупами.

За отсутствием человеческих трупов он доставал трупы животных, распарывал им живот, вырывал внутренности и при этом мастурбировал, что доставляло ему чувство несказанного наслаждения. В1846 г. он перестал уже довольствоваться трупами и стал убивать собак, проделывая с ними вышеназванные манипуляции. К концу этого года в нем впервые пробудилось страстное желание воспользоваться для своих целей человеческими трупами. Вначале он, однако, боялся этого, но в 1847 г., когда он случайно заметил на кладбище только что засыпанную могилу, желание это, сопровождаясь головной болью и сердцебиением, овладело им с такой силой, что, несмотря на близость людей и опасность быть застигнутым врасплох, он вырыл труп. За неимением подходящего орудия, которым он мог бы рассечь труп, он схватил могильную лопату и с яростью стал наносить трупу удары.

В 1847 и 1848 гг., примерно через каждые две недели, у него, при появлении сильной головной боли, пробуждалось желание надругаться над трупом. Невзирая на большие опасности и преодолевая значительные трудности, он около 15 раз удовлетворял эту потребность. Он вырывал трупы руками и под влиянием испытываемого возбуждения не чувствовал даже получаемых при этом повреждений. Овладев трупом, он разрезал его саблей или карманным ножом, вынимал внутренности и при этих условиях мастурбировал. Пол трупа, по его словам, не играл для него никакой роли, хотя следствием было установлено, что этот современный вампир выкопал больше женских трупов, нежели мужских.

Во время совершения этих актов он испытывал неизъяснимое половое возбуждение. Изрезав труп, он каждый раз снова

закапывал его.

В июле 1848 г. он случайно добыл труп 16-летней девушки. Тут впервые его охватило страстное желание совершить совокупление с трупом. «Я покрыл его поцелуями и бешено прижимал его к сердцу. Все, что можно испытать при сношении с живой женщиной, ничто в сравнении с полученным мною наслаждением. Через 1/2 часа после этого я по обыкновению рассек тело на куски, вынул внутренности, а затем опять закопал труп».

Лишь после этого преступления Бертран, по его словам, почувствовал потребность перед тем, как рассечь труп, совершать сдам половое сношение. Так он поступил впоследствии с тремя невскими трупами. Но собственно мотивом выкапывания трупов было, как и прежде, их рассечение, которое доставляло ему несравненно большее наслаждение, чем совокупление с ними. Последнее являлось всегда только эпизодом главного акта и никогда не утоляло его страсти, вследствие чего он неизменно после совокупления с трупом рассекал его или какой-либо другой труп.

Судебные врачи признали этот случай «мономанией». Военный суд приговорил Бертрана к тюремному заключению на один год.

Наблюдение 24. Известный Ардиссон родился в 1872 г., происходит из семьи преступников и помешанных, учился сносно. Не пил, не страдал эпилептическими припадками, никогда не болел, но умственно ограничен. Его приемный отец, с которым он жил, был безнравственный человек. А. в детстве занимался мастурбацией, обычно поедал собственную сперму, бегал за детушками, не понимая, что они над ним смеются. Имел обыкновение вылизывать место, где мочились женщины. Ничего плохого в этом не видел. В селе он слыл «сосателем». Вместе с отцом он пользовался нищенками, которые у них ночевали. Охотно занимался развратом, женские груди являлись для него фетишем, и он любил их сосать. С течением времени он дошел до некрофилии. Он вырывал трупы женщин в возрасте от 3 до 60 лет и у трупов сосал грудь, производил куннилингус и только в виде исключения совершал совокупление. Один раз он взял с собой голову женщины, в другой раз — труп девочки 3-х с половиной лет. После совершения своих ужасных дел он старательным образом опять приводил могилу в порядок. Жил он изолированно, для себя, временами был пасмурен, никогда не обнаружил добрых чувств, но в общем был обыкновенно в хорошем расположении духа, которое не оставляло его и позднее в тюрьме, работал в качестве помощника у каменщика. Стыд и раскаяние по поводу совершенного были ему чужды. В 1892 г. он долгое время исполнял обязанности могильщика. Призванный на военную службу, он дезертировал и занимался

нищенством. Любил употреблять в пишу кошек и лягушек. Когда его вернули на военную службу, он снова дезертировал. Его не наказывали, так как считали его не вполне нормальным. Наконец ему предоставили свободу. Он снова сделался могильщиком. Присутствие на погребении 17-лет-ней девушки с пышной грудью пробудило в нем снова влечение выкапывать трупы. Таких осквернений могил он совершил много. Голову усопшей он взял с собой, часто целовал ее и называл своей невестой. Он был захвачен в то время, когда, принесши домой труп 3-летнего ребенка и спрятав его в солому, ночью занимался удовлетворением своей страсти, даже гниение трупа выдавшее его, не смущало его. Невозмутимо, с улыбкой сознался он во всем. А., небольшого роста, принадлежит к типу прогнатов с симметрическим черепом, общая дрожь, ослабленное питание половые органы нормальны, половое возбуждение отсутствует Малоразвит. Нравственные чувства совершенно отсутствуют. Пребывание в тюрьме ему нравилось (Эполар «Вампиризм»)

в) *Истязание женщин (уколы до крови, бичевание и т п.)*

К предыдущим двум категориям — мании убийства на почве сладострастия и осквернению трупов, притом скорее к первой категории, — примыкают те случаи в которых поранение жертвы сластолюбия и вид текущей крови ее являются источником возбуждения выродившихся индивидов.

Таким чудовищем был пресловутый маркиз де Сад[1], именем которого воспользовались для обозначения сочетания сладострастия с жестокостью. Само по себе половое сношение его не привлекает и не возбуждает, если не сопровождается уколами, приводящими к кровотечению Вершину наслаждения давало нанесение ран обнаженным проституткам и такое ранение стало обязательным условием.

Сюда же следует отнести и сообщение Бриера де Буамона об одном капитане, заставлявшем свою возлюбленную всякий раз перед половым актом, практиковавшимся им очень часто, приставлять себе пиявки к известным местам**.** В конце концов у этой женщины развилось помешательство, возникшее на почве сильнейшего малокровия Следующий случай, заимствованный из моей личной практики, рисует в очень характерной степени эту взаимную связь между сладострастием и жестокостью со стремлением проливать кровь и наслаждаться ее созерцанием.

Наблюдение 25 X, 25 лет, происходит от отца-сифилитика, умершего от паралитического слабоумия, и от матери, страдавшей конституциональной неврастенией истерического характера. Это слабый, конституционально-невропатический субъект, с многочисленными анатомическими признаками вырождения Еще в детском возрасте отмечены приступы

ипохондрии и навязчивые идеи. Впоследствии наступило постоянное чередование возбужденного и угнетенного настроения. Уже 10-летним мальчиком пациент испытывал своеобразное сладострастное ощущение при виде пораненного пальца и текущей из него крови. Он производил себе поэтому нередко уколы или порезы пальца и чувствовал себя тогда наверху блаженства. Довольно рано к этому присоединилась эрекция, наступавшая и в том случае, когда он созерцал чужую кровь, например, когда случались порезы пальца у горничной, это особенно вызывало в нем любострастные ощущения. Его половая жизнь стала пробуждаться со все большей и большей силой. Никем не побуждаемой, он начал онанировать, причем каждый раз его воображению рисовались образы истекающих кровью женщин. Его уже перестало удовлетворять созерцание собственной текущей крови, и он жаждал лицезреть кровь молодых женщин, особенно таких, которые были ему симпатичны. Нередко он с трудом мог воздержаться от искушения поранить своих двух кузин и горничную. Но и женщины, сами по себе мало ему симпатичные, порождали в нем это влечение, если они действовали на него возбуждающим образом особым туалетом, украшениями, преимущественно кораллами. Ему удавалось противостоять свое-му влечению, но в его фантазии постоянно возникали кровавые мысли, неизменно сопровождающиеся сладострастными ощущениями. Между теми и другими идеями и ощущениями существовала тесная, неразрывная связь. Часто воображению его представлялись и иного рода картины, опять-таки с окраской жестокости, так, например, он видел себя тираном, убивающим толпу залпом картечи, далее он мысленно рисовал себе сцену вторжения неприятеля в город с убийством, грабежом и изнасилованием девушек. В спокойные промежутки времени пациент, обычно человек добродушный и в этическом отношении неущербный, стыдился подобных сладострастно-жестоких фантазий и чувствовал к ним сильнейшее отвращение; они тотчас же исчезали, коль скоро его половое возбуждение удовлетворялось онанистическим актом.

По прошествии немногих лет у нашего пациента развилась неврастения, и в этом состоянии для семяизвержения достаточно было уже одного мысленного представления крови и кровавых сцен. Желая избавиться от своего порока и своих цинически-жестоких фантазий, больной предпринял половые сношения с женщинами. Половой акт удавался, однако, только в том случае, когда больной вызывал в своем воображении образ девушки с порезанным и истекающим кровью пальцем. Без содействия этого мысленного представления эрекция не наступала. Представление о порезе ограничивалось лишь женской рукой. В моменты наиболее высокого подъема полового возбуждения *достаточно было уже одного созерцания симпатичной ему женской руки, чтобы вызвать интенсивную*

эрекцию. После того как, напуганный чтением одной популярной брошюрки о вредных последствиях онанизма, пациент перестал мастурбировать, он впал в состояние тяжелой общей неврастении с ипохондрической дистимией, отвращением к жизни. Сложный и бдительный врачебный уход в течение года снова поставил его на ноги. Прошло три года, и он психически здоров, по-прежнему испытывает частое половое влечение, но прежние кровожадные представления овладевают им лишь изредка. От рукоблудия X. отказался окончательно. Он удовлетворяется естественными половыми сношениями, вполне потентен и не имеет надобности прибегать к кровавым представлениям.

То, что подобного рода сладострастно-жестокие влечения могут возникать лишь эпизодически и при известных исключительных состояниях у невропатически отягощенных лиц, доказывается следующим случаем, заимствуемым у Тарновского (указ. соч., с. 61).

Наблюдение 26. З., врач, невропатической конституции, плохо реагирующий на алкоголь и при обычных условиях нормально отправляющий половые функции, не в состоянии уже, как только он выпил вина, удовлетворять свое повышенное половое влечение обычным актом совокупления, и, для того чтобы добиться извержения семени и испытать чувство полнейшего удовлетворения похоти, он должен был уколоть или надрезать ланцетом ягодицы женщины, созерцать текущую кровь и чувствовать внедрение лезвия в живое тело.

Большинство отягощенных этой формой полового извращения оказываются, однако, нечувствительными к нормальному возбуждению, вызываемому женщиной.

Уже в приведенном выше первом случае для получения эрекции приходилось прибегать к содействию представления о крови. Нижеследующий случай относится к мужчине, который из-за практиковавшегося им в ранней юности онанизма и т. п., утратил способность к эрекции, так что у него садистский акт заменил нормальное совокупление.

Наблюдение 27. «Подкалыватель девушек» в Боцене, сообщено Демме (Buch der Verbrechen, II S. 341).

В 1829 г. Г., 30 лет, солдат, привлечен был к суду. В различное время и в различных местах он наносил столовым или перочинным ножом уколы девушкам в область живота, главным образом в половые части; эти покушения он мотивировал усиленным до бешенства половым влечением, которое могло быть удовлетворено только укалыванием женщин или же

мысленным представлением о таком повреждении.

По его словам, влечение это не оставляло его часто целыми днями, причем его душевное равновесие в это время совершенно нарушалось, приходя в норму лишь после того, как мысль, державшая его в своей власти, претворялась в действие В момент нанесения укола он испытывал то же половое удовлетворение, какое доставляется совершенным актом совокупления, и удовлетворение это усиливалось еще более при виде крови, стекавшей с ножа.

Уже на десятом году в нем пробудилось с необыкновенной силой половое влечение. Он начал мастурбировать, и рукоблудие ослабило и тело его, и дух.

До того как он сделался «подкалывателем девушек», он удовлетворял половую страсть сношениями с девушками, не достигшими половой зрелости, онанистическими актами, совершаемыми ими над ним, далее содомией. С течением времени его стала все чаще и чаще посещать мысль о наслаждении, которое могут доставить нанесения уколов молодой красивой девушке в область половых органов и созерцание крови, стекающей с ножа.

Среди принадлежавших ему вещей найдены были, между прочим, им самим рисованные непристойные изображения предметов религиозного культа. Он пользовался репутацией человека причудливого, очень раздражительного, угрюмого, разочарованного, нелюдима, женолюбца. В нем нельзя было заметить ни малейшего следа стыда и раскаяния в совершенных им деяниях. Очевидно, это был субъект, которого преждевременные половые эксцессы сделали импотентным[1] и который, под давлением продолжавшегося сильного полового влечения и невропатической конституции, обратился к извращенным половым актам.

Наблюдение 28. В 60-х гг. население Лейпцига взволновали слухи о субъекте, нападавшем на улице на молодых девушек и наносившем им раны кинжалом в плечо. Когда его наконец застигли на месте преступления и арестовали, в нем признали садиста, у которого в момент нанесения раны кинжалом наступало извержение семени, так что для него поранение девушки являлось эквивалентом акта совокупления.

В трех нижеследующих случаях мы также встречаемся с половым бессилием, но здесь оно, быть может, обусловлено психическими причинами, так как с самого начала преобладающей окраской половой жизни являются садистские наклонности и нормальные элементы половой жизни

представляются атрофированными.

Наблюдение 29. Сообщено Демме (Buch der Verbrechen, VII. S. 281). Аугсбургский «подкалыватель девушек», Бартль, по профессии виноторговец, уже с 16-летнего возраста заметил пробуждение половых желаний, но обнаруживал решительное нерасположение к удовлетворению их совокуплением, нерасположение, доходившее до отвращения к женскому полу. Уже в то время у него явилась идея наносить девушкам порезы и этим путем доставлять себе половое удовлетворение, но он не осуществил ее из-за недостатка удобного случая и мужества.

Онанизму он не хотел предаваться; от времени до времени у него бывали поллюции с эротическими сновидениями, содержанием коих являлись девушки с порезами.

В 19 лет он впервые нанес девушке порез. Здесь у него произошло семяизвержение и он получил половое удовлетворение. С тех пор импульс становился все более и более могущественным. Он останавливал свой выбор только на молодых и красивых девушках и большей частью предварительно осведомлялся у них, свободны ли они от уз Гименея. Каждый раз наступало у него извержение семени и половое удовлетворение лишь в том случае, когда он замечал, что он действительно поранил девушку. После покушения он всегда чувствовал разбитость и дурноту и, кроме того, его терзали угрызения совести. До 32 лет он наносил девушкам резаные раны постоянно, остерегаясь, однако, опасно их поранить. Затем в течение 4 лет ему удавалось побороть свое болезненное влечение. Когда оно снова пробудилось, он решил испытать, не сумеет ли он получить половое удовлетворение, если ограничится только тем, что крепко сожмет руку или шею девушки, но в результате получилась лишь эрекция, а не семяизвержение. Тогда он попробовал колоть девушек ножом, скрытым в черенке, и, когда и эта попытка кончилась неудачей, прибег к открытому ножу, на этот раз с полным успехом, так как он вообразил себе, что укол кровоточит сильнее и более болезненен, чем порез. В том же году его застигли на месте преступления и арестовали. В его квартире нашли массу кинжалов, тростей с кинжалами, ножей. Он показал, что уже одно созерцание этих орудий, а еще больше прикосновение к ним вызывает у него сильное возбуждение с ощущением сладострастия. Всего он, по собственному признанию, поранил 50 девушек. Внешнее впечатление, производимое им, говорит скорее в его пользу. Он жил очень прилично, но был чудак и нелюдим. *Наблюдение 30.* В 1896 г. было много случаев подкалывания девушек на улице в ягодицы среди белого дня. Наконец подкалыватель был захвачен на месте преступления. Это был некто В., 20 лет, с тяжелой наследственностью, который однажды при виде ягодиц женщины пришел в сильное половое

возбуждение. С тех пор эта часть тела женщины вызывала в нем половое возбуждение, стала предметом эротических фантазий и сновидений с поллюциями. Вскоре у него явилось сладострастное влечение ударять женщину по ягодицам, давить или колоть. Если он видел это во сне, у него появлялась поллюция. В конце концов у него возникло стремление проделать это в действительности. Иногда под влиянием страха он противостоял влечению, обливаясь при этом обильным потом. Однако если оргазм и эрекция были сильными, то он впадал в такое состояние ужаса и возбуждения, что должен был уколоть. В этот момент наступала эякуляция, и ему сразу становилось легче и на душе и в голове. *Наблюдение 31.* И. Г., 26 лет, явился в 1883 г. с жалобой на сильную неврастению и ипохондрию. Больной рассказал, что он начал онанировать на 14-м году, до 18 лет предавался этому пороку в меньшей степени, но с этого же возраста за ним заботливо следили и, ввиду его болезненного состояния, почти никогда не оставляли одного, почему он и не имел ни разу случая сойтись ближе с женщинами. К тому же он, собственно, и не испытывал влечения к наслаждению, остававшемуся ему неведомым.

Однажды он был случайным свидетелем того, как служанка его матери, во время мытья окон, разбила стекло и сильно порезала себе руку. В то время как он помогал ей остановить кровотечение, его охватило неудержимое желание высосать вытекшую из раны кровь; он удовлетворил это желание, причем испытал сильнейшее эротическое возбуждение, дошедшее до полного оргазма и семяизвержения.

С этого времени он стал всячески искать случая доставить себе возможность созерцания, а то и вкусового ощущения вытекающей свежей женской крови, предпочтительно крови молодых девушек. Он не останавливался ни перед какими жертвами, ни перед какими денежными затратами, лишь бы добиться своей цели. Вначале к его услугам была названная молодая горничная, которая, согласно его желанию, позволяла наносить себе уколы в палец иглой и даже ланцетом. Мать, однако, узнала об этом и отказала служанке. Тогда он обратился к продажным женщинам, долженствовавшим заменить ему молодую девушку, что, правда, не без большого труда, удавалось довольно часто. В промежуточное время он предавался онанизму и мастурбации с помощью женщины, но это никогда не доставляло ему полного удовлетворения, напротив, оставляло после себя чувство разбитости и недовольства собой. Нервное страдание заставляло его посетить многие курорты, два раза он поступал в закрытое лечебное заведение, делая это по собственному побуждению. Он пользовался водолечением, лечением электричеством и укрепляющей терапией, но без особенного успеха. Холодными поясными ваннами, однобромистой камфарой и бромидами ему удалось временно

понизить ненормальную половую возбудимость и влечение к онанизму. Но стоило больному выйти из-под врачебного надзора, и он снова становился жертвой своей старой страсти и не щадил ни труда, ни денег, чтобы удовлетворить половую похоть указанным ненормальным способом.

Большой интерес в целях научного обоснования садизма представляет случай, сообщаемый Моллем, о котором я передал в наблюдении 29 в 9-м издании этой работы. Об этом случае Молль сообщает и в своем сочинении «Libido sexualis» (с. 500). Случай этот наглядно показывает один из скрытых корней садизма — именно стремление к неограниченному *подчинению* себе женщины, стремление, в данном случае вполне осознанное. Это тем более примечательно, что здесь речь идет о человеке застенчивом, в обыденной жизни очень скромном, даже боязливом. Данный случай обнаруживает возможность существования сильной, всепоглощающей похоти, заставляющей человека преодолевать все препятствия, при отсутствии стремления к совокуплению ввиду того, что основной тон данного чувства направлен от природы в сторону садистских, сладострастно-жестоких представлений. Этот случай содержит в себе вместе с тем и слабо выраженные элементы мазохизма (см. ниже). В общем, довольно нередки примеры, когда мужчины с извращенными стремлениями за большие деньги склоняют проституток к тому, чтобы они позволяли себя истязать и даже наносить ранения. В работах, посвященных вопросу о проституции, можно найти сообщения об этом, см., например, у Кофиньона в книге «Развращенность в Париже» («La corruption a Paris») и т. д.

г) *Пачканье женщин*

Иногда извращенное садистское влечение унизить, оскорбить женщин проявляется стремлением запачкать их чем-либо противным или, по крайней мере, грязнящим.

К этой категории относится следующий случай, обнародованный Арндтом (Vierteljahrschrift fur gerichtliche Medizin. N. F. XVII. H. 1).

Наблюдение 32 Студент-медик А в Грейфсвальде обвинялся в том, что он неоднократно девушкам из уважаемых семейств публично выставлял напоказ свои обнаженные половые органы, до этого прикрытые полами пальто. Иногда он догонял убегавшую девушку и пачкал ее мочой. Все это проделывалось среди бела дня.

А. 22 лет, крепкого телосложения, одет прекрасно, обладает приличными манерами. Признаки cranium progeneum (недоразвитости черепа). Хроническая пневмония верхушки

правого легкого. Эмфизема. Пульс 60, во время возбуждения не более 70—80 ударов. Половые органы нормальны. Жалобы на временные расстройства пищеварения, запоры, головокружение, чрезмерное возбуждение полового влечения, уже очень рано поведшее к онанизму, но ни разу не направленное на естественное удовлетворение.

Далее жалобы на периодически возвращающееся меланхолическое настроение, представления самотерзающего свойства и извращенные склонности, совершенно немотивированные, например к смеху в серьезных обстоятельствах, к швырянию денег в воду, к беганию под проливным дождем.

Отец обвиняемого — нервного темперамента, мать подвержена нервным головным болям. Брат страдал эпилептическими приступами.

Обвиняемый обнаруживал с детства нервный темперамент, был склонен к спазмам и обморокам, приходил в состояние моментального оцепенения, когда ему делали строгий выговор. В 1869 г. он изучал медицину в Берлине. В 1870 г. участвовал в войне в качестве помощника лекаря. Письма его этого времени обнаруживают в нем поразительную вялость и мягкость характера. При возвращении на родину весной 1871 г. окружающим бросается в глаза его сильная душевная возбудимость. Вскоре затем частые жалобы на соматические расстройства, неприятности романтического свойства. В ноябре 1871 г он усердно занимался медициной в Грейфсвальде. Он считался очень приличным человеком Во время пребывания в тюрьме был спокоен, равнодушен, временами углублен в себя. Свои поступки он относит на счет терзающих его, в последнее время ставших чрезмерными половых возбуждений. Он сознавал, что совершал непристойные деяния, и по совершении последних стыдился их. Настоящего полового удовлетворения он при этом не ощущал. Его состояние не представляется ему в истинном свете. Он считает себя чем-то вроде мученика, ставшего жертвой злой силы. Высказано предположение об утрате свободной волеопределяемости.

Это стремление к пачканью женщин встречается также при парадоксальном, вновь пробуждающемся в старческом возрасте половом влечении, которое, как известно, часто одновременно проявляется в извращенных актах.

Так, Тарновский (указ. соч., с. 76) сообщает о таком случае.

Наблюдение 33. Я знал больного, который в ярко освещенной комнате укладывал на низкий диван женщину, наряженную в декольтированное бальное платье. Сам он, находясь у двери

другой темной комнаты, некоторое время всматривался в женщину и с силой кидал ей за пазуху экскременты. Это вызывало в нем, по его признанию, семяизвержение.

Один господин из Вены, на достоверность показаний которого я могу полагаться, сообщил мне, что мужчины склоняют проституток за высокое вознаграждение к тому, чтобы мужчины плевались, испражнялись и мочились им в рот.

Сюда же относится, по-видимому, и следующий случай доктора Паскаля («Гигиена любви»).

Наблюдение 34. Один мужчина имел любовницу. Все его отношения к ней состояли в том, что он вымазывал ей углем или сажей руки и усаживал перед зеркалом так, чтобы он мог видеть в нем ее руки. Во время длительной подчас беседы с ней он, не отрывая глаз, созерцал отражение в зеркале ее рук и по прошествии некоторого времени уходил домой, вполне удовлетворенный.

Примечателен в этом роде и следующий случай, о котором сообщил мне врач. Один офицер был известен в публичном доме в К. исключительно под именем «Oel» (масло). Он добивался эрекции и семяизвержения единственно тем, что приказывал обнаженной проститутке становиться ногами в кадку, наполненную маслом, и смазывал им все ее тело!

Приведенные примеры позволяют высказать предположение, что мотивы известных случаев намеренной порчи одежды лиц женского пола (например, обливание серной кислотой, чернилами и т. п.) коренятся в удовлетворении извращенного полового влечения; по крайней мере, здесь также мы сталкиваемся со своего рода причинением боли, причем потерпевшими являются каждый раз женщины, виновниками — мужчины. Нельзя сомневаться в том, что анализ половой жизни такого рода преступников часто в состоянии пролить свет на истинный характер покушения, и потому он может быть только желательным при судебно-медицинском расследовании этих случаев. Случай Бахмана (см. ниже наблюдение 125) равным образом свидетельствует о половом характере названных покушений, так как в нем вполне был доказан половой мотив преступления; особенно доказательно в этом смысле следующее наблюдение.

Наблюдение 35. Б., 29 лет, торговец, женатый, с тяжелой наследственностью, с 16 лет мастурбировал с помощью карманного аппарата, неврастеник, с 18 лет импотент, долгое время злоупотреблял абсентом после несчастной, т. е. неразделенной, любви. Однажды встретил на улице бонну в белом переднике, какой обычно носила любимая им девушка. Он

не мог удержаться, чтобы не украсть передник, принес его домой, мастурбировал с ним и сжег его при новой мастурбации. Идя опять по улице, он увидел женщину в белом плагье; тогда его охватила сладострастная мысль запачкать платье чернилами; он совершил это, испытывая половое возбуждение, затем он мастурбировал дома, вспоминая об этом. В другой раз при виде женщин у него явилось сильное желание испортить платье перочинным ножиком. При совершении этого он был схвачен по подозрению в попытке на воровство. В иных случаях ему достаточно было увидеть на платье женщины пятна, чтобы испытать оргазм и семяизвержение.

Он добивался того же эффекта, если поджигал сигарой платья проходящих мимо женщин. (Маньян, сообщено у Туано: Attentats aux moeurs. P. 434, подробно в работе Гарнье — Annales d'hygiene publique, 1900, Mars. P. 237.)

Гарнье (Annales d'hygiene, 1900, Fevrier—Mars) посвятил подобным случаям садизма по отношению *к предметам* отдельную работу и объяснил их фетишизмом. Особенно ясно это отмечается в вышеприведенном наблюдении 35, которое он исследовал как судебный врач и в котором фетиш состоял преимущественно в голубом платье с белым передником. Лицо, которое носило этот фетиш, не играло для него никакой роли, противостоять садистскому акту он не мог. Гарнье обозначает эти случаи термином «садофетишизм», указывает на их социальное значение и настаивает на помещении всех подобных несчастных больных в заведение для душевнобольных. Это стремление к уничтожению фетиша, являющегося собственно предметом вожделения, этот садизм по отношению к безжизненному объекту находит себе объяснение в том, что здесь фетиш вызывает сладострастные ощущения, а с ним у лиц, предрасположенных к садизму, тесно связаны акты жестокости, действия разрушительного характера. Так как при вполне выраженном фетишизме самый фетиш совершенно отделен от его носителя и доминирует над всей половой жизнью данного лица, толкая его на активные действия, то может случиться, что он пробуждает и родственные фетишизму врожденные садистские ощущения и стремления, и последние находят себе удовлетворение в безличном фетише. В сущности, ведь сам по себе садистский акт часто является эквивалентом невыполнимого совокупления на почве психической и физической импотенции, и поэтому может появляться у детей, животных, у лиц того же пола без всякого отношения к педофилии, зоофилии и гомосексуализму.

Обращает на себя внимание и свидетельствует о связи сладострастия с жестокостью то обстоятельство, что оргазм и семяизвержение «садофетишистов» наступают в момент разрушения фетиша (срезывание косы, подкалывания девушек,

пачканья дамских туалетов и т. д.).

А. Молль (Zeitschrift fur Medizinalbeamte) недавно сообщил об одном случае, который в этом смысле является классическим.

Человек с университетским образованием, 31 года, холостой, с тяжелой наследственностью, имеющий родителей, связанных кровным родством, постоянно застенчивый, замкнутый в себе, 17 лет, во время пробуждения половой жизни часто встречался с подругами своей сестры, девочками приблизительно 12-летнего возраста, носившими белые платья; эти белые платья и стали его фетишем, он начал мастурбировать, причем представлял себе в это время девушку в белом платье и манипулировал светлыми принадлежностями женского туалета.

С 23 лет половые сношения, по возможности с женщиной, одетой в светлое платье. С 25 лет, после того как он случайно увидел, как на улице девушка, одетая в белое платье, была обрызгана грязью, причем он испытал сильное половое влечение, у него явилось стремление загрязнять части женского туалета, а затем их мять и рвать. Это стремление изменялось в своей интенсивности, но постоянно появлялось при виде белого женского платья; временами оно было настолько сильно, что он пачкал их полуторахлористым железом или чернилами, и при этом возникали оргазм и семяизвержение. Иногда ему снилось белое женское белье, причем в момент прикосновения к нему и разрывания его появлялись поллюции. Никакой душевной болезни в узком смысле этого слова. Он был присужден к штрафу в 50 марок за порчу вещей.

д) *Другие формы применения насилия по отношению к женщинам.*

Символический садизм

Приведенными выше случаями не исчерпываются еще все формы проявления садистского влечения к женщинам. Если это влечение не чрезмерно или если еще есть достаточно интенсивно этическое противодействие, то может случиться, что извращенное стремление удовлетворится каким-либо, по-видимому, совершенно бессмысленным, нелепым поступком, имеющим, однако, для лица, совершающего его, символическое значение.

Иллюстрацией только что сказанного могут служить следующие два случая.

Наблюдение 36 (Доктор Паскаль «Гигиена любви») Один Господин раз в месяц, в определенный день, являлся к своей возлюбленной и ножницами отрезал у нее прядь волос,

спускавшуюся на лоб. Эта манипуляция доставляла ему полнейшее половое удовлетворение. Никаких других требований к этой женщине он не предъявлял.

Наблюдение 37 Один господин в Вене регулярно посещал многих проституток с единственной целью намылить им лицо в провести затем поверх лица бритвой, как если бы он намеревался обрить им бороду. Никогда он не причинял повреждение женщине, но эти действия вызывали в нем сильный оргазм и семяизвержение.

е) *Мысленный садизм*

Садизм иногда может проявляться только в мыслях, так, при мастурбации могут возникать садистские представления или садистские сновидения сопутствуют поллюции.

Садизм может оставаться мысленным потому, что нет удобного случая либо решимости реализовать его, или соображения этики удерживают от насильственных действий, или при раздражительной слабости центра семяизвержения достаточно уже одного садистского представления, чтобы вызвать эякуляцию — половое удовлетворение. Тогда речь идет просто об эквиваленте совокупления.

Наблюдение 38 Д., агент, 29 лет, с тяжелой наследственностью, мастурбировал с 14 лет, с 20 лет половые сношения, но без особой похотливости и удовлетворения, вследствие чего он вскоре отказался от этого и продолжал мастурбировать. Сначала этот акт сопровождался фантастическими картинами унижения и обесчещивания женщин. Чтение о насильственных действиях по отношению к женщинам также возбуждало его мысли Одновременно он не переносил вида крови ни у себя, ни у других. Никогда не чувствовал влечения перевести свои садистские фантазии в действие, так как ему противна была всякая ненормальность в половом акте. Обо всем этом он сообщил случайно, обратившись к врачу по поводу неврастении.

Наблюдение 39. Мысленный садизм с фетишизмом зада П., 22 лет, с тяжелой наследственностью, однажды на 5-м году жизни увидел, как гувернантка секла его сестру 14 лет по ягодицам, зажав ее между коленями Это произвело на него сильное впечатление, у него явилось желание еще раз видеть ягодицы сестры и ощупать их, что ему при помощи хитрости удалось. 7 лет он играл с двумя маленькими девочками; одна была небольшого роста и худощава, другая высокого роста и полная. Он играл роль наказывающего детей отца, причем первую, которая ему не нравилась, он наказывал для видимости, не поднимая платья, а вторую по обнаженным ягодицам со своеобразным чувством сладострастия и даже эрекции.

Однажды после сцены наказания девочки пожелали увидеть его спереди. Он отказал, так как это не представляло для него интереса. На 9-м году П. сдружился с другим мальчиком немного старше его. Однажды они нашли картину, изображавшую сцену бичевания в мужском монастыре. П. легко склонил своего друга к подражанию этой сцене, причем тот оставался пассивным, и испытывал при этом большое удовольствие. Однажды П. для опыта позволил себя высечь, но испытал только неприятное чувство. Подобные отношения продолжались с перерывами до тех пор, пока оба выросли. По достижении половой зрелости у П. при подобных бичеваниях возникало семяизвержение.

Он доминировал всецело над своим другом, который считал его за какое-то высшее существо. Только два раза позволил себе П. в период этой дружбы обратиться к другим лицам, к молоденькой бонне, которую он бил по ягодицам, и к 11-летней девочке на улице, от которой, однако, он убежал, когда она начала кричать.

Никогда не испытывал он влечения к мастурбации, к совокуплению с женщинами или к половым извращениям. Он удовлетворялся прикосновением к ягодицам горничных, поглаживанием сзади маленьких девочек во время игры, созерцанием ног дам, сидящих в омнибусе и т. п., видом сечения детей. Одновременно он совершал мысленный садофетишизм.

В фантастических положениях представлял он себе, как бичует младшего брата, бонну, монахиню, читал рассказы, кончавшиеся бичеванием, сценические произведения подобного же характера, реагировал на объявления вроде следующего «строгая дама ищет учеников», вел такого же характера переписку, рисовал сцены истязаний с обнаженными ягодицами, искал в библиотеках книги с садистским содержанием, делал выдержки из относящейся сюда литературы, ревностно собирал картины, где изображался его фетиш, и выбирал именно такие, в которых его извращенный вкус находил себе наиболее резкое проявление, и все это приносило ему удовлетворение.

Постепенно его фантазия разыгрывалась все сильнее от обнаженных женских ягодиц, сечения, бичевания он дошел до картин кровавых истязаний, даже убийства, что его самого испугало. И теперь, как и прежде, его интересовали только ягодицы женщины. С особым удовольствием он рисовал себе их в гипертрофированных формах. Вследствие чрезмерного семяизвержения при садистско-фетишистской фантазии П. сделался с течением времени тяжелым неврастеником. Никак не мог он решиться на лечение своих извращенных наклонностей. Недавно он нашел женщину, с которой он мог иметь сношения, так как она позволяла бичевать себя *(Regis. —*

Archives d'anthropologie cnminelle, 1899, № 82, Juillet).

Наблюдение 40. Торговец, 40 лет. Ненормально рано проявившаяся гетеро- и гиперсексуальность. С 20 лет совокупление только случайно и faute de mieux (за неимением лучшего) мастурбация. Развитие неврастении. Вследствие испуга во время полового акта психическая импотенция. Лечение безуспешно. Больной этим очень удручен, близок к отчаянию. Развитие влечения к девочкам-подросткам. Способный к нравственному противодействию, он переносит страшную душевную борьбу с этим влечением и был счастлив, когда он мог удовлетворять его с девушками, которые уже не были непорочны и перешли определенный, законом установленный возраст, но выглядели моложе своих лет. В этих случаях половая способность не оставляла желать ничего лучшего. Однажды он был свидетелем того, как одна женщина дала пощечину своей очень красивой 14-летней дочери. Тотчас у него появилась сильная эрекция и оргазм. Такое же действие производило воспоминание об этом факте. С тех пор вид наказываемой маленькой девочки является для него сильным стимулирующим средством — достаточно бывает даже только услышать или прочитать о подобных фактах.

То, что данный случай позднего садизма не благоприобретенный, а только до этого времени был скрытым, видно из того, что он в мыслях существовал уже давно. К сладострастному воображению его относилось и такое: он вводил верхнюю конечность во влагалище женщины чуть ли не до самой лопатки и рылся там.

Другие случаи мысленного садизма см. Молль (Libido sexualis. S. 324, 500), Крафт-Эбинг (Arbeiten, IV. S. 163).

ж) *Садистские акты, направленные на любой объект. Бичевание мальчиков*

Помимо вышеприведенных садистских актов с женщинами, таковые производятся и с любыми живыми объектами, детьми и животными. При этом может сохраняться полное сознание того, что кровожадное стремление направлено собственно на женщин, но что, только за неимением лучшего, оно удовлетворяется ближайшим достижимым объектом (учеником); с другой стороны, состояние садиста может быть таково, что он осознает только стремление к жестоким действиям, сопутствуемое сладострастными ощущениями, тогда как собственно самый объект этого стремления (который мог бы объяснить сладострастную окраску такого рода действий) остается в тени.

Примером первого рода могут служить случаи, приводимые

доктором Альбертом (Friedreichs Blatter fur gerichtliche Medizin, 1859. S. 77), случаи, в которых любострастные воспитатели без малейшего видимого повода бичевали своих питомцев по обнаженным ягодицам.

Со случаями второго рода, с садистским стремлением, при котором отсутствует сознательное представление об объекте, мы, очевидно, имеем дело там, где мальчики,

присутствуя при наказании своих сверстников, приходят тотчас же в половое возбуждение, причем эти впечатления определяют всю их дальнейшую половую жизнь, как показывают следующие наблюдения.

Наблюдение 41. К., торговец, 25 лет, осенью 1889 г. обратился ко мне за советом по поводу одной аномалии в его половой жизни, которая грозила ему, как он опасался, истощением и необходимостью отказаться навсегда от возможности испытывать брачные радости.

Пациент происходит из нервной семьи, в детстве был нежного сложения, слабым, нервным, но не страдал никакими болезнями, кроме кори, впоследствии окреп и развился.

Восьмилетним мальчиком, в школе, ему пришлось впервые быть свидетелем наказания своего товарища, причем учитель зажал голову провинившегося между коленями и, обнажив заднюю часть его тела, нанес несколько ударов розгой. Это зрелище вызвало в пациенте сладострастное возбуждение. «Не имея ни малейшего представления об опасности и гнусности онанизма», он стал удовлетворять себя мастурбацией и предавался часто этому пороку, каждый раз воскрешая в своей памяти образ высеченного мальчика.

Так продолжалось до 20-го года жизни. Только тогда он узнал о вредности мастурбации, сильно испугался и решил противостоять своему пагубному влечению, ограничившись, по его мнению, безвредным и оправдываемым этическими соображениями психическим онанизмом, состоявшим в том, что он воспроизводил в своем воображении образы бичуемых мальчиков.

Пациент сделался неврастеником, начал сильно страдать от поллюций и пытался излечить себя посещением публичных домов, но безуспешно, так как в этих условиях ему не удавалось добиться даже эрекции.

Тогда он стал посещать общество приличных женщин в надежде, что общение с ними возвратит его к нормальным половым ощущениям, но вскоре ему пришлось убедиться в своей полной

невосприимчивости к чарам прекрасного пола.

Пациент — мужчина нормального роста, красивой внешности, интеллигентен, с богато одаренной духовной натурой. Склонности к лицам своего пола не замечается.

Мой врачебный совет состоял в предписаниях, направленных на борьбу с неврастенией и поллюциями, в запрещении психического и механического онанизма, в устранении всякого рода половых раздражений и в попытках гипнотического лечения, направленных на последовательное возвращение половой жизни к норме.

Наблюдение 42. Абортивный («недоношенный», недоразвитый) садизм. Н., студент. Поступил под наблюдение в декабре 1890 г. Мастурбирует уже с ранней юности. По собственному признанию, приходил в половое возбуждение, присутствуя при сечении своих братьев отцом, а впоследствии школьников учителем. Созерцание подобного рода актов всегда вызывало у него сладострастные ощущения. Когда это наступило в первый раз, он точно определить не в состоянии, полагает, что приблизительно в возрасте 6 лет. Точно так же он не может обозначить, когда он начал заниматься мастурбацией; утверждает, однако, с уверенностью, что половое влечение пробуждено было в нем бичеванием других лиц, бессознательно приведшим его к онанизму. Он припоминает определенно, что с 4—8-го года жизни его самого неоднократно секли, но что этот акт вызывал в нем только чувство боли, но не сладострастные ощущения.

Так как нашему пациенту не всегда представлялся случай быть свидетелем наказания мальчиков, то он в своем воображении рисовал различные сцены сечения, и это вызывало в нем сладострастные ощущения, заканчивавшиеся мастурбацией. В школе он старался не пропустить ни одного случая телесного наказания. По временам им овладевало сильное желание быть активным участником бичевания, и на 12-м году жизни он склонил товарища, чтобы тот позволил ему высечь себя, причем он испытал сильное сладострастное ощущение Когда же после того они поменялись ролями, он ощутил только боль.

Стремление к активному бичеванию никогда не отличалось значительной интенсивностью. Пациенту доставляло большее удовлетворение занимать свою фантазию мысленным воспроизведением акта сечения Садистские проявления иного рода, вроде стремления видеть вытекающую кровь и т п., отсутствовали.

До 15 лет половая жизнь пациента ограничивалась онанизмом, следовавшим за вышеуказанными представлениями. Начиная

же с этого времени под влиянием уроков танцев или общения с девушками прежние представления у него почти совершенно исчезли, сопровождались лишь слабой сладострастной окраской, так что больной перестал прибегать к ним и их заменили мысленные представления о естественном акте совокупления без всякого садистского элемента.

«Побуждаемый интересами здоровья», больной решился познакомиться с естественным способом удовлетворения половой потребности; опыт увенчался полным успехом. Тогда он стал воздерживаться от мастурбации, но это ему не удавалось, несмотря на то что он довольно часто предпринимал акт совокупления и что последний доставлял ему большее удовлетворение, чем онанистические манипуляции.

Больной желал бы избавиться от влечения к онанизму, видя в нем нечто постыдное. Вредных последствий от него он не замечал. Правильные половые сношения имеет один раз в месяц, онанирует же каждую ночь 1—2 раза. Состояние его половой жизни в настоящее время вполне нормально, если не считать мастурбации. Неврастении ни следа Половые органы нормальны.

Наблюдение 43. П, 15 лет, из хорошей семьи, мать — истеричка, отец и брат ее умерли в доме умалишенных, двое братьев больного умерли в раннем детстве от скарлатины.

П. — талантливый, славный юноша, спокойного характера, хотя по временам обнаруживает сильное непослушание, упрямство и вспыльчивость. Страдает эпилепсией, онанист. Однажды выяснилось, что П. за деньги склонил своего 14-летнего бедного товарища Б. согласиться на то, чтобы тот позволил ему щипать у него плечи, ягодицы и ляжки. Когда Б. при этом плакал, П. приходил в сильное возбуждение и наносил ему удары правой рукой, а левой манипулировал в кармане брюк.

П. признался, что причинение боли товарищу, с которым он в общем находился в очень дружеских отношениях, доставляет ему особое удовольствие и что истечение семени при мастурбации во время истязаний сопровождается несравненно более сильным чувством наслаждения, чем в том случае, когда он онанирует в одиночестве *(Gyurkovechky von.* Pathologie und Therapie der mannhchen Impotenz, 1889. S. 80).

Наблюдение 44. К., 50 лет, без определенных занятий, с тяжелой наследственностью, удовлетворял свое извращенное половое влечение исключительно с мальчиками 10—15 лет, которых он склонял к взаимной мастурбации и которым он в момент наивысшего возбуждения прокалывал ушную мочку.

В последнее время это его больше не удовлетворяло, и он совершенно отрезал ушную мочку. Он был уличен и приговорен к 5 годам тюремного заключения *(Thoinot* Op cit. P 452).

Во всех этих случаях садистских истязаний мальчиков речь идет не о сочетании садизма с превратным половым ощущением, как это нередко встречается у лиц, страдающих извращением полового чувства (см. ниже). Это видно как из того, что при этом отсутствуют все положительные признаки, так и из рассмотрения нижеследующей группы, где рядом с объектом истязания — животным — повторно выступает резко выраженное половое влечение к женщине.

з) *Садистские акты, направленные на животных*

В многочисленных случаях садистски извращенные мужчины, пугающиеся мысли совершить преступный акт по отношению к человеку или вообще стремящиеся лишь присутствовать при страданиях живого существа, прибегают, с целью возбуждения в себе чувства сладострастия, к созерцанию смерти животных или их истязанию[1]. Характерным в этом направлении представляется случай, описанный Гофманом в его «Руководстве к судебной медицине» и касающийся одного мужчины в Вене, который, согласно показаниям на суде нескольких проституток, имел обыкновение приводить себя в половое возбуждение перед актом совокупления мучением и умерщвлением кур, голубей и других птиц, почему и известен был в кругу проституток под именем «Куриный господин».

Ценным для характеристики такого извращения является и сообщение Ломброзо о двух субъектах, у которых наступало извержение семени каждый раз, когда они душили или закалывали кур и голубей.

Тот же автор рассказывает в своем сочинении «Преступный человек» (с. 201) об одном известном поэте, который приходил в сильное половое возбуждение при виде рассечения туши убитого теленка или даже при одном взгляде на сырое мясо.

Мантегацца (указ. соч., с. 144) сообщает о гнуснейшем виде спорта у дегенератов китайцев, которые содомизируют гусей и в момент эякуляции отсекают им голову саблей (!).

Мантегацца («Физиология удовольствия», 5 изд., с. 394 — 395) приводит следующее наблюдение. Одному субъекту пришлось однажды присутствовать при закалывании петуха; с этого времени им овладело неудержимое стремление рыться руками в теплых, еще дымящихся внутренностях этих птиц, так как при этом он испытывал сладострастное ощущение.

Стало быть, и здесь, и в других подобных случаях половая жизнь уже с самого начала создана таким образом, что созерцание крови, умерщвление и т. п. возбуждает сладострастные ощущения.

Наблюдение 45. К. Л., инженер, 42 лет, женат, имеет двух детей. Происходит из невропатической семьи, отец — пьяница, человек крайне раздражительный, мать — истеричка, страдала эклампсией.

Больной припоминает, что уже мальчиком он охотно присутствовал при убое домашних животных, в особенности свиней, причем это зрелище вызывало резко выраженное ощущение сладострастия и извержение семени. Впоследствии он умышленно стал посещать бойни, с целью возбуждать себя созерцанием текущей крови и агонии животного. Если представлялся случай, он сам охотно убивал животное и каждый раз получал при этом ощущение полового акта.

Только ко времени достижения полной зрелости он сознал ненормальность своего влечения. К женщинам он не питал, собственно, никакой антипатии, но войти с ними в ближайшее сношение казалось ему чем-то ужасным. По совету врача он на 25-м году женился на симпатичной ему женщине, в надежде избавиться от своего анормального состояния. Несмотря на свою привязанность к жене, он мог совершать с ней половой акт лишь редко, и то после долгих усилий и напряжения своей фантазии. Тем не менее у него родилось двое детей. В 1866 г. он принял участие в богемском походе; письма, которые он писал жене с театра войны, носили экзальтированный, полный энтузиазма характер. Со времени битвы при Кенштреце он исчез бесследно.

Если в описываемом случае способность к нормальному совершению полового акта была сильно ограничена преобладанием извращенных представлений, то в следующем наблюдении она уже оказывается совершенно подавленной.

Наблюдение 46. (Доктор Паскаль. «Гигиена любви».) Один господин являлся к проституткам, приказывал им купить живую птицу или живого кролика и заставлял подвергать животное истязаниям: отрывать голову, вырывать глаза, внутренности. Когда он находил девушку, соглашавшуюся исполнить его желание и когда она обнаруживала при этом особенную жестокость, то он приходил в восторг, щедро платил ей и возвращался домой, не трогая ее и вообще не требуя от нее ничего иного.

Интересно пробуждение садистских чувств по отношению к животным в следующем случае, сообщенном Фере.

Наблюдение 47. Б., 37 лет, кожевник, с тяжелой наследственностью, мастурбант с 9-летнего возраста. Однажды он с другим мальчиком остановился на углу очень крутой улицы с целью заняться мастурбацией. В это время мимо проезжал громоздкий экипаж с четверкой лошадей. Кучер кричал и удерживал лошадей с такой силой, что искры появлялись у них из-под копыт. Это зрелище вызвало у Б. сильное половое возбуждение и при падении одной из лошадей семяизвержение. С тех пор Подобные зрелища давали такой же эффект, и он не мог противостоять желанию быть зрителем подобных сцен и даже искать их. Если при этом дело ограничивалось вообще усилиями животных, но не сопровождалось крайним напряжением, обходилось без побоев, то у Б. являлось только возбуждение, и для полового удовлетворения приходилось прибегать к мастурбации или совокуплению. Даже после того как он стал мужем и отцом, он не освободился от этого вида садизма. Когда у него ребенок заболел хореей, он стал страдать истерическими припадками *{Fere.* L'instinct sexuel. P. 255).

Из последних двух разделов мы видим, что для садистских натур страдание *всякого* живого существа может сделаться источником извращенного полового наслаждения, что садизм бывает направлен на любой объект.

Было бы, однако, безусловно ошибочно и преувеличенно все случаи необычайно выдающейся жестокости обязательно сводить к садистскому извращению и, как это делают некоторые, предполагать садизм в качестве побудительной причины в многочисленных ужасах древней и средней истории или даже в известных массовых психологических явлениях ближайшего к нам времени.

Источники жестокости различны; она присуща первобытному человеку. Сострадание по сравнению с ней представляет уже вторичное, последующее явление, чувство, приобретенное позднее. Влечение к борьбе и уничтожению, бывшее преобладающим свойством доисторического человека, более того, являвшееся необходимостью в доисторические времена, далеко еще не атрофировалось. Первоначальный объект его — враг — еще не исчез, и, кроме того, оно получило новые объекты в лице новых культурных представлений, под именем, например, преступника. То, что при этом требуется не простое умерщвление объекта, но еще и муки побежденного, объясняется отчасти чувством господства, власти, которое удовлетворяется этим путем, отчасти беспредельным чувством отмщения. Мы видим, таким образом, что все исторические ужасы, все жестокости находят себе иное объяснение, помимо садизма (возможно, что и последний был замешан в них, но, поскольку он является относительно редким извращением, не

следует все объяснять им).

К тому же мы не должны упускать из виду еще один могущественный психический элемент, который и объясняет притягательную силу, оказываемую и в наши дни казнями и т. п. зрелищами; мы говорим о страсти к сильным и необычным ощущениям, к редкому зрелищу, страсти, перед которой у грубых или притупившихся натур умолкает голос сострадания.

Несомненно, однако, существует много лиц, для которых, несмотря на присущее им сильно развитое чувство сострадания или даже благодаря именно ему, все, что связано со смертью и мучениями, имеет таинственную притягательную силу. Эти лица, внутренне сопротивляясь и все же следуя смутному влечению, обнаруживают интерес к такого рода событиям или по крайней мере к изображениям и описаниям подобных зрелищ. И это также еще не садизм, пока здесь не примешивается сознательный половой элемент, хотя и возможно, что смутные нити бессознательной сферы связывают такие явления со скрытой подкладкой садизма.

и) *Садизм у женщин*

Садизм — извращение, встречающееся у мужчин, как мы видели, довольно часто, у женщин встречается значительно реже, что объясняется довольно легко. Во-первых, садизм, составным элементом которого является потребность в порабощении другого пола, уже по своей природе представляет патологическое усиление половой особенности *мужчин;* во-вторых, те могущественные препятствия, которые нужно преодолеть мужчинам для проявления этого чудовищного влечения, понятным образом еще более трудно преодолимы для женщины.

Но, встречаясь редко, женский садизм все же факт установленный и вполне удовлетворительно объясняется уже одним первым составным элементом садистского извращения — именно общей перевозбудимостью двигательной сферы.

Научно прослежены до настоящего времени только два случая.

Наблюдение 48. Женатый господин с многочисленными рубцами от порезов на руках. Относительно происхождения их он дает следующее показание - когда он желает совершить акт совокупления со своей молодой, несколько «нервной», по его словам, женой, она заставляет его предварительно нанести себе порез на руке, и, лишь высосав кровь из раны, приходит в сильное половое возбуждение.

Случай этот воскрешает в памяти распространенную

повсеместно легенду о вампирах, возникновение которой, быть может, своим происхождением обязано именно садистским фактам.

Во втором случае садизма у женщин, которым я обязан доктору Моллю из Берлина, наряду с извращенным направлением похоти имеет место, как это мы довольно часто видим, анестезия по отношению к нормальным процессам половой жизни; кроме того, здесь одновременно отмечаются и следы мазохизма (см. ниже).

Наблюдение 49. Госпожа Г. из Г., 26 лет, происходит из семьи, в которой, по ее словам, не было ни нервных, ни психических заболеваний; сама пациентка, однако, представляет резко выраженные симптомы истерии и неврастении. Несмотря на то что госпожа Г. замужем уже 8 лет и имеет ребенка, она ни разу не обнаруживала того, что может быть выражено словами: «половой аппетит». Получив строго нравственное воспитание, она до замужества оставалась в почти полном неведении тайн половой жизни. Регулы появились на 15-м году и с того времени шли правильно. Существенных аномалий в половых органах, по-видимому, не имеется. Акт совокупления не только не доставляет больной никакого удовольствия, но, наоборот, внушает ей крайнее отвращение, с течением времени усилившееся все более и более. Г. решительно отказывается понимать, как можно считать подобный акт величайшим наслаждением любви, которая, по ее представлениям, является возвышенным чувством, не имеющим ничего общего с низменной похотью. Нужно заметить при этом, что она питает к своему мужу серьезную любовь. Поцелуи его доставляют ей несомненное удовольствие, точнее определить последнее она, однако, не в состоянии. Пациентка во всем остальном производит впечатление вполне разумной женщины, с наклонностями вполне женскими.

«При ласках, сопровождающих половой акт, большое удовольствие она испытывает при укусах. Наиболее желательно для нее совокупление с укусами до крови. Возбуждаясь, она кусает во время полового акта своего партнера и позволяет кусать себя. Однако она раскаивается, если укусы причиняют сильную боль» (Молль).

В истории мы встречаем примеры женщин, нередко знаменитых, основные черты которых — властолюбие, сладострастие и жестокосердие — позволяют нам предположить в этих Мессалинах существование садистского извращения. К ним принадлежат сама Валерия Мессалина, Екатерина Медичи, вдохновительница Варфоломеевской ночи, для которой не было лучшего наслаждения, как заставлять в своем присутствии сечь розгами своих придворных дам и т. д.

МАЗОХИЗМ

Сочетание переносимых жестокостей и насилия со сладострастием

Явление, противоположное садизму, представляет мазохизм. В то время как первый состоит в причинении боли, в насилии, второй — в желании переносить боль, подчиняться насилию.

Под мазохизмом я понимаю своеобразное извращение психической половой жизни, состоящее в том, что Субъект на почве половых ощущений и побуждений находится во власти того представления, что он должен быть — вполне и безусловно порабощен волей лица другого пола, что это лицо должно обращаться с ним, как с рабом, всячески унижая и третируя его. Представление это носит окраску сладострастия, и индивид, одержимый им, постоянно рисует в своем воображении картины, имеющие своим содержанием всевозможные ситуации вышеупомянутого характера; он часто стремится к воплощению этих образов его фантазии, и в силу извращения своего полового влечения становится нередко в большей или меньшей степени нечувствительным к нормальным раздражениям противоположного пола, неспособным к нормальной половой жизни, иначе говоря, обнаруживает психическую импотенцию. Эта психическая импотенция обусловливается здесь, однако, отнюдь не страхом перед противоположным полом, но исключительно тем, что извращенному влечению соответствует иное удовлетворение, а не нормальное, хотя также через посредство женщины, но не путем акта совокупления.

С другой стороны, встречаются также случаи, в которых наряду с извращенным направлением полового влечения сохраняется в еще удовлетворительной степени восприимчивость к нормальным раздражениям и половое общение происходит при нормальных условиях. В иных случаях опять-таки импотенция бывает не чисто психической, но и физической, т. е. спинальной, так как это извращение, подобно почти всем другим извращениям полового влечения, развивается обычно только на почве психического, большей частью отягощенного наследственностью предрасположения, и такие индивиды обычно предаются уже с самой ранней юности безмерным эксцессам, в особенности мастурбационным, на которые их постоянно толкает трудность воплощения их фантастических образов.

Поводом и правом назвать эту половую аномалию «мазохизмом» служит то обстоятельство, что писатель Захер-Мазох в своих романах и новеллах очень часто изображал это извращение, тогда еще научно не исследованное. В отношении образования этого слова я следовал аналогии с «дальтонизмом» (по имени Дальтона, описавшего цветовую слепоту). В последние годы мне

были представлены доказательства, что Захер-Мазох не только описал мазохизм, но и сам страдал данной аномалией[1]. Хотя я узнал об этом обстоятельстве частным образом, я позволю себе все же открыть это. Я заранее не согласен с тем упреком, который мне могут сделать некоторые почитатели писателя и критики моей книги, что я связал имя уважаемого писателя с извращением в области половой жизни. Как человек, Захер-Мазох, конечно, ничего не потеряет в глазах всех интеллигентных людей от того, что он был подвержен такой половой аномалии. Как автор, вследствие этого он нанес большой ущерб своим произведениям, ведь до того времени, пока он не предался своим извращенным наклонностям, он как богато одаренный писатель, наверно, создал бы еще много выдающегося, если бы был в половом отношении нормальным человеком. С этой точки зрения он показательный пример того огромного влияния, которое оказывает подовая жизнь, и в хорошем, и в дурном смысле, на духовную сторону человека.

Число наблюдавшихся до сих пор случаев несомненного мазохизма представляется уже довольно значительным. Будет ли мазохизм существовать наряду с нормальной половой жизнью или же полностью овладеет индивидом, будет ли лицо, страдающее этим извращением, стремиться к реализации своих своеобразных фантазий (и в какой степени) или нет, ограничится ли при этом более или менее его половая способность или не пострадает — все это зависит только от степени имеющегося в каждом данном случае извращения и от силы этических и эстетических противодействующих мотивов, равно как и от крепости физической и психической организации больного. Существенной с точки зрения психопатии и общей чертой всех этих случаев является *направленность полового влечения на представления, имеющие своим содержанием подчинение лицу другого пола, и на то, чтобы испытать его насильственные действия по отношению к себе.*

То, что мы говорили относительно импульсивности (затемнения мотивировки) садистских актов и безусловно прирожденного характера извращений, применимо и к мазохизму.

И при мазохизме мы видим градацию актов от самых отвратительных и чудовищных до просто смешных и нелепых, в зависимости от степени интенсивности извращенного влечения и от силы этических и эстетических мотивов противоположного характера. Но наиболее крайние последствия мазохизма встречают обычно сильное противодействие со стороны инстинкта самосохранения, и потому те убийства и тяжкие повреждения, которые могут совершаться в аффекте садизма, здесь, насколько по крайней мере известно до сих пор, не дополняют реальной картины болезни, хотя в мире внутренних фантазий извращенные стремления мазохистов могут иногда

нарастать и до этих крайних пределов (см. ниже наблюдение 62).

Как и при садизме, акты, которым предаются мазохисты, совершаются некоторыми лицами в сочетании с актом совокупления, иначе говоря, носят характер подготовительных действий, другими же — как суррогат невозможного в нормальном виде полового общения. И здесь это зависит только от состояния половой способности, по большей части пониженной физически или психически вследствие извращенного направления половых представлений, и существа вопроса не касается.

а) *Влечение к насильственным действиям и унижению с целью полового удовлетворения*

Наблюдение 50. Ц., 29 лет, техник, явился на прием по поводу предполагаемой спинной сухотки. Отец был нервным человеком и умер от спинной сухотки, сестра отца душевнобольная Многие родственники отличаются крайней нервозностью и причудами.

Обследование больного позволяет констатировать половую спинномозговую и головно-мозговую астению. Ни анамнез, ни объективные симптомы не обнаруживают следа спинной сухотки. На вопрос о половых излишествах больной заявляет, что он с детства предавался онанизму. Дальнейшие расспросы выяснили следующие интересные психополовые аномалии.

Уже в возрасте 5 лет у Ц. пробудилась половая жизнь, проявляясь в сладострастном влечении как к самосечению, так и к сечению другими лицами. Определенных в смысле пола индивидов больной при этом в виду не имел. За неимением лучшего он предавался самобичеванию и с течением времени добивался таким путем извержения семени.

Уже задолго до этого он начал удовлетворять себя мастурбацией, причем каждый раз воображение его рисовало ему картины сечения.

Когда подрос, он посетил два раза публичный дом для того, чтобы быть там высеченным проституткой. Он выбрал для этой цели самую красивую девушку, но, к удивлению своему, *был совершенно разочарован,* так как акт сечения не привел не только к семяизвержению, но даже к эрекции.

Он узнал, что *сечение представляет лишь вещь второстепенную, но что главное — это идея подчинения воле женщины.* К этому выводу он пришел не в первое свое посещение публичного дома, но во второе, когда его попытка увенчалась полным успехом именно потому, что он всецело был поглощен мыслью о своем

порабощении.

С течением времени, настраивая свою фантазию на мазохистские представления, он мог даже совершать половой акт также и без всякого сечения, но получал при этом лишь неполное удовлетворение, почему и предпочитал иметь половое общение мазохистским способом. Подчиняясь власти прирожденного влечения к бичеванию, он находил в мазохистских сценах удовольствие лишь тогда, когда подвергался бичеванию по ягодицам или по крайней мере воспроизводил в воображении подобную ситуацию. В периоды сильно повышенной возбудимости ему достаточно было одного представления о том, что он описывает красивой девушке сцены такого рода. Это вызывало в нем оргазм, и дело по большей части оканчивалось извержением семени.

Очень рано к этому присоединились в высшей степени действенные в смысле конечного эффекта возбуждения *фетишистские* представления. Он заметил, что его внимание приковывали и удовлетворяли такие женщины, которые носили высокие сапоги и короткую юбку (венгерская одежда). Каким путем он дошел до этого фетишистского представления, он сказать не может. И в мальчиках его возбуждает нога, обутая в высокий сапог, но возбуждение это, по его словам, чисто эстетическое, без примеси чувственной окраски, да и вообще он не замечал в себе ни разу ощущений однополого характера. Свой фетишизм пациент объясняет пристрастием к икрам, прибавляя, однако, что возбуждают его только дамские икры, скрытые в изящном сапоге. Обнаженные икры, как и вообще обнаженные женские формы, не вызывают в нем ни малейшего полового возбуждения.

Другим фетишистским представлением, но уже побочного, второстепенного значения, является для больного человеческое ухо. Он испытывает сладострастное ощущение, поглаживая красивое ухо красивого человека. С мужчинами это доставляет ему незначительное наслаждение, с женщинами — огромное.

Затем он питает слабость к кошкам. Он находит их красивыми, каждое их движение симпатично ему Вид кошки в состоянии даже вывести его из самого подавленного состояния. Кошка представляется ему чем-то священным, более того, он видит в ней даже божественное существо! В причинах этого странного чувства он не может себе дать отчета.

В последнее время в его воображении стали возникать часто и садистские представления, содержанием которых являлось бичевание мальчика. В этих представлениях играют роль как мужчины, так и женщины, по преимуществу, однако, последние, и в этом случае наслаждения, испытываемые им, несравненно

большие.

Больной утверждает, что наряду с ощущениями мазохистскими он имеет еще другие, которые он характеризует как «пажизм». В то время как его мазохистские представления и действия носят безусловно грубо чувственные характер и окраску, его «пажизм» состоит в идее, что он служит пажом красивой девушки. Девушку эту он представлял себе вполне целомудренной, хотя и пикантной, и свои отношения к ней — отношениями раба, но отношениями совершенно невинными, чисто платоническими. Идея служения пажом «чудному созданию» окрашена сладостным ощущением отнюдь, однако, не полового характера. Он испытывает при этом исключительное нравственное удовлетворение, в противоположность чувственно окрашенному мазохизму, и потому должен видеть в своем «пажизме» нечто совершенно иное.

Внешность пациента на первый взгляд не представляет никаких отклонений от нормы, но при ближайшем осмотре оказывается, что таз его чрезмерно широк, с плоскими подвздошными остями с ненормальным наклоном, безусловно женственного характера. Глаза невропатические. Ц. сообщает затем, что он часто испытывает чувство щекотания и сладострастного возбуждения в заднем проходе и что он может доставлять себе удовлетворение с помощью пальца и в этой области (эрогенная зона).

Пациент беспокоится за свое будущее и сомневается в своем выздоровлении. Он полагает, что для него возможно было бы единственное спасение — это заинтересоваться женщиной надлежащим образом, но считает для этого слишком слабыми и свою волю, и свое воображение.

То, что пациент, историю болезни которого мы только что привели, называет «пажизмом», в сущности, мало чем отличается от мазохизма, как это доказывают: 1) нижеследующие случаи символического мазохизма и другие аналогичные наблюдения, 2) то обстоятельство, что совокупление при этом виде полового извращения иногда отвергается больным как неадекватный акт, и 3) тот факт, что в подобных случаях нередко дело доходит до фантастической экзальтации извращенного идеала.

Наблюдение 51. Мысленный мазохизм. X., техник, 26 лет; мать — нервная женщина, вечно страдающая мигренями. В восходящем поколении со стороны отца имеются случаи заболевания спинного мозга и случай психоза. Один брат «нервный».

X. перенес немало серьезных детских болезней, учение давалось

ему легко, развитие шло нормально. Внешность его вполне мужская, хотя сложения несколько слабоватого и рост ниже среднего. Опущение правого яичка, яичко прощупывается в паховом канале; пенис нормально развит, но несколько мал.

В возрасте 5 лет, когда X. однажды занимался гимнастикой, прыгая через маленький снаряд с выпрямленными и закинутыми одна на другую ногами, у него впервые зародились сладострастные ощущения. Он повторил ту же процедуру несколько раз, но затем забыл об этом явлении, и когда, будучи уже более зрелым мальчиком, снова вспомнил о нем и проделал прежний опыт, то ожидаемый результат больше не наступил.

7 лет X. присутствовал на школьном дворе при борьбе мальчиков, причем победители садились верхом на лежавших на спине побежденных. Это зрелище произвело на X. сильное впечатление. Ему представилось, что положение лежащего внизу должно быть очень приятным, мысленно поставил себя в это положение и создал в своем воображении картину, как он мнимыми попытками подняться доведет дело до того, что сидящий на нем верхом приблизится к его лицу и сядет на него, заставив его ощущать испарение своих половых частей. Подобные ситуации всплывали в его фантазии впоследствии довольно часто, окрашивались сладострастным ощущением, но собственно настоящего сладострастия он при этом не испытывал ни разу, считал такие мысли некрасивыми и греховными и старался отделаться от них. О половых отношениях он, по его словам, тогда не имел никакого представления. Достойно внимания, что пациент до 20 лет жизни страдал временами ночным недержанием мочи.

До наступления половой зрелости периодически возвращавшиеся мазохистские представления имели своим содержанием положение пациента между бедрами другого лица — как мальчика, так и девочки.

Начиная с этого времени преобладали женские образы, а с завершением периода зрелости фигурируют исключительно последние. Мало-помалу ситуации эти стали получать и иное содержание, определяясь представлением о полном подчинении воли и власти взрослой девушки, сопровождаясь соответствующими действиями и положениями.

В качестве примеров таких ситуаций, вызванных идеей о своем полном порабощении, X. приводит:

«Я лежу на полу на спине. У изголовья стоит моя госпожа и поставила одну ногу ко мне на грудь или обхватила мою голову ногами так, что лицо мое находится как раз под ее половыми частями. Или же она сидит верхом у меня на груди, или на моем

лице, ест и пьет, пользуясь моим телом, как обеденным столом. Если я не так исполнил приказание своей госпожи или если ей вообще это угодно, то она запирает меня в темное отхожее место, а сама отправляется из дому и ищет развлечений. Она указывает своим подругам на меня как на своего раба и в качестве такового представляет и им пользоваться моими услугами.

Она заставляет меня исполнять самые грубые, самые низкие обязанности прислуги, я должен прислуживать ей при вставании, во время купанья, при мочеиспускании, причем в последнем случае она иногда пользуется моим лицом и принуждает меня пить ее мочу».

Идеи эти X., однако, ни разу не пытался воплотить в действительность, так как он смутно чувствовал, что осуществление их не доставит ему телесного наслаждения.

Только однажды он забрался тайком в комнату красивой горничной, побуждаемый своими представлениями о том, как он будет пить мочу девушки, но отвращение удержало его от выполнения подобного намерения.

X. напрасно боролся и борется с этими мазохистскими представлениями, которые тяготят его и отвратительность которых он сознает. Они владеют им с прежней силой. Он обращает внимание на то, что унижение и *покорность* играют в этом извращении главную роль и что чувство боли совершенно заслоняется сладострастным ощущением.

Свою «повелительницу» он представляет себе в образе изящно сложенной молодой женщины лет 20, с нежным, красивым лицом, одетую в возможно более короткие, светлые платья.

В обычном общественном сближении с молодыми дамами, в танцах, в ухаживании X. до сих пор не находил решительно никакого удовольствия.

Со времени наступления половой зрелости соответствующие мазохистские представления сопровождались временами поллюциями при явлениях слабо выраженного сладострастного ощущения.

Когда пациент однажды предпринял трение головки полового члена, ему не удалось добиться ни эрекции, ни семяизвержения, и вместо сладострастного ощущения он испытал только ощущение неприятное, почти болезненное. Неудача этой попытки, как и нескольких последующих, предохранила X. от мастурбации. Зато с 20 лег при разнообразных гимнастических упражнениях (на трапеции, при взлезании на столб) у него стало

часто появляться семяизвержение, сопровождавшееся сильным оргазмом. Стремление к половому общению с женщинами (превратных половых ощущений пациент не обнаруживал ни разу) до настоящего времени еще не наступало. Когда на 26-м году жизни один товарищ уговорил его отправиться в публичный дом, чтобы совершить акт совокупления, то уже на пути туда он стал обнаруживать «тоскливое беспокойство и положительное отвращение», а по прибытии на место был сильно возбужден, дрожал всем телом, обливался потом и до эрекции дело не дошло. Несколько повторных попыток того же рода потерпели прежнее фиаско, хотя явления физического и душевного возбуждения уже не были так бурны, как в первый раз.

Половая похоть не проявилась ни разу. Воспользоваться мазохистскими представлениями для удачного выполнения акта совокупления пациенту не удалось, так как его психические способности в этих условиях были «словно парализованы» и он не в состоянии был вызвать в своей фантазии «необходимые для эрекции интенсивные образы». Таким образом, частью по причине отсутствия полового влечения, частью по недостатку доверия к удаче, он прекратил всякие дальнейшие попытки к совершению акта совокупления. Только впоследствии он иногда удовлетворял свое слабое половое влечение указанными гимнастическими упражнениями. В виде исключения при самопроизвольных или сознательно вызванных мазохистских представлениях дело доходило до эрекции, но извержения семени более не наступало.

Поллюции появляются приблизительно через 6 недель.

Пациент — высокоинтеллигентная личность, с тонкой натурой, несколько неврастеничен. Он жалуется на то, что, бывая в обществе, по большей части испытывает такое чувство, как будто он обращает на себя общее внимание, как будто он служит предметом наблюдений, и чувство это вырастает до ощущения тоски и страха, хотя он отлично сознает, что все это -—плод его воображения. Вот почему он предпочитает одиночество, тем более что боится того, что об его половой аномалии могут узнать.

Его импотенция ему не в тягость, поскольку половое влечение его почти равно нулю, тем не менее он считал бы восстановление своей сексуальной жизни величайшим счастьем, так как ему известно, как много зависит от нее социальная жизнь, и тогда он вращался бы в обществе с большей уверенностью и большим мужеством. Нынешнее же его существование представляется ему мукой, и на такую жизнь он смотрит как на непосильное бремя.

Эпикриз. Отягощение (наследственное). Ненормально раннее

пробуждение половой жизни. Уже с 7-летнего возраста возникновение сладострастных и несомненно мазохистских ощущений при виде мальчиков, сидящих верхом друг на друге (половая и извращенная окраска ситуации, которая сама по себе у нормального человека не должна вызывать полового возбуждения), одновременно с обонятельными представлениями.

Эти ситуации как содержание фантастических представлений вначале в половом отношении не дифференцированы, со временем же наступления половой зрелости — гетеросексуального характера.

Означенные ситуации ведут к резко отраженному мысленному мазохизму (идеи уничижения, порабощения), в котором единственным соединительным звеном с женской половой сферой является представление о том, что им пользуются при мочеиспускании и что его даже заставляют пить мочу госпожи.

Отсутствие нормального полового влечения к женщине главным образом на почве мазохизма.

Наблюдение 52. X., 28 лет, литератор, с тяжелой наследственностью, с раннего детства обнаруживал половую гиперестезию: 6 лет от роду имел сны, содержанием которых являлся акт сечения по ягодицам женщиной; он просыпался каждый раз после этого в состоянии крайне сладострастного возбуждения, что и явилось поводом к мастурбации. 8-летним мальчиком он однажды обратился к кухарке с просьбой высечь его. С 10-летнего возраста — симптомы неврастении. До 25-го года сны, опять-таки с представлениями об акте сечения или того же содержания фантазии наяву, в сопровождении рукоблудия. За три года до настоящего времени — влечение быть высеченным проститутками.

Полное разочарование ввиду отсутствия при этом эрекции и семяизвержения. Новая попытка в возрасте 27 лет с целью добиться эрекции и возможности совершить акт совокупления. Удалось это не сразу, и то при посредстве следующего приема: проститутка, в то время как он пытался выполнить половой акт, должна была рассказывать ему о том, какими безжалостными ударами она осыпает других импотентов, и угрожать ему тем же самым. Кроме того, он должен был вызвать в своем воображении представления, будто он закован в цепи, находится *всецело во власти женщины,* беспомощен, переносит от нее мучительнейшие истязания. Иногда для приобретения половой способности он действительно должен был позволять себя привязывать. Этим путем ему удавалось доводить акт совокупления до конца. Поллюции сопровождались сладострастным ощущением только в том случае, когда ему

снилось (такие сны бывали, впрочем, редко), что он подвергается истязаниям или присутствует при том, как одна проститутка бичует другую. Совершение полового акта ни разу не сопровождалось настоящим сладострастным ощущением.

В женщине его интересуют только руки. Больше всех ему нравятся крепко сложенные женщины с сильными кулаками. Во всяком случае, влечение его к бичеванию представляется лишь мысленным, так как при значительной чувствительности кожи ею удовлетворяет уже несколько легких ударов; к ударам, нанесенным рукой мужчины, он отнесся бы с отвращением. Он желал бы жениться. Невозможность требовать от порядочной женщины нанесения ударов и сомнение в том, что без них он сумеет быть потентным, объясняют его нерешительность и желание избавиться от своей болезни.

Наблюдение 53. Д., 32 лет, живописец, с тяжелой наследственностью, с признаками дегенерации, с невропатической конституцией, неврастеник, слабого нежного сложения в юности. Впервые испытал половое влечение на 17-м году. Оно развивалось слабо, направлено было на лиц другого пола, но в мазохистской форме. Он жаждал ударов от красивой женской ручки. Однако рука не была для него фетишем. Он мечтал о гордой повелительнице, но никогда не старался осуществить свои мазохистские желания. Объяснить их не мог. Он сделал четыре раза попытку к акту совокупления, но безуспешно; занимался мастурбацией. Из-за этого, а также вследствие развившейся на этой почве тяжелой неврастении с фобиями он обратился к врачу.

Пассивное бичевание (флагеллация) и мазохизм

В трех приведенных до сих пор случаях у лиц, страдавших мазохизмом, выражением стремления к порабощению женщиной является по преимуществу пассивное бичевание. К тому же средству прибегает большое число мазохистов.

Мы знаем, однако, что пассивное бичевание представляет собой процесс, который путем механического раздражения седалищных нервов способен рефлекторно вызвать эрекцию. Таким эффектом бичевания пользуются истощенные развратники для поддержания своей упавшей половой способности, и эта извращенность (извращение) встречаются очень часто.

Ввиду этого необходимо рассмотреть, в каком отношении стоит пассивное бичевание мазохистов к такому же бичеванию, практикуемому при физическом половом ослаблении, а не психическом извращении.

То что мазохизм представляет собой нечто иное, гораздо более широкое явление, чем простое бичевание, вытекает с наглядностью уже из сообщений лиц, страдающих этим извращением.

Для мазохиста самое главное — подчинение женщине, истязание же есть лишь выражение этого подчинения, и притом одно из самых сильных. Оно имеет для него символическое значение и служит только средством для духовного удовлетворения его своеобразных влечений.

Напротив, ослабленный распутник не мазохист, прибегая к пассивному бичеванию, ищет лишь механического средства для своего спинномозгового центра.

Имеет ли место в каждом конкретном случае простое (рефлекторное) бичевание, или же настоящий мазохизм, определяется показанием данного лица и, кроме того, другими обстоятельствами, сопровождающими его действия.

Здесь мы должны руководствоваться следующими критериями:

1) у мазохиста влечение к пассивному бичеванию существует почти всегда с самого начала. Оно всплывает как желание *еще раньше, чем данное лицо могло на личном опыте убедиться в рефлекторном действии бичевания,* зачастую впервые лишь во сне, как, например, в приводимом ниже наблюдении 55;

2) у мазохиста пассивное бичевание является обычно лишь одним из многих истязаний самого разнообразного характера, возникающих в виде фантазии в кругу его представлений и нередко осуществляемых на деле. При всех этих разнообразных истязаниях и при тех часто практикуемых наряду с бичеванием актах, которые служат выразителями чисто символического самоуничижения, само собой разумеется, не может быть уже и речи о рефлекторном физическом раздражающем воздействии. В подобных случаях, следовательно, мы всегда должны заключить о существовании врожденной аномалии, извращения;

3) важное значение имеет то обстоятельство, что искомое бичевание у мазохиста отнюдь не обязательно должно оказать сексуальное действие. Более того, сплошь и рядом наступает даже в более или менее ясной степени разочарование, и притом всякий раз, когда намерение мазохиста доставить себе этой процедурой иллюзию желаемой ситуации (порабощения женщиной) не удается, так что в женщине, на которую он возлагает совершение процедуры, он видит лишь послушное орудие своей собственной воли. Ср. в этом смысле вышеприведенные случаи и приводимое ниже наблюдение 58.

Между мазохизмом и простым (рефлекторным) бичеванием существует отношение, аналогичное тому, которое мы видим, например, между перверсивным (превратным) половым ощущением и приобретенной педерастией.

Значение этого воззрения не умаляется тем обстоятельством, что и у мазохиста бичевание *может* иметь указанное нами рефлекторное действие, далее, что иногда перенесенное в детстве наказание подобного рода пробуждает впервые чувство сладострастия и одновременно с этим выходит из своего скрытого состояния мазохистское предрасположение. В этих случаях именно условия, приведенные выше при изложении 2-го и 3-го пунктов, и характеризуют данное состояние как мазохистское.

Если о способе возникновения сомнительного случая нет более подробных сведений, то существование побочных обстоятельств, вроде тех, какие мы привели выше при изложении 2-го пункта, ясно свидетельствует о принадлежности к мазохистскому извращению. Это применимо, например, к обоим описываемым ниже случаям.

Наблюдение 54. Один больной Тарновского нанимал на время своих припадков через особое доверенное лицо помещение и специальный персонал (трех проституток), снабженный точными инструкциями относительно своих обязанностей. В определенное время он являлся туда, его раздевали, мастурбировали, подвергали бичеванию — все это согласно его предварительным распоряжениям. Он проделывал комедию кажущегося сопротивления, просил милосердия, после этого — опять-таки сообразуясь с его инструкциями — ему давали есть и укладывали спать, но не выпускали, несмотря на его протест, осыпая ударами при неповиновении. Так проходило несколько дней. С окончанием приступа он покидал свое временное жилье и возвращался к жене и детям, ничего не подозревавшим о его болезни. Приступ повторялся один-два раза в год. *(Тарновский.* Указ. соч.)

Наблюдение 55. X., 34 лет, с тяжелой наследственностью, страдает превратным половым ощущением. В силу различных причин лишен был возможности, несмотря на сильную половую потребность, пользоваться услугами мужчин. Иногда ему снилось, что его сечет женщина, причем у него каждый раз происходит истечение семени. Сон этот навел его на мысль прибегнуть к проституткам для пассивного бичевания как к суррогату гомосексуальной половой любви.

Нанимая по временам проститутку, он снимал с себя всю одежду, ей же не разрешал полностью обнажаться, затем заставлял женщину бить его по ногам, сечь, бичевать. Вершиной

полового возбуждения было облизывание женской ноги, потому что тогда он мог получить полное удовлетворение, сопровождаемое семяизвержением.

Непосредственно за извержением семени больным овладевало чувство страшного отвращения к нравственно унижающей его обстановке совершенного проступка, и он спешил как можно скорее удалиться домой.

Наблюдение 56. X., 28 лет, принадлежащий к высшему обществу, каждые 3—4 недели являлся в публичный дом, куда предварительно сообщал о своем посещении следующей запиской: «Милая Гретхен, я приду завтра вечером между 8 и 9 часами. Розги и плеть! Сердечно кланяюсь...»

В определенный час X. являлся с кожаными ремнями, нагайками, плетью. Он раздевался, затем ему связывали ноги и руки принесенными ремнями и проститутка секла его по ягодицам, ногам, спине до тех пор, пока не наступало извержение семени. Больше никакого желания он не выражал.

Для данного лица бичевание являлось лишь средством удовлетворения его мазохистских вожделений, а не искусственным методом для подъема его половой силы, это видно из того, что он заставлял себя связывать и совершенно отвергал половой акт.

Для его мазохистских идей достаточно было' в качестве эквивалента нормального полового акта определенное подчиненное положение, чтобы путем фантазии добиться желательного оргазма, причем, конечно, главную роль играло бичевание как самое сильное средство для выражения этого подчинения воле другого лица. Конечно, можно допустить, что бичевание путем рефлекторного раздражения центра семяизвержения содействовало окончанию акта, заменявшего совокупление.

Бывают, однако, и такие случаи, в которых пассивное бичевание *само по себе* составляет все содержание мазохистских фантазий, без того, чтобы выступили другие представления самоуничижения и т. д. и чтобы настоящий характер этого способа проявления подчиненности ясно сознавался.

Такие случаи трудно отличить от случаев простого рефлекторного флагеллантизма. Только с учетом того обстоятельства, что извращение зародилось до того, как личным опытом больной удостоверился в рефлекторном действии бичевания (см. выше 1-й пункт), можно поставить настоящий диагноз, считаясь с тем, что истинными мазохистами бывают обычно люди с извращенными уже в юношестве наклонностями

и что осуществление извращения по большей части либо вовсе не имеет места, либо оканчивается разочарованием (см. выше 3-й пункт), и этот факт вполне понятен, так как все разыгрывается преимущественно в области фантазии.

Мы приведем здесь еще один случай мазохизма, в котором весь комплекс представлений, присущих этому извращению, выражен в наиболее полной форме. Это подробное самоописание общего психического состояния субъекта отличается от наблюдения, приведенного в 11-м издании, лишь тем, что здесь налицо полный отказ от реализации извращенных представлений и что наряду с существующими извращениями половой жизни сохранили всю свою силу нормальные раздражения, поэтому при нормальных условиях оказывалось возможным и обычное половое общение.

Наблюдение 57. «Мне 35 лет, психически и физически развит нормально. Во всем самом отдаленном кругу моих родных, как по прямой, так и по боковой линии, мне не известен ни один случай душевного расстройства. Мой отец, которому во время моего рождения было приблизительно 30 лет, насколько мне известно, любил крупных, хорошо сложенных женщин.

Уже в раннем детстве я охотно занимал свой ум представлениями, содержанием которых служило абсолютное господство одного человека над другим. Мысль о рабстве действовала на меня сильно возбуждающим образом, притом одинаково с точки зрения как властителя, так и раба. Меня необычайно возбуждало то, что один человек может владеть другим, продавать его, наказывать, и при чтении «Хижины дяди Тома» (книга эта попала мне в руки приблизительно во время наступления половой зрелости) я неоднократно имел эрекции. В особенно сильное возбуждение приводило меня представление о человеке, запряженном в экипаж, в котором сидел другой человек, направлявший бег первого и погонявший его ударами бича.

До 20-го года жизни представления эти были чисто объективны и безразличны в половом отношении, т. е. рабом, возникавшим в моем воображении, было третье лицо (следовательно, не я) и властелин не был обязательно женщиной.

Поэтому-то указанные представления и не оказывали никакого влияния на мое половое влечение и на удовлетворение последнего. Хотя они и вызывали эрекции, тем не менее я ни разу в своей жизни не онанировал и с 19-го года совершал половой акт без содействия названных представлений и при отсутствии какого бы то ни было отношения к ним. Впрочем, я все время отдавал предпочтение женщинам более зрелым,

крупным и хорошо сложенным, хотя не пренебрегал, должен сознаться, и более молодыми.

С 21-го года жизни представления начали объективироваться, причем в качестве существенной особенности выступила следующая черта: «госпожа» должна была быть крупной, здоровой особой, старше 40 лет. *С этого времени в образах, создаваемых моей фантазией, я всегда был лицом порабощенным:* роль «госпожи» выпадала на долю грубой женщины, которая эксплуатировала меня во всех отношениях, не исключая и полового, которая запрягала меня в свой экипаж, заставляла возить себя, за которой я должен был всюду следовать как собака, у ног которой я должен был лежать обнаженным, осыпаемый ударами кулака и бича. Это было неизменным ядром моих представлений, вокруг которого уже наслаивались все другие образы.

В этих представлениях я всегда находил бесконечное наслаждение, дававшее в результате появление эрекции, но ни разу, однако, не вызывавшее семяизвержения. Под влиянием наступавшего полового возбуждения я отыскивал себе тогда какую-либо женщину, по преимуществу наружно подходившую к моему идеалу, и удовлетворял себя естественным путем, не прибегая к каким бы то ни было другим средствам и нередко даже будучи свободным во время совершения полового акта от своих навязчивых представлений. Наряду с этим я, однако, питал склонности и к другим женщинам, не соответствовавшим созданному моим воображением идеалу, и имел с ними сношения, не будучи принуждаем к этому своими представлениями.

Хотя я, судя по всему сказанному, вел в половом отношении не слишком ненормальный образ жизни, тем не менее указанные представления возвращались периодически, с необычайной точностью, оставаясь по существу всегда одинаковыми. По мере усиления полового влечения промежутки становились все меньше и меньше. В настоящее время представления эти наступают примерно через каждые две-три недели. Если бы я совершал половые сношения перед самым наступлением представлений, то, быть может, мне удалось бы предотвратить это. Я ни разу не делал попытки реализовать свои имевшие вполне определенные и характерные свойства представления, т. е. связывать их с внешним миром, но всегда довольствовался витанием в этих мечтах, так как был глубоко убежден, что воплощение моего идеала немыслимо, даже в малой степени. Мысль о комедии с продажными женщинами казалась мне всегда нелепой и нецелесообразной, ибо оплаченная мной особа никогда в моем воображении не могла бы занять места «кровожадной госпожи». Существуют ли в действительности такие садистские женщины, как героини Захер-Мазоха, в этом я

сомневаюсь. Но будь это даже так и выпади на мою долю счастье (!) встретить такую, общение с нею в условиях нашего реального мира всегда казалось бы мне только комедией. *Я* говорил себе много раз, что если бы мне даже удалось попасть в рабство к такой Мессалине, то, по моему убеждению, я, ввиду связанных с этим лишений, очень скоро пресытился бы жизнью, к которой стремился, и в светлые промежутки, несомненно, во что бы то ни стало решился бы отвоевать свою свободу.

Тем не менее я нашел способ достигнуть в известном смысле реализации своих представлений. После того как предшествующие фантазии сильно пришпоривали мое половое влечение, я отправлялся к проститутке и мысленно воспроизводил какую-либо историю соответствующего содержания, в которой центральной фигурой являюсь я. После примерно получасового самоуглубления в созданную моей фантазией картину, все время сопровождавшуюся эрекцией, я приступаю к акту совокупления, совершая его с повышенным сладострастным ощущением и сильным семяизвержением. Тотчас же вслед за совокуплением носившиеся в моем уме образы бесследно исчезают. Пристыженный, я торопливо удаляюсь и всеми силами избегаю возвращаться к воспоминаниям о случившемся. После того я примерно недели на две свободен от всяких представлений, и при особенно удовлетворившем меня половом акте случается даже, что до ближайшего приступа я при всем желании не в состоянии был бы воспроизвести в своем воображении ситуации мазохистского плана. И все же раньше или позже, но следующий приступ наступает неизбежно, фатально. Должен, однако, заметить, что я поддерживаю половые сношения и не подготовляя себя подобными представлениями, в особенности когда имею дело с женщинами, которые хорошо знают меня и мое общественное положение и в присутствии которых я боюсь и стыжусь своих мазохистских склонностей. *В этих последних случаях я, впрочем, не всегда потентен,* тогда как под властью мазохистских представлений моя половая способность не изменяет мне никогда. Считаю нелишним заметить, что во всех остальных своих мыслях и чувствах я обнаруживаю безусловно эстетическую натуру и что вообще истязание человека само по себе представляется мне гнусным и заслуживающим полного презрения. В заключение не могу не указать еще на одну особенность моего мазохистского влечения. Я говорю именно о форме обращения. В моих представлениях весьма существенную роль играет то обстоятельство, что «госпожа» должна мне говорить «ты», тогда как я должен обращаться к ней на «вы». Это тыканье как выражение абсолютного господства с ранней юности возбуждало во мне сладострастное ощущение и не утратило своего влияния еще и по настоящее время.

На мою долю выпало счастье получить жену, безусловно

симпатичную мне во всех отношениях и в особенности также в половом, несмотря на то что она, о чем, пожалуй, и излишне говорить, нисколько не соответствует мазохистскому идеалу.

Она кротка, женственна, обладает роскошными формами, а это качество я считаю условием необходимым и нераздельным с половым возбуждением.

Первые месяцы брака протекли в половом отношении вполне нормально, мазохистские приступы совершенно отсутствовать. Тут появился первый ребенок, и период кормления повлек за собой, естественно, воздержание от супружеских сношений. И вот с возникновением половой похоти снова начались мазохистские приступы, которые, несмотря на большую и искреннюю любовь к жене, фатально толкнули меня на внесупружеские сношения, сопровождаемые мазохистскими представлениями.

Примечательно, что возобновленные впоследствии супружеские отношения не в состоянии были отогнать указанных Представлений, как это, напротив, регулярно имело место при мазохистском совокуплении.

Что касается сущности мазохизма, то я убежден, что главной и единственной целью в нем являются представления сами по себе, следовательно, чисто духовная сторона.

Предположить, что конечная цель извращения заключается В осуществлении мазохистских идей, следовательно, в пассивном бичевании и т. п., невозможно, ибо с таким предположенном, нельзя было бы примирить тот факт, что большинство мазохистов либо вовсе не делают никаких шагов к *реализации* своих представлений, либо если даже и пытаются осуществить их, то встречаются лицом к лицу с *сильным разочарованием* и во всяком случае не достигают искомого удовлетворения.

В заключение я не могу не заметить, что число мазохистов, как подтвердили мои наблюдения, действительно довольно велико, в особенности в больших городах. Единственным источником для такого рода заключения являются показания проституток, так как между мужчинами подобные интимные сообщения обычно не приняты, и, поскольку показания эти в существенных пунктах совпадают, приходится во всяком случае известные факты считать доказанными. Сюда относится прежде всего тот факт, что любая проститутка имеет в своем распоряжении какое-либо орудие для бичевания (обыкновенно роз-гу). Нужно заметить, впрочем, что бывают мужчины, которые заставляют себя бичевать исключительно ради усиления своей Половой похоти и которые, таким образом, в противоположность мазохистам,

смотрят на бичевание как на средство.

Почти все проститутки единогласно утверждают, что среди их клиентов встречаются мужчины, охотно разыгрывающие роль «рабов», т. е. охотно позволяющие себя называть так, ругать, третировать, бить. Число мазохистов, как я уже говорил, значительно более велико, чем можно было думать.

Чтение вашей книги о мазохизме произвело на меня, как вы легко себе можете представить, громадное впечатление. Я готов верить здесь в исцеление при посредстве логики, по принципу «tout comprendre c'est tout guerir» («все понять значит все исцелить»).

Конечно, слово «исцеление» приходится принимать с известным ограничением, так как мы должны здесь различать две вещи: общие чувства и конкретные представления. Устранить первые немыслимо — они появляются, как молния, неизвестно откуда и каким образом. Зато мазохистские конкретные представления поддаются устранению или по крайней мере ограничению.

Я представляю себе этот процесс таким образом. Я говорю себе: «Как, твое воображение занимают вещи, которые оскорбляют эстетическое чувство не только других лиц, но и твое собственное? Ты находишь красивым и достойным обладания то, что, по твоему же собственному убеждению, представляется безобразным? Ты стремишься к положению, в которое ты в действительности никогда не желал бы попасть?» Все эти представления противоположного характера влияют тотчас же задерживающим, тормозящим образом и сразу обрывают полет фантазии. Действительно, с того времени, как я прочел вашу книгу (приблизительно в начале текущего года), я ни разу более не отдавался мазохистским мечтам, хотя соответствующие представления и появлялись самопроизвольно, как и прежде, через правильные промежутки.

Я должен, наконец, прибавить, что мазохизм, несмотря на свой резкий патологический характер, не только не в состоянии был ослабить стремление к жизненному счастью, но и вообще никак не отразился на моей внешней жизни. Вне мазохистских приступов я во всем, что касается мышления, чувства и поступков, являюсь вполне нормальным человеком. Во время этих приступов в мире чувств, правда, замечается сильная пертурбация, но на внешние проявления моей жизни она не оказывает никакого влияния. У меня есть профессия, вынуждающая меня вращаться постоянно в обществе, иметь оживленные сношения с массой людей, и в мазохистском состоянии я справляюсь с работой так же, как и обычно».

Автор приведенной истории болезни переслал мне в дополнение

следующие заметки.

I. *Мазохизм,* согласно моим наблюдениям, при всех обстоятельствах представляет явление прирожденное и отнюдь не нечто приобретенное, привитое. *Я твердо знаю, что меня ни разу не секли по ягодицам,* а между тем мазохистские представления появились у меня с самой ранней молодости, с тех пор, как я вообще стал мыслить. Если бы их возникновение было результатом какого-либо события в моей жизни, и в особенности бичевания, то я, несомненно, сохранил бы об этом воспоминание. Характерно то, что *мазохистские представления имели место уже задолго до первых признаков пробуждения половой похоти,* и в ту пору они действительно были в половом отношении совершенно безличны, совершенно недифференцированны. Я припоминаю, что, еще будучи мальчиком, я сильно волновался, чтобы не сказать — возбуждался, когда мальчик старше меня годами говорил мне «ты», тогда как я к нему обращался на «вы». Я всячески искал случая беседовать с ним, заботливо стараясь о возможно частом взаимном обмене этими формами обращения. Впоследствии, когда я в половом отношении был более развит, такого рода вещи возбуждали меня лишь в том случае, если моим собеседником была женщина, и притом относительно более старшая.

II. В физическом и психическом отношении у меня вполне мужской склад. Как на лице, так и на всем теле богатая растительность. В моих немазохистских отношениях к женскому долу преобладающая роль мужчины является для меня непременным условием, и всякая попытка ее ограничить встретила бы во мне сильный отпор. В общем, у меня энергичная, хотя в не особенно мужественная натура, и это мужество тотчас же возрастает, когда затрагивается моя гордость. На стихийные явления (гроза, шторм на море) я совершенно не реагирую.

Точно так же и мои мазохистские склонности не обнаруживают ничего такого, что можно было бы назвать женственным или бабьим (?). Правда, при этом преобладает стремление быть объектом устремлений со стороны женщины, но здесь искомое общее отношение к «госпоже» не такое, как к женщине, это отношение раба к господину, домашнего животного к хозяину. Можно было бы прямо сказать, что идеал мазохиста — это положение собаки или лошади. И та и другая составляют безусловную собственность владельца, он может истязать их по своему усмотрению, не отдавая в этом никому отчета.

Именно эта неограниченная власть над жизнью и смертью, какая и мыслима только по отношению к рабу и домашнему животному, и составляет альфу и омегу всех мазохистских

представлений.

III. В основании всех мазохистских стремлений лежит половое влечение, и прилив и отлив последнего совпадают с приливом и отливом первых. С другой стороны, представления эти, как скоро они имеются, весьма значительно повышают половую похоть. Я по природе отнюдь не отличаюсь чрезмерной похотливостью, но, когда наступают мазохистские представления, меня неудержимо влечет к половому акту любой ценой (по большей части меня привлекают тогда самые низкопробные женщины), и если это влечение не находит себе сейчас же удовлетворения, то уже в короткое время похоть усиливается почти до степени сатириаза. Здесь возникает как бы своего рода порочный круг. Половая похоть появляется под влиянием либо долгого воздержания, либо особого возбуждения (и не мазохистского рода, например поцелуями). Несмотря на такое происхождение, эта похоть, в силу порожденных ею самой мазохистских представлений, очень скоро превращается в мазохистскую, следовательно, нечистую похоть.

То, что вообще половой аппетит может значительно усилиться под влиянием внешних случайных впечатлений, в особенности пребывания на улицах большого города, не подлежит никакому сомнению. Вид красивых и импонирующих женских фигур, как в реальности, так и в изображении, действуют сильно возбуждающим образом. Для человека, отмеченного печатью мазохизма, по крайней мере на время приступа, все внешние явления жизни играют роль поводов мазохистского характера. Пощечина, данная хозяйкой ученику, удар бичом возницы — все это оставляет в мазохисте глубокие следы, тогда как вне приступа он прошел бы мимо таких явлений равнодушно или даже почувствовал бы отвращение.

IV. Уже при чтении произведений Захер-Мазоха мое внимание обращено было на то, что представления у мазохиста время от времени сплетаются с садистскими ощущениями. У себя я также мог открыть возникающие иногда спорадические ощущения садизма. Должен, однако, заметить, что иногда последние по своей яркости и выраженности далеко уступают мазохистским и что они, не говоря уже о редкости и, так сказать, побочном характере их появления, никогда не выходят из пределов мира абстрактных чувств и не принимают форму конкретных и логически связанных между собой представлений. На половое влечение, однако, и те и другие действуют одинаково.

Если этот случай примечателен тем, что он в деталях раскрывает нам картину полного развития психического состояния, составляющего сущность мазохизма, то следующее наблюдение представляет большой интерес из-за причудливости поступков, вытекающих из данного извращения. И этот случай

также довольно наглядно показывает момент порабощения мазохиста женщиной и самоуничижения перед ней, проливая в то же время свет на своеобразную половую окраску вытекающих отсюда ситуаций.

Наблюдение 58. Ц., чиновник, 50 лет, высокого роста, мускулистый, здоровый, имеет здоровых, по его словам, родителей; отец, впрочем, был старше матери на 30 лет. Сестра Ц., двумя годами старше его, страдает бредом преследования. Больной внешне не представляет ничего выдающегося. Скелет безусловно мужского типа, большая борода, но на туловище ни следа растительности. Он утверждает, что отличается мягким, добрым характером, решительно не в состоянии ответить отказом на обращенную к нему просьбу; в то же время он горяч и вспыльчив, но эти припадки моментально проходят, оставляя в нем чувство глубокого раскаяния.

Ц., как он уверяет, никогда не онанировал. С юных лет страдает ночными поллюциями, ни разу, однако, не связанными с представлением о половом акте, но только с представлением о женщине вообще. Так, например, ему снилось, что симпатичная ему женщина крепко прижалась к нему или что он лежит в дремоте на траве, а она шутя взлезает ему на спину. Акт совокупления с женщиной издавна внушал ему отвращение. Акт этот ему казался всегда животным. Тем не менее его сильно влекло к женскому полу. Чувствовал он себя хорошо и уютно только в обществе красивых женщин и девиц. Это был очень галантный и при всем том нисколько не назойливый кавалер.

Хорошенькая женщина с пышными формами и в особенности с красивой ногой в состоянии была, когда она сидела, привести его в сильнейшее возбуждение. Его неудержимо влекло предложить себя в качестве сиденья; его восхищала мысль, что ему позволено будет «держать такую массу чудных красот». Наступи она на него ногой, дай ему пощечину, большего блаженства он не знал бы. Мысль о возможности полового общения с ней он с ужасом отгонял от себя. Он чувствовал потребность служить женщине. Ему пришло в голову, что дамы охотно ездят верхом, и вот воображение рисовало ему, как было бы чудесно изнемочь под тяжестью красивой женщины, лишь бы доставить ей удовольствие. Он воспроизводил мысленно все детали этой ситуации, представлял себе красивую ногу со шпорами, пышные икры, полные упругие бедра. Всякая статная дама, любая изящная женская ножка с силой возбуждала его фантазию, но ни разу не выдал он никому своих своеобразных, ему самому казавшихся ненормальными ощущений и отлично умел владеть собой. С другой стороны, он не явствовал никакой потребности бороться с ними, преодолеть их; напротив, ему было бы бесконечно жаль расстаться с представлениями, ставшими

ему столь дорогими.

32 лет Ц. случайно познакомился с 27-летней женщиной, разошедшейся с мужем и находившейся в крайне бедственном положении. Она произвела на него благоприятное впечатление, и он принял в ней живейшее участие, работая для нее месяцами совершенно бескорыстно, руководимый исключительно добрым чувством. Однажды, уступая бурным, настойчивым ее требованиям, он совершил с ней половой акт, который имел последствия. Ц. переселил эту женщину к себе на квартиру стал жить с ней по-супружески, но был умерен в половых сношениях, так как акт совокупления не только не доставлял ему удовольствия, но, напротив, был в тягость; очевидно, под влиянием этого психического воздействия эрекции стали слабы, подруга его под конец заявила ему, что она отказывается от сношений с ним, так как он только раздражал ее, но не удовлетворял. Бесконечно любя ее, он тем не менее не в состоянии был отделаться от своих своеобразных фантазий. С этого времени отношения его к подруге приняли исключительно дружеский характер.

Он не переставал глубоко сожалеть, что не может служить ей так, как он хотел бы, повинуясь своим влечениям. Боязнь того, как она примет соответствующее предложение, и чувство стыда заставляли его упорно не открывать своей тайны. И вот он нашел суррогат неудовлетворенных желаний в своих сновидениях. Так, ему снилось, что он превратился в благородного, пышущего огнем скакуна, на котором несется красавица. Он чувствовал тяжесть ее тела, поводья, которым он должен был повиноваться, сжатие боков бедрами, он слышал ее звонкий, радостный голос. От воображаемого напряжения он обливался потом, ощущение мнимого пришпоривания довершало остальное, и в результате каждый раз наступала поллюция, сопровождавшаяся сильным сладострастным ощущением.

Под влиянием подобных снов Ц. 7 лет назад удалось побороть робость, удерживавшую его от решения пережить в действительности испытываемые им ощущения. «Подходящий» для этого случай не замедлил представиться, и вот как описывает он проделывавшиеся им манипуляции.

«Я всегда умел устроить так, чтобы она так или иначе сама вскочила ко мне на спину. Это положение я старался сделать ей возможно более приятным и легко достиг того, что при ближайшем поводе она уже по собственной инициативе обращалась ко мне с просьбой: «Дай мне немножко покататься верхом!» Высокий рост мой позволял мне, упираясь обеими руками в стул, придавать своей спине горизонтальное положение, так что она могла удобно устроиться верхом, сидя

по-мужски. Я подражал по возможности всем движениям и аллюрам лошади, и мне очень нравилось, когда она обращалась со мной как с лошадью, тренируя без всякой жалости. Она могла бить меня, колоть, ругать — словом, делать все, что ей только угодно было. В подобной позе я мог выдерживать на спине женщин весом 60—80 кг непрерывно в течение 1/2 — 3/4 часа. После того я обычно выпрашивал себе небольшой отдых, во время которого беседа между мной и «госпожой» велась в самом приличном тоне, на самые невинные темы и о предшествовавшем не упоминалось ни звука. Спустя 1/4 часа я совершенно оправлялся и снова с готовностью предоставлял себя в распоряжение «госпожи». Процедуру эту, если позволяли время и обстоятельства, я проделывал, с указанными промежутками, 3 — 4 раза подряд. Случалось, что я разыгрывал роль верховой лошади и до, и после обеда. Я не чувствовал потом никакого утомления, не испытывал никакого неприятного ощущения, в эти дни я только замечал почти полное отсутствие аппетита. Особое удовольствие доставляло мне, если я мог обнажать при верховой езде верхнюю часть туловища, чтобы таким образом сделать более чувствительными удары бича. Но сама «госпожа» должна была выглядеть прилично и держаться пристойно. Всего более мне нравился такой ее костюм: изящные башмаки, красивые чулки, короткие, до колен, закрытые панталоны, платье, застегнутое доверху и закрывающее руки, шляпка, перчатки».

Ц. сообщает, далее, что уже 7 лет не совершал ни разу акта совокупления, но считает себя потентным. Верховая езда на нем женщин вполне компенсирует его за «животный акт», даже в том случае, когда извержение семени не наступает.

8 месяцев назад Ц. дал себе слово отречься от своею мазохистского спорта, и слово это он до сих пор держит. Тем не менее он полагает, что, если бы женщина, даже и не особенно красивая, прямо обратилась к нему со словами «дай мне немножко покататься верхом», он не имел бы силы противостоять этому искушению.

Ц. просит сказать ему, излечима ли его анормальность, разъяснить, что он собой представляет — порочного человека, достойного презрения, или больного, заслуживающего сострадания.

Уже в приведенных выше случаях наряду с другими актами мы встречали попирание ногами как выражение мазохистского стремления к уничижению и к испытанию боли. Но образец исключительного и доведенного до максимума использования этого средства для извращенного возбуждения и удовлетворения, использования, которое послужило поводом к установлению особой группы (см. ниже на с. 176), так как оно

служит переходом к другому виду извращения, дает нам следующий классический случай мазохизма, о котором сообщает Хэммонд (указ. соч., с. 28) на основании наблюдения доктора Кокса[1] из Колорадо.

Наблюдение 59. X., образец мужа и семьянина, строго нравственный человек, отец нескольких детей, периодически страдает приступами, при которых он отправляется в публичный дом, выбирает 2—3 наиболее рослых девушек и запирается с ними в комнате. Обнажив верхнюю часть тела, он ложится на пол с руками, скрещенными на животе, и с закрытыми глазами и заставляет девушек переходить через него, крепко, со всей силой наступая пятками на грудь и шею. Иногда он требует более — тяжелую девушку или прибегает к некоторым другим приемам, еще более отягощающим эту процедуру. По прошествии 2 — 3 часов он, видимо, чувствует себя удовлетворенным, щедро угощает Девушек вином, вручает им гонорар, уничтожает следы подтеков, причиненных процедурой, одевается, уплачивает по счету и отправляется в свое бюро, с тем чтобы приблизительно через неделю снова доставить себе описанное своеобразное удовольствие.

Иногда случается, что он велит одной из девушек стать себе на грудь, тогда как остальные должны кружить ее до тех пор, пока под давлением каблуков кожа не покраснеет до крови.

Часто также одна из девушек должна стать так, чтобы один башмак пришелся поперек глаза и каблук нажимал глазное яблоко, другой же башмак покоился поперек шеи. В этом положении он выдерживал тяжесть тела девушки весом около 150 фунтов в продолжение 4—5 минут.

Автор сообщает о том, что ему известны десятки аналогичных случаев. Хэммонд высказывает справедливое предположение, что субъект, о котором идет здесь речь, очевидно, утратил в сношениях со своей женой половую способность и в этой своеобразной процедуре ищет и находит эквивалент полового акта; попирание ногами до крови, очевидно, вызывало в нем приятное половое возбуждение, сопровождающееся семяизвержением.

Наблюдение 60. X., из высших кругов, 66 лет, у отца гиперсексуальность. Два брата, по-видимому, страдают мазохизмом Больной утверждает, что его мазохизм начался с детских лет Когда ему было пять лет, он заставлял маленьких девочек раздевать его и бить по ягодицам. Несколько позже он старался устраивать так, чтобы мальчики или девочки играли с ним в «школу» и в качестве учителей наказывали его. 15 лет он представлял себе, что девушки во время беседы соблазняли его и били. Он тогда еще не имел никакого понятия о половом

значении подобных представлений и вообще ничего не знал о половой жизни. Его стремление к тому, чтобы быть побитым женщиной, все возрастало. На 18-м году он добился этого и получил первую поллюцию. На 19-м году первый акт совукупления, вполне удовлетворивший его, с полной потенцией, без всяких мазохистских представлений. С этого времени нормальное половое общение до 21 года, когда одна проститутка предложила ему устроить мазохистскую сцену. Он согласился, получил огромное удовлетворение и с этого времени старался, чтобы каждому акту совокупления предшествовала мазохистская сцена. Скоро он понял, что возбуждение зависит не от ударов, а от мысли быть в подчинении женщины. Больной женился. Ему удалось жить счастливо в семейной жизни и не соединять свои мазохистские мысли с супружеским общением, но ему больно, что он не может противостоять тому, чтобы по временам у проституток не заниматься мазохизмом. Это случается и теперь, несмотря на то что он стал дедушкой. Мазохистские сцены всегда — прелюдия полового акта. Никаких психопатических явлений и более глубоких извращений у больного нет. Он указывает на частоту мазохизма и на огромную роль, которую играют в этом деле массажистки. По его словам, мазохизм широко распространен особенно в Англии и для этой цели всегда можно найти англичанку.

Наблюдение 61. Л., художник, 29 лет, из семьи, в которой было много случаев нервных болезней и туберкулеза, пришел за советом по поводу ненормальных проявлений в его половой жизни.

Половое стремление появилось у него внезапно на 7-м году, когда его высекли розгами. С 10 лет начал предаваться мастурбации; при этом он всегда думал о сечении; точно так же позже ночные поллюции сопровождались снами, связанными с бичеванием. И в бодрствующем состоянии у него всегда было желание быть высеченным.

С 11 до 18 лет склонность к своему полу. Эта склонность не переходила, однако, границ очень пылкой юношеской дружбы. И в этот гомосексуальный период у него всегда было желание быть высеченным любимым другом.

С 19 лет половое сношение, однако без надлежащей страсти и с недостаточной эрекцией. Склонность сделалась исключительно гетеросексуальной и направлена была на женщин, *которые были старше больного.* К молодым девушкам он относился равнодушно. Страсть к флагелляции все возрастала.

С 25 лет — любовь, глубокая, продолжающаяся до сих пор, к женщине старше его. Брак с ней невозможен. Положение все то же. Тщетные попытки этой женщины направить его на

нормальную половую жизнь. Несмотря на отвращение к данному положению, на глубокую любовь ж этой женщине, несмотря на раскаяние, стыд — постоянные возвраты. Больной считает свое половое влечение к упомянутой женщине *исключительно мазохистским.* В конце концов ему удалось склонить женщину к тому, чтобы она его бичевала.

Из-за сильного полового влечения он заставлял бичевать себя и проституткам. *Он считает, что бичевание для него адекватно половому акту, при нем он быстрее с полным удовлетворением получает извержение семени.* Акт совокупления играет для него второстепенную роль. Он прибегает к нему иногда в качестве дополнения к тому удовлетворению, которое получает от бичевания и редко с успехом ввиду его относительной психической импотенции.

Он находит, что оба эти акта различно действуют на душу и тело: после совокупления он чувствует себя морально в приподнятом настроении, физически освеженным; после бичевания физически он страдает, морально чувствует раскаяние, считает свой мазохизм явлением патологическим и потому обращается к медицинской помощи. Л. сложен вполне по-мужски, в высшей степени выдержан и корректен в обращении. Из физических жалоб отмечает симптомы церебральной неврастении (ослабление памяти и воли, рассеянность, раздражительность, боязливость, робость, тяжесть головы и т. п.). Половые органы нормальны. Эрекции наступают только по утрам.

Больной полагает, что если бы он мог жениться на любимой женщине, его мазохизм исчез бы.

В качестве лечения предложено: стремиться к подавлению мазохистских мыслей, влечений и актов, если окажется необходимым, прибегнуть к гипнозу, укрепить нервную систему и освободиться от явлений раздражительной слабости при помощи противонервного лечения.

Приведенные до сих пор случаи мазохизма и многочисленные аналогичные наблюдения, описанные различными авторами, характерны как параллель к рассмотренной выше группе «в» садизма. Подобно тому как там извращенные мужчины получают возбуждение и удовлетворение от причинения женщинам истязаний, здесь они ищут того же эффекта от пассивного перенесения насильственных действий.

Но и группа «а» садизма, обнимающая случаи убийства на почве сладострастия, странным образом находит себе известную аналогию в мазохизме, что вполне объяснимо. Ведь в своих крайних последствиях мазохизм также должен привести к

вожделению быть убитым особой другого пола, подобно тому, как садист стремится к активному умерщвлению. Правда, у мазохиста такое вожделение вступает в коллизию с инстинктом самосохранения, который и одерживает верх, так что в действительности это крайнее последствие не осуществляется. Но там, где выдвигается лишь затаенно все строение мазохистских представлений, мы должны считаться с возможностью возникновения в воображении этих индивидов даже и таких крайних последствий, как стремление к пассивному убийству, доказательством чему служит следующий случай.

Наблюдение 62. Мужчина средних лет, женатый, отец семейства, всегда ведший нормальную половую жизнь, но происходивший, по его словам, из очень «нервной» семьи, делает следующее сообщение. Еще в ранней юности вид женщины, закалывавшей животное ножом, приводил его в сильнейшее половое возбуждение. С этого времени он в продолжение многих лет носился со сладострастно окрашенными представлениями о том, что женщины колют и режут его и даже убивают ножом. Лишь впоследствии, с началом правильного полового общения, представления эти утратили для него характер извращенного раздражения.

С этим случаем следует сравнить те случаи, в которых мужчины находили половое удовлетворение в легких уколах ножом, наносимых им женщинами, при условии, что эти уколы сопровождались угрозой смерти.

Подобные представления, быть может, дают ключ к уразумению следующего редкого, но своеобразного случая, сообщением которого я обязан любезности доктора Кёрбера из Ранкау (в Силезии).

Наблюдение 63. «Одна дама рассказывала мне следующее: юной, не посвященной в жизнь девушкой она выдана была замуж за 30-летнего человека. В первую же брачную ночь он, не обменявшись с ней ни одной лаской, вручает ей маленькую губку и мыло и выражает настоятельное желание, чтобы она намылила ему подбородок и шею, как это делают для бритья. Совершенно неопытная молодая женщина повинуется; то же самое повторяется и в следующие ночи. Она немало изумлена, что в продолжение первых недель супружеской жизни она успела познакомиться с тайнами последней только в этой странной форме; муж на все ее расспросы неизменно отвечал, что он испытывает величайшее наслаждение, когда она намыливает ему лицо. Когда юная супруга впоследствии посоветовалась со своими замужними приятельницами, она навела своего мужа на путь истинный и, по ее утверждению, родила от него троих детей. Муж по профессии торговец,

трудолюбивый, солидный, но малообщительный, несколько угрюмый человек».

Можно во всяком случае предположить, что этот субъект видел в акте бритья (соответственно намыливания, как подготовительного к бритью действия) зачаточное, символическое воплощение представлений, имеющих своим содержанием причинение повреждений, лишение жизни, угрозы ножом, подобно тому как это было в юности с вышеупомянутым господином, и что этим путем он получал половое возбуждение и удовлетворение. Полным соответствием к толкуемому таким образом случаю является приведенное выше наблюдение 37, в котором дело идет о символическом садизме.

Символический мазохизм

Существует целая группа мазохистов, довольствующихся символическими намеками на присущие их извращению ситуации, которая соответствует группе «д» «символических» садистов, подобно тому как приведенные выше случаи мазохизма соответствовали группам «в» и «а» садизма. Как, с одной стороны, извращенные стремления мазохиста усиливаются до «пассивного убийства» на почве сладострастия (правда, только в воображении), так, с другой стороны, мазохист может удовлетвориться одними символическими намеками на искомую ситуацию, обычно выражаемую истязаниями.

К вышеописанному наблюдению 63 мы добавим еще несколько аналогичных случаев, в которых искомые и заказанные мазохистами действия носят *чисто символический* характер и до известной степени служат для оттенения желаемой ситуации.

Наблюдение 64. (Паскаль. «Гигиена любви».) Через каждые 3 месяца к одной проститутке является 45-летний господин и платит ей 10 франков за следующую процедуру. Она должна его раздеть, связать руки и ноги, завязать глаза и затемнить комнату. Затем она усаживает своего гостя на софу и оставляет в этом беспомощном состоянии одного. По прошествии получаса она должна вернуться и развязать его, после чего он отдает ей деньги и удаляется вполне удовлетворенный, с тем чтобы приблизительно месяца через три возобновить свое посещение.

Человек этот, оставаясь один в темной комнате, по-видимому, с помощью фантазии дополнял и развивал дальше ситуацию беспомощного своего порабощения женщиной.

Еще курьезнее следующий случай, в котором опять-таки проделывается сложная комедия, исходящая из мазохистских представлений.

Наблюдение 65. (Паскаль, там же.) Один господин в Париже в известные дни вечером отправлялся на квартиру, хозяйка которой изъявила готовность удовлетворять его странную склонность. Он являлся при всем параде в гостиную дамы, которая должна была одеться в бальное платье и принять его чисто светским образом, с выражением строгости на лице. Он приветствовал ее со словами «маркиза», она должна была в ответ назвать его «любезным графом». Затем он рассказывал ей о том, как он счастлив, застав ее одну, говорил о своей любви к ней и, наконец, просил свидания. Тут она должна была разыграть роль оскорбленной его предложением. Мнимый граф разгорячался все более и настойчиво просил разрешения поцеловать мнимую маркизу в плечо. Сцена сильного негодования, дама дергает за сонетку, специально для этой цели нанятый слуга выбрасывает за дверь нашего героя, который отправляется восвояси, крайне довольный, щедро вознаградив участников комедии.

Наблюдение 66. X., 38 лет, инженер, женатый, отец трех детей, хотя и жил счастливо в браке, не мог, однако, противостоять влечению время от времени отправляться к обученной им проститутке и до акта совокупления воспроизвести следующую мазохистскую комедию. Как только он входил к ней, она должна была взять его за ухо, таскать его по всей комнате и ругать: «Что ты здесь делаешь? Разве ты не знаешь, что твое место в школе, отчего ты не идешь в школу?» При этом она дает ему пощечину и бьет до тех пор, пока он не падает на колени и не просит прощения. Тогда она дает ему в руки корзину с хлебом и плодами, как это дают детям при отправления их в школу, берет его снова за ухо и повторяет приказание идти в школу. X. до тех пор играет роль провинившегося, пока иод влиянием причиняемой ему боли, ударов и брани у него не наступает состояние оргазма. В этот момент он кричит «иду, иду» и совершает половой акт. Весьма вероятно, но не доказано, что эта мазохистская комедия находится в связи с тем, что, по-видимому, под влиянием подобных наказаний в школе возникло первое половое возбуждение, половая похоть. О половой жизни X. ничего не известно (Dr. *Carrara* — Archivio di peichiatria, XIX, 4).

Мысленный мазохизм

От описанного символического мазохизма нужно от-личать мысленный мазохизм, при котором психическое извращение не выходит за пределы представлений и фантастических образов и не делается никаких попыток к реальному их осуществлению. Такой случай мысленного мазохизма мы встречаем прежде всего в приведенном выше наблюдении 57, затем в наблюдении 62. Подобными же являются и оба нижеследующие. Первый из них относится к субъекту с отягощенной душевной и телесной

наследственностью, с признаками вырождения, у которого очень рано наступила психическая и физическая импотенция.

Наблюдение 67. Ц., 22 лет, холостой, приведен был ко мне своим опекуном для врачебного совета, так как он крайне нервен и, очевидно, ненормален в половом отношении. Мать и бабка с материнской стороны страдали душевным расстройством. Родился больной в то время; когда отец страдал сильным нервным заболеванием.

По словам опекуна, Ц. был очень живым, талантливым ребенком. Уже в 7-летнем возрасте заметили в нем привычку к мастурбации. С 9-го года он стал рассеян, забывчив, плохо подвигался в занятиях, нуждался в постоянной помощи и присмотре, с трудом окончил реальную гимназию и во время отбывания воинской повинности в качестве вольноопределяющегося обращал на себя внимание своей вялостью, забывчивостью и различными нелепыми выходками.

Поводом к врачебной консультации был следующий случай: Ц-на улице подошел к одной молодой даме и в крайне назойливой форме, сильно возбужденный, пытался завязать с ней беседу.

Больной мотивировал свой поступок желанием привести себя беседой с приличной девушкой в такое возбуждение, которое сделало бы его способным совершить затем акт совокупления с проституткой!

Отец Ц. характеризует его как доброго от природы, нравственного, но распустившегося, часто приходившего в отчаяние от своих жизненных неудач, в то же время вялого и индифферентного человека, не обнаружившего ни к чему интереса, кроме музыки, так как обладал богатыми музыкальными способностями.

Внешность больного — плагиоцефальный череп, большие, выступающие вперед уши, несовершенная иннервация ротовой ветви лицевого нерва, невропатическое выражение глаз — указывает на дегенеративную невропатологическую личность.

Ц. высокого роста, крепкого сложения, типа безусловно мужского. Таз мужской, яички хорошо развиты, пенис громадной величины, лобок богат растительностью, правое яичко расположено ниже левого, кремастерный рефлекс на обеих сторонах слаб. В интеллектуальном отношении больной ниже среднего уровня. Он сам чувствует и сознает свою недостаточность жалуется на вялость и слабость характера и просит, чтобы в нем укрепили силу воли. Неловкое, застенчивое обхождение и манеры, глаза, избегающие смотреть прямо, вялая осанка ленивая походка — все свидетельствует об

онанистических привычках. Больной сознается, что он предавался этому пороку с 7 лет, годами мастурбируя 8—12 раз в день. Полтора года назад, когда у него появились симптомы неврастении — головные боли, психическая слабость, спинномозговое раздражение и т. п. — и он перестал испытывать при онанистических актах то сильное сладострастное ощущение, которым они всегда сопровождались раньше, мастурбация утратила для него свою прелесть и он прекратил ее. Ц. утверждает, что он делается все более вялым, неэнергичным, робким, трусливым, что он не питает ни к чему интереса, делает свое дело только по чувств) долга, ощущает себя сильно изнуренным и истощенным. Мысль о совершении полового акта ему никогда не приходила в голову, да и будучи онанистом, он не понимает, какое удовольствие можно иметь от такого способа полового удовлетворения.

Исследование превратного (перверсивного) полового ощущения дало отрицательный результат. Ц. уверяет, что он ни разу не чувствовал влечения к лицам своего пола. Напротив, он скорее считает, что время от времени у него появлялась слабая склонность к женскому полу. К онанизму он пришел по собственному побуждению. На 13-м году он, совершая мастурбацию, впервые заметил у себя извержение семени.

Только после долгих уговоров Ц. решился раскрыть нам всю свою половую жизнь. На основании его дальнейших сообщений можно было сделать вывод, что ему присущ мысленный мазохизм с зачаточным садизмом. Больной отчетливо припоминает, что уже в 6-летнем возрасте у него без всякого видимого повода возникли навязчивые представления «пассивного насилия». Воображение рисовало ему, что горничная раздвигает его ноги, показывает другому его половые органы, пытается бросить его в горячую или холодную воду с целью причинить боль. Эти представления пассивного насилия носили сладострастную окраску и послужили толчком к мастурбаторным манипуляциям. Они стали затем играть роль и в его сновидениях. Поллюции, однако, они ни разу не влекли за собой, очевидно, по той причине, что больной днем безмерно мастурбировал.

С течением времени к этим мазохистским представлениям пассивного насилия присоединились и соответствующие садистские представления. Вначале это были образы мальчиков, на-сильно мастурбировавших друг друга, отрезавших половые органы. Зачастую больной при этом ставил себя самого в положение такого мальчика то в пассивной, то в активной роли.

Впоследствии образы мальчиков сменились образами женщин и девушек, демонстрировавших друг перед другом свои половые органы. Ему представлялись в возбуждении, например, такого

рода ситуации, что одна горничная раздвигает бедра другой и дергает ее за половые органы, или также, что мальчики истязали девочек, кололи их, щипали за гениталии.

Подобные представления также вызывали в нем каждый раз половое возбуждение, но он никогда не чувствовал влечения ни ж активному, ни к пассивному их воплощению на деле. Для него вполне достаточно было использовать их для автомастурбации. В последние полтора года с ослаблением половой похоти эти образы стали всплывать реже, но содержание их осталось неизменным. Мазохистские представления насильственного характера преобладают над садистскими. Когда он в последнее время видит какую-либо женщину, в его воображении проносится мысль, что она разделяет его представления. Этим он отчасти объясняет испытываемые им в обществе смущение и неловкость. Больной слышал, что он освободится от своих тягостных ему самому половых представлений, если привыкнет к естественному половому удовлетворению. Поэтому он в течение последних полутора лет предпринял дважды попытку совокупления, правда, с отвращением и без надежды на успех, и действительно оба раза опыт потерпел полное фиаско. При второй попытке его охватило такое сильное отвращение, что он оттолкнул от себя девушку и обратился в бегство.

Второе приводимое ниже наблюдение предоставлено в мое распоряжение одним врачом. Хотя оно и отмечено стремлением к повышению половой возбудимости, тем не менее интересно в смысле определяющей момент мазохизма идеи порабощения женщиной.

Наблюдение 68. Ц., 27 лет, художник, крепкого сложения, приятной внешности, по его словам, не отягощен наследственностью, в юности был здоров, с 23 лет стал нервен и обнаруживает склонность к ипохондрии. В половом отношении его отличает хвастливое преувеличение своей способности, в действительности не особенно высокой. Несмотря на интерес к нему со стороны женщин, больной ограничивает свои отношения к ним платоническими любезностями и ласками. При этом примечательно его влечение к женщинам, обращающимся с ним сдержанно и сурово. С 25-летнего возраста он заметил, что женщины, как бы безобразны они ни были, обязательно приводят его в сильное половое возбуждение, как скоро он открывает в их внешности или поведении властные черты. Гневного слова из уст такой женщины достаточно для того, чтобы вызвать у него сильнейшую эрекцию. Так, например, однажды он сидел в ресторане и был свидетелем того, как кассирша, особа очень некрасивая, осыпала энергичной бранью лакея. Эта сцена привела его в состояние крайнего эротического возбуждения, вскоре разрешившегося семяизвержением. Ц. требует от женщин, с которыми он намеревается совершить акт

совокупления, чтобы они отталкивали его, всячески мучили и т. п. Он полагает, что прельстить его в состоянии женщина, по типу приближающаяся к героиням романов Захер-Мазоха.

Из этих случаев мысленного мазохизма вполне ясно, что лица, подверженные этой аномалии, вовсе не стремятся к тому, чтобы в действительности испытать боль, и что поэтому название, которое дали этой аномалии Шренк-Нотцинг и Эйленбург, и именно «алголагния» вовсе не обозначает сущности, психической основы мазохистских чувств и представлений. Сущность заключается в сладострастном сознании своей подчиненности воле другого лица, и только мысленное или реальное насилие со стороны другого лица является средством для достижения такого чувства.

Приведенное ниже сердечное излияние носителя мысленного мазохизма к даме из общества служит убедительным доказательством этого положения.

«Всемилостивейшая Государыня! Владычица! Богиня! нижеподписавшийся, полный глубокого раболепия, ваш покорный слуга — фантазер a la Захер-Мазох. Как таковой, он повергает себя к вашим ногам, видя в вас олицетворение идеала Венеры, униженно просит удостоить его пинка и разрешить ему лизать, как ваша собака, след вашей ноги. И затем, сударыня, окажите мне милость: разрешите мне лежать перед вами в пыли, положить вашу маленькую ножку на мою спину и в таком положении я вам расскажу вкратце свою историю. Уже с юности у меня явилось стремление целовать ногу красивой женщине, которая попирала бы, ударяла бы меня этой ножкой, я желал бы, чтобы эта женщина была моей владычицей и обращалась со мной, как с рабом, дрессировала меня, как собаку. Видеть укротительницу зверей было для меня величайшим наслаждением, и я приходил в экстаз, когда победительница наступала ногой в изящном башмаке с высоким каблуком на тело льва иди тигра.

Затем мною овладевала дама в мехах. В особенности увлекался я «красной усадьбой», так как находил восхитительной картину, как собака госпожи лижет подошвы ее ног.

С этого времени такие мысли стали моей излюбленной фантазией. И разве это наслаждение только для одной госпожи — позволить лизать себе ноги своему рабу, своей собаке? В моей фантазии рисовались картины, как плантаторша истязает своих невольников, ездит на них, как на лошадях, дрессирует их, как собак. О, если бы вы мне дали испытать подобные наслаждения!

Я бы хотел, чтобы вы, по крайней мере, хоть мое письмо растоптали ногами, чтобы я мог потом прижать его к губам как

высшую награду.

Я вижу, как вы при чтении этих строк насмешливо улыбнулись, как в ваших глазах, засверкал огонек сладострастия, смешанный с насмешкой, как вы топнули маленькой ножкой в туфле с изящным каблуком, как маленькая ручка крепко охватила рукоятку хлыста и как вы процедили сквозь зубы: «О, я понимаю тебя, раб, я понимаю твои визжанья, собака! О, если бы ты сейчас был у меня под ногой! Ты бы узнал, что твое страстное желание тебя не обмануло, что я женщина, которая умеет властвовать. Я понимаю твое сладострастие, раб, я понимаю твои рабские чувства, собака, как я понимаю и ценю наслаждение жестокого деспотизма. Я раздавила бы тебе твой правый глаз своим каблуком, и ты должен был лизать кровь на моем башмачке, собака. Я бы снабдила свои башмаки острыми шпорами и терзала бы тебя ими, и ты должен был бы очистить их своим языком; твой язык пригодился бы мне и для других вещей. Мои плевки были бы твоей пищей, моча твоей властительницы — твоим питьем! Ты желал и нашел бы во мне свой идеал!» Униженно умоляю об ответе, лежу у ваших ног, лижу каблуки ваших туфель и остаюсь вашим рабом, вашей собакой».

Автор этих строк, 32 лет от роду, принадлежит к интеллигентной семье; он заявляет, что с детства имел подобные извращенные мысли и нашел в сочинениях Захер-Мазоха лишь то, что сам испытал. Он считает свое извращенное чувство, свои фантазии квинтэссенцией сладострастия. По его словам, существует масса лиц, которые чувствуют то же, что и он, и он жалеет только, что редко можно встретить женщину, которая бы соответствовала идеалу мазохиста. Кроме произведений Захер-Мазоха он указывает еще на «Графиню Аранку» Балдуина Гроллера, «Смолу» Ришпена и др.

В письме к другому мазохисту этот удивительный развратник предлагает поискать женщин соответствующего образа мыслей, женщин с наклонностью к садизму, чтобы организовать замкнутое общество по образцу ордена «Fontevrault» («Фонтевро»).

Случаи, в которых извращение половой жизни разыгрывается исключительно в области фантазии, в мире внутренних представлений и влечений и лишь совершенно случайно становится известным другим лицам, встречаются, по-видимому, нередко. Их *практическое* значение, как и мазохизма вообще (который, впрочем, не вызывает повышенного судебно-медицинского интереса в отличие от садизма), заключается исключительно в психической импотенции, обычно составляющей последствие извращения у таких лиц, и в могущественном влечении к удовлетворению, оставаясь в

одиночестве, при адекватных представлениях, создаваемых воображением, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

То, что мазохизм представляет весьма часто встречающееся извращение, вполне убедительно доказывается как относительно большим числом научно наблюдавшихся до сих пор случаев, так и различными автобиографиями мазохистов, сообщенными выше и в основных своих чертах вполне совпадающими одна с другой.

Бесчисленное множество сообщений об этом предмете содержится и в произведениях, посвященных описанию проституции в больших городах.

Несомненно, в высшей степени интересно и достойно упоминания то обстоятельство, что от описываемого нами извращения не был свободен один из знаменитейших людей, указывающий на это в автобиографии (хотя и в несколько туманной и не вполне ясной форме). Мы говорим о Жане Жаке Руссо, «Исповедь» которого свидетельствует, что он страдал мазохизмом.

Руссо, относительно истории жизни и болезни которого мы сошлемся на Мёбиуса «История болезни Ж. Ж. Руссо» и Шателена «Помешательство Руссо», рассказывает в своей «Исповеди» (1 ч. 1 кн.), как сильно импонировала ему 30-летняя мадемуазель Ламберсье, когда он мальчиком 8 лет учился в пансионе ее брата. Ее огорчения, когда он не в состоянии был тотчас же ответить на заданный ему вопрос, ее угрозы наказать его розгами, если он не будет хорошо заниматься, производили на него глубочайшее впечатление. Наказанный однажды собственноручно мадемуазель Ламберсье, он ощутил наряду с болью и стыдом сладострастно-чувственное ощущение, вызвавшее в нем неудержимое желание подвергнуться новому наказанию. Только опасение огорчить свою воспитательницу удержало Руссо от инцидентов, могущих предоставить ему случай испытать эту сладострастную боль. Но в один прекрасный день он совершенно неумышленно навлек на себя наказание розгами из рук мадемуазель Ламберсье. Наказание это было, впрочем, последним, так как воспитательница, очевидно, по некоторым признакам заметила своеобразный его эффект, и с тех пор она удалила 8-летнего мальчика из своей спальни, в которой он раньше спал. Начиная с этого времени Руссо испытывал потребность подвергаться бичеваниям а 1а Ламберсье со стороны дам, которые ему нравились, хотя он уверяет, что до юношеского возраста он не имел ни малейшего представления о взаимоотношениях полов. Как известно, Руссо лишь на 30-м году утратил свою невинность, посвященный в таинство любви госпожой де Варане. До того времени он испытывал только влечение к женщинам в смысле пассивного

бичевания и иных мазохистских представлений.

Руссо подробно описывает те страдания, какие ему приходилось переносить при его сильной половой потребности и своеобразной чувствительности, несомненно пробужденной полученным в детстве наказанием розгами, когда он изнемогал от вожделения, не будучи в состоянии удовлетворить его. Было бы, однако, заблуждением думать, что для Руссо все дело заключалось в одном только пассивном бичевании. Бичевание пробудило лишь представления, присущие мазохизму, и в этом во всяком случае заключается психологическое ядро интересного самонаблюдения. Существенным для Руссо было чувство порабощения женщиной. Это следует из его «Исповеди», где он вполне определенно высказывает свои мечты:

''Быть у ног надменной возлюбленной, повиноваться ее приказаниям, иметь повод просить у нее прощения — все это доставляло мне очень нежные радости..."

Это место указывает с очевидностью, что центром тяжести мазохистского состояния была идея порабощения женщиной, уничижения перед ней.

Сам Руссо, несомненно, заблуждался относительно своего состояния, так как полагал, что стремление быть уничиженным женщиной возникло лишь посредством мысленной ассоциации из представления о бичевании:

«Никогда не смея признаться в своей склонности, я по крайней мере тешил себя отношениями, сохранявшими хотя бы представление о ней». [Перев. М. Розанова.]

Только при сопоставлении случая Руссо с установленными в настоящее время столь многочисленными случаями мазохизма, среди которых существует множество не имеющих ничего общего с бичеванием, так что отчетливо выступает первичный и чисто психический характер влечения к порабощению, только при таком сопоставлении можно вполне уяснить себе этот случай и раскрыть заблуждение, в которое Руссо неизбежно должен был впасть, анализируя свое состояние и углубляясь в него.

Бине (Revue anthropologique, XXIV. P. 256), подвергнувший подробному анализу случай Руссо, также вполне основательно обращает внимание на его мазохистский смысл: «Руссо привлекает в женщинах не просто нахмуренная бровь, поднятая рука, строгий взгляд, властная поза, все это является внешним выражением эмоционального состояния; ему нравится надменная, гордая женщина, под ногами которой он ощущал бы

всю тяжесть ее царственного гнева».

Объяснение этого загадочного психологического факта Бине ищет и находит в предположении, что здесь речь идет о фетишизме, с той лишь разницей, что объектом фетишизма, стало быть, предметом индивидуальной притягательной силы, фетишем, является уже не часть тела, например нога или рука, но духовное качество. Это влечение он называет «духовной любовью», в противоположность «пластической любви», которая имеет место при обыкновенном фетишизме.

Эти замечания очень остроумны, но они только обозначают, а не объясняют явление. Возможно ли вообще какое-либо объяснение — этим вопросом мы займемся впоследствии.

С элементами мазохизма (и садизма) мы встречаемся еще у одного французского писателя, а именно Ш. Бодлера, умершего от душевной болезни.

Бодлер происходил из семьи душевнобольных и переутомленных. Уже с юности он обнаруживал признаки психической ненормальности. Безусловно, патологической была и его половая жизнь. Он поддерживал половые сношения с уродливыми, непривлекательными женщинами, негритянками, карлицами, великаншами. Относительно очень красивых женщин он говорил, что желал бы видеть их повешенными за руки и в этом положении целовать им ноги. Это влечение к обнаженной ноге фигурирует и в одном из его дышащих лихорадочной страстью стихотворений как эквивалент полового акта. Он смотрел на женщин как на зверей, которых нужно запирать, осыпать ударами и хорошенько откармливать. Этот человек, отличавшийся явными мазохистскими и садистскими наклонностями, погиб в конце концов от паралитического слабоумия *(Lombroso.* Der geniale Mensch. Ubers. von Frankel. S. 83).

В *научной* литературе факты, составляющие сущность мазохизма, еще до самого недавнего времени не обращали на себя внимания. Только Тарновский[1] сообщил, что он встречал умных, образованных, счастливо женатых мужчин, которыми время от времени овладевало неудержимое влечение подвергнуться самому грубому, циничному обхождению — брани, ударам кнута со стороны активных педерастов, проституток. Примечательно также еще одно наблюдение Тарновского, что у известных лиц, предающихся пассивному бичеванию, одни удары, иногда даже кровавые, не вели к желанному результату (восстановлению половой способности или хотя бы семяизвержению при бичевании). «В таком случае нужно было насильно раздеть субъекта или связать ему руки, прикрепить к скамье и т. п., причем он делал вид, будто не

дается, бранится и оказывает некоторое сопротивление. Только тогда удары розгами вызывали возбуждение, разрешавшееся извержением семени».

Сочинение О. Циммермана «Наслаждение страданием» (Die Wonne des Leids. Leipzig, 1885) содержит некоторые указания из истории культуры и литературы, имеющие отношение к разбираемой нами теме.

В последнее время мазохизм обратил на себя внимание целого ряда исследователей.

А. Молль приводит ряд случаев настоящего мазохизма у лиц, страдающих превратным (перверсивным) половым чувством; среди последних, например, случай, когда человек с гомосексуальными и мазохистскими наклонностями переслал специально для этой цели нанятому человеку подробную инструкцию в 20 параграфах, указывающих, каким образом тот должен третировать его как раба и каким истязаниям должен его подвергать.

В июне 1891 г. Д. Стефановский (Ярославль, Россия) сообщил мне, что уже около трех лет он интересуется извращением половой жизни, описанным мной как мазохизм и названным им «пассивизмом», что полтора года перед этим он отдал профессору Ковалевскому в Харькове соответствующую работу для помещения в «Архив психиатрии» и что в ноябре 1888 г. он прочел доклад, в котором данный вопрос освещен с юридически-психологической точки зрения в Московском юридическом обществе (доклад напечатан в «Юридическом вестнике'», органе названного общества, за 1890 г., № 6—8) [2].

Шренк-Нотцинг в своем сочинении «Внушение как терапия при болезненных проявлениях полового чувства» (Die Suggestionstherapie bei krankhaften Erscheimmgen des Geschlechtssinnes. Stuttgart, 1892) равным образом уделяет место описанию мазохизма и садизма и приводит несколько собственных наблюдений.

Очень интересно проследить явления мазохизма в *художественной* литературе.

Профессор Е. Деак из Будапешта любезно обратил мое внимание на то, что излюбленная мысль мазохиста о том, чтобы быть использованным любимой женщиной в качестве вьючного животного, нашла свое выражение в древнеиндийской литературе, например в «Панчатант-ре» (Benfey, II Bd., IV Buch) в рассказе «Женские причуды». Там говорится следующее:

«Жена царя Ненды, поссорившись со своим мужем, ни за что не

хотела помириться с ним. Тогда он сказал ей: «Милая! Без тебя я не могу жить ни одной минуты. Я падаю к твоим ногам и прошу тебя примириться со мной». Она возразила: «Я примирюсь с тобой, если ты согласишься позволить взнуздать тебя, я сяду к тебе на спину, буду погонять тебя, и ты будешь бегать, как лошадь». Так и произошло (ср. наблюдение 58 этой книги!). По исследованиям Бенфи, подобная же история рассказана и в одной буддийской книге.

В новейшей литературе психополовое извращение, о котором говорится в этой главе, описано Захер-Мазохом, в произведениях которого, уже не раз нами упомянутых, приведены типичные картины извращенной душевной жизни подобных людей.

На произведения Захер-Мазоха откликнулись многие страдающие этим извращением, как видно из вышеприведенных наблюдений, откликнулись как на типичное изображение их собственного психологического состояния.

Золя в «Нана» дал одну мазохистскую сценку, точно так же и в «Эжене Ругоне». Новейшую декадентскую литературу во Франции и Германии часто интересовала тема садизма и мазохизма. Новейший русский роман нередко останавливается, по словам Стефановского, на данном предмете, но, по свидетельству старого писателя-путешественника Иоганна Георга Форстера (1754— 1794), эти вопросы трактуются даже в русской народной песне. Стефановский нашел тип «пассивиста» в одной трагедии английского драматурга Отвея «Спасенная Венера» и в доказательство, что это явление возникло на почве извращенного полового чувства, ссылается на книгу доктора Люи *(Luiz.* Les fellatores. Moeurs de la decadence. Paris, 1888, Union des bibliophiles).

Мазохизм нашел и своего поэта в лице скончавшегося в Гамбурге в 1890 г. пропагандиста социал-демократических идей Иоганнеса Ведде (Собрание сочинений, 2 т. Гамбург, 1894); в своих лирических излияниях он стремится к тому, чтобы мужчину подчинять женщине, чтобы униженную христианским учением женщину (ср. с. 4) сделать госпожой, причем ей приписываются и садистские склонности, из чего видно, что Ведде был в полном смысле мазохистом (ср. критику Макса Гофмана на сочинения Ведде (Magazin, v. 29. 2. 96).

Прекрасный пример мазохизма приводится в скандинавской литературе у И. П. Якобсона в «Нильсе Лине» (нем. перев. Бёка, с. 57).

б) *Скрытый мазохизм. Фетишизм ноги и башмака*

К группе мазохистов примыкает довольно большая по

численности группа фетишистов ноги и башмака. Группа эта представляет переход к явлениям другого извращения, а именно фетишизма, но она стоит ближе к мазохизму, чем к фетишизму, и потому мы поместили описание ее в этом месте.

Под фетишистами (см. с. 229) я разумею лиц, половой интерес которых сосредоточивается исключительно на известной части женского тела или же на известном предмете женского одеяния.

Одна из наиболее частых форм такого фетишизма — та, при которой в роли фетиша выступают нога или башмак женщины, становящиеся исключительными объектами эротических чувств и влечений.

В высокой степени вероятно и это ясно видно из правильного сопоставления наблюдавшихся случаев, что большинство, а пожалуй, и все случаи фетишизма башмака опираются на более или менее сознательное мазохистское влечение к самоуничижению.

Уже в случае Хэммонда (наблюдение 59) мазохист находит удовлетворение в том, что его попирают ногами. То же самое в наблюдениях 55 и 58 («эротическая наездница») — везде мы встречаемся с влечением к женской ноге. В большинстве случаев мазохизма попирание ногами играет важную роль в качестве непосредственного выражения идеи подчинения женщине.

Нижеследующий случай, где мазохизм возник под влиянием сечения и к нему рано присоединился фетишизм башмака, причем связь мазохизма с этим фетишизмом была ясно мотивирована, является подтверждением приведенного положения.

Наблюдение 69. Ц., 28 лет, с невропатической наследственностью, невропатической конституции, утверждает, что уже на 11-м году имел поллюцию. В это время он был высечен матерью, сечение в тот момент причинило только боль, но впоследствии в воспоминании оно сочеталось с сладострастным ощущением. Под влиянием последнего чувства он все чаще воспроизводил этот факт в своей памяти и при этом сам себе наносил удары по ягодицам. Около 13 лет он почувствовал склонность к изящному дамскому башмачку с высоким подъемом. Помещая такой башмачок меж бедер, он достигал извержения семе-ни. Постепенно для этой цели ему достаточно было одной мысли об этом. К мысли о башмачке вскоре присоединилось еще мазохистское представление, дававшее ему значительно большее удовлетворение. *Он представлял себе, что лежит у ног красивой молодой дамы и что она топчет его своими прелестными башмачками.* При этом

представлении у него возникало извержение семени. Так продолжалось до 21 года, причем у него никогда не появлялось желания совершить совокупление или интереса к женским половым органам. В период от 21 до 25 лет во время тяжелого туберкулеза мазохистские представления исчезли. По выздоровлении он впервые обратился к проститутке. Его постигла неудача из-за того, что, как только он увидел ее обнаженной, у него исчезла похоть и он не мог добиться эрекции. Тогда он вернулся к своим мазохистски-фетишистским представлениям. Он, однако, надеется, что когда-нибудь встретит идеал своих мазохистских фантазий — женщину с садистскими наклонностями и что с ее помощью добьется нормального полового общения.

Подобные случаи[1], где в кругу ясно выраженных мазохистских представлений предметом особого полового интереса являются нога и обувь или женский башмачок как символ унижения, многочисленны. Они представляют легко прослеживаемые ступени к другим случаям, где мазохистские стремления отступают далеко на задний план и стушевываются в сознании, а на передний план выдвигается и остается в сознании интерес к женскому башмачку, на первый взгляд совершенно непонятный. Эти случаи являются частыми проявлениями фетишизма обуви. Подобные весьма частые случаи обожания обуви, представляющие, как и все проявления фетишизма, судебно-медицинский интерес (воровство обуви), образуют границу между мазохизмом и фетишизмом. Большей частью на них можно смотреть как на скрытый мазохизм (мотивы этого факта не достигают сознания), причем нога или женская обувь приобретают *в качестве фетиша мазохиста* самостоятельное значение.

Мы приведем еще несколько случаев, в которых женская обувь уже обретает основное значение, но знаменательную роль еще играют мазохистские ощущения.

Наблюдение 70. X., 25 лет, происходит от здоровых родителей, никогда прежде не страдал сколько-нибудь серьезными болезнями. Предоставил в мое распоряжение следующее жизнеописание:

«Я начал онанировать с 10 лет, не имея в то время никакого представления о чувстве сладострастия. Тем не менее уже тогда — это я отчетливо припоминаю — вид и прикосновение к элегантному девичьему сапожку оказывали на меня своеобразное чарующее впечатление; верхом моих желаний было самому носить такие же сапожки, и желание это, благодаря устраивавшимся домашним костюмированным вечерам, удавалось осуществлять. Тогда в моем уме зародилась совершенно другая мысль, страшно меня терзавшая: моим

идеалом сделалось желание видеть себя в порабощенном состоянии — сознавать себя рабом, подвергаться истязаниям, — короче говоря, принять участие во всех тех перипетиях, какие описываются во многих рассказах о невольниках. Зародилось ли это желание во мне под влиянием чтения таких книг, или же оно возникло совершенно самостоятельно и совершенно самопроизвольно, этого я сказать не могу.

На 13-м году наступила половая зрелость; с началом семяизвержения чувство сладострастия усилилось, и я стал мастурбировать чаще, нередко два и три раза в день. В промежутке от 12 до 16 лет онанистические акты неизменно сопровождались представлением, будто меня заставляют носить девичью обувь. Вид изящного ботинка на ноге сколько-нибудь красивой девушки опьянял меня, и в особенности охотно я ощущал запах кожи. Чтобы получать эти обонятельные впечатления, я приобрел себе кожаные манжеты, которые и подносил к носу во время мастурбаторного акта. Моя страсть к кожаным дамским ботинкам сохранилась и сейчас, но, начиная с 17-летнего возраста, она осложнилась *желанием быть слугой знатных дам, иметь право чистить им ботинки, снимать и надевать обувь и т. п.*

Мои ночные сновидения имеют неизменным объектом всевозможные сцены с ботинками: либо я стою перед витриной сапожной лавки, либо созерцаю изящный дамский ботинок, в особенности застегивающийся на пуговицы, либо лежу у ног

женщины обнюхиваю и лижу такие ботинки. С год тому назад я перестал онанировать и хожу к проституткам; совокупление совершается при наличии сосредоточенного представления о дамском ботинке, застегивающемся на пуговки, иногда же я для этой цели кладу на постель женский башмак. Каких-либо последствий онанизм, которому я прежде предавался, не оставил. Занятия идут у меня легко, я обладаю хорошей памятью и, сколько живу, не имея ни разу головных болей. Вот все, что я могу сказать о себе.

Еще пару слов о моем брате. Я глубоко убежден в том, что и он склонен к фетишизму обуви; среди многих других фактов, доказывающих мне это, укажу хотя бы на то большое удовольствие, какое он испытывает, когда его попирает ногами какая-либо из красивых кузин. Вообще я с положительностью могу сказать о каждом мужчине, фетишист ли он башмака или нет по тому, как он останавливается перед сапожной лавкой и рассматривает выставленную обувь. Аномалия эта распространена необычайно сильно; когда мне приходится в обществе направлять разговор на то, что в женщине обольщает нас всего больше, мне приходится слышать сплошь и рядом, что одетая женщина действует на нашу чувственность несравненно

сильнее, чем раздетая; при этом, однако, каждый остерегается выдать излюбленный им специальный фетиш. У меня есть дядя, которого я точно так же считаю приверженным фетишизму обуви».

Наблюдение 71. Ц., 28 лет, чиновник, мать невропатическая женщина; сведений о состоянии здоровья и наследственности отца, умершего уже давно, не удалось добыть. Ц. с детства отличался сильной нервозностью и впечатлительностью; уже рано, никем не наученный, стал мастурбировать, с наступлением половой зрелости сделался неврастеником, на некоторое время прервал онанизм, страдал очень частыми поллюциями, несколько поправился в водолечебном заведении, испытывал сильное половое влечение к женщинам, но частью по недоверию к своим силам, частью из страха заражения ни разу до сих пор не предпринимал попытки к совокуплению, и это действует на него крайне подавляюще, тем более что он за неимением лучшего снова предался своему тайному пороку.

Ближайшее исследование половой жизни больного обнаруживает в нем одновременно фетишиста и мазохиста, причем выясняются очень интересные взаимоотношения между обеими аномалиями половой жизни.

Ц. уверяет, что он уже с 9-го года жизни получил слабость к дамскому башмаку, и объясняет происхождение подобного фетишизма тем, что в этом возрасте он случайно увидел, как одна дама села на лошадь, причем слуга держал стремя. Зрелище это вызвало в нем сильное возбуждение, и он с тех пор постоянно воспроизводил его в своей фантазии, причем с каждым разом оно все сильнее и сильнее окрашивалось сладострастным ощущением. Впоследствии наступление поллюций каждый раз сопровождалось ярким представлением об обутой женской ноге. Фетишем служит для него ботинок с высоким каблуком, завязывающийся с помощью шнурков. К этому уже рано присоединилось *сладострастно окрашенное представление о том, что женщина попирает его каблуком и что он, стоя на коленях, целует ее башмак.* В женщине его интересует лишь обувь. Обонятельные представления не играют при этом никакой роли. Башмак сам по себе еще недостаточен для возбуждения полового влечения, нужно, чтобы он надет был на ногу. Вид женщины, носящей такую обувь, приводит его в столь сильное возбуждение, что он должен мастурбировать Он полагает, что может быть потентен исключительно только с таким образом обутой женщиной.

Ц. нарисовал для себя подобный башмак и во время онанистического акта настраивал свою фантазию созерцанием этого рисунка.

Нижеследующий случай равным образом очень поучителен как по соотношению между фетишизмом башмака и мазохизмом, так и по достигнутому самим больным излечению ненормальностей в половой жизни.

Наблюдение 72. М., 33 лет, из знатной семьи, в которой ряд восходящих поколений с материнской стороны обнаруживает явления психического вырождения вплоть до случаев нравственного помешательства; мать — невропатическая, характерно ненормальная женщина. Больной — крепкий, хорошо сложенный мужчина, но с явно наследственными невропатическими особенностями, уже с раннего детства самопроизвольно стал онанировать, а на 12-м году его начали преследовать своеобразные сновидения, в которых мужчины и женщины мучили его, осыпали ударами бича, попирали ногами; постепенно в этих ситуациях женщины стали все больше и больше вытеснять мужчин. В возрасте 14 лет в нем проявилась слабость к дамским башмакам. Они вызывали в нем чувственное возбуждение, он ощущал потребность осыпать их поцелуями, прижиматься к ним, причем получал эрекцию и оргазм, которые удовлетворял мастурбацией. Эти же акты сопровождали и мазохистские представления о переносимых им ударах и попирании ногами.

М. понял, что половая жизнь его ненормальна, и уже 17-летним юношей предпринял попытку излечить себя обычными половыми сношениями.

Попытка эта, однако, обнаружила полную его несостоятельность, и так как новый опыт, предпринятый им через год, столь же мало увенчался успехом, то он возобновил мастурбацию при сохранении прежнего фетишистского обожания дамской обуви и преобладания мазохистских идей.

В 19 лет он беседовал с одним господином, который рассказал ему, что с целью добиться половой способности он заставляет публичную женщину сечь себя.

М., усмотрев в этом сообщении осуществление издавна преследовавшего его желания, поспешил последовать примеру этого господина, но испытал полнейшее разочарование, и вся сцена не только оказалась бессильной вызвать даже намек на эрекцию, но внушила ему сильнейшее отвращение.

Из-за этого он оставил все подобные попытки и искал и находил себе удовлетворение в прежних привычных актах. В возрасте 27 лет случай свел его с очень симпатичной, изящной девушкой. Сойдясь с ней ближе, он стал ей жаловаться на судьбу, создавшую его импотентным. Девушка осмеяла его, доказывая, что в его возрасте и с его сложением невозможно жаловаться на

недостаток половой способности.

Это возвратило ему доверие к себе, но только по прошествии 2 недель интимного общения и при содействии своих фетишистских и мазохистских представлений ему удалось добиться совершения акта совокупления. Связь эта длилась несколько месяцев. Половая способность его улучшалась все более и более, ему все реже приходилось прибегать к помощи тайных пособников его половой силы, и фетишистские и мазохистские образы почти не всплывали в его воображении.

Однако в последующие три года психическая импотенция по отношению к другим девушкам заставила М. снова вернуться к мастурбации и к его прежнему фетишизму.

На 30-м году возникла новая симпатичная для М. связь, но так как без содействия мазохистских ситуаций он чувствовал себя совершенно неспособным к половому акту, то попросил свою любовницу третировать его, как своего раба. Она хорошо поняла свою роль — заставляла его целовать себе ноги, попирала его ногами, секла розгой, но все было напрасно.

М. испытал только боль и такое жгучее чувство стыда, что вскоре отказался от добровольно принятой на себя роли. А между тем он мог благополучно совершить акт совокупления в том случае, когда пользовался при этом державшими его в своей власти представлениями мазохистского характера.

М. вскоре прервал эту столь мало его удовлетворяющую связь. В это время как раз ему случайно попалась в руки моя книга о половой психопатии, и из нее он узнал об истинном Характере своей аномалии. Тогда он написал прежней знакомой, сношения с которой восстановили временно его половую способность, снова заручился ее расположением и объяснил ей, что прежние нелепые сцены рабства не должны больше возобновляться и что она, даже в случае его настоятельного требования, никоим образом не должна поддаваться его мазохистским идеям.

Для того чтобы избавиться от своего фетишизма, он нашел оригинальное решение — купил себе изящный дамский башмак по своему вкусу и осуществлял следующее самовнушение ежедневно по нескольку раз целовал этот башмак и затем задавал себе вопрос: «Каким образом может привести к эрекции целование башмака, который ведь представляет собой не что иное, как кусок выделанной кожи?» Это повторное развенчание объекта от его фетишистских чар увенчалось в конце концов успехом: эрекции исчезли, и башмак сделался просто башмаком, лишенным всякого фетишистского значения.

Наряду с этим самовнушением больной поддерживал интимное

общение с симпатичной ему особой; вначале половая способность достигалась не иначе как при содействии мазохистских образов, но постепенно влияние их стало ослабевать и наконец половой акт совершался без участия мазохизма.

В этом удовлетворительном состоянии М., гордый достигнутым собственными усилиями успехом, явился ко мне, чтобы высказать благодарность за почерпнутое из моей книги разъяснение, которое указало ему верный путь к восстановлению его нормальной половой жизни. Мне оставалось только поздравить М. с удачей и пожелать ему дальнейшего успеха.

Спустя несколько месяцев он сообщил мне, что чувствует себя совершенно восстановленным, что половой акт совершается им без всяких затруднений и что прежние мазохистские представления всплывают в его сознании лишь редко, мимолетно и без всякой сладострастной окраски.

Наблюдение 73 (сообщено Мантегаццой в его «Антропологических исследованиях», 1886, с. 110). X., американец, из благополучной семьи, физически хорошо развитый и в нравственном отношении вполне нормальный, уже со времени наступления половой зрелости получал половое возбуждение только от женской обуви. Ни тело женщины, ни ее обнаженная или одетая в чулок нога не производили на него никакого впечатления, тогда как обутая нога или даже один только башмак вызывали у него эрекцию и даже извержение семени. Для получения возбуждения достаточно было одного только созерцания изящного ботинка, т. е. такого, который сделан был бы из черной кожи, имел бы возможно высокий каблук и застегивался бы с одной стороны на пуговки. Половое влечение его возбуждалось сильнейшим образом, когда он возился с дамскими башмаками, трогал их, целовал. Наслаждение усиливалось, когда он вбивал в подметки гвозди настолько глубоко, что острие гвоздя проникало в ногу при ходьбе. Он испытывал, правда, при этом сильные боли, но в то же время неизъяснимое чувство сладострастия. Высшим наслаждением для него было стать на колени *перед красивой, элегантно одетой дамской ножкой и позволить наступить на себя.* Если носительница башмака — некрасивая женщина, то это охлаждало его фантазию.

В том случае, когда больной имел в своем распоряжении только одни ботинки, воображение его дорисовывало красивую женщину, и в результате происходило семяизвержение. Предметом его ночных сновидений является исключительно изящная обувь красавиц. Рассматривание дамской обуви в витринах сапожных лавок он считает безнравственным, на

беседы о натуре женщин смотрит как на занятие хотя и невинное, но неинтересное. X. неоднократно, но безуспешно пытался совершить половой акт; извержения семени не последовало ни разу.

В следующем случае мазохистский элемент выражен еще достаточно явственно; но наряду с ним замечается и элемент садизма (см. на с. 133 случай с истязателем животных).

Наблюдение 74. Крепкий молодой человек, 26 лет. В женщинах абсолютно ничего не возбуждает его чувственности, кроме изящной обуви на ноге приличной дамы, в особенности если ' ботинок сделан из черной кожи и снабжен высоким каблуком. Для полового возбуждения его достаточно одной обуви, без ее владелицы. Он испытывает сильнейшее чувство сладострастия, когда может видеть такие ботинки, осязать их, целовать. Дамская нога, обнаженная или одетая в чулок, оставляет его совершенно холодным и нечувствительным. Слабость к изящной женской обуви проявилась в нем с раннего детства.

Больной не страдает половым бессилием, но при совершении акта совокупления партнерша его должна быть изящно одета и, самое главное, носить красивые ботинки. На высоте сладострастного возбуждения к обожанию обуви присоединяются жестокие мысли. Он с наслаждением вспоминает об агонии животного, из шкуры которого взят был материал для обуви. Время от времени им овладевает неудержимое, приводимое им в действие желание приносить к своей партнерше по половому акту кур и других живых животных, для того чтобы она попирала их своими изящными ботинками, что доставляет ему неописуемое сладострастное ощущение. Он называет это «жертвоприношением к ногам Венеры». *Иногда женщина должна топтать его обутыми ногами, и, чем грубее она это делает, тем большее удовольствие он испытывает.*

Приблизительно год назад он, поскольку женщины нисколько не возбуждали его чувственности, довольствовался всегда тем, что осыпал поцелуями и ласками дамскую обувь, удовлетворявшую требованиям его идеала, что обусловливало извержение семени и полное удовлетворение *(Lombroso.* — Archivio di psichiatria. DC, fasc. III).

Следующий случай напоминает отчасти наблюдение 73 из-за интереса больного к гвоздям в обуви (как к возможному возбудителю боли), отчасти наблюдение 74 из-за слабо проглядывающего в нем элемента садизма.

Наблюдение 75. X., 34 лет, женат, от невропатических родителей, ребенком страдал тяжелыми судорогами, очень рано

стал обнаруживать необычайное, хотя одностороннее умственное развитие (читал уже в 3 года!), нервен с раннего детства; на 8-м году почувствовал влечение возиться с сапогами, в особенности с гвоздями в них.

Один вид последних, а еще больше прикосновение к ним и пересчитывание доставляли ему неописуемое наслаждение.

Ночью он испытывал непреодолимую потребность создавать в своем воображении сцены, изображавшие, как его кузины примеряли обувь, как он прибивал гвоздями подковы к их ногам, как отрезал последние.

Со временем сцены с башмаками стали занимать его фантазию и днем без всякого с его стороны содействия приводили к эрекции и семяизвержению. Нередко он брал ботинки женщины, жившей в одном доме с ним, и уже при одном прикосновении к ним полового члена наступало извержение семени. В студенческие годы он мог на некоторое время подавлять эти идеи и влечения. Затем наступил период, когда он начал испытывать потребность прислушиваться к шуму от женских шагов на тротуаре, и это, подобно зрелищу вбивания гвоздей в дамские башмаки или лицезрению таковых в сапожной лавке, неизменно вызывало в нем сладострастный трепет. Он женился и в первые месяцы брачной жизни был свободен от упомянутых импульсов. Однако после этого постепенно он стал страдать истерией и неврастенией.

В этот период с ним происходили приступы истерии каждый раз, когда сапожник говорил с ним о гвоздях в дамских башмаках или набивке гвоздями дамской обуви. Еще сильнее была реакция в том случае, когда он встречал красивую женщину с обильно подбитой гвоздями обувью. Для достижения семяизвержения ему достаточно было только вырезать из картона подошву дамского башмака и вбить в нее гвозди, или же он покупал низкий ботинок, приказывал в магазине же подбить его гвоздями, возил его по полу и в заключение дотрагивался им до кончика пениса. Но подобного рода сладострастно окрашенные ситуации возникали и самопроизвольно, причем он удовлетворял себя мастурбацией.

X. — вполне интеллигентный мужчина, отлично исполняющий свои профессиональные обязанности, но он совершенно тщетно борется со своим извращенным влечением. Обследование выявило у него фимоз; половой член короток, с выпуклым телом, обнаруживает неполную эрекционную способность.

Однажды больной при виде подбитого гвоздями дамского башмака, выставленного в витрине магазина, не мог удержаться от соблазна мастурбации и был привлечен к судебной

ответственности *(Blanche.* — Archives de neurologie, 1882, № 22).

Укажем также на приводимый ниже случай полового извращения (наблюдение 142), где половой интерес сосредоточивался главным образом на обуви мужской прислуги. У больного было желание, чтобы они попирали его и т. д.

Мазохистский элемент проявился и в следующем случае.

Наблюдение 76. (Паскаль. «Гигиена любви».) X., торговец, время от времени, в особенности в дурную погоду, обнаруживал следующее влечение. Он подходил на улице к первой встречной проститутке и приглашал ее зайти с ним в сапожную лавку, где покупал ей самую красивую пару лакированных ботинок, но с условием, чтобы она их тотчас же надела и шла в них по мостовой до тех пор, пока они совершенно не покроются грязью. После этого он отправлялся с нею в гостиницу и, едва успев зайти в номер, бросался к ее ногам и вычищал губами приставшую к обуви грязь, что доставляло ему необычайное наслаждение. Очистив этим своеобразным способом ботинки, он вручал девушке соответствующий гонорар и отправлялся домой.

Из этих случаев ясно вытекает, что *башмак представляет собой фетиш для мазохиста*[1]*,* и притом, очевидно, в силу связи обутой женской ноги с представлением о попирании ногами и других актов унижения.

Но если, следовательно, в одних случаях женская обувь сама по себе является возбудителем половых желаний, то в других случаях мазохистские мотивы выступают в неявной форме. Идея попирания ногами и т. п. скрыта в глубине сферы бессознательного, и в сознании выплывает лишь представление о башмаке как средстве к осуществлению этой идеи. Только этим путем мы находим удовлетворительное объяснение для случаев, которые иначе остались бы совершенно непонятными. Здесь речь идет о скрытом, замаскированном мазохизме, и его нужно считать бессознательным мотивом, если в виде исключения не удается доказать зарождение фетишизма из ассоциации представлений, вызванных каким-либо событием, как, например, в наблюдениях 117 и 118.

Но случаи влечения к дамской обуви без сознательного мотива и без точно установленного источника, как раз очень многочисленны [2]. Для примера приведем следующие три наблюдения.

Наблюдение 77. Карлик, 50 лет. Время от времени он является в публичный дом под предлогом нанять комнату, завязывает беседу с одной из девиц, бросает похотливые взоры на ее обувь, снимает с ее ноги один башмак, страстно целует и кусает его,

затем прижимает к половым органам, после семяизвержения натирает выделенным семенем подмышки и грудь[3]; по окончании сладострастного экстаза он просит у девушки позволения оставить башмак у себя на несколько дней и в назначенный срок с благодарностью возвращает его *(Кантарано.* Психиатрия, V, с. 205).

Наблюдение 78. Студент Ц., 23 лет, из наследственно отягощенной семьи; сестра была душевнобольной, брат страдал hysteria virilis (мужской истерией). Больной с малолетства отличается причудами, часто обнаруживает ипохондрическое настроение. Отвращение к жизни, убеждение в том, что к нему относятся пренебрежительно, без уважения. Приглашенный на консилиум по поводу «душевного страдания», я нахожу в высшей степени странного субъекта, наследственно отягощенного, с признаками неврастении и ипохондрии. Подозрение на мастурбацию подтверждается. Больной делает интересные сообщения относительно своей половой жизни. В возрасте 10 лет он чувствовал сильное влечение к ноге одного товарища. В 12 лет он стал мечтательным обожателем женских ножек и высшим наслаждением для него было углубляться в созерцание их. 14 лет он начал мастурбировать, причем во время этого акта думал о женской ноге. С этого времени он почувствовал влечение к ножкам своей трехлетней сестренки. Но и ноги взрослых женщин, если последние были ему симпатичны, действовали на него возбуждающим образом. В женщине его вообще интересовала только нога. Мысль о половом общении с женщиной внушала ему отвращение. Полового акта он до сих пор ни разу не предпринимал. С 12-летнего возраста он уже больше не интересовался ногами мужчин. Как обута женская нога, это было для него безразлично, решающее значение имела только привлекательность женщины. Мысль об использовании ног проститутки вселяет в него чувство отвращения. Уже много лет он влюблен в ноги своей сестры, а уже один вид ее башмаков сильно возбуждает его чувственность. Поцелуй и объятия сестры не дают этого эффекта. Высшим наслаждением для него было, по его признанию, обнимать или целовать ногу симпатичной ему женщины; он испытывал при этом сильное сладострастное ощущение, тотчас же разрешавшееся извержением семени. Часто его охватывало сильное желание прикоснуться башмаком сестры к своим половым органам, но до сих пор ему удавалось побороть это влечение, тем более что последние два года (вследствие прогрессировавшей раздражительной половой слабости) уже один вид женской ноги вызывал у него семяизвержение. От окружающих я узнаю, что больной питает «нелепое чувство обожания» ног своей сестры, так что та избегает встречаться с ним и старается скрыть от него свои ноги. Ц. сам признает свое половое влечение явлением патологическим и терзается сознанием, что грязные образы его

фантазии имеют своим содержанием как раз ногу сестры. Он прилагает все усилия, чтобы избегать случая видеть последнюю, и пытается помочь себе мастурбацией, причем в его воображении, как и при ночных поллюциях, всплывают женские ножки. Если же болезненное влечение проявляется чересчур сильно, то он не в состоянии побороть желания видеть ногу сестры. Непосредственно вслед за извержением семени он испытывает чувство живейшей досады на слабость своей воли. Его склонность к ноге сестры стоила ему множества бессонных, мучительных ночей. Часто он удивляется тому, как он еще любит сестру. Хотя он находил вполне понятным и справедливым, что она прячет от него свои ноги, тем не менее, когда болезненное влечение овладевает им, такое отношение сестры приводит его в состояние сильнейшего раздражения, лишая его возможности испытать желаемое ощущение. Больной указывает на то, что вообще в этическом отношении он вполне нормален, что подтверждается и его родными.

Наблюдение 79. С, живет в Нью-Йорке, обвиняется в уличном грабеже. В восходящем поколении многочисленные случаи помешательства; брат и сестра отца также психически ненормальны. В 7 лет дважды сильное сотрясение головного мозга. В 13 лет падение с балкона. На 14-м году жестокие приступы головной боли. Одновременно с этими приступами или непосредственно за ними странное влечение похищать башмаки женских членов семьи, по большей части только один из пары, и прятать где-нибудь в углу. При допросе каждый раз отпирается или ссылается на полное беспамятство. Влечение это осталось неискоренимым, возвращаясь каждые 3—4 месяца. Один раз он сделал попытку сорвать башмак с ноги служанки, в другой раз похитил из спальни башмак сестры. Весной он среди бела дня сорвал с ног башмаки у двух дам. В августе С. рано утром вышел из дому в типографию, где служил наборщиком. Сделав несколько шагов, он встретил на улице незнакомую ему девушку, опрометью бросился к ее ногам, сорвал один башмак и помчался в типографию, где его и арестовали по обвинению в уличном грабеже. Он утверждает, что решительно не помнит, что сделал, при виде башмака в его мозгу блеснула как молния мысль, что башмак ему, безусловно, нужен, для чего — он сам не знает. По его словам, он действовал в состоянии полной потери сознания, полной невменяемости. Башмак, согласно его показанию, найден был в кармане его пальто. Во время ареста он был до такой степени возбужден, что опасались взрыва помешательства. Выпущенный на свободу, он и у жены своей в то время, когда она спала, похитил ее обувь. Его нравственный облик, как и образ жизни, безупречен. Это интеллигентный рабочий, но чересчур быстрые и нерегулярные занятия приводили его в смущение и делали неспособным к труду. Суд оправдал его *{Nichols.* — American J. J., 1859; *Beck.* — Medical

Jurisprudence, 1860, vol. 1. P. 732).

Доктор Паскаль (указ. соч.) приводит еще несколько совершенно аналогичных случаев. Другие случаи такого же характера были мне сообщены коллегами и больными.

в) *Отвратительные поступки, символизирующие самоуничижение и предпринимаемые, очевидно, с целью удовлетворения мазохистских влечений, — скрытый мазохизм, копролагния*

В то время как в до сих пор описанных формах проявления мазохизма эстетическое чувство в общем могло сохраняться и желаемая, окрашенная ощущением сладострастия ситуация могла оставаться совершенно символической или мысленной, встречаются случаи, в которых стремление к половому удовлетворению путем самоуничижения перед женщиной находит себе выражение в формах, в высшей степени оскорбляющих как эстетическое, так и этическое чувство нормального человека.

Условия для этого имеются тогда, когда обонятельные и вкусовые представления, нормально вызывающие чувство глубочайшего отвращения, на почве психического вырождения вызывают ощущение сильнейшего сладострастия, причем половая сфера приходит в состояние глубокого возбуждения, доводящего данное лицо до оргазма и даже семяизвержения.

Аналогия с эксцессами религиозной экзальтации может быть проведена и здесь. Мистически одержимая Антуанетта Бувиньон де ла Порт с целью умерщвления плоти между прочим примешивала к своей пище фекальные массы *(Циммерман.* Указ. соч., с. 124). Канонизированная Мария Алакок в целях «умерщвления» слизывала языком извержения больных и высасывала гной из язв, покрывавших их пальцы! Интересна также аналогия рассматриваемых случаев с садизмом, при котором, равным образом из-за извращенной окраски обычно вселяющих отвращение вкусовых и обонятельных представлений ощущением сладострастия возможны явления типа вампиризма и антропофагии (ср. на с. 101—102 случаи Бишеля, Менесклу, далее наблюдения 19, 20, 23). Это влечение к отвратительному в рамках мазохизма можно было бы назвать *копролагнией.* Отношения его к мазохизму, как подвида к виду, слегка намечены уже в наблюдении 51. Нижеследующее наблюдение сделает их вполне явственными.

Некоторые случаи производят такое впечатление, будто мазохистские влечения остаются для извращенного субъекта совершенно бессознательными и в сознание вступает только влечение к действиям, вселяющим отвращение (скрытый,

замаскированный мазохизм). Характерный пример мазохистской копролагнии (в сочетании с превратным половым ощущением) являет нам наблюдение 114 8-го издания настоящей книги, где больной не только мысленно представлял, что он раб любимого мужчины, и ссылался при этом на «Венеру в мехах» Захер-Мазоха, но даже просил своего друга разрешить обнюхивать его влажные от пота ботинки и есть его кал. Позже он рассказывал, что, не владея собой, не знает, как появилась у него мысль и страстное желание обнюхивать пропитанные потом ботинки и есть кал, но что при этом он испытывал половое возбуждение и наступало семяизвержение.

Наблюдение 80. Мазохизм, копролагния. Ц., 53 лет, принадлежит к высшему классу общества, единственный сын, из наследственно * не отягощенной, как он утверждает, семьи (отец — чахоточный), однако с малолетства нервный. Уверяет, что уже на 7-м году испытывал своеобразное возбуждение каждый раз, когда ему случайно приходилось видеть, как служанки в доме, готовясь мыть комнаты, снимали с себя башмаки и чулки. Однажды он обратился к одной из них с просьбой показать ему перед мытьем полов свои подошвы и в особенности пальцы. Когда он научился читать и стал посещать школу, его неудержимо влекло к чтению книг, содержащих описание сцен утонченнейшей жестокости, мучительнейших пыток, причем особенно сильно занимали его воображение те ужасы, которые совершались по повелению женщин. Он буквально проглатывал романы, посвященные описанию рабства, крепостничества и т. п., и при чтении их приходил в такое сильное половое возбуждение, что в конце концов начал мастурбировать. Особенно действовало на него представление, будто он раб юной красавицы из его общества, приказывающей ему после совместной продолжительной прогулки облизывать ее ноги, прежде всего ступни и места между пальцами[2]. При этом он представлял себе соответственно молодую даму очень жестокой, рисуя в своем воображении сцены пыток и мучений, которым она, к своему величайшему удовольствию, подвергает его. Созидание этого рода фантастических образов сопровождалось мастурбаторными актами. На 15-м году ему пришла в голову мысль в такие минуты давать пуделю лизать свои ноги. Однажды ему пришлось быть случайным свидетелем того, как этот же пудель в их доме лизал пальцы ног хорошенькой горничной, читавшей в это время книгу. Сцена эта привела Ц. в сильное половое возбуждение, завершившееся извержением семени. Тогда он убедил девушку почаще доставлять ему такое зрелище, а затем, не довольствуясь и этим, сам заступил место пуделя, что неизменно имело своим следствием эрекцию и излияние семени. От 15 до 18 лет он находился в пансионе, где, конечно, был лишен возможности проделывать подобные вещи. Поэтому он ограничивался тем, что приблизительно каждые две недели возбуждал себя чтением о жестокостях, совершаемых

женщинами, причем мысленно представлял себе, что должен сосать пальцы ног у такой кровожадной женщины; это представление вызывало у него сильнейший оргазм, за которым следовало извержение семени. Женские половые органы никогда не представляли для него ни малейшей притягательной силы; не чувствовал он и полового влечения к мужчинам. Когда он возмужал, он предпринял половые сношения с проститутками, всегда, однако, предпосылая акту совокупления облизывание, сосание их ног. Во время акта он делал то же самое и заставлял девушку рассказывать ему, каким ужасным пыткам и мучительной смерти она подвергла бы его, если бы он не вылизал дочиста пальцы ее ног. Ц. уверяет, что он бесконечное число раз достигал своей цели и что это лизание доставляло партнерше исключительное наслаждение. Ноги интеллигентных дам, прижатые и искривленные тесной обувью, притом несколько дней немытые, имели для него совершенно особую прелесть, хотя он допускал только «незначительное естественное отложение, какое встречается у чистоплотных, приличных женщин», а также следы краски от чулок, тогда как ножной пот, возбуждавший его в образах фантазии, в действительности вызывал в нем отвращение. Точно так же и «жестокие пытки» существовали для него в качестве возбудителя лишь в воображении, на самом же деле он страшился их и ни разу не делал попытки претворить их в действительность. Как бы то ни было, они играли значительную роль в игре его фантазии, и симпатичным ему женщинам, с которыми он поддерживал мазохистские отношения, он всегда давал подробные и точные инструкции относительно того, как они должны были ему писать угрожающие письма (заранее заказанные и внушенные). Из коллекции таких писем, предоставленной больным в мое распоряжение, позволяю себе здесь привести одно, так как оно вполне раскрывает нам все помыслы и чувства этого мазохиста: «Вылижи пот с моих ног!» «С чувством неизъяснимой сладости я вижу мысленными очами то время, когда вы будете вылизывать мне пальцы ног, особенно после продолжительной прогулки... слепок моей ноги вышлю в ближайшем будущем. Лизание вами пота моих ног опьянит меня, как нектар. Если же вы не захотите, то я вас заставлю, я вас буду бичевать, как своего последнего раба. Я тебя заставлю смотреть, как другой избранник лижет пот с моих ног, ты же, словно собачонка, будешь визжать под ударами бича, которыми тебя будут осыпать мои рабы. Я буду испытывать кровожадную радость при виде твоих страданий, при виде того, как в ужаснейших муках душа покинет твое тело, и в предсмертной агонии ты будешь лизать мои ноги... Вы вызываете меня на жестокость; хорошо, я буду немилосердна, я раздавлю вас, как червяка... Вы требуете от меня чулок. Я буду носить их дольше, чем делаю это обыкновенно. Но я потребую, чтобы вы целовали их, чтобы вы лизали, их, чтобы вы положили пятку чулка в воду и затем выпили ее. Если вы не сделаете всего, чего я требую от

вас в своем сладострастии, я осыплю вас ударами бича. Я требую безусловного послушания. В противном случае я велю вас хлестать кнутом, заставлю пойти через помост, усаженный железными остриями, прикажу бить по пяткам и бросить в клетку львам, с наслаждением любуясь тем, как эти звери будут лакомиться вашим мясом».

Несмотря на эти нелепые и заказные тирады, Ц. высоко ценит такое письмо как средство для удовлетворения превратного полового влечения. По его уверению, его половое уродство, которое он считает прирожденной аномалией, не представляется ему противоестественным, хотя он в то же время признает, что нормальному человеку оно должно внушить отвращение. Во всем остальном это человек порядочный и тонко чувствующий, но его эстетический багаж, и без того небольшой, намного перевешивается чувством сладострастия, которое доставляет ему удовлетворение его извращенного влечения.

Ц. дал мне также возможность познакомиться с корреспонденцией, которую он поддерживал с представителем мазохизма в художественной литературе — Захер-Мазохом.

Одно из этих писем, помеченное 1888 г., имеет своим девизом изображение пышной женщины с властным выражением лица, наполовину лишь закутанной в шубу, с бичом в руке, которая как бы протянута для удара. Захер-Мазох утверждает, что «страсть играть роль раба» сильно распространена, в особенности среди немцев и русских. В письме сообщается история одного русского вельможи, который любил заставлять нескольких красивых женщин связывать его и осыпать ударами бича. Однажды он встретил молодую красивую француженку, которая в такой степени воплотила в себе его (садистский) идеал, что он взял ее с собой на родину.

По Захер-Мазоху, одна дама, датчанка, не дарила своей благосклонностью ни одного мужчину, пока он не позволял обращаться с ним в течение известного времени как с ее рабом. Любовники должны были лизать ее ноги и ягодицы. Она приказывала заковывать своих любовников в цепи и хлестать плетью до тех пор, пока они не соглашались лизать ее ноги. Однажды один из ее «рабов» был прикован цепью к ее кровати и должен был быть свидетелем ее любовных утех с другим любовником. После того как последний ушел, она велела своим служанкам бить плетьми прикованного «раба» до тех пор, пока он не изъявил согласия лизать ягодицы госпожи.

Если бы эти сообщения отвечали действительности — принять их на веру трудно в виду того, что они исходят от певца мазохизма, — то они явились бы примечательным доказательством садизма женщин. Во всяком случае, они

представляют собой весьма интересные с психологической точки зрения образчики своеобразия мазохистских идей и ощущений. (Собственное наблюдение. Zentralblatt fur die Krankheiten der Harn- und Sexualorgane, VI, 7).

Наблюдение 81. Ц., 24 лет, русский чиновник; отец — психопат, мать — невропатическая женщина. Сам больной — интеллигентный, тонко чувствующий человек, нормального сложения, симпатичной внешности, с приятными манерами; тяжких болезней не имел. Он утверждает, что с раннего детства был нервен, как и его мать, имел невропатические глаза; в последнее время испытывает церебрально-астенические расстройства. Горько сетует на извращение своей половой жизни, которое часто его повергает в полнейшее отчаяние, является причиной того, что он сам себя перестает уважать, и способно довести его до самоубийства.

Кошмар, давящий его, это — противоестественное влечение к тому, чтобы женщина мочилась ему в рот, посещающее его довольно регулярно каждый месяц. На вопрос о возникновении этого извращения он сообщает следующие интересные по своему важному генетическому значению факты. 6-летним ребенком, когда он ходил в школу, где обучались совместно мальчики и девочки, он случайно провел рукой по ягодицам сидевшей с ним рядом маленькой девочки. Он испытал при этом очень приятное ощущение и через некоторое время с тем же результатом повторил это движение. С этого момента воспоминание о подобных приятных ситуациях стало играть известную роль в образах его фантазии.

Когда ему было 10 лет, развратная воспитательница, крепко прижав его к своему телу, заставила ввести палец себе во влагалище. Поднеся случайно после этого палец к носу, он ощутил запах, доставивший ему большое удовольствие.

Под влиянием безнравственного проступка, на который его склонила эта женщина, у него стали появляться окрашенные сладострастным ощущением представления, будто бы он закованный, зажатый между бедрами женщины, должен был спать под ее ягодицами и пить ее мочу.

С 13 лет эти фантастические представления бесследно исчезли. В 15 лет он предпринял первый половой акт, в 16 — второй, оба раза вполне нормально и без содействия подобного рода представлений.

При отсутствии денег и при сильном половом возбуждении он удовлетворял себя мастурбацией[3].

В 17 лет превратные представления появились снова.

Представления эти становились все сильнее и сильнее, и на этот раз борьба с ними была уже безуспешна.

На 19-м году он отказался окончательно от надежды побороть свое половое извращение. Когда однажды женщина помочилась ему в рот, он испытал самое большое наслаждение[1]. После того он совершил половой акт с этой женщиной. С этого времени с удивительной периодичностью через каждые 4 недели он испытывал неудержимое влечение повторить описанную ситуацию.

После удовлетворения своего извращенного влечения он стыдился самого себя и испытывал чувство сильного отвращения. До семяизвержения дело доходило из-за этого лишь в исключительных случаях, но тем не менее налицо была сильная эрекция и оргазм и тогда, в случае отсутствия семяизвержения, он удовлетворял себя половым актом.

В промежутки между проявлениями своего влечения он был совершенно свободен от такого рода представлений и точно так же от мысленного мазохизма. Столь же мало проявлялись и фетишистские склонности. В эти периоды половое влечение было выражено слабо и удовлетворялось нормальным путем, без участия превратных представлений. Неоднократно бывало так, что, чувствуя приближение болезненного приступа, он уезжал далеко от дома, чтобы побороть влечение к повторению извращенного акта.

Не один раз пациент, отличавшийся тонкими чувствами и сам гнушавшийся своей аномалии, пытался противостоять патологическому влечению, но тщетно, так как в этом случае мучительное беспокойство, тоска, общие подергивания и бессонница усиливались до невыносимой степени и он чувствовал необходимость какой бы то ни было ценой освободиться от этого крайнего психического напряжения, разрешавшегося только путем удовлетворения болезненного влечения. Но вслед за этим он опять начинал упрекать, презирать себя, и в результате развилось настоящее отвращение к жизни. Эта душевная борьба вызвала у Ц. развитие сильной неврастении, в последнее время порядком терзающей больного: он жалуется на ослабление памяти, рассеянность, умственную неспособность, давящие боли в голове. Его единственная и последняя надежда, что врачебному искусству удастся избавить его от его ужасного влечения и, таким образом, он нравственно реабилитируется в собственных его глазах.

Эпикриз. В 6 лет сладострастная окраска акта, который сам по себе был в этом возрасте индифферентен для больного.

В 10 лет сладострастно окрашенное, во всяком случае,

извращенное обонятельное представление.

Развитие скрытых до того времени мазохистских представлений с особым содержанием, обусловленным извращенными впечатлениями, полученными в возрасте между 6-м и 10-м годами. Перерыв, наступивший под влиянием нормального совокупления.

Новое пробуждение полового извращения, вызванное воздержанием и мастурбацией, а быть может, также и условиями пубертатного периода.

Извращение это выражается эквивалентной половому акту копролагнией, с течением времени приобретающей импульсивный характер, возвращающейся периодически и носящей сладострастную окраску (при наличии достаточно возбудимого эякуляционного центра).

В промежуточные периоды нормальное состояние половой жизни.

Я потерял больного из виду. В конце 1893 г. он однажды снова явился ко мне в сильно угнетенном состоянии и жаловался, что дальше переносить такую жизнь не в состоянии. Он проделал муки медленной эффеминации, потерял совсем способность владеть собой, сделался рабом своего ужасного влечения, которое овладевало им внезапно, заставляло добиваться удовлетворения, а затем приводило его в угнетенное состояние, вызывало глубокий стыд, оставляло в нем крайне мучительное чувство. Он носит при себе постоянно револьвер, но у него не хватает силы воли покончить с собой; он. уже тщетно просил проституток оказать ему эту услугу. Последняя его надежда на меня. Я должен путем гипноза освободить его от его ужасного влечения или, если это не удастся, прибегнуть к веселящему газу и не разбудить его. Попытка гипноза имела успех. Но спустя три недели он снова явился: был рецидив. 20 дней чувствовал он себя вполне хорошо, как будто в него вдохнули его «второе, лучшее я», которое и победило первое. Под влиянием полового воздержания и мазохистского сна третьего дня явился рецидив, и с того времени в течение 48 часов он заставил сделать себе 25 раз мочеиспускание или дефекацию в рот, при этом он испытывал величайшее сладострастие, но тотчас после этого отвращение; копролагнистический акт удовлетворял его, если сопровождался, как и половой акт, извержением семени. Только 4 раза из-за отсутствия семяизвержения он под конец прибегал к совокуплению.

Новый гипнотический сеанс дал покой больному на 7 месяцев

Затем после нового пароксизма он явился совершенно

угнетенным.

После третьего сеанса я его больше не видел и предполагаю, что он в конце концов нашел в себе силу воли покончить со своим печальным существованием. Остается открытым вопрос, могло ли дальнейшее лечение гипнозом спасти его?

Наблюдение 82. Мазохизм, копролагния и фетишизм башмака (из судебных дел округа Ц.).

Х., 30 лет, чувствует влечение к маленькой нежной дамской ножке. Однажды он посетил в частном доме двух проституток и заявил, что любит запах только что вычищенной обуви; тогда одна из них надела такую обувь и он понюхал ее. Затем он попросил плюнуть ему в лицо и на обувь и вылизал плевок. Далее он попросил их взять слизь из носа и всунуть ему в нос. Он разрешил смазать ему половые органы ваксой, разделся догола, привязал веревку к пенису, его водили по всей комнате и били до крови розгами; он желал, чтобы его «дрессировали». Одновременно женщины должны были его всячески ругать. Когда он в таком виде лежал на полу, они должны были стоять на нем, награждать его пинками и всячески мучить его. В конце концов он потребовал, чтобы они помочились ему в рот, но они отказались от этого.

Во время всех этих манипуляций наступило извержение семени. На вопрос, как он дошел до этого, он объяснил, что в течение многих лет не имел общения ни с одной женщиной и желал снова немного побаловаться. Влечение к женской ноге осталось у него со школьного возраста, а до ненормального полового общения он дошел путем чтения французских книг.

Наблюдение 83. Мазохизм, фетишизм, копролагния.

Б., 31 года, чиновник, происходит из невропатической семьи, с малых лет отличался нервозностью, слабостью, страдал приступами ночного страха. На 16-м году первая поллюция. На 17-м году влюбился в 28-летнюю некрасивую француженку. Особенно влекли его к себе ее сапоги. Когда никто не видел, он покрывал их поцелуями и испытывал какой-то блаженный трепет. До извержения семени при этом дело не доходило. Б. уверяет, что в то время он еще ничего не знал о разнице полов. Его обожание обуви для него самого было загадочным. С 22 лет приблизительно один раз в месяц совершал половой акт. Несмотря на значительную похотливость, Б. не чувствовал полного *душевного удовлетворения.* Однажды он встретил даму полусвета, которая своим гордым видом, блестящими глазами, всем своим вызывающим поведением произвела на него своеобразное впечатление. Ему казалось, что он должен перед этим гордым существом лежать в пыли, целовать ей ноги и

следовать за ней, как собака или раб. В особенности импонировала ему «царственная» нога в лакированном сапоге. Мысль быть рабом такой женщины вызывала в нем сладострастное ощущение. Следующую ночь он не мог спать под влиянием этих мыслей, и в то время как он, лежа на животе, в фантазии рисовал себе, что он целует ноги этой женщины, у него явилось извержение семени. Б. по натуре был робок, не доверял своей потенции, питал поэтому отвращение к любовницам. Из-за этого он использовал свое открытие для психической мастурбации и окончательно отказался от сношений с женщиной. При этом самоудовлетворении он думал о прекрасной ноге гордой женщины; впоследствии к этому оптическому воспоминанию присоединилось обонятельное ощущение дамской ножки или дамского сапога. В своем ночном эротическом экстазе он покрывал рисовавшуюся ему женскую ножку бесчисленными поцелуями. В эротических снах он следовал за величественными женщинами; шел дождь; госпожа поднимала немного платье, и он «видел сладкую ножку, почти чувствовал ее эластичную, нежную и в то же время упругую теплую форму, видел часть икры в красном шелковом чулке», при этом сновидении аккуратно наступала поллюция.

Б. испытывал большое наслаждение, разгуливая в дождливую погоду по улицам и видя в действительности то, что представлял себе во сне; если ему улыбалось счастье, то встреченная особа являлась предметом его мечтаний и фетишем его психиче-ско-мастурбаторных актов. Для усиления иллюзии он прибегал к тому, что клал перед своим носом собственный уже ношенный чулок. При помощи этого на высоте экстаза фантастическая картина представлялась ему почти действительностью — он чувствовал себя опьяненным запахом представляемой женской ноги, которую он с огромным сладострастием целовал, сосал и кусал, причем в конечном счете наступало извержение семени. Одновременно появлялись во сне или в сладострастном экстазе и чисто мазохистские картины, как, например, «царственная женщина стояла перед ним лишь слегка прикрытая, с кнутом в руке; он, как раб, стоял перед ней на коленях. Она подняла кнут, поставила ногу ему на шею, лицо, рот, пока он не соглашался вылизать душистые выделения между пальцами ее обнаженных ног». Для большей иллюзии он подносил свои собственные выделения от ног к носу. В период экстаза он обонял при этом восхитительный запах, между тем как вне приступов он находил, что его пот плохо пахнет. Некоторое время эти фетишистские образы стушевались перед другим фетишем—ягодицами, причем Б. для усиления иллюзии пользовался женскими штанами и подносил к носу собственный кал. Затем было время, когда его фетишем явились женские половые органы, и он занимался мысленным «куннилингусом». В этом случае он прикасался к женской фуфайке, чулкам, обуви. Спустя 6 лет, из-за усиления явлений неврастении и ослабления фантазии (?), Б.

потерял способность к психическому онанизму и превратился в обыкновенного онаниста. Так продолжалось много лет. Усиливающаяся неврастения заставила его заняться лечением. В период выздоровления Б. познакомился с девушкой, соответствовавшей его мазохистским представлениям, добился наконец акта совокупления при помощи мазохистских ситуаций и чувствовал себя удовлетворенным. Тогда, однако, снова ожили старые фетишистские стремления и мазохистские желания, и в удовлетворении их Б. находил невыразимо большее наслаждение, чем в половом акте, совершаемом лишь ради самоуважения и являющемся только эпизодом в ряде мерзостей. Концом этого цинического полового существования явился брак, на который Б. решился после того, как его любовница сбежала от него. Б., который теперь уже отец семейства, уверяет, что он с женой имеет общение таким же путем, как и с любовницей, и что они оба довольны (!) этим способом супружеского общения (Zentralblatt fur Krankheiten der Harn- und Sexualorgane, VI, 7).

Сюда же принадлежат наблюдения Кантарано — случай с мочеиспусканием, а в другом случае даже дефекация

женщины на язык мужчины перед половым актом[1], употребление конфет, издающих запах кала, с целью сделаться потентным, далее следующий случай, также сообщенный мне врачом.

Один русский князь, распущенный и растративший свои силы до крайней степени, заставлял свою любовницу садиться верхом на его живот, обернувшись спиной, и в этом положении испражняться на его грудь; только таким путем он еще в состоянии был возбуждать жалкие остатки своего ослабевшего полового влечения.

Другой субъект окружает свою любовницу всевозможной роскошью, но ставит ей обязательным условием есть исключительно марципаны, чтобы возбудиться и быть способным к семяизвержению с помощью женских экскрементов.

Один бразильский врач сообщил мне несколько известных ему наблюдений дефекации женщины в рот мужчины. Подобного рода случаи встречаются всюду, и притом отнюдь не редко. В этом смысле больные пользуются всевозможными выделениями — слюной, носовой слизью, даже ушной серой, иной раз жадно проглатывают их, и осыпают поцелуями ягодицы, а то и анальное отверстие. (Доктор Молль в цитированном нами труде на с. 135 сообщает аналогичное о лицах, страдающих превратным (перверсивным) половым чувством.) Причины столь широко распространенного извращенного влечения к активному совершению куннилингуса, возможно, нередко коренятся в

подобного рода склонностях.

В эту же категорию, очевидно, надобно включить и вселяющий отвращение случай Кантарано (Психиатрия, V, с. 207), в котором совокуплению предшествуют кусание и сосание потных пальцев проститутки, как можно больше немытых, далее аналогичный случай, приведенный мною в 8-м издании этой книги (наблюдение 68).

Стефановский (Archives de l'antropologie criminelle, 1892, VII) сообщает об одном русском старике купце, который получал большое удовольствие, когда пил то, чем наполняла свою ночную вазу по его приказанию женщина из публичного дома.

Нери (Archivio delle psicopatia sessuali. P. 108) сообщает о следующем случае. Рабочий, 27 лет, с сильно отягощенной наследственностью, страдает лицевым тиком и фобиями (в особенности агорафобией), пьяница. Самое высокое половое наслаждение он получал, когда женщины мочились или испражнялись ему в рот. Развратник слизывал вино, стекавшее с его тела на половой орган женщины. Большое удовольствие он испытывал, когда мог сосать менструальную кровь из влагалища. Фетишист по отношению к дамским перчаткам и ботинкам, он целовал башмаки сестры, ноги которой были влажны от пота. Свое половое влечение он удовлетворял только тогда, когда прыгал на женщину, более того, избивал до крови. В случаях избиения он становился на колени в позе мольбы и смирения перед женщиной и начинал мастурбировать.

Наблюдение 84. В., 45 лет, с отягощенной наследственностью, предавался онанизму уже в возрасте 8 лет. В 16 лет он удовлетворял свое половое чувство, выпивая свежую женскую мочу. Он испытывал такое наслаждение, делая это, что не ощущал ни запаха, ни вкуса мочи[3]. Каждый раз после питья он испытывал чувство живейшего отвращения и тошноты и давал себе слово не следовать больше своему болезненному влечению. Единственный раз он ощутил такое же наслаждение при употреблении внутрь мочи 9-летнего мальчика, с которым он однажды проделал акт феллации». Больной страдает эпилептическим помешательством. *(Pelanda.* — Archivio di psichiatria, X, fasc. *9~A.)*

Сюда же относятся случаи еще более давнего происхождения, которые наблюдал у стариков уже Тардье (Медико-юридические очерки о преступлениях против нравственности, с. 206). Он описывает под именем «сопуны» лиц, «которые собирались в тайном месте, как правило, на задворках театров, куда приходили женщины, торопящиеся помочиться, и тут же начинали втягивать ноздрями запах мочи, что, в свою очередь,

вызывало семяизвержение».

Исключительное явление в этом отношении представляют так называемые «поморники» [здесь: «калопожиратели». — *Ред.], о* которых сообщает Таксиль в своей книге «Современная проституция».

Прямо чудовищные факты, опять-таки входящие в рассматриваемую нами категорию, приводит Эйленбург *(Ztilzer.* Klinisches Handbuch der Harn- und Sexualorgane, IV. S. 47).

г) *Мазохизм у женщин*

У женщин добровольное подчинение другому полу представляет явление физиологическое. Из-за своей пассивной роли в деле размножения рода человеческого и вследствие существующих с древних времен социальных условий для женщины представление о половых отношениях постоянно неразрывно связано с представлением о подчинении. Это последнее образует, так сказать, обертон, характеризующий женские чувства.

Человек, знакомый с историей культуры, знает, в каком безусловном подчинении держали женщину с незапамятных времен до недавнего еще периода, когда цивилизация достигла сравнительно высокого развития[1], и внимательный наблюдатель жизни и ее проявлений еще и теперь легко сумеет заметить, в какой степени привычка, привитая и укрепленная бесчисленными поколениями, в соединении с пассивной ролью, которую природа дала в удел женщине, развила в ней инстинктивную склонность к добровольному подчинению мужчине; от него не ускользнет, что женщины обычно относятся с пренебрежением к преувеличенным проявлениям обычной любезности и поклонения, считая их чем-то пошлым и вульгарным, тогда как уклон в сторону властного обращения хотя и встречает с их стороны явные выражения порицания, но в действительности сплошь и рядом принимается ими с тайным благоволением[2]. Под маской, скрывающей наши салонные нравы, повсюду можно заметить инстинкт женского подчинения.

С этой точки зрения можно было бы видеть в мазохизме вообще патологический рост специфически женских психических проявлений, болезненное усиление женских психических половых черт и искать первичный источник его возникновения именно в этой области.

Но несомненно прочно установленным нужно считать, что склонность к подчинению мужчине (на которую можно ведь смотреть как на приобретенное свойство, как на явление

приспособления к социальным условиям) у женщины составляет до известной степени явление нормальное.

То, что при подобных условиях мы не слишком часто встречаемся с «поэзией» символических актов подчинения, объясняется отчасти тем, что мужчина свободен от тщеславия слабого пола, который воспользовался положением вещей, чтобы выказать свою силу и власть, как то делали средневековые дамы по отношению к рыцарям-миннезингерам; мужчина предпочитает извлечь отсюда реальные выгоды. Дикарь заставляет свою жену возделывать за него землю, «культурный» филистер спекулирует на приданом. И с тем и с другим женщина мирится охотно.

Случаи патологического усиления этого инстинкта подчинения в смысле мазохизма женщины должны были бы, собственно, встречаться довольно часто, но проявления их подавляются существующими нравами. Впрочем, разве мало молодых женщин, преклоняющих колени пред своими мужьями и возлюбленными? Разве у славянских народов, как гласит молва, женщины низших сословий не чувствуют себя несчастными, когда мужья не доказывают им своей благосклонности битьем?

Один венгр, которому можно верить, сообщает мне, что крестьянки в Солюгиерском округе не верят любви своих мужей, пока не получат в качестве любовной ласки первой пощечины.

Привести наблюдения, касающиеся мазохизма женщин, — задача для врача-наблюдателя нелегкая. Внутренние и внешние тормозы, стыдливость и нравственное чувство, естественно, препятствуют проявлению у женщины извращенных половых влечений.

В этом и нужно искать причину, почему до настоящего времени научно констатированы лишь следующие случаи мазохизма у женщин, которые мы приводим здесь.

Наблюдение 85. X., девушка, 21 года; мать была морфинистка и умерла несколько лет назад от какой-то нервной болезни, брат матери равным образом морфиноман; брат девушки неврастеник, другой — мазохист (влечение получать удары камышовой тростью от знатных гордых дам). X. никогда не страдала тяжкой болезнью, жалуется иногда только на головные боли. Говорит, что физически здорова, но временами считает себя помешанной, именно тогда, когда в ее воображении всплывают следующие представления.

С самой ранней юности она представляет себе, что ее наказывают, бичуют. Идеи эти всецело поглощают ее, и иногда самое горячее ее желание — получить сильные удары

камышовой тростью.

Влечение это, как она полагает, возникло вследствие того, что один из «друзей ее отца, когда ей было лет 5, однажды шутя положил ее к себе на колени и нанес ей несколько легких ударов, делая вид, будто сечет ее. С той поры она жадно искала случаев быть высеченной, но, к ее величайшему прискорбию, желание это не исполнилось ни разу. В своих представлениях она видела себя беспомощной, связанной. Слова «камышовая трость», «сечь», «бичевать» вызывают в ней сильнейшее возбуждение. Только приблизительно год тому назад она стала приводить свои идеи в связь с мужским полом, до того же времени роль бичующего лица в образах ее фантазии всегда играла учительница или даже просто какая-нибудь карающая рука.

В настоящее время она желает быть рабой любимого мужчины, она хочет получать от него удары, целовать его ногу.

О том, что ощущение это полового характера, больная не знает.

Приведем несколько выдержек из ее писем, свидетельствующих о мазохистском характере данного случая.

«Прежде, когда мои представления не хотели оставлять меня, я серьезно подумывала о том, чтобы отправиться в дом умалишенных. К этой мысли я пришла после того, как прочла историю директора одной лечебницы для душевнобольных, который вытащил одну даму за волосы из постели, осыпал ее ударами палкой и бичом. Я надеялась, что в таких заведениях со мной поступят таким же образом, и, следовательно, бессознательно для себя связывала свои представления с мужчинами. Всего охотнее, однако, я рисовала в своем воображении, как меня беспощадно бьют грубые, невежественные сиделки».

«Я мысленно лежу ниц перед ним, и он одну ногу ставит на мою шею, а другую я покрываю поцелуями. Я витаю в этих мыслях, причем он меня не бьет, но картины быстро сменяют одна другую, и вот я представляю себе, как он осыпает меня ударами. Однако я уже и в ударах вижу доказательство любви; он очень добр и нежен ко мне и бьет меня от избытка страсти. *Я* воображаю себе, что только из любви он наделяет меня ударами и что это доставляет ему величайшее наслаждение. Очень часто я мечтала уже о том, что я его *раб,* и, удивительно, именно *раб,* а не *рабыня!* Так, например, мне казалось, будто он — Робинзон, а я дикарь, который ему служит. Воображение часто рисует мне картину, в которой он, Робинзон, кладет мне, Пятнице, на шею свою ногу. Теперь я нахожу объяснение для вышеупомянутого представления, а именно: я считаю женщину, в общем,

существом низшим, стоящим ниже мужчины, но так как я обычно очень горда и ни за что не допущу властвовать над собой, то я и думаю, как мужчина, который от природы горд и властен; *тем сильнее, конечно, должно быть унижение такой женщины, как я, пред любимым мужчиной. Я* представляла себе также, что я его *рабыня,* но это не удовлетворяло меня. Ведь в конце концов всякая женщина может служить рабыней своему мужу!»

Наблюдение 86. X., девушка 35 лет, из сильно отягощенной наследственностью семьи, уже несколько лет находится в начальной стадии паранойи преследования, которая развилась из цереброспинальной неврастении, имевшей, в свою очередь, своим исходным пунктом половое перераздражение. Больная с 24 лет предается рукоблудию. Несбывшиеся надежды на замужество и сильное половое возбуждение привели ее к мастурбации и психическому онанизму. *Склонность к лицам своего пола не проявлялась ни разу.* Больная дает следующее показание: «В возрасте 6—8 лет пробудилось во мне влечение быть бичуемой. Так как меня ни разу не били и точно так же мне никогда не пришлось присутствовать при чьем-либо наказании, то я решительно не могу себе объяснить, каким образом я пришла к такому странному желанию. Могу только предположить, что это влечение у меня прирожденное. Я испытала чувство истинного наслаждения при этих представлениях о бичевании, и воображение рисовало мне, как было бы чудно, если бы меня осыпала ударами одна из моих подруг. Мысль о том, чтобы меня сек мужчина, не приходила мне в голову ни разу. Но, витая в своих представлениях, я никогда не пыталась искать действительного их воплощения. С 10-летнего возраста они исчезли. Только после того, как, 34-х лет, я прочла «Исповедь» Руссо, для меня стало ясно значение моего прежнего влечения, и я поняла, что у меня были те же самые болезненные представления, что и у этого писателя. Повторяю, что после того, как мне исполнилось 10 лет, подобные представления больше не возобновлялись».

Эпикриз. Случай этот, по прирожденному своему характеру и по ссылке на Руссо, несомненно, представляет собой мазохизм. То, что роль бичующего лица в представлении больной выпала на долю подруги, а не мужчины, объясняется просто тем, что мазохистское влечение вступило в сознание в данном случае в том возрасте, когда психическая половая жизнь еще не пробуждалась и, следовательно, влечение к мужскому полу еще не могло существовать. Превратное (перверсивное) половое ощущение здесь, безусловно, исключено.

Наблюдение 87. X., один из врачей больницы в В., был знаком с девушкой, которая, по-видимому, чувствовала особое влечение к врачам, работавшим в этой больнице. При встрече с этим

господином она была в восхищении, что видит перед собой врача, и просила его поступать с ней так, как будто он подвергает ее гинекологическому исследованию. Она будет сопротивляться, но он не должен на это обращать внимание, не прерываться и не уступать. X. согласился, и все произошло так, как желала девушка. Она сопротивлялась, испытывала при этом все растущее возбуждение, оказывала сильнейшее противодействие, но, когда врач хотел прекратить, она просила его не отказываться. Ясно было, что все совершалось по известному плану, чтобы вызвать величайшую степень оргазма, что и удалось. Когда врач отклонил акт совокупления, она была очень огорчена, просила вновь прийти и отказалась от денег. X. высказал мне свое глубокое убеждение в том, что не прикосновение к половым органам вызывало оргазм, а насилие, и что эффект эквивалента полового акта совпадал с причинением насилия; очевидно, этот случай также относится к области мазохизма у женщин.

ПОПЫТКА ОБЪЯСНЕНИЯ МАЗОХИЗМА

Факты мазохизма принадлежат во всяком случае к числу наиболее интересных в области психопатологии. Попытка объяснения их имеет прежде всего своей задачей исследовать, что в этом феномене является главным, существенным, а что — второстепенным, несущественным.

Определяющим признаком в мазохизме служит во всяком случае стремление к безграничному подчинению себя воле лица другого пола (при садизме, наоборот, безграничное порабощение этого лица), причем это подчинение сопровождается сладострастными половыми ощущениями вплоть до развития оргазма. Из сказанного понятно, что второстепенную роль играет самый способ, каким проявится это подчинение или порабощение (см. выше), найдет ли оно выражение в одних символических актах, или же одновременно будет существовать и влечение к перенесению страдания от лица другого пола.

В то время как садизм можно считать патологическим усилением психической стороны мужского полового характера, мазохизм представляет скорее болезненное вырождение специфических женских психических половых проявлений.

Но, несомненно, очень часто бывает мазохизм у мужчин, и он-то большей частью и проявляется внешним образом и почти исключительно наполняет имеющийся в нашем распоряжении фактический материал. Причины, по которым в литературе преобладают случаи мазохизма у мужчин, рассмотрены были нами уже выше (см. с. 199—201).

Для мазохизма мы в мире нормальных явлений можем указать

два корня.

Во-первых, в состоянии сладострастного возбуждения *всякое* воздействие, оказываемое лицом, от которого исходит половое раздражение, на лицо, служащее объектом возбуждения, является для последнего желанным, независимо от того, какого рода будет это воздействие. Видеть в легких толчках, слабых ударах ласку отнюдь не значит еще выходить из физиологических пределов[1]. Вспомним хотя бы Шекспира: «Подобно любимым, которые жалят, принося боль и наслаждение«[2] (Антоний и Клеопатра, V,2).

Таким образом, без особой натяжки можно признать, что желание испытать со стороны партнера как можно более сильное воздействие приведет в случаях патологического усиления любовного пыла к влечению к ударам и т. п., так как боль, несомненно, представляет собой всегда готовое к услугам средство интенсивного физического воздействия. Подобно тому как в садизме половой аффект ведет к экзальтации, в которой переливающееся через край психомоторное возбуждение устремляется по побочным путям, при мазохизме развивается экстаз, в котором нарастающий прилив определенного ощущения жадно поглощает всякое исходящее от любимого лица воздействие, вызывая этим чувство сладострастия.

Второй и, конечно, более могучий корень мазохизма нужно искать в одном широко распространенном явлении, которое хотя и принадлежит уже к области необычайного, ненормального, но отнюдь не заходит еще в область извращения психики.

Я имею здесь в виду тот общераспространенный факт, что в бесчисленных случаях, выступающих в самых различных вариациях, один индивид подпадает под совершенно необычную, очень резко бросающуюся в глаза зависимость от другого индивида противоположного пола, зависимость, которая доходит до потери всякой самостоятельной воли, побуждает подчинившуюся сторону совершать поступки, наносящие тяжелый ущерб ее собственным интересам и сплошь и рядом оскорбляющие нравственность и вступающие в конфликт с законом.

Эта зависимость, однако, отличается от явлений нормальной жизни только интенсивностью замешанного здесь полового влечения и ослаблением воли, которая должна была служить последнему противовесом; разница, таким образом, только количественная, а не качественная, как это имеет место по отношению к явлениям мазохизма.

Этот факт ненормальной, но еще не извращенной зависимости одного человека от другого человека противоположного пола,

факт, представляющий высокий интерес в особенности с судебно-медицинской точки зрения, я называю *«половым рабством»,* так как вытекающие отсюда отношения носят характер несвободной воли. Воля властвующей стороны господствует над волей подчиненной стороны совершенно так же, как воля господина над волей раба.

Это «половое рабство», как я говорил, представляет, во всяком случае, уже психически ненормальное явление. Оно начинается именно там, где утрачена внешняя норма, где предписываемая законами и обычаями мера зависимости одной стороны от другой или обеих друг от друга утрачивается в силу индивидуальных особенностей, из-за интенсивности мотивов, которые сами по себе нормальны. Но, с другой стороны, «половое рабство» отнюдь не извращенное явление: действующие здесь мотивы те же, что — правда, с меньшей интенсивностью — приводят в движение и психическую половую жизнь, протекающую в вполне нормальных пределах.

Опасение потерять друга сердца, желание сохранить его всегда довольным, любезным и склонным к половому общению — таковы действующие здесь мотивы подчиненной стороны. Необычайная степень влюбленности, которая, в особенности у женщин, отнюдь не всегда равнозначна особой степени чувственности, а с другой стороны, слабость воли — таковы простые элементы этого явления.

Мотивами другой стороны является эгоизм, встречающий в данном случае благоприятную почву для своего развития.

Формы, в которых могут выразиться явления полового рабства, крайне разнообразны, а число таких случаев довольно велико. Мужчин, подпавших под половое рабство, мы встречаем в жизни на каждом шагу. Сюда относятся среди женатых так называемые «мужья под башмаком» («подкаблучники»), в особенности такие, которые уже в зрелом возрасте женились на молоденьких и безусловной уступчивостью всем прихотям супруги стремятся компенсировать несоответствие лет и физических свойств; далее, к этой же категории нужно причислить и старых холостяков, которые непосильными жертвами стараются улучшить свои последние шансы в любви; это также мужчины всякого возраста, которые, пылая пламенной страстью к женщине, встречают с ее стороны равнодушие и расчет и вынуждены капитулировать на тяжких для них условиях; далее, влюбчивые натуры, податливые настолько, что позволяют заведомо распутным женщинам связать себя узами Гименея; наконец, те мужчины, которые, бегая за авантюристками, забывают о своих обязанностях, ставят на карту все свое будущее, оставляют на произвол судьбы жену, детей, родителей, растрачивают деньги, предназначенные

для содержания семьи, бросая все это к ногам гетеры.

Но, как ни многочисленны примеры мужского порабощения, всякий сколько-нибудь беспристрастный наблюдатель должен признать, что они и по численности, и по значению остаются далеко позади женского рабства. Да это и легко объяснимо. Для мужчины любовь есть почти всегда только эпизод; наряду с ней у него еще имеются многие другие важные интересы; напротив, для женщины любовь составляет главное содержание жизни, до рождения ребенка — почти всегда стоит на первом, после рождения — часто еще на первом и всегда уже, во всяком случае, на следующем за ним месте. Но есть еще несравненно более истинное обстоятельство, а именно: мужчина, обуреваемый половым влечением, гасит его легко в женских объятиях, для которых у него представляется бесчисленное множество случаев; женщина же высших классов, если ей вообще удалось получить мужа, прикована к нему одному, и даже в низших слоях общества полиандрия встречает все еще значительные преграды.

Потому-то для женщин муж или мужчина, которого она имеет, олицетворяет целый пол, и соответственно этому значение его для нее возрастает в громадной степени. К тому же нужно считаться с еще одним условием: нормальные отношения, созданные между мужчиной и женщиной законами и обычаями, далеки от того, чтобы быть равноправными, и уже сами по себе в достаточной мере включают преобладающую зависимость женщины. Тем глубже, до степени рабства, они низводятся уступками, которые делает женщина избраннику своего сердца, желая сохранить его любовь, которую почти ничто не в состоянии ей заменить, и тем выше поднимаются притязания тех мужчин, которые приняли твердое решение использовать выгоды своего положения и сделать это использование безграничной женской готовности к жертвам профессией.

Сюда принадлежат охотники за приданым, которые заставляют громадными суммами оплачивать разрушение легко создаваемых о них девушками иллюзий; неутомимые донжуаны и соблазнители женщин, спекулирующие на шантаже, на том, чтобы жертвы откупались от них деньгами; сыны Марса с шитыми золотом мундирами и артисты с львиной гривой, умеющие быстро добиться от неопытных девушек возгласа: «Ты или смерть!» — и этим путем уплатить свои долги и обеспечить спокойную жизнь; сюда же мы причислим и пожарного, любовь которого кухарка должна оплачивать своей любовью, произведениями своей кухни и спиртными напитками, и подмастерья, женящегося на своей хозяйке и пропивающего ее сбережения, и альфонса, кулаками заставляющего проститутку, с которой он живет, выходить ежедневно на промысел и

зарабатывать для него деньги.

Это только немногие из бесчисленных форм рабства, под которое женщина так легко подпадает из-за сильно развитой в ней потребности любви и трудностей ее положения.

Мы сочли необходимым кратко описать здесь явление полового рабства потому, что в нем, очевидно, нужно искать ту почву, из которой вырастает главный корень мазохизма.

Родство обоих явлений психической половой жизни сразу бросается в глаза. Как половое рабство, так и мазохизм состоят, в сущности, в безусловном подчинении лица, страдающего аномалией, лицу другого пола и в порабощении последним первого[1].

Но оба явления, в свою очередь, могут быть резко отграничены друг от друга, причем разница между ними не количественная, а качественная.

Половое рабство не есть извращение: оно не представляет собой ничего патологического; элементы, из которых оно складывается, а именно любовь и слабость воли, не суть элементы извращенные, и только взаимное соотношение их в смысле интенсивности обусловливает ненормальный результат, который в сильной степени противоречит собственным интересам порабощенного лица и сплошь и рядом оказывается в конфликте с обычаями и законами. Мотивом, заставляющим здесь действовать подчиненную сторону и переносить деспотизм порабощающей стороны, является нормальное влечение к женщине (соответственно к мужчине), удовлетворяемое ценой ее порабощения. Действия подчиненной стороны, в которых находит себе выражение половое рабство, совершаются по приказанию властвующей стороны с целью служить его корыстолюбию и т. д. Для порабощенного они не имеют никакого самостоятельного значения; для него они только средство добиться или сохранить собственно конечную цель — обладание порабощающей стороной. Наконец, половое рабство есть последствие любви к определенному индивиду; оно развивается лишь после того, как пробудилась эта любовь.

Совершенно иначе все это складывается при мазохизме, который, безусловно, представляет собой явление патологическое, извращение. Здесь мотивом для действий и перенесения унижений подчиненной стороной является раздражение, которое оказывает на него тирания, как таковая. Подчиненная сторона может наряду с этим желать также полового общения с порабощающей стороной; но во всяком случае ее влечение направляется и на действия, служащие выражением тирании, как на непосредственные объекты

удовлетворения.

Эти действия, в которых выражается мазохизм, являются для подчиненной стороны не средством достижения цели, как при простом подчинении, а самой конечной целью. Наконец, при мазохизме стремление к подчинению возникает уже заранее вне зависимости от стремления к определенному предмету любви.

Связь между простым подчинением и мазохизмом, которую надо признать ввиду однообразия внешних проявлений в том и другом явлении, несмотря на разницу мотива, и далее *переход этой ненормальности в извращение* можно объяснить приблизительно следующим образом.

Кто долгое время пребывает в состоянии полового подчинения, тот предрасположен к приобретению легкой степени мазохизма. Любовь, которая охотно переносит тиранию ради возлюбленного, становится тогда любовью к тирании. Если представление о состоянии подчиненности в течение долгого времени тесно связано с сладострастным отношением к любимому существу, то в конце концов сладострастие переносится на самую подчиненность и наступает извращение. Это и есть тот путь, на котором может развиться мазохизм.

Таким образом, легкая степень мазохизма может возникнуть и из полового рабства, быть приобретенной. Но настоящий, законченный мазохизм с его страстным стремлением к подчинению своей личности уже с самой ранней юности, как его описывают страдающие этим извращением, есть явление врожденное.

Наиболее правильное объяснение возникновения — во всяком случае, редкого — вполне развитого мазохизма как извращения следовало бы искать в предположении, что он развивается из очень часто проявляющейся ненормальности полового рабства, притом таким образом, что эта *ненормальность* переходит по наследству к *психопатическому индивиду,* выражается в извращении. О том, что легкое отклонение участвующих здесь психических элементов в состоянии обусловить этот переход, мы говорили уже выше. Но то, что для возможных случаев приобретенного мазохизма способна сделать ассоциирующая привычка, то для несомненно установленных случаев врожденного мазохизма делает варьирующая игра наследственности. При этом происходит не присоединение нового элемента к половому рабству, но выпадение прежнего, того, что связывает между собой любовь и зависимость и тем самым отличает половое рабство от мазохизма, анормальность от извращения. Вполне естественно, что унаследуется только инстинкт влечения.

Этот переход анормальности в извращение при наследственной передаче может особенно легко наступить в том случае, когда психопатическая конституция наследственно отягощенного индивида наделяет его другим фактором мазохизма, тем, что мы выше назвали первым корнем мазохизма, именно склонностью натур с половой гиперестезией ассимилировать все исходящие от любимого лица воздействия с половым воздействием.

Из обоих этих элементов — полового рабства, с одной стороны, из вышеупомянутой склонности к половому экстазу, воспринимающей истязания в сладострастной окраске, — с другой, из обоих этих элементов, корни которых можно проследить вплоть до физиологической сферы, возникает на соответствующей благоприятной почве мазохизм, причем половая гиперестезия, которая вначале является лишь физиологическим, а затем анормальным придатком половой жизни, усиливается до степени патологической — до извращения.

Во всяком случае, и мазохизм в качестве прирожденного полового извращения представляет функциональный симптом вырождения в пределах (почти исключительно наследственного) отягощения, и этот клинический опыт подтверждается и наблюдаемыми мною случаями мазохизма и садизма.

То, что своеобразное психически ненормальное направление половой жизни, каким является мазохизм, есть *врожденная* анормальность, а не вырастает у предрасположенного к этому лица из пассивного флагеллантизма путем ассоциации идей, как считают Руссо и Бине, легко доказать.

Это прежде всего вытекает из многочисленных, более того, составляющих подавляющее большинство случаев, в которых флагеллантизм ни разу не зарождался у мазохистов, и извращенное влечение направляется исключительно на чисто символические действия, выражающие собою подчинение, без реального причинения болей.

Это видно, далее, и из сообщенных выше деталей наблюдения 50.

Затем к выводу о том, что пассивный флагеллантизм не может быть основным ядром, вокруг которого наслаивается все остальное, приводит и ближайшее рассмотрение не только наблюдения 50, но и 52, в которых он играет роль.

Особенно поучительным в этом отношении является наблюдение 58, потому что в этом случае уже нельзя сделать вывод о возбуждающем в половом смысле действии наказания, перенесенного в детстве. Вообще, в этом случае исключается

возможность связать извращение с прежним опытом, так как ситуация, образующая здесь предмет главного полового интереса, не применима к ребенку.

Наконец, возникновение мазохизма из чисто психических элементов убедительно выявляется сравнением этого извращения с садизмом (см. ниже).

То, что пассивный флагеллантизм встречается так часто при мазохизме, объясняется просто тем, что он представляет собой наиболее сильное средство для выражения идеи подчинения.

Я настаиваю, что решающим моментом для отличия простого, пассивного флагеллантизма от флагеллантизма, развивающегося на почве мазохистского стремления, является то, что в первом случае бичевание является средством для достижения этим путем возможного совокупления или, по крайней мере, семяизвержения, в последнем же случае — средством для психического удовлетворения в смысле мазохистских влечений.

Как мы видели выше, мазохисты, однако, подвергают себя также всевозможным другим истязаниям в муках, при которых о рефлекторном возбуждении сладострастия не может быть уже и речи. Ввиду многочисленности этих случаев необходимо исследовать, в каком взаимоотношении стоят при подобного рода актах (а также при равнозначащем бичевании мазохистов) ощущения боли и сладострастия. На основании показаний одного мазохиста эти взаимоотношения складываются следующим образом.

Не нужно думать, что действие, обычно причиняющее физическую боль, ощущается здесь как физическое наслаждение; лицо, находящееся в мазохистском экстазе, не испытывает никакой боли, потому ли, что из-за его аффекта (подобно тому, как это бывает у солдата в пылу сражения), его кожные нервы вообще не воспринимают физические воздействия, или потому, что (по аналогии с религиозными мучениками и впадающими в мистический экстаз) переполнение сознания сладострастными ощущениями подавляет представление об истязании настолько, что последнее утрачивает свои болевые особенности.

Во втором случае происходит до известной степени чрезмерная компенсация физической боли психическим наслаждением, и лишь различие сознается как остаточное психическое наслаждение. Это последнее к тому же усиливается благодаря тому, что то ли из-за рефлектор-но-спинномозгового влияния, то ли из-за своеобразной окраски чувственных впечатлений возникает своего рода галлюцинация физического наслаждения

с совершенно неопределенной локализацией проецированного таким образом ощущения.

Аналогичное явление наблюдается, по-видимому, в самоистязаниях религиозных фанатиков (факиры, дервиши, секта бичующихся), но только с иным содержанием представлений, вызывающих чувство наслаждения. И здесь точно так же представление о мучениях воспринимается без болевых свойств последних, благодаря тому, что сознание наполнено окрашенными наслаждением представлениями о служении путем мучений Богу, об искоренении грехов, достижении райского блаженства и т. д.

Для того чтобы определить, какое место занимает мазохизм в области половых извращений, надо исходить из того факта, что он представляет собой патологически утрированное проявление женской половой психики, поскольку признаком ее служит терпение, подчиненность воле и силе другого. У народов, стоящих на низкой степени культуры, подчинение женщины доходит до зверства по отношению к ней, и этот позорный факт зависимости вызывает у нее сладострастное чувство и принимается за доказательство любви. Очень вероятно, что и для женщин на более культурных стадиях развития роль подчиненной стороны считается приятной и это подчинение является составной частью сладострастного ощущения при половом акте, подобно тому как всякий отважный поступок мужчины вызывает определенное половое возбуждение у женщины. Нет никакого сомнения в том, что мазохист то же самое испытывает в пассивной женской роли и что его половое удовлетворение зависит от того, насколько ему удается иллюзия подчинения воле госпожи Появляющееся при этом чувство сладострастия само по себе ничем не отличается от того ощущения, которое возникает у женщины как следствие ее пассивной роли.

Тот, кто настроен мазохистски, старается поэтому для своей цели наделить другую сторону психическими половыми особенностями мужчины, даже в утрированной форме, извращенной настолько, насколько женщина с садистскими наклонностями представляет его идеал.

Из всего сказанного можно вывести заключение, что мазохизм, в сущности, есть рудиментарная форма извращенного полового чувства, частичная форма эффемина-ции, захватившая только вторичные особенности полового характера. Такой взгляд был уже проведен в 6-м издании настоящей книги.

Это предположение находит подтверждение в том, что гетеросексуальные мазохисты сами отмечают женственность своей натуры, да и наблюдение обнаруживает наличие у них

женственных черт характера; отсюда понятно, почему мазохистские черты характера столь часты у гомосексуальных мужчин.

И при мазохизме у женщин наблюдается подобная же наклонность к извращению полового чувства.

Так, в наблюдении 85 женщина, по крайней мере во сне, чувствует *себя рабом* представляемого ею мужчины и сама удивляется тому, что ей никогда не видится роль рабыни.

Она пытается объяснить этот поражающий ее факт в бодрствующем состоянии следующим образом: она мечтает всегда о мужчине по натуре гордом, высокопоставленном, так как при этих условиях подчинение любимому человеку носит более сильный характер. Но это объяснение неудовлетворительно. То, что здесь речь идет не о половой подчиненности (призрачная форма мазохизма), вытекает из того, что эта дама сама говорит: «Я представляла себе, что я его рабыня, но это не удовлетворяло меня. Ведь в конце концов всякая женщина может служить рабыней своему мужу!» Очень интересно для объяснения женского мазохизма следующее наблюдение Молля, касающееся гомосексуальности женщины с пассивным флагеллантизмом и копролагнией.

Наблюдение 88. X., девушка 26 лет, с тяжелой наследственностью. С 6 лет взаимный куннилингус, с этого времени до 17 лет за отсутствием подходящего случая одиночная мастурбация. После этого и по настоящее время куннилингус с разными подругами, причем она в одних случаях брала на себя активную роль, в других — пассивную и испытывала иногда чувство эякуляции. В течение многих лет опять копролагния. Максимальное наслаждение она получала, вылизывая анальное отверстие любимой женщины, а также менструальную кровь подруги. Тот же эффект имел сильный удар по обнаженным ягодицам привлекательной подруги. Мысль о копролагнии с мужчиной была ей противна.

Удовлетворение путем куннилингуса с мужчиной получалось лишь тогда, когда она в фантазии заменяла мужчину женщиной. Половой акт с мужчиной не возбуждал ее. Эротические сны были исключительно гомосексуального характера и вращались исключительно около активного или пассивного куннилингуса. При поцелуях особенно большое удовлетворение доставляли взаимные укусы[2], прежде всего в ушную мочку, даже до боли и опухания этой части тела.

С давних пор у X. отмечаются мужские склонности, она любит появляться среди мужчин в качестве мужчины. Она работала уже 10—15 лет в пивной родственника, охотнее всего в брюках и

кожаном фартуке. Интеллигентна, хорошего нрава и вполне счастлива в своем гомосексуальном извращении. Много курит, охотно пьет пиво, у нее гортань женского строения (доктор Флатау), груди поразительно слабо развиты, большие руки и ноги *(Moll A.* — Internationales Zentralblatt fur Physiologie und Pathologie der Ham- und Sexualorgane, IV, 3).

МАЗОХИЗМ И САДИЗМ

Совершенная противоположность мазохизма — садизм. В то время как при первом стремятся переносить боли и подчиниться насилию, при последнем ищут способы причинить боль и совершить насилие.

Параллелизм между обоими явлениями полный. Все акты и ситуации, характерные для садиста в активной роли, составляют для мазохиста в пассивной роли предмет его влечения. Как одно, так и другое извращение доводят эти акты от чисто символических проявлений до тяжких истязаний. Даже убийство на почве сладострастия, эта особенность садизма, находит свою пассивную параллель—правда, лишь в виде фантастического представления, — как это видно из приведенного выше наблюдения 62. Как одно извращение, так и другое могут при благоприятных условиях существовать наравне с нормальной половой жизнью. Как одно, так и другое выражаются актами, носящими либо подготовительный, предшествующий совокуплению характер, либо заменяющий, заступающий место последнего.

Но аналогия между обоими извращениями существует не только относительно внешних проявлений, она распространяется также и на внутреннюю их сущность. Оба извращения представляют собой врожденные психические болезненные состояния душевно ненормальных индивидов, в особенности страдающих психической половой гиперестезией и наряду с этим обычно еще и другими ненормальностями; для каждого из обоих извращений можно доказать существование двух составляющих элементов, коренящихся в психических фактах в физиологических пределах. Для мазохизма элементы эти, как уже изложено было нами выше, заключаются в том, что: 1) в половом аффекте *всякое* исходящее от соучастника извращения воздействие само по себе, независимо от рода этого воздействия, окрашивается сладострастным ощущением, и, при наличии половой гиперестезии, окраска эта может достигнуть такой интенсивности, что она совершенно подавляет всякое болевое ощущение; 2) половое рабство, вытекающее из самих по себе не извращенных психических элементов, при патологических условиях может возрасти до извращенной, сладострастно окрашенной потребности в подчинении своей личности индивиду другого пола, что представляет собой патологическое развитие черт, собственно присущих женщине, патологическое развитие женского физиологического инстинкта подчинения,

причем отнюдь не обязательно унаследование с женской стороны.

Соответственно для объяснения садизма можно указать главным образом два составляющих элемента, происхождение которых может быть прослежено вплоть до физиологической области: 1) в половом аффекте, до известной степени в качестве психического движения, может возникнуть влечение к воздействию на предмет желаний всяческим возможно более интенсивным образом, причем у лиц, страдающих половой гиперестезией, влечение это может усилиться до такой степени, что появляется потребность в причинении боли; 2) активная роль мужчины, его задача завоевания женщины при патологических условиях может возрасти до стремления к безграничному подчинению себе.

Таким образом, мазохизм и садизм составляют совершенные противоположности. В полном соответствии с этим находится тот факт, что лица, страдающие данными извращениями, считают своим идеалом противоположное извращение у другого пола; приведем для примера наблюдение 57, а также «Исповедь» Руссо.

Это противопоставление мазохизма и садизма позволяет, между прочим, опровергнуть высказанное предположение о том, будто первое извращение первоначально возникло из рефлекторного действия пассивного флагеллантизма и что все остальное является лишь продуктом связанной с этим ассоциации идей, как это утверждает Бине, объясняя случай Руссо, и как полагал сам Руссо (ср. выше, с. 171—172). При активном истязании, представляющем для садиста предмет полового влечения, не происходит никакого раздражения соответствующих нервов под влиянием насильственного акта, так что здесь не может быть никакого сомнения в чисто психическом характере происхождения этого извращения. Но садизм и мазохизм настолько соответствуют во всем друг другу, что вывод по аналогии об одном извращении на основании другого вполне возможен и в данном случае сам по себе достаточен для доказательства чисто психического характера мазохизма.

Исходя из противопоставления всех элементов и явлений мазохизма и садизма и вывода из всех наблюдавшихся случаев можно считать, что наслаждение от причинения боли и наслаждение от перенесения ее представляют собой лишь две различные стороны одного и того же душевного процесса, первичной и существенной частью которого является сознание активного, соответственно пассивного, подчинения, причем связь жестокости и сладострастия имеет в нем вторичное психологическое значение. Жестокость служит для выражения этой подчиненности потому, что, во-первых, она является самым

сильным средством такого выражения при подобных обстоятельствах, во-вторых, вообще представляет самое сильное воздействие, которое может оказать один человек на другого одновременно с половым актом или вне его.

Садизм и мазохизм суть результаты ассоциаций подобно всем сложным явлениям психической жизни. Психическая жизнь состоит только из ассоциаций и диссоциаций простейших элементов сознания.

Однако главный вывод из только что сделанного анализа состоит в том, что садизм и мазохизм суть результаты не случайных ассоциаций, появившихся под влиянием моментов временного характера, а ассоциаций, которые образовались уже раньше и при нормальных обстоятельствах, но только при известных условиях — именно при половой гиперестезии — легко связываются между собой вследствие своего близкого соседства. Ненормально повышенное половое влечение растет не только в высоту, но и в ширину. Переходя на соседние области, оно перемешивает свое содержание с содержанием этих областей и образует таким путем патологическую ассоциацию, являющуюся сущностью и того и другого извращения.

Конечно, не всегда дело обстоит именно таким образом и есть случаи гиперестезии без извращения, однако случаи чистой половой гиперестезии, особенно в резко выраженной форме, наблюдаются реже, чем случаи извращения.

Очень интересны, но представляют некоторые трудности для объяснения те случаи, где садизм и мазохизм существуют одновременно у одного и того же человека. К таким относятся, например, наблюдения 47 в 7-м издании, 57 и 67 в этом издании, в особенности наблюдение 29 в 9-м издании данной книги, из которого видно, что именно представление о подчинении является исходной точкой извращенной похоти в активной или в пассивной форме. Более или менее ясные следы этого можно наблюдать нередко, но во всяком случае одно из этих извращений всегда значительно преобладает над другим.

Своеобразные случаи смешанных явлений мысленного мазохизма и садизма с гомосексуальными явлениями — педофилией и явлениями фетишизма — представляют нижеследующие автобиографии.

Наблюдение 89. X. «Первое проявление полового влечения наступило у меня на 13-м году жизни. Из-за моей лености мне пригрозили и в не особенно строгой форме, что меня отдадут в ученики. Однажды я стал в своей фантазии рисовать себя в положении ученика каменщика, представлял себе, как я работаю в легкой рабочей одежде, обливаясь потом от

напряжения, как мальчики старшего возраста обременяют меня работой, смеются надо мной, истязают. Это представление вызвало у меня своеобразное ощущение, которое я теперь считаю сладострастным. *Я* представил себе наказание путем ударов в области около заднего прохода и здесь впервые у меня явилось извержение семени. *Я* совершенно не понял этого явления, до сего времени я смотрел на пенис, как на средство выделения мочи, о размножении людей имел очень слабое представление или, вернее, не имел никакого и потому не знал, что означает внезапно появившаяся жидкость. Я назвал ее «молоком мальчика» и в ее появлении видел удивительную случайность, разъяснением которой я и занялся. Я описываю это так подробно, чтобы показать, что я стал онанировать вполне инстинктивно, без всякого стремления к разврату, без какого-либо противозаконного желания. В последующие дни я убедился, что извержение семени можно легко вызвать ручными манипуляциями с пенисом, и так как испытываемое при этом сладострастное чувство доставляло мне удовольствие, а я ничего противоестественного в этом акте не видел, то онанизм скоро вошел у меня в привычку.

Как и в первом случае представления, сопровождавшие онанизм, носили всегда извращенный характер. После прочтения вашей книги я считаю возможным определить их как смесь садизма и мазохизма гомосексуального типа при сопутствующих явлениях фетишизма; единственной причиной этого я считаю возбуждение полового влечения без ясного представления об его сущности. Когда наконец в возрасте свыше 17 лет я в одном энциклопедическом словаре познакомился с естественной историей человека, было уже поздно, так как вследствие многочисленных онанистических актов мое половое влечение уже было извращено.

Я попытаюсь теперь обрисовать те проявления фантазии, которые сопровождали онанистический акт.

Объектом их всегда были мальчики 10—16 лет, т. е. в возрасте, когда пробуждается сознание и выявляется красота тела, но когда они еще носят короткие штаны. Последние были необходимой принадлежностью. Всякий мальчик из моих знакомых, действовавший на меня возбуждающим образом, пока он был в коротких штанах, переставал интересовать меня, как только надевал длинные брюки. Хотя я никогда не обнаруживал внешним образом своего возбуждения, но в действительности я бегал на улице за каждым мальчиком в коротких штанах, подобно тому как другие бегают за юбками. Это влечение было всеобъемлющим. Мне нравились одинаково все: я и мои товарищи, босяки-нищие в отрепьях так же, как принцы. Если выпадали дни, что я не встречал подходящего объекта для моей фантазии, то измышлял для себя идеальные объекты, а когда

стал старше, то представлял себе самого себя в самых разнообразных возможных и невозможных положениях в соответствующем возрасте. Кроме штанов, которые должны быть так коротки, чтобы вся голень, начиная от колена, была видна, для меня была еще важна вообще легкая детская одежда. Лифчики, матросские блузы, длинные черные чулки или также короткие белые чулки, оставляющие открытыми колени и икры, играли в моей фантазии большую роль. Что касается носильного платья, то я предпочитал его из белой материи или совершенно новое, чистое, или, наоборот, сильно загрязненное, смятое и разорванное до того, что обнажены бедра. Однако мне нравились также штаны из грубого или голубого сукна и кожаные узкообтягивающие ноги штаны. Объявления о продаже детского платья сильно меня возбуждали, притом тем сильнее, чем более низкими были цены. Если, например, было написано: «Полный костюм для детей от 10 до 14 лет от 3 франков», то для меня это был повод для возбуждения. Я представлял себе, как я, длинноногий мальчик, 14 лет, за бесценок приобретаю этот костюм, рассчитанный на 8-летнего и потому мне узкий. Что касается физического облика моего объекта, то тут меня привлекали коротко остриженные, по возможности светлые волосы, дерзкое свежее лицо с блестящими осмысленными глазами, пропорционально сложенная стройная фигура. Ноги, на которые я обращал особое внимание, должны быть очень стройными, узкие колена, напряженные икры, элегантная ступня.

Часто я ловил себя на том, как я рисовал подобные «идеальные» формы тела или одежду. О половых органах я при этом никогда не думал; определение педерастии я впервые узнал из вашей книги. Никогда не было у меня мысли о подобном акте. Совершенно голые образы почти совершенно не действовали на меня, т. е. они влияли на мое эстетическое чувство, но не на половое.

Описав таким образом объекты моей фантазии, я теперь сообщу, что с ними проделывал я в возбужденном состоянии. Тут я подхожу, в сущности, к основе моей аномалии, к уже упомянутой смеси садизма и мазохизма. Я не верю, что садизм и мазохизм две противоположности. Мазохизм есть особый вид садизма, подобно тому как альтруизм есть особый вид эгоизма. К этому, впрочем, я еще вернусь впоследствии.

Жестокости, которые я изобретал в своей фантазии, равным образом распространялись и на меня, и на всякого другого, и случалось, что я одновременно с кем-нибудь подвергался истязаниям, так что, с одной стороны, я наслаждался воображаемыми страданиями, с другой — видел, как мой коллега извивается под ударами. Часто мне представлялось, что мы вместе находимся во власти кого-то неумолимого, который

одним бичом сразу проводил широкие кровавые полосы через наши ягодицы. В эти минуты я испытал и отраду собственного унижения, и радостное сознание, что рядом со мной подвергается унижению другой, таким образом, это означало *мазохизм и садизм в одно и то же время.* Если бы это были две противоположности, они не могли бы существовать одновременно. *Я* склонен вообще приписать внутреннее смешение того и другого свойствам моего строго объективного характера. Я стараюсь всегда возможно полнее войти в положение и чувства другого лица, так что и о себе самом я сужу беспристрастно и беспощадно. Что касается формы моих садистско-мазохистских мыслей, то они состояли в главных чертах, как уже раньше было описано, в том, что мальчика в критическом возрасте, похожего на меня, или меня самого жестоким образом физически истязают. Пощечины, удары по голове, тасканье за волосы и за уши, удары палками, бичами, ремнями и т. д., попирание ногами и тому подобные истязания сменяли друг друга. Удары бичом производили наибольшее впечатление, если они наносились по коленям или по обнаженным ягодицам, любил я также удары в ухо. Доставляли удовольствие палочные удары по всему телу. Попирание ногами казалось мне более почетным и потому и более приятным, если оно производилось босыми ногами, а не в сапогах. Тасканье за уши при одновременном получении пощечин или ударов бичом мне особенно нравилось. Я испытывал приятное ощущение, если бичевание являлось как бы наказанием за что-нибудь содеянное, и я затем униженно благодарил за наказание.

Должен прибавить, что, за исключением нескольких пощечин, полученных мною в детстве от товарищей во время игр, я никогда за всю жизнь не был наказываем и никогда не видел даже издали, чтобы кого-нибудь истязали так жестоко, как это изобретала моя фантазия.

Наказывавшая меня особа рисовалась мне различно, чаще всего в образе мужчины, редко — женщины (единственный случай гетеросексуальности). Постоянно придумывал я определенную причину для наказания — это было или нарушение правил, или нарушение условия со стороны наказуемого.

Особенно подробно рисовался тот случай, когда не только подвергавшийся наказанию, но и наказывавший был мальчик, похожий на меня. Чтобы придать этому случаю вид правдоподобия, я представлял себе дело таким образом, будто отдавал бедного мальчика на службу в бедную семью, где был ребенок одних с ним лет или моложе его. Или же я создавал в своем воображении школу, где каждый класс носил особую одежду, которую я подробно расписывал в ряде параграфов; подобно тому как это бывает в Англии, воспитанники старших классов имели право приказывать и наказывать младших

воспитанников, затем тем же правом обладали лучшие ученики по отношению к худшим и т. д. Совершенно особое место занимали ученики, преуспевавшие в гимнастических играх; они могли наказывать и хороших учеников, если последние плохо делали гимнастические упражнения. Если младший ученик, например, 12-летний наказывал более взрослого (например, 15-летнего), я испытывал при этом наибольшее удовольствие, безотносительно к тому, играл ли я при этом активную, пассивную или нейтральную роль.

Представление о том, как это горячило моих любимцев, опьяняло меня. Чувство человека, «находящегося между коленями», было для меня в высокой степени сладострастным, представление о поте приятным, запах грязных ног привлекательным.

Если акт наказания проходил без одновременного онанизма (в последнем случае тотчас наступало отрезвление), то я часто преисполнялся сильнейшим сочувствием к наказанному, я охотно прижал бы его, бедного наказанного, красного от стыда, всхлипывающего, к себе и умолял бы его простить меня за причиненную ему боль; подобно описанному в вашей книге «пажизму», питал я иногда чистое желание усыновить какого-нибудь мальчика-сиротку, доставить ему средства для продолжения образования, сделать из него человека, с тем чтобы в старости он был мне верным другом. Особенно часто являлось у меня стремление к перевоспитанию учеников средней школы. Я знаю недостатки современной педагогики на основании собственного опыта и вижу, как приходят туда здоровые, крепкие и духом и телом дети, невинные и как через несколько лет они уже напоминают старичков, становятся циниками, дегенератами, бредут в жизнь без сил и без идеалов; тогда у меня появляется стремление вмешаться в это дело, защитить юные существа, не для того, чтобы их использовать — подобные мысли очень далеки от меня в этот момент, — но чтобы явиться их доброжелателем, спасителем и хранителем. Но я еще скажу об этом.

Кроме подобных мыслей, которые хотя и носят постоянно приличный характер, все-таки стоят в связи с моим извращением, часто являлась мне мысль, внутренне связанная с ними, но уже грязная, с половым оттенком, о том, чтобы сделаться учителем и служащим у мальчика, похожего на меня. Какая-нибудь богатая семья берет меня — бедного студента — из милости к себе в дом. Моя обязанность учить сына их, ленивого, нахального мальчишку и целый день заниматься с ним. Я должен помогать ему одеваться и раздеваться, вообще прислуживать ему, выказывать безусловное «повиновение», даже если он из чувства злости предъявляет требования нелепые и позорные. «При нахальстве, непослушании или лени

— побои». В этом случае, как и во всех подобных фантазиях, огромное значение в смысле возбуждения имел выбор определенных слов. Подчиненный должен был называть начальника «молодой человек». Последний, хотя бы он был моложе подчиненного, называл его «вшивый мальчишка», «навозная куча», «негодяй», «дурак», всячески дрессировал его, при всяком выговоре и пощечине заставлял его почтительно стоять или опускаться на колени. (Мысль о наказании стоянием на коленях, часто на железной заостренной решетке, являлась у меня при разных истязаниях.)

Вообще выражения «побои», «пощечины» и т. п., даже такие совершенно невинные названия, как «мальчишка», «паренек», «колени» и т. д., возбуждали меня, когда они стояли в какой-нибудь связи между собой. Настолько тесно соприкасались эти слова с моими сладострастными фантазиями.

И копролагния не щадила меня. Часто я представлял себе, что я во власти неуклюжего деревенского мальчишки, у которого я должен был лизать грязные ноги во время его послеобеденного сна. Когда ему это переставало нравиться, то я получал сильный удар в лицо. Мне доставляли удовольствие и плевки, и вообще в этом отношении я доходил до самых ужасных пределов, предоставлял мой рот и в качестве плевательницы, и в качестве сосуда для испражнений. Иногда я получал приказание вылизать мокроту с пола, за каковую честь я принужден был благодарить, что было связано еще с просьбой о дальнейших унижениях. Все эти проявления копролагнии, конечно, имели место и при садистской форме, однако я заметил, что в нормальном состоянии мокрота была мне настолько противна, что при заболевании бронхитом я не мог проглатывать своей мокроты. Рабы моей фантазии часто получали отвратительную пищу: картофельную шелуху, обглоданные кости и т. д. — и должны были спать на голой земле.

Должен обратить внимание на мое стремление к босоногим мальчикам. Так, например, мне очень нравилось представлять мальчишку-рабочего, одетого в истертые разорванные штаны, который под жестокими ударами должен был везти тачку через болото, причем то и дело падал; эта картина принадлежала к наиболее эффектным в моей грязной фантазии. Здесь я иногда даже переходил обычные пределы моего извращения. Я представил себе однажды, что этот мальчик делал усилия, у него отлетели пуговицы от штанов и обнажились половые части — единственный случай, где последние играли известную роль. Два раза я перешел даже к действию, покинул мысленные рамки. В первый раз я разделся и остался в одной рубашке и кальсонах, завернув их выше колен, бегал несколько секунд по комнате, стал на колени перед зеркалом и пустил струю мочи себе в лицо (!), причем я представил себе, что это делает другой

мальчик, который после победы надо мной в драке заставил меня стать на колени, чтобы таким путем выказать свое величие и мое падение. Второй случай подобного рода имел место в прошлом году. Разделся я таким же образом и, находясь в лихорадочном состоянии, еле дыша, бил себя палкой по ягодицам с такой силой, что спустя восемь дней еще были заметны полосы и рубцы. И в этом случае я представлял себе, что меня наказывает за лень поставленный наблюдать за мной юноша. При осуществлении этой своей фантазии я испытывал только небольшую боль, не было никакого разочарования, наоборот — усиленное сладострастие, что противоречит большинству наблюдений из области мазохизма. Я прекратил удары только тогда, когда сильно устал. Во всяком случае, в этот день я был в особенно возбужденном состоянии: стояла сильная жара (25° по Реомюру в тени), я сильно нервничал, так как вечером мне предстояло испытание, к которому я считал себя не вполне подготовленным. Интересно то, что, несмотря на утомление, вызванное этим эксцессом, что обыкновенно препятствует умственной работе, я успешно выдержал испытание. Получилась характерная картина: при значительной физической слабости сверхчеловеческая энергия, сильная борьба между духом и телом.

О моем психическом состоянии до и после другого реального акта (истории с мочой) я, к сожалению, не помню достаточно точно.

Я уже упомянул, что напечатанные слова часто оказывали на меня возбуждающее действие; должен к этому прибавить, что такое же влияние оказывали картины и статуи.

Для примера могу указать, как в течение нескольких дней меня возбуждал портрет мальчиков. Изображены были два мальчика, один приблизительно 11, другой 14 лет, крепкие, в домашней одежде, в передниках, с напряженными, загоревшими обнаженными икрами, покрытыми легким пушком. Оба мальчика стояли в таком положении, как будто их во время оживленной игры в саду могучий окрик отца заставил остановиться; щечки у детей раскраснелись, у старшего мальчика было особенно печальное выражение лица. Об этих мальчиках я придумал длинную историю, в которой большую роль играла палка. Вряд ли на нормального человека картина могла оказать такое влияние. В театр я любил ходить особенно на такие представления, где были роли мальчиков, и каждый раз сердился, когда эти роли исполнялись девочками, что лишало меня полового наслаждения. Когда я в пьесе «Флаксман как воспитатель» увидел в роли школьника настоящего мальчика, мое восхищение не имело границ. Молодой артист играл прелестно. Резкое ослушание, смешанное с детским страхом, — этот конгломерат чувств, которые каждый ученик испытывает

по отношению к директору и что дает себя знать в жесткости ответов, — были прекрасно переданы им и привели меня снова к онанизму.

Больше всего, однако, влияли на меня печатные произведения, предоставлявшие широкий простор фантазии. Нет ни одного классика и вообще выдающегося писателя, в произведениях которых я не находил бы мест, служивших мне для возбуждения сладострастных ощущений. Особенно возбуждала меня в течение многих лет «Хижина дяди Тома», затем путешествия Синдбада-морехода в книге «Тысяча и одна ночь», а именно приключение с чудовищем, когда Синдбад играл роль лошади. В этом рассказе я вижу указание на то, что мазохизм был известен уже древним арабам.

Это желание быть лошадью, как и быть запряженным, часто повторялось в картинах моей фантазии. Я часто воображал себя то в виде запряженной в повозку собаки, то в виде лошади, причем в период возбуждения я пытался объяснить это переселением душ, хотя в обычном состоянии я никогда не верил в бессмертие души.

Удивительно вообще то, что я в нормальном состоянии совершенно иначе думаю и чувствую, чем в возбужденном. Так, обычно я ярый противник телесного наказания, сторонник теории, что человеческие ошибки можно исправлять убеждением, а не насилием и запрещениями, вызывающими дух противоречия. Таким образом, я твердый приверженец всех свободных стремлений, защитник человеческих прав, и, несмотря на это, в другое время я нахожу удовольствие в мыслях о рабстве, в поступках, оскорбляющих человеческое достоинство.

Наконец, по поводу моих половых вожделений к своему полу я должен сделать еще несколько замечаний относительно моего характера и моей общественной жизни.

В духовном отношении я чувствую себя всегда мужчиной, в половом отношении я нейтрален. Нормальный половой акт, равно как и педерастия, никогда не были предметом моей фантазии. Охотнее всего я духовно общаюсь с интеллигентными и серьезными людьми, т. е. чаще всего с пожилыми или же с женщинами энергичного характера с мужским умом. С товарищами я почти не поддерживаю знакомства. В обычном дамском обществе или в общении с людьми плоскими, малоразвитыми я чувствую больше стеснения, чем с людьми, которые мне импонируют своим большим умом, так как я не знаю, что их интересует.

К женщинам я далеко не чувствую отвращения. Я даже любуюсь

их телесной красотой, но любуюсь только, как красивым ландшафтом, розой, новым домом. Я совершенно спокойно могу вести разговоры о половых вещах без краски на лице, без того, чтобы кто-нибудь подозревал, что во мне происходит».

Случай, где в детстве имели место садистские явления, а в зрелом возрасте мазохистские.

Наблюдение 90. X., 28 лет. «Когда я был мальчиком 6—7 лет, мысли мои уже имели извращенно-половой характер, я представлял себе, что у меня есть дом, в котором я держу пленницами молодых, красивых девушек; ежедневно я их бью по обнаженным ягодицам. Я вскоре нашел единомышленников мальчиков и девочек, с которыми мы часто играли в разбойников и солдат, причем пойманных разбойников отводили на чердак и там били по обнаженным ягодицам, а затем ласкали их. Я точно помню, что мне доставляло тогда удовольствие только, если я мог бить *девочек.* Когда я стал старше (10—12 лет), у меня появлялось без всякого повода обратное желание, причем я представлял себе, что меня девочки ударяют по обнаженным ягодицам.

Я часто останавливался перед афишами зверинцев, где была изображена сильная укротительница зверей, ударявшая бичом льва, и представлял себе, что я лев и меня наказывает укротительница; часами простаивал я перед объявлениями об индийской труппе, где была нарисована полуобнаженная индианка, причем я воображал, что я раб и должен исполнять для моей госпожи всевозможные унизительные вещи, когда я отказывался исполнять это, она меня самым жестоким образом наказывала, причем это наказание рисовалось мне всегда в виде ударов по обнаженным ягодицам. Я читал в это время охотнее всего истории о пытках и особенно останавливался на тех местах, где говорилось об избиении людей. До этого времени в действительности меня ни разу не били, и меня это очень огорчало. На 15-м году жизни товарищ научил меня онанизму, и я занимался этим очень часто, обыкновенно в связи с моими извращенными половыми мыслями. Влечение к этим мыслям все усиливалось, и на 16-м году я потребовал от симпатичной мне служанки, с которой мы были в платонических любовных отношениях, побить меня испанской тростью, причем я ей сказал, что я плохо учусь в школе, родители меня никогда не наказывают, если же она меня накажет, я исправлюсь. Хотя я ее просил об этом на коленях, она отказалась, в то же время настаивала, чтобы я пришел к ней ночью, но на это я не согласился из отвращения. Я не мог добиться того, чтобы она побила меня, но зато она выполняла все мои другие желания: она велела мне лизать ей ягодицы, куски сахара держала у заднего прохода и я потом должен был их есть и т. д. Она постоянно играла моими половыми органами, брала их в рот,

пока не наступало извержение семени. Около года спустя девушка была удалена из нашего дома, но мои влечения все усиливались, так что я наконец отправился в дом терпимости и заставил проститутку высечь меня по обнаженным ягодицам, она должна была при этом положить меня к себе на обнаженные бедра и все время ругать меня за мои скверные поступки, а я уверял, что больше никогда не буду этого делать, только пусть в этот раз она меня простит. Однажды я заставил привязать меня к скамейке и просил дать мне 25 палочных ударов, но это причинило мне значительную боль, и на 14-м ударе я просил перестать, однако в следующий раз я заявил девушке заранее, что я ей не дам ни гроша, если она не нанесет мне 25 ударов. Испытываемая мной при этом боль, а также высокая цена, которую я платил за это, заставили меня отказаться пока от подобных наказаний, и я начал сам себя бить ремнями, розгами, палками, однажды даже крапивой по обнаженным ягодицам; при этом я ложился на скамейку, поджимал под себя колени и представлял себе, что госпожа моя наказывает меня за проступки; не удовлетворяясь этим, я вводил часто в задний проход мыло, перец, разные предметы с резкими краями, иногда мое влечение было так сильно, что я вкалывал в ягодицу иглы на глубину до 3 см. Так шло дело до прошлого года, когда я познакомился случайно при своеобразнывх условиях с девушкой, страдавшей таким же половым извращением. Я посетил однажды знакомую семью и застал дома только гувернантку с детьми. Я остался посидеть, и, когда я с ней беседовал, дети много шалили. Тогда она увела двух детей в соседнюю комнату и высекла их, после чего явилась очень возбужденной: ее глаза блестели, лицо раскраснелось, голос ее дрожал. Это происшествие и меня сильно возбудило, я начал тогда разговор о наказаниях и истязаниях, постепенно мы разговорились и скоро поняли друг друга. Она оставила свое место, мы поселились вместе и предавались там своим порокам. Однако эта женщина во всем остальном противна мне, и я начал все чаще в свободные минуты задумываться, у меня появилось отвращение к тому, что я сделал, и я все обдумываю, как мне отрешиться от этого. Должен заметить, что я уже прибегал ко всевозможным средствам, чтобы избавиться от этого, но безрезультатно. И я безнадежно смотрю на свое будущее, так как нравственная сила моя слишком недостаточна, чтобы победить этот порок».

Это резкое преобладание одного извращения над другим и более позднее появление последнего дает право предположить, что лишь одно преобладающее извращение является *врожденным,* другое *приобретено* с течением времени. Представление о подчинении и истязании, окрашенное то в активный, то в пассивный цвет, но всегда соединенное с интенсивным сладострастным ощущением, глубоко укоренилось у такого человека. Временами фантазия испытывает себя в том же круге

представлений, но с переменой ролей, причем дело может дойти даже до воплощения этих представлений в действительность. Подобного рода попытки, как в фантазии, так и в реальности, скоро, однако, по большей части прекращаются, так как они не вполне совпадают с первоначальным направлением. Мазохизм и садизм развиваются также одновременно и с превратным (перверсивным) половым влечением, и притом со всеми формами и градациями этого извращения. Человек, страдающий превратным половым влечением, может быть и садистом, и мазохистом (ср. выше наблюдение 55 настоящего издания и 49 7-го издания, равно как и многочисленные приводимые ниже случаи превратного полового влечения). Когда на почве невропатической конституции развивается половое извращение, то половая гиперестезия, существование которой при этом нужно всегда предполагать, может выдвинуть проявления и мазохизма, и садизма то в отдельности, то вместе при развитии одного из другого. Таким образом, мазохизм и садизм являются основными формами психополового извращения, могущего проявиться в различнейших местах всей сферы отклонений полового влечения.

[1] Всякая попытка объяснить факты как садизма, так и мазохизма должна, в силу только что выясненной тесной связи обоих явлений, схватить как одно, так и другое извращение. Этому условию удовлетворяет попытка американца Дж. Кьернана объяснить явления садизма (см. «Psychological aspects of the sexual appetite» в «Alienist and Neurologist», 1891, April), и потому о ней надо вкратце упомянуть. Кьернан, теория которого имеет многих предшественников в англо-американской литературе, исходит из воззрений некоторых естествоиспытателей (Даллингера, Драйсталя, Рольфа, Ценковского), считающих так называемую конъюгацию — половой акт некоторых низших животных — каннибализмом, поглощением партнера. К этому он присоединяет известные факты о том, что раки при половых сношениях откусывают друг у друга части тела, пауки в подобных же случаях откусывают голову у самцов, а также другие садистские акты животных по отношению к участникам совокупления. Отсюда он переходит к убийству на почве сладострастия и к другим сладострастно-жестоким актам у людей и, считая, что половой голод и половое влечение в основе тождественны, признает, что половой каннибализм низших животных имеет место и у высших и у человека и что садизм представляет проявление атавизма.

Это объяснение садизма имело бы, конечно, отношение и к мазохизму, так как если искать корень полового общения в проявлениях каннибализма, то здесь целям природы служит как победа одной стороны, так и поражение другой, и тогда стремление быть жертвой, быть в подчинении становится

понятным.

Надо, однако, заметить, что основа этих рассуждений неудовлетворительна. Такое сложное явление, как конъюгация низших организмов, к которому наука только в последнее время подошла ближе, не может быть рассматриваемо просто как поглощение одного индивида другим (см. *Weismann.* Die Bedeutung der sexuellen Fortpflanzung fur die Selektionstheorie. Jena, 1886. S. 51).

СОЧЕТАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ТЕЛА ИЛИ ЧАСТЯХ ОДЕЖДЫ ЖЕНЩИНЫ СО СЛАДОСТРАСТИЕМ

Фетишизм

Уже касаясь психологии нормальной половой жизни, мы указали на то, что еще в физиологических пределах особая склонность, особое пристрастие к определенной части тела противоположного пола, прежде всего к определенной форме этой части тела, может приобрести большое психополовое значение. Мало того, эта притягательная сила определенных форм и качеств может распространяться на многих, даже на большинство людей, являясь как бы принципом индивидуализирования в любви.

Эту склонность к определенным физическим особенностям противоположного пола, наряду с которой может быть также констатировано явно выраженное предпочтение определенных психических черт, я, присоединяясь к Бине (Fetichisme dans l'amour. — Revue philosophique, 1887) и Ломброзо (предисловие к итальянскому переводу 3-го издания настоящей книги), называю «фетишизмом», так как, действительно, стремление к отдельным частям тела или даже к частям одежды и обожание их на почве половых влечений в очень многом напоминает почитание реликвий, священных предметов и т. п. в религиозном культе. Этот физиологический фетишизм был рассмотрен нами подробно уже выше (с. 31 и след.).

Но в психополовой области наряду с этим физиологическим фетишизмом существует еще *патологический эротический фетишизм,* по поводу которого уже имеется богатая фактология и явления которого представляют высокий клинико-психиатрический, а при известных обстоятельствах и судебно-медицинский интерес. Этот патологический фетишизм распространяется не только на определенные части тела, но даже и на неодушевленные предметы, которые, однако, почти всегда являются частями женской одежды и, таким образом, тесно связаны с телом женщины.

Подобный патологический фетишизм постепенно переходит в физиологический, так что (по крайней мере, по отношению к фетишизму частей тела) почти невозможно провести резкую границу там, где начинается извращение. К этому присоединяется еще то, что вся область фетишизма частей тела заключена собственно не вне круга предметов, нормально являющихся половыми раздражителями, но внутри его. *Ненормальность состоит здесь только в том, что частичное впечатление от лица другого пола сосредоточивает на себе весь половой интерес, так что наряду с ним все другие впечатления бледнеют и более или менее оставляют фетишиста равнодушным.* Поэтому на фетишиста частей тела нельзя смотреть как на monstrum per excessum (нелепость посредством преувеличения), подобно, например, садисту и мазохисту, но скорее, как на monstrum per defectum (нелепость посредством преуменьшения). Ненормально не то, что действует на него в качестве раздражителя, сколько скорее то, что не действует, как таковой; ненормально ограничение области полового интереса, наступившее для него. Само собой разумеется, что этот ограниченный половой интерес в суженной области выступает с огромной, с совершенно ненормальной интенсивностью.

Можно было бы, конечно, при определении границы патологического фетишизма принимать в соображение, является ли наличие фетиша conditio sine qua поп (непременным условием) для полового акта или нет. Однако ближайшее рассмотрение вопроса показывает, что эта граница только кажется столь резкой. Существуют многочисленные случаи, где половой акт, несмотря на отсутствие фетиша, еще возможен, но он несовершенен, вынужден (часто с помощью образов фантазии, заключающих в себе фетиш), во всяком случае, он не дает удовлетворения и истощает; таким образом, и здесь при внимательном рассмотрении основных *субъективных* психических факторов вся суть оказывается в переходах, которые, с одной стороны, ведут к простому, еще физиологическому пристрастию, с другой — к психической импотенции при отсутствии фетиша.

Поэтому лучше искать критерий для определения патологии в области фетишизма тела в субъективной психической почве. Сосредоточение полового интереса на определенной части тела, которая — на это надо обратить особое внимание — *не имеет непосредственного отношения к половой сфере* (как груди, наружные половые органы), приводит подобного индивида-фетишиста к тому, что он видит собственно цель для полового удовлетворения не в половом акте, а в какой-нибудь манипуляции с этой частью тела, играющей роль фетиша. Это извращенное влечение при фетишизме частей тела и следует рассматривать в качестве критерия для определения болезни безотносительно к тому, возможен ли обычный акт

совокупления или нет.

Что касается фетишизма предметов или одежды, то таковой всегда должен рассматриваться как болезненное явление, поскольку его объект лежит вне круга нормальных возбудителей полового влечения.

Однако и здесь имеется известное внешнее соответствие с явлениями психически нормальной половой жизни, но внутренняя связь и сущность патологического фетишизма носят принципиально иной характер. При страстной любви у совершенно нормального человека могут платки, обувь, перчатки, письма, цветы, которые «она ему дала», локоны и пр. явиться предметом поклонения, но только в смысле воспоминания об отсутствующей или умершей любимой особе, причем таким путем восстанавливается в памяти вся она. У страдающего патологическим фетишизмом нет ничего подобного. Для него фетиш есть все содержание представлений. Где бы он его ни встретил, Наступает половое возбуждение, и фетиш проявляет свое действие.

Патологический фетишизм, судя по имеющемуся в настоящее время опыту, развивается, по-видимому, только на почве психопатического предрасположения (большей частью наследственного) или существующего душевного заболевания.

Бывает, что он сочетается иногда с другими (врожденными) извращениями полового чувства, развивающимися на той же почве. У лиц, страдающих превратным половым ощущением, у садистов и мазохистов фетишизм проявляется нередко в самых различных формах. Более того, известные части тела (фетишизм руки и ноги), по всей вероятности, имеют даже с двумя последними извращениями более или менее явную связь (см. ниже).

Но если патологический фетишизм и опирается на врожденное общее психопатическое предрасположение, то во всяком случае это извращение (в противоположность тем, которые мы до сих пор описывали) само по своей сущности не имеет врожденного характера: оно не рождается с индивидом, как это мы могли утверждать относительно садизма и мазохизма.

В то время как в до сих пор представленных областях половых извращений исследователь встречался со случаями безусловно врожденного происхождения, здесь мы имеем дело исключительно с *приобретенными* случаями. Независимо от того, что при фетишизме сплошь и рядом удается констатировать повод к развитию этого извращения, здесь существуют физиологические факты, которые в области садизма и мазохизма, под влиянием общей половой гиперестезии,

возрастают до степени извращения и, таким образом, оправдывают предположение о врожденном происхождении. В области фетишизма для каждого отдельного случая требуется еще определенное событие, служащее поводом для извращения.

Мы уже говорили выше, что обожание той или другой части тела, даже части одежды женщины и всего того, что с нею связано, еще не выходит из пределов физиологической половой жизни, но именно в рассматриваемом извращении сосредоточение совокупного полового интереса на таком частичном впечатлении составляет главную его сущность, и это сосредоточение для каждого фетишиста должно иметь индивидуальное основание.

Таким образом, можно присоединиться к мнению Би-не, что *в жизни всякого фетишиста должно иметь место событие, которое раз и навсегда окрасило именно это единственное впечатление сладострастными ощущениями.* Событие это следует искать в ранней юности, и обычно оно падает на время первого пробуждения половой жизни.

Самое событие, послужившее поводом для возникновения ассоциации, обычно забывается, и в сознании фетишиста сохраняется только результат ассоциации.

Поразительный факт, что предметом фетишизма могут быть всевозможные объекты[1], объясняется тем, что индивидуальный фетиш определяется случайными внешними воздействиями, которые временно совпали с состоянием полового возбуждения и образовали с ним ассоциативную связь. То, что подобная ассоциация укореняется, постоянно воспроизводится, доминирует над всей половой жизнью, не позволяет появляться другим ассоциациям, и представляет факт поразительный, сам по себе свидетельствующий о патологичности явления. Подобный характер реакции и действия допустим только при особо патологической конституции, которая находит свое основание в смысле этиологии в психической дегенерации; последняя и создает половую гиперестезию и подобную ненормально длительную ассоциативную связь.

Как и описанные до сих пор извращения, эротический (патологический) фетишизм может внешним образом проявиться в весьма своеобразных, неестественных и даже преступных актах: в удовлетворении на теле женщины в неподобающем месте, краже и грабеже предметов, действующих в качестве фетиша, бесстыдных манипуляциях над ними и т. п. И здесь также от интенсивности извращенного влечения и относительной сохранности и силы этических и эстетических мотивов противоположного характера зависит, доходит ли дело

до такого рода актов, и если доходит, то насколько далеко.

Эти извращенные действия фетишистов, подобно действиям лиц, страдающих другими половыми извращениями, либо составляют сами по себе внешнюю половую жизнь, либо идут рука об руку с нормальным половым актом, в зависимости от того, сохранилась ли еще в той или иной степени физическая и психическая способность, возбудимость к нормальным раздражителям. В последнем случае созерцание фетиша или прикосновение к нему является нередко необходимым подготовительным актом.

Таким образом, на основании всего сказанного практическое значение, присущее фактам патологического фетишизма, сводится к следующим двум моментам.

Во-первых, патологический фетишизм нередко является причиной *психической импотенции.* Так как предмет, на котором сосредоточивается половой интерес фетишиста, сам по себе не стоит ни в каком *непосредственном отношении* к нормальному половому акту, то сплошь и рядом случается, что фетишист из-за своего извращения утрачивает возбудимость к нормальным раздражениям или, по крайней мере, может выполнять половой акт лишь в том случае, когда он концентрирует воображение на своем фетише. Кроме того, в самом этом извращении и в трудности адекватного ему удовлетворения, совершенно так, как это бывает и при других извращениях полового чувства, в особенности для лиц юношеского возраста и тем более для таких, которые в силу влияния этических и эстетических задерживающих представлений отступают перед осуществлением своих извращенных стремлений, и заключается постоянный соблазн к психической и физической мастурбации, которая, в свою очередь, действует гибельно на половую способность и вообще на весь организм фетишиста.

Во-вторых, фетишизм имеет важное *судебно-медицинское* значение. Подобно тому как садизм может выродиться в убийство и в нанесение ран, фетишизм может привести к краже и даже к грабежу соответствующих предметов.

Эротический фетишизм имеет своим объектом либо определенную *часть тела* человека противоположного пола, либо определенную *часть одежды,* либо, наконец, *материал,* служащий для одежды. (До сих пор известны лишь случаи патологического фетишизма мужчины, почему здесь и идет речь только о частях женского тела и женской одежды.)

В соответствии с этим фетишисты распадаются на три группы:

а) *Часть женского тела в роли фетиша*

Подобно тому как и в пределах физиологического фетишизма роль фетиша особенно часто играют главным образом глаза, руки, ноги и волосы женщины, так же и в области патологии исключительным предметом полового интереса являются те же части тела. Исключительная концентрация интереса на этих частях, рядом с которыми все другое в женщине бледнеет, и в остальном половая ценность последней может упасть до нуля, так что вместо совокупления целью желаний становятся своеобразные манипуляции фетишами, — именно это и делает данные случаи патологическими.

Наблюдение 91. (Бине, указ. соч.) X., 34 лет, учитель гимназии, страдал в детстве судорогами. В 10 лет начал мастурбировать, что сопровождалось сладострастными ощущениями, связанными с крайне причудливыми представлениями. Собственно он обожал женские глаза, но так как он непременно хотел создать в своем воображении картину какого-либо вида полового общения, а между тем сексуально оставался в полном неведении, то он напал на идею — дабы приблизить по возможности эту картину к предмету своего обожания, именно к глазам, — переместить местоположение женских половых органов в ноздри. Вокруг этого представления стали с тех пор вращаться со всей силой его половые желания. Он рисовал женские головки с классическим греческим профилем, но с ноздрями, ширина которых допускала бы введение пениса.

Однажды он увидел в омнибусе девушку, в которой, как полагал, усмотрел свой идеал. Он преследовал ее до самой квартиры и стал просить ее руки; получив отказ, он стал настаивать до тех пор, пока его не арестовали.

X. не имел ни разу полового общения.

Такого рода *фетишизм носа* крайне редок; приведем еще описание случая фетишизма, сообщенного мне из Англии в стихах:

О милый и прелестный нос, как может он чаровать, И лишь букет душистых роз ему бы был под стать. Наполнит сладостью все, что мог бы я поглотить, Чтоб наслаждение мое мне в праздник превратить. Сколь восхитительным, любимый нос, кажешься ты мне И более лакомым всегда, чем земляничный крем.

Очень многочисленны случаи *фетишизма руки.* Нижеследующий случай собственно не представляется еще патологическим, но мы приводим его в качестве переходной формы.

Наблюдение 92. Б., из невропатической семьи, с очень чувственным темпераментом, психически нормален; при виде руки молодой красивой женщины каждый раз приходит в экстаз и испытывает половое возбуждение, разрешающееся эрекцией. Поцелуй и пожатие руки доставляют ему величайшее блаженство. До тех пор пока рука покрыта перчаткой, он чувствует себя несчастным. Под предлогом предсказать будущее он старается получить в свое распоряжение такую руку. Нога оставляет его равнодушным. Кольца на красивой руке усиливают его наслаждение. Сладострастное возбуждение вызывается лишь самой рукой, но не изображением ее. Только в том случае, когда частое половое общение истощает его, рука теряет свою половую притягательность. Вначале воспоминание о женской руке мешало ему даже в работе (Бине, указ. соч.).

Бине сообщает, что подобные случаи поклонения женской руке встречаются довольно часто.

Напомним в этом месте о том, что в наблюдении 25 садистские наклонности, а в наблюдении 52 — мазохистские могли внушить мужчине обожание женской руки. Такие случаи, следовательно, допускают несколько толкований. Этим, однако, мы отнюдь не хотим сказать, что все или хотя бы большинство случаев фетишизма руки допускают или делают необходимым садистское или мазохистское объяснение.

Приводимый ниже, обстоятельно наблюдавшийся интересный случай показывает, что, несмотря на то что первоначально, по-видимому, замешаны были элементы садизма или мазохизма, ко времени наступления зрелости индивида и полного развития извращения последнее было совершенно свободно от этих элементов. Конечно, они могли в течение времени, предшествовавшего наступлению половой зрелости, выпасть, но предположение о возникновении фетишизма из случайной ассоциации в данном случае является вполне обоснованным.

Наблюдение 93. Случай фетишизма руки, сообщенный доктором Альбертом Моллем. Л., 27 лет, торговец из Вестфалии.

Если исключить то, что отец больного отличался крайне неровным и несколько вспыльчивым характером, то в семье нельзя найти никаких указаний на наследственное отягощение.

Больной в школе не отличался большим прилежанием; он никогда не был в состоянии надолго сосредоточить свое внимание на каком-либо предмете, зато с детства питал большую склонность к музыке. Темперамент его всегда был отмечен некоторой нервностью.

В августе 1890 г. он явился ко мне с жалобами на боли в голове

и в животе, производившие полное впечатление неврастении. Больной указывает дальше, что он совершенно лишен энергии.

О своей половой жизни он только после точных, *направленных на последнюю* вопросов дает следующие показания. Первые начатки половых возбуждений появились, насколько он может вспомнить, уже на 7-м году жизни. Если он видел у мальчиков приблизительно того же возраста орган мочеиспускания, это доставляло ему сильное наслаждение. Л. утверждает, что это возбуждение сопровождалось явной эрекцией. Соблазненный другими детьми, он в возрасте 7 или 8 лет начал мастурбировать. «Как человек с очень легко возбудимой натурой, — рассказывает больной, — я до 18 лет очень часто занимался онанизмом без того, чтобы в моем мозгу всплывало ясное представление о вредных последствиях этого порока или вообще о его значении». В особенности он любил с кем-либо из своих товарищей заниматься взаимной мастурбацией, но для него никоим образом не было безразлично, кто был этот другой мальчик, и в этом направлении он удовлетворялся лишь немногими сверстниками. На вопрос, что именно его побуждало отдавать предпочтение тому или другому мальчику, Л. ответил, что у школьных товарищей его особенно привлекала для целей взаимной мастурбации *белая, красиво сформированная рука.* Л. припоминает далее, что он часто при начале урока гимнастики занимался совершенно один на стоявшем вдали реке; он делал это с целью как можно больше возбудиться и достигать того, чтобы, не прикасаясь рукой к члену, без эякуляции — как это было в детском возрасте — получать большое наслаждение. Интересно еще одно явление, о котором пациент вспоминает, говоря о своей юности. Любимый товарищ его Н., с которым он проделывал взаимную мастурбацию, сделал ему однажды следующее предложение: чтобы Л. пытался схватить член Н., а он, Н., будет оказывать мнимое сильное сопротивление, стараясь в этом помешать Л. Больной согласился на предложение. Таким образом, здесь онанизм был непосредственно связан с борьбой обоих участвующих лиц, причем побежденной стороной всегда оказывался Н.

Борьба эта оканчивалась неизменно тем, что Н. в конце концов поддавался тому, чтобы его мастурбировали. Л. уверял меня, что такой вид мастурбации доставлял как ему, так и Н. особенно большое наслаждение. Так продолжалось, при частых злоупотреблениях, до 18-го года жизни, когда, повинуясь увещеваниям одного из своих друзей, Л. начал следить за собой, стараясь всеми силами побороть свою дурную склонность. Постепенно это ему действительно удалось, и, после того как он предпринял впервые акт совокупления (в возрасте 21 с половиной года), он совершенно перестал онанировать. Теперь ему кажется непостижимым, прямо внушающим отвращение, каким образом он мог находить удовольствие в мастурбаторных

актах с мальчиками. Никакие силы в настоящее время не в состоянии были бы подвинуть его на то, чтобы дотронуться до мужского полового члена, один вид которого уже ему неприятен. Всякая склонность к мужчинам бесследно исчезла, и пациент чувствует безусловное влечение к женскому полу.

Необходимо, однако, отметить, что у Л., несмотря на его неоспоримую склонность к женщинам, все же замечается одно ненормальное явление. Что его именно привлекало у женщины, так это вид красивой руки, особенно возбуждало его дотрагивание до красивой женской руки, как если бы он наблюдал женщину полностью обнаженной.

Как велика любовь Л. к красивой женской руке, видно из следующего факта.

Л. был знаком с одной привлекательной молодой дамой, которая к нему благоволила, но у нее была большая и некрасивой формы рука, временами, может быть, она была не так чиста, как этого требовал Л., и поэтому он не только не мог сильно заинтересоваться ею, но иногда не был даже в состоянии дотронуться до этой дамы. Л. думает, что для него вообще нет ничего противнее грязных ногтей; одно это лишает его возможности дотронуться до самой красивой женщины. Кроме того, Л. часто в молодые годы заменял половой акт тем, что велел женщине для достижения эякуляции дотрагиваться рукой до его члена[2]. На вопрос, что его особенно привлекает в руке женщины, видит ли он в ней символ власти и доставляет ли ему удовольствие испытывать от женщины непосредственно унижение, пациент ответил, что его возбуждает только *красивая* форма руки, что никакого удовлетворения ему не доставит унижение от женщины и что никогда не приходила ему в голову мысль видеть в руке символ или показатель власти женщины. Его пристрастие к женской руке и сейчас настолько велико, что большее удовлетворение он испытывает, когда женская рука возбуждает его член, чем от соития. Однако пациент предпочитает прибегать к последнему способу, так как считает его естественным, первый же способ — болезненной склонностью. Прикосновение красивой женской руки к его телу тотчас вызывает у него эрекцию; он думает, что поцелуи и другого характера прикосновения дают далеко не такое сильное впечатление.

Пациент последние годы довольно часто совершал половой акт, но каждый раз решиться на это было ему очень трудно.

Кроме того, он не получал от полового акта того удовлетворения, которое искал. Когда Л. находится вблизи женщины, которой он желал бы обладать, то иногда при простом взгляде на нее половое возбуждение у него достигает такой

силы, что наступает эякуляция. Л. уверяет, что он при этом не трогает и не прижимает свой член; извержение семени, происходящее при этих условиях, доставляет Л. гораздо больше наслаждения, нежели настоящий акт совокупления.

Сновидения больного, о которых я расспрашивал, никогда не касаются совокупления. Если у него ночью появляются поллюции, то они стоят в связи всегда с совершенно другими мыслями, чем у нормальных людей. Относящиеся сюда сновидения больного касались воспоминаний из его школьной жизни. В то время пациент получал извержение семени не только при вышеупомянутом совместном онанизме, но и тогда, когда его охватывал сильный страх.

Так, например, если учитель диктовал без подготовки и Л. не мог поспевать за ним с переводом, то часто наступала эякуляция. Поллюции, наступающие теперь временами ночью, постоянно сопровождаются сновидениями с таким же или подобным содержанием, как вышеупомянутые школьные происшествия.

Больной считает себя неспособным долго любить женщину вследствие своих ненормальных ощущений.

Лечение полового извращения больного до сих пор не могло иметь места.

Этот случай фетишизма руки не имеет ничего общего ни с садизмом, ни с мазохизмом, но объясняется просто ранним совместным онанизмом. Также нет здесь превратного полового чувства. Раньше чем у него появилось ясно осознанное половое влечение, он пользовался рукой сотоварища. Когда явилось влечение к другому полу, он перенес интерес на руку женщины.

В случаях фетишизма руки, описанных в большом количестве у Бине, к тому же результату могут привести и другие ассоциации.

К фетишистам руки примыкают естественным образом *фетишисты ноги.* Но в то время как вместо фетишизма руки сравнительно редко выступает фетишизм перчатки, что уже относится к следующей группе фетишизма, у фетишистов ноги сравнительно редко бывает влечение к обнаженной ноге и, наоборот, очень часто фетишизм башмаков и сапог. Причина этого понятна. Женскую руку с детства всегда видят обнаженной, ногу обутой. Вследствие чего ранние ассоциации, которые у фетишистов определяют направление всей половой жизни, связываются естественным образом в одном случае с обнаженной рукой, в другом, с обутой ногой. Это положение применимо, по крайней мере, к людям, выросшим в городе, и объясняет в то же время редкость фетишизма ноги, поэтому я и

приведу только следующий случай.

Наблюдение 94. Фетишизм ноги. Приобретенное превратное половое чувство. X., чиновник, 29 лет, происходит от невропатической матери и страдавшего диабетом отца.

Умственно хорошо развит, нервного темперамента, не болел никакими нервными болезнями, не представляет никаких следов вырождения. Больной явственно вспоминает, что, когда ему было 6 лет, он при виде босой горничной приходил в половое возбуждение и должен был бороться с желанием бежать за ней или *присутствовать* при ее работе.

На 14-м году он однажды прокрался в комнату спящей сестры, схватил и поцеловал ее ногу. Уже на 8-м году он дошел вполне самостоятельно до мастурбации, причем в его фантазии рисовались обнаженные женские ноги.

На 16-м году он часто брал к себе в постель башмаки и чулки женской прислуги, манипулируя с ними, сильно психически возбуждался и мастурбировал.

На 18-м году похотливый X. вступил в половое общение с особами другого пола. Он был вполне потентен, половой акт его удовлетворял, и его фетиш не играл при этом половом общении никакой роли. К мужчинам он не чувствовал ни малейшей половой склонности, мужские ноги его совершенно не интересовали.

На 24-м году произошло изменение в его половом чувстве и самочувствии.

Больной стал неврастеником и начал испытывать половую склонность к мужчинам. Причиной возникновения невроза и превратного полового чувства была, по всей вероятности, сильная мастурбация, к которой он прибегал отчасти от того, что его не удовлетворяло совокупление, отчасти благодаря случайному или умышленному созерцанию женских ног.

С усилением неврастении (прежде всего половой) стала быстро падать его похоть, потенция и удовлетворение по отношению к женскому полу. Одновременно развилась его склонность к мужчинам, и свой фетишизм он перенес на них.

С 25 лет он осуществлял половой акт с женщиной все реже и все с меньшим удовлетворением, а нога женщины его почти больше не интересовала. Все сильнее развивалось его желание вступить в половое общение с мужчинами. Попав на 26-м году в большой город, он нашел возможность выполнить свое желание и предался с настоящей страстью мужской любви. Он

мастурбировал мужчин, вбирал в рот их пенис, целовал ноги своих партнеров.

При этом он испытывал огромное удовольствие при эякуляции. Со временем уже одного вида симпатичного, в особенности босого мужчины было достаточно для эякуляции.

И ночные поллюции уже имели у него своим предметом мужчин, преимущественно с фетишистским отношением к ноге.

Обувью он не интересовался. Только босая нога служила возбуждающим стимулом. Он часто испытывал стремление идти за мужчинами по улице в надежде при случае снять у них сапоги. Известным суррогатом для него было хождение босиком. Иногда овладевала им настоящая страсть со сладострастной дрожью пройтись босиком по улицам. Он пытался бороться с этим влечением, и тогда у него появлялись страх, сердцебиение, дрожь. В конце концов он увидел себя вынужденным, невзирая на опасность и неприятности, осуществлять свои стремления по ночам, разгуливая даже под дождем.

Он держал при этом свою обувь в руке, испытывал сильное половое возбуждение и получал удовлетворение в самопроизвольной или искусственно вызванной эякуляции. Он завидовал носильщикам и другим людям, которые могли ходить босиком, не привлекая ничьего внимания.

Самым счастливым для него временем было пребывание в водолечебнице, где лечили по Кнейппу и где он мог, как и все, в целях лечения ходить босиком.

Большой шантаж, которому X. подвергся из-за своего пристрастия к мужчинам, отрезвил его, он решил исцелиться как-нибудь от своего тяжелого полового состояния, открылся врачу, который его направил ко мне.

Больной делал все возможное, чтобы воздержаться от мастурбации и пристрастия к мужчинам, подвергся лечению водой в специальном учреждении, снова получил некоторый интерес к женщинам, причем его фетишизм послужил в этом случае переходным мостом, имел однажды сношения с некоторым удовольствием с одной босой деревенской красавицей, которая соответствовала его желаниям, потом несколько раз с проститутками без удовлетворения, снова вернулся к лицам мужского пола, все прежнее повторилось, явилось непреодолимое стремление к босым крестьянам, рабочим, которых он одарял, чтобы они только позволяли ему целовать у них ноги. Попытка вернуть несчастного на естественный путь при помощи гипноза потерпела крушение вследствие невозможности легким, но действенным в лечебном

отношении внушением добиться этого.

Эпикриз. Врожденный фетишизм ноги. Приобретенное превратное половое влечение с переносом фетишистских представлений на лицо того же пола.

Наблюдение 95. Фетишизм ноги при постоянной гетеросексуальности. У., 50 лет, холостой, из высшего сословия, обратился к врачу с жалобой на «нервные» явления. Имеется наследственное предрасположение, с детства нервен, очень чувствителен к холоду и теплу; в течение многих лет страдает навязчивыми идеями, которые носили характер нерезкой и преходящей мании преследования. Так, например, если он сидел за общим столом, то ему казалось, что все взоры направлены на него и что все присутствующие говорят и смеются над ним. Как только он вставал, это чувство проходило, и он не верил больше в свои предположения.

Нигде долго он не чувствует себя хорошо и переезжает поэтому с места на место. Бывали случаи, что он заказывал в гостинице комнату и не приходил туда, так как ему мешали навязчивые мысли.

Половое влечение у него никогда не было особенно велико. Всегда был гетеросексуалистом. Его единственным удовлетворением был так называемый нормальный (редкий) акт совокупления.

У. сообщил врачу, что в своей половой жизни он с детства был своеобразен. Ни мужчины, ни женщины не действовали на него в этом отношении возбуждающим образом, возбуждал его исключительно вид обнаженных женских ног, все равно, принадлежали они детям или взрослым. Ко всем другим частям тела женщины он был совершенно холоден. Если ему случалось на лоне природы видеть обнаженные ноги, то он мог стоять часами, наблюдая за ними, и испытывал сильное влечение потереться о них своими гениталиями[1]. До этого времени ему удавалось не делать шагов к удовлетворению этого стремления.

Что его больше всего злило, так это грязь, которой покрыты были обнаженные ноги указанных лиц. Он желал бы их видеть совершенно чистыми. Как он пришел к этому фетишизму, он не мог сообщить. (Из наблюдений профессора Фореля.)

Эпикриз. Случай фетишизма. Мазохистских стремлений не отмечается. По всей вероятности, возникновение фетишизма объясняется здесь случайным совпадением в юности полового возбуждения с видом обнаженных ног.

Резко выраженный случай фетишизма ноги, напоминающий мое

наблюдение 94 в том смысле, что при упорном фетишизме ноги больной был гомосексуалистом, описал Молль в своих исследованиях о половом влечении (с. 288), на который я и могу здесь сослаться. *Фетишизм обуви*[2] я опишу в следующей группе фетишистов платья, хотя он уже изображен в большинстве описанных случаев мазохизма в силу своего мазохистского характера (с. 180 и др.).

Наряду с глазом, рукой и ногой часто играют роль фетиша рот и ухо. О таких случаях упоминает между

прочим Молль в указ. соч. (ср. роман Бело «Рот госпожи X.», который основывается, по словам автора, на непосредственном наблюдении).

К моим собственным наблюдениям принадлежит следующий удивительный случай.

Наблюдение 96. Один господин, наследственно отягощенный, обратился ко мне по поводу импотенции, доводящей его до отчаяния. С юности его фетишем были женщины с роскошными формами. Он женился на даме соответствующей комплекции, был с нею вполне потентен и счастлив. Спустя несколько месяцев жена его тяжко заболела и сильно похудела. Когда после этого он однажды пожелал выполнить свои супружеские обязанности, он оказался совершенно импотентным и таковым и остался. Когда он имел сношение с полными женщинами, то был вполне потентен.

Даже телесные недостатки могут стать фетишем.

Наблюдение 97. X., 28 лет, происходит из семьи с тяжелой наследственностью. Он неврастеник, жалуется на отсутствие веры в себя и на частое угнетенное состояние с наклонностью к самоубийству, от которого он нередко принужден был удерживать себя. При малейшей неудаче он приходит в смущение и отчаяние. Больной служит инженером на фабрике в российской части Польши, крепкого телосложения, без признаков вырождения. Он жалуется на своеобразную «манию», которая заставляет его часто сомневаться в том, нормальный ли он человек. С 17 лет он испытывал половое возбуждение исключительно при виде женских недостатков, в особенности по отношению к женщинам, которые хромали и имели кривые ноги. О причинах этой ассоциативной связи между половым влечением и подобными женскими недостатками он положительно ничего не знает.

Со зрелого возраста он находится во власти этого ему самому ненавистного фетишизма. Нормальная женщина совершенно не возбуждает его, влияет только женщина согнутая, хромая, с

какими-нибудь недостатками на ногах. Женщина с такими недостатками вызывает у него сильнейшее возбуждение, безразлично, красива она или непривлекательна.

Сны, сопровождавшиеся поллюциями, вращались исключительно в сфере таких хромых женщин. Иногда он не мог противостоять, стремлению подражать хромающей женщине. В это время у него появились сильный оргазм и семяизвержение, сопровождавшиеся большим чувством сладострастия. Больной уверяет, что он очень похотлив и очень страдает от неудовлетворения своего влечения. Половой акт он имел впервые на 22-м году и с тех пор всего 5 раз. Если бы ему посчастливилось иметь хоть один раз акт совокупления с хромой женщиной, дело обстояло бы, наверно, иначе. Во всяком случае, он решился бы жениться только на хромой.

С 20 лет больной стал и фетишистом одежды. Он испытывал удовольствие, надевая женские чулки, обувь, панталоны. Временами он покупал себе с этой целью подобную одежду, тайно надевал ее, испытывал при этом сладострастное чувство и получал извержение семени. Принадлежности женской одежды, которые уже были в употреблении, не оказывали на него никакого действия. Охотнее всего для получения чувственного возбуждения он надевал бы женское платье, но на это он ни разу не решился из страха, чтобы его не увидали.

Его половая жизнь ограничивалась вышеупомянутыми случаями. Больной твердо и искренно утверждает, что он никогда не предавался мастурбации. В последнее время вследствие ухудшения неврастенических явлений страдает сильно поллюциями. *Наблюдение 98.* Ц. из семьи, наследственно отягощенной, уже в детстве чувствовал особое сострадание к хромым и прихрамывающим лицам. Он испытывал, по всей вероятности, половое, хотя и не сознаваемое им наслаждение при ходьбе по комнате с двумя половыми щетками в качестве костылей или же подражая на пустых улицах хромым. Мало-помалу к этому присоединилась мысль встретиться с красивой молодой девушкой и возбудить ее сострадание. Сострадание со стороны мужчин было ему противно. По словам Ц., до 20 лет он воспитывался в частном хорошем доме и ничего не знал о поле и половом общении. Пока у него в фантазии было совершенно бессознательное чувство сострадать хромой девушке или, будучи хромым, встретить сострадание со стороны здоровой красивой девушки. Все яснее связывались с этими мечтами эротические чувства, и к 20 годам это привело его к онанистическому акту, и он предался мастурбации. Постепенно развилась половая неврастения, и раздражительная слабость была у него настолько велика, что уже при взгляде на хромающую девушку у него наступало извержение семени. Само собой понятно, что и онанистические акты, и сны с поллюциями сопровождались

подобными же фантазиями. Ц. самому пришло в голову, что он, в сущности, равнодушен к особе, которая хромает, и что его интерес ограничивается больной ногой. Ему до сих пор не удалось иметь половой акт с женщиной, соответствующей его фетишу. Душевно он не чувствовал себя расположенным к этому и не доверял также своей потенции. Его извращенные фантазии вращались около мастурбации на ноге хромающей женщины. Иногда у него появлялась мысль о том, что его полюбила хромая девушка и, тронутая тем, что он любит ее недостаток, освобождает его от его фетишизма; она поднимает его любовь с ноги к ее душе. В этом он видел свое спасение. Он чувствует себя в настоящем своем положении в высшей степени несчастным.

Наблюдение 99. Аналогичный случай. В., 30 лет, чиновник, происходит от невропатических родителей. С 7 лет в течение многих лет его подругой была хромая девочка того же возраста. На 12-м году нервный и раздражительный в половом отношении мальчик начал заниматься онанизмом. Это совпало с периодом возмужалости, и, вне всякого сомнения, первые половые возбуждения В., вызванные другим полом, сочетались с представлением о хромой девушке.

С этого времени его чувственность возбуждали только хромые женщины. Его фетишем являлась красивая дама, которая хромала на *левую* ногу (точно так, как подруга его детских игр).

В. был исключительно гетеросексуалистом, ненормально похотлив, рано пытался вступить в сношения с другим полом, но оказался совершенно импотентным по отношению к нехромым женщинам. Его потенция и удовлетворение были наивысшими, если девушка была хромой на левую ногу, однако он имел успешный половой акт и при хромоте на правую ногу. Так как он мог совокупляться при подобных условиях только в исключительных случаях, то помогал себе мастурбацией, которая, однако, казалась ему жалким суррогатом и была ему противна. Он часто чувствовал себя несчастным на почве полового своего состояния, был близок к самоубийству, от которого его удержала только мысль о родителях. Его нравственные страдания заключались в том, что он целью своих желаний считал брак с симпатичной хромой дамой, но он чувствовал, что у подобной жены он будет любить ее хромоту, но не ее душу, а это он считал профанацией брака, недостойным, позорным существованием. Часто он думал поэтому об отказе от половой жизни и кастрации. Обследование В., когда он обратился ко мне за помощью, дало вполне отрицательный результат в отношении явлений вырождения, нервной болезни и т. д.

Я объяснил больному, что врачебному искусству трудно, а то и

совсем не под силу разрушить столь прочно укоренившийся фетишизм, и высказал надежду, что если ему удастся сделать такую хромую девушку счастливой в браке с ним, то он и сам может быть счастлив.

Далее можно упомянуть о Декарте, который сам представил наблюдение возникновения у него своеобразной склонности на почве ассоциации идей («Трактат о страстях души», CXXXVI). Ему всегда нравились косоглазые женщины именно потому, что предмет его первой любви имел этот недостаток (Бине, указ. соч.).

Лидстон (A Lecture on sexual perversion. Chicago, 1890) сообщает об одном господине, который был в связи с женщиной с ампутированной голенью. После того как он с ней разошелся, он страстно жаждал женщин с подобным же недостатком. Отрицательный фетишизм!

Совершенно своеобразную разновидность фетишизма тела представляет следующий случай, осложненный элементом садизма: фетишем была *белая, нежная девичья кожа,* а садизм вел к сладострастным жестоким актам, заменявшим половой акт, вплоть до антропофагии (ср. с. 101—109). Больной, глубокий дегенерат, эпилептик, прибегал даже в качестве суррогата к автомутилации и автофагии (самоповреждению и самоедству).

Наблюдение 100. Л., поденщик, был арестован потому, что в публичном месте срезал у себя с левого предплечья ножницами большой кусок кожи.

Он сообщил, что уже давно испытывает влечение съесть кусок *нежной белой кожи молодой девушки,* что он с этой целью преследовал намеченную жертву, имея наготове ножницы, и, когда он потерял надежду на выполнение этого плана, то вместо этого срезал кожу у себя.

Отец Л. эпилептик. Сестра слабоумная. До 17 лет Л. страдал ночным недержанием мочи; все его избегали из-за его грубости, вспыльчивости; его исключили из школы за непослушание и злонравие.

Л. очень рано предался онанизму. Он охотно читал книги религиозного содержания, был суеверен, фанатичен, имел склонность к мистицизму. На 13-м году при виде молодой красивой девушки с белой тонкой кожей он испытал сладострастное стремление откусить кусок кожи у такой девушки и съесть его. Это стремление овладело всеми помыслами, всем его существом. Ничто другое не возбуждало его в женщине. У него никогда не было желания иметь сношения с такой особой и он никогда не делал подобной

попытки.

Так как он предполагал, что легче осуществить свое стремление при помощи ножниц, чем зубами, то в течение многих лет носил при себе ножницы. Несколько раз он был близок к тому, чтобы осуществить свое ненормальное желание. В последний год, будучи не в состоянии переносить это чувство неудовлетворения, он обратился к суррогату, а именно: после того как он безрезультатно преследовал девушку, он срезал у самого себя кусок кожи с руки, ноги или живота и съедал его. Он представлял себе, что это кожа от той девушки, которую он преследовал, и при этом ему удавалось, съедая кожу, добиваться оргазма и извержения семени. На теле у Л. многочисленные раны и рубцы, некоторые раны довольно большие и глубокие.

Нанося себе рану и некоторое время спустя он испытывал сильные боли, но они компенсировались тем чувством сладострастия, которое появлялось, когда он съедал кусок кожи, в особенности если этот кусок был с кровью и он предавался иллюзии, что это кожа девушки. Уже одного вида ножа и ножниц было достаточно, чтобы вызвать у него извращенное стремление. Тогда появлялось своеобразное состояние страха с выделением пота, головокружением, сердцебиением, непреодолимое стремление к коже женщины; он должен был с ножницами в руках ходить за симпатичными ему женщинами, однако не терял при этом сознания, оставалась еще способность к самоконтролю, и, наконец, в завершение припадка он брал у себя самого то, что не мог получить у девушки. В течение всего припадка была эрекция и оргазм; в момент, когда он разжевывал свою кожу, наступало семяизвержение. После этого он испытывал большое удовлетворение и облегчение. Половые органы его нормальны.

Л. вполне сознает ненормальность своего состояния. Само собой разумеется, этот дегенерат попал в заведение для душевнобольных и здесь окончил жизнь самоубийством.

Интересную категорию представляют *фетишисты волос.* Переход от восхищения волосами женщины в пределах физиологических к патологическому фетишизму здесь постепенный. Начальными стадиями патологических случаев являются те, когда волосы женщины производят только чувственное впечатление и возбуждают к обладанию, следующие стадии уже те, когда потенция имеет место только по отношению к женщине, удовлетворяющей требованиям данного индивида. Возможно, что при фетишизме волос в возбуждении сладострастия принимают участие и другие органы чувств (зрение, обоняние, слух, а также осязание, подобно тому как это имеет место у фетишистов бархата и атласа). Последние стадии образуют случаи с дегенератами, у

которых возбуждение похоти и удовлетворение физического или психического онанизма вызывается волосами женщины, даже отделенными от ее тела, другими словами, не известной частью тела, а простой вещью, даже своего рода товаром (обычно при этом фетиш прикладывают к половым органам).

Интересный случай фетишизма волос, хотя и принадлежащий ко второй категории, сообщает доктор Жеми *(Gemy.* Histoire des peruques aphrodiasiaques. — La medecine internationale, 1894, Septembre).

Наблюдение 101. Одна дама рассказала Жеми, что в первую брачную и в следующую ночь ее супруг удовлетворялся тем, что целовал ее, ласкал ее не очень обильные волосы и затем лег спать. На третью ночь он принес густой с длинными волосами парик и попросил свою жену надеть его. Как только она это сделала, ее муж прекрасно выполнил, хотя и с опозданием, супружеские обязанности. На следующее утро он снова стал ласкать ее, причем предварительно нежно гладил парик. Как только жена снимала надоедавший ей парик, то теряла свое возбуждающее влияние на мужа. Увидев, что здесь имеется причуда, она согласилась на желание любимого мужа, похотливость и потенция которого зависели от парика. Странным было только, что этот парик действовал 15—20 дней. Волосы должны быть роскошные, цвет был безразличен.

Результатом брака после 5 лет были двое детей и коллекция из 72 париков.

В параллель к этому можно упомянуть о случае, который наблюдал Маньян и описал Туано (указ. соч., с. 419), где было половое влечение к своему же полу и наличие фетишизма являлось непременным условием потенции.

Наблюдение 102. X., 20 лет, любит только мужчин с очень большими усами. Однажды X. встретил человека, который соответствовал его идеалу. Он пригласил его к себе домой и был разочарован, когда тот снял свои (искусственные) усы. Только когда тот опять их надел, у X. появилось возбуждение и полная потенция.

В тех случаях, когда женские волосы сами по себе, как отдельная вещь, получают свойства фетиша, нередко случается, что подобные дегенераты завладевают ими насильственным образом. Эти лица представляют довольно значительную группу отрезателей кос.

Наблюдение 103. Отрезатель кос. П., 40 лет, слесарь, холостой. Отец страдал временным помешательством, мать очень нервная. Развивался хорошо, интеллигентен, но у него рано появились

навязчивые мысли.

Никогда не занимался мастурбацией, любил платонически, носился с планами женитьбы, редко имел половой акт с проститутками, но при этом не испытывал удовлетворения, скорее это ему претило. Года три назад его постиг тяжелый удар судьбы (финансовый крах), и он заболел горячечной болезнью с бредом. Эти обстоятельства сильно потрясли нервную систему

человека уже с тяжелой наследственностью. Вечером 28 августа 1889 г. он был арестован в Париже на Трокадеро на месте преступления в то время, когда он в толпе отрезал у молодой девушки косу. Его поймали с косой в руке и с ножницами в кармане. Он оправдывался тем, что у него было внезапное умопомрачение, несчастное, непреодолимое влечение, и признался, что он уже 10 раз срезал косы, которые он приносил домой в сладострастном экстазе.

При обыске у него нашли на дому 65 кос и косичек, распределенных по пакетам. Уже в декабре 1886 г. П. при подобных же условиях один раз был арестован, но за недостатком улик освобожден.

П. сообщает, что уже 3 года он чувствует себя нездоровым, испытывает какой-то страх, головокружения, когда остается вечером один в комнате, и тогда у него появляется стремление держать в руках женские волосы. Если ему удается действительно держать в руках волосы молодой девушки, то он чувствует сильное половое возбуждение и этим осязанием вызывает у себя эрекцию и семяизвержение[1]. После этого он испытывает стыд по поводу происшедшего, но желание осязать косу, желание резко сладострастное все больше и больше растет у него. Он крайне удивлен этим, так как прежде при самом интимном общении с женщинами он никогда не испытывал подобного. Однажды вечером он не мог противостоять стремлению срезать у девушки косу. Дома, когда он держал косу в руках, у него снова появилось сладострастное ощущение, он водил косой по всему телу, обворачивал ею свои гениталии. Наконец, сильно истощенный, он почувствовал глубокий стыд и не решался несколько дней выходить из дому. После нескольких месяцев спокойствия снова появилось стремление иметь в руках женские волосы, безразлично кому принадлежащие. Когда это ему удавалось, он чувствовал себя как бы охваченным какой-то сверхъестественной силой и был не в состоянии оставить свою добычу. Когда же он не мог удовлетворить своего стремления, то был глубоко удручен, являлся сильнейший оргазм, и он удовлетворял себя мастурбацией. К волосам в виде завивки он был совершенно холоден. Это должны быть косы, спускающиеся с головы женщины.

Находясь во власти своего влечения к косам, он был в таком возбуждении, что неясно различал окружающие предметы и вследствие этого плохо помнил, что происходило вокруг него. Когда он ножницами дотрагивался до косы, у него появлялась эрекция, а в момент отрезания косы — эякуляция.

Со времени пережитого им три года назад потрясения у него ухудшилась память, он стал слаб духом, страдает бессонницей и ночными страхами. П. глубоко раскаивается в своих поступках; у него нашли не только косы, но и массу головных шпилек, лент и других принадлежностей женского туалета, которые он принимал в подарок. С давних пор у него была мания собирать их, а также газеты, куски дров и другие совершенно бесполезные вещи, от которых он никогда не хотел отказаться. У него был также своеобразный, для него совершенно необъяснимый страх переходить определенные улицы; если он пытался это сделать, то чувствовал себя больным.

Обследование обнаружило наследственность, непреоборимый, импульсивный, безусловно несвободный характер совершенных им деяний, которые имели значение сильных навязчивых мыслей, вызывались ненормальными половыми ощущениями. Его оправдали и поместили в заведение для душевнобольных *(Voisin, Soquet, Motet.* — Annales d'hygiene, 1890, Avril).

В дополнение к этому случаю можно привести и следующее подобное же наблюдение, которое было хорошо прослежено и может быть названо классическим; оно вполне объясняет, что фетиш появляется на почве пробуждения соответствующего представления путем ассоциации.

Наблюдение 104. Отрезатель кос. Э., 25 лет, сестра матери страдала эпилепсией, брат — конвульсиями. Э. в детстве был здоровым ребенком и довольно хорошо учился. На 15-м году он испытывал впервые сладострастное чувство с эрекциями при виде крестьянки, расчесывавшей волосы. До этого времени особы другого пола не оказывали на него никакого впечатления. 2 месяца спустя в Париже его каждый раз сильно возбуждал вид волос, спускавшихся на спину. Однажды он не мог удержаться, чтобы при подобном случае не намотать косу молодой девушки между пальцами. Он был арестован и присужден к 3 месяцам тюремного заключения.

После этого он находился 5 лет на военной службе. В это время косы не представляли для него никакой опасности, да и мало были ему доступны, но он все-таки временами мечтал о женских головках с косой или с распущенными волосами. Иногда имел половой акт с женщинами, но без того, чтобы эти волосы влияли как фетиш.

По возвращении в Париж он снова начал думать об этом, снова испытывал возбуждение от женских волос.

Никогда не мечтал он о *всем лице* женщины, а только о *голове с косой.*

Половое возбуждение этим фетишем в последнее время достигло такой силы, что он прибегал к мастурбации.

Мысль держать в руках женские волосы или, еще лучше, владеть целой косой, с тем чтобы, ощупывая ее, мастурбировать, становилась все сильнее и сильнее.

Когда он держал женские волосы в руках, у него появлялось извержение семени. Однажды ему удалось уже срезать на улице три косы у трех девочек длиною в 25 см. и овладеть ими, но при попытке сделать это у четвертой он был арестован. Им овладело глубокое раскаяние и стыд. От суда он был освобожден. Пребывание в течение долгого времени в заведении для душевнобольных привело к тому, что женские косы его больше не возбуждали. По выходе он предполагал возвратиться на родину, где женщины не носят кос *(Magnan.* — Archives de Fanthropologie criminelle, 5 vol., № 28).

Третий случай, приводимый ниже, точно так же показывает психопатичность подобных явлений; в этом случае заслуживает внимания удивительный процесс выздоровления.

Наблюдение 105. Фетишизм косы. X., лет 30, из высшего класса, холостой, без ясных признаков нервной наследственности, с детских лет нервный, ветреный, своеобразный, уже на 8-м году жизни испытывал сильное влечение к женским волосам. В особенности это сказалось по отношению к одной девушке. Когда ему было 9 лет, 13-летняя девушка стала развратничать с ним. Он не имел об этом никакого представления, и это его нисколько не возбуждало. 12-летняя сестра этой девушки начала тоже возиться с ним, целовала его, прижимала к себе. Ей он охотно позволял проделывать это с собой, так как ему нравились волосы девушки. На 10-м году он начал испытывать сладострастные ощущения при взгляде на нравившиеся ему женские волосы. Постепенно эти ощущения стали появляться и по его желанию, причем тотчас ему представлялись женские волосы. На 11-м году под влиянием товарищей он стал мастурбировать. Ассоциативная связь половых ощущений и фетишистских представлений к этому времени твердо установилась и выступала тогда, когда больной развратничал с товарищами. С годами влияние фетиша было все сильнее. Даже фальшивые косы возбуждали его, хотя настоящие были ему приятнее. Когда ему удавалось их трогать или целовать, он был вполне счастлив. Он писал статьи, сочинял стихи, в которых

воспевал красоту женских волос, рисовал косы и при этом мастурбировал. 14 лет он приходил в такое возбуждение от своего фетиша, что получал сильнейшую эрекцию. В отличие от детства теперь его возбуждали только косы особенно роскошные, черные, туго заплетенные. Он испытывал сильнейшее желание целовать такие косы, соответственно сосать их. Ощупывание таких волос доставляло ему мало удовлетворения, гораздо большее он испытывал при виде их, особенно, когда он их целовал и сосал.

Если это было для него невозможно, то он чувствовал себя несчастным до того, что у него появлялось отвращение к жизни. Он пытался тогда удовлетворить себя тем, что представлял себе всякого рода приключения с волосами и при этом мастурбировал. Нередко на улице в тесноте он не мог удержаться от того, чтобы поцеловать даму в голову, и затем он спешил домой мастурбировать. Иногда он мог противостоять этому импульсу, но тогда должен был как можно более спешно удалиться от своего фетиша, причем испытывал сильное чувство страха. Только один раз удалось ему в толпе отрезать у девушки косу. При этом он испытывал сильный страх, пользовался перочинным ножиком и еле избежал опасности быть пойманным на месте преступления.

Будучи взрослым, он пытался получить удовлетворение путем сношений с публичными женщинами. У него появлялась сильная эрекция, когда он целовал косу, но до эякуляции дело не доходило, и поэтому половой акт его не удовлетворял. Во всяком случае, любимым его представлением было совокупление, сопровождаемое целованием волос. Но этого было для него недостаточно, так как не получалось эякуляции. За неимением лучшего он украл у одной дамы волосы, выпавшие при расчесывании, взял их в рот и мастурбировал при этом, представляя себе обладательницу этих волос. В темноте женщина не представляла для него никакого интереса, так как он не видел ее косы. Но и распущенные волосы не возбуждали его, как и волосы на лобке. Его эротические сны вращались только около косы. В последнее время больной был настолько возбужден в половом отношении, что у него получилось нечто вроде сатириаза (повышенного полового влечения). Он не мог заниматься, чувствовал себя несчастным, искал забвения в алкоголе. Он поглощал огромное количество алкоголя, получил белую горячку, припадок алкогольной эпилепсии, так что пришлось поместить его в больницу. После устранения интоксикации, довольно быстро при соответствующем лечении исчезло и половое возбуждение, и когда он вышел из больницы, он освободился и от своего фетиша, появлявшегося только в сновидениях. Обследование физического состояния выявило нормальные половые органы; никаких вообще признаков

дегенерации.

Подобного рода случаи фетишизма косы, ведущие к похищению женских кос, время от времени, по-видимому, бывают в различных местах. Как сообщают американские газеты, в ноябре 1890 г. такой отрезатель волос появился в ряде городов Соединенных Штатов.

б) *Часть женской одежды в роли фетиша*

Общеизвестно, какое огромное влияние оказывают на нормальную половую жизнь мужчины женские наряды, платья, украшения. Культура и мода снабдили женщину известного рода искусственными половыми особенностями, отсутствие которых у обнаженной женщины может оказать отталкивающее влияние, явиться отрицательным моментом, несмотря на то что подобное зрелище нормально возбуждает чувственность[1]. Не надо при этом упускать из виду, что женский наряд часто имеет тенденцию усилить или утрировать определенные особенности пола, вторичные характерные особенности (груди, талию, бока).

У большинства индивидов половое влечение пробуждается раньше, чем появляется способность и возможность полового общения, и ранние вожделения юношей вращаются вокруг привычной картины одетой женщины. Поэтому возникает то, что нередко в начале половой жизни ассоциируются представления о половых раздражениях и о женском платье. Эти ассоциации могут стать нераздельными — одетая женщина долго предпочитается обнаженной — в тех случаях, когда определенные лица, находясь под влиянием других извращений, не достигают нормальной половой жизни и нормального удовлетворения в результате действия естественных раздражителей.

У психопатических индивидов, страдающих половой гиперестезией, действительно на почве этого происходит то, что *одетой* женщине постоянно отдается предпочтение перед обнаженной. Вспомним, что в наблюдении 55 женщина не должна была снимать последний покров, что в наблюдении 58 («эротическая наездница») предпочитается одетая женщина. И ниже приводится такой же случай полового извращения.

Молль (указ. соч., 3-е изд.) говорит об одном больном, который не мог совершить половой акт с обнаженной женщиной; последняя должна была по крайней мере остаться в одной рубашке; там же Молль приводит случай полового извращения, где также имеет место фетишизм платья.

Основу этого явления надо, несомненно^ искать в мысленном онанизме таких лиц. При взгляде на бесчисленные одетые лица

они испытывают половое влечение еще в то время, когда они не видели обнаженных женщин[2].

Вторая ясно выраженная форма фетишизма платья заключается в том, что имеется в виду не одетая женщина

вообще, а фетишем становится *известная форма платья (фетишизм костюма).* Надо думать, что сильное и очень раннее половое впечатление, которое связано с представ-лением об определенной одежде женщины, может у лиц с гиперестезией вызвать весьма интенсивное влечение к этому платью.

Хэммонд (указ. соч., с. 46) сообщает о следующем случае, заимствованном из книги Рубана «Трактат о половом бессилии». (Paris, 1876).

Наблюдение 106. X., сын генерала, воспитывался в деревне. На 14-м году он был посвящен в радости любви молодой дамой, блондинкой с завитыми локонами. Чтобы не быть застигнутой, она вступала в общение с юношей только в ее обыкновенном наряде, в гамашах, корсете, в шелковом платье.

Когда по окончании учения он поступил на военную службу и здесь захотел использовать свою свободу, то оказалось, что он мог возбудить у себя половое влечение только при вполне определенных условиях. Так, брюнетки нисколько не возбуждали его; женщина в ночном костюме могла подавить в нем всю страсть. Женщина, которая могла пробудить в нем желания, должна быть блондинкой, в гамашах, в корсете, в шелковом платье — одним словом, быть одетой так же, как та дама, которая впервые вызвала в нем половое влечение. Он принужден был отказаться от женитьбы, так как знал, что не в состоянии будет выполнять свои супружеские обязанности по отношению к жене, когда она в ночном костюме.

Хэммонд сообщает еще об одном случае (с. 42), где супружеское общение имело место только при определенном костюме жены. Молль (указ. соч.) отмечает несколько подобных случаев у гетеро- и гомосексуалистов. В качестве основной причины часто выступают ранние ассоциации. Только этим можно объяснить, что на таких людей неотразимо действует определенный костюм, безотносительно к лицу, которое его носит. Тогда понятны и сообщения Кофиньона (указ. соч.), что мужчины в домах терпимости требуют, чтобы женщины, с которыми они имеют дело, надевали определенный костюм балетной танцовщицы, монахини и т. д., и поэтому данные дома снабжены для этой цели маскарадными костюмами.

Бине (указ. соч.) рассказывает об одном судье, который был влюблен исключительно в итальянок, которые в качестве

натурщиц приезжают в Париж, и в их определенный костюм. Причиной, обусловливающей это,

было определенное впечатление при пробуждении полового чувства. От этих случаев только один шаг к переходу всей половой жизни в фетиш, обладание коим достаточно для того, чтобы вызвать оргазм, а при раздражительной слабости эякуляционного центра и семяизвержение.

Наблюдение 107. Фетишизм платья. П., 33 лет, торговец; мать его страдала меланхолией и окончила жизнь самоубийством, сам он обнаруживает ряд анатомических признаков дегенерации, считается оригиналом и носит прозвище «любителя кормилиц и бонн».

Так как он преследовал последних самым настойчивым образом в публичных местах и с одной, которая носила на себе его фетиш, вступил даже в драку, то был арестован. Он давно уже приходит в восхищение при виде кормилиц и бонн, но его не интересует сама женщина, а исключительно ее одежда, и притом не какая-то ее часть, а вся одежда в целом. Быть в обществе этих лиц — его величайшее наслаждение. По возвращении домой ему достаточно было воспроизвести в памяти полученное впечатление, чтобы испытать половой экстаз. Никогда ему не приходило в голову иметь акт совокупления с такой особой.

Аналогичное наблюдение относительно фетишизма костюма имеется у Моте. Речь шла о молодом человеке из хорошей семьи, который испытывал половое возбуждение исключительно при виде женщины в подвенечном наряде. Кто носит этот наряд, ему было совершенно безразлично. Для того чтобы удовлетворить свою фетишистскую склонность, он проводил большую часть времени в Булонском лесу, перед дверями ресторанов, в которых обычно праздновали свадьбы *(Gamier.* Les Fetichistes. P. 59).

Третья форма фетишизма платья, представляющая гораздо более высокую степень ненормальности и наблюдаемая особенно часто, заключается в том, что здесь вызывает половое возбуждение не женщина сама по себе, не тот или другой наряд ее, а весь половой интерес сосредоточивается на *определенной части женской одежды,* так что сладострастное представление об этой части платья совершенно отделено от общего представления о женщине и имеет свою самостоятельную ценность. Это именно и есть та разновидность фетишизма платья, когда мертвая вещь, изолированный кусок платья, используется для возбуждения и удовлетворения полового влечения. Эта третья форма фетишизма платья — самая важная в судебном отношении. В большинстве случаев речь идет о части

женского белья, которое вследствие своего интимного характера в особенности легко вызывает подобные ассоциации.

Наблюдение 108. К., 45 лет, сапожник, наследственно не отягощенный, чудак, малоразвитый, без признаков дегенерации, мужского типа, безупречного поведения, был арестован 12 июля 1876 г., в то время как он уносил украденное женское белье. У него нашли около 300 принадлежностей дамского туалета, между прочим, женские сорочки, панталоны, ночные чепчики, подвязки, даже куклу. Когда он был арестован, на нем была женская сорочка. Уже с 13 лет он имел наклонность воровать женское белье, был однажды наказан за это, с тех пор стал осторожнее и не попадался. Когда у него появлялось это влечение, его охватывал страх, он чувствовал тяжесть в голове. Он не мог противостоять своему желанию, чего бы это ему ни стоило. Для него было совершенно безразлично, у кого он отнимал эти вещи. Похищенные вещи он брал ночью к себе в постель, представлял себе красивых женщин и испытывал сладострастное чувство и извержение семени.

Это было единственным мотивом его кражи, он никогда не продавал ни одной из украденных вещей, наоборот, он их прятал в разных местах.

К. сообщил, что в прежнее время он имел нормальные сношения с женщинами, отрицает онанизм, педерастию и другие половые акты. На 25-м году он стал женихом, однако свадьба расстроилась не по его вине. Он не сознавал болезненности своего состояния и противозаконности своих поступков. *(Passow.* — Vierteljahrschrift fur gerichtliche Medizin. N. F. XXVIII. S. 61. *Krauss.* Psychologie des Verbrechens, 1884. S. 190.)

Наблюдение 109. И., молодой мясник, был однажды арестован. Под пальто он носил корсет, фуфайку, блузку, воротник, рубашку из трико, женскую сорочку, кроме того, у него были тонкие чулки и подвязки.

С 11 лет его мучило желание надеть сорочку своей старшей сестры. Когда он мог это делать незаметно, он доставлял себе это удовольствие; с наступлением зрелости, надевая такую рубашку, он получал извержение семени. Став самостоятельным, он покупал женские сорочки и другие вышеназванные части женского туалета. У него нашли настоящий склад дамского гардероба. Надевание этих частей женского туалета было для него наивысшим наслаждением. Из-за своего фетишизма он разорился. В больнице он просил у врача разрешения носить женскую одежду. Извращения полового чувства у него нет *(Gamier.* Les Fetichistes. P. 62).

Наблюдение 110. Ц., 36 лет, ученый, до сих пор интересовался

только одеждой женщины, но никогда самой женщиной и ни разу не имел полового общения с женщинами. Наряду с элегантностью и шиком дамского туалета вообще его фетишем в особенности являются нижние юбки и батистовые сорочки с кружевами, атласные корсеты, шелковые чулки. Он испытывал сладострастное чувство, осматривая в специальных магазинах эти вещи и ощупывая их. Его идеалом была женщина в купальном костюме, шелковых чулках, корсете и в капоте со шлейфом. Он изучал костюмы прохожих, но находил их лишенными вкуса, даже безобразными. Большое удовольствие получал он от выставок в витринах, но они редко менялись. Отчасти он находил удовлетворение в рассматривании и изучении модных журналов, в покупке отдельных, особенно красивых предметов, бывших его фетишем. Величайшим счастьем для него было бы, если бы ему оказались доступными туалетные принадлежности будуаров или магазинов дамских мод или если бы он мог стать горничной у элегантной светской дамы и помогать ей в ее туалете. Признаков мазохизма и полового извращения у этого странного фетишиста нет. Вид и характер его вполне мужские *(Gamier.* La folie a Paris, 1890).

Случай страстного отношения к отдельным частям женской одежды описывает Хэммонд (указ. соч., с. 43). И здесь наслаждение больного заключается в том, чтобы самому носить на себе корсет и другие принадлежности женского туалета (признаки полового извращения отсутствуют). Боль при затягивании корсета, возникающая у него, так же как и у женщин, вызывает у него чувство радости — элемент садистско-мазохистский.

Относящийся сюда же случай сообщает Диец (Самоубийство. 1838. С. 24): молодой человек не мог противостоять желанию разрывать женские вещи, и регулярно при этом у него происходило извержение семени.

Связь фетишизма с разрушительными стремлениями по отношению к фетишу (до известной степени садизм по отношению к неживому объекту), по-видимому, отмечается часто.

Частью одежды, которая, собственно, не имеет интимного характера, но материалом и цветом может напоминать нижнее белье и которая, кроме того, по месту, на котором ее носят, имеет известное отношение к половой сфере, является передник (ср. метонимическое соотношение слов передник и юбка в поговорке: бегать за каждым передником или за каждой юбкой и т. д.). Это объясняет нам следующий случай.

Наблюдение 111. С, 37 лет, из семьи с тяжелой наследственностью, неправильная форма головы, малоразвит

умственно. На 15-м году жизни заметил повешенный для сушки передник.

Он надел его и начал онанировать под забором. С тех пор он не мог видеть передника, чтобы не повторить этого акта.

Когда он видел кого-нибудь в переднике, безразлично мужчину или женщину, то обязательно следовал за ним. Чтобы отучить его от бесчисленных краж передников, его на 16-м году отдали в морскую службу. Там не было передников, и он вел себя спокойно. Но когда он на 19-м году вернулся домой, то опять начал воровать передники; его много раз запирали, помещали в монастырь. Но по выходе оттуда он принимался за старое.

Наконец, после одного случая воровства он был подвергнут судебно-медицинскому обследованию и помещен в заведение для душевнобольных. Он воровал исключительно передники. Ему доставляло наслаждение восстанавливать в памяти картину первой кражи. Его сны вращались около передников. Впоследствии он обращался к своим воспоминаниям, чтобы совершить половой акт или онанировать *(Charcot* et *Magnan.* — Archives de neurologie, 1882, № 12).

В ряду подобных же случаев, описанных Ломброзо[1], есть случай, где ребенок, происходящий из болезненно отягощенной семьи, уже на 4-м году жизни получал эрекцию и сильное половое возбуждение при виде белых предметов, особенно белья. Дотрагивание до них, ощупывание вызывало у него сладострастное чувство. На 10-м году он начал мастурбировать при виде белого накрахмаленного белья. Он, по-видимому, страдал помешательством и был осужден за убийство.

Своеобразную комбинацию мы встречаем в следующем случае *фетишизма юбки.*

Наблюдение 112. Ц., 35 лет, чиновник, единственный сын нервной матери и здорового отца. С малых лет он считался нервным, при обследовании бросается в глаза невропатический вид, нежное, стройное телосложение, нежные черты лица, очень тонкий голос, редкая растительность на подбородке. Кроме явлений легкой неврастении, ничего патологического не отмечено. Половые органы нормальны, нормальна и половая функция. Больной мастурбировал 5 раз в детстве.

Уже с 13 лет больной испытывал сильное половое возбуждение при виде *мокрой* женской одежды, и в то же время сухая одежда не оказывала на него никакого влияния. Величайшим наслаждением для него было рассматривать во время дождя промокших женщин. Если он встречал таковую и она была довольно миловидна, то испытывал интенсивное сладострастное

чувство, сильную эрекцию и стремление к половому акту. Желания достать мокрую одежду или облить женщину водой у него никогда не было. О причине возникновения этого влечения больной не мог ничего сказать. Возможно, что в этом случае половое влечение пробудилось впервые при виде женщины, которая во время дождя подняла мокрую юбку. Неясное стремление проецировалось впоследствии на мокрые юбки, как это бывает и в других случаях.

Весьма часто встречаются *любители женских платков,* что имеет значение в судебно-медицинском отношении. Частота фетишизма платков может найти объяснение в том, что носовой платок принадлежит к тем предметам обихода, которые чаще всего случайно могут попасть в руки другого человека даже при отсутствии всяких интимных отношений, причем платки часто имеют специфический запах и теплоту тела. Здесь ранние ассоциации с сладострастными ощущениями сплетаются с представлением о платке.

Наблюдение 113. Безупречный до того булочник-холостяк, 32 лет, был захвачен в тот момент, когда украл у дамы носовой платок. Он откровенно сознался, что уже похитил около 80—90 платков, причем он похищал их почти исключительно у более молодых и симпатичных ему женщин. По внешнему виду он ничем особым не отличается. Одевается он очень прилично, обнаруживает своеобразное, отчасти боязливо подавленное, отчасти обиженное настроение, иногда повышающееся до слезливого тона и плача. Можно заметить у него несомненную беспомощность, слабость понимания, затруднение в ориентировке и рефлексах. Одна из его сестер страдает эпилепсией. Живет он в хороших условиях, тяжелых болезней не переносил, развивался хорошо. При передаче истории своей жизни он обнаруживает слабость памяти, неясность; считает с трудом, хотя прежде учился хорошо и все понимал. Его боязливое, неуверенное настроение заставляет подозревать онанизм. Он сознается, что с 19 лет он чрезмерно предавался этому пороку.

В последние годы на почве указанного порока появилась подавленность, быстрая утомляемость, дрожание ног, боли в пояснице, нежелание работать. Часто появляется у него печально-боязливое настроение, когда он избегает людей. О последствиях полового сношения с женщинами имеет превратное представление и никогда не мог на это решиться. В последнее время, однако, он стал подумывать о женитьбе.

С глубоким раскаянием и с тупым видом он сознается, что полгода назад в толпе при взгляде на молодую красивую девушку он испытал сильное половое возбуждение, должен был прижаться к ней и освободился от своего влечения, украв у нее

носовой платок, что доставило ему полное удовлетворение.

Впоследствии как только ему встречалась симпатичная женщина, его охватывало сильное половое возбуждение, появлялось сердцебиение, эрекция, желание совокупления, стремление прижаться к этой особе и за неимением лучшего украсть у нее платок. Несмотря на то что он ни на минуту не терял сознания преступности совершаемого деяния, он все-таки не мог противостоять своему стремлению. При этом он испытывал страх, который, с одной стороны, обусловливался сильным половым влечением, с другой — боязнью быть настигнутым на месте преступления.

Было сделано заключение, что у него врожденное слабоумие, развившееся на почве усиленного онанизма и приведшее к чрезмерному сладострастию на почве извращенного полового влечения, причем имелась интересная и физиологически понятная связь между обонянием и половым чувством. Была признана непреодолимость болезненного влечения, и он не был наказан. *(Zippe.* — Wiener medizinische Wochenschrift, 1879, № 23.)

Благодаря любезности профессора Фрича (в Вене) я могу сообщить еще об одном фетишисте платка, который в августе 1890 г. был снова захвачен как раз в то время, когда он вытаскивал из кармана дамы платок. При обыске у него нашли 445 дамских носовых платков. Кроме того, он два тюка таких улик сжег. Затем выяснилось, что X. еще в 1883 г. был приговорен к аресту на 24 дня за кражу 27 платков, а в 1886 г. — на 3 недели за подобное же преступление.

Относительно его родных выяснилось, что отец его страдал приливами крови к голове и что дочь его брата слабоумная и от природы невропатка.

X. в 1879 г. женился и начал самостоятельное дело. В 1881 г. дело не выдержало конкуренции. Вскоре после этого он развелся со своей женой, которая не переносила его и по отношению к которой он не выполнял своих супружеских обязанностей (X. отрицает это). Впоследствии он жил в качестве помощника в булочной своего брата.

Он очень скорбит по поводу своего несчастного влечения к дамским носовым платкам, но когда он находится в известном состоянии, то не может владеть собой. Он испытывает при этом огромное наслаждение, и ему кажется, будто кто-то его принуждает к этому. Иногда он может владеть собой, но если дама ему симпатична, он подчиняется первому влечению. При этом он становится мокрым от пота — отчасти из боязни быть открытым, отчасти вследствие стремления к выполнению

деяния. Уже в годы возмужалости он испытывал возбуждение при виде дамских носовых платков.

О том, при каких условиях развилась эта фетишистская ассоциация, он не может вспомнить. Половое возбуждение при виде женщины, у которой из кармана высунут платок, все более и более усиливалось. Часто дело при этом доходило до эрекции, никогда до эякуляции.

С 21 года он временами имел наклонность к нормальному половому общению и совершал половой акт без сопутствующего представления о носовом платке. Но приобретение платков доставляло ему неизмеримо большее удовлетворение, чем акт совокупления. Получение платка симпатичной дамы давало ему такое же удовлетворение, как будто он имел с нею половое общение. Он испытывал при этом настоящий оргазм.

Если ему не удавалось приобрести желательный носовой платок, то он испытывал мучительное раздражение, у него появлялся озноб, пот по всему телу.

Носовые платки особо симпатичных ему женщин он держал отдельно, наслаждался при виде их и испытывал при этом сильное чувство сладострастия. Даже запах их вызывал у него сладострастное ощущение, хотя он и утверждает, что его возбуждал, в сущности, своеобразный запах белья, а не особые духи. По его словам, он мастурбировал очень редко.

За исключением временных головных болей и головокружений X. ни на что не жалуется. Он сильно скорбит о своем несчастье, о болезненном влечении, о злом демоне, который побуждает его к таким наказуемым деяниям. Его единственное желание, чтобы ему кто-нибудь помог. Объективно отмечаются незначительные явления неврастении, аномалии в распределении крови, неодинаковые зрачки. Было доказано, что X. совершал свои проступки под влиянием болезненного непреодолимого влечения, и он был освобожден.

Наблюдение 114. Ц. начал мастурбировать на 12-м году и с тех пор не мог видеть женского носового платка без того, чтобы у него не появлялись оргазм и эрекция. Он испытывал стремление овладеть платком. В то время он был певчим в церкви и пользовался похищенными платками для мастурбации на ближайшей колокольне. Такое сильное влияние оказывали на него только платки с черной и белой каймой, фиолетовые или полосатые. С 15 лет половое общение, затем брак. В большинстве случаев он был только тогда потентен, когда обвертывал свои половые органы в такой платок. Он предпочитал нормальному акту акт между бедер женщины, где был помещен платок. Он никогда не был уверен в своей

способности к половому акту. Всегда носил он несколько таких платков в кармане и один — для обвертывания половых органов *(Rayneau.* — Annales medico-psychologiques, 1895).

Подобные случаи фетишизма носового платка, доводящего ненормального субъекта до кражи, весьма многочисленны. Они отмечаются также у лиц с половым извращением, как показывает случай, описываемый Моллем в его не раз цитированном произведении '.

Наблюдение 115. Случай фетишизма носового платка у субъекта с половым извращением. К., 28 лет, ремесленник, крепкого сложения мужчина, жалуется на многочисленные припадки, слабость в ногах, боли в пояснице, головные боли, нежелание работать и т. д. Жалобы неврастенического характера с наклонностью к ипохондрии. Только спустя несколько месяцев, которые он провел под наблюдением Молля, выяснилось, что он ненормален в половом отношении.

К. никогда не испытывал никакого влечения к женщине, напротив, красивые мужчины оказывали на него особое, раздражающее влияние. Больной с юности до того времени, когда он пришел к Моллю, много занимался онанизмом. К взаимному онанизму или педерастии К. никогда не чувствовал влечения. Он не верит, что мог бы найти в этом удовлетворение, так как, несмотря на его предпочтительную любовь к мужчинам, их белый носовой платок оказывал на К. сильное возбуждение, причем известную роль играла красота обладателя платка; половое возбуждение в особенности вызывали у него носовые платки красивых мужчин. Наибольшее сладострастное чувство испытывает он тогда, когда мастурбирует в носовой платок мужчин. На этом основании он часто брал у своих друзей носовые платки. Для того чтобы охранить себя от всяких подозрений, он возвращал им свои платки взамен взятых. К. желал этим путем избежать подозрения в воровстве и придать этому характер обмена. Другие части мужского белья также возбуждали его, но не в такой мере, как носовые платки.

Половой акт с женщинами К. имел несколько раз, причем он получал и эрекцию, и эякуляцию, но без чувства сладострастия. Совместное пребывание в постели не вызывает в нем возбуждения. Эрекция и эякуляция наступают только тогда, когда больной во время акта думает о мужском носовом платке; они появляются быстрее, если больной берет с собой носовой платок своего друга и держит его в это время в руке.

Соответственно этому половому извращению появлялись и ночные поллюции при сладострастных представлениях, в которых мужское белье играло главную роль.

Гораздо чаще, чем фетишисты белья, встречаются люди, обожающие женскую обувь. Этих случаев бесчисленное множество, и значительное количество их уже подверглось научному исследованию, в то время как о некоторых подобных случаях фетишизма перчаток я узнал только из третьих рук, за исключением приводимого ниже наблюдения 127, где фетишизм перчатки, однако, развился вторично. О причине сравнительной редкости фетишизма перчаток см. выше с. 236, 239.

При *фетишизме обуви* совершенно отсутствует тесная связь предмета с телом женщины, позволяющая объяснить фетишизм белья. На этом основании, а также на основании того, что хорошо прослежены случаи, когда фетишистское стремление к обуви женщины сознательно или бессознательно происходит из мазохистских стремлений, надо предположить с известной вероятностью, что в этом виде фетишизма надо постоянно предполагать наличие хотя бы скрытых зачатков мазохизма, если другой способ его возникновения не может быть установлен.

На этом основании большая часть имеющихся наблюдений проявления фетишизма обуви, соответственно ноги, была приведена выше в разделе о мазохизме. Там же был достаточно подробно разобран мазохистский характер этого полового фетишизма.

Предположение о мазохистском характере отпадает только в тех случаях, когда имеется явная случайная связь между половым возбуждением и представлением о женской ноге, поскольку без нее данное состояние маловероятно.

Такая связь обнаруживается в следующих двух наблюдениях.

Наблюдение 116. Фетишизм обуви. П. из хорошей семьи, 32 лет, женатый, обратился ко мне в 1890 г. по поводу «ненормальности» в его половой жизни. Он уверяет, что происходит из вполне здоровой семьи, однако уже с детства был нервен, 11 лет страдал слабой хореей. Последние 10 лет наблюдается бессонница и разнообразные проявления неврастении. Только на 15-м году он узнал о разнице полов и испытал половое возбуждение. На 17-м году его соблазнила гувернантка-француженка, однако половой акт не имел места, было только взаимное сильное возбуждение чувственности (взаимная мастурбация). В это время его взгляд упал на элегантные сапоги женщины. Они произвели на него сильное впечатление. Его общение с этой особой продолжалось 4 месяца. В это время сапоги стали фетишем для несчастного. Он начал вообще интересоваться дамской обувью и повсюду ходил, чтобы видеть дам в красивой обуви. Этот фетиш получил в его сознании огромную силу. Прикосновение женского

французского сапожка к пенису неизменно давало ему сильное половое возбуждение, сопровождающееся семяизвержением[1]. После ухода соблазнительницы он отправлялся к проституткам, где проделывал те же манипуляции. Обычно этого было достаточно для удовлетворения. Только редко и то в качестве вспомогательного средства он прибегал к половому акту. Все больше исчезало стремление к нему. Его половая жизнь протекала в сновидениях с поллюциями, причем исключительно женская обувь играла при этом роль, и в удовлетворении себя прикосновением женского башмачка к половому члену[2], но это должна была проделывать женщина. В общении с другим полом психически возбуждала его только обувь, и обувь элегантная, французского фасона, блестящая, черная, как у первоисточника. Дополнительные требования развились с течением времени: обувь проститутки, очень элегантная, шикарная, кружевная юбка и черные чулки.

В остальном женщина его совершенно не интересовала. *К обнаженной ноге он совершенно равнодушен.* И духовно женщина нисколько не возбуждала его. *Мазохистских желаний быть попираемым ногами никогда у него не было.* С течением времени фетишизм приобрел такую силу, что, если он на улице встречал даму определенной внешности и в определенной обуви, то чувствовал до того сильное возбуждение, что принужден был мастурбировать. Малейшего давления на пенис было достаточно у этого неврастеника для эякуляции. Даже обувь в лавках, даже просто объявления о продаже обуви влияли на него возбуждающим образом. При сильной похотливости он прибегал к мастурбации, если не мог манипулировать с обувью. Больной понял тяжесть и опасность своего положения, и если он физически чувствовал себя удовлетворительно, за исключением некоторых явлений неврастении, то морально был страшно подавлен.

Он искал помощи у многих врачей; лечение водой, внушение были безрезультатны. Авторитетные врачи посоветовали ему жениться и уверяли его, что если он искренне полюбит девушку, то он освободится от своего фетиша. У больного не было никакой веры в свое будущее, но он последовал совету врачей и был жестоко обманут в своих надеждах, вызванных доверием к авторитету врачей, хотя и женился на прелестной женщине. Брачная ночь была ужасная: он чувствовал себя преступником и оставил жену нетронутой. На следующий день он встретился с проституткой, соответствующей его фетишу. Он не устоял и имел с ней сношение. Тогда он купил пару элегантных дамских ботинок, спрятал их в кровать, во время супружеских объятий трогал их и через несколько дней мог выполнить свои супружеские обязанности. Эякуляция наступила поздно, так как он должен был принуждать себя к половому акту, и уже через несколько недель его фантазия истощилась и искусственное

возбуждение на него не действовало. П. чувствовал себя бесконечно несчастным и начал думать о самоубийстве. Он не мог больше удовлетворять свою жену, у которой благодаря имевшим место сношениям пробудилась чувственность, и видел, как она страдала и физически, и нравственно. Окрыть свою тайну жене он не мог и не хотел. Он почувствовал отвращение к супружескому общению, боялся по вечерам оставаться наедине со своей женой. У него совершенно не было эрекции.

Он обратился опять к проституткам и удовлетворялся тем, что ощупывал их сапоги. Затем проститутка должна была касаться башмаком его полового члена; у него появлялась эякуляция, или, если это не удавалось, он прибегал к акту совокупления с продажными женщинами, но без успеха, так как у него немедленно появлялась эякуляция. Больной пришел к врачу в полном отчаянии. Он глубоко сожалеет о том, что, вопреки своему внутреннему убеждению, последовал неудачному совету врачей, сделал несчастной прекрасную женщину, нанес ей физический и нравственный вред. Он не в состоянии продолжать подобную супружескую жизнь. Даже если бы он открылся своей жене и она все бы сделала для него, то это бы ему не помогло, так как в этом имел место известный оттенок «полусвета».

За исключением душевных страданий, у больного не отмечается ничего ненормального. Гениталии нормальны. Простата слегка увеличена. Он жалуется, что он настолько под влиянием своего представления об обуви, что краснеет, как только возникает разговор о ней. Все его фантазии вертятся вокруг этого. Когда он живет в своем имении, то часто чувствует себя вынужденным отправляться за 10 миль в отдаленный город, чтобы насладиться своим фетишем в лавках или у проституток. На лечение несчастный не мог решиться, так как потерял веру во врачей. Попытка добиться гипнозом устранения фетишистской ассоциации не имела успеха из-за душевного возбуждения больного, которым овладела одна только мысль о том, что он сделал свою жену несчастной.

Наблюдение 117. Фетишизм обуви с половым извращением.

X. пишет: «На 16-м году у меня возникла эрекция при виде изящной дамской обуви, особенно на высоком французском каблуке. Во время пребывания на курорте одна дама заметила, что меня возбуждает ее элегантная обувь. Она пригласила меня к себе, угостила печеньем и вином. Затем она сказала мне, что из меня выйдет прелестный паж, и начала меня одевать, дала мне длинные шелковые чулки, атласные башмачки с высоким каблуком, зашнуровала меня и поверх надела рубашку с кружевами. У меня, конечно, появилось сильное сладострастное чувство, и я до сих пор не могу забыть впервые испытанного мною ощущения от того, что я стою на высоких каблуках. Затем

она в утомленной позе прилегла на диван, привлекла меня на себя и мастурбировала со мной. Мое несчастье на совести этой женщины. Эти сцены повторялись, она сделала мне костюм из трико, и в третий раз имел место половой акт, который я совершил с невероятным наслаждением. Так как я там был вне надзора, то часто проводил полночи в объятиях этой Мессалины. Мне достаточно было коснуться высоких каблуков, чтобы тотчас появлялась эрекция; равным образом она приходила в возбуждение от моего одеяния. Для своего удовлетворения я стал прибегать к онанизму, причем я представлял себе костюмы и красивую обувь или даже, рисуя довольно хорошо, изображал все эти «сцены с пажем» в сумасшедших картинах. Поступив в университет, я сделал себе прекрасный гардероб, причем имел 100 пар различной обуви самого фантастического характера. Оставаясь один, я надевал определенные костюмы и онанировал перед зеркалом. Однако это меня не удовлетворяло. Я стал посещать «веселые дома» и наибольшее сладострастие испытывал тогда, когда я в своем костюме был с двумя девушками, одна из которых, сидя поверх меня, вводила мой пенис во влагалище, другая же исследовала пальцем мой задний проход[1]. До этого я был вполне гетеросексуален; ухаживал на улицах только за женщинами, причем я всегда носил особые сапоги с высоким подъемом. От мужчин, которые часто смотрели на мои ноги, я их скрывал. Когда мне было 24 года, однажды проститутка сказала мне: «Если тебя увидит один господин, который придет в понедельник, он с ума сойдет». Господин этот, 40 лет от роду, был страстный любитель обуви, и его высшим стремлением было полюбить красивого молодого человека с нежными членами, в определенном костюме. Проститутка должна была одеться как конюх, изображать у себя мужской член и т. д. Это сообщение меня очень взволновало, так как моей главной страстью было кокетство. Я с гордостью подумал, что своей фигурой, своими ногами я могу побеждать и мужчин, и позволил дать этому господину мою фотографию. Последний был в восхищении и обещал мне через девушку огромную сумму денег, если я ему понравлюсь. Я знал о педерастах из эротических книг, до сих пор никакого сладострастного чувства к ним не испытывал; все это изменилось в одну ночь. Я отказался, конечно, от всяких денег, потребовал только у него новый костюм и обувь; он мне все это предоставил в роскошнейшем виде. В этом костюме, состоявшем только из шелковой кружевной кофточки, надетой на голое тело, из красивого парика, шелкового шарфа, который прикрывал гениталии, но оставлял открытыми ягодицы; с обнаженными ногами, в коротких шелковых чулках и в роскошных ботинках ожидал я его у этой проститутки. Он пришел и был в восхищении. Раздевшись, он крепко обнял меня и пытался ввести пенис в мое анальное отверстие. Я охотно подчинился ему, и у меня явилось неудержимое желание испытать введение пениса, оставаясь в пассивной роли; однако у него наступила

преждевременная эякуляция, он упал на меня и лепетал любовные слова; между тем женщина удовлетворяла меня, вводя мой пенис в рот. С этой ночи, когда я убедился, какое впечатление я могу производить на мужчину, я стал как бы раздваиваться. Моим членом завладевала женщина, совокупление с которой доставляло большое наслаждение, анальное же отверстие я предоставлял в распоряжение мужчины[1]. Моей мечтой стало беспомощно лежать в объятиях сильного мужчины, который восхищен моим костюмом, моей обувью, моими красивыми формами. Самое восхитительное для меня — я сам в сумасшедшем костюме совершаю совокупление с женщиной, в то время как в моем анальном отверстии находится мужской член[2]. Я стал кокетничать и с мужчинами. Я носил узкий шелковый сюртучок, тонкую с довольно сильным вырезом рубашку, штаны, которые суживали и тесно облегали ягодицы и бедра, и изящные ботинки на высоком каблуке. На улице при ходьбе высокий подъем ботинок не был заметен, но когда я нахожусь в ресторане, театре, в вагоне и вижу мужчину, который, по-видимому, мною интересуется, то начинаю с ним кокетничать и постепенно показываю ему мои прелестные ботинки. И вы не поверите, сколь многие едва могут отвести от них свои полные восхищения взгляды».

Наблюдение 118. Х., 24 лет, из наследственно отягощенной семьи (брат матери и отец — душевнобольные, одна сестра страдает эпилепсией, другая — мигренями, родители — люди раздражительные), в период прорезывания- зубов были судороги, на 7-м году начал под влиянием служанки заниматься онанизмом. Впервые испытал наслаждение при этой манипуляции, когда *девушка нечаянно коснулась ногой, обутой в башмак, его пениса[3].* Вследствие этого у мальчика создалась соответствующая ассоциация, и для него достаточно было только увидеть женский ботинок или даже в конце концов вызвать его в фантазии, чтобы прийти в половое возбуждение и получить эрекцию. Таким образом, он онанировал, или глядя на женскую обувь, или представляя себе ее. В школе вызывали у него сильное возбуждение башмаки учительницы, в особенности такие, которые отчасти были скрыты длинной юбкой. Однажды он не мог удержаться, чтобы не прикоснуться к башмакам учительницы, что вызвало у него сильное половое возбуждение. Несмотря на наказания, он продолжал это делать. Наконец выяснилось, что причина носила болезненный характер, и его передали учителю. Тогда он стал восстанавливать в памяти сцены с обувью учительницы и получал при этом эрекцию, оргазм, а с 14 лет и эякуляцию. При этом он мастурбировал, думая о женской обуви. Однажды у него появилась мысль увеличить свое наслаждение и воспользоваться подобной обувью для мастурбации. Он начал тайно похищать башмаки и пользоваться ими для данной цели. При этом ничто в женщине не вызывало у него полового возбуждения; мысль о половом акте

наполняла его ужасом. Мужчины также его совершенно не интересовали.

На 18-м году он открыл лавку, где между прочим торговал обувью. Он испытывал половое возбуждение, когда примерял покупательницам башмаки или мог манипулировать с уже ношенной дамской обувью. Однажды в это время с ним случился эпилептический припадок, вскоре повторившийся, когда он обычным способом онанировал. Тогда он понял, какой вред он приносит этим своему здоровью. Он стал бороться со своей привычкой, перестал продавать обувь и старался освободиться от болезненной ассоциации между женской обувью и половыми функциями. У него появились частые поллюции и эротические сны, касавшиеся женской обуви; не прекращались и эпилептические припадки. Хотя он не испытывал никакой половой склонности к женскому полу, он все же решил жениться, так как женитьба казалась ему единственным средством спасения.

Он женился на красивой молодой женщине. Несмотря на сильную эрекцию при мысли о башмаках своей жены, все попытки совершить половой акт были неудачны: отвращение к нему, вообще к интимному общению оказалось сильнее влияния представления об обуви, возбуждавшего его половую сферу. По поводу своей импотенции он и обратился к доктору Хэммонду, который прописал ему бром против эпилепсии и посоветовал ему повесить над брачным ложем башмак, смотреть на него во время совокупления и вообразить свою жену башмаком. Больной освободился от эпилептических припадков, сделался потентным, так что почти каждые 8 дней мог иметь половой акт. Его чувственное возбуждение, появлявшееся при виде женской обуви, также стало уменьшаться *(Hammond.* Sexuelle Impotenz Jbers. von Salinger, 1889. S. 23).

Оба эти случаи фетишизма обуви, которые, как и вообще проявления фетишизма, имеют в основе явные субъективные случайные ассоциации, не представляют в смысле объективных явлений ничего особенного, так как в первом случае речь идет о частичном влиянии общего впечатления, производимого женщиной, во втором — о частичном влиянии, которое оказывает определенная возбуждающая манипуляция.

Однако приходится наблюдать и другого рода случаи — до сих пор таких случаев было известно два, когда ассоциация, давшая толчок, не имела никакого отношения ни к особенностям объекта, ни к предметам, нормально вызывающим раздражение.

Наблюдение 119. Фетишизм обуви. Случай касается человека, которого Курелла в своей «Естественной истории преступника» («Die Naturgeschichte des Verbrechers». S. 213) характеризует

как обманщика, из корыстных соображений симулирующего нервное заболевание. Автор приходит к иному выводу.

О. родился в 1865 г., бывший кандидат богословия, подвергался судебному преследованию за мошенничество и нищенство, из наследственно отягощенной семьи, одержим фетишизмом обуви: с 21 года им время от времени овладевает непреоборимое, не отступающее перед опасностью утраты всего самого ценного и видов на будущее влечение убежать и предаться пьянству и мечтаниям. Отбывая воинскую повинность, он также провинился, убежав со службы, и проявлял признаки поведения дегенератов, чем повергал в крайнее недоумение свое начальство, привыкшее ценить его образцовое поведение в другое время. О. наконец был освидетельствован военным врачом, который дал заключение, что пациент подвержен «периодическому помешательству» на почве наследственности, вследствие чего «прирожденный преступник» за негодностью был уволен с военной службы.

Впоследствии он падал все ниже и ниже, сделался бродягой, мошенничал и повторно побывал в доме умалишенных.

Автор констатировал весьма сильную асимметрию черепа, удлинение правой ноги по сравнению с левой и т. д.

Начало своего фетишизма обуви О. относит к 8-му году жизни. В школе он тогда часто ронял на пол предметы с целью приблизиться к ногам учительницы. Весьма вероятно его заявление, что к побегам его вынуждал случайно возникавший образ женского башмака, неотвязно и крайне мучительно его преследовавший.

Эта несчастная страсть и привела его к погибели; за свои проступки О. считает ответственным себя самого.

Посредством остроумного опыта я убедился, что этот фетишизм действительно имеет место. Курелла же, не вдаваясь в подробности, счел заявление о фетишизме обманом, предполагая, по примеру некоторых новых критиков трудов по вопросам об извращениях половой жизни, что больной просто почерпнул эти сведения из чтения моей книги.

Однако О. упомянутой книги не читал. Относительно дальнейшего разбора причин, приведших Куреллу к постановке неверного диагноза, читатель может справиться в оригинале.

В соответствии с уровнем, достигнутым наукой, мое мнение базируется на наследственной отягощенности, деформации черепа и других признаках вырождения, половом извращении в связи с периодически возникавшим психическим состоянием, во

время которого овладевающее больным извращенное влечение выражается в насильственных идеях и поступках. Но и в промежуточные периоды О. нельзя считать ответственным за поступки, так как он обнаруживает и другие нервные расстройства и аномалии психики в виде моральных отклонений, что представляется проявлением его общей наследственно-психопатической организации.

О. страдает прирожденным дегенеративным психозом и должен быть рассматриваем как угрожающий общественной безопасности больной *(Alzheimer.* — Archiv fur Psychiatrie, XXVIII. 2).

Наблюдение 120. Л., 37 лет, приказчик, из наследственно отягощенной семьи, в 5 лет испытал первую эрекцию, наблюдая, как спавший с ним в одной комнате старший родственник надевал ночной колпак. То же произошло, когда он впоследствии видел, как старая прислужница надевала ночной чепец. Впоследствии для получения эрекции достаточно было представления о голове старой, некрасивой женщины в ночном чепце. При виде чепца или обнаженной женской фигуры Л. оставался совершенно равнодушным, но прикосновение к чепцу вызывало эрекцию, иногда даже эякуляцию.

Л. не мастурбировал и до 32 лет, когда он женился на красивой, любимой девушке, не жил половой жизнью.

В брачную ночь он не испытывал никакого возбуждения, пока не прибег к помощи образа старой, некрасивой женщины в чепце. Половой акт тотчас же удался. Впоследствии он всегда был вынужден прибегать к этому образу. С детства у Л. временами были приступы тяжелого настроения с мыслью о самоубийстве, иногда ночью — тяжелые галлюцинации. Л. не мог смотреть из окна без чувства страха и головокружения. Он был неловкий, странный, застенчивый, умственно малоодаренный человек *(Charcot* et *Magnan.* — Archives de neurologie, 1882, № 12).

В этом странном случае, по-видимому, влечение возникло под влиянием случайного совпадения во времени первого полового чувства с восприятием гетерогенного предмета. Не менее странный пример случайного, ассоциативного фетишизма приводится у Хэммонда (указ. соч., с. 50). У женатого, в основном здорового и психически нормального человека половая способность исчезла с переездом в новый дом и вернулась, когда было восстановлено прежнее устройство спальни.

в) *Любовь к старым женщинам (геронтофилия)*

Вагнер описывает своеобразный вид фетишизма, при котором

желание возбуждается не определенной личностью, а возрастом женщины. Это — любовь к старым женщинам с проявлениями садизма. Данный случай послужил предметом обсуждения на факультете и приводится нами в извлечении.

Наблюдение 121. Любовь к старым женщинам, садизм, сомнительное убийство из-за сладострастия. Извлечение из документов.

1 мая 1900 г. в деревне Ф., в Австрии, 64-летняя крестьянка Ш. была найдена на полу своей комнаты убитой. Обстоятельства не оставляли сомнения *в* насильственной смерти. На шее убитой грубый крестьянский платок был завязан простым узлом на уровне гортани, и платок был так сильно стянут, что на шее образовалась странгуляционная борозда в 2 см шириной. Вскрытие показало, что смерть последовала от удушения. Кроме того, на трупе были знаки, указывавшие на предшествовавшую удушению борьбу.

К. был выслежен как предполагаемый виновник и 25 июня 1900 г. арестован в Австрии. О мотивах преступления свидетельствовали некоторые обстоятельства, ставшие известными при самом аресте. Оказалось, что окружной П-ский суд преследует К. за два изнасилования, совершенные им 16 июля и 8 августа 1899 г.

Оба случая произошли следующим образом: 16 июля днем К. довольно много выпил и вечером был слегка пьян. При этом он испытывал некоторое половое возбуждение, поскольку он уже по дороге через местечко П. приставал к двум женщинам, которые, однако, его энергично прогнали.

Дойдя до приюта для бедных, К. вошел туда, подсел к находившейся в сенях призреваемой А. Н., начал ее трогать и сделал ей гнусное предложение. Так как она сопротивлялась и хотела удалиться, К. опрокинул ее на пол, навалился на нее, завернул ей юбки и хотел изнасиловать. Он оставил ее только тогда, когда на крики явилась на помощь другая женщина. На первом допросе К. оправдывался тем, что был пьян и ничего не помнит о происшедшем. Для оценки вменяемости К. важно, что он спрашивал двух парней, встретившихся ему на улице тотчас же после описанной сцены, не слыхали ли они крики.

Второе изнасилование произошло следующим образом:

В этот день, 8 августа 1899 г., К. также пьянствовал; по выходе из трактира в местечке Л. на Дунае он украл челн, в котором и спустился вниз по реке до местечка Е., здесь он причалил и вступил в разговор с работавшей в поле недалеко от берега 76-летней Е. В этом разговоре он пытался ее склонить за

вознаграждение в 20 крейцеров к половому акту. Так как Е. отказывалась, он бросил ее наземь, лег на нее, обнажил свой член и пытался оголить ее живот. Поскольку Е. стала сопротивляться и кричать, К. нанес ей побои, и, когда привлеченный криками явился на помощь какой-то мужчина, К. оставил ее, толкнул ее еще несколько раз и уехал в своей лодке. И на этот раз К., заявивший арестовавшему его жандарму, что он побил Е. из злости, оправдывался после тем, что он ничего не помнит; притом он даже не утверждал, что был пьян при совершении преступления, а заявлял, что напился после, и вспоминал свои поступки, последовавшие тотчас за попыткой изнасиловать Е. Как выяснилось, К. поехал дальше вниз по реке до У., высадился у трактира, продал украденный челн за 4 гульдена и во время этой сделки вовсе не производил впечатление пьяного человека. Впрочем, на последующем допросе К. признал, что помнит о том, что предлагал 20 крейцеров.

За несколько лет до этого с К. произошло следующее: 11 сентября 1894 г. он в качестве пожарного принимал участие в тушении пожара в Р. и после этого изрядно выпил по случаю предоставленного одним крестьянином дарового угощения. Когда К. с пожарной трубой ехал домой в местечко Ро., он был пьян; свидетельские показания о степени его опьянения, однако, расходятся. К. вошел в одно жилище в Ро., где были дома одни дети, вел себя здесь очень странно, и цель его прихода для присутствовавших осталась непонятной.

Далее он отправился в дом к 64-летней старухе К., которая страдала зубной болью, лежала в кровати и была очень недовольна его посещением. Сперва он рассказывал о пожаре, затем спросил у К. колодку для снимания сапог; когда ему К. объяснила, что у нее таковой не имеется, он снял сапоги. Затем он изнутри запер дверь. Пройдясь несколько раз взад и вперед по комнате, он схватил одеяло К., вероятно с целью его сдернуть. В ответ на ее требование оставить ее в покое К. схватил старуху за горло и стал ее душить и перестал только тогда, когда у окна появилась услыхавшая возгласы сожительница К. и окликнула К. Тогда он оставил К., отпер дверь и, обменявшись несколькими словами, удалился. К. хотела дать делу такой оборот, будто он покушался на ее деньги, но свидетели констатировали, что прореха брюк К. была открыта, что в достаточной степени обличает его намерения.

К. по этому случаю был присужден к четырехнедельному аресту.

Изложенные факты делали вероятным предположение, что и убийство Ш. произошло по мотивам сладострастия, и такое предположение впоследствии нашло подтверждение. К. долго с

большим упрямством отрекался от убийства Ш.

Когда 11 марта 1901 г. дело подверглось судебному разбирательству, К. сначала пытался поддержать свое отпирательство и защищался с большим присутствием духа; но когда на 2-й день судебного процесса почти все лица, видевшие предполагаемого убийцу Ш., опознали К., последний, по предложению председателя, полностью сознался.

Он сообщил, что явился утром 1 мая в дом Ш. и попросил поесть, что ему и было дано. Пока он сидел у Ш. и разговаривал, им овладело половое возбуждение, и он потребовал от Ш. сближения. Когда Ш. отказалась, он бросил ее на пол, и, поскольку она сопротивлялась и кричала, он ее несколько раз ударил рукой по голове. Так как она продолжала кричать, он, рассердившись, задушил ее платком, который был у нее на шее. Каким образом он затянул платок, он не помнит, так как был вне себя. Убивши Ш., он ушел, сапоги, которые он захватил с собой, стояли у двери. Далее К. рассказал, как он продал сапоги, как он на пароме переехал в Е., побрился, сообщил о том, что он еще делал в этот день. По заявлению прокурора после этого признания была назначена экспертиза душевного состояния обвиняемого.

На допросе 12 марта 1901 г. К. рассказал с еще большими подробностями о своем поступке. Сидя рядом с Ш., он почувствовал сильное желание; он схватил ее и уговаривал ее уступить ему. Так как она отказывалась, он бросил ее на пол, отвернул ей платье, вынул свой член, раздвинул ей ноги и лег на живот. Так как она продолжала кричать, отталкивала его и дергалась туловищем то туда, то сюда, он стал ее бить и душить за шею. Проник ли он в ее половой орган и произошло ли у него семяизвержение, он не помнит.

После того как он ее душил (о платке К. на этом допросе не упоминал), она сделала еще несколько дыхательных движений и умерла.

К мертвой он больше не прикасался, так как боялся покойников. Он только поправил ее платье и привел самого себя в порядок. На этом допросе он утверждал, что не помнит, где им были взяты сапоги; у него действительно были три пары сапог, но где он их взял, он не помнит. Забывчивость свою он объясняет тем, что после убийства у него все мысли в голове спутались. У него решительно не было намерения убить женщину, он хотел ее только оглушить, чтобы овладеть ею.

Преступление К. представлялось в особенно мрачном свете вследствие того обстоятельства, что за период с 1897 по 1900 г. в Австрии было совершено *1* убийств женщин в возрасте от 53 до

68 лет. Все эти женщины были найдены под открытым небом задушенными; две из них еще были поражены ударом ножа в сердце. Во всех этих случаях возникало предположение об убийствах по мотивам сладострастия; в трех случаях имелись признаки совершенного совокупления, в одном из этих случаев половая щель была разорвана, у двух женщин был распорот живот от половых органов до пупка, у одного трупа часть половых органов была вырезана. Еще мрачнее стало положение, когда 19 марта содержащийся в одной камере с К. заключенный показал, что он однажды подслушал, как К. громко говорил во сне, и слышал, как последний упоминал о местности Г. (где было совершено одно из описанных убийств), далее — о двух убийствах, которые нужно скрыть, дабы их обоих не повесили (К. говорил так, будто он обращался к какому-то сообщнику); затем он говорил что-то об омовении рук, и «погляди, какая у нее большая»... Относительно убийства в Г. скоро было установлено, что К. не мог быть его виновником, так как в то время, когда преступление было совершено, он был арестован окружным судом. Дальнейшие расследования не привели к положительным результатам, так как одни свидетели, видевшие предполагаемого убийцу, опознали К., между тем как другие решительно отрицали тождественность К. с искомым лицом.

Когда на допросе 9 июня 1901 г. энергично убеждали К. во всем сознаться и прочли ему сильно обличающие его показания свидетелей, К. пришел в состояние сильного возбуждения, кричал и плакал и как-то растерянно воспринял предъявленные ему обвинения.

О прежнем образе жизни К. рассказывали следующее. Родился он в 1873 г., следовательно, ему было 29 лет; ко времени его рождения родители были уже преклонного возраста (отцу 63 года, матери 40 лет); данных, указывающих на плохую наследственность, не оказалось. Он прилежно 8 лет учился в народной школе, но успехи были незначительные, как говорили, потому что он ничего не удерживал в памяти. В свидетельстве К. об окончании школы значится: по естественной истории и естествознанию неудовлетворительная отметка, по арифметике, географии и истории — не вполне удовлетворительная, прилежание — малое. Но нравственное поведение его в то время было удовлетворительное.

После школы К. поступил к щеточнику, но оказался непригодным; он поступил на работу в каменоломню и с того времени работал поденщиком или матросом.

20 лет К. взяли на военную службу, и за 3-летний срок он не сделал никаких успехов по службе; учебную команду он посещал также без достаточного успеха, 11 раз он был наказан.

В гражданском состоянии К. тоже несколько раз подвергался наказаниям. После увольнения с военной службы до дня ареста он вел беспокойную жизнь, часто не имел работы; за это время, то есть менее чем за 3 года, он, как видно по рассеянным в его бумагах данным, менял более 15 раз места службы, на многих он оставался самое короткое время.

В остальное время он много бродил. 6 раз он был в больнице и провел там в общей сложности 7 месяцев, по крайней мере 2 месяца он пробыл в заключении.

Работоспособность К., то есть прежде всего его способность что-либо изучить, no-видимому, была очень невелика: его можно было употребить только для самой простой поденщины; даже к крестьянскому труду, требующему известной ловкости и умения, К. был неспособен.

Судебные врачи дали заключение, что обвиняемый страдает в легкой степени идиотизмом и что он вследствие недостаточного развития морального чувства, обусловленного умственной неразвитостью, не может считаться вполне вменяемым, следовательно, не может в полной мере отвечать за свои поступки.

Специалисты разъяснили, что под «идиотизмом» они имеют в виду слабоумие, недоразвитость, именно такую степень слабоумия, которая не уничтожает вменяемости обвиняемого.

При осмотре К. сознался, что он повторно добивался и достигал половых сношений со старыми женщинами, кроме того, он дал важное показание, что 17 лет он в первый раз имел половой акт, будучи соблазнен старой женщиной.

Отзыв был следующий:

1. К. в легкой степени слабоумный, психопатически недоразвитый субъект; но умственная неразвитость не достигает степени, освобождающей его от уголовной ответственности.

2. Находился ли К. при совершении преступления в состоянии патологического помрачения сознания, не удается установить.

3. В настоящее время К. страдает истерией, и наблюдаемые у него расстройства речи и походка, если только они не вызываются злым умыслом, должны рассматриваться как проявления указанного заболевания.

Истерия К. поддается лечению и не устраняет наказуемости, хотя при определении меры наказания она должна быть принята

во внимание.

10 мая 1902 г. К. был помещен в исправительное заведение Г., и 13 июня 1906 г. был переведен в исправительное заведение С, для отбывания пожизненного заключения.

Врач исправительного заведения С. сообщал, что К. показывает признаки легкой степени слабоумия, мало разговаривает и хорошо уживается с прочими заключенными.

Как о достойном упоминания обстоятельстве врач сообщает об одном замечании К., которое последний, сидя на окне и заметив проходящую довольно старую женщину, пробормотал про себя, предполагая, что его никто не слушает: «Эту бы еще можно поставить, ей можно было бы еще всыпать».

Из сообщений директора заведения, который в течение 3 с половиной лет наблюдал К., явствует еще следующее:

К. во время заключения вел себя образцово. Он ни разу не подвергался дисциплинарному взысканию за нарушение внутреннего распорядка в заведении, что бывает весьма редко.

Он производит впечатление человека, в полной мере сознающего тяжесть своего преступления, считающего меру наказания правильной, поэтому примирившегося с обстоятельствами и как будто бы нашедшего в этом, конечно, относительное, успокоение.

Признаков недостаточности или спутанности памяти, затруднения речи и т. п. не наблюдалось. Также никогда не удавалось обнаружить у него половое извращение.

Следует еще упомянуть о большой привязанности К. к своей матери: чтобы находиться ближе к ней и чтобы она могла его посещать, он денежными пожертвованиями добился перевода из Г. в С.

г) *Ткань в роли фетиша*

Существует третья группа фетишистов, фетишем которых является не часть женского тела или платья, а определенная ткань или материал, который, вне зависимости от применения его в одежде женщин, может вызывать или усиливать половые ощущения. Обычно такую роль играют меха, бархат и шелк.

Эти случаи отличаются от ранее описанного фетишизма обуви тем, что материал не имеет определенного отношения к женскому телу (как, например, дамское белье) или его частям (например, башмаки и перчатки) с их дальнейшим

символическим значением.

Этот фетишизм, охватывающий целую группу однородных предметов, не может так же быть сведен к случайной ассоциации, наподобие стоящих совершенно особняком случаев с ночным колпаком и обстановкой спальни. Остается допустить, что происхождение этого фетишизма обусловлено у некоторых субъектов с повышенной чувствительностью определенными тактильными ощущениями (может быть, ощущение легкого щекотания, родственное сладострастному ощущению).

Приведем самонаблюдения человека, одержимого этим странным фетишизмом.

Наблюдение 122. Н., 37 лет, из невропатичной семьи, сам невропатической конституции.

«С ранней молодости мне свойственна глубоко укоренившаяся страсть к мехам и бархату; они вызывают у меня половое возбуждение, вид их и прикосновение доставляют мне сладострастное наслаждение.

Я не вспоминаю никакого события, которое вызвало бы эту странную склонность (как, например, совпадение во времени появления первого полового влечения с их восприятием, или же первое возбуждение, вызванное одетой в них женщиной); вообще я не помню происхождения моей страсти.

Этим я не исключаю возможности такого события, случайной связи первого впечатления и основанной на нем ассоциации, но не считаю такое стечение обстоятельств вероятным, так как полагаю, что оно глубоко врезалось бы в мою память.

Я знаю только, что, будучи еще малым ребенком, я живо стремился к тому, чтобы видеть и поглаживать меха, и испытывал при этом смутные сладострастные ощущения. С первым пробуждением половых представлений, то есть как только мои мысли обратились к женщине, у меня уже проявлялось влечение к женщинам, одетым в меха.

Таким я оставался и в зрелом возрасте. Женщина, одетая в меха или бархат или в то и другое одновременно, возбуждает меня сильнее всякой другой.

Названные объекты, однако, не представляют непременного условия возбуждения; желания мои возбуждаются и обычными прелестями; но вид, а главным образом прикосновение этих фетишей, подчеркивает в моих чувствах привлекательность женщины и повышают эротическое наслаждение.

Часто вид хотя бы несколько привлекательной женщины, одетой в бархат или меха, меня сильно возбуждает и совершенно увлекает. Уже созерцание моего фетиша дает мне наслаждение, гораздо больше — прикосновение к нему. (При этом острый запах меха для меня безразличен, скорее неприятен, я переношу его только вследствие ассоциации с зрительными и осязательными ощущениями). Я страстно желаю прикасаться к меху или бархату на женском теле, поглаживать их, целовать, зарыться в них лицом. Высшее наслаждение я испытываю, когда во время акта вижу и чувствую свой фетиш на плече женщины.

Как мех, так и бархат порознь оказывают на меня описанное влияние. Первый гораздо сильнее второго. Сильнее всего действует комбинация обоих. Предметы дамского туалета из бархата и меха, когда я вижу или ощущаю их без их носительницы, возбуждают во мне половое чувство; в том же смысле действует, хотя менее интенсивно, мех в виде покрывала, к женскому платью не относящегося, так же как бархатная и плюшевая мебель и портьеры. Изображения туалетов из бархата и меха вызывают у меня большой эротический интерес, да и само слово «меха» производит на меня магическое впечатление и порождает эротические образы.

Шуба настолько является для меня объектом полового интереса, что мужчина, одетый в соответствующие меха, производит на меня неприятное, досадное впечатление, впечатление скандала, подобно тому, например, как на нормального человека должен действовать вид одетого в костюм балерины мужчины. Также и вид старой, некрасивой женщины в роскошной шубе мне противен, потому что возбуждает во мне противоречивые ощущения.

Эта эротическая страсть к мехам и бархату совершенно отлична от эстетического наслаждения. Мне свойственно весьма тонкое понимание красивого дамского туалета, особенно я люблю кружева, но это — отношения чисто эстетического характера. Женщина в кружевном туалете (или вообще одетая красиво и элегантно) может быть прекраснее, но женщина, носящая мой фетиш, гораздо привлекательнее при прочих равных условиях. Мех только тогда производит на меня вышеописанное впечатление, когда волос у него густой, нежный, гладкий, довольно длинный и стоящий, так называемый остевой. Я ясно замечал, что впечатление зависит именно от этих свойств. Я совершенно равнодушен не только к обыкновенным, так сказать, простым, грубым, лохматым мехам, но также и к таким, которые обычно считаются хорошими и ценными, но у которых остевой волос или удаляется при отделке (морская собака, соболь), или короток от природы (горностай), или, наконец, слишком длинен и лежит (обезьяна, медведь). Специфическое действие оказывает только стоячий остевой волос у соболя, куницы,

скунса и т. п. Бархат также должен иметь густые, тонкие, стоячие волоски (волокна), чем, я полагаю, и объясняется его действие. Последнее, вероятно, зависит от того определенного впечатления, которое тонкие кончики волоса производят на осязательные нервы. Но каково взаимоотношение между этими ощущениями и половой жизнью, для меня непонятно. В особенности я должен отметить, что красивые волосы у женщины мне нравятся, но не играют большей роли, чем другие прелести, и что прикосновение к мехам у меня не вызывает мыслей о женских волосах. (Осязательные впечатления в обоих случаях совершенно не схожи.),

Вообще никаких иных представлений у меня не возникает. Меха сами по себе будят сладострастие, почему — мне совершенно непонятно. Одно эстетическое впечатление, красота благородного меха, к которой каждый более или менее восприимчив, которая со времени Рафаэлевой Форнарины и Елены Фоурмент Рубенса многочисленными художниками избиралась как фон или рамка женской красоты и которая играет такую большую роль в моде, то есть искусстве и науке женской одежды, — это эстетическое впечатление, как я уже говорил, ничего не объясняет. Так же как на нормального человека, эстетически действует прекрасный мех, я воспринимаю цвета, ленты, драгоценные камни и всякие иные украшения. Эти предметы при искусном применении выгодно оттеняют женскую красоту и, следовательно, при определенных условиях могут косвенно вызвать сладострастный эффект. Но никогда они не производят на меня того непосредственного, сильного, сладострастного впечатления, которое вызывает мой фетиш.

Хотя применительно ко мне, как, вероятно, и ко всем фетишистам, необходимо провести самую строгую границу между эстетическими и половыми чувствами, тем не менее это мне не препятствует ставить моим фетишам целый ряд эстетических требований в смысле формы, покроя, цвета и т. п. О требованиях моего вкуса я мог бы еще больше сказать, но кончаю об этом, так как тема моя иная. Я хотел лишь обратить внимание на то, каким образом эротический фетишизм осложняется проявлениями эстетических запросов.

Подобно тому как эротическое действие моих фетишей не объясняется ссылкой на эстетику, так же не объясняется оно и существованием какой-либо ассоциативной связи с представлением о теле их носительницы. Это ясно из того, что, во-первых, фетиш оказывает на меня свое действие и вне связи с живым существом, просто как предмет, и, во-вторых, гораздо более интимные предметы (лифчик, рубашка), несомненно вызывающие ассоциации, действуют на меня гораздо слабее.

Фетиши, следовательно, имеют для меня самостоятельную сладострастную ценность. Каким образом — это для меня загадка.

Такими же эротическими фетишами, как меха и бархат, для меня являются перья на дамских шляпах, на веерах (прикосновение дает сходное впечатление легкого, своеобразного щекотания). И, наконец, подобно фетишам, но в значительно более слабой степени действуют другие гладкие ткани — атлас, шелк, между тем как шершавые ткани, шершавое сукно, фланель меня просто отталкивают.

В заключение я еще хочу упомянуть о прочитанной мной когда-то статье Карла Фогта, где автор рассказывает об одном микроцефале, который чрезвычайно обрадовался при виде шубы, набросился на нее и стал ее гладить.

Я далек от мысли объяснить широко распространенный фетишизм мехов как атавистический возврат к вкусам покрытых шерстью прародителей человечества. Упомянутый кретин просто отдался со свойственной ему непосредственностью приятному осязательному впечатлению, которое может быть вне всякой связи с половыми ощущениями; точно так же многие совершенно нормальные люди любят ласкать кошек, даже поглаживать бархат и меха, не испытывая при этом никакого полового возбуждения».

В литературе встречаются некоторые относящиеся сюда случаи.

Наблюдение 123. Мальчик, 12 лет, испытал сильное половое возбуждение, когда ему пришлось покрыться лисьей шубой. С этого времени он стал мастурбировать, употребляя для этой цели мех, или брал с собой в кровать лохматую собачонку, причем происходила эякуляция, иногда сопровождавшаяся истерическими припадками. Сновидения, в которых ему представлялось, что он, обнаженный, завернут в мягкую шубу, вызывали ночные поллюции. Ни мужчины, ни женщины его не возбуждали. Мальчик стал неврастеником, страдал манией преследования; ему казалось, что все замечают его половую аномалию, испытывал отвращение к жизни и в конце концов помешался. Он был весьма сильно отягощен наследственно, половые органы являли неправильности развития, имелись и другие анатомические признаки вырождения (Тарновский, указ. соч., с. 22).

Наблюдение 124. С, большой любитель бархата. Красивая женщина привлекает его нормально, но особенное возбуждение им овладевает при половых сношениях с лицом, одетым в бархат. Достойно внимания, что при этом возбуждение обусловливалось не столько видом бархата, сколько прикосновением к нему. С.

говорил мне, что, если ему удается провести рукой по бархатному лифу женщины, он возбуждается сильнее, чем когда-либо (Молль, указ. соч., с. 127).

Следующий случай мне был сообщен врачом.

В доме терпимости один из посетителей был известен под именем «бархат». Он одевал симпатичную ему девушку в черное бархатное платье и удовлетворял свои желания одним лишь потиранием своего лица кончиком бархатного платья; больше он не прикасался к женщине.

Другое сведущее лицо утверждало, что страсть к мехам, бархату и перьям наблюдается преимущественно у мазохистов (см., например, выше, наблюдение 50)[1].

Совершенно своеобразным случаем фетишизма тканей представляется следующий, где страсть сочетается с потребностью испортить предмет обожания, потребностью, являющейся в таком случае или элементом садизма, направленного против женщины как носительньи-цы данной ткани, или безличным предметным садизмом, неоднократно наблюдавшимся у фетишистов. Такая страсть позже была предметом следующего странного уголовного случая.

Наблюдение 125. В июле 1891 г. берлинским судом разбиралось дело подмастерья слесаря некоего Альфреда Бахмана, 25 лет. С апреля этого года полиция неоднократно получала заявления, что какой-то злоумышленник разрезает острым ножом дамские платья. 25 апреля вечером в лице обвиняемого удалось задержать злоумышленника. Сыщик заметил, как последний почему-то старался приблизиться к одной даме, которая в сопровождении господина проходила по пассажу.

Подозрительный субъект был арестован, и чиновник предложил даме осмотреть свое платье. На последнем оказался довольно большой порез. Обвиняемого увели и обыскали. Кроме острого ножа, которым, согласно признанию, был нанесен порез, в кармане арестованного было найдено несколько бантов от дамского туалета; обвиняемый сознался, что, пользуясь теснотой, он отпорол эти банты от платьев. При обыске обнаружен еще шелковый дамский галстук, который обвиняемый будто бы нашел. Так как не было данных для опровержения этого заявления, то обвиняемому в данном случае было вменено только недонесение о находке, между тем как относительно прочих его поступков преступление в двух случаях по заявлению пострадавших было квалифицировано как повреждение имущества, в двух других — как кража.

Обвиняемый, с бледным, тупым лицом, ранее несколько раз

привлекавшийся к ответственности, дал судьям странное объяснение своих загадочных поступков. Кухарка некоего майора однажды спустила обвиняемого с лестницы, когда он просил милостыню; с этих пор он страстно ненавидит всех женщин. Возникло сомнение относительно вменяемости преступника, и он был подвергнут освидетельствованию окружным врачом. Эксперт дал заключение, что нельзя рассматривать обвиняемого как душевнобольного, хотя он и обнаруживает весьма малую интеллигентность.

Преступник довольно странно оправдывался тем, что неодолимое влечение принуждает его приблизиться к женщинам, носящим шелковое платье. *При осязании шелковой ткани он испытывает блаженство,* и впечатлительность его в указанном направлении так велика, что он приходил в возбуждение, когда, работая с шерстью в тюрьме во время предварительного заключения, он случайно находил шелковое волокно.

Прокурор счел обвиняемого просто опасным, дурным человеком, которого необходимо обезвредить на продолжительное время, и требовал наказания в виде тюремного заключения на 1 год. Судебное присутствие присудило виновного к шести месяцам тюрьмы.

Классический пример фетишизма ткани (шелка) приводит доктор П. Гарнье.

Наблюдение 126. 22 сентября 1881 г. на улицах Парижа был арестован В.; причиной задержания послужило его странное поведение вблизи дам в шелковых платьях, давшее повод заподозрить его в карманном воровстве. Сначала он был крайне смущен и только постепенно, обходным путем, дошел до признания, касавшегося его «мании». В. — приказчик книжного магазина, 29 лет, отец его — пьяница, мать — религиозно экзальтированная женщина с отклонениями в поведении. Она хотела сделать сына духовным лицом. В. считал себя в ранней молодости подверженным прирожденной инстинктивной страсти, выражающейся в потребности осязать шелк. Когда 12-летним мальчиком он стал церковным певчим, то постоянно трогал свой шелковый шарф. Испытанное им при этом чувство В. не может описать. Несколько позже он познакомился с 10-летней девочкой, к которой он сильно по-детски привязался.

Но когда эта девочка по воскресеньям появлялась в шелковом наряде, чувства В. были совсем иные. После этого он был счастлив, когда ему удавалось осматривать и ощупывать роскошные женские туалеты в модном магазине. Если ему дарили шелковые обрезки, В. клал их себе на голое тело, чем немедленно вызывались эрекция, оргазм и часто даже

эякуляция. Озабоченный этой страстью, охваченный сомнениями относительно своей будущей духовной карьеры, он вышел из семинарии.

В то время он был уже сильным неврастеником вследствие мастурбации. Фетишистское отношение к шелку владело им попрежнему. Только носящая шелковое платье женщина привлекала его.

По рассказам В., уже в снах его детства дамы в шелковых платьях играли преобладающую роль; впоследствии эти сны сопровождались поллюциями. Из-за своей застенчивости он поздно вступил в связь с женщинами, но половое общение для него возможно было лишь с женщиной, одетой в шелк.

При стечении народа, в давке он любил трогать шелковые платья дам и при этом испытывал сильный оргазм, острое сладострастное наслаждение с последующей эякуляцией. Самым большим счастьем для него было надеть на ночь шелковую нижнюю юбку. Это удовлетворяло более, чем самая привлекательная женщина.

Судебно-медицинское обследование привело к заключению, что В. страдает тяжелым душевным расстройством и под влиянием болезненного состояния следовал своему влечению. Ему был вынесен оправдательный вердикт (Dr. *Gamier P.* — Annales d'hygiene publique, 3 serie. XXIX, 5).

Следующее наблюдение, относящееся к фетишизму перчаток, представляет совершенно своеобразный фетишизм тканей с ясными признаками как ассоциативного происхождения эротических представлений, так и чрезвычайной силы и настойчивости этих возникших на почве болезненного психофизического предрасположения ассоциаций.

Наблюдение 127. Z., 33 лет, фабрикант из Америки, женат 8 лет, имеет детей, обратился ко мне по поводу странного фетишизма перчаток, фетишизма, который его изводит, из-за которого он должен себя презирать и который приведет его к отчаянию и сумасшествию. Z. родом из будто бы совершенно здоровой семьи, но с детства страдает нервозностью и легкой возбуждаемостью. Себя он считает весьма чувственным, жена его скорее отличается холодностью.

9 лет Z., соблазненный товарищами, начал мастурбировать. Это занятие ему чрезвычайно нравилось, и мальчик страстно ему предавался. Однажды, когда он был в состоянии сладострастного возбуждения, он нашел мешочек лайковой кожи, который натянул на свой член, испытывая при этом чрезвычайно приятное ощущение. С этих пор мешочек служит

для онанистических манипуляций; Z. иногда обертывал им также и мошонку и денно и нощно носил мешочек при себе. С этого времени проснулся упомянутый огромный интерес к коже вообще, в частности к лайковым перчаткам.

В период зрелости в воображении пациента играли роль главным образом дамские перчатки, последние производили очень сильное впечатление, вызывали эрекцию, и, если Z. удавалось дотронуться перчатками до своего члена, происходила эякуляция. Мужские перчатки совершенно не оказывали такого действия, хотя Z. сам всегда с удовольствием их носил. В женщине его впоследствии интересовали только ее перчатки. Перчатки стали его фетишем, главным образом лайковые, очень длинные, с многими пуговицами, в особенности же грязные, лоснящиеся от жира, с потными пятнами на кончиках пальцев. Женщины в таких перчатках, даже уродливые и старые, всегда привлекали Z. Он оставался совершенно равнодушным к дамам в матерчатых или шелковых перчатках. С наступлением зрелости он приобрел привычку смотреть дамам прежде всего на руки. В остальном они оставляли его равнодушным.

Когда он пожимал дамскую руку в лайковой перчатке, то это ощущение теплой нежной кожи вызывало у него эрекцию и оргазм. Если ему удавалось завладеть такой перчаткой, то он отправлялся с ней в отхожее место, завертывал ею свои гениталии, затем снимал ее и мастурбировал.

Впоследствии, когда Z. стал посещать дома терпимости, он брал туда с собой длинные перчатки, заставлял девушку их надевать и испытывал при этом такое сильное возбуждение, что часто тотчас же наступала эякуляция.

Z. стал собирателем женских лайковых перчаток. Он имел сотни пар их, спрятанных в разных местах. В часы отдыха он пересчитывал их и любовался ими, «как скупец — червонцами», прикладывал их к своим гениталиям, зарывался лицом в кучу перчаток, надевал одну на руку, мастурбировал и получал большее наслаждение, чем при нормальном половом акте.

Он изготовлял себе чехлы для члена, суспензорий, преимущественно из черной мягкой кожи, и носил эти приспособления по целым дням. Кроме того, он к грыжевому поясу прикреплял дамскую перчатку таким образом, чтобы она в виде передника покрывала его половые органы.

После женитьбы пациента перчаточный фетишизм еще более усилился. Потентным он бывал обыкновенно только тогда, когда во время акта мог видеть и целовать пару перчаток своей жены, лежащих рядом с ее головой.

Полное счастье ему доставляла жена, когда соглашалась перед совокуплением надеть перчатки и предварительно касаться ими его органов.

Тем не менее описанный фетишизм причинял пациенту глубокие моральные страдания, и он часто, однако всегда безуспешно, пытался освободиться от этих «чар перчатки».

Уже одно слово «перчатки» или изображение их в романе, модном журнале или газете производили на Z. сильное впечатление. В театре его взоры устремлялись на руки артисток.

От витрин перчаточных магазинов он не мог отойти.

Часто он чувствовал потребность набить длинную перчатку шерстью и т. п., чтобы она походила на одетую руку. Тогда. он прибегал к трению члена с помощью такой искусственной руки и достигал своей цели.

Z. имел привычку носить с собой дамские перчатки, завертывать ими на ночь свои гениталии так, чтобы ощущать кожаный толстый член между ног.

В больших городах он покупал в заведениях для мойки перчаток оставленные, не имевшие владельца дамские перчатки, преимущественно очень грязные и поношенные. Во всем остальном чрезвычайно корректный. Z. сознается, что дважды не мог противостоять влечению украсть перчатки. В толпе он не может противиться желанию коснуться дамских рук, в своей конторе он пользуется всяким случаем, чтобы подать даме руку и почувствовать при этом «теплую, нежную» кожу.

Жену свою он постоянно упрашивает надевать лайковые или замшевые перчатки и щедро снабжает ее этими предметами.

В конторе у Z. всегда имеются дамские перчатки. Он не может провести часа, чтобы их не потрогать и поласкать. В минуту особого полового возбуждения он берет перчатку в рот и жует ее.

Прочие предметы дамского туалета, равно как другие, кроме руки, части тела женщины, не имеют ни малейшего очарования для Z. Такая аномалия часто вызывает у последнего крайне подавленное состояние духа. Ему стыдно перед невинными глазами своих детей, и он молит Бога, чтобы они не походили на своего отца.

Объектом фетишизма может, наконец, стать предмет, совершенно случайно связанный с телом женщины. Примером такой возможности может служить следующий сообщенный

Моллем случай «фетишизма роз». На этом примере прекрасно видно, каким образом случайная ассоциативная связь какого-либо восприятия в момент полового возбуждения при определенном психическом состоянии может стать предметом фетишизма и каким образом такая связь может вновь исчезнуть.

Наряду с такими случаями теория ассоциации оказывается совершенно неприложимой для объяснения как психоорганических явлений полового извращения, так и проявлений мазохизма и садизма.

Наблюдение 128. Б., 30 лет, согласно показаниям, без плохой наследственности, деликатный, впечатлительный человек, всегда любивший, даже целовавший цветы, без всякой примеси при этом половых ощущений или возбуждения, скорее холодная натура, раньше никогда не занимался онанизмом, впоследствии также только эпизодически поддавался этому искушению, в 21 год познакомился с молодой дамой, которая носила прикрепленными к своей кофточке несколько роз. С этих пор розы стали играть большую роль в половой жизни Б. Он покупал розы, где только мог, целовал их, что сопровождалось даже эрекцией, брал их с собой в постель, однако не касался ими своих гениталий. Поллюции его сопровождались сновидениями о розах. Во сне ему грезилось благоухание роз, рисовалась их сказочная красота, и при этом наступала эякуляция. Б. тайно обручился со своей дамой с розами, но оставшиеся платоническими отношения постепенно охладевали. После расторжения обручения фетишизм роз внезапно и окончательно прошел и не возобновился, даже когда страдавший некоторое время меланхолией Б. снова обручился *(Moll A.* Zentralblatt fur die Krankheiten der Harn- und Sexualorgane, V. 3).

д) *Фетишизм животных*

В связи с фетишизмом предметов следует еще упомянуть о случаях, в которых сексуальное действие на человека исходило от животных и которые можно было бы обозначить как эротическая зоофилия.

Это извращение, по-видимому, коренится в фетишизме, предметом которого служит мех животного.

Условием такого фетишизма можно считать определенную идиосинкразию осязательных нервов, которая в связи с прикосновением к меху, то есть шкуре животного (аналогично фетишизму волос, косы, бархата и шелка), вызывает своеобразное и резкое сладострастное возбуждение. Может быть, так именно следует объяснить пристрастие некоторых чувственных субъектов к собакам и кошкам, в особенности

случаи, подобные изложенному в наблюдении 123.

В пользу такого предположения говорит следующий, находившийся под моим наблюдением случай.

Наблюдение 129. Эротическая зоофилия, фетишизм. Н., 21 года, происходит из наследственно отягощенной семьи, сам конституциональный невропат. Уже ребенком чувствовал иногда принуждение выполнить какое-нибудь безразличное действие из страха, что с ним иначе может случиться какое-нибудь несчастье. Он легко учился, тяжелых болезней не перенес, мальчиком чувствовал большое пристрастие к домашним животным, особенно к собакам и кошкам, так как, лаская их, испытывал особое сладострастно волнующее чувство. В течение многих лет он невинно предавался такой волнующей его игре. Возмужав, он осознал безнравственный характер своей забавы и заставил себя ее бросить. Последнее ему удалось, но с этих пор подобные ситуации ему являлись во сне и вскоре стали сопровождаться поллюциями. Эти-то обстоятельства привели сексуально впечатлительного мальчика к онанизму. Сперва он удовлетворялся мануально, причем в воображении его всегда вставали образы ласкаемых им животных. Через некоторое время он дошел до психического онанизма, представляя себе подобные сцены, чем достигались оргазм и эякуляция. В результате Н. стал неврастеником.

По его словам, содомических мыслей у него не возникало, в его фантазиях и наяву скотоложство не играло никакой роли, он даже не задумывался об этом вопросе.

Не бывало у него также и гомосексуальных ощущений, гетеросексуальное влечение он испытывал, но вследствие недостаточной похотливости (из-за мастурбаций и неврастении!) и страха перед заражением он никогда не прибегал к совокуплению. Ему чрезвычайно важно удостовериться относительно своей половой способности или возможности ее восстановить, что очень содействовало бы подъему его самочувствия.

Больному были даны советы в смысле необходимости избегать психического онанизма, устранения неврастении, укрепления мозговых центров и удовлетворения половой жизни нормальным путем, как только к этому представится возможность. Эпикриз. Не скотоложство, а фетишизм. Можно предположить, что у больного, половая жизнь которого ненормально рано проснулась, впечатление ласкаемых животных совпало с первым, вероятно, вызванным осязательными ощущениями половым возбуждением и что между этими двумя факторами создалась ассоциативная связь, которая окрепла вследствие повторения (Zeitschrift fur Psychiatric Bd. 50).

ПЕВРАТНОЕ ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

После достижения половой зрелости личность начинает ясно ощущать свою принадлежность к определенному полу, и это ощущение делается одним из самых прочных элементов сознания своего «я»; такой же неотъемлемой составной частью этого сознания становится потребность в половых сношениях, которая совпадает с определенными физиологическими процессами, совершающимися в воспроизводящем аппарате (созревание яиц, выработка семени), и сознательно или бессознательно — имеет целью сохранение вида.

До тех пор, пока не закончилось развитие органов размножения, половое чувство и половое влечение остаются скрытыми и проявляются лишь в форме смутных предчувствий и желаний. Ребенок представляет собою существо среднего рода; его половая потребность еще далека от осознания, она еще не выдвигается вперед и не проявляется в могучих органических чувствах. Если и случается иногда, что благодаря внешним или внутренним причинам у ребенка слишком рано наступает половое возбуждение, находящее себе подчас удовлетворение в онанизме, то все-таки духовно-психическое влечение к существу другого пола у него, безусловно, отсутствует: все половые акты ребенка носят в основном характер спинномозговых рефлексов.

Этот факт полового индифферентизма детей — их невинности — тем более удивителен, что ребенок с самых ранних лет не может не замечать существования половой дифференциации между детьми: об этом говорит воспитание, занятия, одежда и прочее. Но эти впечатления остаются до поры до времени вдали от сознания, вероятно, потому, что они не вызывают отзвука в половой сфере. Центральный орган — мозговая кора — еще недостаточно развит для восприятия половых ощущений и представлений.

По мере анатомического и функционального развития органов воспроизведения и дифференцирования половых особенностей всего тела начинают развиваться зачатки психических особенностей, свойственных каждому полу. Этому в значительной степени способствует воспитание и разнообразные внешние влияния, восприимчивость к которым увеличивается благодаря тому, что в эту сторону начинает направляться внимание индивида.

Если половое развитие идет нормально, без всяких препятствий, то у каждого пола развивается определенный, свойственный ему характер. Возникают определенные склонности, индивид начинает определенным образом реагировать на близость лиц другого пола, и весь духовный тип, соответствующий данному полу, развивается и формируется с удивительной быстротой.

Так, например, в то время как у ребенка стыдливость является лишь результатом подражания и бессознательного исполнения требований воспитателей, вследствие чего она — при наивности и невинности ребенка — и проявляется очень несовершенно, эта сама стыдливость становится у юноши и девушки качеством, вытекающим из самоуважения и вызывающим вазомоторную реакцию (краску стыда) и психический аффект каждый раз, когда она чем-либо нарушается.

Если отсутствует патологическое предрасположение и если дальнейшее развитие половой психики не нарушается никакими вредными моментами, то складывается настолько прочная и гармоничная психополовая индивидуальность, что впоследствии ее не могут существенным образом изменить даже такие факторы, как потеря воспроизводящих органов (например, при кастрации), климактерический период или старость.

Этим, однако, мы вовсе не хотим сказать, что кастрированный мужчина и кастрированная женщина, или юноша и старик, или девушка и пожилая женщина, или импотент и мужчина с сохраненной половой способностью не отличаются друг от друга существенными психическими особенностями.

Но дело в том, что физиологические процессы, совершающиеся в половых органах, играют лишь вспомогательную, а отнюдь не исключительную роль при выработке психосексуальной личности; в пользу этого говорит то обстоятельство, что, несмотря на полную нормальность половых органов в анатомическом и физиологическом отношениях, у соответствующего субъекта могут развиться половые ощущения, противоположные для того пола, к которому он принадлежит.

Здесь приходится искать причину исключительно в аномалии центральных процессов, в ненормальном психосексуальном предрасположении. Анатомические и функциональные основы такого предрасположения в настоящее время полностью еще не выяснены. Так как во всех почти случаях подобной аномалии носители извращенных половых ощущений отягчены невропатической наследственностью, на почве которой у них развиваются различные признаки вырождения, то вполне естественно определить указанную аномалию психосексуальных ощущений с клинической точки зрения как функциональный дегенеративный признак. Извращение половых ощущений может развиваться постепенно и самопроизвольно, без всяких внешних влияний, как индивидуальная форма проявления целой категории ненормальностей в области половой жизни — в таком случае мы рассматриваем его как *врожденное* явление; или же это извращение развивается только впоследствии из первоначально нормальной половой функции под влиянием каких-либо вредных моментов, в этом случае оно является

приобретенным. Однако на основании подробного исследования так называемого приобретенного извращения можно с вероятностью предположить, что и здесь должно существовать в качестве необходимого условия известное предрасположение, которое заключается в склонности к собственному полу (гомосексуальность) или по крайней мере в одинаковой склонности к обоим полам (бисексуальность) и которое выводится из потенциального состояния под влиянием тех или иных случайных причин. Приобретенное превратное (перверсивное) половое чувство можно, следовательно, рассматривать как *поздно* проявившееся.

В пределах так называемого превратного полового чувства можно заметить целую лестницу различных ступеней в зависимости от тяжести невропатического предрасположения индивида. В легких случаях мы замечаем только психический гермафродитизм, в более тяжелых — склонность к собственному полу, ограничивающуюся, однако, только половой областью; в еще более тяжелых случаях вся психическая личность и даже физиологические ощущения изменяются в направлении полового извращения; и, наконец, в самых тяжелых — весь физический внешний вид индивида совершенно преобразуется в противоположный.

На основе этих клинических фактов мы выделяем различные проявления интересующей нас психосексуальной аномалии.

СКЛОННОСТЬ К СОБСТВЕННОМУ ПОЛУ КАК ЯВЛЕНИЕ ПРИОБРЕТЕННОЕ У ОБОИХ ПОЛОВ

Здесь решающую роль играет не самый факт половых сношений с лицом того же пола, а существование извращенного влечения к лицам своего пола. Эти два явления не нужно смешивать друг с другом. Извращенные половые сношения и извращенное половое влечение не одно и то же.

Очень часто приходится наблюдать извращенные половые сношения, в основе которых вовсе не лежит извращение полового чувства. Это в особенности относится к половым сношениям между лицами одного и того же пола, главным образом к педерастии. Здесь главную роль играет не сексуальная парестезия, а гораздо чаще гиперестезия, вследствие которой нормальный половой акт не дает физического и психического удовлетворения.

Так, мы находим склонность к сношениям с лицами того же пола у мужчин, сделавшихся импотентами вследствие мастурбации или разврата, у чувственных мужчин и женщин в тюрьмах, на кораблях, в казармах, в пансионах и т. д.

В этих случаях нормальные половые сношения восстанавливаются с устранением препятствий для них. Наиболее частой причиной подобного временного извращения является мастурбация с ее последствиями у лиц молодого возраста.

Этот порок, если ему предаются с юных лет, отражается в высшей степени вредно на всех благородных, идеальных чувствах, вытекающих из нормального полового развития; иногда он прямо-таки губит все эти чувства. Онанизм не дает распуститься зачаткам идеальной любви, он лишает растущий цветок его красоты и аромата и оставляет только грубое животное стремление к половому удовлетворению. Когда испорченный таким образом индивид достигает зрелого возраста, то оказывается, что у него недостает чисто эстетического, идеализированного стремления к другому полу. Это уменьшает и силу его чувственных ощущений, так что его влечение к лицам другого пола оказывается в значительной степени ослабленным. Этот дефект отражается крайне вредно на всей психике юных онанистов — как мужчин, так и женщин; у них страдает этика, характер, поведение, фантазия, настроение, вся их инстинктивная и чувственная жизнь. Нередко влечение к другому полу падает до нуля, так что мастурбант предпочитает свой порок естественным половым сношениям.

Иногда развитие высших половых чувств по отношению к другому полу извращается и вследствие других причин: здесь может играть роль боязнь заражения при половых сношениях, или действительно происшедшее заражение, или неправильное воспитание, внушившее преувеличенный страх перед опасностью заражения, или вполне основательное опасение последствий (особенно у девушек опасение беременности), или отвращение к мужу, вызванное его физическими и моральными недостатками. Во всех этих случаях неудовлетворенное половое влечение с болезненной силой направляется в сторону извращения. Слишком раннее и извращенное половое удовлетворение губит не только душу, но и тело; оно вызывает целый ряд неврозов полового аппарата (раздражительную слабость эрекционного центра и центра семяизлияния, ослабление сладострастного ощущения при половом акте и т. д.) и в то же время постоянно возбуждает фантазию и усиливает похотливость.

В жизни почти каждого мастурбанта наступает момент, когда он, узнав о грозящих последствиях его порока, или же испытав некоторые из этих последствий на самом себе (неврастению), либо почувствовав под влиянием примера и соблазна влечение к другому полу, делает попытку избавиться от своего порока и направить свою половую жизнь на нормальный путь.

При этом он оказывается в самых неблагоприятных моральных и физических условиях, какие только можно себе представить. В нем погасли все искры живого чувства, в нем нет жара здорового полового влечения; он, кроме того, не верит в свои силы, ибо все мастурбанты в большей или меньшей степени отличаются малодушием и робостью. Если этот юный грешник решается наконец на попытку совокупления, то дело оканчивается либо разочарованием вследствие того, что при недостатке сладострастного чувства совокупление доставляет лишь слабое наслаждение, либо неудачей вследствие недостатка физической силы для совершения полового акта. Это первое фиаско является настоящей катастрофой в жизни онаниста и ведет к абсолютной психической импотенции. Угрызения совести и воспоминания о пережитом стыде делают безуспешными и его дальнейшие попытки. Между тем половое влечение у него не исчезает, продолжая требовать удовлетворения. Из-за этого морального и физического извращения он начинает все более и более чувствовать отвращение к женщине.

В то же время различные причины (как, например, неврастенические явления, ипохондрический страх последствий и т. д.) могут его отталкивать и от мастурбации. В таких случаях дело иногда доходит до сношений с животными, по крайней мере в продолжение известного времени. Затем остается только один шаг до сношений с лицами собственного пола. Этому благоприятствуют какой-нибудь случайный соблазн или тесная дружба, которая на патологической почве легко ассоциируется с половым влечением.

Пассивный и перекрестный онанизм характерны именно для этой стадии извращения. Если — что, к сожалению, случается так часто — вовремя находится соблазнитель, то онанист превращается в педераста. Такого рода педераст хотя и совершает онанистический акт с лицом своего пола, однако выступает и чувствует себя при этом в активной роли, то есть в роли, свойственной его полу; в психическом отношении он относится индифферентно не только к лицам другого пола, но и к представителям собственного пола.

У *психически здоровых* индивидов, *не отягченных болезненной наследственностью,* половое извращение не идет дальше только что указанного предела. Не доказано, чтобы существовали случаи, когда *у наследственно здоровых* людей извращенные половые сношения сопровождались бы извращением полового чувства, то есть превратным половым влечением.

Иначе обстоит дело у индивидов с врожденным предрасположением; у них остаются, по-видимому, зачатки

половых чувств обоих полов, а не одного какого-либо пола. Эта ненормальность половой психики, остающаяся долгое время в скрытом состоянии, проявляется наружу под влиянием мастурбации, воздержания или вызванной какими-либо причинами неврастении.

При общении с лицами собственного пола начинает постепенно появляться половое возбуждение. Возникают эротические представления, связанные с чувством сладострастия и ведущие к соответствующим желаниям. Такого рода реакция, будучи безусловно дегенеративным явлением, служит началом целого процесса психофизических изменений, представляющих одну из самых интересных страниц психопатологии. Изображением этого процесса мы и займемся в настоящее время.

В указанной метаморфозе можно наметить несколько стадий или ступеней.

1-я ступень. Простое извращение полового чувства

На этой ступени стоят те субъекты, на которых лицо того же пола действует возбуждающим образом, вызывая у них половое ощущение. Но характер и способ развития этих ощущений остаются такими, какими они должны быть у лиц того пола, к которому он принадлежит. Субъект чувствует при этом активность своей роли, понимает, что стремление к собственному полу является ненормальностью, и ищет иногда помощи, чтобы избавиться от этого порока.

Если временно наступает уменьшение невроза, то вначале могут снова возвращаться нормальные половые чувства и даже сделаться преобладающими. Прекрасной иллюстрацией этой стадии психосексуального вырождения может служить следующее наблюдение.

Наблюдение 130. Приобретенное извращенное половое ощущение. «Я — чиновник и, насколько мне известно, родом из наследственно здоровой семьи. Отец мой умер от какой-то острой болезни, мать жива, *несколько «нервна». Сестра за последние годы сделалась в определенной степени повышенно религиозной.*

Сам я крупного сложения; в моей осанке, походке, речи нет ровно ничего женственного. В детстве я перенес корь, а с 13 лет страдал так называемыми нервными головными болями.

Моя половая жизнь началась с 13-летнего возраста, когда я познакомился с одним мальчиком старше меня, с которым мы с удовольствием касались гениталий друг друга. На 14-м году у меня было первое излияние семени. Наученный двумя старшими

товарищами по школе, я стал заниматься онанизмом иногда вдвоем, иногда наедине; в последнем случае я всегда представлял себе в воображении лица женского пола. Половое влечение было у меня развито очень сильно, как это имеет место и до сих пор. Позднее я сделал попытку вступить в связь с одной красивой и здоровой девушкой, имевшей очень развитые груди; я неукоснительно придерживался того, что в мое распоряжение предоставлялась верхняя часть ее тела, и целовал ее в рот и груди, в то время как она захватывала рукой мой сильно эрегированный пенис. Однако, как бы настойчиво я ни просил о половом акте, она разрешала только касаться ее гениталий.

Вскоре после моего поступления в университет случилось одно событие, которое произвело во мне целый переворот. Однажды вечером я провожал домой своего приятеля; будучи в веселом настроении духа, я схватил его за половые органы. Он оказал слабое сопротивление; тогда мы вошли в его комнату и стали онанировать. С тех пор мы занимались взаимным онанизмом очень часто. Дело доходило иногда даже до введения пениса в рот с последующим семяизлиянием. Примечательно, что в этого приятеля я вовсе не был влюблен. В то же время я был страстно влюблен в другого моего товарища, в присутствии которого я, однако, не испытывал никакого полового возбуждения и который вообще не вызывал у меня никаких эротических представлений. Я стал реже посещать дом терпимости, где меня всегда встречали очень радушно; у моего приятеля я вполне находил половое удовлетворение и не чувствовал потребности в половых сношениях с женщинами.

Педерастией мы не занимались; даже слово это не употреблялось между нами. Со времени сношений с другом я сильнее стал предаваться онанизму; женские образы в моем воображении отходили, конечно, все более и более на задний план, я больше думал о молодых, красивых, крепких мужчинах, с возможно более крупными членами тела. Юноши в возрасте 16—25 лет без бороды казались мне наиболее привлекательными; но важно, чтобы они были красивы и чистоплотны. В особенности возбуждали меня молодые рабочие, носившие брюки из так называемого Манчестера, или из английской кожи, преимущественно каменщики.

Люди моего положения совсем не действовали на меня возбуждающим образом; напротив, при виде какого-нибудь коренастого парня из народа я ощущал заметное половое возбуждение. Прикосновение к его брюкам, их расстегивание, прикосновение к половому члену, равно как и поцелуи, казались мне величайшим наслаждением. Моя чувствительность по отношению к женским прелестям несколько ослаблена, однако при половых сношениях с женщиной, в особенности если у нее сильно развиты груди, я всегда оказываюсь потентным, не

прибегая при этом к каким-либо воображаемым картинам. Я никогда не пытался, да и не буду пытаться сделать молодого рабочего или кого-нибудь другого объектом своей извращенной похоти, но влечение к этому я чувствую в себе очень часто. Иногда я прижимаю к груди изображение такого парня и онанирую у себя дома.

К женским занятиям у меня нет никакой склонности. Я сравнительно охотно провожу время в дамском обществе, танцевать я не люблю. Искусство вызывает во мне живой интерес. То, что я иногда испытываю превратное половое влечение, это, по-моему, является отчасти результатом больших удобств, которые представляет данный способ удовлетворения половой потребности; завести связь с какой-нибудь девушкой слишком хлопотливо, посещения дома терпимости кажутся мне противными с эстетической стороны. Оттого-то я и предаюсь отвратительному онанизму, от которого мне очень трудно отстать.

Я сотни раз убеждал себя, что для восстановления своих нормальных половых ощущений я должен прежде всего подавить в себе почти непреодолимую страсть к онанизму, к этому пороку, который так противен моему эстетическому чувству. Я уже неоднократно решался со всей силой воли бороться с этой страстью; до сих пор это мне не удавалось. Когда во мне с особенной силой разгоралось половое чувство, я, вместо того чтобы искать удовлетворения нормальным путем, прибегал к онанизму, ибо был уверен, что таким образом получу большее наслаждение.

При этом я знаю по опыту, что при сношениях с женщинами я всегда бываю потентным, и притом без всяких усилий и без помощи представлений о мужских половых органах, за исключением, впрочем, одного-единственного случая, где я не мог излить семени; но здесь причина лежала в проститутке (дело было в доме терпимости), которая лишена была всякой привлекательности. Я не могу отделаться от преследующей меня мысли, что развившееся у меня до известной степени превратное половое влечение есть результат неумеренного онанирования. Эта мысль действует на меня угнетающим образом в особенности потому, что я не чувствую в себе сил собственными усилиями избавиться от этого порока.

Влечение к противоестественному удовлетворению полового чувства значительно усилилось во мне вследствие упомянутых выше половых сношений с моим товарищем по школе, с которым до того я поддерживал простые дружеские отношения в продолжение 7 лет.

Позвольте мне описать еще один эпизод, который доставил мне

много хлопот в продолжение нескольких месяцев.

Летом 1882 г. я познакомился с одним студентом, который был на 6 лет моложе меня и у которого было много рекомендаций ко мне и моим коллегам. Вскоре я заинтересовался этим замечательно красивым, пропорционально сложенным, стройным и здоровым юношей. Через несколько недель интерес перешел в интенсивное чувство дружбы, затем в страстную любовь и, наконец, в мучительное чувство ревности. Я скоро заметил, что во мне сильно говорит чувственность, и как я ни старался удерживать себя в присутствии этого человека, которого я помимо всего прочего высоко уважал за его прекрасный характер, я все-таки однажды вечером, когда мы после обильной выпивки сидели у меня в комнате за стаканом вина и пили за хорошую, искреннюю и долгую дружбу, не мог устоять против непобедимого желания прижать его к себе и т. д.

Когда я снова увидел его на следующий день, мне было так стыдно, что я не мог смотреть ему в глаза. Я испытывал горькое чувство раскаяния, и мне было больно, что я своим поступком осквернил нашу чистую и благородную дружбу. Чтобы показать ему, что со мной случилось только временное заблуждение, я стал уговаривать его совершить со мной в конце семестра путешествие. После непродолжительного сопротивления, причины которого были для меня слишком очевидны, он согласился на мое предложение. Во время путешествия нам приходилось много ночей спать в одной комнате, однако я ни разу не сделал попытки повторить прежний поступок. Мне хотелось объясниться с ним по поводу того происшествия, но это мне не удалось. В следующий семестр, когда мы жили порознь, я никак не мог заставить себя написать ему об этом. В марте я посетил его в городе X., но опять-таки не решился заговорить об этом предмете. Между тем я испытывал непреодолимую потребность откровенно разъяснить этот факт, легший темным пятном на нашей дружбе. В октябре того же года я был снова в X.; на этот раз я нашел в себе достаточно смелости для откровенного разговора. Я попросил у него прощения, и он охотно мне его дал. Затем я спросил его, почему он в тот вечер не оказал мне решительного сопротивления? На это он ответил, что отчасти уступил мне из любезности, отчасти потому, что после порядочной выпивки находился в состоянии известной апатии. Я ему подробно рассказал о своих ощущениях и выразил при этом уверенность, что найду в себе достаточно сил, чтобы окончательно победить свое противоестественное влечение. После этого разговора отношения между нами сделались самыми теплыми и искренними. Мы оба ощущаем глубокое, искреннее и, надеюсь, прочное чувство дружбы.

Если бы я не заметил улучшения в моем ненормальном состоянии, я бы охотно согласился всецело отдать себя в ваши

руки для лечения, тем более что после подробного ознакомления с вашей книгой я не могу отнести себя к категории так называемых урнингов (гомосексуалистов). Напротив, я убежден теперь, или во всяком случае надеюсь, что сила воли, руководимая и поддерживаемая рациональным лечением, сделает меня наконец нормально чувствующим человеком».

Наблюдение 131. Ильма С., 29 лет, незамужняя, дочь торговца, происходит из семьи, отягощенной сильной патологической наследственностью. Отец был пьяница и кончил жизнь самоубийством; такова же была судьба брата и сестры пациентки. Другая сестра страдает истерией, сопровождаемой конвульсиями. Дед по матери застрелился в состоянии умопомешательства. Мать отличалась болезненностью и умерла в апоплексическом параличе. Сама пациентка никогда серьезно не болела, отличается хорошими способностями, мечтательностью, сильно развитой фантазией. Месячные с 18 лет, безболезненны, впоследствии крайне неправильны. На 14-м году хлороз и каталепсия от испуга. Позднее тяжелая форма истерии и приступ истерического помешательства. На 18-м году сошлась с молодым человеком, причем связь не осталась платонической. Она любила его горячо и страстно. Из ее рассказов можно понять, что она отличалась сильной чувственностью и предавалась мастурбации каждый раз, как расставалась со своим возлюбленным. В дальнейшем пациентка вела рассеянную жизнь, полную любовных приключений. Чтобы найти себе средства существования, она переоделась в мужское платье и поступила в один дом в качестве учителя; но вскоре она должна была оставить это место, так как хозяйка, не зная ее настоящего пола, влюбилась в нее и стала за нею ухаживать. Тогда она сделалась железнодорожным служащим. Чтобы скрыть свой пол, ей приходилось вместе со своими коллегами посещать дома терпимости и слушать самые циничные разговоры. Это в конце концов до того ей опротивело, что она бросила место, надела снова женское платье и стала искать женской должности. Воровство привело ее в тюрьму, а истерико-эпилептические припадки — в больницу. Здесь обнаружилась ее склонность и влечение к собственному полу. Ее неудержимая страсть к больным и сиделкам доставляла всюду много хлопот.

Ее половое извращение считалось врожденным. Пациентка сообщила в этом отношении интересные данные.

«Совершенно ошибочно думать, будто я испытываю одинаковые чувства к мужчинам и женщинам. По характеру моего мышления и чувствования я гораздо ближе к женщинам. Я, напротив, любила своего двоюродного брата так, как только женщина может любить мужчину.

Переворот в моих чувствах произошел тогда, когда я, переодетая в мужской костюм, имела возможность близко наблюдать своего двоюродного брата. Я увидела, что я в нем горько обманулась. Это доставило мне ужасные душевные муки. Я знала, что никогда не буду в состоянии снова полюбить мужчину, что я принадлежу к тем, которые любят только один раз.

К этому присоединилось еще то, что в обществе моих сослуживцев на железной дороге мне приходилось выслушивать самые отвратительные разговоры, посещать самые грязные места. Это знакомство с миром мужчин вызвало во мне непреодолимое к ним отвращение. Но так как по природе своей я очень страстна и ощущаю постоянную потребность любить кого-либо и принадлежать любимому существу, то я все более и более чувствовала влечение к женщинам и девушкам, которые были мне симпатичны, в особенности к тем, которые отличались своей интеллигентностью».

Превратное половое влечение этой пациентки — несомненно приобретенного характера — проявлялось часто в форме бурных, резко чувственных приступов и в дальнейшем создало почву для мастурбации, так как вследствие постоянного надзора в госпитале половое удовлетворение с лицами собственного пола сделалось невозможным. Характер и занятия больной оставались женскими. До явлений viraginitas (маскулинности) дело не доходило. Согласно краткому извещению, полученному автором, больная после двухлетнего пребывания в психиатрической больнице освободилась от своего невроза и от полового извращения и совершенно здоровая выпущена на свободу.

Наблюдение 132. X., 35 лет, холостой, служащий, рожден от душевнобольной матери. Брат ипохондрик.

Пациент был здоровым, сильным мужчиной, имел живой, чувственный темперамент. Половое влечение у него развилось ненормально рано и в очень сильной степени; уже маленьким мальчиком он занимался онанизмом; первый половой акт на 14-м году, — при этом больной, видимо, испытывал вполне нормальное половое чувство и обнаружил полную потентность. Когда ему было 15 лет, один мужчина сделал попытку изнасиловать его. X. почувствовал отвращение и высвободился из этого «омерзительного» положения. Выросши, он стал предаваться с необузданной страстью половым излишествам, в 1880 г. он был болен неврастенией, страдал слабостью эрекции и преждевременной эякуляцией. Из-за этого его потентность все более и более уменьшалась, половой акт перестал доставлять ему наслаждение. В этот период половой слабости у него некоторое время существовало странное, до сих пор необъяснимое для него влечение к половым сношениям с

несовершеннолетними девочками 12—13 лет. По мере падения половой силы его половое влечение все более возрастало.

Мало-помалу у него развилось влечение к мальчикам 13—14 лет. Он чувствовал желание прижимать их к себе.

Если ему предоставлялся случай трогать мальчика, который ему нравился, его пенис сильно возбуждался, в особенности, когда он мог прикасаться к его голеням. Сношения с женщинами не вызывали в нем желания. Иногда он совершал половой акт с женщиной, однако при слабой эрекции, преждевременной эякуляции и без всякого удовольствия. Интересовали его сколько-нибудь только мальчики. Они снились ему во время поллюций. Начиная с 1882 г. у него была время от времени возможность переспать с молодыми людьми. Его половое влечение было в то время сильно приподнято; прибегал он и к помощи мастурбации.

Только в виде исключения он решался прикасаться к партнерам по общению и предаваться взаимной мастурбации. Педерастия его отталкивала. Часто он бывал вынужден удовлетворять половую потребность обыкновенной мастурбацией. При этом он представлял себе образы нравившихся ему мальчиков. После половых сношений с мальчиками он чувствовал себя временно укрепленным, освеженным, но это оставляло в нем моральное угнетение вследствие сознания, что он совершил безнравственный, наказуемый поступок. Он страдал от сознания, что его отвратительный порок сильнее его воли.

X. полагает, что его любовь к собственному полу возникла вследствие чрезмерных эксцессов в естественных половых сношениях; он глубоко опечален своей болезнью; на консультации в декабре 1888 г. он спрашивал, нет ли средства вернуть ему нормальное половое чувство, так как он, в сущности, не испытывает вовсе страха перед женщиной и охотно бы женился.

Кроме половой и спинальной неврастении умеренной степени, этот пациент, вполне интеллигентный и не имеющий никаких признаков вырождения, не обладал никакими другими болезненными явлениями.

2-я ступень. Эвирация и дефеминация

Если превратное влечение продолжает прогрессировать, то дело может дойти до более глубоких и более длительных изменений *психики* личности. Развивающийся при этом процесс обозначается коротко термином эвирация (у женщин — дефеминация). У больного замечается глубокое изменение характера, в особенности его чувств и склонностей — в смысле

развития женской личности. Он начинает и при половых сношениях чувствовать себя женщиной, обнаруживает большую склонность к пассивной половой деятельности и при известных обстоятельствах опускается до положения куртизанки. В этой стадии глубокого и длительного психосексуального перерождения больной ничем не отличается от (врожденного) урнинга (гомосексуалиста) самой высокой степени. Здесь уже исключена всякая возможность восстановления прежних психических и половых признаков личности.

Следующее наблюдение является классическим образчиком подобной длительной формы приобретенного полового извращения.

Наблюдение 133. Ш., 30 лет, врач, сообщил мне историю своей жизни и своей болезни, прося руководства и совета по поводу несомненной аномалии его половой жизни.

Следующие строки взяты почти дословно из его обширной автобиографии, которую мы только частью сократили.

«Я происхожу от здоровых родителей; в детстве был слабым ребенком, но благодаря хорошему уходу сносно развивался и хорошо учился в школе.

На 11-м году жизни школьный товарищ склонил меня к онанизму, которому я и стал предаваться с увлечением. До 15 лет учение давалось мне легко. Однако, из-за все более учащавшихся поллюций, моя трудоспособность стала понижаться, и я стал гораздо хуже учиться. Когда меня вызывал учитель, я становился неуверенным, угрюмым, застенчивым. Испуганный упадком своих способностей и понимая, что в этом виновата обильная потеря семени, я бросил онанизм, но одновременно с этим участились поллюции, так что иногда в одну ночь случалось 2—3 поллюции.

В отчаянии я стал переходить от одного врача к другому. Ни один из них не мог мне помочь.

Так как потеря семени все более и более увеличивала мою слабость и так как в то же время половая потребность все усиливалась, то я решился отправиться в дом терпимости. Но это не доставило мне удовлетворения, ибо, несмотря на то что вид обнаженной женщины вызывал во мне наслаждение, у меня не наступало ни оргазма, ни эрекции и даже ручные манипуляции со стороны девицы не могли вызвать эрекции.

Но как только я ушел из дома терпимости, половое чувство стало меня снова мучить и у меня наступили сильные поллюции. Мне было стыдно перед женщинами, и я больше не посещал

домов терпимости. Так прошло около двух лет. Моя половая жизнь исчерпывалась поллюциями. Мое влечение к другому полу все более и более остывало. На 19-м году я поступил в университет. Меня более привлекал театр, и я хотел посвятить себя искусству. Но этому воспротивились мои родители. В столице мне приходилось время от времени вместе с товарищами посещать проституток. Я избегал этих похождений, ибо знал, что половой акт мне не удается. Я боялся, что друзья мои узнают о моей импотентности и поднимут меня на смех.

Однажды вечером в опере около меня сидел пожилой господин. Он стал любезничать со мной. Я от души смеялся над глуповатым стариком и отвечал на его шутки. Внезапно он схватил мой половой член, так что у меня тут же произошла эрекция. Я в испуге спросил его, что ему надо. Он стал мне объясняться в любви. Так как в клинике мне уже приходилось слышать о гермафродитах, то я решил, что имею дело именно с подобным экземпляром и из любопытства выразил желание посмотреть на его гениталии. Старик с радостью согласился и пошел со мною в туалет. Поскольку его пенис находился в состоянии такой сильной эрекции, то я в страхе удалился.

Господин этот стал меня преследовать и делать мне странные предложения, которые я не понимал и отвергал. Он не оставлял меня в покое. Я узнал тайну любви мужчины к мужчине, чувствовал, как это возбуждает мое сладострастие, однако я устоял против этой позорной (как мне тогда казалось) страсти и в ближайшие три года оставался от нее свободным. Неоднократно за это время я делал попытки к совокуплению с женщинами, но каждый раз неудачно. Точно так же бесплодны были мои старания избавиться от своего бессилия при помощи врачей.

Однажды, когда половое влечение стало меня снова мучить, я вспомнил слова старика, который говорил мне, что на бульваре имеется место, где сходятся мужчины, одержимые любовью к мужчинам.

После усиленной душевной борьбы я с трепещущим сердцем отправился туда и завел знакомство с одним блондином, который и совершил со мною половой акт. Первый шаг был сделан. Этот вид половой любви был как раз по мне. Наибольшее наслаждение я испытывал в объятиях сильного мужчины.

Половое удовлетворение заключалось во взаимной мастурбации. Иногда в поцелуях пениса друг у друга[3]. Мне было тогда 23 года. Сидение рядом с другими студентами во время лекций действовало на меня сильно возбуждающим образом, так что я не мог следить за словами лектора. В том же году у меня завязалась с одним 34-летним торговцем настоящая любовная

связь. Мы жили как муж и жена. X. играл роль мужа и все более и более влюблялся в меня. Я уступал ему, но время от времени и я становился мужем. С течением времени я пресытился им, стал изменять ему, а он ревновал меня. Между нами начали разыгрываться ужасные сцены, потом наступало примирение, и наконец дело дошло до разрыва. (Впоследствии этот торговец сошел с ума и кончил жизнь самоубийством.)

Я завязывал обширные знакомства, влюблялся в самых обыкновенных людей. Я предпочитал мужчин с большой бородой, высокого роста и средних лет — таких, которые были способны играть активную роль.

У меня сделался проктит. Профессор полагал, что это. от усидчивой работы перед экзаменами. Образовалась фистула, потребовалась операция, но все это не излечило меня от моего влечения пассивно служить другим. Я сделался врачом и поселился в провинциальном городе, где мне пришлось вести монашеский образ жизни.

У меня появилась склонность вращаться в дамском обществе; дамы меня охотно принимали, находя, что я далеко не так односторонен, как большинство мужчин, и что я интересуюсь туалетами и обычными женскими разговорами. При всем том я чувствовал себя очень несчастным и одиноким.

К счастью, я познакомился в этом городе с одним мужчиной, который испытывал те же чувства, что и я. Некоторое время я был удовлетворен. Когда этот человек уехал, наступил период отчаяния и меланхолии; часто посещали меня мысли о самоубийстве.

Так как я дольше не мог оставаться в этом городке, то сделался военным врачом в большом городе. Здесь я снова ожил, стал делать знакомства и иногда по 2, по 3 в день. Никогда я не любил мальчиков или юношей, но всегда только зрелых мужчин. Мысль, что я могу когда-либо попасть в руки полиции, казалась мне ужасной. Это, однако, не могло удержать меня от удовлетворения моей страсти.

Через несколько месяцев я влюбился в одного 40-летнего чиновника. Я был ему верен в продолжение целого года. Мы жили как пара влюбленных. Я был женой, и мой возлюбленный меня положительно баловал. Однажды я был переведен в один маленький городок. Мы были безутешны. Всю последнюю ночь мы провели в объятиях и поцелуях'.

В Т. я был бесконечно несчастен, несмотря на то что я нашел там несколько «сестер». Я не мог забыть своего возлюбленного. Для того чтобы удовлетворить свою глубокую страсть, я

прибегал к помощи солдат. За деньги они соглашались на все, но они оставались холодными, и я не испытывал с ними никакого наслаждения. Мне удалось наконец снова перевестись в столицу. Здесь возникла новая любовная связь, омраченная ревностью, так как возлюбленный охотно проводил время в обществе «сестер», был легкомыслен и кокетлив. Мы разошлись.

Я был безгранично несчастен и обрадовался переводу, чтобы уехать в другой город. Одинокий, безутешный сижу я теперь в С. Я приспособил для своих целей двух пехотинцев, но это по-прежнему не дает мне удовлетворительного результата. Когда же я снова узнаю истинную любовь?!

Я выше среднего роста, хорошо развит, но имею несколько поблекший вид, так что когда я хочу нравиться, то прибегаю к помощи косметики. По осанке, походке, голосу я произвожу впечатление мужчины. Физически я чувствую себя молодым, как юноша в 20 лет. Я люблю театр и вообще искусство. На сцене мое внимание приковывают к себе актрисы; я замечаю и критикую всякое их движение и каждую складку на их платье.

В обществе мужчин я чувствую себя застенчивым, робким, в обществе себе подобных я шаловлив, шутлив; если мужчина мне нравится, я бываю ласковым, как кошка. Если у меня нет любви, то я впадаю в меланхолию, которая, однако, исчезает при первых ласках красивого мужчины. В остальном я отличаюсь легкомыслием и честолюбием. Профессия моя меня не удовлетворяет. Мужские занятия мне несимпатичны. Охотнее всего я читаю романы, хожу в театр и т. д. У меня мягкий, чувствительный нрав, я вспыльчив, обидчив, нервен. От неожиданного стука я весь начинаю трястись и должен употребить усилия, чтобы не закричать».

Эпикриз. Описанный случай принадлежит, несомненно, к *приобретенному* половому извращению, ибо первоначально половые ощущения и половое влечение были направлены на женский пол. Неврастения развилась здесь на почве мастурбации и вызвала, в свою очередь, ослабление эрекционного центра и относительную импотенцию. Вследствие этого — при вполне сохранившемся половом влечении происходит постепенное охлаждение влечения к женщинам. Приобретенное извращение носило в данном случае характер болезни, так как уже первое соприкосновение с лицом собственного пола образует адекватное раздражение эрекционного центра. Извращение полового чувства имеет очень выраженный характер. Вначале пациент во время полового акта еще чувствует себя в роли мужчины, но затем все более и более развивается стремление к такого рода удовлетворению полового чувства, какое имеет место у прирожденного урнинга.

Эвирация делает пассивную роль и пассивную педерастию приятной для больного. Это накладывает отпечаток на весь его характер, который становится женским. Пациент предпочитает женское общество, чувствует все больше и больше склонность к женским занятиям, начинает даже прибегать к косметике, для того чтобы казаться более привлекательным и иметь «успех».

Приведенные выше положения относительно приобретенного превратного полового влечения и эвирации находят себе интересное подтверждение в следующих этнологических данных.

Уже у Геродота мы находим описание одной странной болезни, которая очень часто встречается у скифов. Болезнь заключалась в том, что мужчины становились женственными по характеру, надевали женские платья, занимались женскими работами и даже в смысле внешности приобретали женские черты.

Для объяснения этого «скифского помешательства» Геродот приводит следующий миф: богиня Венера, разгневавшись на скифов, которые разрушили ее храм в Аскалоне, превратила осквернителей храма и их мужское потомство в женщин.

Гиппократ, не веривший в сверхъестественные болезни, полагал, что здесь непосредственной причиной является импотенция, но происхождение этой последней он объясняет неправильно, думая, что она является следствием распространенного у скифов обычая лечить болезни, возникавшие от продолжительной верховой езды, кровопусканием из вен околоушной области. Гиппократ думал, что эти вены имеют очень большое значение для сохранения половой способности и что надрез их ведет к импотенции. Так как скифы считали импотенцию божьим наказанием и смотрели на нее как на неизлечимую болезнь, то импотенты надевали женское платье и жили как женщины среди женщин.

Примечательно, что, по Клапроту (Reise in den Kaukasus. Berlin, 1812. V. S. 285) и Хотомскому, еще в настоящее время импотенция составляет частое явление у татар, как результат верховой езды на неоседланной лошади. То же самое наблюдается на западном материке у племен апачей и навахо, которые почти никогда не ходят пешком, необыкновенно злоупотребляя верховой ездой. Эти племена отличаются малыми размерами половых органов, мало выраженным половым влечением и слабой половой способностью. То, что неумеренная верховая езда вредна для половых органов, знали уже Шпренгель, Лаллеман и Нистен.

В высшей степени интересные наблюдения такого же рода сделал Хэммонд в Новой Мексике у индейцев пуэбло, потомков

ацтеков.

Они воспитывают у себя так называемых мухерадо, по одному на каждый род. Эти мухерадо используются для весенних религиозных церемоний, представляющих собой настоящие оргии, в которых педерастия играет значительную роль.

На роль мухерадо выбирают по возможности сильного мужчину, которого усиленно мастурбируют и заставляют много ездить верхом. Постепенно у него развивается раздражительная слабость половых органов в такой сильной степени, что во время езды у него происходят обильнейшие семяизлияния. Это состояние раздражения переходит в паралитическую импотенцию. Половой член и яички атрофируются, борода выпадает, голос теряет глубину, телесная сила и энергия уменьшаются.

Склонность и характер становятся женскими. Мухерадо теряет свое положение мужчины, перенимает женские манеры и нравы и начинает жить в обществе женщин. В то же время из религиозных соображений его окружают почетом. По всей вероятности, знатные пуэбло пользуются им вне времени празднеств для педерастии.

Хэммонд имел случай исследовать двух мухерадо. Одному из них было 35 лет; мухерадо он был уже 7 лет. До того он был вполне мужчиной и обладал половой способностью, как все. Постепенно у него развилась атрофия яичек и члена; он утратил половое влечение и способность к эрекции. Одеждой и видом он не отличался от женщин, между которыми и встретили его.

Волос в лобковой области у него не было, член был сморщенный, мошонка вялая, отвисшая, яички сморщены до минимальных размеров и совершенно нечувствительны к давлению.

У него были большие груди, как у беременной, и он уверял, что вскормил уже несколько младенцев, матери которых умерли.

Другой мухерадо, 36 лет, находился в этом состоянии 10 лет и, обладая теми же особенностями, не имел только сильно развитых грудей. Как и у предыдущего, у него был высокий и тонкий голос и тучное тело.

3-я ступень. Стадия перехода к параноидальному сексуальному превращению

Дальнейшую ступень развития представляют те случаи, где и *физические* ощущения претерпевают видоизменение в смысле transmutatio sexus (превращения пола).

Следующее наблюдение является в этом отношении единственным.

Наблюдение 134. Автобиография. «Я родился в Венгрии в 1844 г. Долгое время был единственным ребенком у своих родителей, так как все другие дети умирали от врожденной слабости. Только спустя много лет родился еще брат, который остался жив.

Я происхожу из семьи, где было много нервных и психических больных. По словам окружающих, я был очень красивым ребенком с белокурыми локонами и прозрачной кожей; был очень послушен, скромен, так что меня охотно оставляли в дамском обществе, и я никого не стеснял своим присутствием.

Благодаря очень пылкой фантазии, которая была недругом моим в продолжение всей жизни, мои способности развились чрезвычайно быстро. В 4 года я уже умел читать и писать; воспоминания мои простираются до 3-летнего возраста. Я играл всем, что мне попадалось под руки — оловянными солдатиками, камешками, ленточками, устраивал детский магазин; только столярный прибор, который мне подарили, я не любил. Больше всего мне нравилось оставаться дома у матери, которая была для меня всем. У меня было двое-трое друзей, с которыми я охотно играл, но столь же охотно я играл и с их сестрами, которые смотрели на меня, как на девочку, что меня вначале нисколько не обижало.

Я, вероятно, имел склонность сделаться совсем похожим на девочку; по крайней мере, мне очень часто приходилось слышать слова: «это мальчику не идет». Поэтому я старался играть с мальчиками, подражать им во всем, тягаться с ними в диких выходках, что мне и удавалось: не было такого высокого дерева или здания, куда бы я ни забрался. Любил вертеться около солдат, перестал дружить с девочками, так как не хотел играть в их игрушки и так как меня стало оскорблять, что они считают меня ровней себе.

Но по-прежнему я вел себя очень скромно в обществе взрослых, которые охотно допускали меня к себе. Часто меня преследовали во сне фантастические звери; однажды я даже, не просыпаясь, соскочил с кровати. Одевали меня всегда просто, но в то же время со вкусом; отсюда у меня возникла любовь к красивой одежде. Примечательно, что, начиная со школьного возраста, у меня развилось влечение к женским перчаткам, которые я надевал потихоньку при каждом удобном случае. Однажды, когда моя мать хотела подарить кому-то свои перчатки, я энергично запротестовал против этого и попросил, чтобы она лучше отдала их мне. Меня зло высмеяли, после чего я стал остерегаться проявлять свою склонность к дамским

вещам. Но все-таки они доставляли мне большое удовольствие. В особенности мне нравились женские маскарадные костюмы. Я завидовал тем, кто их носил. Я с завистью смотрел на двух молодых людей, переодевшихся в белые женские костюмы с красивыми масками молодых девушек; сам я все-таки ни за что не показался бы в образе женщины, боясь насмешек. В школе я обнаружил необыкновенное прилежание, был всегда впереди других. Родители с детства внушили мне уважение к исполнению своих обязанностей, и сами они подавали мне в этом пример. Да и вообще, посещение школы было для меня наслаждением; учителя были добрые, и старшие ученики не обижали младших. Но вот нам пришлось покинуть мою родину, так как отец должен был ради своего призвания расстаться на год с семьей. Мы переехали в Германию. Здесь в школе господствовал более строгий и более грубый тон среди как учителей, так и учеников. Моя женственность сделалась снова предметом насмешек.

Вместе со мною училась девочка, которая была очень похожа на меня. Школьники стали звать ее моим именем, а меня — ее именем. Я возненавидел эту девочку, хотя впоследствии, когда она вышла замуж, я был с ней в дружественных отношениях. Мать продолжала красиво одевать меня, и это очень меня злило, так как делало мишенью для насмешек. Когда мне наконец сшили настоящие мужские брюки и настоящую мужскую куртку, я был необыкновенно рад. Но это принесло мне новые огорчения: брюки стесняли половые органы, особенно если они были сшиты из грубой материи. Невыносимо было мне также, когда портной во время примерки прикасался к половым органам, что вызывало неприятное щекотание. Затем начались физические упражнения; многое, что трудно дается девушкам, так же трудно или вовсе не давалось и мне. Во время купания я очень стыдился раздеваться, однако делал это очень охотно. До 12-летнего возраста у меня была большая слабость в крестце. Плавать я выучился поздно, но потом стал плавать очень хорошо и мог проплыть большое расстояние. В 13 лет я достиг половой зрелости, имел 6 футов роста, но лицо у меня оставалось женственным. Такое лицо я сохранил до 18-летнего возраста, когда у меня стала расти борода, и я наконец отдохнул от своего сходства с женщиной. Меня очень беспокоила — в особенности при физических упражнениях — паховая грыжа, которую я приобрел еще в возрасте 12 лет. Освободился я от нее только в 20 лет. Затем, начиная с 12-летнего возраста, я страдал зудом, жжением и дрожанием в области полового члена и до крестца. Вызывались эти явления долгим сидением, в особенности же ночной работой. Я не мог тогда ни сидеть, ни стоять; простуда усиливала эти явления. Но мне даже в голову не приходило, чтобы это имело какую-нибудь связь с половыми органами. Так как такой болезни не было ни у кого из моих друзей, то она казалась мне странной; мне приходилось делать громадные

усилия, чтобы переносить все это, тем более что нижняя часть живота еще, кроме того, причиняла мне часто беспокойство.

В половом отношении я был совершенно невинен, но уже в это время, то есть в 12—13 лет, я чувствовал вполне определенное желание быть женщиной. Мне нравился вид женщины, ее спокойствие, скромность, но больше всего мне нравились женские платья; я, однако, остерегался обнаруживать это. Могу с уверенностью сказать, что я не побоялся бы даже кастрационного ножа, чтобы достигнуть своей цели. Если бы меня спросили, почему мне хотелось ходить в женском платье, то я бы мог ответить только одно: меня к этому влечет. Может быть, я сам себе казался более похожим на женщину вследствие своей удивительно нежной кожи. На лице и на руках кожа была у меня особенно чувствительна. Девушки принимали меня охотно; и хотя я в душе стремился к их обществу, я не упускал случая посмеяться над ними, так как считал необходимым выказывать к ним преувеличенное пренебрежение, чтобы самому не казаться женственным; внутренне я им постоянно завидовал. В особенности разгоралась во мне зависть, когда какая-нибудь из моих приятельниц надевала длинное платье, перчатки и вуаль. Во время одной поездки, которую я совершил, когда мне было 15 лет, одна молодая дама, в доме которой я жил, предложила мне переодеться в женское платье, чтобы сопровождать ее во время прогулки. Так как она была не одна, то я, несмотря на все свое желание, не согласился на это. Со мною вообще мало церемонились. Во время этой поездки пришлось в одном городе видеть мальчиков, носивших блузы с короткими рукавами; мне доставляло удовольствие смотреть на их голые руки. Разряженная дама казалась мне богиней, и я был счастлив, если она дотрагивалась до меня своей ручкой, обтянутой лайковой перчаткой. Я чувствовал зависть к ней, охотно оделся бы в ее красивые одежды и принял бы ее изящный вид. Несмотря на все это, я учился очень прилежно, прошел в 9 лет реальную школу и гимназию и сдал хорошо экзамен на аттестат зрелости. л вспоминаю, что, когда мне было 15 лет, я впервые высказал перед своим другом желание быть девушкой. На его вопрос: почему? — я не мог дать никакого ответа. 17 лет я попал в распутную компанию, стал сильно пить пиво и курить и пытался заигрывать с кельнершами. Последние охотно принимали меня в свое общество, но всегда смотрели на меня так, как будто бы я ходил в юбке. Я не в силах был посещать уроки танцев, они меня отталкивали; если бы я мог ходить туда в замаскированном виде, тогда было бы, конечно, иначе. Друзей своих я любил очень нежно, только одного ненавидел за то, что он научил меня онанизму. Проклятие этому дню, который принес мне несчастье на всю жизнь. Я занимался онанизмом довольно сильно, но чувствовал себя при этом как бы раздвоенным; это чувство я описать не могу; мне кажется, что оно было мужским, но с примесью женского элемента. Я не решался прикоснуться к

девушкам — я их боялся, но в то же время они не были мне чужды. В общем, они все-таки гораздо больше импонировали мне, чем представители моего пола, я завидовал им и отказался бы от всех своих удовольствий, если бы после уроков дома я мог быть как девушка, мог одеваться, как они. Кринолин, перчатки, обтягивающие руку, — это был мой идеал. Каждый раз, когда я видел, как одевается дама, я испытывал ощущения, как если бы я был на ее месте. К мужчинам у меня отсутствовало влечение.

Впрочем, я вспоминаю, что относился с большой нежностью к одному моему другу, имевшему удивительно красивое женское лицо и длинные темные локоны. Но мне кажется, что я испытывал не столько любовь, сколько желание, чтобы оба мы были девушками.

Уже будучи студентом, я испытал наконец половой акт. При этом мне нравилось лежать под девушкой и я предпочитал представлять свой пенис в виде женского полового органа. Девушка, к своему удивлению, должна была вести себя со мною как с девушкой, что, впрочем, ей понравилось (она была еще не очень опытна и потому не высмеяла меня).

В пору студенчества я бывал иногда буйным, но чувствовал, что я сам напускаю на себя это буйство. Я пил, дрался, но танцевать я все-таки не учился, ибо боялся выдать себя. Дружба у меня всегда была интимная, без всяких задних мыслей; больше всего мне доставляло удовольствие, когда кто-либо из друзей переодевался в женское платье или когда я наблюдал где-нибудь на балу дамские туалеты. У меня был в этом отношении вкус; постепенно я начал чувствовать по-женски.

Несчастные обстоятельства заставили меня два раза покушаться на самоубийство. Без всякой причины я однажды не спал 14 дней кряду, имел много зрительных и слуховых галлюцинаций, видел живых и умерших людей, что осталось у меня до настоящего времени.

Была у меня и подруга, которая знала мои слабости, надевала мои перчатки, но смотрела на меня как на женщину. Я лучше, чем другие мужчины, понимал женщин, и как только последние это узнавали, то начинали относиться ко мне, как к женщине, как к своей подруге. Я терпеть не мог сальностей, и если говорил их, то исключительно из ухарства. Вначале у меня было отвращение к дурным запахам и к крови, но потом это у меня прошло; некоторые предметы я, впрочем, никогда не мог видеть без отвращения. В одном я не мог никак разобраться: я знал, что у меня есть женские наклонности, но считал себя все-таки мужчиной, тем не менее я сомневался, могу ли я увлечься женщиной (я не говорю о попытках к совокуплению, которые мне никогда не доставляли удовольствия, что я приписывал

онанизму), не испытывая при этом желания быть на ее месте, носить ее платье и пр. Изучать акушерство мне было очень трудно, я стыдился за лежавших женщин и чувствовал к ним сострадание. Присутствуя при родах, я до настоящего дня должен подавлять в себе чувство страха. Случалось даже, что я как бы чувствовал боль при извлечении плода. В разных местах я занимал должность врача; в качестве добровольного врача я совершил военный поход. Очень неприятна была мне верховая езда, которую я не любил еще во времена студенчества, ибо она вызывала в половых органах женские ощущения. (В женском седле мне было бы, вероятно, легче ездить.)

Я все еще думал, что я представляю собою мужчину с неопределившимися чувствами. Когда я приходил в общество дам, то со мною обращались, как с дамой, надевшей военный мундир. (Надев в первый раз мундир, я испытывал желание переменить его на женское платье. Когда смотрели на мою форменную одежду, я всегда чувствовал какую-то неловкость.) В частной практике мне очень везло по всем трем главным отделам медицины. Затем я проделал еще один военный поход. Здесь характер мой оказал мне большие услуги, так как мне пришлось обнаружить необыкновенное терпение. Было в этом походе немало и декоративного, но к этому я оставался совершенно равнодушным.

Так пробирался я по жизненной тропке, не будучи никогда доволен собой, полный какой-то мировой скорби, колеблясь постоянно между сентиментальностью и напускной дикостью.

Очень интересны мои похождения в качестве жениха. Я охотно остался бы холостым, но семейные отношения и практика побуждали меня к браку. Я женился на энергичной и очень милой женщине, которая происходила из семьи, где процветала власть женщин. Я был влюблен в нее так, как это доступно таким натурам, как моя. *Я* любил ее всем сердцем, меня тянуло к ней, но все это проявлялось далеко не так бурно, как у настоящего мужчины. Я любил свою невесту с какой-то чисто женской глубиной, почти как жениха, но я не отдавал себе в этом отчета, так как все еще думал, что я — только недоразвившийся мужчина, который благодаря браку может найти самого себя. Но уже в первую брачную ночь я убедился, что представляю только женщину в мужском образе; я видел себя на месте женщины. В общем, мы жили дружно и счастливо, около 2 лет оставались бездетными. После очень тяжелой беременности, во время которой я был в неприятельской стране, где смертельно заболел, и после трудных родов жена родила мальчика. Это был ребенок с меланхолическим характером, который сохранился у него до настоящего времени. За первым родился второй, довольно спокойный, потом третий, крайне шаловливый, затем четвертый и пятый — все с наклонностью к

неврастении. Так как я никогда не чувствовал себя на своем месте, то я проводил много времени в веселом обществе, но в то же время работал насколько хватало сил, учился, оперировал, экспериментировал со многими лекарствами и лечебными методами, всегда на самом себе. Что касается семейной жизни, то всю власть в доме я отдал жене, так как она очень хорошая хозяйка. Мои супружеские обязанности я выполнял удовлетворительно, но без всякого наслаждения. Начиная с первого совокупления и до настоящего дня роль мужчины слишком тяжела для меня и кажется мне неприятной.

Я охотнее взял бы на себя противоположную роль. Когда мне приходилось принимать детей у моей жены, то у меня чуть не разрывалось сердце, так как я живо ощущал ее боли. Так мы жили долгое время, пока тяжелая подагра не сделала меня неврастеником и не заставила начать лечение на разных курортах. В то же время я сделался до того анемичным, что должен был чуть не каждые два месяца принимать железо; иначе я делался не то хлоротичным, не то истеричным или тем и другим одновременно. Часто меня мучила стенокардия, потом сделались односторонние судороги в носу, подбородке, шее, гортани, я стал страдать мигренью, судорогами диафрагмы и мышц грудной клетки. Около трех лет я испытывал беспрерывное ощущение, как будто у меня увеличена предстательная железа, затем чувство давления, как при родах, боли в бедрах, в крестце и т. п. В отчаянии я всеми силами боролся против этих болезненных явлений, казавшихся мне женскими, пока наконец три года назад сильный приступ артрита не подкосил меня окончательно.

Еще до этого ужасного приступа подагры я с отчаяния начал делать себе горячие ванны, по возможности близкие к температуре тела. И вот однажды мне показалось, что я умираю, и я, собрав последние силы, выскочил из ванны; при этом я ощущал в себе чисто женское половое чувство. Далее, когда появился усиленно рекомендуемый экстракт индийской конопли, я, боясь приближающегося подагрического приступа и удрученный своим равнодушием к жизни, принял громадную (в 3—4 раза больше обыкновенной) дозу экстракта и совершил чуть ли не смертельное отравление гашишем. Со мною сделались приступы судорожного смеха, я чувствовал в себе нечеловеческие силы, необыкновенную быстроту, испытывал какое-то своеобразное ощущение в мозгу и в глазах, мне казалось, что миллиарды искр несутся от мозга к коже. Однако я мог еще говорить, хотя и с трудом. Вдруг мне стало казаться, что от ног до груди я сделался женщиной, что половые органы мои сморшились, таз расширился, груди поднялись; я испытал невыразимое чувство сладострастия. Чтобы лицо не показалось мне тоже изменившимся, я закрыл глаза. Голова моего врача казалась мне громадной картошкой, у жены на туловище я

увидел лунный диск. И все-таки я еще был настолько крепок, что мог, когда жена и врач на минуту удалились, занести в записную книжку мою последнюю волю.

Но кто опишет мой испуг, когда я на другой день почувствовал, что совершенно превратился в женщину и стал во время ходьбы и стояния ощущать у себя матку и женскую грудь.

Когда я наконец поправился, я почувствовал, что во мне произошел целый переворот. Уже во время моей болезни один из навещавших меня сказал: «Он слишком терпелив для мужчины», — и подарил мне букет цветов; это меня поразило, но в то же время и обрадовало. С этого времени я стал терпелив, избегал шума, сделался упрямым, как кошка, но в то же время кротким, миролюбивым, незлопамятным — одним словом, совсем как женщина по характеру. Во время последней болезни у меня было много зрительных и слуховых галлюцинаций, я беседовал с покойниками, видел и слышал духи близких, чувствовал свою личность раздвоенной, но на одре болезни я все-таки еще не замечал, что мужчина во мне окончательно угас. Перемена настроения была для меня счастьем, так как в это время я пережил удар, который при прежнем настроении, наверно, убил бы меня; теперь же я его перенес с такою покорностью, что я сам себя не узнал. Так как я все еще принимал свою неврастению за подагру, то я продолжал лечиться ваннами, пока наконец у меня не развился кожный зуд, который от ванн не уменьшался, а усиливался. Тогда я бросил. все наружные средства (под влиянием ванн у меня развилось еще сильное малокровие) и стал себя по возможности закалять. Но навязчивое чувство, что я женщина, не исчезло, наоборот, усилилось, так что я только ношу образ мужчины, но во всех отношениях и во всех частях своего тела я чувствую себя совершенно женщиной и временами теряю даже воспоминания о прошлом.

То, что сохранилось еще во мне здорового после подагры, разрушила впоследствии инфлюэнца.

Настоящее состояние. *Я* высокого роста, волосы у меня редеют, борода поседела, спина делается сутулой. После инфлюэнцы я потерял четвертую часть своей физической силы. Лицо вследствие порока клапанов имеет красный цвет. У меня большая борода; страдаю хроническим конъюнктивитом; мускулы развиты сильнее, чем жир; на левой ноге, видимо, развиваются варикозные вены, часто они немеют, заметной опухоли еще на ней нет, но, по-видимому, уже развивается.

Область грудей ясно, хотя и на небольшом пространстве, выступает вперед. Живот имеет форму женского живота, ноги имеют женскую постановку. Икры тоже. Так же обстоит дело с

руками и кистями. Ношу женские чулки и перчатки 7*г.* Могу без труда носить корсет. Вес колеблется между 168—164 Фунтами.

В моче нет белка, нет сахара, большое количество мочевой кислоты; когда количество мочевой кислоты уменьшается, моча становится светлой, а после какого-либо возбуждения почти бесцветной, как вода. Стул по большей части регулярен, если же нет, то наступают все обычные явления женских запоров. Сон плохой; иногда в продолжение многих недель всего лишь 2 — 3 часа в сутки. Аппетит порядочный, но в общем желудок переносит не больше, чем у здоровой женщины. Острые вещества вызывают тотчас же кожную сыпь и жжение в мочеиспускательном канале. Кожа белая, в общем очень гладкая. Невыносимый зуд, мучивший меня два года, за последние недели уменьшился, но в области подколенных ямок и мошонки он, напротив, усилился.

Наклонность к потению. Раньше у меня не было никаких испарений, теперь они имеют все отвратительные нюансы женских испарений, в особенности в нижней части живота, так что я должен еще больше следить за своей чистотой, чем женщина. (Я пользуюсь надушенными носовыми платками, пахучим мылом, одеколоном.)

Общее чувство. Я чувствую себя женщиной в мужском образе. Если я иногда и ощущаю свои мужские формы, то соответствующий орган все-таки ощущает по-женски, так, например, пенис чувствует как клитор, уретра как женский мочеиспускательный канал и влагалище: я всегда чувствую в ней влажность, хотя бы она и была совершенно сухой; мошонка кажется мне как labia majora (большие губы); короче, я всегда ощущаю у себя матку, а что это значит, это может оценить только тот, кто это сам чувствует или чувствовал. Вся кожа на всем моем теле воспринимает по-женски все впечатления — прикосновения, теплоту, раздражение, — она такая, как у женщин; соответствующие ощущения таковы же. Я не могу ходить с голыми руками, так как и жар и холод для меня одинаково тягостны. Когда мужчине неудобно ходить с зонтиком, я испытываю большие страдания, так как кожа на лице у меня очень нежна. Когда я утром просыпаюсь, то некоторое время не могу прийти в себя, а как бы ищу сам себя, наконец во мне просыпается преследующее меня ощущение, что я женщина. Я чувствую присутствие у меня матки. День я встречаю громким или тихим вздохом, потому что я уже начал снова бояться своего вынужденного маскарада. Это не шутка чувствовать себя женщиной и быть вынужденным вести себя как мужчина. Мне пришлось все изучать чуть ли не заново; ножи, аппараты — все я в продолжение последних трех лет ощущаю совсем иначе; вследствие изменений в мышечном чувстве я должен был всему учиться снова. Это мне удалось, только пила и

костное долото доставляют еще мне затруднения; мне кажется, что у меня просто не хватает физической силы для пользования этими инструментами. Напротив, лучше удаются мне манипуляции с острой ложечкой в мягких тканях; особенно неприятно, когда я при обследовании женщин переживаю их ощущения; им это, впрочем, не кажется странным. Но хуже всего для меня — это ощущение движений плода. Долгое время, много месяцев я мучился от того, что угадывал мысли у обоих полов; и до сих пор я еще борюсь с этим. Мне легче удается чтение мыслей у женщин, чем у мужчин. Три года назад я еще не сознавал, что смотрю на мир глазами женщины. Эта метаморфоза в области зрения достигла мозга как-то внезапно, сопровождаясь сильными головными болями. Дело было так: я был у одной женщины, страдавшей превратным половым ощущением, и мне вдруг показалось, что она чувствует так, как я, то есть она мужчина, а я женщина, я ушел от нее с плохо скрываемой досадой. Больная в то время еще не понимала своего состояния.

С тех пор все мои органы чувств воспринимают все по-женски и так же передают это центрам. Непосредственно за центральной нервной системой начали изменяться и физиологические отправления, так что все болезненные явления стали принимать женскую окраску: чувствительность всех нервов, в особенности слухового, обонятельного и тройничного, достигла степени нервозности. Стоит захлопнуться окну, чтобы я содрогнулся — правда, внутренне, но и это не к лицу мужчине. Если пища не вполне свежая, то мне кажется, что от нее пахнет трупом. Тройничный нерв никогда не оставлял меня в покое, боли перебегают с одной ветви на другую, с зубов в глаза и пр.

При всем том со времени совершившейся со мной перемены я легче переношу зубную и головную боль и меньше испытываю страх при стенокардии. Примечательно, что, чувствуя себя более робким и слабым созданием, я в то же время, по-видимому, гораздо спокойнее и хладнокровнее встречаю опасность и переношу тяжелые операции. Желудок при малейшем нарушении диеты (то есть женской диеты) сейчас же мстит за себя так же, как у женщин, отрыжкой и другими болезненными явлениями. В особенности сильно протестует желудок против алкогольных излишеств; никакое похмелье не может сравниться с теми отвратительными ощущениями, которые испытывает мужчина, чувствующий себя женщиной; я готов думать, что такой человек находится исключительно во власти физиологической системы.

Как ни малы мои грудные соски, но они все-таки требуют себе места и я их чувствую как грудные железы, как, впрочем, было у меня в юношеский период, когда соски припухали и болели. Вследствие этого белая сорочка, жилетка, сюртук очень

стесняют меня. Таз дает мне такие ощущения, как если бы он был женским. Вначале меня очень стесняли женские ощущения живота, который совсем не переносил брюк и постоянно напоминал мне о моей женственности. Есть у меня и ощущение талии. У меня такое чувство, как если бы с меня сняли мою собственную кожу и надели на меня женскую, которая оказалась мне совершенно впору; но я постоянно ощущаю, что меня окружает женщина, чувства которой пронизывают мое тело, запертое со всех сторон, и вытесняют из него мужские чувства.

Хотя яички у меня и не атрофированы, и не дегенерированы, однако это уже для меня не яички; часто они причиняют мне боль и вызывают такое впечатление, будто им место в животе; их подвижность меня часто очень стесняет.

Раз в 4 недели, в период полнолуния, в продолжение 5 дней я чувствую у себя расстройства, точь-в-точь как женщина; я испытываю все соответствующие физические и психические ощущения; у меня не бывает только выделения крови, но зато я чувствую, что у меня вытекает жидкость, что половые органы и нижняя часть живота (внутри) припухают. Это очень приятное время, в особенности когда после прекращения месячных появляется физиологическая потребность в половом удовлетворении со всей ее силой, проникающей весь организм женщины. Все тело мое полно тогда этого ощущения, которое пропитывает его как вода кусок сахара или губку; его можно выразить так: на первом плане — жаждущая любви женщина, на втором — человек вообще; при этом потребность направлена, как мне кажется, не столько на совокупление, сколько на зачатие. Но сила естественного инстинкта и женского сладострастия подавляет чувство стыдливости и вызывает непосредственное стремление к половому акту. Как мужчина я чувствовал половой акт не больше трех раз за всю мою жизнь, да и в этом я не уверен, в остальных же случаях я был совершенно равнодушен; в последние же три года я во время совокупления ясно ощущаю себя пассивным, как женщина, иногда даже испытываю женское чувство эякуляции; после этого я всегда чувствую себя усталым, удовлетворенным, иногда даже несколько нездоровым — как это у мужчины никогда не бывает. Иногда половой акт доставляет мне такое большое наслаждение, что я не могу его ни с чем сравнить; это самое блаженное, самое сильное чувство на земле, которому можно принести в жертву все. В эти моменты женщина только матка, в которой тонет вся ее личность.

За последние три года я ни на один момент не терял ощущения, что я женщина. Благодаря привычке это уже не мучит меня так, как раньше, хотя я и потерял очень много в своих глазах. Это ощущение можно еще переносить с трудом до тех пор, пока нет

сладострастных желаний. Но невыносимо становится, когда эти желания появляются. Тогда теряешь самообладание; появляется жжение, теплота, напряженность в половых частях (при полном отсутствии эрекции). Это ощущение ужасно, как будто что-то присасывается к половой щели и влагалищу, это сладострастное ощущение доставляет прямо адские муки, становится невыносимым.

Если я в это время имею возможность совершить совокупление, то мне становится легче, но полного удовлетворения это мне не дает вследствие понижения чувствительности. Меня угнетает при этом еще сознание своего бесплодия, я мучаюсь чувством пассивности при совокуплении и потерей чувства стыдливости. Я чуть ли не кажусь сам себе проституткой. Рассудок бессилен в этих случаях, навязчивое чувство женственности охватывает меня всего и не дает мне покоя. Легко понять, как трудно мне в такое время исполнять свои профессиональные обязанности. Но, конечно, приходится принуждать себя. Почти невозможно бывает сидеть, ходить или лежать; во всяком случае невыносимо бывает долго оставаться в одном из этих положений вследствие беспрерывного раздражения со стороны брюк и т. д.

Брак в подобных случаях производит впечатление сожительства двух женщин, из которых одна только переодета мужчиной; в моменты совокупления мужчина чувствует себя оплодотворяемым. Если периодические месячные вдруг исчезают, то появляется чувство беременности или полового пресыщения — чувство, которого здоровый мужчина не знает. Это чувство пронизывает все тело так же, как и чувство женственности, с той только разницей, что первое чувство имеет специфически отталкивающий характер, так что с нетерпением ждешь возвращения периодических месячных. В сновидениях и представлениях эротического характера видишь себя в тех положениях, какие принимают женщины, видишь эрегированные половые органы; так как и задний проход чувствует по-женски, то очень нетрудно сделаться пассивным педерастом; только запрещение со стороны религии еще удерживает от этого, все другие соображения теряют силу.

Поскольку подобного рода состояние не может не внушать отвращения, то появляется желание быть бесполым или сделать себя таковым. Будь я холостой, я бы давно расстался и с яичками, и с мошонкой, и с половым членом.

Что может дать наивысшее ощущение женского сладострастия, если все-таки для тебя недоступно зачатие? Какая польза от всех этих порывов женской любви, если для своего удовлетворения тебе приходится довольствоваться женщиной же, если даже во время совокупления она принимает тебя за мужчину? Как приходится стыдиться своего женского запаха!

Как унижает мужчину эта привязанность к нарядам, к одежде. Даже подвергшись полному превращению, даже забыв совершенно половое чувство мужчины, он все-таки не может чувствовать себя женщиной; он хорошо знает, что раньше он не всегда обладал половой чувствительностью, что он тоже был просто человеком, не подвергшимся еще половой дифференциации. И вот теперь он принужден вдруг забыть свою прежнюю индивидуальность, должен носить ее как маску, чувствовать себя постоянно женщиной и страдать то от периодически наступающих через каждые 4 недели расстройств, то от неудовлетворенного женского сладострастия в промежутках. Когда же наконец он, проснувшись утром, не будет чувствовать себя женщиной? Он жаждет момента, когда ему можно было бы поднять маску, но этот момент не наступает. Небольшое утешение в своем несчастье он получает, когда надевает какую-нибудь часть женской одежды — белье, наряд и пр. Одеваться вполне как женщина он не смеет. Исполнять свои профессиональные обязанности в качестве актрисы, переодетой в мужской костюм, и не видеть конца этой игры — задача нелегкая. Только религия спасает в этих случаях от грубых проступков, но она не избавляет от мучений, когда индивид с женскими чувствами подвергается таким же искушениям, как настоящая женщина. Разве это не муки, когда солидный мужчина, пользующийся большим доверием и авторитетом, только и думает что о своей — хотя бы даже воображаемой матке; когда он, вернувшись после тяжелого дневного труда, не находит лучшего занятия, как оценивать дамские туалеты, критиковать их женскими глазами, читать на лице женщин их мысли; когда модный журнал (это было у меня уже в детстве) доставляет такой же интерес, как и научное сочинение; когда приходится скрывать свое душевное состояние от своей жены, мысли которой, однако, прекрасно понимаешь по ее лицу, потому что сам чувствуешь по-женски, и когда знаешь, что она все-таки видит происшедшее в тебе физическое и психическое превращение? Как мучительно постоянно подавлять в себе женскую мягкость характера! Иногда, правда, во время отпуска, когда остаешься наедине, удается некоторое время жить как женщина, например, носить женское платье, в особенности ночью, иметь при себе постоянно перчатки, надевать в комнате маску, вуаль и т. д.; это успокаивает несколько чрезмерное половое влечение. Но женственность, раз внедрившись в организм, настоятельно требует признания; часто она довольствуется какой-нибудь скромной уступкой, например браслетом, надетым под манжетой, но все-таки те или иные уступки приходится ей делать постоянно. Единственное счастье заключается в том, чтобы можно было, не стыдясь, одеваться по-женски и чтобы в маске или под вуалью действительно ходить в женском платье. Тогда следишь за модой как настоящая модница — вот до чего доходит психическое перерождение! Для того чтобы привыкнуть к мысли, что ты

чувствуешь по-женски и что прежние твои чувства остались только в их воспоминаниях, откуда ты их извлекаешь лишь для сравнения, — чтобы привыкнуть к этой мысли, для этого нужно много времени и тяжелая борьба.

При всем том случается, что совсем бессознательно проявишь какое-нибудь женское чувство, хотя бы в половой области; скажешь, например, что женщина ощущает то-то и то-то, между тем как неженщина этого вовсе не может и знать, или случайно выдашь себя, сказав, что кому-нибудь идет или шло бы женское платье. Наедине с женщинами это еще не беда, ибо женщина просто рассмеется, когда услышит, что вы понимаете кое-что в ее делах. Но беда, если это случится в присутствии собственной жены! Как я однажды испугался, когда моя жена сказала своей знакомой, что у меня очень тонкий вкус к женским нарядам. Одна важная дама была очень удивлена, когда я указал ей на ее ложные представления о воспитании ее дочери; я устно и письменно изложил ей все женские чувства, причем обманул ее, сказав, что свои познания я почерпнул из писем. Но зато теперь ее доверие ко мне необыкновенно велико, и дочь ее, которой грозил ложный путь, осталась разумным и радостным ребенком. Она раньше смотрела на все проявления своей женской натуры как на грех, теперь же знает, что она, как девушка, должна переносить и что она должна подавлять в себе с помощью воли и религии; и теперь она чувствует себя человеком. И мать и дочь, вероятно, расхохотались бы от души, если бы узнали, что все свои советы я черпал из собственного опыта. Я должен еще прибавить, что за последнее время у меня развилось гораздо более тонкое чувство температуры и более тонкое осязание: я ощущаю эластичность кожи у пациентов, напряжение кишок; прежде я этого ощущения не знал. При операциях и вскрытиях посторонние жидкости гораздо легче проникают через кожу (неповрежденную), чем раньше. Каждое вскрытие доставляет мне страдание, каждое обследование проститутки или женщины с белями, с запахом рака и т. п. кажется мне мучительным. Вообще я в настоящее время нахожусь под сильным влиянием антипатии и симпатии, начиная с цветов и кончая оценкой человека. Женщины обыкновенно понимают половое настроение друг друга, поэтому они носят вуаль, как будто бы никогда и не спускали ее, употребляют духи, ибо очень чувствительны к женскому запаху. Вообще запах действует на женский организм чрезвычайно сильно. Так, например, запах фиалки и розы успокаивает меня, другие цветы вызывают отвращение своим запахом, иланг возбуждает во мне половое чувство. Прикосновение женщины кажется мне гомогенным; акт совокупления с моей женой возможен для меня потому, что в ней есть некоторые мужские черты, что у нее плотная кожа; при всем том это все-таки скорее лесбийская любовь.

Кроме того, я всегда чувствую себя пассивным. Часто, когда я

ночью не могу заснуть вследствие возбуждения, мне в конце концов помогает такое положение, когда бедра у меня расставлены, как у женщины, спящей с мужчиной. Иногда я ложусь на бок, но при этом ни рука, ни одеяло не должны касаться моих грудей, иначе я не могу заснуть. Точно так же и живот боится всякого давления. Лучше всего я сплю в женской рубашке или в ночной сорочке; охотно надеваю на ночь перчатки, так как у меня легко зябнут руки. Женские кальсоны и нижние юбки кажутся мне также очень удобными, так как они не раздражают половых органов. Больше всего нравились мне женские платья в то время, когда носили кринолины. Женское платье не стесняет человека, чувствующего себя женщиной, так как он ощущает его не как что-нибудь чуждое, а как предмет, принадлежащий его личности.

Охотнее всего я провожу время в обществе одной дамы, страдающей неврастенией [см. наблюдение 135]; со времени последних родов она чувствует себя мужчиной; с тех пор, как я ей разъяснил это чувство, она старается по возможности приспособиться к своему положению, воздерживаясь от совокупления, что мне, как мужчине, недоступно. Эта женщина своим примером помогает мне переносить мое состояние. Она еще хорошо помнит свои женские чувства и не раз уже давала мне полезные советы. Если бы она была мужчиной, а я — молодой девушкой, я бы старался увлечь ее собой, связать с нею свою судьбу. Но ее теперешняя фотография совсем не похожа на прежнюю. Несмотря на свои груди и на прическу, она имеет вид элегантно одетого мужчины; говорит она коротко и основательно; то, что меня забавляет, ей не доставляет никакой радости. Она страдает своего рода мировой скорбью, но несет свой крест с покорностью и достоинством, находит себе утешение в религии, в исполнении своих обязанностей, в периоды регул она чуть не погибает, она не любит больше женского общества, женских разговоров, не любит также и сладостей.

Один мой приятель, друг детства, с ранних лет чувствует себя девушкой, но имеет склонность к мужскому полу. У его сестры наблюдалось обратное явление; когда же матка все-таки заявила о своих правах и когда она, несмотря на свои мужские склонности, почувствовала себя любящей женщиной, она разрешила это затруднение очень просто: взяла и утопилась.

Главные изменения, происшедшие во мне со времени моей полной эффеминации, сводятся к следующему:

1) Постоянное ощущение, что я женщина от головы до пяток.

2) Постоянное ощущение, что я имею женские половые органы.

3) Периодически, через каждые 4 недели повторяющиеся расстройства.

4) Регулярно появляющиеся приступы женского сладострастия, однако без влечения к определенному мужчине.

5) Пассивное, как у женщины, чувство во время совокупления.

6) После этого чувство женщины, подвергшейся совокуплению.

7) Женские ощущения при представлении о половом акте.

8) При виде женщин чувство общности с ними и ощущение женского интереса к ним.

9) При виде мужчин ощущение женского интереса к ним.

10) То же и при виде детей.

11) Изменения характера, большее терпение.

12) Развившаяся во мне в конце концов покорность судьбе, чем я, в сущности говоря, обязан религии, иначе я давно лишил бы себя жизни.

Ибо быть мужчиной и чувствовать, что всякая женщина присутствует в тебе или вызывает желание быть ею — это почти невыносимо».

Только что приведенная автобиография, в высшей степени ценная для науки, была мне прислана в сопровождении следующего письма, представляющего также большой интерес.

«Прежде всего считаю долгом извиниться, что утруждаю вас своим посланием. До того как я прочел ваши сочинения, я был в полном отчаянии и смотрел на себя как на чудовище, которое вызывало во мне самом отвращение. Ваши сочинения влили в мою душу бодрость, и я решил изучить этот вопрос основательно и просмотреть всю мою жизнь с самого начала совершенно беспристрастно, не думая о выводах. И вот теперь я считаю долгом благодарности сообщить вам свои воспоминания и наблюдения, так как я не нашел у вас вполне аналогичного случая. Затем я думал, что, может быть, вам покажется интересным узнать о мыслях и чувствах человека, живущего под гнетом сознания, что он женщина, — из автобиографии, принадлежащей перу врача.

Не все у меня вышло достаточно согласованным, но у меня нет уже сил предаваться дальнейшему самоанализу и еще более углубляться в себя. Встречаются у меня и повторения, но я

прошу принять во внимание, что любой актер может не выдержать своей роли, в особенности если эта роль не взята им на себя добровольно, а навязана ему против его воли.

Из ваших сочинений я почерпнул надежду, что, исполняя свои обязанности врача, гражданина, отца и супруга, я имею право причислять себя к тем людям, которые заслуживают не одного только презрения.

Наконец, я хотел вам сообщить результат моих воспоминаний и размышлений для того, чтобы показать, что и человек с женскими ощущениями и мыслями может быть врачом; я считаю большой несправедливостью закрывать доступ к медицине женщинам. Женщина при помощи одного только чувства может в некоторых случаях напасть на след болезни, между тем как мужчина, несмотря на все орудия диагностики, бродит в темноте. В особенности это имеет место при женских и детских болезнях. Если бы это было в моей власти, я бы сделал так, чтобы каждый врач хотя бы на четверть года превращался в женщину: тогда он стал бы больше уважать и больше понимать ту половину человечества, от которой он сам происходит, и научился бы ценить величие женской души и в то же время и тяжесть женской доли».

Эпикриз. Пациент — невропатический индивид, с резкой ненормальностью психополовой сферы, выражающейся в том, что он по своему характеру и при половых сношениях обнаруживает женские ощущения. Это извращение чувства остается долгое время чисто душевной аномалией, но три года тому назад на почве тяжелой неврастении оно получает сильный толчок со стороны навязчивых физических ощущений, имеющих характер превращения пола. К своему ужасу, пациент начинает себя и физически чувствовать женщиной; под давлением своих навязчивых «женских чувств» он замечает, что все его представления, стремления и даже вся его половая жизнь претерпевают полное превращение в смысле эвирации. При этом, однако, его «я» обладает достаточной силой, чтобы не потерять окончательно власти над всеми этими болезненными психофизическими процессами и удержаться от паранойи, — замечательный пример навязчивых ощущений и представлений на невропатической почве — пример, имеющий громадное значение для понимания тех путей, по которым развивается психополовая трансформация. В 1893 г., то есть через три года, несчастный коллега описал мне снова свое состояние, касающееся его чувств и мышления. Все осталось по-прежнему. Пациент и физически, и психически чувствует себя совершенно женщиной, но его интеллигентность остается незатронутой и удерживает его от превращения в параноика. До самого последнего времени (1900 г.) он остается врачом, исполняющим свои профессиональные обязанности, и никаких существенных

перемен в нем не замечается.

В дополнение к этому примечательному в клиническом и психологическом отношении случаю приведем другой, касающийся женщины.

Наблюдение 135. X., дочь высокопоставленного чиновника; мать умерла от нервной болезни. Отец был здоров и умер в преклонном возрасте от пневмонии. Некоторые из братьев и сестер носят печать психопатического вырождения, один брат страдает ненормальностями характера и тяжелой неврастенией.

Будучи девушкой, X. обнаружила склонность к играм мальчиков. Пока она носила короткое платье, она бегала по полям и лесам и безбоязненно взбиралась по самым опасным горным тропинкам. К одежде, к нарядам у нее не было никакого влечения. Только однажды, когда ей сделали платье мужского покроя, она сильно обрадовалась; большое удовольствие испытывала она, когда ей пришлось в школе во время одного театрального представления играть мальчика в мужском платье.

В остальном, однако, ничто не обнаруживало предрасположения к превратному половому ощущению. До вступления в брак (на 21-м году жизни) она не знает ни одного случая, когда бы она чувствовала влечение к лицу собственного пола. Но также безразличны были для нее и лица мужского пола. У нее было много поклонников, что ей нравилось, но о половых различиях она в то время не думала, не идя дальше разницы в одежде.

Единственный бал, на котором она была, она провела в оживленной беседе, которая ее очень заинтересовала, между тем как танцы и танцоры вовсе не привлекали ее внимания.

Регулы наступили у нее легко на 18-м году. Они ей казались очень неприятными и чем-то чуждыми. К своему обручению с красивым и богатым мужчиной, не имевшим, однако, ни малейшего понятия о женской натуре, она относилась с полным равнодушием. Брак вообще не возбуждал у нее ни симпатии, ни антипатии. Супружеские сношения были для нее вначале болезненными, впоследствии — только неприятными. Никогда она при этом не ощущала чувства сладострастия, однако имела 6 детей. Когда вследствие слишком большого числа детей муж стал прибегать к прерванному акту совокупления, ей казалось это оскорблением ее религиозного и нравственного чувства.

Постепенно она становилась все более неврастеничной, настроение ее делалось мрачнее, и чувствовала она себя все более и более несчастной.

Она страдала опущением матки, эрозиями на portio vaginalis

(влагалищная часть), анемией; гинекологическое лечение, купания не принесли ей никакого существенного облегчения.

На 36-м году с ней сделался инсульт, который приковал ее почти на два года к постели и вызвал ряд тяжелых неврастенических проявлений (агрипнию, тяжесть в голове, сердцебиение, психическое угнетение, чувство физического и духовного бессилия вплоть до ощущения угрожающего безумия и т. д.).

В течение этой болезни с нею произошла примечательная перемена психического и физического характера.

Женская болтовня знакомых дам о любви, туалетах, нарядах, модах, прислуге, домашнем хозяйстве и прочем сделалась ей противной. Ей стало тягостно чувствовать себя женщиной. Она не могла решиться заглянуть в зеркало. Прическа и туалет были для нее мучением. К удивлению окружающих, ее мягкий и женственный характер изменился и приобрел мужские черты, так что она производила впечатление мужчины, переодетого в женское платье. Своему домашнему врачу она жаловалась, что регулы стали для нее чем-то чуждым; каждый раз при их наступлении она расстраивалась; запах выделяющейся при этом крови вызывал у нее отвращение, но в то же время она не решалась прибегнуть к помощи духов, которые тоже стали ей противны.

В других отношениях она тоже чувствовала странную перемену своего существа. Она стала ощущать в себе приливы физической силы и потребность в упражнениях, временами чувствовала себя молодой, как в 20 лет. Когда ее неврастенический мозг позволял ей думать, мысли ее были удивительно быстры и оригинальны, умозаключения и понятия складывались быстро и отчетливо, выражения становились кратки и ясны, появлялись обороты, не совсем подходящие для женщины. В ее речи стали часто попадаться грубые выражения, которые так не шли к этой ранее благочестивой и сдержанной женщине.

Она осыпала себя горькими упреками, плакала, что она уже больше не женщина; в обществе ей приходилось переживать много неприятностей из-за своих взглядов, чувств и поступков.

Затем она чувствовала перемены и в своем теле. К ее великому удивлению и ужасу, ей стало казаться, что груди у нее исчезают, таз становится уже, кости массивнее, кожа плотнее и грубее.

Она не решалась более надевать ночную сорочку и чепчик, перестала носить браслеты, серьги, веер. Горничная и швея обратили внимание, что от X. исходит совсем особый запах. Голос ее сделался глубже, грубее, более похожим на мужской.

Когда пациентка наконец встала с больничной постели, она почти совершенно потеряла женскую походку и утратила способность к соответствующим жестам и движениям; ей приходилось заставлять себя сделать тот или иной жест в женском платье. Вуаль стала для нее невыносимой. Прежний период ее жизни, когда она чувствовала себя женщиной, представлялся ей теперь чем-то чуждым, ей не принадлежащим; она совсем не могла или могла только с большим трудом играть роль женщины. Все ее черты становились все более и более мужскими. В нижней части живота появились своеобразные ощущения. Она жаловалась врачу, что уже не чувствует своих половых органов внутри живота. У нее было ощущение, что живот у нее закрыт, что область половых частей как бы увеличена; нередко у нее было ясное ощущение, что она имеет пенис и мошонку. В то же время у нее явно обнаружилось мужское половое влечение. Все эти ощущения глубоко ее расстраивали, наводили на нее страх. Ее нервное расстройство до того быстро прогрессировало, что окружающие стали бояться сумасшествия. Домашнему врачу удалось, однако, с большими усилиями успокоить ее, и она благополучно миновала подводный камень. Пациентка стала мало-помалу приходить в равновесие, привыкая к своему новому, чуждому ей, болезненному психофизическому состоянию. Она старалась выполнять свои обязанности хозяйки и матери. Замечательна была та поистине мужская сила воли, которую она при этом проявляла; в то же время в ней уже не было и женской мягкости. Она вела себя в доме как мужчина, что давало повод к семейным сценам. Своему мужу X. вообще казалась неразрешимой загадкой.

Врачу она жаловалась, что время от времени ее охватывают приступы «животной мужской» страсти; в это время она находилась в очень тяжелом настроении. Супружеские сношения с мужем казались ей ужасными, просто невыносимыми.

Время от времени к ней возвращались еще женские ощущения, но это становилось все реже и реже, и сами ощущения делались все слабее и слабее. В эти минуты она снова чувствовала свои женские половые органы, свои груди, но эти периоды были для нее очень тягостны, и ей казалось, что такого «второго превращения» она бы уже не могла выдержать, что она обязательно сошла бы с ума.

Она сжилась с этим превращением пола, развившимся на почве болезненного процесса, и несет свой крест с покорностью, причем громадную услугу оказывает ей ее глубокая религиозность.

Но самым тягостным для нее является то, что она принуждена,

как актриса, всю жизнь играть перед людьми чужую роль — именно роль женщины (состояние на сентябрь 1892 г.).

4-я ступень. Параноидальное сексуальное превращение

Последнюю возможную ступень в описываемом нами болезненном процессе представляет половое превращение, связанное с умопомешательством. Здесь почвой является половая неврастения, превратившаяся в общую неврастению в смысле душевной болезни, паранойи.

Следующие наблюдения иллюстрируют развитие невротическо-психологического процесса до высшей ступени.

Наблюдение 136. К., 36 лет, холостой, слуга, принят в клинику 26 февраля 1889 г.; представляет типичный случай бреда преследования, развившегося из половой неврастении и сопровождавшегося обонятельными галлюцинациями, ложными ощущениями и пр.

Больной происходит из наследственно отягощенной семьи. Несколько братьев и сестер страдали психопатией. Пациент имеет гидроцефалический череп с седловидным углублением в области правой фонтанели и невропатические глаза. С ранних лет он ощущал ненасытное половое влечение, в 19 лет начал предаваться онанизму, в 23 года имел половой акт, прижил трех внебрачных детей; боясь новых детей и невозможности прокормить их, прекратил половые сношения, стал, однако, сильно страдать от воздержания, но отказался и от онанизма, имел частые поллюции; полтора года назад развилась половая неврастения с дневными поллюциями, сделавшая пациента слабым и беспомощным; в дальнейшем общая неврастения и, наконец, паранойя.

Год назад он стал испытывать парестетические ощущения: ему казалось, что на месте половых органов у него находится клубок; потом он стал чувствовать, что мошонка и пенис у него исчезли и что его половые органы сделались женскими.

Он чувствовал, что у него выросли груди, коса, что он одет в женское платье. Он сам себе казался женщиной. На улице ему слышались соответствующие возгласы со стороны прохожих. В полусне ему казалось, что мужчина совершает с ним, как с женщиной, половой акт. Это доставляло ему сильное сладострастное ощущение. Во время пребывания в клинике наступила интермиссия в течении паранойи и в то же время значительное облегчение неврастении. Вместе с тем исчезли временно чувства и идеи, соответствовавшие развившемуся у него сексуальному превращению.

Дальнейшую ступень эвирации на пути к полному превращению пола параноидального характера представляет следующий случай.

Наблюдение 137. Франц С, 33 лет, народный учитель, холостой, происходит, по всей вероятности, из наследственно отягощенной семьи, с ранних лет с невропатическими задатками, аффективен, пуглив, не переносит алкоголя; в 18 лет начал мастурбировать, в 30 лет приобрел половую неврастению (поллюции — иногда днем — с последующим упадком сил, боли в области крестцового сплетения и т. д.). К этому постепенно присоединились явления раздражения спинного мозга, тяжесть в голове, церебральная астения. С начала 1885 г. пациент воздерживается от полового акта, который не доставляет ему никакого сладострастного ощущения. Мастурбирует он часто.

В 1888 г. стало развиваться помешательство. Он заметил, что все его избегают, что от него исходят вредные испарения, что от него воняет (обонятельные галлюцинации); этим он стал объяснять перемену в отношении к нему окружающих, так же он объяснял их чихание, кашель и т. п.

Он стал воспринимать запах трупа, гнилой мочи. Причиной своего дурного запаха он считал семяизлияния вовнутрь. Такие внутренние поллюции он ощущал в виде жидкости, текущей от лобка к груди.

Вскоре пациент оставил клинику.

В 1889 г. он был снова принят уже с более развитой стадией paranoia masturbatoria persecutoria (физический бред преследования).

В мае 1889 г. пациент с удивлением заметил, что слово «господин» его сильно раздражает.

Он стал протестовать против этого, утверждая, что он — женщина. Об этом ему говорят голоса. Он замечает, что у него растут груди. Неделю назад он ощущал сладострастные чувства, когда его обнимали. Ему говорят голоса, что он

— публичная женщина. В последнее время ему снится половой акт, который совершают с ним, как с женщиной. Он чувствует введение пениса и имеет ощущение эякуляции.

Череп крутой, лицевая часть черепа длинная и узкая, tubera parietalia (теменные бугры) выдаются вперед. Половые органы развиты нормально.

Следующий случай, наблюдавшийся в больнице Илленау,

представляет прекрасный пример длительного извращения полового сознания на почве психоза.

Наблюдение 138. Н., 22 лет, холостой, пианист, принят в клинику в конце октября 1865 г. Патологической наследственности, видимо, нет, но происходит из туберкулезной семьи (отец и брат умерли от чахотки). Пациент был слабым ребенком, с плохими способностями, но с односторонним развитием таланта к музыке. Характер у него с самого начала был ненормальный, замкнутый, тихий, необщительный, недоброжелательный.

С 15 лет начал мастурбировать. В следующие годы появились неврастенические симптомы (сердцебиение, усталость, временами тяжесть в голове и т. д.), а также приступы ипохондрии. В последние годы пациент работал очень напряженно. С полгода назад его неврастения усилилась. Он жаловался на сердцебиение, тяжесть в голове, бессонницу, раздражительность, сильное половое возбуждение, утверждал, что должен как можно скорее жениться в интересах здоровья. Он влюбился в художницу, но почти одновременно (сентябрь 1865 г.) заболел бредом преследования (враждебные голоса, брань на улице, яд в пище; для того чтобы он не мог попасть к своей возлюбленной, протягивают канат через мост и преграждают ему таким образом путь). Вследствие усиливающегося возбуждения и постоянных конфликтов с враждебно настроенными к нему людьми он поступает в психиатрическое заведение. Вначале он еще представлял картину типичного бреда преследования наряду с проявлениями половой, а затем и общей неврастении, но при этом идеи преследования строились у него не на этой невротической почве. Только изредка он слышал слова: «вот у него вырежут семя, вот у него вырежут пузырь».

В течение 1866—1868 гг. мания преследования отступала все более и более на задний план; ее место в значительной степени заняли эротические идеи. Психосоматической основой для этого было длительное и сильное возбуждение половой сферы. Пациент влюблялся в каждую даму, которую ему случалось увидеть, слышал голоса, требование, чтобы он к ней подошел, страстно жаждал согласия на брак, утверждал, что если ему не доставят жены, то он получит чахотку. При продолжающейся мастурбации появились уже в 1869 г. признаки будущей эвирации. «Если он женится, он будет любить жену только платонически». Пациент делался все более странным, жил в кругу эротических идей, видел в больнице всюду проституцию, время от времени слышал голоса, которые обвиняли его в грязном поведении по отношению к женщинам. Он стал поэтому избегать женского общества и решался оставаться с женщинами для занятия музыкой только в том случае, если у него было два

свидетеля.

В течение 1872 г. неврастеническое состояние больного значительно ухудшилось. Вместе с тем выступил снова на первый план бред преследования, получивший клиническую окраску под влиянием основного невротического состояния. Появились обонятельные галлюцинации, пациент начал чувствовать магнетическое влияние. На него действовали особые «магнетические волны» (ложное истолкование болезненных явлений спинномозговой астении). Из-за непрекращавшегося сильного полового возбуждения и злоупотребления мастурбацией процесс эвирации быстро нарастал. Только изредка он чувствует себя мужчиной и ощущает потребность в женщине; он горько жалуется, что свирепствующая в больнице среди мужчин проституция преграждает доступ к нему женщинам. Он смертельно болен вследствие магнетической отравы, которая распространена в воздухе, и неудовлетворенной любви; без любви он жить не может; он отравлен дома ядом сладострастия, который действует на половую систему. Женщина, которую он любит, предается самому грязному разврату. Проститутки, которые живут в больнице, носят цепи блаженства, то есть цепи, в которых человек, не двигаясь, ощущает сладострастное чувство. Он готов уже теперь довольствоваться и проституткой. Из его глаз исходит особое излучение мыслей, которые стоят 20 миллионов. Его музыкальные произведения стоят 500 000 франков. Наряду с подобными проявлениями мании величия замечались и идеи преследования: пища отравлена венерическими выделениями, он ощущает запах яда и чувствует его вкус, слышит грязные обвинения и просит, чтобы ему как-то заперли уши.

Начиная с августа 1872 г. признаки эвирации становились все резче. Он делается более аффектированным, говорит, что не может больше жить среди пьющих и курящих мужчин, что чувствует и мыслит совершенно по-женски. Он требует, чтобы с ним обращались как с женщиной и перевели его в женское отделение. Просит конфет, печенья. Вследствие спазмов пузыря он требует, чтобы его перевели в родильный дом: у него тяжелая болезнь, беременность. Обхождение с ним как с мужчиной оказывает на него неблагоприятное влияние.

Время от времени он еще чувствует себя мужчиной, но болезненно-извращенное половое влечение заставляет искать его удовлетворения в мастурбации, в браке без совокупления. Брак — это, по его мнению, учреждение сладострастия. Девушка, на которой он согласился бы жениться, должна быть онанисткой.

С декабря 1872 г. сознание личности приобретает у него

совершенно женские черты.

Сначала он был женщиной, но в возрасте 1—5 лет один французский художник приделал ему мужские половые органы и путем втираний в грудь задержал развитие грудных желез.

Он стал энергично требовать женской одежды, перевода в женское отделение и защиты от мужчин, которые хотят его изнасиловать. Он был бы готов поступить в магазин игрушек, заняться шитьем, кройкой или другой какой-нибудь женской работой. С момента своего полового превращения пациент ведет новое времяисчисление. Его прежняя личность сохранилась у него в памяти как личность его двоюродного брата.

О самом себе он говорит теперь в третьем лице, называет себя графиней В., самой близкой подругой императрицы Евгении, требует духов, корсета и пр. Других мужчин своего отделения он считает женщинами, старается заплести себе косу, просит, чтобы ему доставили восточное средство для уничтожения волос, чтобы никто уже не мог больше сомневаться в том, что он женщина. Он расточает необыкновенные похвалы онанизму: «С 15 лет я была онанисткой и никогда не искала других путей для полового удовлетворения». Время от времени появляются еще неврастенические припадки, обонятельные галлюцинации как проявления бреда преследования. Все события до декабря 1872 г. пациент относит к личности двоюродного брата.

Разубедить больного в том, что он графиня В., уже больше невозможно. Он ссылается на то, что его исследовала акушерка, которая и нашла, что он женщина. Графиня не хочет выходить замуж, потому что она презирает мужчин. Так как пациенту не давали женского платья, то он большую часть дня проводил в постели, изображал из себя важную, страдающую даму, жеманничал, требовал конфет и т. п. Волосы он кое-как заплетал в косу, бороду выщипывал. Из булок он сделал себе груди.

В 1874 г. развился кариес в левом коленном суставе, к которому вскоре присоединилась легочная чахотка. 2 декабря 1874 г. наступила смерть. Череп нормальный; лобная доля мозга атрофична, мозг вообще анемичен; микроскопические изменения (доктор Шюле): в верхнем слое лобной доли ганглиозные клетки несколько сморщены; в адвентиции сосудов много жировых зерен; glia (соединительная ткань нервных образований) не изменена, кое-где пигментные участки и коллоидные зерна. Нижние слои мозговой коры нормальны. Половые органы очень велики, яички малы, дряблы, на разрезе не изменены.

Только что изображенный нами психоз полового превращения представляет в высшей степени редкое явление в патологии

человеческой психики. Кроме предыдущего случая я наблюдал еще подобный случай как эпизодическое явление у одной дамы, страдавшей превратным половым влечением (наблюдение 118 в 7-м издании настоящей книги). Далее, как длительное явление я наблюдал подобный психоз у одной девушки, страдавшей прирожденной паранойей, и у одной такой же дамы.

В литературе, кроме случая, о котором кратко сообщает Арндт, и случая, поверхностно описанного Серье *(Serieux.* Recherches cliniques. P. 33), а также двух известных наблюдений Эскироля, — я не могу припомнить никаких других описаний психоза полового превращения.

На с. 303—304 я уже упомянул о той интересной зависимости, какая существует между этим психозом полового превращения и так называемым скифским помешательством.

Марандон (Annales medico-psychologiques, 1877. P. 161), как и другие авторы, ошибочно полагал, что эта болезнь древних скифов представляла собой действительный психоз, а не простую эвирацию. Придерживаясь законов эмпирического анализа, нужно полагать, что психоз, который в настоящее время представляет большую редкость, встречался столь же редко и в древности. Так как он может развиться лишь на почве паранойи, то вообще не может быть и речи об эндемическом возникновении его; здесь могло быть только суеверное толкование эвирации (в смысле гнева богини), как это следует и из свидетельств Гиппократа.

В антропологическом отношении примечателен тот факт, что, как это следует из так называемого скифского помешательства и из новейших наблюдений над индейцами пуэбло, исчезновение яичек ведет за собой атрофию половых органов вообще, а также физические и психические изменения в смысле приближения к женскому типу. Это наблюдение тем более интересно, что подобные изменения у мужчины, лишившегося половых органов во взрослом возрасте, столь же необычны, как у взрослой женщины после искусственного или естественного климактерия.

Склонность к собственному полу как явление врожденное

В этом своеобразном типе половой жизни существенной особенностью является половое безразличие или даже отвращение к лицам другого пола наряду со склонностью или влечением к лицам собственного пола. Половые органы бывают при этом развиты вполне нормально; половые железы функционируют правильно и половой тип резко дифференцирован.

В случаях, когда эта аномалия резко выражена, чувства, мышление, стремление, вообще весь характер индивида соответствуют не его анатомическому и физиологическому полу, а его своеобразным половым ощущениям. Даже в одежде и в занятиях обнаруживается эта ненормальность; появляется стремление переодеться в платье того пола, в роли которого данный субъект себя чувствует.

В клиническом и антропологическом отношениях указанная аномалия дает ряд ступеней развития, другими словами, ряд различных форм.

1. Преобладает гомосексуальное половое ощущение при наличии остатков влечения к другому полу (психосексуальный гермафродитизм).

2. Существует только влечение к собственному полу (однополое влечение — гомосексуальность).

3. Вся психика перерождается соответственно ненормальному половому ощущению (эффеминация и вирагинизм).

4. Формы тела изменяются в соответствии с ненормальным половым ощущением. Однако действительного перехода к гермафродитизму никогда не наблюдается, напротив, во всех подобных случаях мы находим вполне дифференцированные половые органы. Таким образом, причину болезни, как и при всех болезненных извращениях половой жизни, нужно искать в мозгу (андрогиния и гинандрия).

Первые, более подробные сообщения об этих загадочных явлениях природы исходят от Каспера (Ueber Notzucht und Paderastie — Caspers Vierteljahrsschrift, 1852,1), который смешивает еще их с педерастией; он, однако, уже верно подметил, что эти аномалии в большинстве случаев являются врожденными и представляют своего рода психический гермафродитизм. Он указывает, что в этих случаях существует настоящее отвращение к половым сношениям с женщинами и что, напротив, фантазия с особым наслаждением останавливается на красивых молодых мужчинах, статуях, портретах. От Каспера не укрылось также и то обстоятельство, что в этих случаях введение пениса в анальное отверстие[1] (педерастия) не составляет вовсе правила, что нередко половое удовлетворение достигается путем перекрестного онанизма.

В своих «Клинических рассказах» (1863, с. 33) Каспер сообщает исповедь одного субъекта, страдавшего этим извращением полового чувства; при этом Каспер решительным образом высказывается за то, что «педерастия» возникает не только на почве испорченной фантазии, безнравственности и пресыщения

нормальным половым актом, но что бывают нередко случаи, где она развивается вследствие особой смутной, необъяснимой врожденной склонности. В середине 60-х гг. один асессор, известный Ульрихс, сам страдавший указанным извращением, написал целый ряд сочинений[2], подписанных псевдонимом Numa Numantius, где он утверждал, что половая психика не связана вовсе с физическим полом и что встречаются мужчины, которые чувствуют себя по отношению к другим мужчинам женщинами («anima muliebris in corpore virili inclusa«[3]). Таких людей он называл «урнингами» и требовал ни больше ни меньше как юридического и морального признания за этими урнингами права на половые сношения и на брак между собою. Ему оставалось только доказать, что эта парадоксальная, хотя и врожденная половая аномалия представляет собой не патологическое, а физиологическое явление.

Первое клинико-антропологическое освещение фактов этого рода дал Гризингер (Archiv fur Psychiatrie, I. S. 651), описавший один случай, в котором он подчеркнул тяжелое наследственное предрасположение больного.

Первая монография по интересующему вопросу принадлежит Вестфалю (Archiv fur Psychiatrie, II. S. 73), который дал такое определение описываемой им аномалии: «врожденное извращение полового чувства, сопровождаемое сознанием болезненности этого явления». Ему же принадлежит общепринятый с тех пор термин «превратное половое ощущение». Он начал собирание фактического материала, который с тех пор возрос до 220 случаев, не считая наблюдений, вошедших в настоящую монографию.

Вестфаль оставляет нерешенным вопрос, является ли «превратное половое ощущение» симптомом невропатического или психопатического состояния, или может возникать как изолированное явление. Он только подчеркивает его врожденность.

На основании тех случаев, которые были опубликованы до 1877 г., я пришел к заключению, что это своеобразное половое ощущение является функциональным признаком вырождения и представляет одно из проявлений невроза или психопатического состояния, возникающего по большей части на почве наследственности. Позднейшие факты вполне подтвердили мое воззрение. Признаки психопатической или невропатической наследственности проявляются в этих случаях следующим образом:

1. Половая жизнь у индивидов с подобной организацией начинает проявляться ненормально рано, а вследствие этого и ненормально сильно. Нередко имеются и другие извращения,

помимо того, которое вызывается своеобразным половым чувством.

2. Духовная любовь у этих людей проявляется нередко в страстной, экзальтированной форме; точно так же и половое влечение оказывает на их сознание могущественное, прямо непобедимое влияние.

3. Кроме превратного полового чувства встречаются нередко и другие функциональные, а иногда и анатомические признаки вырождения.

4. Наблюдаются неврозы (истерия, неврастения, эпилептоидные состояния и т. д.). Неврастения существует почти во всех случаях как временное или постоянное явление. Обычно она носит характер конституциональной болезни, обусловленной наследственностью. Толчок к ее проявлению и дальнейшему развитию дает онанизм или вынужденное воздержание.

У мужчин на почве этих патологических факторов или на почве врожденного предрасположения развивается обычно половая неврастения, проявляющаяся главным образом в раздражительной слабости центра эякуляции. Этим объясняется, почему большинству подобных индивидов достаточно только объятий любимого существа, поцелуя или даже просто одного взгляда, чтобы уже вызвать семяизлияние. Последнее нередко сопровождается необыкновенно сильным чувством сладострастия вплоть до ощущения прохождения через тело «магнетического тока».

5. В большинстве случаев встречаются психические аномалии (блестящие способности к изящным искусствам, в особенности к музыке, поэзии и т. п., при ничтожных умственных дарованиях или при врожденной неустойчивости мышления) вплоть до резко выраженных состояний психического вырождения (слабоумие, нравственное помешательство).

У многих урнингов наблюдаются периодические или постоянные психозы дегенеративного характера (патологическое состояние аффекта, периодическое помешательство, паранойя и т.. д.).

6. Почти во всех случаях, где оказалось возможным собрать сведения о физическом и психическом состоянии восходящих поколений и близких родственников, в семье больного обнаруживались неврозы, психозы, признаки вырождения и т. д.[1]

Насколько глубоко врожденное превратное половое ощущение коренится в психике, видно, в частности, из того факта, что у мужских урнингов сладострастные сновидения бывают полны мужских образов и положений, а у женщин, чувствующих

склонность к женскому полу, — женских.

Наблюдение Вестфаля, что лица, сознающие отсутствие у себя половых ощущений по отношению к другому полу и наличие стремления к собственному полу, страдают от этого сознания, верно лишь для известной части случаев. У многих даже не наблюдается сознания ненормальности своего состояния. Большинство урнингов чувствуют себя счастливыми в своих извращенных половых ощущениях и половых стремлениях; страдания они испытывают лишь постольку, поскольку общественные и юридические рамки ставят предел удовлетворению их влечения к собственному полу.

Изучение превратного полового ощущения с несомненностью говорит о том, что у подобного рода больных существует аномалия мозговой организации. В пользу такого предположения свидетельствует уже тот факт, что во всех без исключения случаях мы находим анатомически и функционально совершенно нормальные половые железы.

Было сделано уже много попыток объяснить это загадочное явление природы.

Неспециалисты называют его пороком, юристы — преступлением. Сами больные расценивают свое состояние как аномалию, но видят здесь игру природы и считают свое влечение столь же законным, как и нормальную (двуполую) любовь. Такой взгляд господствовал в кругу лиц с превратным половым чувством, начиная с Платона и кончая Ульрихсом. Он опирался на одно место из «Пира» Платона, где сказано: «Нет Афродиты без Эрота. Но есть две богини Афродиты. Старшая произошла без матери, имеет отцом Ураноса и называется поэтому Уранией. Младшая Афродита — дочь Зевса и Дионы и называется Пандемос. Эрота первой Афродиты нужно называть Уранос, второй — Пандемос. Любовь Эрота Пандемоса свойственна обыкновенным людям; Эрот Уранус не имеет женского начала, а только мужское; это — любовь к мальчикам. Кто одержим этой любовью, того влечет к мужскому полу». Из некоторых других мест у классиков можно заключить, что гомосексуальная (ураническая) любовь пользовалась в древности большим уважением, чем ее сестра. В новейшее время целый ряд философов, психологов и естествоиспытателей старались дать объяснение однополому половому чувству.

Самое оригинальное объяснение принадлежит Шопенгауэру («Мир как воля и представление»), который совершенно серьезно полагал, что природа хотела воспрепятствовать старикам (то есть лицам старше 50 лет) иметь детей, так как последние, как известно, нежизнеспособны. Чтобы достигнуть этой цели, природа направила половой инстинкт стариков на

собственный пол! Великий философ и мыслитель, сидя в своем кабинете, не знал, очевидно, что превратное половое влечение обыкновенно является врожденным и что если в старости и встречается педерастия, то это представляет только извращенность полового чувства, а не превратное половое влечение.

Попытку *психологического* объяснения этого примечательного явления сделал Бине; опираясь на Кондильяка, он старается связать этот феномен — аналогично другим психическим странностям —с ассоциацией идей, то есть с ассоциацией представлений с чувствами in statu nasendi (в состоянии зарождения). Талантливый психолог полагает, что в этих случаях недифференцированное половое влечение получает определенное направление вследствие того, что встречается с новым сильным возбуждением, вызываемым взглядом или соприкосновением с лицом собственного пола. Этим создается прочная ассоциация, которая вследствие упражнения все более закрепляется, между тем как первоначальный ассоциативный процесс забывается или остается скрытым. Это воззрение, к которому в последнее время неоднократно прибегали Шренк-Нотцинг и др. для объяснения фактов превратного полового чувства, по-видимому, приобретенного характера, не выдерживает критики. Одних психологических фактов недостаточно для объяснения такого тяжелого дегенеративного явления (см. ниже).

Шевалье (Сексуальная инверсия. Париж, 1893) правильно возражает Бине, что его психологическая гипотеза не объясняет ни фактов раннего появления гомосексуального влечения, то есть появления его задолго до возможностей какой бы то ни было ассоциативной связи между половыми чувствами и представлениями, ни отвращения к лицам другого пола, ни столь частого наступления в очень раннем периоде вторичных половых признаков психического характера. Примечательно, однако, что уже Бине верно подметил, что указанные им ассоциативные процессы возможны лишь у лиц, предрасположенных к этому (у наследственно отягощенных индивидов).

Неудовлетворительны также и те объяснения, которые были даны первоначально врачами и естествоиспытателями. Глей (Revue philosophique, 1884, Janvier) утверждал, что лица с превратным половым влечением имеют женский мозг (!) при мужских половых железах и что вследствие болезненности мозговых отправлений последние определяют половые отправления, между тем как при нормальных условиях половые отправления должны определять мозговые. Маньян (Annales medico-psychologiques, 1885. P. 458) тоже говорит о мозге женщины в организме мужчины, и наоборот. Ульрихс (Memnon,

1868) пытается проникнуть глубже в вопрос и говорит, что «женская душа рождается в мужском теле», чем он и объясняет происхождение врожденной эффеминации. По Мантегацце (указ. соч., 1886, с. 106), у лиц с превратным половым ощущением имеется анатомическая аномалия, а именно нервы, предназначенные для половых органов, по ошибке природы разветвляются в прямой кишке, вследствие чего сладострастные раздражения, исходящие обыкновенно из половых органов, локализуются в этих случаях в прямой кишке. Но подобного рода ошибочной локализации и непоследовательности природа никогда не допускает, как она не помещает в мужское тело женский мозг. Автор этой гипотезы — в других случаях очень тонкий наблюдатель — упустил здесь из виду то обстоятельство, что анальное отверстие или, другими словами, педерастия обыкновенно отталкивает лиц с превратным половым ощущением. Чтобы обосновать свою гипотезу, Мантегацца ссылается на слова одного своего знакомого, выдающегося писателя, который утверждал, что он не знает хорошенько, что доставляет ему большее наслаждение — совокупление или дефекация. Если даже и признать самый факт верным, то он все-таки доказывает лишь то, что у соответствующего субъекта было ненормально понижено чувство сладострастия при половом акте. Кроме того, можно было бы еще предположить, что слизистая оболочка прямой кишки обладала в данном случае эрогенными свойствами.

Бернарда (Уранизм. Берлин, 1882) не нашел (случайно) сперматозоидов в семени пяти лиц, обнаруживавших эффеминацию, а у четырех не оказалось кристаллов спермы; отсюда он делает тот вывод, что «разрешение тысячелетней загадки» заключается в том, что лица с эффеминацией (таких лиц он называет «pathicus») представляют собою «уродов женского пола, не имеющих с мужчиной ничего общего, за исключением только половых органов, иногда, впрочем, недостаточно развитых». Автору, однако, недостает данных вскрытия, которые указывали бы на наличие в этих случаях гермафродитизма.

С другой стороны, он считает активных трибадов (вирагиния и гинандрия) «уродами мужского пола, которые настолько же являются совершенными женщинами в сравнении с пассивными трибадами, насколько активные педикаторы являются совершенными мужчинами».

Попытка объяснить эту аномалию факторами наследственности принадлежит автору этой книги. Исходя из того факта, что нередко и у родителей больных замечаются явления полового извращения, он высказал предположение, что различные формы врожденного превратного полового влечения представляют собой различные ступени наследственной половой аномалии,

идущей от восходящих поколений или развившейся другим каким-либо путем и подчиняющейся закону прогрессивной наследственной передачи.

Все предложенные до сих пор натурфилософские, психологические и вообще умозрительные объяснения не могут считаться удовлетворительными.

Напротив большие надежды можно, по-видимому, возлагать на новейшие исследования, предпринятые с эмбриологической (онто- и филогенетической) и антропологической точек зрения.

Эти исследования впервые предприняты Фрэнком Лидсто-ном (Philadelphia medical and surgical recorder, 1888 September) и Кьернаном (Medical Standard, 1888, November). Они исходят из того факта что низшие животные до сих пор еще представляют двуполую организацию; затем они основываются на предположении что однополая организация вообще развилась из двуполой. Подводя превратное половое влечение под понятие гермафродитизма, Кьернан полагает, что у наследственно отягощенных индивидов могут появляться возвраты к прежним гермафродитическим формам животной жизни — по крайней мере возвраты функционального характера. Он говорит буквально следующее: «Первоначальная двуполость предков рода, проявившаяся в наличии рудиментарных женских органов у мужчины яе могла не найти функционального выхода, при отсутствии органического атавизма, когда на психические или физические проявления накладывали отпечаток болезнь или врожденный недостаток. Представляется несомненным, что функционирующий по-женски мозг может занять мужское тело, и наоборот».

Шевалье (указ. соч., с. 408) тоже исходит из того факта, что в животном царстве первоначально существовала двуполая организация и что у человеческого зародыша существуют сначала зачатки обоих полов.

По его мнению, дифференциация полов с помощью резких физических и психических половых признаков представляет собой результат бесконечно длинного эволюционного процесса. Психофизическая дифференциация полов соответствует высоте процесса эволюции. Каждому отдельному существу приходится проходить все эти ступени эволюции — вначале оно двуполо, но затем в борьбе мужских и женских начал побеждает одна какая-либо сторона и, соответственно современной ступени эволюции, развивается однополый индивид. Но следы другого, побежденного пола сохраняются. При известных условиях эти «скрытые половые признаки», как их называл Дарвин, могут проявить себя, то есть вызвать явления превратной половой организации. Однако, в противоположность Ломброзо и др.,

Шевалье справедливо полагает, что здесь имеет место не возврат к прошлому (атавизм), а нарушение современной ступени эволюции. В этом отношении он присоединяется к мнению Лакассаня.

Развивая дальше эту точку зрения, мы можем установить следующие естественно-исторические и антропологические факты.

1. Половой аппарат состоит из: а) половых желез и органов оплодотворения; б) спинномозговых центров, которые действуют на первые отчасти угнетающим, отчасти возбуждающим образом; в) мозговых областей, в которых сосредоточена психическая сторона половой жизни.

Так как зачатки для а) являются первоначально двуполыми, то естественно предположить то же для б) и в).

2. Природа на современной стадии развития имеет тенденцию создавать однополых индивидов; при этом эмпирический закон гласит, что в нормальных случаях мозговые центры развиваются в соответствии с половыми железами. (Закон гомологического полового развития.)

3. Это уничтожение зачатков противоположного пола не является еще в настоящее время абсолютным. Подобно тому как processus vermiformis (червеобразный отросток) в кишечной трубке указывает на прежние ступени организации, точно так же и в половом аппарате, совершенно независимо от гермафродитических уродств (являющихся следствием отчасти усиленного развития, отчасти задержки развития половых ходов и *наружных* половых органов), мы находим как у мужчины, так и женщины остатки, указывающие на первоначальную онто- и филогенетическую двупол ость.

У мужчины таковыми остатками является utriculus masculinus (остаток Мюллеровых ходов, «мужская маточка», синоним семенного бугорка), далее грудные соски, у женщины — paroophoron (пережиток первоначальной почечной части Вольфовых тел, придатки яичников) и epoophoron (остаток Вольфовых ходов и аналог мужского придатка). Кроме того, Бейгель, Клебс, Фюрст и др. нашли у женщины в боковых стенках матки остатки Вольфовых тел в форме так называемых Гартнеровых каналов; у жвачных животных это является обычным. Эти факты подкрепляют предположение о существовании также в мозгу двуполых зачатков половой системы.

4. Кроме того, в пользу такого предположения говорит еще

масса клинических и антропологических фактов.

Напомню только о существовании индивидов с преобладающими физическими и психическими чертами противоположного пола (мужчины с женскими признаками и женщины с мужскими), далее укажу на приобретение женских черт мужчинами с удаленными яичками (евнухами) и мужских черт женщинами, у которых в детском возрасте удалены яичники, на появление так называемого вирагинизма (маскулинности) при преждевременном климаксе и даже на развитие в этих случаях второго пола.

Замечательное наблюдение последнего рода, когда под влиянием преждевременного климакса исчезла женственность и развилась новая (противоположная) половая жизнь, любезно сообщил мне профессор Кальтенбах.

Он обратился ко мне 17 февраля 1892 г. с просьбой дать заключение по поводу одной 30-летней женщины, вышедшей два года назад замуж и имевшей раньше крайне неправильные регулы. С марта 1891 г. регулы прекратились.

С июня 1891 г. неожиданно наступает ряд явлений, соответствующих периоду половой зрелости у мужчин, а именно рост бороды, потемнение волос на голове, бровей и усиленное развитие их на груди и животе, как у мужчины.

Усиленная деятельность потовых и сальных желез. На груди, спине и лице сильное развитие прыщей, между тем как раньше покровы, напротив, имели классическую чистоту и гладкость. Изменение голоса — раньше красивое сопрано, теперь так называемый «лейтенантский голос». Общее выражение лица изменилось. Точно так же изменился и весь внешний вид: грудь стала шире, талия исчезла, живот тучный, совершенно мужской, шея короткая, плотная. Нижняя часть лица короткая, грудные железы мужские, плоские. Изменения в психике: прежде тихая и покорная больная сделалась энергичной, неуступчивой, отчасти придирчивой. С самого начала брачной жизни не испытывала никаких адекватных половых ощущений, однако не было также и превратных ощущений.

В половых органах происходит также ряд в высшей степени интересных изменений. Таким образом, молодая женщина во многих отношениях превратилась в мужчину.

Я дал об этом случае следующее заключение.

«Преждевременный климакс с исчезновением прежней женской половой организации. Развитие физических и психических признаков бывшей до того в скрытом состоянии мужской

организации. Интересный пример наличия зачатков обоих полов и возможности скрытого существования другого пола, при невыясненных, однако, доселе условиях». К сожалению, я ничего не мог узнать о дальнейших метаморфозах этого случая, а также о том, имелась ли здесь невропатическая наследственность.

Сюда же относятся наблюдения 134 и 135 настоящего сочинения; там на почве тяжелого наследственного предрасположения, под влиянием присоединившейся тяжелой неврастении развилось превращение пола; однако в этих случаях дело дошло лишь до изменений психических половых признаков в сторону другого пола, между тем как физические признаки были лишь намечены.

5. Указанные явления превратной половой организации встречаются, по-видимому, только у индивидов с *органической наследственностью.* У людей с нормальной организацией остается в силе закон однополого развития, гомологичного половым железам. То, что мозговой центр развивается под влиянием особых условий, независимо от периферических половых органов и половых желез, доказывают случаи гермафродитизма. Если речь идет о ложном гермафродитизме, то остается в силе указанный закон однополого, гомологичного половым железам развития; только при истинном гермафродитизме наблюдается как в физической, так и в психической сфере одновременное развитие обоих центров; вследствие этого происходит нейтрализация половой жизни вплоть до полной асексуальности и развивается тенденция к проявлению и смешению телесных и психических признаков обоих полов.

Однако гермафродитизм и превратное половое ощущение, как таковое, не имеют между собой ничего общего. Это видно из того, что гермафродит (на практике приходится иметь дело только с ложным гермафродитизмом) подчиняется указанному выше закону эволюции и не представляет признаков превратного полового ощущения и что, наоборот, при превратном половом ощущении никогда еще не наблюдалось анатомического гермафродитизма. Это объясняется различием тех условий, при которых наступает, с одной стороны, повреждение центральных (мозговых) частей полового аппарата, а с другой — повреждение периферических частей.

Перечисленные факты дают, по-видимому, достаточно материала для того, чтобы объяснить с естественно-исторической и антропологической точек зрения явление превратного полового ощущения.

Последнее представляет нарушение эмпирического закона,

согласно которому мозговой центр является однородным с половыми железами (гомосексуализм), а может быть и нарушение другого закона — об однополой организации индивида (психический гермафродитизм). В первом случае из зачатков обоих полов побеждает не тот, который предназначен к развитию, а другой, противоположный по своему характеру половым железам.

Во втором случае победа не достается ни одному из двух центров, и тенденция однополого развития проявляется в том, что один центр доминирует над другим, причем доминирующим оказывается обыкновенно центр противоположного пола. Это тем более примечательно, что в таких случаях этот центр не имеет соответствующих половых желез и вообще не опирается ни на какой периферический половой аппарат, — лишнее доказательство в пользу того, что мозговой центр автономен и развивается независимо от половых желез.

В первом случае мы должны предположить, что центр, предназначенный к борьбе за свои права, имеет очень слабые зачатки, что и проявляется обыкновенно в слабом развитии полового влечения и в недостаточно выраженных физических и психических половых признаках.

Во втором случае ни один из центров не обладает достаточной силой для победы.

Это нарушение законов природы нужно с антропологической и клинической точек зрения рассматривать как явление дегенерации. И действительно, во всех наблюдавшихся до сих пор случаях превратного полового ощущения можно было установить наличие невропатического предрасположения, но большей частью наследственного характера.

На чем основан фактор предрасположения и как объясняется его действие, — на эти вопросы современная наука ответить не в состоянии.

Аналогичных явлений у невропатических субъектов можно найти много. Вредные моменты, по-видимому, обнаруживающиеся еще в зародышевом состоянии организма, нарушают процесс физической и психической эволюции и вызывают массу разнообразных проявлений недостаточного или извращенного развития (анатомические и функциональные признаки физического и психического вырождения).

Но превратное половое ощущение представляет только одно из наиболее резких явлений недоразвития душевных и телесных половых признаков (см. выше); наряду с ним существует еще много других подобных же явлений, так что можно

сформулировать следующее положение: чем менее выражены у того или иного индивида психические и физические половые признаки, тем дальше отстоит он от современной ступени развития, достигнутой путем бесконечной эволюции в ряду тысячелетий и приведшей к созданию совершенного однополого типа.

Мозговой центр обслуживает психические, а косвенно также и физические половые признаки. На различных ступенях врожденной превратной половой организации мы видим и различную интенсивность патологического предрасположения.

То же самое нужно сказать и о тех явлениях полового извращения, которые развиваются лишь в более позднем возрасте («привитое» половое извращение, «recte tardive»). Без патологического предрасположения человек никогда не приобретет превратного полового ощущения, сколько бы он ни занимался онанизмом или развратом с лицами собственного пола. Как только эти внешние влияния прекращаются, так он возвращается к нормальному способу полового удовлетворения. Иначе дело обстоит у человека наследственно отягощенного, у которого психосексуальный центр обладает слабой организацией, то есть не снабжен достаточной силой и не одержал еще победы в борьбе. В таком случае всевозможные психические и физические вредности, в особенности же неврастения, в состоянии нарушить его слабую неустойчивую половую организацию, бывшую, однако, до того в полном соответствии с его половыми железами: сначала он делается двуполым в психическом отношении, затем однополым в смысле противоположного пола, и, наконец (при возникновении физических и психических половых признаков, указывающих на победу противоположного центра и на подавление первоначального центра), дело доходит до эвирации или дефеминации. Каким образом неврастения может дать толчок к развитию превратного полового чувства, это я пытался показать выше.

ПРЕВРАТНОЕ ПОЛОВОЕ ЧУВСТВО ВРОЖДЕННОГО ХАРАКТЕРА У МУЖЧИН

Приемы, с помощью которых урнинги-мужчины достигают полового удовлетворения, очень разнообразны.

Некоторые индивиды, обладающие тонкими чувствами и сильной волей, подавляют в себе свои влечения, подвергая себя при этом, однако, опасности нервного (неврастенического) или душевного заболевания вследствие вынужденного воздержания. Другие предаются онанизму по тем же основаниям, по которым и неурнинги избегают нередко полового акта.

У урнингов с врожденной или развившейся под влиянием онанизма раздражительностью нервной системы (раздражительная слабость эякуляционного центра) бывает достаточно одних объятий или ласк — с одновременным ощупыванием половых органов или даже без этого — для того, чтобы вызвать семяизлияние и получить таким образом половое удовлетворение. У индивидов с не столь сильной раздражительностью половой акт сводится к мастурбации со стороны любимого лица, или к взаимному онанизму, или же к подражанию половому акту между бедрами. У нравственно извращенных и потентных, что касается эрекций, урнингов половое влечение удовлетворяется иногда и путем педерастии — приема, который индивидов нравственно нормальных обычно настолько же отталкивает, как и мужчин, удовлетворяющих свое половое чувство нормальными сношениями с женщинами. Примечательно утверждение урнингов, будто адекватный для них половой акт с лицами собственного пола доставляет им большое удовлетворение и дает чувство силы и бодрости, между тем как удовлетворение с помощью одиночного онанизма или вынужденного полового акта с женщиной резко ослабляет их и усиливает их неврастенические припадки.

Относительно частоты этой аномалии трудно составить себе ясное представление, ибо страдающие ею лица очень редко делаются объектом наблюдения, а в уголовных случаях обычно не делают различия между урнингами, сделавшимися таковыми вследствие извращения полового чувства, и между педерастами из среды просто безнравственных лиц. Согласно наблюдениям Каспера, Тардье и моим, эта аномалия в действительности встречается гораздо чаще, чем это кажется на основании скудных фактических данных.

Ульрихс (Критические стрелы. 1880, с. 2) утверждает, что в среднем на 200 взрослых мужчин с нормальным половым влечением (другими словами, на 800 душ населения) приходится один с превратным половым ощущением; у венгров и южных славян процент, по его мнению, еще выше. Это утверждение требует, однако, доказательств. Один из больных, вошедших в мою фактологию, лично знал 14 урнингов в своем родном городе (с 13 тыс. жителей). Он утверждал, что в другом городе с 60 тыс. жителей ему известно не менее 80 урнингов. Нужно, однако, думать, что этот больной — в общем, человек, заслуживающий доверия, — не делал различия между врожденным и приобретенным извращением полового чувства.

1. *Психический гермафродитизм*

Эта ступень превратного полового ощущения характеризуется тем, что наряду с ясно выраженным половым влечением к собственному полу замечается также и влечение к другому

полу; последнее, однако, гораздо слабее и появляется лишь время от времени, между тем как первое является главным и преобладающим по своей интенсивности ощущением всей половой жизни.

Нормальные половые ощущения могут либо оставаться в рудиментарном состоянии, проявляясь иногда в периоды бессознательной жизни (во сне), либо давать себя знать в очень сильной степени (по крайней мере по временам).

Половые ощущения по отношению к другому полу могут укрепляться силой воли, самовоспитанием, нравственным и гипнотическим лечением, улучшением общего состояния организма, устранением неврозов (неврастении), главным же образом воздержанием от мастурбации.

Всегда, однако, существует опасность, что наиболее сильное предрасположение — именно предрасположение к ощущениям другого пола — возьмет верх и что в конце концов разовьется превратное половое влечение.

Особенно увеличивается эта опасность под влиянием мастурбации (так же, как и при приобретенном превратном половом ощущении) и обусловливаемой ею неврастении, при усилении неврастенических проявлений, а также под влиянием неудач при половых сношениях с лицами другого пола (недостаточное удовольствие при совокуплении, слабость эрекции, преждевременная эякуляция, инфекция).

С другой стороны, эстетическое и этическое влечение к лицам другого пола может давать перевес нормальным половым ощущениям.

Этим объясняется, почему некоторые субъекты, в зависимости от перевеса положительных или отрицательных влияний, испытывают то нормальные, то превратные половые ощущения.

Мне представляется вероятным, что там, где имеется невропатическая почва, подобного рода гермафродитические ощущения встречаются нередко[1]. Но так как подобные случаи мало или вовсе не проявляют себя в общественной жизни и так как подобные тайны супружеской жизни лишь крайне редко доходят до сведения врача, то вполне понятно, почему эта переходная группа, стоящая посредине между нормой и полным половым извращением, до сих пор оставалась в стороне от научного исследования.

Некоторые случаи фригидности имеют, вероятно, в основе эту аномалию. Сами по себе сношения с лицами другого пола вполне возможны. Во всяком случае, на этой ступени еще нет

страха перед другим полом. Для врачебного и в особенности нравственного лечения эти случаи представляют благодатное поле (см. ниже).

Дифференциальный диагноз приобретенного превратного полового ощущения может быть довольно труден, ибо до тех пор, пока остатки прежнего нормального полового ощущения не исчезли вполне, и в том и другом случае налицо одинаковое состояние.

На этой ступени удовлетворение влечения к собственному полу достигается пассивным и взаимным онанизмом и половым актом между бедрами.

Наблюдение 139. Ц., 36 лет, частное лицо, обратился ко мне за советом по поводу аномалии своего полового чувства, которая внушала ему опасение за возможность вступления в брак. Отец пациента — невропатический субъект, страдающий ночным испугом. Дед также отличался нервностью, брат отца — идиот. Мать пациента и ее семья были здоровы и нормальны в психическом отношении.

У пациента три сестры и один брат. Последний страдает нравственной ущербностью. Две сестры здоровы и живут в счастливом браке.

Пациент был слабым, нервным ребенком, страдавшим, как и его отец, ночным испугом, тяжелых болезней у него, однако, не было, за исключением коксита, после которого он немного хромает. Половое влечение проснулось очень рано. С 8 лет без всякого внешнего влияния пациент начал мастурбировать. С 14 лет начал выделять семя. У него были хорошие умственные способности, он обнаруживал большой интерес к искусству и литературе. С раннего детства он отличался слабостью мышц и не обнаружил склонности к играм мальчиков, а впоследствии и к мужским занятиям. У него был некоторый интерес к женским туалетам, нарядам, занятиям. С самого начала половой зрелости пациент заметил в себе необъяснимую склонность к мужчинам. В особенности были ему симпатичны мальчики ю низших классов. Больше всего привлекали его кавалеристы. Сильное половое возбуждение он нередко испытывал при виде человека, сидящего в седле. Когда однажды в толпе он оказался близко от него, то испытал наслаждение; с 22 лет подобгые случаи вызывали у него эякуляцию. С этого времени такое же происходило с ним, когда тот, кто нравился ему, мог коснуться его бедра. При этом он испытывал опасение перед тем, что могла причинить ему мужская рука. С большим волнением и страхом смотрел он на людей плебейского вида, одетых в темные плотно обтягивающие брюки. Какой радостью было бы, если такой мужчина мог бы обнять его и привлечь к себе. Но

отечественные нравы запрещали делать это. Педерастия ему не нравилась; самое большое удовольствие было от созерцания мужских половых органов. Соприкосновение мужских гениталий всегда рассматривалось как насилие[1]. В театре, цирке и т. д. его интересовали только исполнители-мужчины. Склонности к женщинам пациент никогда в себе не замечал. Он их не избегает, даже при случае танцует с ними, но при этом не ощущает ни малейшего чувственного возбуждения.

В 28 лет пациент уже был неврастеником, вероятно, на почве злоупотребления мастурбацией.

Затем появились частые ночные поллюции, сильно ослаблявшие больного. Изредка поллюции эти сопровождались видением во сне мужчин; женщины не снились ему никогда. Только один раз приснился ему педерастический акт. Обыкновенно же ему снились сцены смерти, нападения собак и пр. Как и раньше, пациент продолжал страдать усиленным половым влечением. Часто ему приходили в голову сладострастные мысли, будто он наслаждается на бойне видом умирающих животных или что его секут мальчики, однако он не поддавался этим соблазнам и удержался также от того, чтобы надеть военный мундир.

Чтобы избавиться от мастурбации и удовлетворить свое чрезмерное влечение, он решил посетить публичный дом. Первую попытку полового сношения с женщиной он сделал после обильной выпивки на 21-м году жизни. Красота женского тела и вообще все женские прелести нисколько его не трогали. Все-таки он мог еще выполнять половой акт с чувством удовольствия и посещал поэтому дома терпимости регулярно из «гигиенических соображений».

С этих пор ему доставляло большое удовольствие слушать рассказы мужчин про их похождения у женщин.

В домах терпимости ему часто приходили в голову идеи флагелляции, но эти образы не составляли необходимого условия для потентности. На посещение проституток он смотрел лишь как на средство отвлечь себя от стремления к мужчинам и к мастурбации, как на своего рода предохранительный клапан, для того чтобы не скомпрометировать себя когда-либо перед кем-нибудь из симпатичных ему мужчин.

Пациент не прочь был жениться, но боялся, что не будет способен к продолжительной любви и что с одной и той же женщиной он не сохранит на долгое время потентность. Эти колебания заставили его обратиться за советом к врачу.

Пациент представляет в высшей степени интеллигентного человека с вполне выраженными мужскими чертами. В одежде и

осанке у него нет ничего странного. Половые органы развиты нормально, густо покрыты волосами. На лице также богатая растительность. Никто из окружающих больного и его знакомых не подозревает об его аномалии. Воображение никогда не рисовало ему, чтобы он играл роль женщины по отношению к мужчине. Уже несколько лет как неврастенические расстройства совершенно оставили его.

На вопрос, не является ли его превратное половое ощущение врожденным, он не мог ответить. По-видимому, уже с детства склонность к женщине была у него выражена слабо, а склонность к мужчине, напротив, сильно. Онанизм еще более ослабил первую, усилив его превратное половое ощущение. Однако совершенно влечение к женщине у него не исчезло. С прекращением мастурбации его половые ощущения приблизились к нормальным, хотя влечение к женщине и имело у него исключительно грубо чувственный характер.

Так как пациент объяснил, что деловые и семейные соображения заставляют его жениться, то врачу нельзя было обойти молчанием этот щекотливый вопрос.

К счастью, пациент ограничился вопросом о своей потентности. Ему был дан ответ, что он, в сущности говоря, не импотент и что если он женится по собственному выбору на женщине, которая ему в духовном отношении симпатична, то он, вероятно, будет потентным и в будущем.

Кроме того, при помощи фантазии он может всегда усиливать свою потентность.

Главная же задача заключается в том, чтобы укреплять половое влечение к другому полу — влечение, которое у него не отсутствует, но находится только в угнетенном состоянии. Этого можно достигнуть воздержанием от всяких превратных половых чувств и импульсов, прибегая в случае надобности и к гипнотическому внушению (направленному против полового влечения к мужчинам); далее, необходимо возбуждать и поддерживать нормальные половые чувства и влечения, абсолютно воздерживаться впредь от онанизма и лечить остатки неврастенических расстройств при помощи гидротерапии, а может быть, и общей фарадизации.

Наблюдение 140. В., 26 лет, служащий, происходит от отца-ипохондрика и от психопатической матери. Одна сестра отличается превратным половым влечением, четверо остальных братьев и сестер здоровы.

В. хорошо учился, был очень даровит, получил образцовое строго религиозное воспитание, всегда был нервен,

экспансивен. В 9 лет без всякого внешнего влияния стал заниматься онанизмом, но уже на 14-м году узнал его вредность и с некоторым успехом боролся с ним. В 14 лет он начал мечтать о мужских статуях, а иногда и о молодых мужчинах. Начиная с периода половой зрелости он стал интересоваться и женщинами, но в незначительной степени. В 20 лет первое совокупление с женщиной без настоящего удовлетворения, несмотря на полную потентность. Затем еще несколько (около 6) нормальных половых сношений.

Сознается, что имел множество сношений с мужчинами (взаимная мастурбация, половой акт между бедрами, иногда также в рот)- По отношению к своему возлюбленному он чувствовал себя то в пассивной, то в активной роли.

В. явился к врачу в полном отчаянии, рыдая. Его половая аномалия приводит его в ужас, он боролся с нею чуть не до умопомешательства, но безуспешно. Его положительно тянет к мужчинам. Женщина может еще несколько удовлетворить его в физиологическом отношении, но духовно — нисколько. При всем том он жаждет семейного счастья.

В характере и внешности В. не имеет никаких немужских черт, за исключением ненормально широкого таза (ок. 100 см).

Наблюдение 141. К., 30 лет, происходит из семьи, где со стороны матери было много душевнобольных.

Отец и мать невропатические люди, отличались раздражительностью, вспыльчивостью и были очень несчастны в браке.

С раннего детства К. чувствовал симпатию только к мужчинам, главным образом к слугам.

Поллюции начались уже с 14 лет. Рано стали появляться сновидения с превратным половым влечением. Описания боя быков и других истязаний животных вызывали у него половое возбуждение.

В 15 лет он стал онанировать по собственному влечению, без соблазна со стороны. В 21 год начал половые сношения с мужчинами (исключительно взаимный онанизм). Стал часто прибегать к аферам, сопровождаемым шантажом. Время от времени психический онанизм. При этом он всегда думал о мужчинах.

Его влечение к женщинам было скоропреходящим. Год тому назад его побуждали жениться, но он не мог на это решиться.

Половой акт с женщиной он до сих пор еще ни разу не предпринимал отчасти вследствие недоверия к своей потентности, отчасти из боязни заражения.

Уже несколько лет он страдает сильной неврастенией, временами дело доходит до полной психической прострации. Он человек со слабой волей, без энергии, но во внешности и в строении тела не представляет ничего женского. Половые органы нормальны.

Пациенту предложено: лечение неврастении, энергичное противодействие всем превратным половым побуждениям, пребывание в женском обществе, сношение с презервативом, затем возможно скорое вступление в брак, к которому пациента побуждало и его жизненное положение.

Через 4 месяца К. явился вторично. Он исполнял все врачебные предписания, имел удачные совокупления, видит во сне только женщин, мужчины из низших классов вызывают в нем отвращение, в общем, он все-таки не потерял окончательно чувствительности к собственному полу, и во время сирокко, когда его неврастения обостряется, ему приходится еще подавлять в себе превратные половые побуждения.

Он думает скоро жениться, счастлив по поводу происшедшей в его половой жизни перемены и полон веры в счастливое будущее.

Наблюдение 142. Психический гермафродитизм. Влечение к другому полу подавлено очень рано онанизмом, временами оно, однако, с силой проявляется. Влечение к собственному полу носило с самого начала извращенный характер (чувственное возбуждение при виде мужских ботинок).

X., 28 лет, явился ко мне в сентябре 1887 г. полный отчаяния и просил совета по поводу извращения его половой жизни, которое делает его существование совершенно невыносимым и не раз уже приводило его к мысли о самоубийстве.

Пациент происходит из семьи, где неврозы и психозы составляли частое явление. По отцовской линии в продолжение трех поколений происходили браки между близкими родственниками. Отец, по-видимому, был здоров и счастлив в браке. Сыну казалось, однако, несколько странным пристрастие отца к красивым лакеям. С материнской стороны в семье было много оригиналов. Прадед и дед матери умерли меланхоликами, сестра ее была душевнобольная. Одна племянница деда (дочь его брата) была истеричкой и страдала нимфоманией. Мать имела 11 братьев и сестер, из них, кроме нее самой, вступили в брак только двое. Один брат отличался превратным половым

влечением и был неврастеником вследствие неумеренной мастурбации. Мать, по словам больного, была ханжой с ограниченным умом, отличалась вспыльчивостью и склонностью к меланхолии. Она умерла, когда пациенту было 14 лет.

У пациента есть брат и сестра. Брат — невропатический субъект, часто впадающий в меланхолию; несмотря на то что он уже взрослый человек, он до сих пор еще никогда не обнаруживал признаков половых ощущений. Сестра — известная красавица — кумир мужчин. Дама эта замужем, но не имеет детей, по-видимому, вследствие импотенции мужа. К почитанию, которым ее окружали мужчины, она всегда относилась равнодушно, напротив, женская красота приводила ее в восхищение; в одну из своих подруг она была прямо влюблена.

О самом себе пациент сообщает, что уже в 4 года его очень прельщали конюхи с красиво вычищенными сапогами. Когда он вырос, он никогда не думал о женщинах. Ночные поллюции вызывались у него сновидениями, в которых главную роль играли сапоги.

С 4 лет он чувствовал особенную склонность к мужчинам или, вернее сказать, к лакеям, носившим хорошо вычищенные сапоги. Вначале они были ему только симпатичны, но по мере развития полового чувства вид их стал вызывать у него сильнейшие эрекции и сладострастное возбуждение. Возбуждали его блестящие сапоги только у слуг. У лиц, равных ему по общественному положению, тот же предмет оставлял его совершенно равнодушным.

Однако с этими представлениями у него не связывалось стремление к половой любви к мужчинам. Даже мысль о возможности такой любви казалась ему отвратительной. Временами у него появлялись сладострастные ощущения, когда он представлял себе, что он прислуживает своим лакеям, снимает и чистит у них сапоги или что они наступают на него ногами. Подобными мыслями возмущалась вся его аристократическая гордость. Вообще все эти идеи, связанные с сапогами, были ему противны и мучительны.

Половое чувство развилось у него рано и сильно. Сначала оно находило выражение в мыслях о сапогах, а затем в таких же сновидениях, сопровождавшихся поллюциями.

В остальном его физическое и духовное развитие совершалось нормально. Пациент был одарен хорошими способностями, легко учился, кончил курс, сделался офицером и стал благодаря своей представительной, вполне мужской наружности и высокому положению любимцем общества.

Сам он считает себя добрым, спокойным человеком, обладающим сильной волей, но поверхностным. Он уверяет, что всегда был страстным охотником и наездником и никогда не имел никакого влечения к женским занятиям. В женском обществе он всегда чувствовал смущение, на балах скучал. Никогда он не ощущал в себе интереса к даме из высшего класса общества. Если его вообще интересовали когда-либо женщины, то это были здоровые крестьянские девушки, — такие, каких выбирали в натурщицы живописцы в Риме. Но действительного полового возбуждения он все-таки никогда не испытывал по отношению к подобным представительницам женского пола. В театре и в цирке он чувствовал интерес только к исполнителям-мужчинам. Но чувственного возбуждения и они не вызывали. Вообще в мужчине его привлекали только сапоги, и то лишь тогда, когда носитель их принадлежал к слугам и был красив. Равные ему по общественному положению лица оставляли его совершенно равнодушным, какие бы красивые сапоги они ни носили.

В своих половых склонностях пациент и до сих пор еще не может разобраться: он не знает, питает ли он больше симпатии к собственному полу или к другому.

Он думает, что первоначально у него скорее было влечение к женщинам, но влечение во всяком случае очень слабое. Он категорически утверждает, что вид обнаженных мужчин ему несимпатичен, а вид мужских половых органов даже противен. Относительно женщин он не испытывал таких ощущений, но даже самое красивое женское тело не вызывало в нем возбуждения. Когда он был молодым офицером, ему приходилось время от времени сопровождать своих товарищей в публичные дома. Он не заставлял себя долго уговаривать, так как надеялся этим путем избавиться от преследовавших его мыслей о сапогах. Но пока он не призывал на помощь эти самые мысли, то оставался импотентным. С их же помощью он нормально совершал акт совокупления, не получая, однако, при этом никакого удовольствия. Он не испытывал ни малейшего влечения к сношениям с женщинами, для этого требовался какой-нибудь внешний повод, внешнее влияние. Предоставленная самой себе его половая жизнь сводилась к грезам о сапогах и к подобным же сновидениям с поллюциями. Так как вместе с тем у него усиливалось желание целовать у своих лакеев сапоги, надевать их им и т. д., то он решил сделать все возможное, чтобы избавиться от этого отвратительного, глубоко оскорбительного для него влечения. Ему было тогда 20 лет, и он жил в Париже; он вдруг вспомнил об одной удивительно красивой крестьянской девушке, которую он видел на своей далекой родине. Он надеялся, что с ее помощью ему удастся избавиться от своего извращенного полового влечения. И вот он немедленно едет домой и начинает домогаться любви

этой девушки. Он уверял, что в то время был действительно влюблен в нее, что один вид ее, одно прикосновение к ее платью вызывало в нем сладострастную дрожь, и что, когда она его однажды поцеловала, у него сделалась сильная эрекция. Только через полтора года он достиг наконец своей Цели по отношению к этой девушке.

Он был вполне потентным, но эякулировал очень медленно (10—20 мин) и не ощущал никакого удовольствия.

После полутора лет сношений с девушкой он охладел к ней, так как не нашел в ней той «деликатности и чистоты», какую ожидал. С этого времени, чтобы сохранить потентность в сношениях с этой девушкой, ему снова пришлось прибегать к своим представлениям о сапогах. По мере того как падала его потентность, возвращались к нему само собой и эти представления. В конце концов он стал жить и с другими женщинами. Время от времени, когда та или другая женщина была ему симпатична, он обходился и без своих болезненных представлений о сапогах.

Однажды случилось, что пациент изнасиловал женщину. К его удивлению, это было единственное совокупление, когда он ощущал чувство сладострастия. Вслед за этим поступком он почувствовал отвращение к сделанному. Когда час спустя он имел акт совокупления с той же женщиной, но уже с ее согласия, он никакого сладострастного ощущения не получил.

По мере того как падала его потентность и ему приходилось все чаще и чаще прибегать к представлениям о сапогах, ослабевало и его влечение к другому полу. Слабое развитие полового влечения и склонности к женщинам сказывалось у пациента, между прочим, в том, что еще в период своих сношений с крестьянской девушкой он прибегал к онанизму. О последнем он узнал из случайно попавшей ему в руки «Исповеди» Руссо. Влечение к онанизму тотчас же связалось у него с его представлениями о сапогах. При этих представлениях он получал сильные эрекции, мастурбировал, ощущал при эякуляции чувство сладострастия, которого не давал ему половой акт, и вначале чувствовал себя в результате мастурбации более живым и возбужденным. С течением времени появились, однако, признаки сначала половой, а затем и общей неврастении с раздражением спинного мозга. Тогда он отказался от мастурбации и снова разыскал свою прежнюю возлюбленную. Но она уже не вызывала в нем никакого возбуждения, так что в конце концов перестали помогать и представления о сапогах. Он бросил свою возлюбленную и снова обратился к мастурбации, которая, по его мнению, защищала его от навязчивых стремлений целовать или чистить сапоги у лакеев и пр. Тем не менее его половая жизнь была для него

мучительна. Случайно ему снова удалось совершить половой акт при помощи представлений о блестящих, вычищенных сапогах. После продолжительного воздержания от мастурбации ему удавалось иногда совершить совокупление и без всяких искусственных средств.

Пациент считает свою половую потребность очень сильной. Если он долго не имеет семяизлияния, то делается возбужденным, беспокойным, его начинают преследовать мысли о сапогах, так что он бывает вынужден прибегать либо к совокуплениям, либо, что предпочтительнее, к мастурбации.

В последний год его самочувствие значительно ухудшилось вследствие того, что, будучи последним потомком богатого и знатного рода, он должен был, согласно настоятельному желанию отца, жениться. Невеста его — замечательная красавица - духовно ему очень симпатична. Но как женщина она для него столь же безразлична, как и все женщины. Она удовлетворяла его эстетически, как какое-либо произведение искусства. Она была для него идеалом. Чтить ее платонически он считал бы великим счастьем, но обладать ею как женщиной было бы для него мучением. Он был заранее уверен, что будет с нею потентным только при помощи своих обычных болезненных представлений. Но прибегать к такого рода приемам казалось ему оскорбительным при том высоком уважении, каким она пользовалась в его глазах; против этого возмущалось его нравственное и эстетическое чувство. Если он осквернит ее мыслями о сапогах, то она потеряет в его глазах свою эстетическую ценность, он сделается импотентным по отношению к ней и будет чувствовать к ней отвращение. Пациенту кажется его положение безнадежным, и он сознается, что в последнее время он нередко был близок к самоубийству.

Пациент представляет собою высокоинтеллигентного человека. Внешний вид вполне мужской: большая борода, глубокий голос, нормальные половые органы. Глаза имеют невропатическое выражение. Признаков дегенерации не обнаружено. Имеют место проявления спинномозговой неврастении. Мне удалось успокоить пациента и внушить ему надежды на будущее.

Врачебные предписания сводились к назначению средств для борьбы с неврастенией, к запрещению заниматься онанизмом и предаваться мыслям о сапогах. Я убедил пациента, что с устранением неврастении он будет в состоянии совершать совокупление без помощи представлений о сапогах и что он с течением времени будет вполне способен к браку и в моральном, и в физическом отношениях.

В конце октября 1888 г. пациент писал мне, что он все время успешно боролся с привычкой к онанизму и со своими

болезненными представлениями. За все время ему только раз снились сапоги, поллюций почти не было. Превратных половых ощущений нет, однако сношения с женщинами, несмотря на сильное половое возбуждение, не сопровождаются никакими сладострастными ощущениями. В этом роковом состоянии он принужден был через три месяца жениться.

2. *Лица с влечением к собственному полу, или урнинги (гомосексуалисты)*

В противоположность группе психосексуальных гермафродитов мы встречаем у урнингов врожденное половое влечение исключительно к лицам того же пола. Отличие от следующей группы заключается в том, что здесь аномалия ограничивается исключительно половой жизнью и не распространяется на характер и на всю психическую личность.

Половая жизнь урнингов mutatis mutandis (с известными оговорками) совершенно та же, что и у нормальных в половом отношении людей, но так как половые ощущения у них как раз противоположны нормальным, то они приобретают карикатурный характер, тем более что подобные индивиды одержимы обыкновенно и половой гиперестезией, так что их любовь к собственному полу носит страстный, пылкий характер.

Урнинг любит и боготворит любимого мужчину точь-в-точь так же, как влюбленный мужчина свою возлюбленную. Он готов на величайшие жертвы для своего возлюбленного, испытывает мучения, если не встречает взаимности, страдает от измены, ревнует и т. д.

Мужелюбивый мужчина обращает свое внимание исключительно на танцоров, артистов, атлетов, на мужские статуи и пр. Женские прелести для него безразличны или даже противны. Голая женщина его отталкивает, между тем как вид мужских половых органов, бедер и т. д. доставляет ему блаженство.

Физическое прикосновение к симпатичному мужчине вызывает в нем радостную дрожь, а так как подобные индивиды от рождения, вследствие или онанизма, или вынужденного воздержания обычно страдают половой неврастенией, то при этом дело легко кончается семяизлиянием, которое, однако, не наступает при самом тесном общении с женщиной или же наступает только при механическом раздражении. Половой акт с мужчиной в каком угодно виде доставляет урнингу наслаждение и оставляет после себя чувство удовлетворения. Если урнингу удается принудить себя к совокуплению, то он чувствует себя при этом как человек, которого заставили съесть или выпить что-либо отвратительное. При этом чувство

отвращения обычно действует задерживающим образом и делает самый акт невозможным. Тем не менее опыт показывает, что лица, стоящие на этой второй ступени превратного полового влечения, нередко вступают в брак — по этическим или социальным соображениям.

Относительную потентность подобные несчастные мужья приобретают во время сношений путем возбуждения своей фантазии, которая рисует им вместо жены любимого мужчину.

При всем том акт совокупления является для них тяжелой жертвой, не доставляет им никакого удовольствия и оставляет после себя на несколько дней чувство страдания и нервной слабости. Если при помощи большого напряжения фантазии, употребления возбуждающих спиртных напитков, вызывания эрекций наполнением мочевого пузыря и т. д. им не удается нейтрализовать задерживающие чувства и представления, то они остаются совершенно импотентными, между тем как одно только прикосновение к мужчине вызывает у них сильнейшую эрекцию и даже семяизлияние.

Танцевать с женщиной урнингу неприятно, напротив, танцы с мужчиной, в особенности с таким, который им нравится своей наружностью, доставляют величайшее наслаждение.

Урнинг-мужчина, обладающий более высоким образованием, не уклоняется от платонических, неполовых сношений с женщинами, поскольку последние интересны своим умом, пониманием искусства и высказываниями. Его отталкивает только женщина в ее половой роли.

На этой ступени полового вырождения характер и занятия остаются в соответствии с тем полом, каким обладает урнинг. Половое извращение остается аномалией изолированной, однако глубоко изменяющей социальное существование личности. Соответственно этому больной при половом акте в любом его виде чувствует себя в той роли, какая ему принадлежит при нормальных половых отношениях.

Переходные формы к следующей, третьей группе встречаются постольку, поскольку у больных появляется желание быть в той половой роли, которая соответствует их ненормальному половому ощущению, они мечтают наяву или во сне о такой роли, и у них появляются склонности и вкусы, не соответствующие представляемому ими полу. В некоторых случаях создается впечатление, что подобные явления составляют искусственный продукт педагогических влияний, в других, что здесь имеется более глубокая степень дегенерации, приобретенная из-за извращенной половой деятельности (онанизма), аналогично тем прогрессирующим проявлениям

вырождения, которые наблюдаются при приобретенном извращении полового чувства.

Что касается способа полового удовлетворения, то следует отметить, что у многих урнингов-мужчин, ввиду их возбудимости, достаточно одних только объятий, чтобы вызвать эякуляцию. Лица с половой гиперестезией и с парестезией эстетического чувства испытывают нередко более высокое наслаждение при общении с грязными, грубыми субъектами из подонков общества.

На этой почве возникает иногда и склонность к педерастии (конечно, активной), к другим извращениям; однако это встречается очень редко, и притом у субъектов с ущербным моральным чувством и с повышенным сладострастием.

В противоположность старым, глубоко испорченным развратникам, которые ищут мальчиков для целей педерастии, взрослые урнинги не чувствуют полового влечения к незрелым мужским индивидам. Только при недостатке лучшего и при сильном возбуждении или же при наличии особого извращения (эротической педофилии) урнинг может сделаться опасным для мальчиков.

Наблюдение 143. Ц., 36 лет, крупный торговец, родом, по-видимому, из здоровой семьи; развивался физически и духовно нормально, перенес несколько легких детских болезней, в 14 лет без внешних влияний стал заниматься онанизмом, в 15 лет начал мечтать о мужчинах одного с ним возраста. Полнейшая нечувствительность к женскому полу.

В 24 года первое посещение дома терпимости — бегство оттуда вследствие страха перед обнаженной женщиной[1].

В 25 лет случайные половые сношения с мужчинами (страстные объятия с эякуляцией, иногда взаимная мастурбация).

В 28 лет, по практическим соображениям и из желания излечиться от своей аномалии, пациент женился на одной прекрасной в физическом и в духовном отношении женщине. В сношениях со своей женой, которую он любил духовно от всей души, он был потентен только в том случае, если призывал на помощь воображение (представлял себе сношения с молодыми, красивыми мужчинами). Но эта вынужденная, противоречившая его половым ощущениям половая жизнь породила в конце концов тяжелую неврастению. С рождением ребенка Ц. стал избегать своей жены, тем более что боялся, что дети его будут так же несчастны, как он сам.

Мало-помалу им, однако, снова овладели превратные чувства и

мысли. С помощью мастурбации ему удавалось еще с успехом бороться против них.

В последнее время его самообладание подверглось тяжелому испытанию: он влюбился в молодого красивого мужчину. Ему удалось победить в себе эту страсть, но победа досталась дорогой ценой — произошло резкое усиление неврастенических проявлений. Это заставило пациента обратиться ко мне за советом и за помощью, тем более что он в последнее время сделался настолько возбудимым в половом отношении, что едва в состоянии скрывать свое влечение к мужчинам; он даже боится как-либо выдать себя и сделаться, таким образом, не только смешным, но даже нетерпимым в обществе, где он теперь занимает уважаемое место. Подобно многим больным такого рода, Ц. стал прибегать в последнее время к алкоголю, чтобы найти там убежище от своей неврастении; алкоголь, правда, облегчал неврастенические припадки (физическую слабость, психическое угнетение, неспособность к умственному труду), но зато он еще более повышал его половое возбуждение. Я нашел в Ц. высокоинтеллигентного человека с тонкими ощущениями, правильным развитием, вполне мужской внешностью, сильно страдавшего по поводу своего состояния и смотревшего с ужасом на свою привычку к мастурбации; особенно возмущалось его нравственное чувство против взаимной мастурбации, к которой он прибегал только по настоянию своего возлюбленного.

Его совершенно удовлетворяли взаимные поцелуи и объятия. С особенным наслаждением вспоминает он те случаи, где он не шел дальше этого. В настоящее время он настолько чувствует себя падшим в нравственном отношении, что с радостью занимается одиночным онанизмом, являющимся для него суррогатом половой жизни и в то же время предохранительным клапаном от половых извращений. Но унизительность этого порока он глубоко чувствует. Он так глубоко пал, что не в состоянии уже выдерживать более ужасную борьбу со своим извращенным половым влечением и, вероятно, без сопротивления отдался бы на волю своей судьбы, если бы его до известной степени не удерживала мысль о жене и детях.

Я посоветовал пациенту всеми силами бороться против своего болезненного влечения, по возможности поддерживать супружеские сношения, совершенно отказаться от алкоголя и мастурбации (так как они повышают половое извращение и уменьшают влечение к женщине) и предпринять лечение неврастении. В случае, если болезнь окажется неизлечимой и положение больного будет невыносимо, ему придется примириться со своим извращением, ограничиваясь лишь поцелуями и объятиями мужчин.

Наблюдение 144. X.: «Мне теперь 31 год, я высокого роста, строен, но в то же время довольно крепок сложением, страдаю любовью к мужчинам и потому до сих пор не женат. Все мои родственники были здоровы, умственно нормальны; в родне по материнской линии имели место два самоубийства. Половое влечение проснулось во мне на 7-м году жизни, особенно возбуждал меня вид голого живота. Я удовлетворял свое сладострастие тем, что заставлял стекать по животу свою слюну. Когда мне было 8 лет, у нас была маленькая 13-летняя служанка. Мне доставляло большое удовольствие соприкасаться своими половыми органами с ее органами, но совершить акт совокупления я еще не был в состоянии. На 9-м году я попал чужой дом и стал посещать гимназию. Один из сверстников показал мне однажды свои половые органы, но это вызвало во в только отвращение. В той семье, куда меня отдали мои родители, была очень красивая девушка, которая соблазнила меня на совокупление. Мне было тогда немногим более 9 лет. Совокупление доставило мне большое наслаждение. Мой пенис был хотя и мал, но тверд, и я стал с тех пор совершать совокупление почти ежедневно. Так продолжалось несколько месяцев. Затем родители перевели меня в другую гимназию. Разлука с девушкой была для меня тяжела, и я — на 10-м году жизни — начал онанировать. Но онанизм всегда внушал мне отвращение, я предавался ему умеренно и каждый раз чувствовал раскаяние, хотя и не видел от него никаких вредных последствий. На 14-м году жизни во мне проснулась любовь к одному школьнику, годом позже — к другому. Мы любили друг друга с полной взаимностью и обменивались горячими поцелуями. Сладострастных мыслей у меня не было ни в первой любви, ни во второй. Со вторым из моих возлюбленных мы остались друзьями до сих пор, хотя уже на 20-м году жизни у нас прекратились взаимные поцелуи: мы сохраняем просто дружественные отношения, и никогда у меня не появлялось по отношению к нему каких-либо извращенных ощущений. На 15-м году жизни мне случилось увидеть половые органы у одного кучера. Я бросился к нему и с чувством сладострастия приложил свои половые органы к его. С этого времени я стал охотно посещать конюшни, заводить знакомства с кучерами, играть их половыми органами, доводя их до эякуляции; и до сих пор мне доставляет величайшее наслаждение, когда семя моего возлюбленного стекает по моему пенису. Особенно сильным бывает сладострастное ощущение, когда мое семя соединяется с его семенем. Но если бы на меня попало семя несимпатичного мне человека, то это вызвало бы во мне огромное отвращение. Вообще я люблю только юношей, вышедших уже из детского возраста, но мне симпатичны также красивые и сильные мужчины в возрасте до 35 лет. С людьми старшего возраста я схожусь неохотно и в крайнем случае не иду дальше взаимного онанизма, не прикасаясь вовсе к их половым органам. В особенности противным кажется мне пот, так что я не могу

стоять около человека с потными руками или вообще отличающегося потливостью, как бы он ни был красив. Сам я в высшей степени чистоплотен, употребляю самые тонкие духи; даже незначительный запах половых органов вызывает во мне страшное отвращение; поэтому мне особенно приятны свидания в бане. После каждого смешения семени я тщательно обмываю половые органы, так что до сих пор у меня никогда не было какой-либо венерической болезни, даже гонореи. Только при сношениях с моим 15-летним другом, с которым я знаком полгода, я не обмываю половых органов после смешения семени; мне доставляет большое наслаждение сознавать, что капли его семени еще находятся на моих половых органах. О моих приятелях я бы мог написать целые тома: их было у меня больше 500. По окончании гимназии я совершил первое совокупление в одном публичном доме, и притом с большим удовольствием. Я повторял это раза 3—4 в год, большей частью с мыслями о своих любимых друзьях. Иногда я долго смотрел на стройных солдат, чтобы тотчас после этого совершить половой акт. Публичные женщины вообще действовали на меня возбуждающим образом, так как я представлял себе всю ту массу мужских половых органов, с которыми они приходили в соприкосновение. Между тем честных женщин я никогда не мог целовать без отвращения; даже своих родственниц я целовал только в щеку. Зато поцелуи моих любимых друзей доставляли мне небесное блаженство.

До 22-летнего возраста я влюблялся исключительно в красивых и симпатичных мне товарищей по школе; не встречая взаимности, я часто страдал от несчастной любви. После я стал предпочитать военных. Связи с военными поглотили массу денег, и все-таки я постоянно боялся новых вымогательств. Если я встречал где-нибудь молодого человека, который мне нравился, то мне было нетрудно добиться обладания им. Всегда — вплоть до сегодняшнего дня — я много и пылко влюблялся, никогда, однако, не любил девушек или женщин, а только юношей и молодых людей. Связи мои редко длились больше года. Такой любви, какую я имею в настоящее время, у меня еще никогда не было. Мой возлюбленный, 15-летний красавец, любит меня безгранично: подобной любви нельзя найти даже в поэтических произведениях. Он вполне развит и духовно, и физически — ему можно дать лет 18, хотя он и невысокого роста. Я поцеловал его в первый раз и признался ему в своей любви очень скоро после того, как нас свел с ним счастливый случай. Он был поражен, но ответил мне поцелуем и сказал, что хотя он и любит меня только платонически, однако согласен отдаться мне. Я не курю и не пью, одеваюсь красиво, но не до смешного, имею наружность и осанку мужчины. Знакомые мне урнинги вызывают во мне отвращение: я ищу только таких, которые еще никогда не были урнингами. Женатые мужчины, как бы они ни казались мне симпатичны, никогда не возбуждают во мне любви, и мне противна мысль о смешении моего семени с

их семенем. Лишь однажды я взял в рот член своего друга, мне не нравится целовать половые органы друзей[1]. С моим теперешним другом я это делал один или два раза, но не ощущал при этом никакого наслаждения, — исключительно чтобы доказать мою любовь к нему. Что касается посещения домов терпимости, то я это обычно делаю в тех случаях, когда безуспешно целыми часами ищу кого-нибудь, с кем бы я мог вступить во временную связь: с людьми, в которых я не влюблен, я никогда не совершал больше одного сношения. После бесплодных поисков страсть до того усиливается, что я иду в дом терпимости искать удовлетворения. Эякуляции с друзьями я редко повторяю по нескольку раз в день, разве только по желанию любимого друга, но сам не испытываю при этом наслаждения. В детстве я любил играть в куклы, занимался рукоделием, вязанием, особенно я любил причесывать своих сестер. Очень охотно я надевал женское платье и часто выражал желание быть женщиной. Да и теперь при сношениях с моими друзьями я часто чувствую себя женщиной. Педерастия кажется мне отвратительной. Никогда я не унижался до этого. Единственный опыт причинил мне даже боль. Измена со стороны моих возлюбленных заставляла меня не раз покушаться на самоубийство. По различным соображениям я принужден буду жениться; если меня покинет мой теперешний друг, то я это сделаю из мести. Я всегда в состоянии совершить половой акт с женщиной и надеюсь, что не буду очень несчастлив в браке; кроме того, у меня есть желание иметь детей. Я не считаю нужным лечиться от своего болезненного влечения, ибо я обязан ему многими в высшей степени сладкими минутами».

Наблюдение 145. В., 36 лет, коммерсант, имеет психопатическую мать; сестры здоровы, брат страдает невропсихопатией.

В. утверждает, что как в детстве, так и во взрослом состоянии он никогда не чувствовал влечения к лицам женского пола и никогда не обнаруживал интереса к их прелестям; в раннем детстве его уже влекло к мальчикам-сверстникам, сотоварищам по школе. Когда ему было 6 лет, он уже испытывал огорчение по поводу того, что он не девушка. Он со страстью предавался игре в куклы и вообще девичьим играм.

В 12 лет один из товарищей по школе соблазнил его и научил онанизму. Сны, которые сопровождались у него поллюциями, были со времени половой зрелости полны картин извращенных половых сношений. Он занимался с мужчинами взаимным онанизмом, половым актом между бедрами, изредка сосанием членов друг у друга[1]. Во время таких извращенных половых сношений он никогда не испытывал явно ощущений ни активности, ни пассивности. В виде исключения акт совокупления с женщиной. Он был вполне потентным, если во

время такого акта представлял себе мужчину; никогда он, однако, не получал от такого рода половых сношений действительного удовлетворения и прибегал к ним только по необходимости, как к суррогату половых связей с мужчинами. В последние годы завел интимные сношения с одним молодым мужчиной.

В. сознает, что его половая жизнь является отклонением от нормы.

Половые органы развиты нормально. Вторичные физические и психические половые признаки вполне соответствуют мужскому полу. Несмотря на продолжительное существование извращения, в психике не заметно ничего патологического. Впоследствии В. был привлечен к одному процессу, и, хотя его уличили только в том, что он занимался взаимным онанизмом в долговой тюрьме, он был признан виновным и присужден к продолжительному лишению свободы. Он жалуется, однако,

только на то, что этим приговором опозорили его самого и его семью: он не мог иначе чувствовать _и иначе поступать. В общем, В. производит впечатление очень приличного человека.

Наблюдение 146. Г., 30 лет, принадлежит к аристократии, рожден от невропатической матери. Его братья и сестры — люди нервнобольные, сам он — со времени половой зрелости — страдает конституционной неврастенией.

Уже мальчиком он чувствовал влечение к своим товарищам. Когда ему было 14 лет, один из старших товарищей совершил с ним педерастический акт. Он охотно на это согласился, но затем почувствовал сильное раскаяние и никогда уже больше не поддавался этому пороку. Выросши, он стал заниматься взаимным онанизмом. Благодаря усилившейся неврастении, ему было достаточно обнять человека своего пола и прижать его к себе, чтобы наступила эякуляция. С тех пор это единственный способ полового удовлетворения, к которому он прибегает. К женскому полу он никогда не чувствовал влечения. Ненормальность этого он сознавал. В 20 лет он сделал несколько энергичных попыток по отношению к девушке, чтобы направить свою половую жизнь на нормальный путь. До этого он смотрел на свои ненормальные склонности как на заблуждение юности. Ему удалось совершить совокупление с женщиной, но он не испытал при этом никакого удовлетворения и снова обратился к мужчинам. Его слабость — мужчины в возрасте 18—20 лет; мужчины старше этого возраста ему несимпатичны. Он не чувствует себя в определенной половой роли по отношению к другому субъекту. Свое положение в обществе он считает мучительным. Он постоянно боится, что его извращение будет открыто, и говорит, что такого позора он не переживет. В его

внешности ничто не обнаруживает его полового извращения. Половые органы развиты нормально, вообще нет никаких признаков вырождения. В возможность изменения своего ненормального полового влечения он не верит. Женский пол не представляет для него ни малейшего интереса.

Наблюдение 147. И., 40 лет, фабрикант, происходит от невропатического отца, умершего от инсульта. В семье матери было несколько случаев гнездных заболеваний мозга. Двое других детей его родителей нормальны в половом отношении, но так же, как и он сам, страдают неврастенией. Пациент уверяет, что с 8 лет он, без всякого внешнего влияния, стал заниматься онанизмом. С 15-летне-го возраста он начал чувствовать влечение к красивым мальчикам того же возраста, многих он совратил и научил взаимному онанизму. Когда он вырос, его стали привлекать исключительно юноши 17—20 лет, без бороды, с красивой женственной наружностью; женщины не вызывали в нем ни малейшего влечения.

Очень рано он понял, что его половая организация отличается ненормальностью, однако он считал естественным удовлетворение своей ненормальной потребности; несмотря на то что был вполне нравственным и тонко чувствующим человеком, он не был в силах останавливаться на размышлениях о своем половом влечении. Безуспешные сношения с женщиной, совершенные им дважды, вызвали в нем отвращение. Одиночный онанизм также не давал ему удовлетворения, но он прибегал к нему по необходимости.

Он уверяет, что он усиленно боролся со своим ужасным пороком, который ставит его как бы вне закона и делает его пасынком в обществе, но эта борьба ни к чему не привела. Удовлетворение его влечения кажется ему чем-то предписанным самой природой. В сношениях с мужчинами он всегда чувствовал себя в активной роли и ограничивался действиями, допускаемыми законами. При всем том И. запутался в шантажах, потерял свое уважаемое положение, лишился состояния, стал вести печальное бродячее существование и, наконец, решил переселиться за океан, чтобы начать там новую жизнь; благодаря ловкости и честности это ему действительно удалось.

Когда я познакомился с И., он был близок к самоубийству вследствие того, что лечение внушением, которое было предпринято одним опытным врачом и на которое пациент возлагал свою последнюю надежду, потерпело полную неудачу, так как он не поддавался гипнозу.

При обследовании я нашел у И. признаки неврастенического настроения, зависевшего отчасти от предрасположения, отчасти от воздержания и душевных потрясений, затем небольшой

пенис, при вполне нормальных в целом половых органах. Больше ничего патологического я не нашел. Вторичные психические и физические половые признаки вполне соответствовали мужскому типу.

Наблюдение 148. Т., 34 лет, коммерсант, происходит от болезненной, невропатической матери и здорового отца.

Когда ему было 9 лет, один из товарищей по школе научил его онанизму. Он стал заниматься взаимным онанизмом со своим братом, с которым спал вместе на одной кровати, причем дело доходило даже до введения членов в рот. Когда он был еще мальчиком, случилось с ним однажды, что он облизывал место, куда до этого помочился солдат![2] В 14 лет впервые влюбился в 10-летнего школьника.

Начиная с 17 лет юноши перестали производить на него впечатление: у него развилось странное влечение к старикам.

Он объясняет это тем, что однажды ночью, когда он лежал рядом с комнатой отца, бывшего тогда уже в преклонных годах, он услышал сладострастный стон отца и вообразил, что совокупляется с ним, отчего пришел в необыкновенное чувственное возбуждение. С тех пор в сновидениях, которые сопровождались поллюциями, и при онанизме стали играть большую роль представления о стариках, совершающих извращенный половой акт. Но и днем вид стариков вызывал в нем возбуждение, в особенности если старики эти были неряшливы и неопрятны; иногда у него при этом даже появлялось семяизвержение.

В 23 года он неоднократно пытался направить свою половую жизнь на нормальный путь, для чего часто прибегал к домам терпимости. Несмотря на твердое решение, эти попытки кончались неудачно, так как у него не наступало эрекции. В конце концов, убедившись, что даже самая красивая женщина оставляет его равнодушным, он дальнейшие попытки прекратил. К мальчикам и молодым мужчинам он тоже не чувствовал никакого влечения.

29 лет он горячо влюбился в одного старика, которого в продолжение многих лет ежедневно встречал на прогулках. Но интимное сближение было невозможно. Т. часто эякулировал во время этих прогулок. Чтобы вырваться из этого унизительного состояния, Т. в последнее время снова посетил публичный дом, но опять-таки без результата. Тогда ему пришла в голову мысль нанять какого-либо старика и взять его с собой в публичный дом. Старик должен был совершать половой акт в его присутствии. При таком условии он оказался потентным. Но акт совокупления не доставил ему никакого наслаждения, хотя он

испытал большое нравственное удовлетворение от возвращения к нормальным половым сношениям; в особенности он был счастлив, когда мог затем обходиться уже без старика. Однако радость его продолжалась недолго. Т. страдал тяжелой общей и половой неврастенией, находился в угнетенном состоянии духа, боялся людей, был импотентен и предавался онанизму, воображая себе при этом стариков в момент совершения с ними извращенного полового акта.

В физическом отношении Т. не обнаруживал ничего патологического, если не считать признаков тяжелой половой неврастении. Вполне мужской тип.

Наблюдение 149. Ц., 28 лет, коммерсант, происходит от в высшей степени нервного и раздражительного отца и от истеропатической матери. Сам он был очень нервен, до 18 лет страдал недержанием мочи, был слабым ребенком и только к 20 годам достиг удовлетворительного физического развития. Первые половые побуждения он почувствовал уже на 8-м году жизни, когда ему пришлось видеть, как наказывали в школе его товарищей по ягодицам. Несмотря на сострадание, он испытал при этом совершенно незнакомое до того чувство сладострастия, которое приводило всего его в трепет. Спустя некоторое время он шел однажды в школу слишком поздно, и вдруг у него появилась мысль, что учитель может его за это наказать по ягодицам; эта мысль вызвала у него сильное чувство сладострастия. От возбуждения он должен был на минуту остановиться; тогда же он, по его словам, почувствовал первую эрекцию.

11 лет он влюбился в одного «белокурого красивого мальчика с чудными, умными, живыми глазами».

Он был счастлив, когда время от времени ему удавалось проводить его до дому. Ему хотелось обнимать и целовать его. Но уже тогда Ц. понимал, что в этом влечении есть что-то нехорошее, и боялся чем-нибудь обнаружить его.

В то же время ему однажды до того понравилась одна девочка, на два года моложе его, что он тут же покрыл ее поцелуями. Но этот случай остался исключением.

13 лет Ц. под влиянием одного товарища начал заниматься онанизмом. Он, однако, предавался этому пороку немного, так как «более тонкие чувства», которые влекли его к молодым мужчинам, удерживали его от всего низкого и «он не хотел топтать в грязь свою чистую, возвышенную любовь».

В17 лет Ц. страстно влюбился в одного товарища с «чудными карими глазами, благородными чертами лица и смуглой кожей».

Эта несчастная любовь доставляла ему невыносимые страдания в продолжение двух с половиной лет, то есть до самой разлуки с этим товарищем. Ц. уверяет, что если бы он теперь снова увидел его, то старая любовь вспыхнула бы в нем с прежней силой. Впоследствии он еще два раза влюблялся в своих товарищей, но уже не так сильно. В 20 лет первый половой акт в доме терпимости при удовлетворительной потенции, но с весьма слабым удовлетворением. Сношения с женщинами он продолжал и дальше «в интересах здоровья» — для предохранения себя от онанизма, а также для того, чтобы не показаться импотентом и чтобы маскировать свое извращенное половое влечение.

Страха перед женщинами Ц. не испытывает, но он остается совершенно равнодушным к ним — они производят на него приблизительно такое впечатление, как «произведения искусства, как статуи». Влечение к собственному полу ему до сих пор удавалось побеждать благодаря сильной воле и не особенно сильной страстности натуры. Его половая жизнь, однако, не удовлетворяет его, тем более что за последние годы даже грубо чувственное возбуждение при половом акте все более уменьшается, а вместе с тем слабеет и эрекция. Это-то и заставило его обратиться к врачу.

По своей внешности и по своему характеру Ц. не представляет ничего ненормального. Никаких отклонений от мужского типа и полное психическое здоровье.

Наблюдение 150. П., 37 лет, мать — очень нервная женщина, страдавшая конституционной мигренью. В молодости он сам страдал тяжелой истерией, издавна чувствовал влечение к красивым молодым мужчинам и приходил в сильное половое возбуждение при виде их половых органов. Вскоре после половой зрелости стал предаваться взаимному онанизму с мужчинами. Привлекательными казались ему только мужчины в возрасте 25—30 лет. При извращенном половом акте он чувствует себя в роли женщины и уверяет, что любит как самая страстная женщина и только имеет внешность мужчины, как актер, надевающий чужое платье. Когда он был мальчиком, над ним нередко смеялись из-за его женских привычек и вкусов. Девушки никогда не производили на него впечатления. Несколько лет назад он женился без всякой любви, исключительно в надежде исправить свою половую жизнь. Он принуждал себя к совокуплению и был потентным, если представлял себе на месте жены молодого мужчину. Имеет ребенка. Постепенно у него развилась неврастения, фантазия стала изменять ему, а вместе с тем стала исчезать и его потенция. Уже два года, как он избегает полового акта с женой и предается извращенным половым сношениям; некоторое время тому назад он был пойман в одном публичном месте в то

время, когда занимался взаимным онанизмом с одним мужчиной.

Он оправдывался тем, что долгое воздержание довело его страстность до высших пределов, так что при виде мужских половых органов он впал в настоящий аффект и действовал как бы бессознательно, в каком-то опьянении.

Амнезии по отношению к этому промежутку времени он не обнаруживал.

Кратковременное лишение свободы.

Вполне мужской тип. Половые органы нормальны.

Наблюдение 151. Н., 41 года, холост, отец и мать состояли в кровном родстве между собой, но были, по-видимому, здоровы. Брат отца был некоторое время в больнице для умалишенных. Братья самого больного отличаются повышенным, но в принципе нормальным половым влечением. Уже 9 лет от роду Н. чувствовал влечение к товарищам. В 15 лет он начал заниматься с ними взаимным онанизмом, а впоследствии — половым актом между бедрами.

В 16 лет он завел большую любовную связь с одним молодым мужчиной. Его любовь к мужчинам развивалась совершенно в том же духе, как он читал о любви между мужчиной и женщиной в романах.

Только красивые молодые мужчины в 20—24 года вызывали в нем возбуждение. Эротические сновидения были полны исключительно картинами извращенного полового акта. При этом он чувствовал себя в роли женщины — так же, как и при действительных сношениях с мужчинами.

Он утверждает, что с самого детства душа его отличалась больше женскими, чем мужскими чертами. Игры мальчиков его не интересовали; он занимался женскими работами, стряпней и пр. Позднее у него тоже не было влечения к мужскому спорту, табак и вино не доставляли ему никакого удовольствия. Во время своей бродячей жизни он однажды был поваром в одной из заатлантических стран и при этом оказался вполне на высоте своего положения. Он потерял это место потому, что завел любовную связь с сыном своего хозяина.

Когда ему было 22 года, он понял наконец, что его половая жизнь ненормальна. Это его обеспокоило, он попытался отделаться от своих извращенных ощущений, начал посещать Дома терпимости, но испытывал только отвращение; ни разу У него не было там эрекции. Однажды, придя в полное отчаяние

боясь, что его порок станет известным семье, он сделал попытку к самоубийству. Выздоровев от полученной раны, он отправился за границу, но всюду чувствовал себя по-прежнему несчастным, отторгнутым от семьи, полуразрушенным существом. У него оставалась только одна надежда, что с возрастом его склонность к мужчинам ослабнет..

Он просил помощи во имя его «чести и спокойствия». Физически половые признаки у этого несчастного не представляли никаких отклонений от мужского типа. Половые органы нормальны.

Н. носится с мыслью поступить в монастырь или подвергнуться кастрации. Предложено лечение внушением.

Наблюдение 152. В один летний вечер в одном из городов Северной Германии ночной сторож поймал некоего Х., доктора медицины, в то время как он мастурбировал какого-то прохожего и затем вводил его член себе в рот[1]. Пойманный спасся от судебного преследования бегством. Прокуратура отказалась от обвинения, так как здесь не было публичного соблазна и введение члена в анальное отверстие не произошло[2]. У Х. была найдена обширная корреспонденция, которую он в продолжение многих лет вел с многочисленными урнингами. Эта корреспонденция обнаружила, как широко распространены извращенные половые сношения во всех слоях населения.

Х. происходил из семьи, отягощенной болезненной наследственностью. Дед его по отцу кончил жизнь самоубийством в состоянии психического расстройства. Отец его был болезненным человеком, отличавшимся своенравием. Брат занимался онанизмом чуть не с 2-летнего возраста. Двоюродный брат страдал извращенным половым влечением и уже в юношестве начал предаваться таким же безнравственным поступкам, как и сам Х.; он отличался слабыми умственными способностями и умер от спинномозгового заболевания. Двоюродный дед со стороны отца был гермафродитом, сестра матери была душевнобольной. Мать, по-видимому, здорова. Брат Х. отличается нервностью, вспыльчивостью.

Х. в детстве был тоже очень нервным. Мяуканье кошки наводило на него величайший страх, и если кто-нибудь издавал звук, похожий на кошачье мяуканье, то он начинал плакать и в страхе цеплялся за кого-нибудь из окружающих.

Самые незначительные болезни вызывали у него сильнейшую лихорадку. Он был тихим, мечтательным ребенком, с живой фантазией, но с довольно плохими умственными способностями. Обыкновенными играми мальчиков он не занимался и отдавал предпочтение женским занятиям. Особенное удовольствие

доставляло ему причесывать служанку или брата.

Когда X. поступил в школу, то занимался там взаимным онанизмом, совратил нескольких товарищей и сделался в конце концов нетерпимым из-за своих циничных выходок, так что его должны были взять из школы. Уже в то время родителям как-то попадали в руки его любовные письма, обнаружившие в нем половое извращение. С 17 лет он учился под строгим наблюдением одного гимназического профессора. Успехи его

в науках были посредственные. Способности у него оказались только к музыке. Окончив курс в гимназии, пациент, 19 лет, поступил в университет. Там он обратил на себя внимание своим циничным поведением, подозрительной близостью к молодым людям, которая давала повод к разговорам об извращенной любви к мужчинам. Он начал рядиться, носить кричащие галстуки, рубашки с глубоким вырезом, тесные ботинки, вызывающую прическу. Все эти наклонности, однако, исчезли, когда он окончил университет и вернулся домой.

С 24 лет он долгое время страдал неврастенией. До 29 лет он обнаруживал серьезность, прилежно занимался своей профессией, однако избегал прекрасного пола и продолжал вращаться среди мужчин сомнительной репутации.

На подробное обследование пациент не согласился; он считал его совершенно бесцельным, ибо влечение к собственному полу развилось у него еще в детстве и является врожденным. Он всегда чувствовал в себе страх перед женщинами и никогда не мог решиться испытать женские ласки. По отношению к мужчинам он чувствовал себя в роли мужчины. Он понимает, что его влечение к собственному полу является аномалией, но оправдывает свои поступки своей болезненной организацией.

Со времени своего бегства из Германии X. живет на юге Италии и, как я мог заключить из одного его письма, до сих пор предается извращенной любви. X. имеет вид серьезного, представительного мужчины с безусловно мужскими чертами лица, большой бородой и нормально развитыми половыми органами. Недавно доктор X. предоставил в мое распоряжение описание истории своей жизни, из которого я считаю интересным привести некоторые места.

«Семи лет я поступил в одну частную школу, там я чувство^ вал себя в высшей степени плохо и встречал очень мало внимания со стороны моих товарищей. Только к одному из них — очень красивому мальчику — я почувствовал влечение и затем страстно в него влюбился. Во время детских игр я всегда умел устраивать так, чтобы мог одеваться девочкой. Величайшее удовольствие доставляло мне делать нашей служанке всякие

сложные прически. Часто я жалел, что не родился девочкой.

Половое влечение проснулось во мне на 13-м году и с первого же момента было направлено на молодых крепких мужчин. Сначала я даже не подозревал, что это ненормально; но понимание этой ненормальности постепенно пришло ко мне, по мере того как я узнавал половые склонности моих сверстников. С 12 лет я начал заниматься онанизмом. В 17 лет я покинул родительский дом и поступил в гимназию в одном столичном городе. Я был отдан пансионером к одному семейному учителю гимназии, с сыном которого я затем завел половые сношения. — ним я впервые получил половое удовлетворение. Вскоре я познакомился с одним молодым художником, который, заметив мою ненормальность, сознался мне, что и сам страдает таким же недостатком. От него я узнал, что эта ненормальность встречается очень часто, и это меня успокоило, так как я раньше считал себя единственным в своем роде. Этот молодой человек имел обширный круг знакомств среди таких же людей, куда он и ввел меня. Там я сделался предметом всеобщего внимания, так как я, по общему мнению, имел многообещающее физическое сложение. Вскоре в меня влюбился один пожилой господин; он, однако, не пришелся мне по вкусу, и я сошелся с ним лишь на короткое время; вскоре я оставил его ради более молодого, красивого офицера, которого любовь бросила к моим ногам. Это была, в сущности, моя первая любовь.

В 19 лет я сдал экзамен зрелости. Освободившись от школьных уз, я завел знакомство с большим количеством лиц, имевших такое же, как я, или аналогичное половое влечение. Между прочим я познакомился с Карлом Ульрихсом (Numa Numantius).

Когда я затем поступил на медицинский факультет и стал общаться со многими нормальными молодыми людьми, мне пришлось неоднократно, уступая просьбам товарищей, посещать публичные дома. Сношения мои с женщинами, даже с самыми красивыми, кончались всегда позорной неудачей, так что среди моих знакомых распространилась молва, что я импотент. Я поддерживал это мнение, выдумывая рассказы про свои прежние эксцессы у женщин. У меня тогда было множество знакомых за границей, которые считали меня по моему телосложению красавцем. Вследствие этого ко мне постоянно приезжали друзья из различных стран и привозили массу любовных писем, так что я нередко бывал в большом затруднении. Наивысшего развития эти отношения достигли несколько позднее, когда я в первый год по окончании университета жил интерном при лазарете. Там я был прямо предметом поклонения: из-за меня разыгрывались такие щены ревности, что в конце концов вся эта история едва не раскрылась. Вскоре после этого я заболел воспалением плечевого сустава, от которого оправился только через три

месяца. За это время мне много раз делали подкожные инъекции морфия, которые затем были внезапно прекращены, так что я тайком продолжал их делать сам уже после выздоровления. Перед началом самостоятельной практики я с целью специализации провел некоторое время в Вене, где, благодаря рекомендациям, получил доступ в круг лиц с одинаковыми со мной наклонностями. Там я сделал наблюдение, что ненормальность, о которой идет у нас речь, в самых различных ее проявлениях столь же распространена в низших слоях общества, как и в высших, и что среди высших классов также нередко встречаются лица, которые занимаются этим как профессией, продавая себя за деньги.

Когда я поселился в качестве врача в провинции, то решил избавиться от морфия при помощи кокаина и таким образом сделался кокаинистом; от этой склонности мне удалось избавиться только около двух лет назад после трех рецидивов. В моем положении было совершенно невозможно искать удовлетворения моего полового влечения, и я поэтому был очень рад, когда заметил, что кокаин погасил во мне сладострастие. Когда я, благодаря энергичному уходу со стороны моей тетки, освободился в первый раз от привычки к кокаину, то уехал из города на несколько недель для поправки. Мое превратное половое влечение снова проснулось во мне с прежней силой; однажды вечером за городом я сошелся с одним мужчиной, но на следующий день получил извещение от прокурора, что меня видели и что я должен быть привлечен к следствию, но что инкриминируемый мне проступок — согласно решению высшей судебной палаты — ненаказуем. Вместе с тем мне указывалось, что случай этот сделался известным в широких кругах. Я понял, что после этого мне необходимо оставить Германию и искать себе новую родину там, где ни законы, ни общественное мнение не осуждают тех склонностей, которые, как и все ненормальные склонности, не могут быть подавлены силой воли. Так как я ни минуты не сомневался, что мои наклонности стоят в противоречии с общественным мнением, то я неоднократно делал попытки победить их в себе, но это вело только к усилению их; то же я наблюдал и у своих знакомых. Так как я чувствовал влечение исключительно к молодым, здоровым лицам с вполне выраженным мужским типом, а такие индивиды лишь крайне редко шли навстречу моим желаниям, то я часто принужден был покупать их любовь за деньги. И поскольку мои желания ограничивались лицами из низших классов общества, я никогда не чувствовал недостатка в таких, которые соглашались отдавать себя в мое распоряжение за деньги. Надеюсь, что нижеследующие мои разоблачения не вызовут неудовольствия с их стороны; вначале я думал опустить все это, но в интересах полноты моего сообщения и для обогащения фактического материала я не могу ничего пропускать. Мою половую

потребность я удовлетворял следующим образом:

Я ввожу в рот пенис юноши, поскольку это сильно возбуждает меня, и страстно желая, чтобы произошло семяизвержение, велю ему сильно сжать бедра и ввожу между ними свой член. Пока это происходит, юноша должен обнимать меня так крепко, как только может. Все это доставляет мне такое наслаждение, что я начинаю эякулировать. Эякуляция при введении пениса в анальное отверстие, особенно достигаемая с помощью руки, мне не нравится. Но юноши, которые вбирают в себя мой пенис и производят с ним соответствующие действия, приводят меня в состояние полного удовлетворения моей половой страсти.

О себе я должен сказать следующее. Рост мой 186 сантиметров, наружность вполне мужская; если исключить повышенную чувствительность кожи, то в остальном я совершенно здоров. У меня густые белокурые волосы и такая же борода. Мои половые органы средней силы и нормального строения. Я в состоянии без усталости совершить в продолжение суток *4*—6 раз описанный выше половой акт. Я веду очень правильный образ жизни, алкоголь и табак употребляю в умеренных количествах. *Я* недурно играю на рояле и написал даже несколько музыкальных произведений, заслуживших большое одобрение. Недавно я закончил роман, который в качестве первого произведения начинающего писателя заслужил похвалу среди моих знакомых. В нем я рассматриваю некоторые вопросы из жизни людей, одержимых превратным половым влечением.

Располагая широким кругом знакомств среди товарищей по несчастью, я, естественно, имел нередко возможность сделать наблюдения над различными видами этой ненормальности, поэтому, быть может, нижеследующие строки будут для вас небесполезными.

Самый ненормальный вид полового извращения, какой мне когда-либо приходилось наблюдать, был у одного господина из окрестностей Берлина. Он предпочитал иметь дело с юношами, у которых были грязные ноги, и словно бешеный их облизывал. Другой господин из Лейпцига вводил язык в анальное отверстие, что доставляло ему, как он рассказывал, большое удовольствие. В Париже живет субъект, который принуждал одного из моих друзей мочиться ему в рот[1]. Очень многие, как меня уверяли, при виде высоких сапог или военного мундира приходят в такой экстаз, что у них происходит семяизлияние.

До какой степени некоторые чувствуют себя женщиной (я такого чувства не испытываю), видно на примере двух субъек-• тов из Вены. Эти господа назвали себя женскими именами: один из них парикмахер и именует себя «Лаура из Франции», другой был раньше мясником и носит имя «мясник Фанни». Оба не

пропускают никогда случая явиться во время карнавала в женском платье, и притом нередко одетыми весьма подчеркнуто. В Гамбурге живет один субъект, которого некоторые принимают за женщину, так как он дома всегда одевается в женское платье, да и на улице иногда появляется в том же костюме. Этот господин хотел даже однажды во время крещения сойти за крестную мать, что вызвало грандиозный скандал.

У таких людей встречаются, как правило, все женские недостатки, болтливость, непостоянство, слабость характера.

Мне известно много случаев, когда превратное половое влечение идет рука об руку с эпилепсией и психозами; удивительно часто встречаются грыжи. Ко мне по рекомендациям моих знакомых нередко обращались также с заболеваниями заднего прохода. Два раза я видел сифилитические шанкры и один раз мягкий шанкр заднего прохода. В настоящее время я лечу одного господина, у которого в заднем проходе имеются острые кондиломы, образующие опухоль формы цветной капусты величиной с кулак. В Вене я видел случай первичного склероза мягкого неба у одного молодого мужчины, который посещал маскарады в костюме женщины и завлекал там мужчин. Он ссылался на то, что у него регулы, и те соглашались на сношение через рот. Так, он однажды будто бы обманул за один вечер 14 человек.

Так как в попадавшихся мне сочинениях, посвященных превратному половому влечению, я не нашел сведений о взаимных отношениях педерастов, то я позволю себе прибавить еще несколько слов.

Как только лица с превратным половым влечением познакомятся друг с другом, они обмениваются между собой рассказами о своей прежней жизни и о своих любовных приключениях, поскольку такие беседы не исключаются неравенством социального положения. Только очень редко новые знакомства не сопровождаются подобными разговорами. Между собой эти люди называют друг друга «тетя», в Вене — «сестра»; две венские публичные женщины, имевшие мужскую наружность и находившиеся друг с другом в превратных половых отношениях, рассказывали мне, что у женщин при тех же обстоятельствах в ходу слово «дядя». С тех пор как я понял свою ненормальность, мне пришлось соприкасаться больше чем с тысячью подобных мне индивидов. Почти в каждом крупном городе существует какое-либо место для собрания таких лиц, а также своеобразная «панель». В небольших городах имеется сравнительно мало «теток», однако в одном городе с 2300 жителей я нашел их 8, в другом с 7000 жителей — 18; это число тех, о которых я имел верные сведения; те же, кого я

только подозревал, не вошли в это число. В моем родном городе, где насчитывается около 30 000 жителей, мне лично было известно около 120 «теток». Большинство из этих людей обладает способностью сразу же определять, принадлежит ли тот или иной субъект к их категории или нет, или, употребляя жаргон «теток», «настоящий» он или «ненастоящий». Я сам обладаю этой способностью в высокой степени. Мои знакомые нередко удивлялись той проницательности, какую я обнаруживал в этих случаях. Иногда я с первого же взгляда узнавал «тетку» в таких людях, у которых абсолютно мужская наружность. С другой стороны, я обладаю способностью вести себя вполне как мужчина, так что в некоторых кругах, куда меня рекомендовали знакомые, возникло сомнение, действительно ли я «настоящий». Когда я нахожусь в соответствующем расположении духа, я могу вести себя совершенно как женщина.

Так как большинство «теток» — и я в том числе — отнюдь не смотрят на свою ненормальность как на несчастье и, напротив, вероятно, жалели бы, если бы она изменилась, к тому же это состояние, как врожденное, не поддается, по моему мнению и по мнению всех других, никакому воздействию, то все наши надежды сводятся к тому, чтобы были изменены соответствующие параграфы уголовного кодекса — именно в том смысле, чтобы наказанию подлежали лишь действия, связанные с изнасилованием или с учинением публичного соблазна.

3. *Эффеминация*

Между предыдущей ступенью и этой существует целый ряд переходных стадий, характеризующихся размером того влияния, какое оказывает ненормальное половое ощущение на психическую личность, в особенности на область чувств и склонностей. Мужчины, относящиеся к вполне выраженным случаям этой группы, чувствуют себя женщинами по отношению к мужчинам. Подобная ненормальность в ощущениях и извращения в развитии характера нередко обнаруживается уже в детские годы. Такой мальчик любит вращаться в обществе девушек, играть в куклы, помогать матери в домашнем хозяйстве; он думает о шитье, вязании, стряпне, у него развивается вкус в выборе женских туалетов, так что он нередко становится экспертом в этих вопросах для своих сестер. В последующем возрасте он не обнаруживает никакой склонности к курению, вину, к мужскому спорту, напротив, проявляет интерес к нарядам, украшениям, искусству, беллетристике и т. д. — интерес, доходящий нередко до смешного. Эти интересы и склонности толкают его в общество женщин. Если ему удается появиться на маскараде в женском костюме, то это доставляет ему величайшее наслаждение. Чтобы понравиться своему возлюбленному, он инстинктивно старается обнаружить те самые качества, которые обыкновенно нравятся мужчине в

женщине, — скромность, грацию, эстетическое чувство, любовь к поэзии и т. д. Нередко проявляется стремление подражать женщинам в походке, в движениях, в покрое платья.

Что касается полового чувства и половых склонностей, то этого рода урнинги, с нарушенной психической организацией, всегда, без исключения, чувствуют себя в роли женщин по отношению к мужчинам. Они чувствуют некоторую неприязнь к лицам собственного пола, страдающим той же ненормальностью, ибо видят в них конкурентов, влечение же они обнаруживают к тем лицам их пола, которые либо нормальны в половом отношении, либо имеют лишь простое извращение полового чувства. Как и при нормальной половой любви, здесь также встречается ревность в тех случаях, когда любви угрожает конкуренция, более того: вследствие обнаруживающейся обычно при этой ненормальности половой гиперестезии ревность доходит нередко до чудовищных пределов.

Лицам с превратной половой организацией в вполне развитом ее виде совершенно недоступно понимание двуполой любви; половое сношение с лицом другого пола кажется им немыслимым, невозможным. Всякие попытки в этом направлении вызывают отвращение, даже ужас; возникают тормозящие представления, делающие невозможной эрекцию. Только в двух случаях из собранных мною фактов, представляющих переходную ступень к этой категории, пациенты могли совершить иногда совокупление, призывая при этом на помощь фантазию, именно воображая мужчину на месте женщины. Но такого рода неадекватный для них половой акт не доставлял им никакого наслаждения и был для них большой жертвой.

При половых сношениях с одноименным полом эффеминированный субъект чувствует себя всегда женщиной. Приемы, практикующиеся в этих случаях, в которых, кстати сказать, всегда имеется слабость эякуляционного центра, это succubus (суккуб, лежащий снизу), пассивный половой акт между бедрами, иногда пассивный онанизм или эякуляция любимого мужчины в рот[1]. Некоторые ищут пассивной педерастии. При случае у них появляется и желание активной педерастии. В одном таком случае подобный субъект не мог кончить акта, так как последний вызвал у него отвращение своим сходством с совокуплением.

Влечение к лицам, не достигшим зрелости (любовь к мальчикам), никогда не наблюдается в этих случаях. Часто дело не идет дальше платонической любви.

Наблюдение 153. Е., 31 года; отец пациента — potator strenuus (горький пьяница). В остальном в наследственности нет ничего

патологического. Е. рос в деревне, в одиночестве. Когда ему было 6 лет, он уже чувствовал себя счастливым, если попадал в общество бородатых мужчин. Начиная с 11 лет он не мог видеть красивых мужчин без того, чтобы не покраснеть, и потому боялся смотреть на них. В женском обществе он, напротив, вел себя совершенно непринужденно. До 7 лет его одевали как девочку. Для него было большим несчастьем, когда ему пришлось расстаться с женским платьем. Больше всего он любил помогать на кухне или в домашнем хозяйстве.

Годы пребывания в школе прошли спокойно. Время от времени он сильно, хотя и ненадолго увлекался кем-нибудь из товарищей.

В сновидениях он все чаще и чаще видел мужчин в голубых одеждах с красивыми усами.

Когда он вырос, то стал посещать гимнастическое общество, чтобы встречаться там с мужчинами. Точно так же он начал посещать балы не ради красивых девушек, к которым он был совершенно равнодушен, но ради мужчин: при этом он представлял себя в объятиях того или иного танцора. Всегда, однако, он чувствовал себя одиноким, неудовлетворенным, и постепенно пришел к сознанию, что он чем-то отличается от других юношей. Все его мысли и желания были сосредоточены на том, чтобы найти мужчину, который мог бы его полюбить. В 17 лет один мужчина склонил его к взаимному онанизму. Его сознание реагировало на это чувством страха, стыда, но и сладостного удовлетворения. Тут он понял ненормальность своего полового чувства. Вначале это его угнетало, чуть не довело даже до самоубийства, но затем он привык к своей особенности, стал тосковать о мужчинах, правда из-за своей девичьей застенчивости он долгие годы не мог достигнуть сношений с мужчинами. Он мастурбировал, но нечасто, так как не был очень сладострастным. В высшей степени тяжело было для него, когда за ним начинала ухаживать какая-нибудь девушка, что случалось довольно часто.

26 лет Е. переселился в большой город, и тут ему представилось широкое поле для однополой любви. С некоторого времени он живет с одним мужчиной одного с ним возраста как муж с женой в общей квартире. Он чувствует себя при этом в роли женщины и совершенно счастлив. Половое удовлетворение он получает с помощью взаимного онанизма и полового акта между бедрами.

Е. — прекрасный работник, пользуется уважением, по внешности представляет вполне мужской тип; половые органы нормальны, признаков вырождения нет. Младший брат его бросил жену и жалуется, по словам Е., на то, что он по внешности мужчина, а в действительности нет; он также

отличается превратным половым влечением.

Примечательно, что две рано умершие сестры пациента избегали молодых людей, не любили кухни, проводили время в конюшнях и вообще занимались где только могли мужской работой, к которой у них были особые способности.

Наблюдение 154. С, 28 лет, частное лицо, происходит от невропатического отца и очень нервной матери. Один брат матери страдает паранойей, другой — психической дегенерацией. Трое других (младших) детей его родителей совершенно нормальны. С. невропатичен, имеет легкий тик. С тех пор как помнит себя, всегда чувствовал влечение к мужчинам. Вначале он ограничивался только мечтаниями о своих старших товарищах по школе. С наступлением половой зрелости он стал влюбляться в учителей, в гостей, которые посещали родительский дом; в то же время он занимался взаимной мастурбацией со своими сверстниками. При этом он чувствовал себя в роли женщины. Сновидения при поллюциях вращались исключительно около лиц мужского пола. С. имел способности к музыке, к поэзии, рано начал интересоваться театром. К наукам, в особенности к математике, у него не было никаких способностей, и он с трудом кончил гимназию.

В психическом отношении он считает себя женщиной, уверяет, что мальчиком он играл только с куклами; позднее он интересовался женскими делами, мужские занятия его отталкивали. Более всего любил он общество молодых девушек, так как они были ему симпатичны и родственны в чувствах; в мужском же обществе он ощущал робость и был застенчив, как девушка. Табак и вино были ему противны. Он с удовольствием бы стряпал, вязал, вышивал. Сладострастным он никогда не был. Когда он вырос, он лишь изредка имел сношения с мужчинами. Идеалом его были бы такие сношения только в роли женщины. Половой акт с женщиной внушает ему страх. После того как он прочел мою книгу, то он испугался сам себя, а также и возможности судебного преследования и нашел в себе силы прекратить половые сношения с мужчинами. Это воздержание вызвало частые поллюции и привело к неврастении. Поэтому он обратился к врачебной помощи.

У пациента густая борода; никаких отклонений от мужского типа, за исключением мягких черт лица и замечательно тонкой кожи. Половые органы нормальны, если не считать недостаточного опущения одного яичка. В том, как он держится на улице, ходит, выглядит — нет ничего бросающегося в глаза; тем не менее его мучит страх, что все видят его половую ненормальность. Отсюда его боязнь людей. Если при нем говорят о чем-нибудь неблагопристойном, то он краснеет, как девушка. Однажды, когда кто-то заговорил при нем о

превратном половом ощущении, он упал в обморок. Когда он слушает музыку, его бросает в пот. При более тесном знакомстве он обнаруживает женственную душу, чисто девичью робость и несамостоятельность. Нервное беспокойство, тик, всевозможные неврастенические расстройства — все это выдает в нем невропатического субъекта с конституционным предрасположением.

Наблюдение 155. Б., кельнер, 42 лет, холостой, прислан ко мне его домашним врачом, в которого он влюбился. Б. охотно и подробно рассказывает о своей половой жизни, желая наконец слышать авторитетное мнение о своем состоянии, которое ему давно уже кажется болезненным.

О родителях своих родителей он ничего не может сообщить. Отец его был вспыльчивый человек, кутила, очень сластолюбивый. Он бросил жену, после того как прижил с нею 24 детей; после этого его экономка еще 3 раза забеременела от него. Мать, по-видимому, была здорова.

Из 24 детей его родителей живы только 6, некоторые из них нервнобольные, но за исключением одной сестры, отличавшейся всегда мужскими склонностями, все нормальны в половом отношении.

Б. с самого детства отличался болезненностью. Половое влечение проснулось в нем с 8 лет. Он начал мастурбировать и пришел к мысли возбуждать пенис других мальчиков с помощью рта, что ему доставляло большое удовольствие. С 12 лет он начал влюбляться в мужчин, преимущественно в возрасте 30 лет, и таких, у которых были усы. Уже в это время половая потребность у него была очень развита, у него были даже эрекции и поллюции. С этого времени он мастурбировал почти ежедневно, воображая себе при этом любимого мужчину. Но самым большим удовольствием было для него возбуждать пенис мужчин с помощью рта[1]. При этом у него делалась эякуляция, которая сопровождалась ощущением сильнейшего сладострастия. Но это наслаждение ему пришлось испытать до сих пор всего только 12 раз. Пенис других мужчин, если они ему были симпатичны, никогда не вызывал у него отталкивающего чувства, даже напротив. На педерастию он никогда не соглашался — и активная, и пассивная были для него в высшей степени отвратительны. При извращенных половых актах он всегда чувствовал себя в роли женщины. В симпатичных ему мужчин он влюблялся безгранично. Он готов был сделать для своего возлюбленного все. Один взгляд на него вызывал у него возбуждение и сладострастие.

В 19 лет он часто посещал дома терпимости по настоянию товарищей. Акт совокупления доставлял ему мало удовольствия,

и только в момент эякуляции он испытывал некоторое удовлетворение. Для того чтобы при сношениях с женщинами иметь эрекцию, он должен был воображать при этом любимого мужчину. Всего приятнее было бы для него, если бы женщина разрешила ему ввести пенис в рот, но этого ему никогда не позволяли. Поневоле он совершал половой акт и даже дважды сделался отцом. Последний ребенок — девочка 8 лет — уже начала заниматься мастурбацией и взаимным онанизмом, что его, как отца, сильно огорчает. Неужели против этого нет никаких средств? Пациент уверял, что по отношению к мужчинам (также и при половых сношениях) он всегда чувствовал себя в роли женщины. Он всегда был того мнения, что его половое извращение произошло оттого, что отец его во время оплодотворения хотел произвести на свет девочку. Его братья и сестры постоянно смеялись над ним из-за его женских манер. Вымести комнату, вымыть что-либо — всегда было для него приятным занятием. Часто удивлялись его способностям в этом отношении и находили, что он многое делает лучше, чем девушки. При всяком удобном случае он одевался в девичье платье. На масленице он появлялся на балах в женских костюмах. В этих случаях он, благодаря своей женской натуре, обнаруживал замечательное искусство кокетства.

К табаку, вину, мужским занятиям и удовольствиям у него никогда не было настоящего влечения, напротив, он с увлечением занимался шитьем и в детстве постоянно играл в куклы, за что часто получал выговоры. В цирке, в театре он интересовался только мужчинами. Часто он не мог противостоять желанию бродить по писсуарам с целью увидеть там мужские половые органы.

Женские прелести никогда ему не нравились. Половой акт удавался ему лишь тогда, когда он при этом думал о любимом мужчине. Ночные поллюции всегда сопровождались сновидениями, в которых сладострастные ощущения вызывались образами мужчин.

Несмотря на крайние эксцессы в половом отношении, он никогда не страдал половой неврастенией и вообще не обнаруживал никаких признаков неврастении.

Пациент нежного сложения, растительность на лице скудная, да и та проявилась только на 28-м году. В его внешности, за исключением несколько качающейся походки, нет ничего, что могло бы быть признаком женской натуры. Он уверяет, что над его женской походкой очень часто смеются. Манеры у него очень деликатные. Половые органы больших размеров, хорошо развиты, вполне нормальны, густо покрыты волосами; таз мужской. Череп рахитический, слегка гидроцефалический, с выпячиванием теменных костей. Лицевая часть черепа очень

мала. Пациент утверждает, что он легко возбудим и склонен к гневу.

Наблюдение 156. Тэйлору пришлось исследовать известную Элизу Эдварде, 24 лет. При этом выяснилось, что она принадлежит к мужскому полу. С 14 лет он одевался в женское платье, поступил в актрисы, носил длинные волосы с пробором посредине, как это делают женщины. В выражении его лица было что-то женское, в остальном тело вполне мужское. Бороду он тщательно выщипывал. Свои нормально развитые половые органы он при помощи искусственно сделанного бинта притягивал вверх к животу.

Обследование заднего прохода указывало на пассивную педерастию. *(Taylor.* — Medical Jurisprudence, 1873. II. P. 286, 473.)

Наблюдение 157. Своеобразное явление в смысле превратного полового ощущения представлял собою один чиновник средних лет, женатый на прекрасной женщине, с которой он прожил много лет в счастливом браке.

Из-за болтливости одной проститутки обнаружилась однажды следующая скандальная история. X. являлся приблизительно раз в неделю в дом терпимости, одевался женщиной вплоть до женского парика. Окончив туалет, он ложился на кровать и заставлял проститутку его мастурбировать. Гораздо больше удовольствия доставляло ему, если удавалось привлечь для этой цели мужчину (слугу в доме). Отец этого субъекта был отягощен наследственностью, неоднократно страдал умопомешательством и имел половую гиперестезию и парестезию.

4. *Андрогиния*

Ряд незаметных переходов приводит нас от предыдущей группы к таким извращенным половым типам, где в соответствии с ненормальным половым ощущением видоизменяется не только характер и вся область чувства, но где даже по строению костной системы, по выражению лица, голосу и т. д., вообще по антропологическим (а не только психическим или психосексуальным) признакам индивид приближается к тому полу, к которому он чувствует себя принадлежащим по своему отношению к лицам собственного пола. По всей вероятности, это антропологическое проявление церебральной аномалии есть очень высокая степень вырождения. Однако уклонения от нормы вызываются отнюдь не теми условиями, на которых основаны тератологические проявления гермафродитизма в анатомическом смысле. Это доказывается тем, что до сих пор в области полового извращения никогда не находили переходных форм к гермафродитическим изменениям половых органов.

Половые органы у этих субъектов всегда оказываются вполне дифференцированными в половом отношении, хотя нередко и представляют анатомические признаки вырождения (epihypospadia и т. д.), являющиеся только признаками задержки в развитии дифференцированных уже органов.

Относительно этой интересной группы женщин в мужском костюме и с мужскими половыми органами мы еще не имеем достаточных фактических данных. Всякий внимательный наблюдатель окружающей жизни легко может вспомнить виденные им существа мужского пола, обладавшие женским типом и женским характером (широкие бедра, округлость форм вследствие обилия жировой клетчатки, отсутствие или скудное развитие бороды, женские черты лица, тонкая кожа, высокий голос и пр.).

У представителей данной группы, равно как и у некоторых лиц из предыдущей группы, составляющих переходную ступень, чувство полового стыда, по-видимому, обнаруживается лишь по отношению к лицам собственного пола, а не по отношению к лицам противоположного пола.

Наблюдение 158. X., 30 лет, холостой, рожден от невропатической матери. По словам больного, в его семье нервных и душевнобольных не было; единственный брат больного духовно и телесно совершенно здоров. Пациент поздно развился в физическом отношении и потому много раз бывал на морских купаниях и на климатических курортах. С самого раннего детства имел невропатическую конституцию; по словам родных, он никогда не был похож на других мальчиков. Его отвращение к мужским занятиям и склонность к играм девочек обращали на себя внимание давно. Так, например, он не любил гимнастических упражнений и других игр мальчиков, между тем как игра в куклы и разные женские работы имели для него особую привлекательность. Впоследствии пациент достиг хорошего физического развития, тяжелых болезней не имел, но в психическом отношении остался ненормальным; у него не выработалось серьезного отношения к жизни, и его чувства и мысли имели резко выраженный женский характер.

На 17-м году появились поллюции, очень частые, в конце концов даже дневные; они очень ослабили больного и породили различные нервные расстройства. Развились признаки спинальной неврастении, которые уменьшились только в последние годы вместе с ослаблением поллюций. Онанизм отрицается, однако он очень вероятен. Со времени половой зрелости в пациенте стала все более обнаруживаться неустойчивая, мягкая, мечтательная натура. Все попытки заставить больного выбрать себе определенное призвание были напрасны. Хотя его интеллект формально и казался

ненарушенным, однако в действительности он был недостаточен для того, чтобы подняться до уровня фактора, формирующего самостоятельный характер и способствующего выработке широкого миросозерцания. Пациент остался несамостоятельным человеком, взрослым ребенком, и ничто так ясно не обнаруживало его патологической организации, как его неспособность обращаться с деньгами и его собственное признание в том, что у него нет умения вести правильный, разумный счет деньгам; как только у него появлялись деньги, он тотчас же тратил их на какие-либо редкости, на туалетные безделушки и т. п.

Так же мало было у пациента и умения добиться какого-либо сносного социального положения и даже понять важность и необходимость этого.

Ничего он не мог основательно изучить, проводил время за туалетом, искал себе развлечения в искусстве, а именно в рисовании; к последнему у него действительно были некоторые способности, но, за отсутствием терпения, он и в этой области не добился никаких результатов. Сосредоточиться на сколько-нибудь серьезной умственной работе он не мог, мысль его не шла дальше поверхности явлений, он постоянно был рассеян, всякий серьезный предмет навевал на него скуку. Необдуманные поступки, бесцельные путешествия, трата денег, необходимость прибегать к долгам — этим была заполнена его жизнь; при этом даже самые крупные проступки не доходили до его сознания. Он был своенравен, несговорчив, при всякой попытке поставить его на собственные ноги и внушить ему понимание своих интересов он оказывался совершенно несостоятельным.

Вместе с явлениями врожденной ненормальности психической организации были заметны также признаки превратного полового ощущения, которые наложили некоторый отпечаток и на физический облик пациента. В половом отношении он чувствует себя женщиной и ощущает склонность к лицам собственного пола при полном равнодушии, если не отвращении, к лицам женского пола. Правда, на 22-м году жизни он испробовал половые сношения с женщинами, причем мог совершать их вполне нормально, но вскоре он оставил женщин отчасти вследствие того, что после полового акта его неврастенические расстройства усиливались, частью вследствие боязни заражения, но главным образом — вследствие недостаточного удовлетворения, которое давали ему эти сношения. Относительно своей половой аномалии он не отдает себе ясного отчета: он не сознает в себе склонности к мужскому полу; он лишь стыдливо признает, что к некоторым мужчинам он испытывает чувство интимнейшей дружбы, которое, однако, не сопровождается чувственными побуждениями. Он не боится женщин, он даже мог бы решиться на брак, если бы ему

встретилась женщина, с которой у него были бы одинаковые эстетические склонности, и если бы от него не требовалось исполнения супружеских обязанностей, которые не только неприятны для него, но действуют на него расслабляющим и утомляющим образом. Он утверждает, что никогда не имел половых сношений с мужчинами; краска стыда на лице и общее смущение выдают лживость этого утверждения; кроме того, известен скандальный эпизод в N., где пациент в одной гостинице вступил в половые сношения с молодыми людьми.

Внешность пациента, вся его наружность, строение тела, походка, манеры, одежда — все это бросается в глаза и решительным образом напоминает женский тип. Правда, пациент выше среднего роста, но *грудная клетка и таз имеют резко выраженный женский характер. Сильно развит подкожный жировой слой; кожа нежная, тонкая, мягкая. Недостаток растительности на лице,* которое пациент к тому же еще бреет, подпрыгивающая походка, застенчивый, жеманный вид, женские манеры, расплывчатое, как вообще у невропатов, выражение глаз, следы пудры и краски на лице, странный покрой платья, широкое мешкообразное пальто и, наконец, гладко зачесанные к вискам волосы — все это еще более придает пациенту вид женщины в мужском костюме.

Физическое обследование с несомненностью обнаруживает женское строение тела. Наружные половые органы, правда, развиты нормально, но левое яичко находится в паховом канале. *Лобок сильно выступает вследствие обильного количества жировой клетчатки, волос на нем очень мало. Голос высокий без мужского тембра.*

Образ жизни и характер пациента также представляют типичные женские черты. У него имеется будуар с хорошо обставленным туалетным столиком, перед которым он проводит целые часы, всячески прихорашиваясь; он чуждается охоты, фехтования и других мужских занятий, сам себя называет остряком; любит говорить о своих картинах и поэтических опытах; интересуется женскими занятиями, сам занимается вышиванием; высшим счастьем считал бы жизнь в среде эстетически образованных, обладающих тонким вкусом мужчин и женщин, такую жизнь, которая была бы посвящена разговорам, музыке, эстетике и т. п. Разговор его вертится преимущественно около женских интересов — моды, рукоделия, кухни, домашнего хозяйства.

Пациент упитан, пожалуй, несколько анемичен. При невропатической конституции обнаруживает симптомы неврастении, которая поддерживается у него беспорядочным образом жизни, лежанием в постели, пребыванием в комнате,

изнеженностью.

Он жалуется на периодические боли и давление в голове, на привычный запор, легкую пугливость, частую усталость, разбитость, тянущие боли в конечностях в направлении пояснично-брюшных нервов; после еды ощущает усталость, *расслабление,* то же и после поллюций. Отростки грудных позвонков чувствительны к давлению, такую же чувствительность обнаруживают и все доступные ощупыванию нервные стволы. По отношению к некоторым лицам пациент проявляет странную симпатию, к другим — столь же непонятную антипатию; при встрече с антипатичными ему людьми впадает в состояние своеобразного страха и замешательства. Поллюции, теперь, правда, редкие, носят патологический характер, так как они появляются иногда днем и не сопровождаются вовсе сладострастным возбуждением.

Эпикриз. 1. Согласно данным наблюдения и полученным сведениям, X. представляет собою ненормальную, уродливую личность, и притом врожденно ненормальную. Одним из проявлений его ненормальной психофизической организации следует считать превратное половое ощущение. 2. Состояние это — врожденное и не поддается лечению. В высших психических центрах существует некоторый дефект организации, и это делает пациента неспособным к самостоятельной жизни и к достижению социального положения. Его превратное половое ощущение препятствует нормальной половой деятельности. Отсюда ряд последствий, имеющих значение в общественном отношении, между прочим, опасность удовлетворения его патологических склонностей неестественным путем, откуда, в свою очередь, вытекает возможность социальных и судебных конфликтов. Указанная опасность, впрочем, невелика, ибо половое чувство (извращение) развито у больного в незначительной степени. 3. X. нельзя считать невменяемым в юридическом смысле слова; в заведение для душевнобольных он не может быть принят, да и не нуждается в этом. Это — взрослое дитя, неспособное к самостоятельному существованию, однако он может жить в обществе, хотя бы под надзором и руководством психически нормальных людей. До известной степени больной в состоянии уважать законы и нормы гражданского общества и руководствоваться ими в своих поступках, однако в связи с возможностью совершения им на почве полового извращения противозаконных поступков, необходимо подчеркнуть, что его сексуальная ненормальность коренится в врожденных патологических условиях и что этот факт должен служить для него смягчающим обстоятельством. При его неоднократно доказанной несамостоятельности он не может быть освобожден от родительской или другой опеки, в противном случае он растратит свое состояние. 4. X. болен также и физически. Он обнаруживает симптомы легкой анемии и спинномозговой

неврастении. Необходимо разумное регулирование образа жизни, тонизирующее лечение, в случае надобности — водолечение. Можно подозревать этиологическую связь между указанными страданиями и онанизмом, которому больной предавался в прежнее время. Возможна также сперматорея; последнее предположение очень важно как в терапевтическом отношении, так и для уяснения этиологии. (Собственное наблюдение — Zeitschrift fur Psychiatric)

ПРЕВРАТНОЕ ПОЛОВОЕ ЧУВСТВО ВРОЖДЕННОГО ХАРАКТЕРА У ЖЕНЩИН

По вопросу о превратном половом ощущении у женщин современная наука обладает гораздо меньшим запасом наблюдений, чем относительно той же аномалии у мужчин. Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод, что превратное половое ощущение у женщин встречается гораздо реже, чем у мужчин, ибо если эта аномалия действительно представляет собой функциональное проявление вырождения, то ведь влияние дегенерации одинаково как у мужчины, так и у женщины.

Причины кажущейся редкости превратного полового ощущения у женщин нужно искать в том, что: 1) женщины гораздо труднее признаются в своих половых ненормальностях; 2) сношения между женщинами, возникающие на почве этой аномалии и «имеющие вид соития», в Германии не караются законом и вследствие этого нередко остаются скрытыми; 3) превратное половое ощущение является для женщины далеко не таким бременем, как для мужчины, ибо оно не делает ее физически неспособной к соитию; 4) женщины вообще отличаются меньшей чувственностью и не проявляют такой агрессивности в достижении полового удовлетворения, как это имеет место у мужчин, вследствие чего извращенные половые сношения между женщинами далеко не так бросаются в глаза и принимаются непосвященными за простую дружбу. Бывают ведь такие случаи (психического гермафродитизма, более того, полного полового извращения), где даже супруг не подозревает источника, из которого происходит фригидность жены.

То обстоятельство, что превратное половое влечение у женщин остается скрытым, в значительной степени обязано отсутствию закона, карающего за проявления однополой любви между женщинами: поэтому здесь невозможны разоблачения ни на почве шантажа, ни на почве судебного преследования. Непоследовательность законодательства в данном случае объясняется тем, что при перенесении § 175 из прусского уложения о наказаниях в германское извращенные сношения между мужчинами были истолкованы лишь как активная или пассивная педерастия и поскольку половые органы женщины делают анатомически невозможным такого рода преступление,

то был исключен и соответствующий пункт из статьи о мерах наказания. Отсюда понятно, что и вновь изобретенный термин «beischlafahnliche Handlungen», обозначающий действия, которые достаточны для признания указанного рода сношений, не только не соответствует точке зрения составителя § 175, но представляет просто неправильное, необоснованное толкование этого параграфа. Освобождение женщин от действий § 175 зиждется на двух ошибочных предположениях: 1) сношения между мужчинами есть педерастия, между тем как новейшие наблюдения показывают, что, по крайней мере, при превратном половом ощущении этот вид полового удовлетворения встречается лишь как исключение; 2) женщины неспособны совершить друг с другом половое преступление. В действительности, однако, женщинам это не менее доступно, чем мужчинам, ибо с физиологической точки зрения важно лишь то, что субъект путем того или иного полового действия доходит до оргазма и эякуляции и получает таким путем половое удовлетворение.

При достаточном раздражении эрогенных областей и у женщины появляется процесс, аналогичный эякуляции у мужчины; поэтому тот акт, который вызывает этот процесс, должен считаться эквивалентным совокуплению, не говоря уже о том, что при применении приапа половой акт делается в значительной степени похожим на нормальный. Раздражение эрогенных областей при акте между женщинами совершается обычно с помощью куннилингуса или взаимного поглаживания (трения) гениталий; и то и другое суть не что иное, как «beischlafahnliche Handlungen» в смысле новой германской уголовной практики, то есть действия, достаточные для состава преступления по § 175.

В этом случае австрийское законодательство гораздо последовательнее, так как оно предусматривает это преступление и между женщинами.

Впрочем, за 60 лет, со времени введения в Австрии последнего уголовного кодекса, не было ни одного случая обвинения женщины в такого рода преступлении (процесс графини Сарольты, см. наблюдение 173, возник вследствие обмана и ложного доноса). Общественное мнение в Австрии смотрит на половые сношения между женщинами как на преступление скорее против нравственности, чем против закона. Между тем куннилингус между женщинами, как и феллация между мужчинами, а также и трибадия совершенно равнозначны толчкообразным движениям между бедрами или другим действиям, напоминающим половой акт, которые в Германии считаются наказуемыми у мужчин.

Нельзя не поставить в упрек немецкому уголовному

законодательству, что оно совершенно непоследовательно, наивно и на ошибочных основаниях сформулировало и до сих пор сохраняет § 175.

Что касается *частоты* половых сношений между женщинами, то некоторые места Священного писания, затем греческая история («сафическая любовь»), история нравов Древнего Рима и средних веков устанавливают с несомненностью тот факт, что сексуальное общение женщин существовало во все века так же, как оно существует в настоящее время в гаремах, женских тюрьмах, домах терпимости, пансионах, будуарах (см. ниже лесбиянство).

Впрочем, необходимо признать, что в большинстве случаев такие сношения зависят от извращенности, а не от извращения полового чувства.

Необходимо твердо помнить, что половые сношения с лицами собственного пола сами по себе отнюдь не указывают на наличие полового извращения. О последнем можно говорить лишь тогда, когда для того или иного лица имеют притягательную силу физические и психические вторичные половые признаки другого лица того же пола и когда эти признаки являются для первого импульсом к половым сношениям.

Мои наблюдения давно уже привели меня к тому заключению, что зачатки превратного полового ощущения встречаются у женщин столь же часто, как и у мужчин, но что в силу ряда благоприятных обстоятельств — влияния воспитания, которое в значительной степени ограничивает роль полового чувства, далее того, что среди девушек совращение к взаимному онанизму играет гораздо меньшую роль, чем среди мальчиков, наконец, что половое чувство у женщины развивается лишь вместе с половыми сношениями, которые в большинстве случаев совершаются с лицами другого пола, — вследствие всего этого патологические зачатки остаются неразвитыми и, может быть, находят себе замену в нормальных половых сношениях между мужем и женой, совершаемых под давлением закона и обычая. Одно можно сказать с уверенностью, что добрая доля всех случаев длительной фригидности и анафродизии, которые столь часто встречаются среди замужних женщин, имеют в основе подобного рода недоразвитое или задавленное половое извращение.

Совершенно иначе обстоит дело в том случае, когда имеющееся предрасположение усиливается еще одной аномалией, а именно половой гиперестезией. В этих случаях женщина уже по собственному побуждению или под влиянием совращения со стороны кого-либо из подруг начинает заниматься онанизмом

или сношениями с лицами собственного пола. Здесь мы встречаем те же условия, как и при приобретенном превратном половом ощущении, изображенном мною выше.

Раз имеется предрасположение в форме двуполой организации, или недостаточного функционирования какого-либо из отправлений, служащих для развития нормальных половых ощущений, или, наконец, в форме превратного полового чувства, то однополая любовь может развиться под влиянием ряда обстоятельств, а именно:

1) Вследствие половой гиперестезии возникает автомастурбация. Последняя ведет к неврастении со всеми ее последствиями, например к анафродизии во время естественных половых сношений при неослабевающем половом влечении.

2) Та же причина (половая гиперестезия) ведет к однополым сношениям в случаях, когда естественные сношения невозможны (обитательницы тюрем, девушки из высших слоев, для которых невозможны сношения с мужчинами из-за надзора или боязни беременности). Это самая многочисленная группа. Совратительницами являются обыкновенно служанки, иногда подруги с извращенным половым чувством, а в пансионатах — даже учительницы.

3) При импотенции мужа, когда жена испытывает только раздражения без действительного удовлетворения, у нее может развиться неудовлетворенное половое влечение, которое она утоляет мастурбацией, далее женские поллюции, неврастения и, наконец, отвращение к совокуплению и вообще к мужчинам.

4) Проститутки с повышенной чувственностью под влиянием сношений с извращенными или импотентными мужчинами, которые принуждают их к отвратительнейшим половым актам, в конце концов начинают чувствовать симпатию к лицам собственного пола и привязываются к ним.

Все эти случаи, когда половое извращение развивается случайно и является приобретенным, составляют среди женщин перечисленных категорий довольно частое явление.

Но у женщин нередко встречаются также случаи врожденного полового извращения, что доказывается как всеми собранными до сих пор фактами, так и повседневным опытом. Если внимательно изучать женщин в больших городах, то часто можно найти среди них лиц, возбуждающих подозрение относительно уранизма (гомосексуализма) своими короткими волосами, мужским покроем верхнего платья и пр.

Я помню одну даму с жесткими чертами лица, мускулистым

сложением тела, узким тазом и мужской походкой; она коротко подстригала свои волосы и носила мужскую шляпу, мужское пальто, пенсне и сапоги на каблуках. Эта дама, как потом оказалось, небезызвестная художница, пила и курила не хуже любого студента, любила мужской спорт и вращалась исключительно в женском обществе, где ее охотно принимали благодаря ее виртуозному насвистыванию под аккомпанемент рояля. Далее, среди актрис и опереточных певиц встречаются также не очень редко лица с превратным половым ощущением, в особенности среди исполнительниц мужских ролей, ибо эти роли хорошо удаются женщинам с мужским характером.

Что касается клиники этой аномалии, то здесь можно ограничиться немногими словами, ибо мы наблюдаем в ней с известными оговорками те же явления, что и у мужчины, и те же самые ступени развития. При *психическом гермафродитизме* и при *однополом половом влечении* женщина не обнаруживает своей аномалии никакими внешними симптомами и никакими вторичными психическими признаками, свойственными мужскому типу. Примечательно, что доктор Флатау (Молль, указ. соч., с. 528) при обследовании 23 женщин с половым извращением нашел у некоторых из них резко выраженную мужскую форму гортани.

Переходную ступень к *вирагинизму* (вирилизации — аналогична эффеминации у мужчины) составляют женщины, которые любят ходить в мужском платье. В сновидениях, в мечтах или при действительных сношениях с лицами собственного пола эти женщины чувствуют себя в индифферентной половой роли.

При вполне развитой вирагинии женщина чувствует себя по отношению к другой женщине в роли мужчины.

На этой ступени существует стыдливость по отношению к лицам собственного пола, но не к мужчинам.

Здесь обычно аномалия уже на ранней ступени обнаруживается в мужских половых признаках.

Женский урнинг охотно проводит время в местах, где собираются юноши. Он любит состязаться с ними в играх. В детстве он не любит играть в куклы и занимается игрой в лошадки, в разбойники, ездит на палочке и пр. К женским занятиям он обнаруживает не только нелюбовь, но нередко прямо-таки неспособность. На туалет он не обращает внимания, ему нравится простая жизнь, он ищет приключений. Вместо искусства у него обнаруживаются склонности к наукам. Иногда ему приходит в голову начать пить и курить; и то и другое может затем сделаться страстью.

В парфюмерии и лакомствах он не находит никакого удовольствия. Мысль, что он рожден женщиной и что вследствие этого ему недоступен университет с его вольной жизнью и военная служба, заставляет его страдать.

В занятиях, требующих отваги и мужского характера, в склонности к мужскому спорту эти амазонки обнаруживают в своей женской груди мужскую душу. В них заметно стремление носить мужскую прическу, платье мужского покроя, при удобном случае они не прочь одеться в мужское платье и сойти за мужчину. Случаи, когда среди мужчин обнаруживают переодетых женщин, совсем не редки. Примеры, когда женщины много лет с успехом разыгрывают роль мужчин, представляют случаи Мюллера (в «Friedreichs Blatter»), Визе и др.

Идеалом для этих вирагинисток являются исторические и современные женщины, выдающиеся по своему таланту и деятельности.

Самую тяжелую ступень дегенеративного полового извращения представляет *гинандрия.* Здесь мы имеем дело с такими женщинами, у которых только наличествуют женские половые органы, но которые являются вполне мужчинами по своим чувствам, мыслям, поступкам и внешности.

Такие полуженщины с мужским скелетом, тазом, походкой, осанкой, суровыми мужскими чертами лица, грубым, низким голосом и т. п. не очень редко встречаются в общественной жизни.

Об образе жизни и о способах полового удовлетворения этих женщин интересные сведения сообщает Молль (указ. соч., с. 532).

С соответствующими оговорками мы встречаем здесь то же, что у мужчин с превратным половым влечением к мужчинам. Эти лица ищут друг друга, находят, знакомятся, влюбляются, живут нередко как «отец» и «мать» в интимном браке. Подозрения относительно наличия полового извращения должны возбуждать все те (довольно частые) объявления, где дамы ищут себе «компаньонок».

Очень многие женщины, страдающие психическим гермафродитизмом и даже однополой организацией, заключают браки с мужчинами — отчасти вследствие непонимания своей аномалии, отчасти с целью обеспечить свою жизнь. Иногда такие браки оказываются более или менее прочными, если муж духовно симпатичен жене и если несчастная женщина находит силы исполнять свои супружеские обязанности.

Обыкновенно, однако, родив 1—2 детей, она начинает под тем или другим предлогом избегать половых сношений. Еще чаще случается, что вследствие «непобедимого отвращения» жены брак терпит крушение. Превратные половые сношения встречаются и у замужних женщин так же, как и у женатых мужчин.

При виргинизме брак невозможен, так как даже мысль о половом акте с мужчиной вызывает отвращение и ужас.

Половое удовлетворение у этих женщин часто ограничивается одними только поцелуями и объятиями; при слабой чувственности женщины довольствуются этим, при половой неврастении они, вероятно, находят удовлетворение в эякуляции.

Автомастурбация встречается, по-видимому, на всех ступенях этой аномалии так же, как и у мужчины, в тех случаях, когда недоступны другие способы удовлетворения.

При сильной чувственности дело доходит до куннилингуса и взаимной мастурбации.

На 3-й и 4-й ступенях потребность проявить по отношению к возлюбленному лицу собственного пола активную роль ведет нередко к применению приапов. Зачастую встречается здесь также и трибадия.

Наблюдение 159. Психический гермафродитизм. X., 26 лет, страдает неврастенией. Тяжелая наследственность, периодически навязчивые представления. 7 лет замужем, имеет двух здоровых детей, мальчика 6 лет и девочку 4. Когда удалось добиться доверия со стороны пациентки, она рассказала, что уже издавна чувствует большее влечение к лицам собственного пола и что, хотя она уважает и любит своего мужа, сношения с ним ей противны. Ей удалось достигнуть того, что со времени рождения последнего ребенка она не имела с ним больше сношений. Уже в пансионе она настолько интересовалась некоторыми молодыми женщинами, что могла бы назвать это любовью.

Время от времени она чувствовала влечение и к отдельным мужчинам, и в последнее время один из них сделался даже опасным для ее добродетели: она находилась под страхом, что может забыться в его присутствии, и потому избегала оставаться с ним наедине. Однако все это — только мимолетные эпизоды на фоне ее постоянного страстного влечения к лицам собственного пола.

Целовать, обнимать женщин, быть с ними в интимных

отношениях — об этом она постоянно мечтала. Отсутствие удовлетворения в этом плане мучило ее и играло существенную роль в ее нервозности. Определенной половой роли по отношению к лицам собственного пола пациентка не чувствует; в сношениях с ними она не могла бы идти дальше поцелуев, объятий, ласк. Пациентка сама считает себя чувствительной натурой. Вполне вероятно, что она занимается мастурбацией.

Ее половое извращение кажется ей «неестественным, болезненным».

В наружности этой дамы нет ничего такого, что указывало бы на описанную аномалию.

Наблюдение 160. Психический гермафродитизм. М., 44 лет, считает себя примером того, что в одном и том же человеке — все равно, мужчине или женщине — может совмещаться как нормальная, так и извращенная половая организация.

Отец этой женщины обладал значительными музыкальными способностями и вообще большими талантами в области искусств, был красавцем, бонвиваном и большим почитателем прекрасного пола. Умер он психически больным после ряда апоплексических приступов. Брат отца был нервопсихопатическим субъектом, в детстве страдал сомнамбулизмом, впоследствии некоторое время половой гиперестезией. Так, например, будучи женатым человеком и даже отцом уже женатых сыновей, он безумно влюбился в М., свою племянницу, 18-летнюю девушку, так что пытался даже увезти ее. Дед пациентки со стороны отца — известный артист — был в высшей степени эксцентричным субъектом. Сперва он изучал теологию, но затем почувствовал неудержимое влечение к драматическому искусству и сделался мимом и певцом. Он предавался эксцессам в смысле пьянства и разврата, был расточителен, любил комфорт и умер 49 лет от инсульта. Дед и бабка пациентки со стороны матери умерли от чахотки.

У М. было 11 братьев и сестер; из них осталось в живых шестеро. Два брата, унаследовавших физическое сложение матери, умерли на 16-м и 20-м году жизни от туберкулеза. Третий брат страдает горловой чахоткой. Четыре сестры, как и сама М., унаследовали сложение отца; старшая сестра незамужняя, очень нервозна и нелюдима. Две младших сестры замужем, здоровы и имеют здоровых детей. Еще одна сестра — девушка, нервнобольная.

М. имеет четверых детей, из которых некоторые отличаются нежной, невропатической организацией.

О своем детстве пациентка не сообщает ничего существенного.

Учение ей давалось легко, у нее были поэтические и эстетические дарования; она казалась несколько экзальтированной любила читать романы, была немного сентиментальна, невропатична, очень чувствительна к колебаниям температуры при малейшем сквозняке получала тяжелую форму cutis anserina (букв, гусиная кожа). Заслуживает упоминания еще следующий эпизод. Однажды на 10-м году жизни пациентка вообразила, что мать не любит ее. Чтобы привлечь любовь матери, она решила серьезно заболеть и для этого выпила настой спичек в кофе.

С 11 лет развитие пациентки шло нормально. Регулы появились своевременно и были правильны. Половая жизнь проснулась в ней еще до наступления половой зрелости; вообще половые ощущения, по мнению самой пациентки, были у нее очень сильны и в продолжение всей последующей жизни Первые ощущения и влечения явно носили превратный характер. У пациентки появилась страстная, хотя и вполне платоническая любовь к одной молодой даме; она стала писать ей стихи сонеты и была счастлива, когда ей удавалось иногда видеть предмет своей страсти в ванне, любоваться ее «восхитительными формами» и упиваться видом ее плеч, грудей шеи. Ей однако, всегда удавалось победить в себе страстное желание дотронуться до прелестей своей возлюбленной. Когда она была молодой девушкой, то серьезно влюбилась в мадонн Рафаэля и Гвидо Рени. Она целыми часами во всякую погоду ходила за красивыми женщинами и девушками, любуясь их видом и ловя случай чем-нибудь угодить им, предложить им букет и т. д. Пациентка уверяет, что до 19 лет она абсолютно не имела никакого представления о различии полов, так как жила у очень набожной тетки, старой девы, которая дала ей, по существу, монастырское воспитание. Вследствие такой феноменальной наивности пациентка сделалась жертвой одного страстно любившего ее мужчины, который хитростью заставил ее совершить половой акт. Она сделалась женой этого человека, родила ребенка, жила с ним «интенсивной» половой жизнью и чувствовала себя вполне удовлетворенной супружескими сношениями Через несколько лет она овдовела. С этого времени предметом ее влечений сделались снова женщины, главным образом, как объясняет сама пациентка, потому, что ее страшили последствия полового общения с мужчиной.

На 27-м году вторичный брак с болезненным субъектом, к которому она не чувствовала никакого влечения. Пациентка родила 3 детей, несла свои материнские обязанности, сильно похудела; за последние годы стала ощущать все большее отвращение к сношениям, отчасти из-за того, что знала о болезни супруга. В то же время у нее по-прежнему сохранилась настойчивая потребность в половом удовлетворении.

Через 3 года после смерти второго мужа пациентка неожиданно открыла, что ее 9-летняя дочь от первого брака занимается онанизмом. Она прочла в энциклопедическом словаре об этом пороке и не могла устоять против искушения испробовать его на себе; таким образом она сделалась онанисткой. Она не решается, однако, подробно рассказать об этом периоде своей жизни. Пациентка утверждает, что была в это время страшно возбуждена в половом отношении и что ей пришлось в конце концов отдать своих дочерей из дому, чтобы избавить их от «чего-то ужасного», что могло случиться; между тем своих двух сыновей она смогла оставить дома!

Онанизм сделал пациентку неврастеничной (спинномозговое раздражение, тяжесть в голове, разбитость, психическое угнетение и т. д.); у нее даже появлялось мучительное чувство отвращения к жизни.

Ее половое влечение колебалось между мужчиной и женщиной. Но она умела владеть собой, хотя сильно страдала от воздержания; в крайнем случае, из-за неврастенических расстройств, она иногда искала облегчения в мастурбации. В настоящее время эта 44-летняя, еще правильно менструирующая женщина страдает от страстной любви к одному молодому человеку, с которым ее постоянно сталкивает ее профессия.

По своей наружности пациентка не представляет ничего особенного; она нежного сложения, имеет слабую мускулатуру, женский таз, но очень крупные — и безусловно мужского типа — руки и ноги. Хотя женская обувь тесна ей, она, чтобы не обратить на себя внимания, все-таки носит ее; таким образом она изуродовала свои ноги. Половые органы развиты совершенно нормально. Налицо только опущение матки и гипертрофия влагалищной части; других изменений не заметно. При более подробном расспросе пациентки оказывается, что она считает своим нормальным состоянием влечение к собственному полу, влечение же к другому полу кажется ей случайным и грубочувст-венным. Так, хотя она в настоящее время сильно страдает от полового влечения к упомянутому выше мужчине, однако считает более высоким и благородным наслаждением запечатлеть поцелуй на нежной, мягкой девичьей щеке. Это наслаждение, по ее словам, предоставляется ей часто, ибо «милые создания» любят ее, как свою «добрую тетку»; она бескорыстно оказывает им всевозможные рыцарские услуги и чувствует себя при этом мужчиной.

Какие тяжелые душевные муки переживают иногда женщины на почве столкновения превратного полового влечения с высокоразвитым нравственным чувством, показывает

следующий случай.

Наблюдение 161. Превратное половое чувство у женщины. Ко мне обратилась с письмом следующего содержания X., незамужняя.

«Одна 50-летняя женщина, страдающая несколько лет болезнью сердца и с раннего детства предрасположенная к превратному половому чувству, впала в безграничное отчаяние вследствие того, что молодая женщина, которую она безумно любит, вышла замуж. Днем и ночью преследует ее мысль о самоубийстве, и кажется почти невероятным, чтобы она не привела этой мысли в исполнение, ибо жизнь сделалась для нее беспрерывной мукой. Окружающие, равно как и сама молодая приятельница ее, не имеют никакого представления о душевном состоянии несчастной женщины; они знают только, что она очень тоскует. Днем и ночью она испытывает ужаснейшие мучения, и только путем величайших усилий ей удается исполнять свои семейные и общественные обязанности. Она не видит никакого выхода из своего положения, кроме смерти. Перехожу от третьего лица к первому и спрашиваю вас, считаете ли вы меня безумной. В последнее время у меня было немало забот и беспокойства другого рода, но главная причина моего душевного состояния — это безграничная тоска о моей возлюбленной девушке. Мы не находимся с нею в каких-либо родственных отношениях: мы познакомились друг с другом несколько лет тому назад. Как я ее полюбила неожиданно для себя и как много я исстрадалась, когда она недавно вышла замуж, этого она не знает. Она бы совершенно не поняла такой любви, как моя, и я остерегалась какой-либо неосторожностью вызвать с ее стороны охлаждение ко мне. Я неизменно сохраняла корректную роль старшего друга или доброй матери. В молодости я привлекала к себе сердца многих прекрасных мужчин без всяких усилий со своей стороны; мужчины эти остались моими друзьями, так как я вообще не хотела вступать в брак и так как все они были для меня безразличны. Еще и сейчас мне нередко говорят, что я представляю гармоническую, чисто женскую натуру. Все доводы рассудка разбиваются о чувство мучительной ревности к тому мужчине, который будет обладать этим обворожительным существом, полным прелести и благородства, которое встретилось мне на жизненном пути для того, чтобы дать мне представление о действительном счастье, которое возможно на земле. Чего я не могу понять, так это того, как мое больное сердце так долго выдерживает все эти муки, как оно не разорвется? Правда, я чувствую боли и какие-то странные ощущения в области сердца, бывают сердцебиения и такие неправильные, что мне делается больно, пульс по большей части доходит до 100 ударов, тем не менее я все-таки существую. О, если бы естественным путем поскорее наступила развязка! Я ненавижу всякие насильственные действия и не люблю

рисоваться».

Наблюдение 162. Влечение к собственному полу. Л., девушка 55 лет. О семье отца нет сведений. О родителях матери известно, что это вспыльчивые, непостоянные и нервные люди. Один из братьев матери — эпилептик, другой — отличается эксцентричностью и не вполне нормален в психическом отношении.

Мать страдала половой гиперестезией и долгое время была Мессалиной. Ее считали психопаткой, умерла она 69-ти лет от какого-то мозгового заболевания.

Л. развивалась нормально, перенесла несколько легких детских болезней, обладала прекрасными способностями, но все-таки имела невропатическое сложение, была легко возбудима и страдала различными формами тика.

На 13-м году за 2 года до первой менструации впервые проснулась в ней любовь к одной старшей по возрасту подруге; это было «мечтательное чувство, еще совершенно чистое от всякой чувственности».

Во второй раз она влюбилась в более взрослую девушку, бывшую уже невестой; это чувство сопровождалось мучительными чувственными ощущениями, ревностью и еще не вполне ясным сознанием, что в этой любви есть «что-то непристойное». Не встретив взаимности, пациентка влюбилась в другую женщину; последняя была на 20 лет старше нее, жила в счастливом супружестве и имела детей. Она умела сдерживать свои чувственные побуждения, так что та женщина никогда не знала истинной причины этой удивительной привязанности, которую она в продолжение 12 лет сама охотно поддерживала. Пациентка говорит об этом времени как о длинном ряде беспрерывных мук.

В последние годы, начиная с 25-летнего возраста, она стала искать удовлетворения в мастурбации. Одно время она серьезно подумывала о браке, полагая найти в нем спасение, но совесть говорила против этого: она боялась передать свое несчастье детям или сделать несчастным своего мужа.

Когда ей было 27 лет, с нею сблизилась одна девушка, которая сделала ей совершенно откровенные предложения, изобразила ей всю нелепость воздержания и разъяснила свое превратное половое влечение. Пациентка терпела страстные ласки этой девушки, не допуская, однако, ее до каких-либо половых сношений, ибо чувственные наслаждения без любви казались ей противными.

Пациентка оставалась неудовлетворенной и физически, и психически; ее мучило сознание испорченной жизни; и так проходил год за годом. Временами она увлекалась кем-нибудь из женщин своего круга, но всегда умела удерживать себя. У нее даже хватило сил освободиться от мастурбации.

На 38-м году Л. познакомилась с 19-летней девушкой, редкой красавицей, происходившей из развращенной семьи и начавшей под влиянием своих кузин рано заниматься взаимным онанизмом. Трудно решить, представляла ли эта А. случай психического гермафродитизма или приобретенного превратного полового ощущения. Первое предположение кажется более вероятным.

Заимствуем из автобиографии Л. следующий отрывок:

«Моя ученица А. начала обнаруживать ко мне страстную любовь. Она мне была в высшей степени симпатична. Так как я знала, что у нее завязалась безнадежная любовь к одному развратнику и что ее продолжают развращать ее кузины, то я не хотела отталкивать ее от себя. Сострадание и мысль о том, что ей грозит полная гибель, побудили меня идти навстречу нашему сближению.

Я не считала опасным ее влечение ко мне, так как мне казалось невозможным, чтобы в *одной* душе могли ужиться *две* страсти — к женщине и к мужчине одновременно (я имею в виду упомянутую выше любовь), к тому же я была уверена, что у меня хватит сил оказать сопротивление. И вот я удержала при себе А. и старалась выполнить свою нравственную обязанность и использовать ее любовь ко мне с целью поднять ее нравственный уровень. Вскоре, однако, я убедилась, насколько безрассудны были мои намерения. Однажды, когда я дремала, А. бросилась на меня в припадке страсти. Я вовремя проснулась, и, будь я нравственно сильнее, я бы еще успела прогнать ее. Но я была страшно возбуждена, находилась как бы в опьяненном состоянии — и она победила.

Трудно описать, что я почувствовала после этого. Горькое разочарование в своих намерениях, которые я поддерживала ценой стольких усилий, страх разоблачения и позора, торжество по поводу своего освобождения от мучительной борьбы и бессонных ночей, невыразимое чувственное удовлетворение, негодование к своей неблагородной приятельнице и в то же время чувство самой глубокой нежности к ней — все это я испытывала одновременно. А. смеялась над моим душевным состоянием и ласково старалась меня успокоить.

Так я очутилась в новом положении. Наша связь длилась долгие годы. Мы продолжали предаваться взаимному онанизму,

никогда не впадая ни в эксцессы, ни в цинизм.

С течением времени наша чувственная связь стала все чаще и чаще прерываться. В А. стала ослабевать нежность ко мне, моя же оставалась неизменной, хотя я и не испытывала более чувственных вожделений. А. носилась с планами относительно замужества — отчасти потому, что искала обеспеченной жизни, отчасти же и главным образом потому, что ее чувственность снова вошла в нормальное русло. Наконец ей удалось найти мужа. Пусть она доставит ему счастье, если может; я в этом, однако, сомневаюсь. И вот мне приходится теперь прожить свою старость без радости и без друзей, так же, как я прожила раньше свою молодость.

С тоской вспоминаю я теперь о том времени, которое я провела со своей возлюбленной. То, что я была с нею в половой связи, это не может отягчать мою совесть, так как я сделалась жертвой ее извращенности и так как я честно стремилась спасти ее от нравственного падения и сделать ее образованным и благородным человеком, что мне и удалось. Кроме того, меня успокаивает мысль, что нравственные законы созданы только для нормальных людей и не могут быть обязательными для людей ненормальных. Конечно, человек с утонченными чувствами не может быть счастлив, если он знает, что природа создала его отверженным, а культурное общество презирает его. Во мне, однако, жило всегда какое-то грустное спокойствие, и я даже бывала временами счастлива, когда верила, что и моя возлюбленная счастлива.

Такова история несчастной женщины, у которой роковая прихоть природы отняла все радости жизни, оставив ей в удел одно только горе».

Я познакомился с автором этих строк, являющихся и биографией, и историей болезни в одно и то же время. Это была очень образованная женщина с грубыми чертами, крупными костями, но с вполне женским строением тела. Несколько лет тому назад у нее без особых расстройств наступил климактерий, и с тех пор она чувствует себя свободной от всяких проявлений чувственности. По отношению к любимым женщинам она никогда не чувствовала себя в определенной роли; к мужчинам никогда не испытывала полового влечения.

Что касается семейных условий и общего состояния здоровья ее прежней возлюбленной А., то пациентка сообщила, что та имела болезненную наследственность, что отец ее умер в больнице для душевнобольных, а мать в климактерическом периоде сделалась нелюдимой, что в семье ее было много неврозов и что сама А. долгое время страдала тяжелой истерией с периодическим

галлюцинаторным бредом.

Наблюдение 163. Влечение к собственному полу. С, 38 лет, гувернантка, обратилась ко мне за врачебным советом по поводу нервного состояния. Отец страдал временами умопомешательством и умер от какого-то мозгового заболевания. Пациентка — единственная дочь. Уже в детстве испытывала чувство страха и мучительные представления; так, например, она воображала себя проснувшейся в гробу или начинала бояться, что забудет что-либо во время исповеди и недостойным образом совершит таинство причастия. Много страдала от головных болей, всегда была очень возбуждена, пуглива, но в то же время испытывала желание видеть страшные вещи, например трупы.

Половое возбуждение обозначилось у нее еще в самые ранние детские годы, так что она без всякого влияния извне стала заниматься онанизмом. На 14-м году наступили регулы, которые затем стали сопровождаться territorializing коликообразными болями, сильным половым возбуждением, мигренью и психическим угнетением. На 18-м году пациентке удалось победить в себе стремление к мастурбации.

Пациентка ни разу не чувствовала влечения к лицу другого пола. Если она думала о браке, то только потому, что хотела себя таким образом обеспечить. Напротив, к девушкам она чувствовала сильное влечение. Сначала она смотрела на это чувство как на дружбу, но затем, видя, с какой силой она привязывалась к своим подругам и какую тоску она испытывала при разлуке с ними, она поняла, что тут имеется нечто большее, чем дружба.

Ей казалось непонятным, что девушка может любить мужчину, но что мужчина может любить девушку — это она легко допускала. Она всегда обнаруживала живой интерес к красивым девушкам и женщинам, один вид их приводил ее в сильное возбуждение. Постоянной мечтой ее было целовать и обнимать эти милые создания. Во сне она никогда не видела мужчин, а только девушек. Наслаждаться их видом было для нее высшим счастьем. Разлука с такими «подругами» повергала ее иногда в настоящее отчаяние.

Пациентка, имеющая вполне женскую и очень благородную наружность, утверждает, что никогда не чувствовала себя по отношению к своим подругам в какой-либо особой роли, даже во сне. Имеет женский таз и развитые груди; никаких следов растительности на лице.

Наблюдение 164. Влечение к собственному полу. Р., 35 лет, по происхождению аристократка. В 1886 г. я был приглашен ее

мужем для совета.

Отец ее — врач — был невропатическим субъектом. Дед со стороны отца был здоров, нормален и дожил до 96 лет. О матери отца нет сведений. Братья и сестры отца, по-видимому, все были нервны. Мать пациентки нервнобольная женщина, страдала астмой. Родители матери были совершенно здоровы. Сестра ее страдала меланхолией.

Пациентка уже с 10 лет начала страдать привычной головной болью, преодолела корь, другими болезнями в детстве не страдала. Отличалась дарованиями, получила прекрасное воспитание; обнаруживала особый талант к музыке и языкам; обстоятельства заставили ее сделаться гувернанткой, и ей пришлось в юности много заниматься напряженным умственным трудом. В 17 лет она некоторое время страдала меланхолией, но без бреда. Пациентка сообщает, что она с самого раннего возраста чувствовала симпатию только к лицам собственного пола, мужчины в лучшем случае интересовали ее лишь с эстетической стороны. Вкуса к женским работам у нее никогда не было. В детстве она охотнее всего играла с мальчиками.

Пациентка утверждает, что до 27 лет она была совершенно здорова. На 27-м году она без всякой внешней причины заболела психически: стала считать себя дурным человеком, полным грехов, ни в чем не находила больше радости, лишилась сна. Во время этой болезни ее преследовали навязчивые представления: ей все представлялась ее собственная смерть и смерть ее близких. Через 5 месяцев наступило выздоровление. Она поступила в гувернантки, много работала и, за исключением некоторых неврастенических расстройств, а именно явлений раздражения спинного мозга, — ничем не болела.

Когда ей было 28 лет, она познакомилась с одной дамой, которая была на 5 лет ее моложе. Она влюбилась в нее и встретила с ее стороны взаимность. Любовь была очень чувственной, удовлетворение достигалось взаимным онанизмом. «Я ее боготворила, это было такое благородное существо», — говорит пациентка, вспоминая о своей возлюбленной. Любовь эта продолжалась 4 года и кончилась в результате замужества (кстати сказать, несчастного) подруги.

В 1885 г. после целого ряда душевных волнений пациентка снова заболела. Болезнь носила характер истероневрастении (гастродиспепсия, спинномозговое раздражение, приступы токсических судорог, гемиопия, мигрени, преходящая афазия, зуд в области половых органов и заднего прохода). В феврале 1886 г. эти симптомы ослабли.

В марте пациентка познакомилась с ее теперешним мужем и без

долгих размышлений решила выйти за него замуж, так как он был богат, любил ее и был ей симпатичен.

6 апреля она случайно сказала фразу: «Смерть не щадит никого». Вдруг, как гром среди ясного неба, ворвались в ее мозг все ее прежние навязчивые представления о смерти. Она начала выдумывать самые ужасные сцены собственной смерти и смерти ее близких, потеряла покой и сон, ни в чем больше не находила радости. Через некоторое время состояние ее улучшилось. В конце мая 1886 г. она вышла замуж; ее, однако, в то время еще мучила мысль, что она сделает мужа и друзей своих несчастными.

6 июня имел место первый половой акт. Он произвел на нее очень тяжелое впечатление. Не таким вовсе представляла она себе брак! Вначале ее начало преследовать непобедимое отвращение к жизни. Муж, горячо любивший ее, старался сделать все возможное, чтобы ее успокоить. Призванные на совет врачи высказали мнение, что все пойдет хорошо, если только она забеременеет! Муж никак не мог объяснить себе загадочное поведение жены. Она относилась к нему дружелюбно, не протестовала против его ласк; при акте совокупления, которого всячески избегала, она вела себя совершенно пассивно; после него испытывала целыми днями слабость, утомление, явления спинномозгового раздражения.

Во время одного путешествия, которое она совершила с мужем, ей пришлось встретиться со своей прежней возлюбленной, которая уже 3 года жила в несчастливом браке. Обе женщины бросились друг к другу в объятия и задрожали от блаженства и возбуждения. После этого они были неразлучны. Муж находил, что в этой дружбе есть что-то странное, и настаивал на скорейшем отъезде. Случайно ему попалась переписка его жены с этой «подругой», и он убедился, что письма их носят характер писем влюбленных.

Р. забеременела. Во время беременности исчезли последние остатки психического угнетения и навязчивых представлений. В середине сентября аборт на 9 неделе. Вслед за тем новые приступы истероневрастении. Кроме того, смещение матки вправо и в антефлексию, анемия, атония желудка.

Во время моего посещения пациентка произвела на меня впечатление в высшей степени отягощенной, невропатической личности. Невропатическое выражение глаз несомненно. Внешний вид вполне женский. За исключением очень узкого и крутого нёба, никаких ненормальностей в скелете. Пациентка неохотно говорит о своей половой аномалии. Она жалуется, что вышла замуж, не зная, что в действительности представляет собой брак между мужчиной и женщиной. Она, правда, сердечно

любит своего мужа за его душевные качества, но супружеские сношения для нее мучительны; она переносит их только благодаря усилиям воли, но никакого удовлетворения от них не получает. После полового акта она целыми днями чувствует себя утомленной, разбитой. Со времени аборта, когда по предписанию врача прекратились половые сношения, она чувствует себя лучше, но все-таки она с ужасом глядит в будущее. Она уважает своего мужа, горячо любит его и готова была бы сделать для него все, только бы он не требовал от нее в будущем половых сношений. Она надеется, что со временем в ней проснется и чувственное влечение к нему. Когда он играет на скрипке, ей часто кажется, что в ней просыпается чувство большее, чем дружба, но это только мимолетное чувство, которое еще не внушает уверенности относительно будущего. Наивысшее счастье для нее — переписка с ее прежней возлюбленной. Она понимает, что это нехорошо, но она не может отказать себе в этом — иначе она будет чувствовать себя бесконечно несчастной.

Наблюдение 165. Влечение к собственному полу. X., девушка из зажиточной семьи, живущей в одном крупном городе. К концу моего наблюдения была 22 лет от роду.

Она слыла красавицей и была кумиром мужчин. Натуру имела чувственную и как будто была создана для роли Аспазии, однако на все предложения неизменно отвечала отказом. Только одного из своих обожателей — молодого ученого Т. — она дарила взаимностью, была с ним откровенна и позволяла ему целовать себя, однако не так, как это делает любящая женщина. Когда же однажды дело дошло до развязки и Т. уже считал, что он близок к цели, она стала умолять его со слезами не делать с нею ничего подобного, так как совершенно неспособна к этому — не по моральным основаниям, а в силу свойств своей души. В последовавшей затем переписке X. откровенно разъяснила, что страдает превратным половым ощущением.

X. происходит от отца-алкоголика и матери-истерички. Отличается невропатической организацией, у нее полные груди, внешне она на редкость красивая женщина, но обнаруживает некоторые мужские ухватки, мужские склонности: занимается гимнастикой, верховой ездой, курит, держится прямо, ходит по-мужски. Думает поступить на сцену.

В последнее время обратила на себя внимание ее горячая привязанность к молодым женщинам. Одна дама живет у нее в доме и разделяет с нею ложе.

Утверждает, что до половой зрелости была совершенно индифферентна в половом отношении.

17 лет она на каком-то курорте познакомилась с одним иностранцем, который произвел на нее глубокое впечатление своей «царственной» внешностью. Она была счастлива, когда ей пришлось протанцевать с ним вечер. На следующий день в вечернем сумраке она сделалась свидетельницей ужасной сцены — она из своего окна увидела в кустах своего красавца, овладевшего женщиной животным способом, поскольку у нее были менструации.

Вид льющейся крови и напоминающая животную похоть мужчины[1] произвели на нее удручающее впечатление. Она чувствовала себя уничтоженной, и ей только с трудом удалось восстановить свое душевное равновесие. Долгое время после этого она страдала бессонницей и отсутствием аппетита. На мужчину она стала с этих пор смотреть как на олицетворение пошлости.

Через два года она, гуляя однажды в общественном саду, встретила молодую женщину, которая странно улыбнулась ей и бросила на нее такой своеобразный взгляд, что он глубоко запал ей в душу.

На другой день X. почувствовала настойчивое стремление снова пойти в парк. Вчерашняя дама была уже там и как будто ждала ее. Они поздоровались как хорошие старые знакомые, начали болтать, шутить; с тех пор продолжали ежедневно встречаться сначала в саду, а когда наступила осень, в будуаре новой знакомой.

«Однажды, — рассказывает X. в своей исповеди, — она позвала меня к дивану, села на него и привлекла меня к своим коленям. Она странно смотрела на меня, погладила меня по волосам и сказала: «Ах, если бы я могла хоть один раз проявить по-настоящему мою любовь к тебе. Ты позволишь?» Я ответила утвердительно. И вот когда мы сели рядом и стали смотреть друг другу в глаза, нас вдруг захватил поток страсти, от которого мы уже не могли спастись... Она была обворожительно хороша, и я хотела бы владеть кистью, чтобы увековечить эти формы. Для меня все это было ново и увлекательно, пламя женской чувственности захватило нас целиком. Я не верю, чтобы мужчина мог когда-либо испытать такое захватывающее, нежное и тонкое чувство: мужчины слишком грубы для этого, слишком малочувствительны... Наше безумство продолжалось до тех пор, пока я не осталась без сил. Утомленная, расслабленная, я заснула на ее постели, как вдруг какое-то невыразимое, никогда не изведанное мною чувство заставило меня проснуться. Когда я открыла глаза, то ужас потряс меня с головы до ног. Я увидела ее лежащей на мне и совершающей куннилингус; это было для нее величайшим наслаждением; я не позволяла себе ничего другого, кроме поцелуев в грудь, причем она каждый раз

конвульсивно вздрагивала.

Наши отношения беспрепятственно продолжались целый год, когда они прекратились вследствие перевода в другой город отца моей возлюбленной».

X. сообщила еще, что во время этих извращенных половых сношений она всегда чувствовала себя в роли мужчины и что однажды она согласилась на куннилингус со стороны одного из своих поклонников.

Наблюдение 166. Влечение к собственному полу. С, 32 лет, жена служащего, высокого роста, недурна собой, вполне женский тип, мать невропатична, очень раздражительна. Брат был психопатом и умер от алкоголизма. Пациентка с раннего возраста отличалась странностями, упрямством, была замкнутым, вспыльчивым и эксцентричным существом. Ее братьям и сестрам тоже свойственна легкая возбудимость. В семье были неоднократные случаи чахотки. Уже на 13-м году жизни пациентка обнаруживала признаки сильной половой возбудимости и обратила на себя внимание страстной любовью к одной своей сверстнице. Воспитание получила строгое, однако тайком читала много романов и сочиняла стихи. На 18-м году вышла замуж, желая избавиться от тяжелой обстановки родительского дома.

Утверждает, что всегда была совершенно равнодушна к мужчинам. И действительно, она, например, избегала балов. Статуи женщин, напротив, ей очень нравились. Идеалом ей всегда казался брак с любимой женщиной. Об особенностях своей организации она будто бы не догадывалась до самого вступления в брак. Впрочем, ей всегда казалось, что тут есть что-то необъяснимое. Пациентка исполняла свои супружеские обязанности, родила троих детей, из которых двое страдали конвульсиями, жила дружно с мужем, которого она, впрочем, только уважала за его нравственные достоинства. Совокуплений она старалась избегать. «Я бы охотнее имела сношения с женщиной».

К 1878 г. у пациентки развилась неврастения. На одном курорте она познакомилась с женщиной-урнингом, историю болезни которой я опубликовал в «Irrenfreund», 1884, № 1 (наблюдение 6).

После этого пациентка вернулась преображенной. Муж сообщает: «Она перестала быть моей женой, потеряла любовь ко мне и к детям и не хотела больше слышать о супружеских сношениях». Она сгорала от любви к своей «подруге» и ни о чем другом не думала. Когда муж воспретил этой даме посещать их дом, то они стали обмениваться письмами, в которых попадались

такие места: «Моя голубка, моя жизнь, я живу только любовью к тебе». Назначались свидания; и если письмо не приходило вовремя, то это вызывало страшное беспокойство. Отношения между женщинами не оставались платоническими. По отдельным замечаниям можно догадаться, что полового удовлетворения они достигали взаимным онанизмом. Эта связь продолжалась до 1882 г. и вызвала у пациентки сильнейшую неврастению.

Так как пациентка забросила домашнее хозяйство, то муж взял в дом 60-летнюю женщину в качестве экономки и, кроме того, нанял гувернантку для детей. Пациентка влюбилась в обеих и стала расточать им ласки, которые те охотно допускали, извлекая из них материальную выгоду.

В конце 1883 г. у пациентки развился легочный туберкулез, так что она должна была отправиться на юг. Там она познакомилась с одной 40-летней женщиной, русской по национальности, страстно влюбилась в нее, однако не встретила взаимности в том смысле, как она это понимала. Затем она внезапно заболела психическим расстройством, стала уверять, что ее русская знакомая — нигилистка, что та ее магнетизирует, обнаруживала настоящий бред преследования, убежала из дому; была поймана в одном итальянском городе и помещена в лечебницу. Здесь она вскоре успокоилась, стала снова преследовать свою знакомую признаниями в любви, чувствовала себя безгранично несчастной и была готова на самоубийство.

Домой она вернулась в сильно угнетенном настроении из-за своей неудачной любви к русской; к окружающим обнаруживала холодность и неприязнь. В конце мая 1884 г. развилось бредовое состояние эротического характера. Больная танцевала, пела, говорила, что она мужчина, что она родом из королевского дома, вспоминала своих прежних возлюбленных; переодетая в мужское платье, она убежала из дому, была поймана в состоянии маниакально-эротического возбуждения и помещена в больницу. Состояние экзальтации исчезло через несколько дней. Пациентка стала спокойной и вместе с тем угнетенной, сделала отчаянное покушение на самоубийство, после чего почувствовала непреодолимое отвращение к жизни. Превратное половое ощущение временами возвращалось снова. В начале 1885 г. пациентка умерла от прогрессирующего туберкулеза.

Вскрытие мозга не обнаружило ничего особенного ни в строении мозга, ни в характере извилин. Вес мозга 1150 г. Череп слегка асимметричен. Никаких анатомических признаков вырождения. Наружные и внутренние половые органы без аномалий.

Наблюдение 167. Влечение к собственному полу на границе с вирагинией. Т., жена фабриканта, 26 лет, вышла замуж всего

несколько месяцев тому назад. В 1896 г. муж привел ее ко мне для консультации по поводу того, что после одного обеда она бросилась на шею одной из присутствующих в салоне дам, стала ее целовать и обнимать и вызвала этим скандал. Т. утверждает, что до брака она объяснила мужу, что половые ощущения ее имеют превратный характер и что она чувствует к мужу не более чем уважение за его душевные качества. Тем не менее Т. исполняла свои супружеские обязанности, так как не было другого выхода. Она только поставила условием быть инкубом; при этом она даже испытывала некоторое удовлетворение, если призывала на помощь фантазию и воображала себе любимую женщину как суккуба[1]. Отец этой дамы отличается невропатической организацией, похож на женщину, страдает истерическими припадками, в половом отношении был, видимо, всегда нормален. Сестра его откупилась у своего мужа от исполнения супружеских обязанностей: она подарила ему известную сумму денег и дала ему полную свободу искать удовлетворения на стороне. Мать Т. отличалась половой гиперестезией и, видимо, играла роль Мессалины. До 14-летнего возраста она клала свою дочь с собой в постель. Только на 15-м году дочь была отделена от матери и отдана на воспитание в институт. Она отличалась прекрасными способностями, легко училась и играла в классе главенствующую роль. На 7-м году жизни она испытала психическую травму: один из друзей дома позволил себе в ее присутствии совершить акт эксгибиционизма. Месячные появились на 12-м году, продолжались впоследствии правильно, без всяких болезненных явлений. По словам пациентки, она уже 12 лет от роду чувствовала влечение к другим девочкам. Но еще длительное время после этого у нее не было никаких половых ощущений. Тем не менее уже тогда ее влечение к собственному полу казалось ей аномалией. Раздеваться она стеснялась только перед лицами собственного пола. Собственно половой инстинкт проснулся у нее лишь на 20-м году. Ее никогда не тянуло к мужчинам, а исключительно к молодым женщинам и девушкам. У нее был ряд таких связей самого чувственного характера. В родительском доме, куда она вернулась из пансиона, она не находилась под достаточным надзором и в то же время располагала свободно деньгами; таким образом, ей было легко удовлетворять свои желания. Она всегда чувствовала себя мужчиной по отношению к женщинам. Половое удовлетворение она находила в женской мастурбации, а впоследствии, когда одна из кузин посвятила ее в тайны неизвестной ей дотоле лесбийской любви, она стала совершать куннилингус. Она всегда чувствовала себя в активной роли и не могла бы предоставить свое тело для удовлетворения другого. Любила она только женщин с нормальным половым ощущением; напротив, женщины с влечением к собственному полу вызывали у нее отвращение. Затем ей больше всего нравились незамужние дамы с солидным положением, нравственными достоинствами и выдающейся красотой, с лицами Дианы, целомудренные,

сдержанные, нечувственные.

При встрече с такой женщиной в Т. со всей силой обнаруживалась ее тяжелая наследственность и половая гиперестезия: она приходила в такое возбуждение, что не могла долго сдерживать свою страсть и как бы в состоянии аффекта бросалась на шею объекту своего вожделения. Она говорит, что в такие минуты сознание ее затемняется и все начинает казаться ей в розовом свете. Она прибавляет, что вообще очень возбудима и с трудом справляется со своими аффектами.

На 23-м году она сошлась с одной молодой женщиной, обладавшей, по-видимому, в принципе нормальным, но повышенным половым влечением, не находившим удовлетворения вследствие импотенции мужа. Сношения с этой женщиной довели извращение и половое влечение у Т. до высшей степени. Она сняла отдельную квартиру, где устраивала настоящие оргии, удовлетворяя себя с помощью пальцев и языка нередко целыми часами до полного истощения. Некоторое время у нее была прочная связь с одной девицей, с которой она сфотографировалась и появлялась на улице в мужском костюме. Никто не обращал на это внимания, только однажды ее узнал опытный глаз полицейского чиновника, и она была даже арестована.

Ее освободили, сделав предостережение относительно будущего. После этого она перестала появляться на улице в мужском платье.

За год до вступления в брак Т. некоторое время страдала меланхолией. Готовясь к самоубийству, она написала прощальное письмо к одной из своих прежних приятельниц; из этого письма-исповеди мы заимствуем следующий характерный отрывок:

«Я родилась женщиной, но неправильное воспитание направило мою пылкую фантазию на дурной путь. Уже в 12 лет у меня была страсть выдавать себя за мальчика и я старалась чем-нибудь обратить на себя внимание женщин. Я, правда, понимала, что эта страсть представляет безумие, но она роковым образом усиливалась вместе с возрастом. У меня не хватало сил избавиться от нее. Она была для меня гашишем, давала мне блаженство. В конце концов она сделалась непобедимой. Я чувствовала себя мужчиной, хотела владеть, а не пассивно отдаваться. Благодаря моему бурному темпераменту, моей пламенной чувственности, моей глубоко коренящейся извращенности я не могла устоять перед так называемой лесбийской страстью и все более делалась ее рабой. К мужу я чувствовала только некоторую привязанность, женщины же даже при малейшем прикосновении ко мне приводили меня в

дрожь. Все это причиняло мне невыразимые страдания.

Чтение французских романов и легкомысленные связи познакомили меня вскоре с приемами нездорового эротизма, и таким образом мое неясное влечение превратилось в сознательную извращенность. Когда природа создавала меня, она ошиблась в выборе пола, и эту ошибку я должна искупать всю свою жизнь, ибо у меня не хватило нравственной силы, чтобы переносить неизбежное с достоинством. И вот я не устояла перед потоком моих страстей и была поглощена им...

Я жаждала изведать сладость твоего тела. Я ревновала тебя к твоему Виктору, как к своему сопернику. Я испытала адские муки ревности. Я ненавидела этого человека и готова была убить его. Я проклинала свою судьбу, которая сотворила меня женщиной. Я довольствовалась тем, что разыгрывала перед тобой нелепую комедию, создав себе искусственный орган, но это еще более разжигало мою страсть. У меня не хватало мужества открыть перед тобой истину, так как она показалась бы тебе смешной и жалкой. Теперь ты все знаешь. Ты не будешь меня презирать, но будешь сочувствовать моим страданиям. Все мои радости были скорее похожи на какое-то минутное опьянение, чем на истинное счастье. Это было не настоящее, а поддельное золото. Я обманула жизнь, и она обманула меня. Теперь мы квиты. Прощай. Вспоминай иногда в минуты счастья смешную и глупую женщину, которая так преданно и глубоко любила тебя».

Относительно половой жизни этой больной нужно заметить, что в ней заключались черты мазохизма и садизма. Так, например, Т. рассказывает, что каждое бранное слово со стороны возлюбленной доставляло ей блаженство и что даже пощечину она переносила с удовольствием. Затем во время полового возбуждения ей всегда больше хотелось укусить, чем поцеловать.

Я нашел в Т. субъекта со значительными признаками перерождения. Она была очень образованна и интеллигентна и страдала от того рокового положения, в которое она попала, но страдала, по-видимому, только из-за своей семьи. На свое поведение она смотрела как на фатум, которого нельзя избежать. Интеллигентность вполне сохранена. Ее половое извращение доставляет ей страдания, она готова была бы согласиться на все, что угодно, лишь бы сделаться честной женой и доброй матерью, которая могла бы дать своим детям более правильное воспитание, чем какое она получила сама. Она готова также сделать все, чтобы жить в дружбе и согласии с мужем, готова исполнять свои супружеские обязанности, однако не может только выносить его усов. Но прежде всего ей

необходимо избавиться от своей несчастной импульсивности.

Вторичные половые признаки — психические и физические — носят отчасти мужской, отчасти женский характер. К мужским признакам нужно отнести любовь к спорту, курению, вину, к платью мужского покроя, недостаток изящества, отсутствие вкуса к женским работам, наклонность к серьезному, даже философскому чтению, походку, осанку, грубые черты лица, низкий голос, плотный скелет, сильно развитую мускулатуру и слабое развитие подкожно-жировой клетчатки. Таз (узкие бедра, расстояние подвздошных остей 22 см., подвздошных гребней 26, вертелов 31) также приближается к мужскому. Влагалище, матка, яичники — нормальны, клитор увеличен. Грудные железы хорошо развиты, лобок густо покрыт волосами, как у женщины.

Пациентка поступила в водолечебницу к одному опытному врачу. С помощью водолечения и внушения удалось в продолжение нескольких месяцев освободить больную от всяких следов превратного полового ощущения. Она сделалась нормальной или, по крайней мере, нейтральной в половом отношении женщиной. Она уже давно вернулась к своим родным и ведет себя в высшей степени корректно.

Наблюдение 168. Вирагиния. Н., девушка 25 лет, происходит, кажется, от здоровых родителей. Все братья и сестры отличаются, однако, нервностью, три сестры замужем. Пациентка талантлива, в особенности в области искусства. Уже в раннем детстве она больше всего любила играть в солдаты и в другие игры мальчиков, отличалась смелостью, шаловливостью и в этом отношении опережала даже мальчиков. Куклы и женские работы она не любила. На 15-м году половая зрелость. Вскоре после того она начала влюбляться в молодых женщин, но только платонически, так как была благонравной девушкой. Несколько лет назад ее половое влечение настолько усилилось, что ей трудно стало удерживать себя. У нее стали появляться сладострастные сновидения, в которых участвовали только женщины; себя она видела в роли мужчины. Вот уже несколько лет как она страстно влюблена в одну 40-летнюю женщину, которую стала изводить своей ревностью.

К мужчинам она совершенно равнодушна. Она могла бы спокойно жить с ними в одной комнате и даже спать на одной постели, между тем как по отношению к лицам собственного пола она обнаруживала стыдливость даже при дневном свете.

Ненормальность своего состояния пациентка вполне понимает.

Пациентка имеет мужские черты лица, грубый голос, мужскую походку, растительности на лице нет, груди развиты слабо,

носит коротко остриженные волосы и производит впечатление мужчины в женском платье.

Наблюдение 169. Вирагиния. Р., прислуга, 26 лет, страдает с юных лет паранойей и истерией. В прошлом имела любовные приключения, главным образом на почве ее болезненных идей. В 1884 г. под влиянием мании преследования убежала в Швейцарию, где сделалась предметом судебного расследования. При этом выяснилось, что она страдает превратным половым влечением.

О ее родителях и родственниках нет никаких сведений. Утверждает, что, за исключением пневмонии, перенесенной на 16-м году, никогда раньше не была серьезно больна.

Первая менструация на 15-м году без всяких расстройств. Дальнейшие менструации часто появлялись не вовремя и были очень обильны. По словам пациентки, она никогда не чувствовала влечения к лицам другого пола, никогда не выносила близости мужчины. Она не могла понять, как ее подруги могли вести разговоры о красивых и привлекательных мужчинах и как женщина может позволить мужчине поцеловать себя. Напротив, она приходила в восторг, если могла запечатлеть поцелуй на губах любимой подруги. У нее была непонятная для нее самой любовь к девушкам. Некоторых из своих подруг она страстно любила и целовала; она готова была отдать за них жизнь. Наивысшим счастьем было бы для нее жить постоянно вместе с такой подругой и обладать ею нераздельно.

При этом по отношению к любимой девушке она чувствовала себя в роли мужчины. Уже в детстве она интересовалась только играми мальчиков, любила стрельбу, военную музыку; последняя действовала на нее воодушевляющим образом, и она готова была идти вместе с солдатами. Охота и война были ее идеалом. В театре она интересовалась только женскими ролями. Она сознавала, что все ее поведение противоречит женственности, но изменить его она не могла. Надеть мужское платье являлось для нее большим удовольствием. К мужской работе она всегда обнаруживала большую охоту и имела к ней способности, между тем как по отношению к женским занятиям, в особенности к рукоделию, дело обстояло как раз наоборот.

Пациентка любила также табак и спиртные напитки. Под влиянием бреда преследования она неоднократно переодевалась в мужское платье и выдавала себя за мужчину, чтобы таким образом избежать своих воображаемых врагов. Она это делала с такой (может быть, врожденной) ловкостью, что успешно обманывала всех окружающих относительно ее действительного пола.

Документально установлено, что уже в 1884 г. пациентка долгое время ходила то в штатском костюме, то в форме лейтенанта и что в августе 1884 г. она под влиянием идей преследования убежала из Австрии в Швейцарию в костюме лакея из богатого дома. В Швейцарии она нашла должность слуги в семье одного коммерсанта и влюбилась в хозяйскую дочь, «прекрасную Анну», которая со своей стороны тоже влюбилась в красивого молодого человека, не подозревая о его настоящем поле.

Относительно этого эпизода пациентка сделала следующие характерные замечания: «Я сильно влюбилась в Анну. Я не знаю, как это случилось, и не могу себе дать отчета в этой привязанности. В этой фатальной любви нужно искать причину того, что я так долго играла роль мужчины. Никогда еще я не испытывала любви к мужчине и думаю, что моя любовь направлена не на мужской пол, а на женский. Эта моя особенность совершенно непонятна для меня самой».

Из Швейцарии Р. писала письма на родину к своей прежней приятельнице Амалии. Письма эти присоединены к судебному следствию. В них чувствуется страстная любовь, далеко выходящая за пределы простой дружбы. Она дает своей подруге такие эпитеты: «Мой дивный цветок, солнце моего сердца, радость души моей»; она пишет, что видит в ней высшее свое счастье на земле: «сердце мое принадлежит тебе». К родителям подруги она писала: «смотрите за вашим «дивным цветком», ибо если она умрет, то я не перенесу этого».

Для обследования психического состояния Р. была помещена на некоторое время в заведение для душевнобольных. Когда однажды к ней была допущена на свидание Анна, то пламенным объятиям и поцелуям не было конца. При этом Анна откровенно созналась, что и дома они обнимались и целовались так же нежно.

Р. высокого роста, стройна, красива, в общем, имеет женский тип с некоторыми мужскими чертами. Череп нормален, анатомических признаков вырождения нет. Половые органы совершенно нормальны, носят вполне девический характер. Она производит впечатление нравственно неиспорченной и приличной девушки. Все говорит о том, что любовь ее была только платонической; взгляд и внешность выдают в ней невропатическую личность. Тяжелая истерия, временами приступы тонических судорог с галлюцинациями и бредом. Пациентку очень легко загипнотизировать и привести в состояние сомнамбулизма, в котором она легко поддается всякому внушению. (Собственное наблюдение — Friedreichs Blatter fur gerichtliche Median, 1881. H. 1.)

Наблюдение 170. Вирагиния. О., девушка 23 лет. Мать- ее

страдала тяжелой конституциональной истеропатией. Дед со стороны матери был душевнобольной, со стороны отца наследственность здоровая.

Отец умер рано от пневмонии. Пациентку привел ко мне опекун по поводу того, что она незадолго перед тем убежала из дому, переодевшись в мужской костюм. Она хотела погулять по свету и сделаться служительницей искусства. У нее, действительно, очень хорошие способности к музыке.

Уже давно девушка стала обращать на себя внимание своими мужскими манерами и своей наклонностью носить мужскую прическу и платье мужского покроя. С 13-летнего возраста она обнаруживала страстную любовь к подругам, которым нередко надоедала своими пылкими объятиями.

Во время консультации пациентка не скрывает, что ощущает страсть к лицам собственного пола. Уже с 13 лет она знает, что может любить только женщин. По отношению к женщинам она всегда чувствует себя мужчиной, думает, что имеет и мужскую внешность, охотно надевает мужское платье.

Недавно она обратилась к одному своему родственнику, служившему при полиции, и настоятельно просила его похлопотать, чтобы ей разрешили ходить в мужском костюме.

Эротические сны вертелись у нее исключительно около сношений с подругами. Никогда у нее не было какого-либо интереса к мужчинам, и ей даже не приходило в голову, чтобы она могла когда-либо выйти замуж.

Пациентка чувствует себя вполне счастливой в своем ненормальном положении и отнюдь не склонна считать себя больной. Она не замечает, что ее половые ощущения противоречат ощущениям других женщин, очень ограничена в умственном отношении и отличается врожденной психической недоразвитостью. Окружность черепа всего 51 см. У пациентки волчья пасть. Скелет вполне женского типа, за исключением необыкновенно больших мужских ног. В движениях и во всей позе, равно как и в походке, много мужского. Голос женский. С 13 лет у пациентки нормальные менструации.

Наблюдение 171. Вирагиния. 5 октября 1898 г. полицейскими властями доставлена в мою клинику В., девушка 36 лет, работница, для обследования ее умственных способностей. Она убедила одну молодую девушку в том, что она мужчина и происходит из знатной семьи, и та согласилась на венчание. Исследование дало классическую картину врожденной паранойи (в 5 лет она считала себя приемышем своих родителей, в 18 лет она утверждала, что происходит из знатной семьи, в 29 лет она

наконец нашла своих истинных родителей в лице одного короля и одной герцогини). Череп пациентки имеет окружность в 53 см., с боков несколько выдается вперед. Уши ненормально малы, неравной величины, дегенеративной формы; мочка правого уха незаметно переходит в валик на коже щеки; мочка левого уха развита нормально. Нёбо узкое и крутое, зубы кариозные, по большей части выпали (рахит). Пациентка среднего роста, нежного сложения. Грудная и поясничная кривизна позвоночника выражены резче, чем в норме. Обследование таза, произведенное одним выдающимся гинекологом, дало следующие результаты: «таз нежного строения, слегка сужен во всех размерах, в выходе сужение резче, по форме таз, несомненно, приближается к мужскому типу. Подвздошные кости наклонены несколько меньше нормального, однако их нельзя считать крутыми; то же нужно сказать и относительно крестцовой кости. Таз далек от идеального типа женского таза, однако он не представляет большой редкости у женщин».

Весьма характерно лицо пациентки: своими жесткими линиями, грубыми чертами оно очень напоминает мужской тип. Волосы она носит коротко остриженные. Осанка и походка мужские. Кожа грубая, жировая клетчатка развита слабо, грудные железы атрофированы. Обследование половых органов дает нормальные результаты, девственная плева цела. Пациентка без стеснения говорит о своей половой жизни и сама интересуется объяснением своих половых ощущений, она никогда не испытывала ни малейшего влечения к мужскому полу и, напротив, всегда чувствовала влечение к собственному полу. Не может быть, чтобы ее половая сфера была в порядке. Менструации у нее стали появляться с 16 лет, но очень редко и в скудном количестве. Влечение к собственному полу проснулось в ней в период половой зрелости. Она, однако, никогда не отличалась чувственностью; ее половые представления относились к женскому полу вообще, а не к отдельным женщинам. Так, например, она уже 10 лет живет вместе с одной девушкой одного с нею возраста. Но отношения их совершенно чистые, как между сестрами; никогда дело не доходило до полового акта. По отношению к другим женщинам она чувствует себя в роли мужчины. Мысль о половом сношении с мужчиной вызывает у нее отвращение. Уже с 16 лет она заметила у себя мужские черты характера; впрочем, еще в детстве она любила играть с мальчиками, а если играла с девочками, то брала себе мужские роли, например предводителя разбойников, и выбирала себе в жены какую-либо девушку, которая соглашалась на брак; при этом, однако, она совершенно была чужда каких-либо половых ощущений. Когда ей было 16 лет, ее однажды в монастыре соблазнила на онанизм одна женщина. С тех пор при мастурбации ей часто представлялся образ этой женщины, причем это представление возбуждало в ней половое чувство.

Впоследствии в ее воображении появлялись образы других женщин, однако без определенной индивидуальности.

Когда на 33-м году жизни у нее развилась тяжелая неврастения, она надолго отказалась от своего порока и благодаря этому вскоре освободилась от неврастенических расстройств. Она очень сожалеет, что родилась женщиной, так как чувствует себя мужчиной и терпеть не может наряды и женские тряпки. Охотнее всего она была бы солдатом. Она презирает конфеты, с удовольствием курит, если ей предложить сигару. Личность вполне интеллигентная. Гортань и голос вполне женские. Пациентка соглашается, что она не может жениться на особе женского пола. Она обещает в будущем подавить в себе свои превратные половые ощущения. Через некоторое время она была выписана из клиники.

Наблюдение 172. Гинандрия. X., девушка 38 лет, явилась ко мне на прием в конце осени 1881 г. по поводу симптомов сильного раздражения спинного мозга и упорной бессонницы, из-за которых пациентка привыкла к морфию и хлоралгидрату. Мать и сестра были нервнобольными, остальная семья, по-видимому, здорова. Причиной болезни пациентка считает падение на спину, которое имело место в 1872 г. и сопровождалось сильнейшим испугом; впрочем, еще раньше она страдала судорогами мышц и истерическими явлениями. После паде ния развился неврастенически-истерический невроз с преобладанием явлений спинномозгового раздражения и с бессонницей. Временами истерическая параплегия продолжительностью до 8 месяцев и припадки истерического галлюцинаторного бреда с судорогами. К этому со временем присоединились еще симптомы морфинизма. Многомесячное пребывание в клинике устранило эти симптомы и значительно ослабило неврастенический невроз. Особенно хорошее действие оказала на больную общая фарадизация.

Уже при первой встрече больная производила странное впечатление своей одеждой, чертами лица и поведением. Она носила мужскую шляпу, коротко остриженные волосы, пенсне, мужской галстук, длинное, похожее на сюртук пальто мужского покроя, сапоги с каблуками. Черты лица грубые, мужские, голос низкий. Если исключить бюст и женский таз, то пациентка во всем остальном производила впечатление мужчины, переодетого в женское платье.

За все то долгое время, что больная находилась под наблюдением в клинике, она ни разу не обнаружила признаков эротизма. Странности в одежде она объясняла тем, что, по ее мнению, такая одежда ей больше всего к лицу. Постепенно удалось узнать у нее, что она уже ребенком обнаруживала страсть к лошадям и мужским занятиям и никогда никакого

интереса не проявляла к женским работам. Впоследствии она стала много читать и хотела избрать себе призвание учительницы. Она не любила танцевать, ей это всегда казалось бессмыслицей. Даже балет никогда не интересовал ее. Наибольшее удовольствие доставлял ей цирк. До ее болезни, то есть до 1872 г., она не чувствовала влечения ни к мужчинам, ни к лицам собственного пола. Но со времени болезни у нее стала появляться странная для нее самой симпатия к женщинам, преимущественно к молодым; у нее появилось желание носить мужские шляпы и пальто мужского покроя. Кроме того, она уже с 1869 г. носила коротко остриженные, по мужскому зачесанные волосы. В ее отношениях к женщинам не было, по ее словам, чувственного элемента; симпатичные дамы вызывали в ней чувство безграничной дружбы и готовности на всякую жертву, между тем как мужчины и мужское общество стали с этого времени возбуждать в ней отталкивающее чувство.

Родственники пациентки сообщают, что незадолго перед 1872 г. ей было сделано предложение, которое она, однако, отклонила, и что в 1874 г. после поездки на воды она вернулась с изменившейся половой организацией, так что даже однажды заявила, что не считает себя существом женского пола.

С этого времени она вращалась исключительно в кругу женщин, всегда имела роман то с той, то с другой из своих приятельниц и нередко даже говорила, что чувствует себя мужчиной. Привязанность ее к женщинам, несомненно, далеко заходила за пределы простой дружбы, сопровождалась слезами, ревностью и т. д. В 1874 г. во время пребывания пациентки на курорте в нее влюбилась одна молодая дама, которая приняла ее за переодетого мужчину. Когда эта дама впоследствии вышла замуж, то пациентка долгое время находилась в угнетенном настроении и жаловалась на неверность. Даже родственники больной обратили внимание на развившуюся в ней после болезни страсть к мужскому костюму, мужским манерам и неохоту к женским занятиям, между тем как раньше они не замечали в ней ничего ненормального, по крайней мере в половом отношении. Из дальнейших расспросов выяснилось, что пациентка находится в любовной связи, и притом, во всяком случае, не чисто платонической, с одной дамой, описанной у нас выше в наблюдении 166. Она пишет ей нежные письма, какие пишут любовники своим возлюбленным. В 1887 г. я снова видел пациентку в одном лечебном заведении, куда она поступила по поводу истероэпилептических приступов, раздражения спинного мозга и морфинизма. Превратное половое влечение оставалось в прежнем виде, так что только благодаря бдительному надзору удалось предупреждать непристойные выходки с ее стороны по отношению к другим пациенткам.

Состояние больной осталось приблизительно без изменения до

1889 г., когда болезнь стала прогрессировать. В августе этого года больная умерла от «истощения».

Вскрытие обнаружило в соматической сфере: амилоидное перерождение почек, фиброму матки, кисту левого яичника. Лобная кость сильно утолщена, с внутренней стороны неровна, усеяна многочисленными экзостозами; твердая оболочка сращена с черепной крышей.

Продольный диаметр черепа 175, поперечный — 148 мм. Несколько отечный и неатрофированный мозг весит 1175 г. Мозговые оболочки нежны, легко отделимы. Мозговая кора бледна. Мозговые извилины широки, недостаточно многочисленны, правильно расположены. В мозжечке и больших ганглиях ничего ненормального.

409

Наблюдение 173. Гинандрия. Анамнез. 4 ноября 1889 г. тесть некоего графа В. сделал заявление, что этот последний выманил у него 800 флоринов под тем предлогом, что ему в качестве секретаря одного акционерного общества необходимо внести туда залог. Кроме того, выяснилось, что этот субъект, по имени Сандор, подделал контракт, сделал ложное сообщение о состоявшемся у него будто бы весной 1889 г. венчании, а главное, что он вовсе не мужчина, а женщина, переодетая в мужское платье, и что зовут его графиня Сарольта (Шарлотта) В.

С. был арестован по обвинению в подлоге и подделке официальных документов. На первом допросе он показал, что он женщина, католического вероисповедания и что он занимался литературой под именем графа В. Родилась 6 декабря 1866 г.

Жизнеописание этого двуполого существа заключает в себе следующие интересные факты, подтвержденные также и другими источниками.

С. происходит из старинной аристократической семьи, в которой эксцентричность составляла фамильную черту. Одна сестра бабки с материнской стороны была истеричкой, страдала сомнамбулизмом и пролежала в постели 17 лет вследствие воображаемого паралича. Другая сестра провела в постели 7 лет, считая себя смертельно больной, что, впрочем, не мешало ей давать в это время балы. Третья сестра была одержима странной идеей, что один из консолей в ее салоне заколдован. Если на этот консоль клали какой-нибудь предмет, она приходила в сильнейшее возбуждение, кричала «заколдован, заколдован!» и поспешно уносила этот предмет в особую комнату, которую она называла «черной комнатой» и ключ от которой она никогда не выпускала из своих рук. После ее смерти

в «черной комнате» нашли массу безделушек, чашек, банкнот и т. д. Четвертая сестра бабки в продолжение двух лет не позволяла мести своей комнаты, не умывалась и не чесала волос. Только через два года она снова пришла в сознание. При всем том все эти женщины были талантливы, образованны, привлекательны.

Мать С. была нервна и не выносила лунного света.

По отцовской линии некоторые родственники занимались спиритизмом. Два родственника с отцовской стороны застрелились. Большинство мужчин были необыкновенно талантливы. Женщины, напротив, представляли ограниченные, пустые существа. Отец С. занимал очень высокое место, которое, однако, он принужден был оставить вследствие своей эксцентричности и вследствие произведенной растраты (он растратил более полутора миллионов).

По капризу отца С. воспитывалась как мальчик, ездила верхом, охотилась, правила лошадьми, отец поддерживал в ней энергию мужчины и дал ей мужское имя Сандор (Шандор).

В то же время этот неразумный отец воспитывал своего сына, как девочку, и заставлял его ходить в женском платье.

Этот фарс прекратился лишь тогда, когда сыну минуло 15 лет и когда он поступил в высшее учебное заведение.

Сарольта-Сандор оставалась под влиянием отца до 12 лет. Затем она была помещена у своей эксцентричной бабушки, жившей в Дрездене. Когда увлечение мужским спортом у девочки стало уже чрезмерным, бабушка отдала ее в институт и одела в женское платье.

Там — 13 лет от роду — она завела любовные сношения с одной англичанкой, перед которой выдала себя за мальчика и которую она в конце концов увезла.

Затем она вернулась к матери, но та ничего не могла с ней сделать и должна была смотреть сквозь пальцы, как ее дочь снова сделалась Сандором, снова стала носить мужской костюм и как она ежегодно заводила по меньшей мере одну любовную связь с лицами собственного пола. В то же время ей давали весьма приличное воспитание; отец брал ее с собой в далекие путешествия — конечно, в «костюме молодого человека; она рано эмансипировалась, посещала кафе и сомнительной репутации трактиры и однажды даже прославилась в одном публичном доме тем, что уселась между колен женщины[1]. С. бывала часто в нетрезвом виде, страстно предавалась мужскому спорту и искусно фехтовала. Большое влечение она чувствовала

к актрисам и вообще к самостоятельным и по возможности не очень молодым женщинам. Она утверждает, что никогда не испытывала влечения ни к одному молодому человеку и что с течением времени у нее развилось даже нерасположение к мужчинам, которое с каждым годом усиливалось. «В женском обществе я охотнее всего появлялась в сопровождении некрасивых и малозаметных мужчин, для того чтобы они не оставляли меня в тени. Если я замечала, что кто-нибудь из них вызывал симпатию у дам, то начинала чувствовать ревность. Из дам я предпочитала таких, которые отличались умом и красотой. Толстых, а в особенности мужчинообразных женщин я не выносила. Мне нравилось, если страсть женщины скрывалась под поэтической дымкой. Всякое проявление бесстыдства у женщины вызывало во мне отвращение. У меня была невыразимая идиосинкразия к женскому платью, да и вообще ко всему женскому, но лишь постольку, поскольку это касалось меня, напротив, других женщин я обожала».

Уже около 10 лет, как С. живет постоянно вдали от своих родных и выдает себя за мужчину. За это время она имела массу связей с дамами, совершала с ними путешествия, растратила много денег, наделала долгов.

Между прочим, она занималась литературой и считалась ценным работником в двух солидных столичных изданиях.

Ее страсть к женщинам отличалась непостоянством. Стойкости в любви она не проявляла.

Только одна ее связь длилась 3 года. Это было уже давно; С. познакомилась в замке Г. с одной дамой, Эммой Е., которая была на 10 лет ее старше. Она влюбилась в нее, заключила с нею брачный договор и прожила с нею в столице 3 года как муж с женой.

Но новая любовь, которой суждено было сыграть в ее жизни роковую роль, побудила ее порвать «брачный союз» с Е. Только ценой тяжелых жертв удалось С. купить свою свободу от Е. Последняя, по слухам, считает себя разведенной женой и до сих пор выдает себя за графиню В.! То, что С. могла и у других женщин возбуждать любовь, видно из следующего эпизода, имевшего место еще до «брака» с Е. Некая Д., девица, с которой С. прокутила несколько тысяч гульденов и которая ей в конце концов надоела, угрожала застрелить ее, если она не останется ей верна.

Летом 1887 г. во время пребывания на одном курорте С. познакомилась с семьей одного высокопоставленного чиновника. Она тотчас же влюбилась в его дочь Марию и встретила с ее стороны взаимность. Мать и кузина Марии

старались помешать этой любви, но безуспешно. Всю зиму обе возлюбленные ревностно переписывались друг с другом. В апреле 1889 г. «граф С.» приехал погостить, а в мае 1889 г. он достиг цели своих стремлений. Мария, бросившая за это время место учительницы, была повенчана с ним каким-то лжепастором в Венгрии. Венчание происходило в загородном доме в присутствии одного из друзей С. Свидетельство о венчании было подделано С. и его другом. Молодые жили в мире и согласии, и если бы не донесение злокозненного тестя, то этот фиктивный брак, вероятно, продолжался бы еще долго. Примечательно, что за все то сравнительно долгое время, что С. был женихом, ему удалось совершенно скрыть свой истинный пол от родных своей невесты.

С. был страстным курильщиком, вообще имел мужские привычки и манеры. Письма и даже судебные бумаги он получал на адрес «графа С». Часто он говорил, что ему нужно учиться ружейным приемам. Со слов «тестя» можно заключить, что С. ухитрялся симулировать у себя мошонку: для этого он вкладывал в брюки какую-нибудь тряпку или даже перчатку. Впоследствии он сам сознался, что это действительно имело место. Однажды тесть даже заметил у своего будущего зятя как бы эрегированный член (вероятно, приап), в другой раз С. мимоходом сказал, что для верховой езды он должен надевать суспенсорий. И действительно, он носил вокруг живота какой-то бинт — может быть, для прикрепления приапа.

Несмотря на все это и также на то, что С. для вида часто брился, все в отеле были убеждены, что он женщина, горничная говорила, что находила на белье следы менструальной крови (он объяснял это геморроидальными кровотечениями) и что однажды, когда он принимал ванну, она убедилась в его действительном поле, глядя через замочную скважину. Семья Марии уверяла, что последняя долгое время была в заблуждении относительно истинного пола своего фиктивного. Невероятная наивность и невинность этой несчастной девушки подтверждается следующим местом из письма ее к С. от 26 августа 1889 г.

«Я не люблю больше чужих детей, но иметь ребенка от моего Санди, ах, какое это было бы счастье, мой милый».

Что касается духовной индивидуальности С, то она прекрасно выясняется из множества ее рукописей. Почерк ее отличается твердостью и уверенностью — совершенно как у мужчины. В содержании постоянно проявляются те же черты: дикая необузданная страсть, ненависть ко всему, что становится поперек ее стремлению к любви, склонность поэтизировать любовь, поиски в ней только благородных черт, восторг перед всем возвышенным и красивым, знакомство с наукой и

изящными искусствами.

Ее произведения обнаруживают в ней удивительную начитанность, ей знакомы классики всех национальностей, она цитирует поэтов и прозаиков всех стран. Знатоки говорят, что ее поэтические и прозаические произведения далеко не лишены литературной ценности.

В психологическом отношении имеют большое значение те ее произведения и письма, где она касается своих отношений к Марии.

Она говорит о блаженстве, которое доставляла ей Мария, о страстном желании увидеть ее, свою обожаемую жену, хотя бы на одну минуту. Эта тоска делает для нее ее камеру тяжелее могилы. Мысль, что теперь ее презирает даже ее Мария, отравляет ее сердце горечью. О потерянном счастье она проливает слезы, так много слез, что могла бы утонуть в них. Многие страницы посвящает она апофеозу этой любви и воспоминаниям о времени первой встречи и первых проблесков их чувства.

С. жалуется на свое сердце, которое не хочет подчиняться рассудку, на свои чувства, которые подобны буре и которых она не в состоянии скрыть. То и дело прорывается в ее письмах безумная страсть и она говорит, что без Марии не может жить. «О, твой милый, дорогой голос, звуки которого, кажется, в состоянии поднять меня из гроба и который всегда напоминал мне о райском блаженстве! Одного твоего присутствия было достаточно, чтобы смягчить мои физические и нравственные страдания. Влияние, какое оказывало твое существо на мое, было подобно магнетическому току; это была какая-то своеобразная сила, которую я никогда не могла определить как следует. И я оставалась при том определении, которое вечно сохраняет свою истинность: я люблю ее, потому что люблю. В темную безутешную ночь мне светила только одна звезда — это была любовь Марии. Эта звезда погасла теперь — от нее остался только отблеск в виде сладких и грустных воспоминаний, которые освещают даже страшную ночь смерти, осталось еще слабое мерцание надежды»... Это письмо заканчивается следующим обращением: «Господа ученые юристы, мудрые психологи и патологи, судите меня! Всеми моими поступками управляла любовь, каждый мой шаг зависел от нее. Бог вложил мне ее в душу. Если он сотворил меня такой, то кто в этом виноват: я или вечные неисповедимые пути судьбы? Я надеялась на Бога, я верила в то, что когда-либо наступит мое освобождение, ибо весь мой грех — это любовь, которая есть основа, фундамент Его учения и Его царства.

Боже милосердный и всемогущий! Ты видишь мои муки, ты

знаешь, как я страдаю. Снизойди ко мне и простри мне руку помощи, ибо весь мир отвернулся от меня. Бог один справедлив. Как прекрасно это описано у В. Гюго в его «Легендах века»! Какой грустной мелодией звучит в моих ушах стих Мендельсона «Каждую ночь я вижу тебя в сновиденьях»…

Хотя С. знала, что ни одно ее письмо не доходило до ее «обожаемой львицы», она, однако, не уставала заполнять целые листы излияниями своей любви, своей тоски и своего обожания. «Я прошу, — пишет она, — хоть одной светлой блестящей слезинки, пролитой в тиши светлого летнего вечера, когда озеро, освещенное вечерней зарей, горит как расплавленное золото и когда колокола св. Анны и Марии Верт наполняют воздух меланхолической мелодией, возвещая покой и мир; пролей одну только слезинку о моей бедной душе и моем бедном сердце, которое до последнего удара было полно тобой».

Обследование. При первой встрече судебных врачей и С. обе стороны чувствовали некоторое замешательство: врачи потому, что С. несколько подчеркивала свои мужские манеры и свое светское обращение, а С. — потому, что думала, что ее запятнают печатью моральной ущербности. Не лишенное привлекательности интеллигентное лицо С, несмотря на несколько нежные и мелкие черты, производило все-таки решительное впечатление мужского лица. Очень недоставало ему только усов. Впечатление это было настолько сильно, что даже, несмотря на женское платье, в которое была одета С, судебные врачи не могли привыкнуть к мысли, что перед ними — женщина. Напротив, обращение с С. как с мужчиной выходило гораздо более естественным, более непринужденным и даже более корректным. Обвиняемая сама это чувствовала. Она тотчас же становилась откровеннее, общительнее, развязнее, как только с ней начинали обращаться, как с мужчиной.

Несмотря на то что влечение к женскому полу стало сказываться у нее уже в первые годы жизни, она почувствовала первые следы полового влечения только на 13-м году, когда ее развратила рыжая англичанка в дрезденском институте. Половое влечение проявлялось тогда в поцелуях, объятиях и прикосновениях, сопровождавшихся сладострастным ощущением. Уже в то время сновидения ее были полны исключительно женщинами, а себя она видела в роли мужчины, причем иногда даже испытывала чувство эякуляции. Так это повторялось и потом, повторяется и до сих пор.

Онанизмом, ни одиночным, ни взаимным, она не занималась. Этот порок кажется ей отвратительным и недостойным «уважающего себя мужчины». Ни разу она не позволила кому-либо дотронуться до своих половых органов хотя бы уже потому, что не хотела выдать своей тайны. Регулы появились только на

17-м году, всегда были скудны и не сопровождались болезненными явлениями. Заметно, что для С. крайне неприятен разговор о менструациях, как о предмете, который должен вызывать у мужчины чувство отвращения. Она сознает ненормальность своего полового влечения, но не желала бы измениться, ибо чувствует себя со своими превратными ощущениями вполне счастливой. Мысль о половом общении с мужчиной вызывает у нее отвращение, и она не считает ее даже осуществимой.

Стыдливость ее по отношению к женщинам доходит до того, что она скорее готова была бы спать с мужчиной, чем с женщиной. Когда ей нужно было удовлетворить естественную потребность или переменить белье, она просила свою соседку по камере отвернуться к окошку и не смотреть на нее.

Когда эта соседка, кстати сказать, женщина из подонков общества, случайно дотрагивалась до С, то последняя чувствовала сладострастное возбуждение и покрывалась краской. С. сама рассказывает, что на нее напал прямо страх, когда ее перед заключением в камеру одели в непривычный для нее женский костюм. Единственным утешением для нее была мужская рубашка, которую оставили на ней. С. отмечает один интересный факт, характеризующий, между прочим, значение обонятельных ощущений в ее половой жизни. Когда Мария ушла от нее, она нюхала те места на софе, где обычно лежала голова Марии; аромат ее волос доставлял ей ощущение блаженства. Среди женщин С. интересовалась отнюдь не самыми красивыми и самыми грациозными и даже отнюдь не очень молодыми: вообще телесные прелести женщины играли в ее глазах второстепенную роль. Особую притягательную силу имели для нее женщины в возрасте от 24 до 30 лет. Половое удовлетворение она находила на теле другой женщины (а не на собственном теле) путем мастурбации или куннилингуса. Иногда она пользовалась чулком, наполненным паклей, в качестве приапа. В этом С. созналась крайне неохотно, с чувством стыда. Впрочем, и в своих письмах С. всегда была далека от какого-либо бесстыдства или цинизма.

Она религиозна, обнаруживает живой интерес ко всему благородному и красивому — за исключением только красивых мужчин — и очень чувствительна к нравственной оценке со стороны других.

Она глубоко скорбит, что своей любовью она сделала несчастной Марию, понимает, что ее ощущения извращены, и признает, что *у здоровых людей* любовь одной женщины к другой нравственно недопустима. Она обладает значительным литературным талантом и редкой памятью. Единственная ее слабость — это колоссальное легкомыслие и полное неумение разумно

обращаться с деньгами и ценностями. Но она знает эту свою слабость и просит много по этому поводу ее не расспрашивать.

Рост ее 153 см, скелет нежного строения, она худощава, но отличается поразительно развитыми мышцами груди и бедер. В женском платье походка неуклюжая.

Движения ее полны силы, не лишены красоты, хотя и несколько угловаты и малограциозны, как у мужчины. Здороваясь, она крепко жмет руку. Вообще, она держится прямо, с известным достоинством. Взгляд интеллигентный, выражение лица несколько грустное. Ноги и руки поразительно малы, как бы остались на детской ступени развития. Тыльная поверхность конечностей обильно покрыта волосами, на лице же, несмотря на старательное систематическое бритье, никаких следов растительности. Туловище отнюдь не соответствует женскому типу: талия отсутствует. Таз настолько узок и так мало выдается, что контур, идущий из подмышечной впадины к соответствующему колену, совпадает с прямой линией и не отклоняется ни кнутри на месте талии, ни кнаружи на месте таза. Череп слегка оксицефалический и во всех направлениях оказывается на 1 см меньше средних размеров женского черепа.

Окружность черепа 52 см, затылочно-ушная линия 24, теменно-ушная 23, лобно-ушная 28,5, продольная окружность 30, подбородочно-ушная 26,5, продольный диаметр 17, наибольший поперечный диаметр 13, расстояние ушных проходов 12, скуловых отростков 11,2. Верхняя челюсть сильно выдается вперед, альвеолярный отросток ее выступает над нижней челюстью на 0,5 см. Постановка зубов не вполне нормальная. Правый верхний клык отсутствует и никогда не развивался. Рот поразительно мал. Уши отстоят, мочки не дифференцированы, теряются в коже щеки. Твердое нёбо узко и круто. Голос грубый, низкий. Грудные железы достаточно развиты, мягки, секрета не выделяют. Лобок густо покрыт темными волосами. Половые органы вполне женские, без всяких следов гермафродитизма, *но по степени развития соответствуют органам 10-летней девочки.* Большие губы почти вполне соприкасаются между собой, малые губы имеют форму петушьего гребня и выступают из-за больших. Клитор мал и очень чувствителен. Frenulum (уздечка) нежный, промежность очень узка, вход во влагалище узок, слизистая нормальна. Девственная плева отсутствует (вероятно, от рождения), нет и поперечных складок. Влагалище настолько узко, что введение мужского члена было бы невозможно, кроме того, оно очень чувствительно. Во всяком случае, несомненно, что до сих пор половой акт не совершался. Матка прощупывается через прямую кишку в виде утолщения с грецкий орех, она неподвижна и находится в ретрофлексии.

Таз сужен во всех направлениях (карликовый таз), резко

выраженного мужского типа. Расстояние передних подвздошных остей 22,5 (вместо 26,3), расстояние подвздошных гребней 26,5 (вместо 29,3), расстояние вертелов 27,7 (31), наружная конъюгата 17,2 (19—20), отсюда внутренняя определяется в 7,7 (10,8). Вследствие недостаточной ширины таза бедра находятся не в состоянии приведения, как у женщины, а стоят прямо.

Экспертиза дала заключение в том смысле, что у С. имеется врожденное болезненное извращение полового чувства, находящее себе антропологическое отражение в аномалиях телесного развития и коренящееся в тяжелом наследственном отягощении, и что инкриминируемые ей поступки вытекают из ее патологической половой организации и не поддаются влиянию воли.

Таким образом, оказались справедливыми приведенные выше слова С: «Бог вложил мне в душу любовь. Если он сотворил меня такой, то кто в этом виноват: я или вечные неисповедимые пути судьбы?»

Суд вынес оправдательный приговор. «Графиня в мужском костюме» — как ее тогда называли газеты — вернулась в свою родную столицу и снова стала называть себя граф Сандор. Единственное ее горе — это расстроенное семейное счастье и расторгнутая любовь с Марией.

Большее счастье выпало на долю одной женщины в Бран-доне (Висконсин), о которой сообщает доктор Кьернан[1]. Эта женщина совратила одну молодую девушку, повенчалась с нею и беспрепятственно жила с нею как муж с женой.

Интересный «исторический» пример андрогинии представляет, очевидно, случай, сообщенный Спицка[2]. Речь идет о лорде Корнбери, бывшем нью-йоркским губернатором в эпоху королевы Анны. Он, по всей видимости, страдал моральной ущербностью, был ужасным развратником и, несмотря на свое высокое положение, не мог удержаться от того, чтобы не появляться на улицах в женском платье, кокетничая и проделывая все аллюры настоящей куртизанки.

На одном сохранившемся портрете Корнбери можно увидеть узкий лоб, асимметрию лицевой части, женские черты лица, чувственный рот. Известно, однако, что женщиной он себя никогда не считал.

ОСЛОЖНЕНИЯ ПРИ ПРЕВРАТНОМ ПОЛОВОМ ЧУВСТВЕ

У лиц, страдающих превратным половым чувством, последнее может осложняться различными другими явлениями

извращения.

При этом в проявлениях превратного полового чувства могут встречаться те же самые извращения, какие мы встречаем и у лиц с влечением к противоположному полу.

Поскольку при превратном половом ощущения встречается, как правило, повышение полового чувства, здесь легко могут возникать различные проявления сладострастной жестокости, то есть явления *садизма.* Примечательный пример такого рода представляет некто Цастров *(Casper, Liman,* 7 Aufl. Bd. I, 160, II. S. 487), который искусал изнасилованного им мальчика, разорвал ему praeputimn (крайняя плоть) и задний проход и в конце концов задушил его.

Ц. происходил от отца-психопата и матери-меланхолички; брат матери предавался извращенным половым актам и кончил жизнь самоубийством.

Ц. представлял собой врожденного урнинга, по внешности и по занятиям принадлежал к мужскому типу, имел фимоз. В общем, был субъектом со слабой психической организацией, взбалмошным и неприспособленным к общественной жизни. У него был страх перед женщинами, в сновидениях он чувствовал себя женщиной по отношению к мужчинам, сознание своего превратного полового ощущения заставляло его сильно страдать, искать удовлетворения во взаимном онанизме и часто чувствовать влечение к педерастии.

В некоторых из приведенных выше историй болезни мы находим такую же комбинацию садизма с превратным половым чувством.

Как пример извращенного полового удовлетворения на почве превратного полового ощущения можно еще привести того грека, который, согласно сообщению Атенея, влюбился в статую Купидона и изнасиловал ее в Дельфийском храме; затем рядом с поразительными случаями Тардье (указ. соч., с. 272) и Ломброзо (L'uomo delinquente, p. 200) можно привести еще чудовищный случай известного Артузио, который нанес одному мальчику рану в живот и изнасиловал его через эту рану.

Доказательством того, что при превратном половом ощущении встречается также и *фетишизм,* являются наблюдения 112 (носовой платок), 137 (ботинки), НО (8-е издание), затем случай, сообщенный мною в «Jahrbucher fur Psychiatrie», XII, 1, где фетишем были сапоги; см. также Молль (указ. соч., 3-е изд., с. 250—276); Гарнье (Les Fetichistes, p. 98: фетиш — одежда, рабочая блуза). В высшей степени примечателен наблюдавшийся мною случай, когда один гомосексуалист сделал себе фетишем траурный флер. Описаны также случаи, когда половое возбуждение наступало при виде у других мужчин

бородавок, язв, сыпей (ср. «Arbeiten» IV. S. 174), подобно описанному на с. 175 фетишизму телесных недостатков.

Следующий случай, заимствованный у Гарнье, представляет классический образчик фетишизма обуви. Нередко встречается также в качестве осложнения превратного полового чувства и *мазохизм.*

Наблюдение 174. Гомосексуализм. X., 26 лет, из высших слоев общества, был арестован по поводу того, что занимался онанизмом в публичном месте. Тяжелая наследственность, неправильный череп, психическая ненормальность с раннего детства. Уже с 10 лет чувствовал странное влечение к лакированным сапогам, с 13 лет занимался онанизмом, причем эякуляция происходила только в том случае, если он видел перед собой лакированные сапоги. К женщинам он не чувствовал влечения, и когда он на 21-м году совершил в публичном доме половой акт, то он не получил при этом никакого удовлетворения. С 24 лет стало все более и более развиваться превратное половое ощущение. Но он чувствовал влечение только к изящно одетым молодым людям, носившим лакированные сапоги. При мастурбации он воспроизводил в памяти их образ. Идеалом его было, однако, жить вместе с таким мужчиной и заниматься взаимным онанизмом. Не имея возможности осуществить такое желание, он вводил себе в задний проход шар и, передвигая его взад и вперед, воображал, что с ним совершает половой акт молодой человек в лакированных сапогах. В то же время он мастурбировал. При этой имитации пассивной педерастии он надевал кальсоны из красного шелка. Одно время он приклеивал к стенам общественных зданий такого рода записки: «Мой задний проход — к услугам красивых мужчин в лакированных сапогах». Когда он делал такую надпись и одновременно смотрел на свои лакированные сапоги, то у него наступала эрекция. С 16 лет, когда его стали интересовать молодые люди, он обращал внимание исключительно на их обувь и нравились ему только те мужчины, которые носили лакированные сапоги. Любимым местом пребывания были для него магазины обуви и площадь перед военной школой, где он мог восхищаться офицерами в лакированных сапогах. Однажды он купил себе такие сапоги, и они сделались предметом упоения для него. Уже одного их «запаха» было достаточно, чтобы вызвать у него сильное половое возбуждение. В конце концов он попробовал гулять в них, думая этим привлечь к себе внимание мужчин, но успеха не имел. Тогда он стал ими пользоваться во время мастурбации, эякулируя в них. Сладострастное ощущение достигало максимума, когда он прикладывал сапог к заднему проходу, бедрам и т. д. и производил им трение. X. очень берег свои сапоги, и, когда он однажды заметил, что на одном из них несколько попортилась лакировка, то был очень опечален. Он

чувствовал себя так, как человек, заметивший первую мор-Щину на лице любимого существа. Однажды, когда он гулял в парке, ему показалось, что один молодой мужчина делает ему намек в его вкусе. Опьяненный восторгом, он не мог удержаться от эксгибиционизма. Тут-то он и был арестован. От суда, однако, он был освобожден и помещен в психиатрическую больницу *(Gamier.* Les Fetichistes, p. 114).

ДИАГНОЗ, ПРОГНОЗ И ТЕРАПИЯ ПРИ ПРЕВРАТНОМ ПОЛОВОМ ЧУВСТВЕ

Диагноз превратного полового ощущения представляет большой клинический и в особенности судебно-медицинский интерес. На первый взгляд, он кажется трудным, так как мы здесь, по-видимому, имеем дело с областью одних субъективных симптомов и так как проявления извращения (перверсии) крайне разнообразны и могут быть приняты за признаки простой извращенности. Прежде всего здесь нужно обращать внимание на наличие у подобных субъектов истинной любви, причем часто приходится убеждаться, что последняя оставляет желать многого. Особенно нужно быть осторожным с автобиографиями, которым некоторые не придают никакого значения. Человек опытный легко узнает ложь и преувеличение. Превратное половое ощущение представляет настолько сложную психическую аномалию, что только специалист может быстро отличить правду от выдумки.

Для приобретения знаний в этой области лучше всего подходят те случаи, когда больные приходят в отчаяние, решаются на самоубийство (у высокоразвитых личностей, сознающих свое положение, это наблюдается довольно часто) и обращаются к врачу как к последнему прибежищу; далее, те случаи, когда больные подлежат судебной экспертизе или, будучи вынуждены обстоятельствами вступить в брак, желают узнать о своей потентности. Такие больные сами заинтересованы в том, чтобы выяснить истину, в противоположность тем субъектам, которые очень низко стоят в этическом и интеллектуальном отношении и стараются лишь обогатить науку своей «интересной историей болезни».

Каждый случай действительного гомосексуализма имеет свою этиологию, свои сопутствующие физические и психические признаки и оказывает определенное воздействие на всю психику личности. Его можно вывести и объяснить из наличия ненормального полового чувства, противоположного тому полу, к которому принадлежит данное лицо. В анамнезе, в этиологии, в предшествующем состоянии, а также в психосексуальной эволюции каждого случая — вот где кроется диагноз. Правильное заключение может быть выведено лишь из антропологического и клинического анализа случая, из изучения истории его развития и из обобщающего

сопоставления всех отдельных фактов.

Делаемые при этом выводы не менее достоверны, чем при любой другой аномалии.

При исследовании конкретного случая в высшей степени важно исходить из того установленного опытом положения, что превратное половое ощущение в качестве аномалии полового чувства встречается только у предрасположенных и главным образом у наследственно отягощенных индивидов. Я придаю этому обстоятельству громадное значение. Во всех случаях, когда диагноз не подлежит сомнению, имеет место и такое отягощение. Само собой разумеется, что наличие последнего само по себе еще ничего не доказывает, ибо и извращенность вырастает нередко на той же почве. Но во всяком случае надо придавать большое значение этому обстоятельству, если обнаруживается, что данная аномалия встречается у многих членов одной и той же семьи или у самого больного либо его родных встречаются различные другие проявления полового извращения. Довольно часто мы находим у носителя интересующей нас аномалии другие отклонения в области психической и нервной организации, вплоть до душевных болезней, психических дефектов и т. д. Эти отклонения встречаются так часто, что вначале даже сомневались, куда отнести изучаемое нами явление — в область психопатии или невропатии.

Все эти невропатические и психопатические явления должны быть подробно обследованы для выяснения их действительного значения. Часто они представляют собой признаки отягощения и вырождения, существующие наряду с превратным половым ощущением и независимо от него, в других случаях они оказываются реакцией на вредные внешние влияния, которым отягощенный субъект подвержен в гораздо большей степени, чем нормальный, иногда они косвенно зависят от превратного полового ощущения, возникая на почве тех тяжелых конфликтов, которые так часто разыгрываются в душе этих несчастных, наконец, отчасти они могут зависеть от неполного или извращенного удовлетворения половой потребности (онанизм).

Надо еще прибавить, что подобные субъекты и по своему характеру нередко представляют определенную ненормальность, не будучи ни вполне мужчиной, ни вполне женщиной; они являются как бы существами среднего пола, обладающими вторичными физическими и психическими признаками обоих полов. Мы объясняем это тем, что зачатки обоих полов как бы накладываются друг на друга, что препятствует развитию одного прочного, резко выраженного характера. Однако эта особенность психической организации,

граничащая с феминизмом или маскулинизмом, встречается только во вполне развитых случаях; само по себе превратное половое ощущение вовсе не связано с психической болезнью. Во все времена и у всех народов были люди с превратным половым ощущением, которые сделались тем не менее гордостью своих соплеменников.

Не нужно считать эту ненормальность болезнью или даже пороком, ибо развитие половой жизни может при ней идти столь же гармонично и оказывать такое же влияние на характер и нравственное чувство, как и при нормальных условиях, что, кстати сказать, является лишним доказательством в пользу того, что превратная половая организация есть эквивалент нормальной половой организации. Если имеют место моральные или интеллектуальные дефекты, то они являются осложнениями, вытекающими из невропатической конституции.

Важное значение имеет раннее пробуждение половой жизни, но это явление, равно как и более редко встречающееся запоздалое развитие полового чувства, вообще присуще дегенеративным субъектам. Другое дело, если половая жизнь принимает извращенное направление очень рано, в тот период, когда о влиянии дурного примера не может быть и речи; так, например, если мальчик предпочитает сидеть на коленях у дяди, вместо тети, если он оказывает предпочтение играм девочек, охотно вращается в их компании, обнаруживает поразительную ловкость в женских занятиях — шитье, вязании и т. п., если он чувствует склонность к женским туалетам, с удовольствием надевает женский костюм, любит выступать в женских ролях на сцене или маскараде и чувствует себя совершенно свободным в этих ролях; или если то же самое, но в обратном смысле, встречается у девочки.

Однополые акты (взаимный онанизм и пр.) до наступления половой зрелости не нужно считать признаком превратной половой организации. Они обыкновенно зависят от повышенного полового чувства, от преждевременного развития половых ощущений, от влияния среды; лишь в очень редких случаях они ведут к развитию полового извращения, и то только тогда, когда имеется предрасположение к таковому или когда зачатки влечения к противоположному полу слабы и имеют мало шансов одержать победу. Только в период половой зрелости развивается и обособляется определенная половая организация. Раньше же пол остается индифферентным. Смутное стремление к половому общению, по большей части возбужденное лицами того же пола, сближает товарищей по играм и побуждает их к актам мужской мастурбации, которые вытекают, однако, не из действительного полового чувства, а из чувства щекотания и других осязательных ощущений и не сопровождаются ровно никакими психическими ощущениями в смысле гомосексуализма. Аналогичное мы видим

и у молодых животных.

Этим-то и объясняется, почему из такой любовной игры в недифференцированном возрасте только крайне редко развивается впоследствии превратная половая организация. В эпоху половой зрелости маленький грешник узнает свой настоящий пол. Половое чувство, поддерживаемое целым рядом физических и психических ощущений симпатии, вызывает в нем половое влечение к другому полу, и он со стыдом и неохотой вспоминает свои прежние похождения гомосексуального характера. Только превратные половые акты *после* наступления половой зрелости имеют решающее значение. Стадия половой индифферентности длится иногда очень долго, так что психическое половое развитие отстает от физического.

Большое значение имеют рассказы о сновидениях эротического характера. В сновидениях, сопровождаемых поллюциями, обнаруживается истинная природа половых ощущений данного индивида. При психическом гермафродитизме эти сновидения носят преимущественно характер превратной половой организации. На других ступенях этой аномалии такой характер является уже исключительным. Начиная с эффеминации или вирагинии сновидения обнаруживают определенную роль субъекта при половом акте — пассивную у мужчины и активную у женщины.

Известное значение имеет наличие у субъекта физических и психических половых признаков, свойственных противоположному полу, но такого рода проявления нужно оценивать лишь в общей связи со всеми другими симптомами, так как эти признаки встречаются нередко и у нормальных людей как выражение частичного бисексуализма: таковы, например, гинекомасты, женщины с бородами и пр.

В развитых случаях превратного полового влечения, на ступени эффеминации и вирагинии физические и психические признаки противоположного пола приобретают такой характер, что сами собой бросаются в глаза, указывая на наличие превратного полового ощущения. В этих случаях — особенно при ходьбе — мужчины кажутся нам женщинами в мужском платье, а женщины — мужчинами в женском платье. Так как подобные лица чувствуют себя в духовном отношении как представители противоположного пола, то им, естественно, очень удаются роли другого пола: мужчинам, например, комические женские роли, женщинам — мужские роли. Наблюдались случаи, когда урнинги-женщины были неузнаваемы в роли солдат, а урнинги-мужчины в роли горничных и т. д. Поведение, жесты, движения — все соответствует в таких случаях противоположному полу, так что неоднократно случалось, что девушки-урнинги успешно вводили в заблуждение нормальных девушек, которые

принимали их за мужчин. С другой стороны, нередко встречаются урнинги-мужчины, которые могут поспорить с любой дамой в смысле кокетства, капризов, болтливости, вкуса к туалетам, изящества и вообще многих чисто женских свойств.

На более высоких ступенях превратного полового ощущения мы встречаем еще один очень интересный и характерный признак — сильно развитое чувство стыда по отношению к лицам собственного пола и недостаток или даже отсутствие этого чувства по отношению к лицам другого пола.

Способность урнингов узнавать друг друга вряд ли можно отнести к области басен. Когда они встречаются на улице, то они замечают друг у друга половое стремление, застенчивость, соответствующие кокетливые движения совершенно так же, как это имеет место у нормальных людей обоего пола, ищущих приключений и заигрывающих друг с другом.

На высших ступенях превратного полового ощущения существует страх, доходящий до полной невозможности полового общения с лицами другого пола. Только изредка удается с помощью фантазии подменить действительное лицо вымышленным и совершить таким образом половой акт. Превратное половое ощущение можно считать прочно установленным, если доказано, что у обследуемого субъекта другое лицо того же пола вызывает длительную симпатию своими физическими и психическими половыми признаками, что у него имеется стремление совершить с таким лицом, хотя бы и извращенный, половой акт, что последний доставляет ему удовлетворение и что в то же время все прелести лиц другого пола как бы совершенно для него не существуют или даже вызывают у него непобедимое отвращение.

С теоретической и терапевтической точки зрения считается очень важным различать врожденный гомосексуализм от приобретенного или, точнее, позднего. Наличие позднего гомосексуализма навело некоторых исследователей на мысль, что вообще не существует никакого врожденного предрасположения к развитию какого-либо определенного полового влечения и что, следовательно, не существует и врожденного превратного полового ощущения. По их мнению, направление, в котором развивается половое влечение, зависит от ряда психологических факторов и внешних, случайных моментов, действующих во время развития полового чувства.

Когда в период первых половых побуждений эти последние встречаются с чувственными впечатлениями, идущими от других людей, то образуются ассоциации представлений, которые при многократном повторении все более и более закрепляются и направляют недифференцированное до того

половое чувство в определенную сторону, и если с половыми возбуждениями ассоциировался вид лиц собственного пола или соприкосновение с ними, то на них и направляется развивающееся половое чувство. Это было бы возможно, если бы речь шла только о половом акте, но это не объясняет, почему такой акт сопровождался бы половым ощущением по отношению к лицу собственного пола. Если же это имеет место, то должно существовать особое предрасположение, должна существовать уже определенная половая организация или, по крайней мере, двуполая организация. В таком случае может проявиться очень рано ненормальное половое чувство в форме сладострастия, оргазма, эрекции и пр.

В действительности, однако, и те, кто думает, что вся половая жизнь определяется лишь психологическими процессами, признают, что здесь существует известное предрасположение, но только не в форме особой половой аномалии, а в виде общей невропатической конституции, которая способствует упрочению подобных ассоциаций, даже если они носят извращенный характер.

При этом они смешивают ассоциативно возникающие половые представления с навязчивыми идеями. Вообще это психологическое объяснение превратного полового ощущения неприемлемо, ибо оно не проясняет нам ни тех ранних явлений, которые в большинстве случаев уже дают себя знать в эпоху половой зрелости, ни развития в очень молодом возрасте психических и даже соматических половых признаков, соответствующих превратному ощущению. Оно, далее, противоречит опыту, ибо мы знаем, что при современных нравах и при современной системе воспитания первые половые побуждения у лиц обоего пола совпадают обычно со зрительными и тактильными ощущениями, исходящими от индивидов того же пола, что первые разъяснения половых вопросов мальчики получают от мальчиков, а девочки — от девочек и что, следовательно, если бы эта теория была верна, то гомосексуалисты должны бы составлять у нас правило, а лица с влечением к другому полу — исключение.

Вид полового влечения определяется организацией индивида. Его соответствие с характером половых желез упрочивается в нормальных случаях благодаря развитию соответствующих половых признаков, среди которых решающее значение имеет половое чувство по отношению к лицам другого пола, поглощающее все другие проявления симпатии.

Раз эта ступень полового развития пройдена, то молодой грешник, имеющий нормальную организацию, если даже он и предавался до того гомосексуальным актам, потому что предпочитал соприкосновение с теплым телом своего

сверстника одиночному онанизму, начинает испытывать влечение к противоположному полу и чувствовать, что практиковавшийся им способ полового удовлетворения ненормален. Вообще можно сомневаться в том, что у человека с нормальными задатками в какой бы то ни было период его жизни может возникать чувственное влечение к лицу собственного пола.

Если иметь в виду все приведенные соображения и факты и с такой точки зрения исследовать случаи так называемого приобретенного превратного полового ощущения, то окажется, что наряду с невропатической конституцией, которую признают и наши противники, наличествует, хотя, может быть, и в скрытом виде, превратная половая организация.

Так, я видел случаи позднего превратного полового ощущения, когда в период полового развития чувство очень долгое время не могло принять прочной формы и подвергалось постоянным колебаниям: например, после злоупотребления онанизмом или после гонореи юноша терял влечение к женщинам, начинал временами испытывать «необъяснимую» склонность к лицам собственного пола и видеть своих друзей в сладострастных сновидениях во время ночных поллюций. Некоторые из таких лиц обращали на себя внимание чертами феминизма или вообще отдельными, присущими женщинам физическими или психическими вторичными половыми признаками или просто отсутствием резко выраженной мужской индивидуальности. Случалось, что в моменты болезненного психического состояния (опьянение, сумеречное состояние при эпилепсии) такие люди бросались в половом возбуждении на мужчин, причем возможность того, что они их принимали за женщин, вполне исключена; между тем эти самые люди в нормальном состоянии отнюдь не проявляли гомосексуализма и совершенно не могли объяснить своего поведения в минуты помрачения. Разве это не показывает, что у этих индивидов продолжали существовать двуполые задатки и что по крайней мере в бессознательной сфере скрытые половые признаки играют известную роль?

Только при наличии такого предрасположения возможно, чтобы благодаря какому-нибудь психологическому толчку такая прочная функция, как половое чувство, упрочивающаяся к тому же многолетним упражнением, вдруг превратилась в свою противоположность. Но для того чтобы такой психологический толчок мог оказать влияние, необходим, как показывает опыт, еще целый ряд предрасполагающих влияний физического и психического характера; о них мы уже говорили выше.

К числу случаев с патологическим предрасположением, в которых те или иные случайные обстоятельства могут играть роковую роль, нужно отнести еще случаи с запоздалым

развитием половой жизни при наличии несомненного врожденного полового извращения; далее, случаи так называемой гермафродизии, когда воля и нравственное чувство поддерживают зачатки (обыкновенно слабые) влечения к другому полу, заставляя половое чувство функционировать в этом направлении и подавляя все проявления болезненного предрасположения до тех пор, пока какие-нибудь внешние причины (страсть, соблазн, заражение от женщины и т. д.) не дают перевес превратному половому влечению, которое и делается господствующим.

Вероятно, и случаи так называемого превратного полового влечения при проявлениях психической слабости (слабоумие паралитическое, старческое, эпилепсия), периодического характера (регулы) нужно трактовать таким образом, что здесь имеется в скрытом состоянии превратное половое влечение, которое под влиянием длительного или кратковременного ослабления противодействия проявляется наружу.

Наблюдение 175. Прекрасный пример скрытого гомосексуализма представляет 69-й случай Молля (Untersuchengen uber die Libido sexualis. S. 726). Речь идет об одном 34-летнем мужчине, который, начиная с периода половой зрелости, испытывал половое влечение исключительно к товарищам по школе, был довольно равнодушен к девушкам и в трезвом виде был по отношению к ним импотентным. У него обнаруживалось много признаков феминизма, так что ему даже дали в насмешку женское прозвище. Раньше он охотно играл в куклы. В состоянии опьянения он чувствовал влечение к лицам собственного пола (16—21 лет) и позволял мужчинам себя мастурбировать; в трезвом же виде он не мог бы этого допустить, ибо это казалось ему слишком нелепым.

В общем, случаи приобретенного гомосексуализма характеризуются следующими чертами:

1. Превратное половое влечение появляется в позднейший период жизни, и притом в результате явлений, нарушающих нормальное половое удовлетворение (неврастения от онанизма, психические влияния).

Нужно, однако, принять во внимание, что и здесь, несмотря на наличие сильного грубо чувственного полового влечения, самое влечение к другому полу, в особенности духовное, или, точнее, эстетическое, очень слабо заложено от рождения.

2. Превратное половое ощущение воспринимается сознанием как болезнь и порок до тех пор, пока не наступила еще сексуальная инверсия; индивид предается ему лишь по

необходимости.

3. Влечение к другому полу остается долгое время господствующим, и невозможность удовлетворения его причиняет страдания. Исчезает оно в той степени, в какой торжествует превратное влечение.

Напротив, в случаях врожденного гомосексуализма мы находим следующие признаки:

1. Превратное половое влечение появляется первым и играет доминирующую роль в половой жизни. Оно кажется индивиду естественным видом полового удовлетворения и доминирует также и в сновидениях.

2. Влечение к другому полу либо вовсе отсутствует, [1] либо если и появляется изредка в какой-либо период жизни (психический гермафродитизм), то лишь как эпизодическое явление, не находящее себе никаких корней в психике индивида и в действительности имеющее значение только средства для удовлетворения полового вожделения.

После всего вышеизложенного установление отличия остальных форм врожденного превратного полового ощущения друг от друга и от приобретенных случаев не должно вызывать затруднений.

Прогноз в приобретенных случаях является гораздо более благоприятным, чем во врожденных. В случаях первой категории наступление эффеминации, то есть психического превращения индивида в духе его превратного полового ощущения, знаменует собою границу, за которой на терапию уже нельзя более возлагать какие-либо надежды. Что касается случаев врожденного гомосексуализма, то намеченные нами в этой книге категории представляют различные степени психосексуального отягощения; помощь возможна только в пределах категории гермафродитизма и может быть еще в случаях тяжелых состояний вырождения (случай Шренк-Нотцинга).

Тем важнее *профилактика,* которая должна стремиться к тому, чтобы в случаях врожденных предупреждать развитие болезни, а в случаях приобретенных устранять все те вредные влияния, которые, как показывает опыт, могут вести к роковому извращению полового ощущения.

Бесчисленное множество *невропатических* субъектов постигает этот печальный жребий по вине родителей и воспитателей, которые не имеют представления о том вреде, какой приносит

детям онанизм при наличии такого предрасположения.

В школах и пансионах онанизм часто прямо-таки свирепствует. На физическое и нравственное состояние учеников в настоящее время обращается слишком мало внимания.

Центр тяжести заключается в усвоении курса. То, что иной ученик приобретает это ценою телесного и душевного здоровья, об этом не думают.

С каким удивительным лицемерием стараются скрыть от молодых людей вопросы половой жизни! И как мало в то же время уделяют внимания проявлениям их полового чувства! Как редко прибегают к советам домашнего врача в деле воспитания детей даже в семьях с тяжелым наследственным предрасположением!

Предполагается, что все должно быть предоставлено природе. Но во власти своих естественных побуждений, не встречая ниоткуда ни помощи, ни поддержки, ребенок нередко становится на опасный путь.

Не нужно забывать, что у отягощенных детей половая жизнь часто пробуждается ненормально рано. И нельзя отрицать того, что для мальчиков и девочек с болезненным предрасположением может быть опасным постоянное пребывание среди лиц того же пола. Такие дети не должны быть отдаваемы в пансионы, в особенности не следует помещать таких мальчиков в общежития, в военные школы, которые так часто служат рассадниками онанизма и гомосексуализма. Учителя и воспитатели должны быть знакомы с проявлениями превратного полового влечения и считаться с этой аномалией. Факты, изложенные в настоящей книге, равно как и в целом ряде других научных работ об онанизме, должны служить руководящей нитью для родителей и воспитателей. Педагоги в большинстве случаев отличаются невероятной наивностью и поразительным отсутствием наблюдательности, так что не замечают даже, когда мальчики проделывают онанистические акты во время уроков. В редких случаях они сами являются совратителями юношества. Необходимо избегать всего, что ускоряет развитие полового чувства, — между прочим, продолжительного сидения в школе, спиртных напитков. Юноша с превратным половым ощущением ни в коем случае не должен посещать обычных школ: его необходимо помещать в лечебное заведение для нервных. Дома мальчики не должны спать вместе. Купание в общественных купальнях совместно с другими также не лишено опасности и требует бдительного надзора. Ребенок с предрасположением к превратному половому ощущению не должен быть отдан на руки одному гувернеру или учителю. Нередко такой учитель делается как раз объектом первой любви

юноши. Лица того же пола должны с большой осторожностью позволять себе ласкать и брать на колени подобных детей. Флагелляция (бичевание) по ягодицам должна быть строго воспрещена. Для детей с предрасположением к гомосексуализму больше всего подходит обучение в смешанных школах (для обоих полов). Если в ребенке рано пробуждается склонность к занятиям и спорту, свойственным другому полу, то этого не надо ни поддерживать, ни осмеивать, а нужно этому препятствовать, направляя склонности ребенка на нормальный путь. Величайшего внимания требует к себе онанизм у обоих полов. Если обнаруживаются явные признаки превратного полового ощущения, то рекомендуется внушение сначала в бодрствующем состоянии, а в случае надобности — и гипнотическое; и на этой ранней стадии болезни лечение, конечно, имеет больше шансов на успех, чем впоследствии, когда человек, предаваясь превратным половым актам много лет, уже окончательно погрязнет в болоте гомосексуализма.

При наличии уже развившегося превратного полового влечения задачи *лечения* сводятся к следующему:

1. Борьба с онанизмом и с другими явлениями, вредными для половой жизни.

2. Устранение неврозов, развившихся на почве антигигиенических условий половой жизни (половая и общая неврастения).

3. Психическое лечение в смысле подавления гомосексуальных ощущений и импульсов и усиления ощущений и импульсов противоположного характера.

Центр тяжести лечения должен лежать в следовании 3-му указанию, а также и в борьбе с онанизмом.

Только в редких случаях слабо развитого *приобретенного* гомосексуализма бывает достаточно выполнения 1-го и 2-го указаний. Доказательством может служить один случай, подробно описанный мною в журнале «Irrenfreund», 1885, № I[1].

Обычно, однако, одно физическое лечение даже при условии морального влияния на больного в смысле энергичного воспрещения онанизма, подавления гомосексуальных влечений и пробуждения влечения к другому полу не дает удовлетворительных результатов даже в случаях приобретенного превратного полового ощущения.

Здесь может помочь только метод психического лечения, а именно внушение.

Мне известен лишь один случай.(наблюдение 129 в 9-м издании), когда собственные усилия больного, то есть самовнушение, оказались успешными в борьбе с превратными склонностями.

В подавляющем же большинстве случаев шансы на успех имеет только внушение, производимое другим, и именно путем *гипноза.*

Задача послегипнотического внушения сводится здесь к тому, чтобы, с одной стороны, подавить влечение к онанизму и гомосексуальным актам, а с другой — разбудить склонность к другому полу и сознание своей потентности.

Необходимым условием успеха является, конечно, возможность достигнуть глубокого гипноза. Как раз у неврастеников это далеко не всегда удается, ибо они по большей части бывают возбуждены, растеряны и не в состоянии сосредоточить свои мысли.

Принимая во внимание то громадное благодеяние, которое может быть оказано этим несчастным при успешном лечении, а также ввиду сообщенного Ладамом случая (см. ниже) необходимо в будущем во всех подобных случаях стараться прибегнуть к гипнозу, являющемуся здесь единственным средством спасения. Удовлетворительный результат получен в следующих двух случаях.

Наблюдение 176. Превратное половое ощущение, приобретенное на почве онанизма. X., коммерсант, 29 лет. Родители отца здоровы. В семье отца никаких проявлений нервности.

Сам отец был раздражительным, брюзгливым субъектом. Брат отца был бонвиваном и умер холостым.

Мать умерла в послеродовом периоде после третьих родов. Пациенту тогда было 6 лет. У нее был глубокий и грубый, почти мужской голос и твердая поступь.

Один брат пациента отличался раздражительностью, «меланхоличностью» и равнодушием к женщинам.

В детстве пациент перенес скарлатину, которая сопровождалась сильным бредом. До 14 лет он был веселым и общительным мальчиком, а затем сделался тихим, нелюдимым, «меланхоликом». Первые следы полового ощущения появились на 10—11-м году; он тогда от других мальчиков научился онанизму и занимался с ними взаимной мастурбацией.

На 13-м или 14-м году в первый раз семяизлияние. Пациент

долгое время не чувствовал никаких вредных последствий онанизма. Таковые появились только четверть года назад.

В школе он учился хорошо, временами страдал головными болями. С 20 лет начались поллюции, несмотря на ежедневный онанизм. В сновидениях, сопровождавшихся поллюциями, ему представлялся в различных положениях акт совокупления, совершаемый мужчиной и женщиной. На 17-м году его совратил к взаимному онанизму один мужелюбивый мужчина. При этом он почувствовал удовлетворение, тем более что его половая потребность была всегда очень сильна. После этого прошло много времени, прежде чем пациенту снова представилась возможность полового общения с мужчиной. Потребность он ощущал только в том, чтобы «освободиться от семени».

Ни дружбы, ни любви он не чувствовал по отношению к тем лицам, с которыми вступал в сношение. Удовлетворение он испытывал в пассивной роли, когда его мастурбировали. Совершив акт, он терял уважение к своему сообщнику. Напротив, если он приобретал к этому человеку уважение, то прекращал с ним половые сношения. Впоследствии для него было безразлично, играл ли он при онанизме активную или пассивную роль. При одиночном онанизме он представлял себе, что его мастурбирует рука какого-нибудь нравившегося ему мужчины. Твердые, грубые руки нравились ему больше всего.

Пациент убежден, что, не будь он совращен с правильного пути, у него развилось бы нормальное половое ощущение. Он никогда не испытывал любви к собственному полу, но ему нравилось представлять себе такую любовь. Сначала у него было чувственное влечение к другому полу: он охотно танцевал; женщины ему вообще нравились, причем он больше обращал внимания на их фигуру, чем на их лицо. При виде симпатичной женщины у него даже делались эрекции. На совокупление он никогда не мог решиться, так как боялся заражения; он даже не знает, был ли бы он потентным с женщиной. Он думает, что потерял потентность, ибо его чувства к женщинам сильно охладели, в особенности за последние годы.

Раньше во время сладострастных сновидений он видел и мужчин, и женщин, впоследствии ему стали сниться только сношения с мужчиной. Он не может припомнить, чтобы ему за последние годы хоть раз снились чувственные сношения с женщиной. В театре, в цирке, на балете — его всегда интересовали женские фигуры. В музеях и мужские, и женские статуи привлекали его одинаково.

Пациент много курит, много пьет пива, любит мужское общество, спорт, коньки. Терпеть не может ничего шутовского. Никогда не ощущал потребности нравиться мужчинам, скорее

ему хотелось нравиться женщинам.

Настоящее положение, когда им совершенно завладел онанизм, он считает мучительным. Раньше онанизм ничем не беспокоил его, теперь он оказывает на него вредное влияние.

С июля 1889 г. он страдает невралгией яичка; чаще всего боли наступают по ночам. По ночам у него также бывает дрожание (повышение рефлекторной возбудимости). Сон не имеет живительного действия, пациент просыпается от болей в яичке. В настоящее время он принужден чаще онанировать, чем раньше. Онанизм стал внушать ему страх. Он надеется, что его половая жизнь еще может быть направлена в нормальную колею. Он озабочен будущим, ибо у него завязались отношения с одной девушкой, которая нравится ему и на которой он не прочь бы жениться.

Уже 5 дней, как он перестал онанировать, но он плохо надеется, чтобы собственными силами ему удалось справиться со своей привычкой. В последнее время он находился в угнетенном настроении, потерял охоту к труду и даже интерес к жизни.

Пациент высокого роста, крепко сложен, хорошо упитан, с обильной растительностью на лице. Череп и скелет нормальны.

Пателлярный рефлекс очень резок; глубокие рефлексы верхних конечностей сильно повышены, зрачки шире среднего, одинаковой величины, быстро реагируют. Сонные артерии одинакового калибра. Гиперестезия уретры. Семенной канатик и яичко нечувствительны; половые органы вполне нормальны.

Я успокоил пациента и утешил его относительно будущего при условии, если он откажется от онанизма и направит свое половое чувство на лиц женского пола.

Назначены полуванны (20—24° R), экстракт secal. cornut. aquos (спорынья) 0,5, антипирин 1,0 днем; вечером 4,0 бромистого калия.

13 декабря. Пациент явился ко мне на прием расстроенным, жалуясь, что он собственными силами не в состоянии устоять перед онанизмом, и прося помощи.

Испробован гипноз; пациент впал в глубокий гипнотический сон.

Ему внушено:

1. Я не могу, не должен и не хочу больше онанировать.

2. Любовь к собственному полу внушает мне отвращение: ни один мужчина не будет мне казаться красивым.

3. Я хочу быть и буду здоровым, буду любить красивую женщину, которую сделаю счастливой и с которой буду сам счастлив.

14 декабря. Сегодня во время прогулки пациент встретил красивого мужчину, к которому почувствовал сильное влечение.

С этого времени я стал повторять гипнотические сеансы через день; внушалось то же, что и в первый раз. 18 декабря (четвертый сеанс) удалось добиться сомнамбулизма. Страсть к онанизму и интерес к мужчинам исчез.

Во время восьмого сеанса к указанным внушениям прибавлено еще одно: «полная потентность». Пациент стал чувствовать себя нравственно выше и физически крепче. Невралгия яичка исчезла. Пациент полагает, что его прежнее половое ощущение находится теперь на нуле.

От онанизма и превратного полового ощущения он считает себя освобожденным.

После одиннадцатого сеанса он заявил, что считает дальнейшее лечение ненужным. Он хочет вернуться домой и жениться на любимой девушке. Он чувствует себя вполне здоровым и потентным. В начале января 1890 г. лечение прекращено.

В марте того же года пациент писал мне: «С того времени было несколько случаев, когда я должен был призвать на помощь все свои нравственные силы, чтобы побороть свою привычку; но, слава Богу, мне удалось избавиться от своего порока. Я уже несколько раз совершал половой акт, причем испытывал достаточное удовольствие. Я спокойно смотрю в глаза будущему и верю в свое счастье».

Еще ряд случаев приобретенного превратного полового ощущения, когда болезнь была устранена с помощью гипнотического внушения, можно найти у Веттештранда (Der Hypnotismus und seine Anwendung in der praktischen Medizin, 1891. S. 52 ff.); Бернгейма (Hypnotisme. Paris, 1891. P. 38); в 9-м издании моей книги (наблюдение 136, наблюдение 131 — значительное улучшение); у Фукса (Therapie der anormalen Vita sexualis, 1899).

Успех гипнотического лечения в случаях приобретенного гомосексуализма, естественно, наводит на мысль о том, как помочь и тем несчастным, которые страдают *врожденным* извращением полового ощущения.

Само собой разумеется, что здесь положение совершенно иное, ибо приходится побороть врожденную аномалию, устранить болезненную психосексуальную организацию и создать новую, здоровую.

Сравнительно более благоприятны условия при психосексуальном гермафродитизме, когда по крайней мере имеются рудименты нормального полового ощущения, которые можно с помощью внушения укрепить и сделать преобладающими.

Наблюдение 177. X., 25 лет, помещик, происходит от невропатического, вспыльчивого отца, видимо, нормального в половом отношении. Мать и две ее сестры страдали нервозностью. Бабушка пациента со стороны матери была нервна, дедушка был кутилой и развратником. Пациент — единственный сын у родителей, похож на мать. С самого рождения отличается слабостью, страдал частыми мигренями, нервностью, различными детскими болезнями, с 15 лет без всякого внешнего влияния начал заниматься онанизмом.

До 17 лет пациент, по его собственным словам, не чувствовал влечения ни к мужскому, ни к женскому полу. Затем появилось влечение к мужчинам. Он влюбился в одного своего товарища и встретил с его стороны взаимность. Они обнимались, целовались и предавались взаимному онанизму. Иногда совокупление между бедрами мужчины. Педерастия внушала ему отвращение.

В сладострастных снах видел только мужчин. В театре и цирке его интересовали лишь мужчины. Преимущественно ему нравились лица 20-летнего возраста с красивой наружностью и хорошим телосложением.

При наличии этих условий положение человека было ему безразлично. Во время своих половых похождений он чувствовал себя в мужской роли.

На 18-м году пациент доставил много беспокойства своей семье, кстати сказать, очень почтенной», он завел любовную историю с одним кельнером, сделался предметом всеобщего внимания и насмешек, а также и вымогательства со стороны своего возлюбленного. Его взяли домой. Там он все время терся около слуг и конюхов. Дело приняло скандальный оборот. Его послали путешествовать. В Лондоне у него случилось какое-то дело, связанное с шантажом. Но ему удалось скрыться к себе на родину.

Однако и этот горький опыт не исправил его, и он снова стал проявлять склонность к мужчинам (декабрь, 1888). Пациент — молодой человек высокого роста, стройного и крепкого

сложения, упитанный, вполне мужского типа. Половые органы крупных размеров, хорошо развиты. Походка, голос, манеры — все мужское. Вполне выраженных мужских склонностей у него нет. Курит мало, только папиросы, пьет тоже мало, любит сладости, музыку, искусство, изящество, цветы, предпочитает женское общество, носит усы, бороду бреет. В одежде ничего франтоватого. Имеет бледный, обрюзглый вид, ведет жизнь бездельника и тунеядца, спит чуть не до обеда. В своей склонности к мужчинам он никогда не чувствовал ничего патологического. Он ее считает врожденной, но, зная о ее вредных последствиях, хотел бы от нее избавиться, но мало надеется на собственные силы. Он уже сделал однажды такую попытку, но сейчас же усилился онанизм, который действует на него вредно, вызывая неврастенические расстройства (впрочем, легкого характера). Дефектов в области нравственного чувства у пациента нет. Интеллект у него несколько ниже среднего. Пациент прекрасно воспитан и имеет аристократические манеры. Невропатические глаза выдают нервность его организации. Пациента нельзя считать совершенным, безнадежным урнингом. У *него имеются некоторые проявления влечения к другому полу, но чувственные побуждения по отношению к этому полу появляются редко и в слабой степени.* Когда ему было 19 лет, друзья однажды завлекли его в публичный дом. У него не было страха перед женщиной, он имел достаточную эрекцию, совершил половой акт с некоторым наслаждением, однако без того интенсивного чувства сладострастия, какое он испытывал при сношениях с мужчинами.

Пациент сообщает, что после того он совершал половой акт еще шесть раз, из них дважды по собственному желанию. Он уверяет, что может совершить этот акт в любой момент, но что он является для него не более как суррогатом гомосексуальных отношений, так же как онанизм. Он уже даже подумывал о том, чтобы подыскать симпатичную женщину и жениться на ней. Но, конечно, супружеские сношения и воздержание от мужчин были бы для него тяжелой обязанностью.

Поскольку здесь имелись рудиментарные остатки нормального полового чувства* и случай не казался мне безнадежным, я решил испытать лечение. Показания были достаточно ясны, но нельзя было положиться на слабую волю пациента, который к тому же далеко не понимал всей фатальности своего положения. Естественно, возникла мысль подкрепить моральное врачебное влияние гипнозом. Но и здесь надежда на успех была сомнительна, ибо пациент сообщил, что знаменитый Хансен неоднократно пытался применить по отношению к нему гипноз, но безуспешно.

Однако из-за громадного значения, какое лечение могло иметь

для всего социального положения больного, необходимо было повторить попытку. К моему великому удивлению, с помощью метода Бернгейма удалось тотчас же привести больного в состояние глубокого гипнотического сна с возможностью послегипнотического внушения.

Во второй сеанс уже удалось только путем взгляда добиться сомнамбулизма. Пациент легко поддается внушению во всех отношениях; поглаживанием кожи можно вызвать контрактуры. Пробуждение происходит при счете до трех. По отношению ко всему, что совершилось во время гипноза, у больного вне гипноза существует амнезия. Сеансы с гипнотическими внушениями делались через 2—3 дня. Одновременно моральное воздействие и водолечение.

Во время гипноза внушалось следующее:

1. Я ненавижу онанизм, ибо он делает меня несчастным и больным.

2. Я не ощущаю больше никакого влечения к мужчинам, ибо любовь к мужчине противоречит природе, религии и законам.

3. Я ощущаю склонность к женщинам, так как женщины милы, привлекательны и созданы для мужчин.

Пациент во время сеансов повторяет все эти внушения слово за словом.

Уже после четвертого сеанса бросилось в глаза, что пациент начал ухаживать за дамами в обществе, где он вращался. Вскоре он страстно влюбился в одну певицу, приехавшую на гастроли. Несколько дней спустя он даже стал расспрашивать, где находится один публичный дом.

В то же время пациент продолжает еще предпочитать общество молодых людей, хотя, несмотря на самый строгий надзор, в его поведении не обнаруживается ничего подозрительного.

17 февраля. Пациент просит разрешения на половой акт и остается очень довольным своим дебютом у одной дамы полусвета.

16 марта. Гипноз продолжается приблизительно по 2 раза в неделю. Глубокий сомнамбулизм достигается только путем взгляда; больной по требованию повторяет внушенное, легко поддается послегипнотическому внушению. В бодрствующем состоянии он не имеет ни малейшего представления о том, что ему внушается во время гипноза. Он уверяет, что в настоящее время уже совершенно освободился и от онанизма, и от своих

половых ощущений по отношению к мужчинам. Так как он на задаваемые ему во время гипноза вопросы стереотипно отвечает одно и то же, например что он такого-то и такого-то числа в последний раз онанировал, и так как он очень глубоко подчинен воле врача, то его показания заслуживают полного доверия, тем более что он хорошо выглядит, не испытывает никаких неврастенических расстройств, в сношениях с мужчинами не обнаруживает ни малейшей некорректности и вообще ведет себя свободно, открыто, совершенно как мужчина.

Если прибавить, что он время от времени по собственной инициативе и с наслаждением совершает половой акт, что поллюции бывают у него случайно лишь при сладострастных сновидениях, полных женских образов, то не остается никакого сомнения в том, что в его половой жизни произошел благотворный переворот, так что можно предположить, что гипнотические внушения превратились уже в прочные акты самовнушения в области чувства, представлений и стремлений.

Пациент, вероятно, навсегда останется фригидной (холодной) натурой, но он стал чаще говорить о браке и о своем намерении посвататься к первой женщине, которая будет ему симпатична.

Лечение было прекращено. (Собственное наблюдение — Internationales Zentralblatt fur die Physiologie und Pathologie der Harn- und Sexualorgane. Bd. I.)

В июле 1889 г. я получил письмо от отца пациента; тот сообщил, что сын его находится в прекрасном состоянии.

20 мая 1890 г. я случайно встретился с моим прежним пациентом во время одного путешествия. Вид у него был великолепный, и он сообщил мне, что хотя иногда чувствует симпатию к некоторым мужчинам, однако ни разу не испытывал уже больше никаких гомосексуальных влечений. Время от времени он совершает совокупления с женщинами, чувствует при этом полное удовлетворение. Серьезно думает о браке.

Я попробовал снова загипнотизировать пациента тем же путем, что и раньше, и спросил его, что ему было приказано в свое время. В состоянии глубокого сомнамбулизма, совершенно тем же тоном, что и раньше, пациент повторил те внушения, которые получил в декабре 1888 г. Это является прекрасным доказательством того, как долго и сильно может держаться послегипнотическое внушение.

Наблюдение 178. Садизм и мазохизм у гомосексуалиста. А., электротехник, 27 лет; родители находились в кровном родстве, много кровных родственников родителей были больны тяжелыми неврозами и психозами. Отец отличался

фригидностью.

А. с детства отличался нежным слабым сложением. Первые половые ощущения появились на 6-м году при виде фотографии мужской статуи. Вскоре после этого он стал чувствовать сильное влечение к отдельным товарищам по школе. Когда кто-нибудь из товарищей или учитель били его или дотрагивались до ягодиц, то у него появлялось сладострастное возбуждение. Он умел устраивать так, чтобы часто доставлять себе это удовольствие. Еще большее сладострастное ощущение он получал, если товарищ садился ему на колени.

Когда ему было 18 лет, у него на некоторое время опухла левая грудная железа; он заметил, что из нее вытекает молоко-образная жидкость.

С 9 лет у него время от времени появлялось желание одеваться в женское платье и любовь к вышиванию по канве. С 11 лет это совершенно исчезло. На 13-м году он начал заниматься психическим онанизмом. При этом в его воображении проносились мужские лица. Вскоре появились поллюции. Они сопровождались снами, во время которых ему представлялось, что мужчины секут его по ягодицам. В бодрствующем состоянии такие представления также имели сладострастный оттенок. Со временем появилось стремление к активной флагелляции. С 17 лет он сделался неврастеником. Он начал замечать, что его половая жизнь ненормальна, и старался усиленными занятиями подавить свои ненормальные чувственные побуждения. На известный период ему удалось достигнуть этого; от онанизма он тоже воздерживался.

С 20 лет он начал принуждать себя к половому общению с женщинами. Они были для него совершенно безразличны, но обнаженные женские ягодицы[1] делали его потентным. Чувство сладострастия он испытывал, но в духовном отношении половой акт оставлял его совершенно неудовлетворенным. Некоторое удовольствие доставляло ему бить молодую женщину по ягодицам. Обнаженная молодая женщина[2] вызывала у него желание бить ее, однако он никогда не мог решиться последовать этому побуждению. Пассивная флагелляция рукой женщины не представляла для него ничего привлекательного, ибо он чувствовал, что это не может дать ему удовлетворения.

Напротив, мысль о мужской флагелляции — активной и пассивной — вызывала у него сильнейшее возбуждение; то же и при виде мужских ягодиц, даже своих собственных в зеркале.

Если он читал в газете о телесных наказаниях или объявления о том, что ищут молодых слуг или компаньонов для путешествий, то это его сильно возбуждало. В то время и потом он чувствовал

слабость к красивым, крепким, не слишком юным мужчинам. Его фантазия во сне и наяву вертелась исключительно около бичевания мужчинами по ягодицам. Иногда он упивался представлением активного бичевания. Но до сих пор он не делал ни того, ни другого.

За последние 10 лет он сильно страдает от неврастенических расстройств, вероятно, на почве воздержания, так как он все реже и реже мастурбирует. Когда у него долго нет эякуляции, то его ненормальные половые ощущения резко усиливаются. Это заставляет его часто посещать публичный дом. А. явился ко мне и заявил, что не может более выносить своего полового извращения. Он сам себя презирает и не может так дальше существовать. Он просит только одного, чтобы его освободили от его отвратительных побуждений. На брак он никогда не решится, так как не может подавить в себе страх, что у него будут такие же несчастные дети, как он сам!

А. нормально развит, имеет густую бороду и, за исключением умеренной спинномозговой неврастении, не представляет никаких патологических явлений.

Он легко приходит в состояние оцепенения (полусна) и так же легко поддается внушению. Ему были сделаны внушения против превратного полового влечения и против садистских и мазохистских склонностей. Он скоро освободился от своих болезненных припадков и уехал домой вполне довольный результатами. Но улучшение продолжалось недолго. Спустя несколько недель он пошел в баню, и там, отчасти под влиянием вида многих голых мужчин, его превратные половые ощущения пробудились снова в сильнейшей степени. Через некоторое время ему представился случай поцеловать мужчину, а затем он встретил в столице одного «светского забавника» и впервые переспал с мужчиной. При этом только телесного соприкосновения было достаточно, чтобы вызвать у него эякуляцию. Это несчастное происшествие повергло А. в безутешное горе, и он снова приехал ко мне. Единственным прочным результатом прежнего лечения можно было считать отсутствие садистских и мазохистских склонностей. При помощи нескольких новых сеансов удалось добиться (вероятно, временно) того, что пациент сделался нейтральным в половом отношении.

Дальнейшие наблюдения см. в моей настоящей книге, 8-е издание — наблюдение 137, 138, 140, 141; 9-е издание — наблюдение 133; Фукс, указ. соч., наблюдения 15—18.

Доказательством того, что даже в самых тяжелых случаях врожденного превратного полового ощущения лечение внушением может сопровождаться успехом, служат случаи

автора и Ладама, когда удалось достигнуть исчезновения гомосексуальных ощущений и половой нейтрализации. Такой исход является для больных благотворным, так как избавляет их по крайней мере от позора и судебного преследования.

Но иногда удается достигнуть замены превратных половых ощущений влечением к противоположному полу, сопровождаемому даже потентностью: таковы случаи Веттерштранда (см. у Шренк-Нотцинга, указ. соч., случай 49), Бернгейма (у Шренк-Нотцинга, случай 51), Мюллера (у Шренк-Нотцинга, указ. соч., случай 53), Фукса (указ. соч., случаи 20, 28), Шренк-Нотцинга (указ. соч., случаи 66, 67). Последнему удалось даже добиться успеха в случаях эффеминации (указ. соч., случаи 62 и 63).

Однако значительные и прочные успехи могут быть достигнуты только в тех случаях, когда гипноз доведен до сомнамбулизма. Но во всяком случае успех основан здесь не на действительном излечении, а на известной дрессировке, достигнутой внушением. Это нужно отнести к удивительным фокусам гипнотического искусства, проделываемым на ненормальных людях; о «пересоздании» психосексуальной организации, как это предполагает Шренк-Нотцинг, здесь не может быть и речи.

В этом отношении очень поучителен блестящий случай Шренк-Нотцинга. Пациент после «излечения» выразился о себе следующим образом: «Я постоянно чувствую перед собой какую-то непреодолимую грань, которая основывается не на моральных побуждениях, но зависит, как мне кажется, непосредственно от лечения». Во всяком случае, подобного рода «излечения» нисколько не подрывают теории о врожденном характере превратного полового ощущения.

Необходимо вообще рассеивать иллюзии относительно ценности гипнотического лечения.

Неоднократно врачами выражалось сомнение в целесообразности всяких попыток лечения гомосексуалистов. Этим несчастным давали совет примириться со своей аномалией и воздерживаться от превратных половых сношений, что действительно иногда удавалось лицам со слабой чувственностью и с высоким нравственным уровнем. Им указывали на то, что существуют и другие не менее ужасные страдания (например, невралгия тройничного нерва, злокачественные новообразования), которые, однако, переносятся человеком. Но такое воззрение обнаруживает совершенно недостаточное знакомство со значением и тяжестью превратного полового ощущения. Больным предстоит либо, следуя указанному совету, вести безнадежное существование, жизнь без любви, играть недостойную комедию перед всеми

окружающими, испытывать моральные и психические страдания, либо, в противном случае, рисковать своим социальным положением, честью и свободой.

Советовали этим несчастным также кастрацию. Но, не говоря уже о том, что законность такой операции подлежит большому сомнению, ею может быть достигнуто только ослабление полового влечения, а отнюдь не устранение превратного полового ощущения со всеми его душевными муками. Но совершенно чудовищным является предложение помещать таких людей в дома умалишенных в том случае, если они не могут преодолеть свои половые влечения. Это допустимо только тогда, когда наряду с превратным половым ощущением имеется психоз, который сам по себе требует изоляции больных в лечебном заведении.

Против лечения таких больных выставлялось еще то соображение, что хотя мы в виде исключения и можем помочь отдельным лицам, но всему обществу мы причиняем при этом вред, ибо создаем возможность для этих дегенеративных субъектов иметь потомство.

Такой упрек кажется странным в культурном обществе, где не запрещено вступать в брак ни пьяницам, ни наследственным дегенератам. У меня, в общем, сложилось такое убеждение, что лица с превратным половым ощущением отнюдь не представляют собою худших представителей дегенеративных типов. И насколько я мог исследовать потомство гомосексуалистов, оно не представляло вовсе особенно тяжелых проявлений невропатической конституции и наследственного отягощения.

В качестве семейного страдания, передающегося путем прямой наследственности, превратное половое ощущение встречается отнюдь не часто.

Количество «излеченных» случаев превратного полового ощущения всегда будет оставаться очень ограниченным, ибо многие из этих несчастных боятся довериться врачу в столь деликатных вопросах. Другие не верят в возможность успешного лечения; третьи боятся променять свои гомосексуальные сношения, которые доставляют им удовлетворение, на нечто неизвестное, которое, может быть, и не будет их удовлетворять. Некоторых останавливает боязнь сделаться потентными, чтобы не произвести на свет таких же несчастных, как они сами. Иногда встречаются непреодолимые психические препятствия, или пациент не поддается гипнозу, либо недостаточно подчиняется внушению, так что лечение не может иметь успеха.

Но если гомосексуалист из этических, социальных или других

каких-нибудь соображений желает лечиться, то ему нельзя в этом отказывать. Святая обязанность врача по мере своих сил помогать всякому, ищущему помощи. Благо больного должно в глазах врача всегда быть выше, чем благо общества. Для нейтрализации вреда, который он доставляет обществу в отдельных случаях, служит деятельность на поприще гигиены и профилактики.

Впрочем, во многих случаях лица, страдающие превратным половым влечением, бывают довольны, если делаются нейтральными в половом отношении. В этих случаях врачебное искусство служит одновременно интересам и больного, и общества.

ЧАСТНАЯ ПАТОЛОГИЯ

Патологические проявления половой жизни при различных формах и состояниях психического расстройства.

Состояния психического недоразвития

У идиотов половая жизнь, в общем, развита мало. При высших степенях идиотии она даже совершенно отсутствует. В этих случаях нередко имеют место недоразвитость половых органов, позднее наступление менструаций или даже отсутствие их. У мужчин существует импотенция, у женщин — бесплодие. Даже у идиотов с более высоким развитием половая жизнь находится на заднем плане. В редких случаях она периодически ослабевает, а затем проявляется с большой интенсивностью и пылкостью и влечет за собой бурную потребность в удовлетворении. На этой ступени психического развития извращений полового чувства, видимо, не встречается.

Если потребность полового удовлетворения наталкивается на препятствия, то возникают бурные аффекты, ведущие к насильственным действиям против данного лица. То, что идиоты не проявляют при этом разборчивости и бросаются на первого попавшегося близкого человека, это, конечно, вполне понятно.

Так, Марк-Иделер сообщает об одном идиоте, который хотел изнасиловать свою собственную сестру и чуть не задушил ее, когда встретил при этом препятствие.

Аналогичный случай сообщает Фридрайх (Friedreichs Blatter, 1858. S. 30).;

Случаи непотребства по отношению к маленьким девочкам мне пришлось неоднократно исследовать в качестве эксперта.

Такой же случай сообщает Жиро (Annales medico-psychologiques,

1885, № 1). Во всех этих случаях совершенно отсутствует понимание значения совершаемого поступка; однако идиоты смутно сознают, что публично такие неблагопристойные поступки совершать нельзя, поэтому ищут для своих половых актов уединенные места.

У имбецилов половая жизнь обычно развита в той же мере, как и у нормальных людей. Но из-за недостатка задерживающих импульсов со стороны нравственных представлений она проявляется у них более открыто. Уже одно это делает их обременительными для общества. Болезненное повышение или извращение полового чувства встречается здесь редко.

Самым частым способом полового удовлетворения является онанизм. На сношения со взрослыми лицами слабоумные обыкновенно не отваживаются.

Нередко они прибегают к животным. Наибольшее количество осквернителей животных приходится на долю имбецилов. Довольно часто их нападениям подвергаются дети.

Эммингауз (Maschkas Handbuch, IV. S. 234) указывает на то, что имбецилы часто практикуют открытое удовлетворение полового влечения в форме публичной мастурбации, выставления напоказ половых органов, содомии и нападения на детей, даже собственного пола.

Жиро (Annales medico-psychologiques, 1885, № 1) сообщил целый ряд случаев изнасилования детей.

1. Х., 17 лет, имбецил, заманил маленькую девочку в амбар, угостив ее орехами. Обнажив гениталии девочки, показал ей свои и пытался изнасиловать ребенка в низ живота[2]. Нравственное и юридическое значение своего поступка не сознавал.

2. Л., 21 года, имбецил, дегенерат, пас скот. К нему приходит его 11-летняя сестра в сопровождении 8-летней подруги и рассказывает, что только что какой-то незнакомец пытался совершить над ними насилие. Л. ведет детей в пустую хижину и пытается совершить половой акт над 8-летней девочкой, но это ему не удается, так как ввести пенис оказывается невозможным и ребенок поднимает крик. На обратном пути он обещает девочке жениться на ней, если она будет молчать. На суде он оправдывался тем, что думал загладить свой поступок браком.

3. Г., 21 года, микроцефал, имбецил, с 6 лет занимался онанизмом, затем предается педерастии то активной, то пассивной, неоднократно пытался педерастировать мальчиков и насиловать девочек. Абсолютно не понимает своих поступков.

Половые порывы проявляются у него бурными приступами, как у животного[1].

4. Б., 21 года, имбецил, будучи со своей 19-летней сестрой в лесу, потребовал от нее согласия на совокупление. Та отказала. Тогда он стал угрожать, что задушит ее, и нанес ей ножом рану. Испуганная девушка рванула его за пенис, после чего он оставил ее и спокойно вернулся к своей работе. У Б. микроцефалический, деформированный череп. Своего поступка совершенно не понимает.

Эммингауз (указ. соч., с. 234) сообщает об одном случае эксгибиционизма.

Наблюдение 179. Мужчина, 40 лет, женатый, обнажал свои половые органы в парках и других общественных местах перед маленькими девочками, служанками и др., причем старался обратить на себя внимание свистом. Практиковал он это в продолжение 16 лет. Когда его стали часто ловить и бить за это, то он перестал посещать прежние места и перенес свою деятельность в другие места. Гидроцефалия. Слабоумие легкой степени. Незначительное наказание.

Наблюдение 180. X., из наследственно отягощенной семьи, имбецил, с дефектами и неустойчивостью в области мышления, чувства и стремлений, благодаря протекции и посторонней помощи добился звания рефендария. Обвинялся в том, что не один раз показывал служанкам свои половые органы и из окна верхнюю часть тела[2]. Никаких других проявлений полового чувства. Онанизмом, по-видимому, не занимался *(Sander. —* Archiv fur Psychiatrie I. S. 655).

Наблюдение 181. Акт педерастии по отношению к ребенку.
8 апреля 1884 г. в 10 часов утра к X., державшей на коленях 16-месячного мальчика, подошел на улице известный Валларио и взял к себе на руки ребенка будто бы для того, чтобы погулять с ним. Он отошел на полкилометра, вернулся и сообщил, что мальчик выпал у него из рук и повредил себе при этом задний проход. Из разорванного заднего прохода ребенка лилась кровь. На месте преступления были найдены следы спермы. В конце концов В. сознался в своем ужасном преступлении. На суде он вел себя так странно, что было предпринято исследование его умственных способностей. В тюрьме он произвел впечатление имбецила. В., 45 лет, каменщик, с дефектами в области нравственного чувства и интеллекта, у него долихо-микроцефалический череп, узкая, недоразвитая лицевая часть, асимметрия лица и ушей, низкий покатый лоб. Половые органы нормальны. Кожная чувствительность повсюду понижена. В. имеет признаки психического недоразвития, сниженной умственной способности. Живет изо дня в день исключительно

для себя, ничего не хочет делать. Не имеет желаний, бесхарактерен, никогда не совершал полового акта. Других сведений об его половой жизни получить не удается. На основании микроцефалии признано наличие интеллектуальной и нравственной идиотии; преступление отнесено на счет его непреодолимого полового извращения. Помещен в дом умалишенных. *(Virgilio.* — II Manicomio, V. Jahrgang, № 3.)

То, что у женщин имбецильность может проявляться в самой бесстыдной проституции и в других безнравственных поступках, доказывает случай, описанный Л. Майером (Archiv fur Psychiatrie, Bd. **I.** S. 103).

СОСТОЯНИЯ УМСТВЕННОЙ СЛАБОСТИ ПРИОБРЕТЕННОГО ХАРАКТЕРА

О разнообразных аномалиях половой жизни, встречающихся при старческом слабоумии, была уже речь в главе, посвященной общей патологии. При других состояниях слабоумия приобретенного характера, возникающих, например, на почве апоплексии или ушиба головы, или представляющих стадии не вполне исчезнувших психозов, или, наконец, развивающихся на почве хронических воспалительных процессов в мозговой коре (сифилис, паралитическое слабоумие), — во всех этих случаях извращения полового чувства составляют редкость; различные же отвратительные поступки, связанные с половой сферой, нужно отнести на счет болезненного усиления полового чувства или неспособности подавить это чувство, причем само по себе половое чувство остается, однако, нормальным.

1. *Последовательное слабоумие при психозах*

Относящийся сюда случай сообщает Каспер (указ. соч., случай 31). Речь идет об одном докторе медицины, 33 лет, находившемся в состоянии вторичного слабоумия после ипохондрической меланхолии и совершившем насилие над ребенком. Оправдания его были необыкновенно наивны и показывали, что он совершенно не осознает безнравственности своего поступка, который, по-видимому, явился результатом того, что больной под влиянием умственной слабости потерял власть над своим половым влечением.

Аналогичный случай сообщает Лиман (указ. соч., случай 21) (Слабоумие на почве меланхолии; нарушение общественной морали, проявляющееся в эксгибиционизме).

2. *Слабоумие после инсульта*

Наблюдение 182. В., 52 лет, перенес мозговое заболевание,

вследствие чего не мог продолжать своих занятий коммерцией.

Однажды, в отсутствие жены, заманил к себе в дом двух маленьких девочек, напоил их спиртными напитками, проделал над ними различные сладострастные манипуляции, затем приказал им молчать и пошел на свои занятия. Экспертиза установила слабоумие после повторного инсульта. В., бывший до того человеком образцового поведения, объяснил, что совершил инкриминируемый ему поступок под влиянием необъяснимого для него самого влечения, что не владел в это время своими чувствами и что когда вернулся домой и понял случившееся, почувствовал стыд и отпустил тотчас же обеих девочек. Со времени апоплексического удара В. впал в умственную слабость, потерял работоспособность. Половина тела парализована, речь и мышление замедлены. Часто плачет как дитя, тотчас после ареста сделал неудачную попытку самоубийства. Нравственная и интеллектуальная энергия, необходимая для подавления чувственных побуждений, была у него несомненно ослаблена. От наказания освобожден *(Giraud.* — Annales medico-psychologiques, 1881. Mars).

3. *Слабоумие после травмы головы*

Наблюдение 183. К. на 14-м году был ушиблен лошадью в голову. Перелом черепных костей в нескольких местах, удаление нескольких костных отломков.

С этого времени К. стал обнаруживать умственную ограниченность и необузданное сладострастие. Мало-помалу развилась колоссальная, поистине животная чувственность, под влиянием которой он стал совершать неблагопристойные поступки. Однажды- он изнасиловал 12-летнюю дев. очку и, чтобы скрыть преступление, задушил ее. После ареста он во всем сознался. Судебный врач признал его вменяемым, и он был казнен.

На вскрыгии обнаружилось заращение почти всех черепных швов, резкая асимметрия обеих половин черепа, следы заросшего перелома черепа. Мозговое полушарие на стороне поражения пронизано лучистыми Рубцовыми тяжами и на треть меньше другого полушария. (Friedreichs Blatter, 1855. H. 6.)

4. *Приобретенное слабоумие, вероятно, на почве сифилиса*

Наблюдение 184. X., офицер. Совершал развратные действия с маленькими девочками, заставлял их мастурбировать себя, показывал свои половые органы, прижимал их к половым органам понравившихся детей.

X. был прежде здоров и отличался безупречным поведением; в

1867 г. заболел сифилисом. В 1879 г. — паралич отводящего нерва левого глаза. Впоследствии стали замечать у него ослабление памяти, изменение характера и всего вообще существа, головные боли, временами неправильность речи, уменьшение остроты мышления и логики, иногда неравномерность зрачков, парез лицевого нерва в области правой половины рта.

X., 37 лет, при исследовании не обнаруживает никаких следов сифилиса. Паралич нервов продолжает существовать. В левом глазу амблиопия. Признаки умственной слабости. Несмотря на тяжесть приводимых против него улик, утверждает, что здесь всего только произошло простое недоразумение. Замечаются следы афазии. Ослабление памяти, в особенности по отношению к пережитому в юности; душевные реакции поверхностны; быстрое наступление состояния истощения вплоть до прекращения деятельности памяти и речи. Все это заставляет принять, что ущербность нравственного чувства и извращенное половое влечение являются симптомами болезненного состояния мозга, вызванного, по всей вероятности, перенесенным сифилисом.

Уголовное преследование прекращено. (Собственное наблюдение — Jahrbucher fur Psychiatric)

5. *Паралитическое слабоумие*

Здесь половая жизнь обычно нарушена; в начальных стадиях болезни, равно как и в периоды возбуждения, она иногда повышена, а также извращена; в конечной же стадии половое влечение и потенция падают, как правило, до нуля.

Совершенно так же, как и в продромальной стадии старческих форм, мы находим здесь очень рано — наряду с более или менее ясно выраженными дефектами в нравственной и интеллектуальной областях — проявления повышенного полового влечения (непристойные речи, похотливость в обращении с лицами другого пола, всевозможные планы относительно брака, посещение домов терпимости и т. п.), сопровождающиеся отсутствием стыдливости, характерным вообще для состояний помраченного сознания.

Похищения, соблазнения, публичные скандалы — все это здесь встречается довольно часто. Вначале больные еще сколько-нибудь считаются с окружающими условиями, хотя и тут проявляют достаточно цинизма. С усилением же умственной слабости такие больные становятся невыносимы из-за эксгибиционизма, онанизма на улицах, грязных приставаний к детям и пр.

В периоды возбуждения больные делают попытки к изнасилованию или по меньшей мере грубо нарушают общественную благопристойность, приставая к женщинам, появляясь в общественных местах в неприличных костюмах, врываясь в чужие квартиры, чтобы завязать сношения с женой знакомого или чтобы тут же жениться на его дочери.

Многочисленные случаи этой категории находим у Тардье (Attentats aux moeurs); Менделя (Progr. Paralyse der Irren. S. 123); Вестфаля (Archiv fur Psychiatrie, VII. S. 622); то, что здесь иногда встречается и бигамия, показывает случай Петруччи (Annales medico-psychologiques, 1875).

Примечательно, как мало больные в далеко зашедшей стадии болезни обращают внимание на окружающее их в момент полового удовлетворения.

Легран (La folie. P. 519) описал случай, когда один отец семейства был застигнут онанирующим на людной улице. После акта он съедал излившееся семя!

Я наблюдал одного больного — офицера из хорошей семьи, — который среди белого дня проучил грязные поползновения при виде купающихся маленьких девочек.

Аналогичный случай сообщен доктором Режи *(Regis.* De la dynamie ou exaltation fonctionelle au debut de la paral. gen., 1878).

Иногда в продромальной стадии болезни и во время ее дальнейшего течения встречаются педерастия и скотоложство; это показывают наблюдения Тарновского (указ. соч., с. 82).

Эпилепсия

Рядом с приобретенными состояниями психической слабости нужно поставить эпилепсию, так как она нередко ведет к таким состояниям и к обусловливаемым ими необузданным проявлениям полового чувства, как это только что было нами изложено. К тому же половое чувство у многих эпилептиков очень сильно. По большей части оно удовлетворяется мастурбацией, иногда насилованием детей, педерастией. Извращение чувства с соответствующими извращенными половыми действиями встречаются здесь, по-видимому, редко.

Гораздо важнее те все чаще встречающиеся в литературе случаи, когда эпилептик в период между приступами вовсе не проявляет признаков полового возбуждения, зато приходит в сильное половое возбуждение во время эпилептических инсультов, а также эквивалентных им или появляющихся после них состояний психического угнетения. Эти случаи до сих пор

очень мало исследованы в клиническом отношении, а в судебно-медицинском и вовсе не исследованы, между тем они заслуживают подробного изучения, так как известные случаи распущенности и изнасилования могут здесь найти верное объяснение и так как этим путем может быть предупреждена иногда казнь невинного человека.

Из следующих фактов, во всяком случае, выясняется, что мозговые изменения, зависящие от эпилептического инсульта, могут вызвать болезненное повышение полового чувства[1]. При этом надо еще иметь в виду, что эпилептик, находящийся в состоянии психического угнетения, теряет в силу расстройства сознания способность противостоять своим влечениям.

Я много лет наблюдал одного молодого эпилептика, с тяжелой наследственностью, который в периоды учащения приступов бросался на свою мать с намерением ее изнасиловать. Через некоторое время пациент приходил в себя, причем по отношению к происшедшему у него оставалась амнезия (потеря памяти). В промежутках между этими периодами он был строго нравственный человек с умеренной половой потребностью.

Несколько лет назад я знал одного сельского рабочего, который под влиянием эпилептических приступов начинал сильнейшим образом онанировать, а в остальное время отличался безупречным поведением.

Симон *(Simon.* Crimes et delits. P. 220) упоминает об одной эпилептичке — 23-летней девушке прекрасного воспитания

и строгой нравственности, которая во время приступов головокружения произносила несколько неприличных слов, затем поднимала юбки, делала сладострастные движения и старалась разорвать свои (закрытые) панталоны.

Кьернан (Alienist and Neurologist, 1884, January) сообщает об одном эпилептике, у которого в качестве ауры перед приступом появлялась зрительная галлюцинация, причем он видел прекрасную женщину в сладострастной позе, видение сопровождалось эякуляцией. С течением времени под влиянием бромистого лечения это видение заменилось другим: он видел черта, который набрасывался на него с трезубцем в руках. В тот момент, когда тот его настигал, он терял сознание.

Тот же автор рассказывает об одном очень уважаемом субъекте, имевшем ежегодно по 2—3 эпилептических припадка, за которыми следовал период неистовства, дистимии и педерастических побуждений; период этот длился 8—14 дней. Кроме того, он сообщает об одной даме, у которой в климактерическом периоде развились эпилептические

припадки, а в связи с ним и половые побуждения по отношению к одному мальчику.

Относительно связи эротизма с эпилептическими инсультами имеются еще наблюдения Роута (Med. Press and Circ, 1889. P. 440), «эротические чувства, вызываемые и сопровождающие эпилепсию» и Фере (Les epileptiqes, 1898. P. 65), «постэпилептическое эротическое возбуждение».

Дзукарелли (Bulletin de la Societe de med. mentale de Belgique, 1895. P. 76), рассказывая о «ночных поллюциях и эпилепсии», описывает один случай своеобразных приступов эротического возбуждения с поллюциями, причем рассматривает их как эпилептические приступы.

При эпилепсии на дегенеративной почве встречается часто наклонность к эксгибиционизму.

Впрочем, во время сумеречного состояния у эпилептиков эксгибиционизм может и не иметь полового значения *(Fere.* L'instinct sexuei. P. 177) и наступать совершенно автоматически либо под влиянием бессознательного стремления освободить себя от одежды, либо под влиянием потребности в мочеиспускании на почве навязчивой галлюцинации. При эпилепсии с эротическим возбуждением в состоянии психического угнетения нередко, по-видимому, встречаются также и errores sexus (педерастия) и даже errores generis (скотоложство).

Шевалье (l'inversion sexuelle, 1893. P. 362) сообщает об одном мальчике, который временами бессознательно набрасывался на всякого, кто попадался ему по дороге, и пытался его педерасти-ровать. Аналогичный случай сообщает Фере (Les epileptiqes. P. 81).

Наблюдение 185. В., без всякого невропатического отягощения, раньше был здоров, в умственном отношении всегда нормален, тихого нрава, добрый, нравственный человек, спиртными напитками не злоупотреблял. 13 апреля 1877 г. почувствовал потерю аппетита. На следующий день, утром, в присутствии жены и детей, набросился на подругу жены и стал просить ее, а затем жену совершить с ним половой акт. После отказа с ним сделался эпилептоидный приступ; по окончании приступа он стал неистовствовать, разрушать все вокруг, облил кипятком лиц, которые хотели его схватить, бросил одного ребенка в печь. Вскоре после того успокоился, еще несколько дней оставался в состоянии спутанности, а затем пришел в себя при полной амнезии относительно случившегося *(Kowalewsky.* — Jahrbiicher fur Psychiatrie, 1879).

Касперу. пришлось быть экспертом в таком же случае. Больной — человек вполне солидный — совершил одно за другим на улице четыре покушения на изнасилование встречных женщин (один раз даже в присутствии двух свидетелей) и одну женщину действительно изнасиловал; между тем его «молодая, красивая и здоровая жена» жила совсем близко. Случай этот также следует поставить в связь с эпилепсией (скрытой), так как у больного оказалась амнезия по отношению к этому скандальному происшествию.

Эпилептический характер половых актов не подлежит никакому сомнению в следующих наблюдениях.

Наблюдение 186. Л., служащий, 40 лет, любящий супруг, хороший отец, совершил в продолжение 4 лет 25 тяжелых преступлений против общественной нравственности, за что был приговорен к продолжительному лишению свободы.

Первые 7 инкриминируемых ему проступков заключались в том, что он, проезжая мимо 11—13-летних девочек, обнажал перед ними половые органы и неприличными словами обращал на это их внимание. Даже сидя в тюрьме, он с обнаженными половыми органами появлялся у окна, которое выходило на оживленное место гуляния.

Отец Л. был душевнобольной; брата его однажды схватили на улице гуляющим в одной рубашке. Во время военной службы у Л. два раза были глубокие обморочные припадки. С 1859 г. он стал страдать своеобразными приступами головокружения, которые все более и более учащались. Он делался совершенно разбитым, дрожал всем телом, покрывался мертвенной бледностью; в глазах темнело, перед ним мелькали какие-то светлые звездочки, и он должен был опереться, чтобы не упасть. После более сильных приступов он впадал в полное изнеможение, обливался потом.

С 1861 г. у него появилась сильная раздражительность, которая пошатнула его репутацию прекрасного служащего. Жена находила, что он сильно изменился: иные дни он ходил по комнате, как сумасшедший, держался руками за голову, бился ею об стенку, жалуясь на невыносимые головные боли. Летом 1869 г. пациент четыре раза падал на землю и оставался некоторое время без движения с открытыми глазами. — Были также констатированы и состояния сумеречного сознания.

Л. утверждает, что не имеет ни малейшего представления об инкриминируемых ему поступках. В дальнейшем наблюдались еще более сильные припадки эпилептического головокружения. Л. был освобожден. В 1875 г. развилось паралитическое слабоумие, и вскоре наступил смертельный исход (*Wespthal.* —

Archiv fur Psychiatrie, VII. S. 113).

Наблюдение 187. Богатый молодой человек, 26 лет, жил в продолжение года с одной девушкой, которую он очень любил. Половой акт совершал редко, извращений никогда не проявлял. Дважды в течение этого года были эпилептические припадки после злоупотребления алкоголем. Вечером, после обеда, за которым он выпил много вина, он отправился к своей метрессе, и, не обращая внимания на заявление горничной, что госпожи нет дома, он твердыми шагами пошел в спальню, оттуда — в другую комнату, где спал 14-летний мальчик, которого и начал насиловать. На крик мальчика, которому он поранил praeputium (крайняя плоть) и руку, прибежала горничная. Тогда он оставил мальчика и изнасиловал девушку. После этого лег в постель и проспал 12 часов. Когда он проснулся, он помнил только вообще, что был пьян и где-то совершил половой акт. Впоследствии неоднократно эпилептические припадки (Тарновский, указ. соч., с. 52).

Наблюдение 188. X., из высших слоев, ведет некоторое время рассеянный образ жизни и имел ряд эпилептических припадков. Затем он сделался женихом. В день свадьбы, перед самым венчанием, он появляется в переполненном гостями зале под руку со своим братом. Проходя мимо невесты, он обнажил в присутствии всех половые органы и начал мастурбировать. Его тотчас же отправили в психиатрическую клинику; по дороге и затем в клинике несколько дней он продолжал онанировать. Постепенно ослабевая, пароксизм прекратился. По окончании его у пациента осталось только самое смутное воспоминание о всем случившемся, и он не мог дать никакого объяснения своему образу действий (там же, с. 53).

Наблюдение 189. Ц., 29 лет, с тяжелым наследственным отягощением, эпилептик, изнасиловал 11-летнюю девочку, а затем убил ее. Преступление свое отрицает; наличия амнезии или состояния психического угнетения во время преступления не доказано *(Pugliese.* — Archivio di psychiatria, VIII. P. 622).

Наблюдение 190. В., 60 лет, врач, совершал насилия над детьми. Приговорен к 2 годам тюрьмы. Доктор Марандон констатировал впоследствии эпилептоидные приступы страха, помешательство, эротический и ипохондрический бред, временами приступы страха *(Lacassagne.* — Lyon. med., 1887, № 51).

Наблюдение 191. 4 августа 1878 г., в полдень, 15-летняя девушка X. с несколькими мальчиками и девочками собирала крыжовник на большой дороге. Вдруг X. повалила на землю Л. 9 с половиной лет, прижала ее, раздела и велела двум мальчикам — А. (7 с половиной лет) и О. (5 лет) — совершить с девочкой conjunctio membrorum (коснуться ее гениталий своими

членами), что те и сделали.

Х. была хорошей девушкой. С 5 лет она страдала раздражительностью, головными болями, головокружением, эпилептическими припадками и отстала в развитии как в умственном, так и в физическом отношении. Менструаций еще не было, — только месячные расстройства. У ее матери можно подозревать эпилепсию. Последнюю четверть года Х. стала часто совершать после припадков странные поступки, которые она затем забывала.

Х. лишена невинности. Дефектов в умственной сфере нет. Относительно своего проступка утверждает, что не имеет о нем ни малейшего представления.

По словам матери, утром 4 августа у нее был эпилептический припадок, почему мать не велела ей в тот день выходить на улицу *(Ptirkhauer.* — Friedreichs Blatter fur gerichtliche Medizin, 1879. H. 5).

Наблюдение 192. Безнравственные поступки, совершенные эпилептиком в бессознательном состоянии.

Т., сборщик податей, 52 лет, женатый, обвинялся в том, что в продолжение 17 лет совершал безнравственные поступки с мальчиками, а именно мастурбировал их и заставлял их мастурбировать себя. Обвиняемый, чиновник на хорошем счету, крайне угнетен таким ужасным обвинением и утверждает, что не имеет ни малейшего представления о тех поступках, которые ставятся ему в вину. Существует предположение, что он не совсем нормален в психическом отношении. Домашний врач, знающий его в продолжение 20 лет, указывает на его мрачный, скрытный характер и на изменчивость его настроения. Жена его сообщает, что он однажды чуть не бросил ее в воду, что по временам у него бывают припадки, когда он рвет на себе одежду, пытается выброситься из окна. Об этих инцидентах Т. тоже ничего не помнит. Другие свидетели также сообщают о резких переменах в его настроении, о странностях его характера. Кроме того, один врач утверждает, что наблюдал у Т. приступы головокружения и судорог.

Бабушка Т. была душевнобольной, отец был хроническим алкоголиком и в последние годы страдал эпилептиоидными припадками; брат отца был душевнобольным и в припадке безумия убил одного своего родственника. Другой дядя Т. кончил жизнь самоубийством. Из троих детей Т. один ребенок страдал слабоумием, другой — косоглазием, третий — конвульсиями. Обвиняемый заявил, что у него временами случались припадки, во время которых сознание его затемнялось, так что он не сознавал своих поступков. Припадки

эти сопровождались аурой в форме болей в затылке. В это время у него появлялась потребность выйти на открытый воздух, и он шел, сам не зная куда. Жена вполне удовлетворяла его в половом отношении. 18 лет у него существует хроническая экзема на мошонке, которая часто вызывает сильнейшее половое возбуждение. Мнения шести экспертов противоречили Друг другу (полное психическое здоровье — приступы скрытой эпилепсии). Между присяжными голоса разделились поровну, и он был оправдан. Доктор Легран дю Солль, вызванный в качестве эксперта, сообщил, что у Т. до 22-летнего возраста случалось по 10—18 раз в год ночное недержание мочи. Затем оно прекратилось, но стали появляться приступы глубокого сумеречного состояния с амнезией, длившиеся от нескольких часов до целых суток. Вскоре после того Т. был снова обвинен в оскорблении общественной нравственности и приговорен к 15 месяцам заключения. В тюрьме он стал хиреть; умственная слабость его заметно прогрессировала. По этой причине он был помилован, но умственная слабость продолжала увеличиваться. Неоднократно были констатированы эпилептоидные припадки (тонические судороги с потерей сознания и дрожью) *(Auzouy.* — Annales medico-psychologiques, 1874, Novembre; *Legrand du Saulle.* Etude med. legale etc. P. 99).

В дополнение к приведенным фактам, столь важным в юридическом отношении, мы приведем еще один случай безнравственных действий с детьми. Случай этот, составляющий наше собственное наблюдение и опубликованный в «Friedreichs Blatter», имеет тем больший интерес, что здесь было установлено наличие в момент преступления бессознательного состояния на почве эпилепсии. Как показывает описание состава преступления, переданное нами по понятным соображениям по-латыни, больные в этом состоянии оказываются способными на очень сложные и замысловатые поступки.

Наблюдение 193. П., 49 лет, женатый, был обвинен в том, что 25 мая 1883 г. заманил в свою рабочую хижину двух маленьких девочек, Д. 10 лет и Г. 9 лет, и совершил над ними следующие возмутительные действия.

Д. сообщила:

«Я гуляла на лугу вместе с Г. и моей 3-летней сестренкой И. П. позвал нас в свою хижину и запер дверь. Turn nos exosculabatur, linguam in os meum demittere tentabat faciemque mihi lambebat; sustulit me in gremium, bracas aperuit, vestes meas sublevavit, digitus me in genitalibus titillabat et membro vulvam meam fricabat ita ut humida fierem. (Тогда он стал нас целовать, пытался засунуть язык мне в рот и облизал мое лицо; он прижал меня к себе, расстегнул брюки, приподнял мое платье, щекотал

пальцем мои половые органы и терся членом о мое влагалище, пока оно не стало влажным.) Когда я начала кричать, он подарил мне 12 крейцеров и пригрозил, что застрелит меня, если я что-нибудь разболтаю. В заключение он пригласил меня прийти на следующий день снова».

Г. дала такое показание:

«P. nates et genitalia D... ae exosculatus, iisdem me conatibus aggressus est. Deinde filiolum quoque tres annos natum in manus acceptum osculatus est nudatumque parti suae virili appressit. Postea quae nobis essent nomina interrogavit ac censuit, genitalia D... ae meis multo esse majora. Quin etiam nos impulit, ut membrum suum intueremur, manibus comprehenderemus et videremus, quantopere id esset erectum». («П. целовал Д. ягодицы и половые органы, пытался преследовать меня. Затем он обхватил руками трехлетнюю девочку, целовал и крепко прижал к своему обнаженному члену. Далее он спросил, как нас зовут, а также сказал, что половые органы Д. гораздо больше моих. Он даже побуждал нас к тому, чтобы мы обратили внимание на его член, брали его в руки, чтобы увидеть, насколько он возбужден».)

На допросе 29 мая П. показал, что он неясно помнит, что недавно ласкал и целовал маленьких девочек и что-то им подарил. Если он делал еще что-нибудь, то, очевидно, был в состоянии невменяемости. Уже много лет, после одного падения, он страдает слабостью головы. 22 июня он уже вовсе ничего не помнил о событии 25 мая, забыл даже, что 29 мая был на допросе. Наличие амнезии подтверждается перекрестным допросом.

П. происходит из семьи, члены которой страдали мозговыми болезнями. Один брат эпилептик. Сам П. был раньше пьяницей. Несколько лет назад действительно имело место повреждение головы. С того времени у него бывают болезненные периоды продолжительностью от одной недели до нескольких месяцев, когда умственные способности его расстраиваются и он впадает в отупение, делается раздражительным, проявляет склонность к алкогольным эксцессам, страх, бред преследования и доходит до угрожающих поступков и опасного насилия. При этом отмечается слуховая гиперестезия, головокружение, головная боль, приливы к мозгу. Все это сопровождается тяжелым расстройством сознания и амнезией по отношению ко всему болезненному периоду, тянущемуся иногда целые недели.

В промежутках он страдал головной болью, исходным пунктом которой было прежнее повреждение (небольшой, чувствительный к давлению кожный рубец на правом виске). Вместе с усилением болей увеличивалась и его

раздражительность, он впадал в угнетенное настроение, жизнь делалась ему противной, сознание затемнялось. В один из таких периодов в 1879 г. П. сделал совершенно бессознательную попытку самоубийства, о которой он затем ничего не помнил. Вскоре после этого он был помещен в больницу; там его рассматривали как эпилептика и долгое время лечили бромистым калием. В 1879 г. он был принят в богадельню; настоящего эпилептического припадка там ни разу не наблюдали.

В другое время он был честным, прилежным и добрым человеком, никогда не обнаруживал признаков полового возбуждения, даже в периоды угнетения, за исключением только последнего случая. Кроме того, он до самого последнего времени имел супружеские сношения с женой. В период инкриминируемого ему преступления он снова обнаруживал признаки приближающегося припадка и просил даже врача о назначении снова бромистого калия.

П. утверждает, что со времени травмы он стал плохо переносить высокую температуру и алкоголь; и то и другое вызывало у него головную боль и спутанность. Его дальнейшие заявления относительно ослабления памяти, умственной слабости, раздражительности и бессонницы вполне совпадают с врачебными наблюдениями.

Если на место полученной им травмы произвести сильное давление, то П. делается возбужденным, раздражительным, расстроенным, начинает дрожать всем телом, обнаруживает расстройство сознания и остается в таком состоянии несколько часов.

В периоды, когда он свободен от всех ощущений, исходящих от рубца, он кажется благонравным, услужливым человеком, с открытой душой, со свободной мимикой, однако с устойчивым ослаблением умственных способностей и с некоторой спутанностью сознания. П. был освобожден от наказания. (Подробную экспертизу см. в «Friedreichs Blatter».)

Периодическое помешательство

Аналогично случаям непериодической мании болезненное повышение или более редкое проявление полового влечения может иметь место и во время приступов периодической мании (см. ниже о мании).

О том, что половое ощущение может при этом быть извращенным, свидетельствует следующий случай *(Servaes.* — Archiv fur Psychiatrie).

Наблюдение 194. Катарина В., 16 лет, не имеет еще менструаций, раньше была здорова. Отец отличался вспыльчивым характером.

За 7 недель до поступления в больницу (3 декабря 1872 г.) меланхолическое настроение и раздражительность. 27 ноября приступ бурного возбуждения, длившийся два дня. Затем снова меланхолия. 6 декабря нормальное состояние.

24 декабря (через 28 дней после первого приступа возбуждения) ведет себя тихо, боязливо, угнетена. 27 декабря состояние экзальтации (веселость, смех и т. д.) с проявлениями пламенной любви к одной из сиделок. 31 декабря внезапно меланхолическое оцепенение, продолжающееся 2 часа.
20 января 1873 г. новый приступ, совершенно такой же, как первый. Приступ повторяется затем 18 февраля, причем появляются следы регул. Пациентка проявляет половую амнезию по отношению ко всему, что имело место во время пароксизма; она краснеет и выражает искреннее удивление, когда ей рассказывают о ее поведении.

Впоследствии еще несколько небольших приступов, которые в июне месяце с наступлением правильных регул сменились нормальным психическим состоянием.

В другом случае, о котором сообщает Гок (Archiv fur Psychiatrie, V) и который, по всей вероятности, свидетельствует о циклическом помешательстве на почве тяжелого невропатического отягощения, у больного в период экзальтации проявилось половое влечение к мужчинам. Однако больной считал себя в это время женщиной, и потому возникает вопрос, не вызвано ли здесь половое извращение помешательством на почве превратного полового ощущения.

В связи с этими случаями, когда патологические процессы в половой сфере составляют одно из проявлений мании, представляют большой интерес те случаи, когда болезненное и по большей части извращенное половое влечение наступает в форме припадков, аналогично дипсомании, и составляет ядро всего психического заболевания, причем в другое время у больных не замечается ни ненормального повышения, ни извращения полового чувства.

Довольно выраженный случай такой *периодической половой психопатии,* находившейся в связи с менструациями, представляет наблюдение Аньеля (Archiv fur Psychiatrie, XV. Б. 2).

Наблюдение 195. Женщина, в возрасте, близком к климактерию. Тяжелое наследственное отягощение. В юные годы небольшие

болезненные припадки. Всегда была эксцентрична, вспыльчива; отличалась строгой нравственностью. Замужем. Бездетна.

Несколько лет назад после сильного душевного волнения произошел истероэпилептический припадок; после этого много недель находилась в состоянии послеэпилептического помешательства. Затем бессонница в продолжение многих месяцев. В конце концов бессонница, связанная с менструациями, и стремление завлекать мальчиков, еще не достигших десяти лет, целовать и трогать их половые органы. Стремления к половому акту и вообще к сношениям со взрослыми в это время не существовало.

Пациентка сама иногда откровенно сознается в своем влечении, просит следить за нею, так как она не может поручиться за себя. В промежутках она избегает всякого разговора на эту тему, ведет себя в высшей степени прилично и совершенно не обнаруживает особой страстности.

Для знакомства с подобными, еще мало изученными случаями периодической половой психопатии очень ценное значение имеют работы Тарновского (указ. соч., с. 38), хотя и не все его случаи носят периодический характер.

Тарновский описывает случаи, когда женатые, образованные люди, отцы семейств время от времени чувствовали потребность совершать самые отвратительные половые акты, между тем как в обычное время они были совершенно нормальны в половом отношении, испытывали отвращение к своим поступкам во время припадков и с ужасом думали о возможном наступлении новых припадков.

Но как только начинался припадок, у них исчезало нормальное половое ощущение, появлялось психическое возбуждение с бессонницей, с представлениями и влечениями в духе извращенного полового ощущения, с чувством страха и тоски и с все возрастающим и усиливающимся стремлением к таким половым действиям, которые в обычное время вызывали у них отвращение, но в момент припадка казались им спасительными, ибо давали выход их психическому состоянию.

Полная аналогия с приступами дипсомании.

Другие случаи (периодическая педерастия) см. у Тарновского (указ. соч., с. 41). Случай, описанный там на с. 46, относится, по всей вероятности, к области эпилепсии.

Следующий случай, сообщенный Аньелем (Archiv fur Psychiatric, XV. H. 2), представляет прекрасный пример периодического

наступления болезненного полового возбуждения.

Наблюдение 196. Мужчина 45 лет, принадлежащий к высшему слою общества, всеми уважаемый, пользующийся всеобщей любовью, человек здоровой нервной организации и строгого нравственного поведения, женатый уже в. продолжение 15 лет, отец нескольких здоровых детей, всегда нормальный в половой сфере, живущий в прекрасных отношениях с женой, подвергся 8 лет тому назад сильному испугу. После этого он несколько недель страдал чувством страха и сердечными спазмами. Затем стали появляться своеобразные припадки с промежутками от нескольких месяцев до 1 года; припадки эти пациент называл своим «нравственным насморком». У него появляется бессонница. Через 3 дня исчезает аппетит, раздражительность начинает увеличиваться, он приобретает расстроенный вид, взор делается неподвижным, он становится как бы оцепенелым, лицо то бледнеет, то краснеет, пальцы начинают дрожать, в воспаленных глазах появляется блеск и своеобразное сладострастное выражение. Больной начинает неудержимо много говорить. Появляется влечение к маленьким девочкам в возрасте от 5 до 10 лет, даже к собственным дочерям. Он просит жену обезопасить от него детей. В этом состоянии пациент запирается на несколько дней в комнате. Раньше у него проявлялась склонность подстерегать на улице девочек школьниц, причем он получал своеобразное наслаждение, обнажая в их присутствии половые органы, как бы собираясь мочиться.

Боясь скандала, он запирался в комнату, оставался там в тихом, неподвижном состоянии, мучимый по временам приступами страха. Сознание, по-видимому, оставалось ясным. Продолжительность приступов 8—14 дней. Причины их возвращения совершенно неясны. Затем наступало внезапное улучшение; появлялась сильная сонливость, а после сна — нормальное состояние. В промежутках между приступами ничего ненормального. Аньель предполагает здесь эпилептическую подоплеку и считает эти припадки психическими эквивалентами эпилептического инсульта.

Мания

В том общем возбуждении, которое поражает при этой болезни всю психику, очень часто принимает участие и половая сфера. У женщин, страдающих манией, это даже составляет правило. В отдельных случаях может возникнуть вопрос: «не идет ли здесь речь только о разнузданном проявлении нормального самого по себе полового влечения или это последнее в самом деле болезненно усилено». В большинстве случаев второе предположение вернее; несомненно оно там, где сексуальный бред и эквивалентный ему религиозный экстаз проявляются

постоянно. В зависимости от высоты развития болезни повышенное половое влечение может проявляться в самых различных формах.

При простой маниакальной экзальтации у мужчин мы наблюдаем волокитство, легкое поведение, сальные разговоры, посещение публичных домов, у женщин — склонность кокетничать с мужчинами, наряжаться, краситься,

разговаривать о браке и о всяких скандальных историях, подозревать чистоту других женщин или же — при эквивалентных религиозных порывах — стремление принять участие в путешествиях к святым местам, взять на себя какую-нибудь миссию, поступить в монастырь или по крайней мере сделаться прислугой пастора, причем все это сопровождается разговорами о своей девственности, невинности и пр.

На высоте мании (бешенство) встречается требование полового акта, эксгибиционизм, сквернословие, чрезмерная возбудимость по отношению к окружающим женщинам; больные обнаруживают склонность мочить себя слюной, мочой, даже калом, у них появляется религиозно-сексуальный бред, они утверждают, что на них снизошла благодать Св. Духа, что они родят младенца Иисуса и т. д. При этом необузданный онанизм и движения тазом, как при совокуплении.

У мужчин на этой стадии мании можно встретить бесстыдное онанирование и попытки к изнасилованию женщин.

Нимфомания и сатириаз

В дополнение к описанию половой гиперестезии, которое мы дали на с. 84, необходимо охарактеризовать и оба эти состояния, так как здесь речь идет о временных (например, вследствие воздержания) или постоянных половых аффектах, возникающих на почве половой гиперестезии.

Эти аффекты усиливаются иногда до такой степени, что поглощают все представления и стремления и неудержимо толкают на совершение половых действий, дающих исход аффекту. В острых и наиболее тяжелых случаях перед все побеждающей силой аффекта оказываются совершенно бессильными и этика, и воля, в хронических же

и более легких случаях победа над аффектом до известной степени возможна. На вершине приступа могут возникать галлюцинации, бред, помрачение сознания — явления, остающиеся иногда на более продолжительное время. Подобные случаи дали повод считать нимфоманию самостоятельной

формой психической болезни.

В действительности, однако, нимфомания представляет только известный синдром в сфере проявлений психической дегенерации. Синдром этот может возникать в острой пароксизмальной форме, наподобие дипсомании, или периодически, совпадая часто с менструациями, но появляясь также и в промежутки между ними. Далее, нимфомания может комбинироваться со старческим слабоумием, климактерическими психозами, манией дегенератов и delirium acutum (острая смертельная нимфомания); при всех этих формах она может появляться и в качестве осложнения.

Моро (указ. соч.) сообщает об одном из таких не особенно редких случаев. Молодая девушка, после расстроившегося брака, стала внезапно проявлять нимфоманию и сделалась невыносимой благодаря циничным песням, разговорам, сладострастным позам и жестам. Она постоянно раздевалась, в постели ее могли удержать только несколько крепких мужчин (!), настойчиво требовала акта совокупления. Бессонница, опухшее лицо, сухой язык, частый пульс. Через несколько дней смертельный коллапс.

Луйе-Виллерме (указ. соч.): девушка 30 лет, отличавшаяся всегда скромностью, заболела вдруг нимфоманией, сделалась в высшей степени возбудимой, стала проявлять необузданную потребность в половом удовлетворении. Сладострастный бред. Через несколько дней смерть от истощения. О трех случаях со смертельным исходом см. *Maresch.* — Psvchiatr. Zentralblatt, 1871.

Хроническая нимфомания, встречающаяся гораздо чаще, появляется, по-видимому, только у психических дегенератов на почве половой гиперестезии. В периоды обострения она достигает силы половых аффектов, которые проявляются либо в импульсивных действиях, либо — в более легких случаях — в форме навязчивых представлений. Последние не всегда ведут к импульсивным поступкам, так как при не особенно сильном половом возбуждении сказывается противоположное влияние этических представлений и так как, кроме того, больные нередко ищут одиночества и отчасти удовлетворяют себя онанизмом. В этих легких случаях нимфомании больные заслуживают не меньшего сожаления, чем те, которые под влиянием импульсивных влечений теряют свою женскую честь и достоинство, ибо в первом случае женщина вполне сознает весь ужас своего положения. Она делается игрушкой своей фантазии, которая вращается исключительно около половых представлений, а при ее половом возбуждении даже самые отдаленные образы приобретают у нее сексуальную окраску. Даже во сне ее преследуют сладострастные видения. Днем

достаточно малейшего повода, чтобы вызвать у нее настоящие кризы в форме мучительного повышенного нервно-психического полового возбуждения, сопровождающегося неприятными ощущениями в половых органах (давление, дрожание, пульсация и т. д.). С течением времени эти несчастные получают временное облегчение благодаря тому, что у них развивается половая неврастения, вследствие которой раздражительность эякуляционного центра ненормально повышается, так что поллюции легко наступают при каждом сладострастном сновидении и при каждом эротическом возбуждении в бодрствующем состоянии. Но удовлетворения и, следовательно, временного избавления от своего мучительного полового аффекта они получают так же мало, как и те несчастные, которые предаются разврату с мужчинами. Эта анафродизия (или фригидность) объясняет нам в значительной степени стойкость полового аффекта, а вместе с тем и стойкость нимфомании, которая порождает один криз за другим. Половое возбуждение не может прийти в целительное равновесие, половой голод остается ненасытным (libido insatiata), и женщина, не обладающая большой силой морального противодействия, начинает предаваться мастурбации или психическому онанизму, делается даже проституткой и, переходя от мужчины к мужчине, тщетно ища удовлетворения и избавления, превращается в конце концов в Мессалину. Анафродизия, на почве которой разыгрываются все эти явления, зависит от половой неврастении, которая препятствует появлению оргазма и чувства сладострастия (удовлетворения). Часто эта неврастения возникает вследствие раннего пробуждения и усиления полового влечения, что ведет к онанизму, или вследствие воздержания при одновременных половых раздражениях и боязни полового акта, или вследствие половой инвалидности мужа, который доставляет жене такой несовершенный суррогат, как «nourrisson adulte», или куннилингус, или другие отвратительные приемы.

Наблюдение 197. В., с ранней молодости страдает страстью к мужчинам. Происходит из хорошей семьи, прекрасно образованна, отличается добрым характером, скромна, легко покрывается краской стыда — и все-таки уже с юного возраста была наказанием для своей семьи. Как только она встречала человека другого пола, все равно, будь это ребенок, взрослый мужчина, старик, красивый или уродливый, она немедленно обнажалась и страстно умоляла удовлетворить ее половое влечение любым путем, хотя бы посредством руки. Чтобы излечить ее, решили выдать ее замуж. Мужа она очень любила и тем не менее не могла удержаться от того, чтобы не потребовать от мужчины, если она могла завладеть им, если это был наемный работник, или слуга, или школьник, совершить с ней половой акт.

Ничто не могло избавить ее от ее порока. Даже когда она сделалась бабушкой, она продолжала оставаться Мессалиной. Раз она заманила в свою спальню двенадцатилетнего мальчика, чтобы растлить его. Мальчик сумел вырваться и убежать. От его брата она получила жестокое наказание. Все было напрасно. Ее поместили в монастырь. Там она была образцом хорошего поведения и не вызвала против себя ни малейшего неудовольствия. Но тотчас же по возвращении ее оттуда начались снова скандалы. Семья прогнала ее, дав ей ничтожную ренту. Трудом своих рук она зарабатывала деньги, чтобы иметь возможность приводить себе любовников. Если бы кто-нибудь посмотрел на эту чистоплотно одетую матрону с прекрасными манерами и приятной внешностью, то он не поверил бы, сколько необузданного сладострастия таится в этой 65-летней женщине. Семья, отчаявшись ввиду новых скандалов, поместила ее в дом умалишенных.

Там она прожила до мая 1858 г., когда с нею сделался апоплексический удар. Она умерла 73 лет от роду. Поведение ее в больнице было образцовым до тех пор, пока за нею следили. Но как только ее предоставляли самой себе, у нее при первом же благоприятном случае снова пробуждалась половая ненасытность, и так продолжалось почти до самой смерти. В остальном за все 4 года пребывания в больнице не было ни разу отмечено ни малейшего признака какой-либо психической ненормальности *(Trelat.* «Folie lucide»).

Наблюдение 198. Хроническая нимфомания. Э., 47 лет. Дядя со стороны отца был душевнобольной. Отец — экзальтированный человек, предававшийся разврату. Брат пациентки умер от острого мозгового заболевания. Пациентка с детства нервная, эксцентричная, склонная к мечтательности, стала проявлять.

как только вышла из детских лет, повышенное половое влечение и уже с 10 лет начала предаваться половым наслаждениям. На 19-м году вступила в брак; супружеская жизнь протекала довольно сносно; но муж, несмотря на свою полную половую способность, не удовлетворял ее, и она постоянно, до самых последних лет, имела кроме мужа еще несколько приятелей. Она вполне понимала предосудительность своего поведения, но чувствовала, что воля ее совершенно бессильна против ненасытной страсти, которую она старалась хотя бы не проявлять слишком открыто. Впоследствии она обозначила свое страдание, как «мужеманию».

У пациентки было 6 детей. 6 лет назад она упала из коляски и получила серьезное сотрясение мозга. В результате — меланхолия с бредом преследования, болезнь, которая привела ее в дом умалишенных. Пациентка приближается к климактерическому периоду, регулы за последнее время

сделались частыми и обильными. Вместе с тем она с удовольствием замечает, что ее прежняя чрезмерная страсть ослабевает. Держит себя прилично. Легкая степень опущения матки и выпадения прямой кишки.

Хроническая форма нимфомании нередко ведет к тяжким нарушениям общественной морали и даже к преступлениям против нравственности. Печально также и положение мужчины, который попадает в сети такой не знающей удовлетворения и потому ненасытной Мессалины. В результате может получиться тяжелая неврастения и импотенция. Эти несчастные женщины распространяют разврат, деморализуют окружающих, делаются даже опасными для мальчиков, а так как встречаются женщины с гомосексуальной нимфоманией[1], то иногда они развращают и девочек. Чтобы привлечь мужчин, они стараются выставить свои женские прелести, прибегают иногда даже к эксгибиционизму. Состоятельные нимфоманки нередко доходят до того, что нанимают за деньги мужчин для удовлетворения своей ненасытной похоти. Очень часто такие женщины становятся в конце концов проститутками.

Состояние *сатириаза* у мужчин аналогично нимфомании. Все сказанное относительно последней приложимо с известными оговорками и к сатириазу. Он также представляет расстройство центральной нервной системы, протекающее в острой или хронической форме, причем в острых случаях дело может доходить до галлюцинаторного бреда с эротическим содержанием, а при невозможности разряжения полового аффекта — до приступов бешеной ярости, острого помешательства.

Ненормально повышенный или ненормально длительный половой аффект подчиняет себе всю психическую жизнь. Самые индифферентные образы будят чувственность, все представления и восприятия окрашиваются в сладострастный цвет. На вершине приступа больного охватывает пламя страсти, сознание затемняется, организм приходит в такое состояние возбуждения, какое имеет место при половом акте. Тотчас же после эякуляции может наступить новая фаза оргазма, так что половые органы остаются в состоянии длительного напряжения (приапизм). Страдающий сатириазом постоянно может совершить изнасилование и потому становится очень опасным для лиц другого пола. Иногда, по необходимости, он предается онанизму или содомии. К счастью, сатириаз встречается редко. Утверждение, будто он может возникнуть вследствие отравления шпанскими мушками, основано на смешении его с приапизмом. Первоначально чувство сладострастия, которое сопровождает приапизм с момента отравления шпанскими мушками, очень скоро переходит в противоположное чувство. Аналогично легкой хронической нимфомании у мужчин встречаются состояния

легкого сатириаза, а именно в случаях половой неврастении, особенно под влиянием мастурбации, по большей части после сексуальных излишеств, когда наряду с импотенцией имеется необузданное половое влечение. Здесь, как и в острых случаях, фантазия очень возбуждена, сознание полно сладострастных картин. Так как мышление и желания у таких субъектов направлены исключительно на половое удовлетворение и в то же время они страдают импотенцией, а нередко и анафродизией (или фригидностью), по крайней мере относительной, то при наличии извращенной фантазии они часто доходят до самых отвратительных поступков в смысле полового извращения. Особенно легко делаются их жертвами дети. Иногда они становятся нестерпимыми в обществе из-за эксгибиционизма, публичной мастурбации, половых актов с лицами собственного пола. Речи их полны сальностей, неприличных выражений и пр.

Нередко легкие степени сатириаза встречаются в начальных стадиях паралитического и старческого слабоумия.

Наблюдение 199. Сатириаз. Острое помешательство в результате абстиненции (воздержания).

19 мая 1882 г. в психиатрическую клинику в Граце был принят 23-летний больной Ф., по профессии сапожник, холостой. Отец его отличался вспыльчивостью, мать страдала невропатией, брат матери был душевнобольной.

Пациент никогда раньше серьезно не болел, не пил, но всегда отличался повышенной половой потребностью. 5 дней назад у него появилось острое психическое заболевание. Среди белого дня и в присутствии свидетелей он сделал две попытки к изнасилованию. Арестованный, он продолжал бредить о сладострастных предметах, непрерывно мастурбировал, на 3-й день впал в состояние ярости. При поступлении в больницу больной представлял картину острого помешательства с явлениями сильного двигательного раздражения и лихорадкой. Лечение эрготином. Выздоровление.

5 января 1888 г. вторичное поступление в больницу в состоянии припадка ярости. 4-го пациент сделался угрюмым, раздражительным, плаксивым, появилась бессонница; затем после нескольких неудачных нападений на женщин стал проявлять все усиливающееся возбуждение.

6-го возбуждение увеличилось, больной дошел до состояния резкой формы острого помешательства (тяжелое расстройство сознания, скрежетание зубами, гримасничание и другие явления двигательного раздражения, температура 40,7). Совершенно непроизвольная мастурбация. К 11 января

выздоровление при энергичном лечении эрготином.

По выздоровлении больной сообщил интересные данные относительно причины своего заболевания.

Он всегда имел повышенную половую потребность. Первый половой акт был на 16-м году. Воздержание причиняло ему головную боль, сильную психическую возбудимость, утомляемость, потерю интереса к работе, бессонницу. Так как, живя в деревне, он редко имел возможность удовлетворить свою потребность, то он прибегал к мастурбации. Он должен был мастурбировать 1—2 раза в день.

Уже 2 месяца он не имел полового сношения. Половое возбуждение все возрастало, он мог думать только о том, как бы удовлетворить свое половое чувство. Одной мастурбации было уже недостаточно, чтобы устранить все более и более усиливавшиеся расстройства, вызванные воздержанием. В последние дни потребность в половом акте сделалась неудержимой, бессонница, возбуждение. О периоде наивысшего развития болезни он имеет только общее воспоминание. В здоровом состоянии пациент представляет в высшей степени благонравного субъекта. На свою необузданную страсть он смотрит как на несомненную болезнь и боится будущего.

Наблюдение 200. Сатириаз. 7 июля 1874 г. инженер К., ехавший по делам из Триеста в Вену, остановился на станции Б., отправился в город, оттуда в ближайшую деревню С, забрел в какую-то хижину, где в это время находилась одна только 70-летняя старуха, набросился на нее с намерением изнасиловать. Жители деревни схватили его, и он был арестован местной полицией. На допросе он показал, что хотел найти живодерню, чтобы удовлетворить свое возбужденное половое чувство с собакой; такое половое возбуждение бывает у него часто. Он не отрицал своего поступка, но объяснил его болезнью. Жара, тряска в вагоне, забота о семье, к которой он хотел поехать, все это затуманило его мозг и сделало его больным. Нельзя было заметить, чтобы он проявлял стыд или раскаяние. Держал он себя открыто, весело, глаза у него были красные и блестящие, голова горячая, язык обложен, пульс полный, мягкий, до 100 ударов, в пальцах легкая дрожь.

На вопросы арестованный отвечал точно, но торопливо, взор его был беспокойный, и в нем легко было прочесть выражение сладострастия. На приглашенного судебного врача он произвел впечатление больного, как если бы он находился в начале алкогольного помешательства.

К. 45 лет, женат, имеет ребенка. О здоровье своих родителей и

других членов семьи ничего не может сообщить.

В детстве он был слабым, невропатическим ребенком. В возрасте 5 лет он получил удар по голове киркой. Эта травма оставила рубец, помещающийся на правой теменной и лобной костях. Кость в этом месте несколько вдавлена и сращена с покрывающей ее кожей.

Давление на это место вызывает боль, которая распространяется в нижнюю ветвь тройничного нерва. Появляются иногда в этом месте и непроизвольные боли. В детстве часто «обморочные приступы». До наступления половой зрелости болел пневмонией, ревматизмом и кишечным катаром.

Уже с 7 лет он начал чувствовать странное влечение, к мужчинам, а именно влюбился в одного полковника. При взгляде на него испытывал трепет в сердце, целовал землю, где тот проходил. На 10-м году влюбился в одного депутата рейхстага. Впоследствии он тоже продолжал мечтать о мужчинах, но отношения его к ним оставались чисто платоническими. С 14 лет начал онанировать. На 17-м году первый половой акт с женщиной. После этого тотчас же исчезли все прежние проявления превратного полового ощущения. К тому же времени относится появившееся у него своеобразное психопатическое состояние, которое он описывает как своего рода ясновидение. С 15 лет начал страдать геморроем с явлениями плеторы (полнокровия) в нижней части живота. Когда у него наступали обильные геморроидальные кровотечения, что случалось каждые 3—4 недели, он чувствовал себя лучше. В остальное время он постоянно испытывал мучительное половое возбуждение, которое старался облегчить отчасти онанизмом, отчасти сношениями с женщинами. Его раздражала каждая встречная женщина. Даже когда он находился среди своих родственниц, ему нужно было удерживаться, чтобы не сделать им грязные предложения. Иногда ему удавалось побеждать в себе свою страсть, а иногда он не мог противостоять ей и совершал непристойные поступки. Если его выбрасывали за дверь, то он бывал доволен, так как нуждался, как он говорил, в таких мерах и в такой поддержке в борьбе с неудержимым влечением, которое тяготило его самого. Периодичности в наступлении его полового возбуждения не наблюдалось.

До 1861 г. он предавался половым излишествам и перенес несколько раз триппер и шанкр.

В 1861 г. он женился, чувствовал себя удовлетворенным в половом отношении, но был в тягость жене из-за своей сильной потребности.

В 1864 г. у него был приступ мании в госпитале в Ф.; в том же году он заболел вторично и был помещен в больницу для душевнобольных в X., где пробыл до 1867 г.

Там он страдал рецидивирующей манией с сильным половым возбуждением. Причиной этого своего заболевания он считал кишечный катар и пережитые неприятности.

Впоследствии он выздоровел, но повышенная половая страсть продолжала его мучить. Если он разлучался с женой хотя бы на короткое время, то страсть возрастала у него с такой силой, что ему было безразлично, с кем удовлетворить ее — с человеком или животным. В особенности усиливалось его страдание летом; в это время его мучили сильные приливы крови к тазовым органам. На основании того, что он запомнил из чтения медицинских книг, он полагает, что у него наблюдается преобладание ганглиозной системы над церебральной.

В октябре 1873 г. ему потребовалось из-за служебных обязанностей разлучиться с женой. До Пасхи он только по временам предавался онанизму. С этого времени начал прибегать к женщинам и сукам. С середины июня до 7 июля у него не было возможности получить половое удовлетворение. Он стал чувствовать возбуждение, разбитость, ему казалось, что он сходит с ума. Последние ночи он плохо спал. Тоска о жене, которая жила в Вене, заставила его бросить службу. Он взял отпуск. Жара в дороге, лязг вагонов привели его в полное расстройство. Половое возбуждение и напряжение крови в низу живота сделались невыносимыми, все прыгало у него перед глазами. В таком состоянии он оставил купе. В голове у него все смешалось, он не сознавал, куда идет; в какой-то момент у него появилась мысль броситься в воду; все, что он видел перед собой, было покрыто какой-то пеленой. Когда он увидел женщину, то обнажил пенис и сделал попытку овладеть ею.[1]. Но она стала кричать, и он был арестован.

Тотчас же после покушения он ясно осознал, что совершил. Он публично сознался в своем преступлении, которое помнил во всех деталях, но которое казалось ему чем-то болезненным - он не считал себя виновным.

Еще несколько дней К. страдал головной болью, приливами крови, бессонницей и становился временами возбужденным и беспокойным. Душевные функции его были нормальны, но он от природы был несколько странным человеком со слабым, безвольным характером. В выражении его лица есть что-то сладострастное и дикое, что напоминает фавна. Страдает геморроем; половые органы нормальны. Лобная часть черепа несколько узка и поката. Рост высокий, упитан. В физиологических функциях, кроме поносов, не отмечено

никаких расстройств.

Наблюдение 201. Чередующийся сатириаз. Д., помещик, всеми уважаемый человек, женатый, 35 лет, стал за последние 3 года все чаще впадать в состояние полового возбуждения, которое в течение последнего года приняло характер настоящих приступов сатириаза. Ни наследственности, ни другой органической причины болезни не имеется.

Д. в то время, когда испытывал сильное половое возбуждение, совершал акт совокупления 10 или даже 15 раз в сутки, однако при этом не получал удовлетворения своей страсти.

Мало-помалу у него развилось состояние повышенной нервной возбужденности (erethisme general), выражавшейся в сильнейшей раздражительности, вплоть до патологических аффектов гнева и влечения к алкоголю, которое, в свою очередь, привело к проявлениям алкоголизма. Приступы сатириаза достигали у него такой силы, что он терял ясность сознания и готов был на какую угодно крайность, чтобы удовлетворить свое слепое влечение к половому акту. Фактически он толкал свою жену на половую связь с другими мужчинами, с животными, даже с сыном, столь велико было его вожделение[2]. О том, что он делал во время приступов, когда его крайняя возбудимость приводила даже к аффектам яростного гнева, он совершенно забывал. Однако он сознавал, что у него бывают моменты, когда он теряет власть над своими чувствами и когда жена перестает его удовлетворять, так что он должен бросаться на первую встречную женщину. После одного сильного душевного потрясения эти приступы полового возбуждения внезапно прекратились *(Lenz.* — Bulletin de la Societe de med. mentale de Belgique, Nr. 21).

Меланхолия

Настроение меланхолика и состояние его сознания неблагоприятны для пробуждения полового чувства. Тем не менее случается, что такие больные мастурбируют.

Во всех тех случаях, которые я наблюдал, речь шла о субъектах отягощенных, которые уже до болезни предавались мастурбации. По-видимому, акт онанизма вытекает здесь не из желания удовлетворить сладострастное возбуждение, а скорее является результатом привычки, скуки, страха и стремления вызвать хотя бы временную перемену в мучительном психическом состоянии.

Истерия

При этом неврозе ненормальности половой жизни встречаются в

высшей степени часто, а в случаях с наследственным отягощением — всегда.

Здесь могут иметь место всевозможные аномалии половой функции в самых пестрых и неожиданных сочетаниях, а при наличии наследственно дегенеративной почвы и нравственной ущербности также в форме самых глубоких извращений. Болезненные изменения и извращения в области половых ощущений оказывают всегда известное влияние на всю психику этих больных.

Примечательный случай этого рода сообщил Жиро.

Наблюдение 202. Марианна Л. в Бордо усыпила наркотиками свою госпожу и во время ее сна предоставила ее детей своему любовнику для полового акта и затем заставила их быть свидетелями самых безнравственных сцен. Выяснилось, что Л. — истеричка (гемианестезия и приступы судорог) и что до заболевания она вела себя прекрасно и пользовалась полным доверием. После же болезни она стала бесстыдно предаваться мастурбации и потеряла нравственное чувство.

Очень часто при истерии замечается болезненное повышение полового чувства. Повышение это может иногда иметь чередующийся (менструальный?) характер. В результате женщины — и даже замужние — впадают в проституцию. В более легких случаях половое влечение выражается в онанизме, обнажении тела у себя дома, пачканье себя мочой и другими грязными веществами, надевании мужского костюма и т. д.

Шюле (Klinische Psychiatrie, 1886. S. 237) указывает на особенную частоту болезненного повышения полового влечения; «повышение это при соответствующем предрасположении превращает девушек и даже женщин, живущих в счастливом браке, в Мессалин». Названный автор знает случаи, когда уже во время свадебного путешествия женщины делали попытки бежать со случайно встречавшимися им мужчинами и когда уважаемые матери семейств заводили связи без всякого разбора, жертвуя своим достоинством и честью для удовлетворения ненасытного сладострастия.

При истерическом умопомешательстве болезненно повышенное половое влечение может выражаться в форме безумной ревности, недобросовестных обвинений мужчин в безнравственных поступках[1], в галлюцинациях совокупления[2] и т. д.

Иногда может встречаться и фригидность с недостаточным ощущением сладострастия; по большей части в основе этого

лежит половая анестезия.

Паранойя

Ненормальные проявления половой жизни нередки при различных формах первичного помешательства. В самом деле, ведь некоторые формы последнего развиваются на почве половых эксцессов (мастурбаторная паранойя) или полового возбуждения; кроме того, мы имеем здесь дело с психическими дегенератами, у которых, как показывает опыт, наряду с различными функциональными признаками вырождения нередко обнаруживается также и глубокое нарушение половой жизни.

Болезненное повышение, а иногда И извращение полового чувства особенно отчетливо выступает при эротической и религиозной паранойе. При первой форме состояние полового возбуждения не ведет непосредственно к поступкам и действиям, имеющим целью половое удовлетворение; гораздо чаще (хотя отнюдь не всегда) оно проявляется в платонической любви, в боготворении какой-нибудь личности другого пола, доставляющей эстетическое удовлетворение, иногда даже в любви к воображаемому лицу, к картине, статуе.

Впрочем, нередко в основе такой вялой, чисто духовной любви лежит слабость органов воспроизведения, явившаяся следствием продолжительной мастурбации; иногда под покровом целомудренной любви скрываются сильное сладострастие и половые эксцессы. Временами, в особенности у женщин, может наступать состояние сильнейшего полового возбуждения в форме нимфомании. Религиозная паранойя по большей части также имеет свои корни в половой сфере; здесь мы встречаем ненормально раннее появление и болезненно-сильное развитие полового чувства. Половое влечение находит себе удовлетворение в мастурбации или в религиозной мечтательности, предметом которой делаются отдельные лица духовного звания, святые и т. д.

О психопатологической связи между областью полового чувства и областью религиозного чувства мы подробно говорили на с. 21—24.

Помимо мастурбации при религиозной паранойе сравнительно часто встречаются половые преступления. В сочинении Марка (Ubers. von Ideler, II. S. 160) приводится один примечательный случай религиозного помешательства, приведший к нарушению супружеской верности. Другой случай, когда 43-летний мужчина, страдавший религиозной паранойей, совершил растление маленьких девочек во время приступа эротического возбуждения, описал Жиро (Annales medico-psychologiques).

Сюда же относится и следующее наблюдение *(Liman. —* Virteljahrschrift fur gerichtliche Medizin).

Наблюдение 203. М. сделал беременной собственную дочь. Его жена, мать 18 человек детей и сама беременная от своего мужа, сообщила об этом судебным властям. М. уже 2 года страдал религиозной паранойей. «Мне было откровение, что я должен разделить ложе со своей дочерью, которая есть вечное солнце. От веры моей, жившей 18 веков, должен родиться человек из крови и плоти. Этот человек будет мостом вечной жизни между Ветхим и Новым Заветом». Больной последовал этому откровению, имевшему, по его мнению, божественное происхождение.

При бреде преследования иногда также встречаются патологические проявления полового чувства.

Наблюдение 204. 30-летняя женщина заманила к себе игравшего неподалеку 5-летнего мальчика, обещав ему дать деньги и угостить жареным, играла пенисом, пыталась принудить ребенка к половому акту[1]. Эта женщина, учительница по профессии, отличавшаяся всегда строгой нравственностью, была обманута и брошена одним мужчиной, после чего некоторое время занималась проституцией. Ключ к объяснению ее безнравственного поведения нужно искать в том, что она страдала очень развитой манией преследования и считала себя в таинственной власти ее прежнего возлюбленного, который, как ей казалось, принуждал ее к половым сношениям. Так и относительно упомянутого выше мальчика она полагала, что он послан ей ее возлюбленным. Было невероятно, чтобы мотивом ее преступления была грубая чувственность, так как ей нетрудно было удовлетворить свое половое влечение естественным путем *(Kiissner. —* Berliner klinische Wochenschrift).

Наблюдение 205. Противонравственные действия над детьми. Паранойя. 26 мая старый железнодорожный служащий X., 46 лет, пенсионер, был пойман на людной дороге в то время, как он сосал пенис 8-летнего мальчика. По дороге в дом заключения он совершил то же преступление с ехавшим с ним молодым арестантом, а затем и еще с одним, после чего его отправили в психиатрическую клинику; там он продолжал совершать покушения на больных, пока его не поместили в изолятор.

Обследование показало, что больной страдает бредом преследования, который развился из долголетней конституциональной неврастении на почве тяжелого наследственного отягощения. В бреду преследования главную роль играло его прежнее начальство, которое, как ему казалось, держало его в своей власти и старалось заставить снова поступить на службу. Но вот за последние два года он заметил,

что некоторые люди, очевидно расположенные к нему, в том числе важные чиновники, хотят указать ему путь, каким он мог бы избавиться от тяжелого и мучительного бремени постоянного преследования. Они многозначительно брали в рот палец и сосали его. Еще яснее были указания, которые делали ему его братья: они обращались к собакам, говорили им, чтобы они лизали, но в действительности имели при этом в виду его. Отсюда он понял, что если он будет публично лизать у кого-нибудь половые органы, то он настолько скомпрометирует себя, что его прежнее начальство не сможет уже вернуть его на службу и он таким образом получит снова свободу.

Сначала он не мог решиться на такой отвратительный поступок, но преследования настолько усилились, что он не видел другого исхода; сперва он пытался скомпрометировать себя тем, что совершал куннилингус у тех проституток, которые поощряли его к этому жестами и взглядом. Но, видя, что проститутки не доносят на него, он стал прибегать к мальчикам и девочкам (пол был для него безразличен), которые делали ему соответствующие знаки. Он не понимает, каким образом поступок, внушенный ему высокопоставленным лицом, мог привести его к конфликту с полицией и почему продолжаются преследования прежней дирекции, несмотря на то что он так основательно себя скомпрометировал.

Это стремление пациента достигнуть своей нелепой цели путем такого отвратительного эротического преступления, а не путем, например, воровства, объясняемся тем, что на почве его неврастении и импотенции у него постепенно развилось извращение в сфере половой жизни.

Пациент отличался всегда повышенной половой возбудимостью; половая организация его в основе была гетеросексуальной, но из-за многолетней половой неврастении он не получал никакого удовлетворения при акте совокупления, причем эрекция постепенно становилась все слабее. Он обращался к врачам, и те советовали ему воздержание. Из-за сильного полового влечения он не мог выполнить этого совета, а из-за импотенции не мог совершать полового акта. Таким образом он пришел к куннилингусу, при котором всегда явно ощущал чувство сладострастия, а иногда даже имел эякуляцию. Этим компенсировалось его отвращение к такому «лизанию», а когда ко всему этому присоединились еще параноические указания относительно детей, то несчастный в конце концов встал на путь преступления.

Он сознается, что с течением времени при своих противонравственных поступках с детьми он начал ощущать половое удовлетворение и что это последнее было одним из мотивов его преступлений. Но главная причина все-таки в том

безвыходном положении, в которое он попал из-за преследований своего прежнего начальства. В клинике пациент вел себя спокойно и послушно, так что через некоторое время он мог быть передан на руки родным.

Такие же случаи описал *Кюллер* (Perversions sexuelles chez les persecutes. — Annales medico-psychologiques, 1886, Mars): например, один больной, страдавший половым бредом преследования, пытался изнасиловать свою сестру, ибо ему казалось, что его принуждают к этому бонапартисты.

В другом случае один капитан, который страдал манией электромагнетического преследования, был принуждаем своими преследователями к педерастии, к которой он чувствовал сильнейшее отвращение. В другом аналогичном случае преследователь побуждал к онанизму и педерастии.

БОЛЕЗНЕННЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ПОЛОВОЙ ЖИЗНИ В СУДЕБНОМ ОТНОШЕНИИ

У всех культурных наций лицо, совершившее преступление против нравственности, преследуется законом. Так как охрана нравственности и потомства является одним из самых существенных условий существования государства и общества, то государство должно делать все возможное для защиты нравственности и для борьбы с чувственностью. Но борьба эта неравная, ибо только известная часть половых извращений может быть преследуема судом; кроме того, в борьбе с таким могущественным природным инстинктом можно вообще сделать не так уж много при помощи наказания. Наконец, по самой природе своей половые преступления таковы, что только часть их доходит до сведения властей. Общественное мнение приходит на помощь властям в том смысле, что считает подобного рода преступления обесчещивающими.

Уголовная статистика обнаруживает тот печальный факт, что в современном культурном обществе половые преступления непрерывно учащаются; в особенности это заметно по отношению к преступлениям против малолетних (до 14 лет).

Уже Каспер (Klinische Novellen) в начале 60-х гг. обратил внимание на этот печальный факт. В качестве судебного врача (в Берлине) ему пришлось за время с 1842 по 1851 г. исследовать только 52 случая преступлений против нравственности; а с 1852 по 1861 г. было уже 138 случаев таких преступлений, совершенных против малолетних и взрослых лиц женского пола.

Согласно «Comptes rendus de la justice criminelle en France» в 1826—1840 гг. преступления против нравственности составляли

только 20 % всех преступлений против личности, а с 1856 по 1860 г. уже 53 %. Из них преступления, совершенные против детей, составляли в 1826—1830 гг. только '/п часть всех процессов, а в 1856—1860 гг. уже *[1]/з.*

По Франции Ёттинген («Moralstatistik») сообщает следующие данные: в 1826 г. 136 процессов по поводу изнасилования детей, а 4 1867 г. — 805.

Моро («Aberrations du sens genesique») определяет число процессов, возбужденных по поводу противонравственных преступлений против детей, для 1872 г. в 682, для 1876 г. — в 875.

В Англии число таких преступлений, дошедших до суда, было в 1830—1834 гг. 167, в 1851—1855 гг. — 1395.

В Пруссии, по Ёттингену, число сексуальных проступков возросло с 1855 по 1869 г. в отношении 325:925, а число сексуальных преступлений — в отношении 1477:2945. Ортлофф («Die strafbaren Handlungen») также находит значительное увеличение противонравственных преступлений по отношению к детям моложе 14 лет.

Интересную статистику противонравственных преступлений, бывших предметом разбирательства во французских судах за время 1860—1892 гг., дает Туано (Attentats aux moeurs et perversions du sens genital, Paris, 1898). В то время как общая половая преступность во Франции, видимо, уменьшается (в 1860 г. 830 случаев, то есть 2,3 случая на 100 тыс. жителей; в 1892 г. только 679, то есть 1,7 случая на 100 тыс. жителей), относительное количество преступлений против детей, напротив, возрастает: в 1860 г. соотношение числа преступлений против взрослых и против детей было 180:650 (1:3,6), а в 1892 г. — 78:601 (1:7,7); в 1885 г. преступления против детей достигали максимума (1:9,5).

Моралисты усматривают во всех этих печальных фактах не более как признак общего упадка нравственности и высказываются иногда в том смысле, что отчасти виновата в этом та мягкость, которую проявляет современное законодательство в наказании сексуальных преступлений, подвергавшихся в прошлом столетии гораздо более тяжелым карам.

Врач, исследующий это явление, приходит, напротив, к тому выводу, что оно зависит от все возрастающей в современном культурном обществе нервозности. Представители последних поколений являются нередко невропатическими субъектами с повышенной возбудимостью половой сферы, с наклонностью к половым излишествам; ослабление половой способности при

одновременном сохранении похотливости приводит их к половым извращениям. Немалую роль в этих дегенеративных процессах современной культурной жизни играет алкоголизм, понижающий этический и интеллектуальный уровень самих пьяниц и их потомства и действующий в то же время возбуждающим образом на их половую сферу.

Относительное возрастание числа противонравственных преступлений, совершенных над детьми, объясняется, по моему мнению, все усиливающимся физическим упадком (импотенция) и психическим вырождением взрослого населения.

В пользу этого говорит тот факт, открытый еще Тардье и подтвержденный затем Бруарделем и Бернаром, что преступления против детей встречаются несравненно чаще в городах (в особенности в больших), а против взрослых (главным образом изнасилование) — в сельских местностях.

Затем статистические данные, приводимые Тардье и Бруарделем, показывают, что вместе с увеличением возраста преступников растет и процент противонравственных преступлений против детей, что чем старше преступник, тем моложе его жертва, и что старики совершают противонравственные преступления уже исключительно над детьми; все это подтверждает наше предположение, что половая импотенция наряду с потерей нравственного чувства (старческое слабоумие) являются главными причинами в происхождении этих ужасных преступлений. То, что в совершении сексуальных преступлений нередко играют важную роль невропатические и даже психопатические условия, в достаточной мере видно из предыдущего нашего изложения. Это выдвигает перед нами вопрос о *вменяемости* многих из тех субъектов, которые обвиняются в совершении противонравственных преступлений.

Неоспоримая заслуга психиатрии заключается в том, что она изучила и доказала наличие психической болезни во многих случаях чудовищных, парадоксальных половых актов.

Но этими результатами психопатологического исследования юриспруденция — в лице ее законодательных и судебных органов — до сих пор воспользовалась очень мало. Становясь, таким образом, в противоречие с медициной, она постоянно рискует обвинить и подвергнуть наказанию таких людей, которые с научной точки зрения должны быть признаны неответственными за свои поступки.

Из-за такого поверхностного отношения к преступлениям, глубоко подрывающим общественные интересы и общественное благо, юстиция часто возвращает обществу какого-нибудь

опаснейшего преступника, убийцу, зверя в человеческом образе, после того как он отбыл наложенное на него наказание, между тем как научным исследованием может быть установлено, что преступник представляет собой человека с врожденной психической и половой дегенерацией и, следовательно, вполне невменяемого и что этот человек должен быть не наказываем, а обезврежен удалением из общества на всю жизнь.

Если юстиция будет иметь в виду не преступника, а преступление, то ей всегда угрожает опасность нарушения важнейших интересов общества (общественная нравственность и общественная безопасность) и индивида (честь).

Нет другой области уголовного права, где совместная работа судьи и врачебного эксперта была бы так необходима, как область сексуальных преступлений. Только антрополого-клиническое исследование проливает свет на этого рода преступления.

Вид преступления сам по себе никогда не бывает достаточен для того, чтобы уверенно решить, имеет ли здесь место психопатический акт, или преступление вмещается в физиологические рамки психической жизни.

Извращенное действие не означает еще извращения чувства. По крайней мере, самые чудовищные извращенные действия полового характера встречаются иногда у вполне здоровых в психическом отношении людей. Но *извращение чувства должно рассматриваться как явление безусловно патологическое.* Доказательством этому служит процесс возникновения тех условий, из которых развивается это извращение, и тот факт, что оно является одним из проявлений общего невропатического или психопатического состояния.

Важное значение имеет состав преступления, но и он позволяет только делать предположения, ибо одно и то же половое действие в зависимости, например, от того, совершено ли оно эпилептиком, паралитиком или психически здоровым человеком, обнаруживает разнообразные черты и различные особенности.

Периодическое возвращение поступка при тождественных условиях и импульсивность в его совершении должны возбуждать серьезное подозрение относительно его патологического характера. Окончательное решение вопроса возможно лишь при нахождении психологических мотивов поступка (ненормальность представлений и чувств) и при сведении этой ненормальности к первоисточнику — к общему невропсихопатическому состоянию субъекта, то есть либо к остановке психического развития, либо к состоянию

психического вырождения, либо к психозу.

При изучении мотивов отдельных поступков эксперты могут руководствоваться теми наблюдениями, которые изложены в этой книге в главах, посвященных общей и частной патологии.

Факты, необходимые для решения вопроса, идет ли речь о простой безнравственности или о психопатическом состоянии, могут быть получены лишь при судебно-медицинском обследовании, при подробном, строго научном изучении всей личности, ее анамнеза и настоящего состояния как в клиническом, так и в антропологическом отношении.

Очень важно установление *врожденной* аномалии половой жизни, для чего необходимо исследовать наличие состояния психического вырождения. *Приобретенная* аномалия может быть признана патологической тогда, когда ее удается свести к невро- или психопатическому состоянию.

На практике здесь прежде всего приходится думать о паралитическом слабоумии и эпилепсии. Центр тяжести вопроса о вменяемости лежит в том, чтобы доказать у обвиняемого в совершении полового преступления наличие психопатического состояния.

Такое доказательство, безусловно, необходимо для того, чтобы избежать опасности оправдания простой безнравственности под флагом. болезни.

Психопатические состояния, делающие преступника невменяемым, могут вести к преступлениям против нравственности при следующих обстоятельствах:

1. Нормальное, хотя, может быть, и повышенное половое влечение не встречает противодействия со стороны нравственных и правовых представлений, потому что: а) либо эти представления не были усвоены с самого начала (врожденные состояния психической слабости); б) либо они были потеряны (приобретенные состояния психической слабости).

2. Половое влечение повышено (состояние психической экзальтации) и в то же время сознание затемнено и психический механизм слишком расстроен, чтобы могли действовать задерживающие представления, хотя таковые и имеются.

3. Половое влечение извращено (состояние психической дегенерации). Одновременно оно может быть повышено и непреодолимо по своей силе.

Те случаи сексуальных преступлений, которые не стоят в связи с каким-нибудь психическим дефектом, состоянием вырождения или болезнью, не могут рассчитывать на оправдание ссылкой на невменяемость.

Во многих случаях вместо болезненно-психического состояния мы находим невроз — местный или общий. Так как между неврозом и психозом существует ряд незаметных переходов, так как и при неврозе элементарные психические расстройства встречаются довольно часто, а при глубоком извращении половой жизни даже всегда и невротические расстройства, как, например, импотенция, раздражительная слабость и т. д., могут оказать известное влияние на инкриминируемый субъекту поступок, то справедливый суд независимо от того, насколько влияет на вменяемость преступника наличие психического дефекта или болезни, должен признать в самом неврозе смягчающее вину обстоятельство.

Юрист-практик не может — по различным соображениям — приглашать судебного врача для психиатрической экспертизы во всех случаях сексуальных преступлений.

Когда именно он должен это делать, должно быть, конечно, предоставлено его совести и его усмотрению. Следующие факты, однако, должны навести на мысль, что в данном случае возможна патологическая подкладка преступления.

Преступником является старик. Сексуальное преступление совершено публично, с поразительным цинизмом. Способ полового удовлетворения отличается нелепостью (эксгибиционизм), или жестокостью (нанесение увечий, убийство в порыве сладострастия), или извращенностью (некрофилия и пр.).

Как показывает опыт, различные сексуальные акты изнасилование, растление, педерастия, лесбиянство, скотоложство могут иметь психопатологическую основу.

При убийстве в порыве сладострастия, поскольку целью преступления является не само по себе убийство, а также при осквернении трупов психопатическое состояние весьма вероятно.

Точно так же очень вероятным кажется патологическая подкладка в случаях эксгибиционизма и взаимного онанизма. Онанирование другого, равно как и пассивный онанизм, могут встречаться при старческом слабоумии, при извращенном половом ощущении, но и просто у развратников.

Куннилингус и феллация (введение пениса в рот женщины) до

сих пор во всех без исключения случаях имели психопатологический характер.

Эти отвратительные сексуальные приемы встречаются, по-видимому, почти исключительно у развратников, пресыщенных в естественных половых отправлениях и страдающих в то же время ослаблением потенции. Сношение с женщиной через задний проход[2], кажется, не имеет психопатического характера и практикуется низко стоящими в нравственном отношении мужьями во избежание деторождения, а также пресыщенными циниками в их внебрачных половых сношениях.

Ввиду практической важности вопроса необходимо, чтобы сексуальные поступки, определяемые законодателем как наказуемые преступления, были изучены со специальной судебно-медицинской точки зрения. Это имеет то значение, что психопатологические поступки, иногда совершенно аналогичные, будучи освещены надлежащим образом, могут оказаться еще в пределах нормальной психологии.

НАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ НРАВСТВЕННОСТИ В ФОРМЕ ЭКСГИБИЦИОНИЗМА

(Австрия. Уголовный кодекс, § 516; проект, § 195. Германия. Уголовный кодекс, § 183.)

Стыдливость в современном культурном обществе является глубоко укоренившейся, воспитанной в течение веков чертой характера, и всякое *публичное* и грубое нарушение ее всегда вызывает предположение о наличии каких-либо психопатологических условий.

Предположение это приобретает достоверность, если индивид, оскорбивший нравственное чувство своих сограждан и в то же время унизивший собственное достоинство, совершенно чужд нравственного чувства (идиоты), или лишился его с течением времени (приобретенное состояние умственной слабости), или действовал в состоянии помраченного сознания (преходящее помешательство, состояния сумеречного сознания) или под влиянием непреодолимого влечения (невольные поступки).

Сюда относится, между прочим, и то совершенно своеобразное явление, которое называется *эксгибиционизмом.*

Согласно известным фактам, до сих пор только мужчины обнажали свои половые органы перед лицами другого пола, иногда даже преследуя этих последних, не переходя, однако, к каким-либо агрессивным действиям.

Нелепый характер такого полового акта или, вернее, такой

половой демонстрации указывает на слабость интеллекта и нравственного чувства или по крайней мере на временную задержку развития интеллектуальных и этических функций при одновременном возбуждении полового чувства и значительном расстройстве сознания (болезненная потеря сознания, спутанность). В большинстве случаев имеет место также ослабление половой способности. Таким образом, существует несколько различных категорий эксгибиционистов.

К первой категории относятся случаи *приобретенного слабоумия,* когда на почве заболевания головного или спинного мозга нарушается ясность сознания и расстраиваются интеллектуальные и этические функции, когда вследствие этого половое чувство, повышенное само по себе или под влиянием болезненного процесса, не встречает никакого противодействия и когда, наконец, существует импотенция, которая делает невозможным удовлетворение полового влечения в форме актов, требующих силы (хотя бы в форме изнасилования) и ведет поэтому к таким жалким формам, как эксгибиционизм.

К этой категории относится большинство описанных случаев[1]. Это все индивиды, страдающие старческим слабоумием, паралитическим слабоумием или умственными дефектами на почве алкоголизма, эпилепсии и пр.

Наблюдение 206. Ц., важный чиновник, 60 лет, вдовец, отец семейства, нарушил общественное приличие тем, что в продолжение 14 дней неоднократно показывал из окна свои половые органы[1] 8-летней девочке, жившей напротив. Спустя несколько месяцев он снова совершил тот же неблагопристойный поступок при таких же обстоятельствах. На допросе он признал свой образ действия отвратительным и не мог привести никаких оправданий для него. Спустя год — смерть от мозговой болезни *(Lasegue.* Op. tit).

Наблюдение 207. Ц., 78 лет, моряк, неоднократно эксгибиционировал на детских площадках и вблизи женских школ. Это был единственный способ его половой деятельности. Он женат, имеет 10 детей. 12 лет назад получил тяжелую травму головы, от которой остался глубокий костный рубец. Давление на этот рубец вызывает боль, покраснение и оцепенение лица, сонливость, подергивания в правой верхней конечности (по-видимо-, му, приступы эпилептоидного состояния в зависимости от заболевания мозговой коры). Кроме того, старческое слабоумие и вообще глубокие старческие изменения. Находился ли эксгибиционизм в связи с эпилептоидными приступами — об этом сообщение умалчивает. Доказано наличие старческого слабоумия. Оправдание (Dr. *Schuchardt.* Op. tit).

Целый ряд таких случаев сообщил Пеланда (указ. соч.).

1. Паралитик, 60 лет. С 58-летнего возраста начал эксгибиционировать перед женщинами и детьми. Помещенный в психиатрическую больницу (в Вероне), он долгое время обнаруживал там похотливость и пытался совершить феллацию.

2. Старый алкоголик, 66 лет, тяжелой невропатической конституции, страдавший периодическим помешательством. Первый раз заметили его эксгибиционизм в церкви во время службы. Брат его также был эксгибиционистом.

3. 49-летний мужчина, пьяница, невропатической конституции, всегда отличался повышенной половой возбудимостью; помещен в психиатрическую больницу по поводу хронического алкоголизма. Эксгибиционирует иногда при виде женщин.

4. Мужчина 64 лет, женатый, отец 14 детей. Тяжелая невропатическая конституция. Рахитичный, микроцефалический череп. Много лет эксгибиционирует, несмотря на неоднократные наказания.

Наблюдение 208. X., торговец, родился в 1833 г., холостой, неоднократно эксгибиционировал или даже мочился перед детьми; однажды в таком положении поцеловал маленькую девочку. 20 лет назад X. перенес тяжелую душевную болезнь, длившуюся 2 года; в это время, по-видимому, имел место апоплексический удар.

Впоследствии он разорился, начал пить и в последние годы несколько раз лишался рассудка.

Настоящее состояние: алкоголизм, раннее старческое слабоумие. Пенис небольших размеров, фимоз, атрофия яичек. Доказана душевная болезнь. Оправдание (Dr. *Schuchardt.* Op. cit.).

Подобные случаи эксгибиционизма напоминают об одной привычке, существующей среди молодых людей с повышенным половым чувством, но нередко также и среди взрослых людей, низко стоящих в нравственном отношении и отличающихся цинизмом, — о привычке покрывать стены общественных писсуаров и т. п. изображением мужских и женских половых органов; это своего рода мысленный эксгибиционизм, от которого, впрочем, до реального еще очень далеко.

Другую категорию эксгибиционистов представляют эпилептики.

Эта категория отличается от предыдущей тем существенным признаком, что здесь отсутствует сознательный мотив для

эксгибиционизма, который является скорее *импульсивным* поступком, совершаемым независимо от внешних условий под влиянием болезненного органического влечения.

В момент совершения преступления имеется всегда сумеречное состояние сознания; этим объясняется, почему несчастный совершает свой поступок, не сознавая его значения, во всяком случае, *без всякого цинизма,* лишь под влиянием слепого влечения и почему затем, когда он снова приходит в себя, он сожалеет и ужасается по поводу случившегося, если только у него уже не наступило хронического состояния умственной слабости.

Первым побуждением во время этого сумеречного состояния, равно как и при других импульсивных действиях, является чувство мучительной тоски. Если с этим ассоциируется половое чувство, то представления получают определенное направление в смысле соответствующего (сексуального) поступка.

То, что у эпилептиков во время припадков особенно легко всплывают сексуальные представления, это понятно из изложенного на с. 450—456 данной книги.

Если такая ассоциация однажды создалась, если определенный поступок был хоть раз совершен во время приступа, то в следующих приступах эта ассоциация повторяется все легче и легче, ибо для нее создается, так сказать, проторенная дорога.

В силу чувства страха, сопровождающего эти состояния сумеречного сознания, половой импульс превращается в императив, во внутреннее принуждение, которое исполняется чисто импульсивно и совершенно непроизвольно.

Наблюдение 209. К., младший чиновник, 29 лет, из невропатической семьи, живет счастливо со своей женой, имеет ребенка. Неоднократно эксгибиционировал перед прислугой, в особенности в состоянии сумеречного сознания. К. — высокого роста, строен, бледен, нервен, порывист. *О своих поступках имеет только общее воспоминание.* С самого детства с ним часто случались приступы прилива крови с сильным покраснением лица, учащенным и напряженным пульсом, неподвижным, как бы не замечающим окружающего взором. Временами головокружение и помрачение сознания. В момент такого (эпилептического) приступа К. откликался лишь после неоднократного зова. После приступа он *приходил в себя, как после сна.* Он утверждает, что за несколько часов перед тем, как он совершал акт эксгибиционизма, он всегда чувствовал возбуждение, беспокойство, страх, угнетение и прилив к голове. При этом он часто бывал как бы в оглушенном состоянии и испытывал неопределенное чувство полового возбуждения. Во

время приступа он без цели уходил из дома и обнажал где-нибудь свои половые органы. По возвращении домой он имел о случившемся смутное воспоминание и чувствовал себя утомленным и разбитым. Интересно, что, совершая акты эксгибиционизма, он освещал свои половые органы спичками. Экспертиза высказалась в том смысле, что в основе инкриминируемых ему поступков лежала эпилепсия и что они были непроизвольны. Тем не менее его признали виновным, хотя и заслуживающим снисхождения (Dr. *Schuchardt.* Op. tit.).

Наблюдение 210. Л., 39 лет, портной, холост; отец, по всей вероятности, алкоголик; два брата были эпилептики, третий — душевнобольной. Сам он страдал легкими эпилептическими инсультами, впадал иногда в сумеречное состояние, во время которого бесцельно блуждал по городу, не зная затем, где он был. Раньше его считали благонравным человеком, теперь он находится под судом за эксгибиционизм, который он совершил 4—6 раз в чужих домах, причем играл своими половыми органами. Относительно этих поступков у него оставалось лишь крайне смутное воспоминание.

Л. подвергся очень суровому наказанию за неоднократное дезертирство с военной службы (по всей вероятности, совершенное также в состоянии сумеречного сознания на почве эпилепсии). В тюрьме он психически заболел и был перевезен в заведение для душевнобольных с «эпилептическим помешательством». Оттуда его выписали «излеченным». Что касается инкриминируемых ему поступков, то здесь легко исключить и цинизм, и озорство. В высшей степени вероятно, что они имели место при сумеречном состоянии сознания. Даже полицейским чиновникам в момент ареста он показался «сумасшедшим», вернее, человеком, находившимся в состоянии помраченного сознания *(Ытап.* — Vierteljahrschrift fur gerichtliche Medizin. N. F. XXXVIII. H. 2).

Наблюдение 211. Л., 37 лет, совершил за период с 15 октября по 2 ноября 1889 г. ряд актов эксгибиционизма перед девушками среди белого дня, на улицах и даже в школах, куда ему удавалось врываться. Несколько раз он предлагал девушкам мастурбацию или половой акт и, встретив отказ, мастурбировал перед ними. В Г. он с обнаженным пенисом постучался в окно одной харчевни и заставил детей и служанку, находившихся в кухне, посмотреть на него.

После ареста выяснилось, что начиная с 1876 г. Л. обвинялся в эксгибиционизме множество раз, но из-за отзывов врачей о наличии у него душевной болезни оставался без наказания. Однако он несколько раз подвергался наказанию за другие преступления: во время военной службы за дезертирство и воровство, а после окончания военной службы — за кражу сигар.

Несколько раз он был помещаем в психиатрические больницы вследствие сумасшествия (приступов помрачения сознания?). В остальное время он отличался непостоянством, сварливостью, иногда возбужденным настроением.

Брат его умер от паралича. Сам он не представляет никаких признаков вырождения; никаких эпилептических проявлений в анамнезе. В то время, когда он находился под наблюдением, он не обнаруживал ни психической болезни, ни слабоумия.

Л. держит себя в высшей степени прилично, высказывает глубокое отвращение к своим сексуальным поступкам.

Он объясняет их следующим образом. Временами у него появляется влечение к вину, хотя вообще он не алкоголик. Как только он начинает пить, у него возникают приливы крови к голове, головокружение, беспокойство, страх, тоска. Он впадает при этом как бы в сон и ощущает непреодолимое влечение f обнажению тела. Это доставляет ему облегчение и дает возможность свободно дышать.

Но, раз он обнажил себя, он уже не помнит, что делает дальше.

В качестве предвестника этих приступов у него часто незадолго перед ними появляется мерцание в глазах и головокружеПосле этих периодов сумеречного состояния у него о происшедшем остается совершенно неясное, туманное воспоминание.

Сексуальные представления и влечения начали ассоциироваться с этими проявлениями мучительного сумеречного состояния лишь постепенно, с течением времени. В таком состоянии он много лет тому назад дезертировал со службы без всяких мотивов и с величайшей опасностью, выскочил однажды из окна второго этажа, в другой раз бросил хорошее место и бежал в соседнюю страну, где тотчас же был арестован за эксгибиционизм.

Когда Л. напивался допьяна вне периодов своего болезненного состояния, то дело никогда не доходило до эксгибиционизма. В светлые промежутки его половые ощущения и половые сношения были вполне нормальны (Dr. *Hotzen.* — Friedreichs Blatter, 1890. H. 6).

В клиническом отношении к эксгибиционистам-эпилептикам близко стоит известная категория *неврастеников,* у которых также бывают приступы (эпилептоидные?) сумеречного состояния[1], сопровождаемые чувством тоски и угнетения; с этим чувством может ассоциироваться половое влечение; и таким образом возникают совершенно импульсивно акты

эксгибиционизма.

Наблюдение 212. Учитель гимназии С. обвинен в том, что в берлинском зоопарке неоднократно ходил перед дамами и детьми с обнаженными половыми органами. Не отрицая самого факта, С. утверждал, что он делал это не преднамеренно, не сознавая, что нарушает этим общественное приличие; он оправдывался тем, что быстрая ходьба с обнаженными половыми органами облегчала его нервное возбуждение. Дед его с материнской стороны был душевнобольным и кончил жизнь самоубийством, мать страдала конституциональной невропатией, сомнамбулизмом и временами помешательством. Сам обвиняемый — невропат, неврастеник, страдал сомнамбулизмом, всегда избегал половых сношений с женщинами, в молодости занимался онанизмом. Отличается робким характером, слабым сложением; легко впадает в замешательство и смущение. В половом отношении был всегда очень возбудим. Ему часто снилось, что он ходит с обнаженным членом или что он в одной рубашке висит вниз головой, так что рубашка спадает и его эрегированный член обнажается. Такие сны вели обыкновенно к поллюции, после чего он на несколько дней или на неделю успокаивался.

Но и в бодрствующем состоянии на него нередко нападала, как и во сне, страсть ходить с обнаженными половыми органами. При раздевании он ощущал страшный жар, бросался бесцельно взад и вперед, член становился влажным, но до поллюции дело не доходило. Наконец наступало расслабление члена, он прятал его и приходил в себя, довольный, если никто его не видел в это время. Возбуждение его было так сильно, что он как бы находился *во сне или в состоянии опьянения.* Никогда у него не было намерения оскорбить своим поведением какую-либо женщину. Эпилепсией С. не страдал. Показания его внушали к себе доверие. В самом деле, находясь в таком состоянии, он никогда не преследовал женщин, даже не заговаривал с ними. Грубость, пошлость можно было вполне исключить. Во всяком случае несомненно, что поступки С. проистекали из его-болезненных ощущений и представлений и что во время их совершения он находился в состоянии болезненного расстройства умственной деятельности *(Ытап.* — Vierteljahrsschrift fur gerichtliche Medizin. N. F. XXXVIII. H. 2).
Наблюдение 213. X., 38 лет, женатый, имеет ребенка, всегда отличался мрачным, молчаливым характером, часто страдал головными болями. *Тяжелая неврастения;* душевной болезни, однако, нет; много страдал от ночных поллюций. Неоднократно эксгибиционировал перед девушками-торговками, подкарауливая их на улице и совершая перед ними различные манипуляции пенисом. Однажды он в таком виде преследовал девушку до самой лавки *(Trochou.* — Archives de l'anthropologie

criminelle, III. P. 256).

В следующем наблюдении эксгибиционизм явился случайным осложнением вследствие внезапного возникновения сильного полового возбуждения и импульсивного желания удовлетворить его мастурбацией.

Наблюдение 214. Р., кучер, 49 лет, женат, живет в Вене с 1866 г., бездетен, происходит от невропатического отца, предававшегося половым эксцессам и умершего от мозговой болезни. Признаков вырождения у него не отмечается.

На 29-м году он упал с большой высоты и получил тяжелое сотрясение. До этого момента его половая жизнь была совершенно нормальна. После травмы у него стали появляться каж-Ды[6] 3—4 месяца приступы в высшей степени мучительного полового возбуждения с неудержимым влечением к онанизму. Приступу предшествовало чувство сильной усталости и недомогания и потребность в алкоголе. В промежутках он был холоден в половом отношении и очень редко испытывал потребность к акту совокупления со своей женой, которая к тому же в продолжение 5 последних лет была больна и неспособна к половым сношениям.

Р- уверяет, что в молодости никогда не занимался онанизмом и что в промежутках между приступами он никогда не Думает о таком способе полового удовлетворения.

Во время приступов импульс к мастурбации имеет обыкновенно своим источником определенное раздражение, исходящее т женщины, — вид короткой юбки, красивой ноги, элегантной одежды. Возраст женщины для него безразличен. Даже маленькие девочки могут действовать на него возбуждающим образом. Потребность возникает внезапно, непреодолимо. Р. описывает различные положения и поступки, доказывающие импульсивность его действий. Несколько раз он пытался сопротивляться им, но тогда ему делалось жарко, его охватывал ужасный страх, голову обдавало жаром, он погружался в какой-то туман и хотя не терял вполне сознания, но смутно понимал окружающее. При этом в яичках и канатике появлялась сильная колющая боль. С сожалением он приходил к тому заключению, что потребность сильнее его воли. В этих случаях он должен был мастурбировать, где бы он ни находился. После наступления эякуляции ему становилось легко и он снова приобретал власть над собой. Во всем этом он видел какой-то ужасный рок. Защитник сообщил, что Р. уже 6 раз был осуждаем за такое же преступление — эксгибиционизм и мастурбацию на улице. Просьбы об исследовании его умственных способностей систематически отклонялись, так как суд находил, что обстоятельства дела не дают основания сомневаться в его

вменяемости.

4 ноября 1889 г. Р. находился на улице в болезненном состоянии как раз в то время, когда шла толпа девочек из школы. Внезапно в нем проснулась его необузданная потребность. Чтобы добежать до отхожего места, было мало времени: он был слишком возбужден. Эксгибиционизм и мастурбация под воротами дома, крупный скандал, немедленный арест. У Р. не заметно слабоумия или дефекта нравственного чувства. Он жалуется на свою судьбу, глубоко стыдится своих поступков, боится новых приступов и в то же время понимает, что болен и что в этих приступах есть что-то роковое, против чего он совершенно бессилен.

Он считает себя еще потентным. Пенис ненормальной величины. Рефлекс кремастера сохранен, пателлярный рефлекс повышен. В последние годы замечает слабость сфинктера пузыря. Разнообразные неврастенические расстройства.

Экспертиза дала заключение, что Р. действовал импульсивно, под влиянием болезненных условий. Пациент был помещен в психиатрическую больницу, откуда он через несколько месяцев был выпущен.

С клинической точки зрения в только что описанном случае центр тяжести лежит не в неврозе, а в импульсивном характере действий (эксгибиционизма, мастурбации).

Очень возможно, что кроме эксгибиционистов-имбецилов, эксгибиционистов на почве слабоумия и эксгибиционистов, находящихся в невропатическом сумеречном состоянии (на почве неврастении и эпилепсии), существует еще одна категория этих больных, имеющая также большое судебно-медицинское значение, — именно категория тяжелых невропатов (наследственный дегенеративный невроз?), у которых эксгибиционизм наступает периодически и в высшей степени импульсивно.

Маньян[1], у которого я заимствую нижеследующие два поучительных наблюдения, справедливо полагает, что при периодической половой психопатии (ср. с. 458), когда случайно пробуждающаяся потребность к эксгибиционизму составляет лишь часть общей картины болезни — аналогично тому, как влечение к алкоголю составляет лишь одно из проявлений дипсомании, — центр тяжести лежит в периодичности и импульсивности припадков болезни, а также в том чувстве мучительного страха, которым эти припадки сопровождаются и которое уступает место чувству глубокого облегчения тотчас же после удовлетворения потребности.

Эти факты, равно как и вся клиническая картина психического вырождения, которую по большей части можно объяснить наследственностью или вредными моментами, задержавшими развитие мозга в первые годы жизни (рахит и пр.), имеют громадное судебно-медицинское значение.

Наблюдение 215. Г., 29 лет, гарсон из кафе, совершил в 1888 г. акт эксгибиционизма у церковных дверей перед несколькими девушками, работавшими напротив в подвале. Он сознался в своем поступке и сообщил, что уже не раз в том же месте и в то же время дня совершал те же действия, за что и был годом раньше приговорен к тюрек[1] ному заключению на один месяц.

Родители его отличаются сильной нервностью. Отец неуравновешен в психическом отношении, в высшей степени вспыльчив. Мать временами подвержена душевной болезни и страдает тяжелым нервным заболеванием.

Г. издавна страдал нервным подергиванием лица и постоянной сменой настроения: то впадал, без всякой причины, в угнетенное состояние духа вплоть до отвращения к жизни, то делался возбужденным и веселым. На 10-м и 15-м году он сделал попытки к самоубийству по ничтожным поводам. Во время волнения у него появляются подергивания в конечностях. Постоянно существует общая аналгезия. В тюрьме он вначале был вне себя от стыда; позор, которым он покрыл свою семью, приводил его в ужас; он говорил, что считает себя худшим из людей, что он заслуживает самой тяжелой кары.

До 19 лет Г. удовлетворял себя одиночной и взаимной мастурбацией. Однажды он онанировал девушек. После этого его стали сильно возбуждать женщины, посещавшие кафе, в котором он служил. Возбуждение это нередко приводило к эякуляции. Он стал почти постоянно страдать приапизмом, который, по словам его жены, часто не давал ему спать всю ночь, несмотря на половой акт. За последние 7 лет он неоднократно эксгибиционировал у окна, показывая себя в обнаженном виде живущим по соседству женщинам.

В 1883 г. он женился по любви. Супружеские сношения были недостаточны для удовлетворения его повышенной половой потребности. Половое возбуждение было временами так сильно, что у него появлялась головная боль, спутанность, как бы опьянение, так что он делался странным и терял работоспособность.

В таком именно состоянии он 12 мая 1887 г. дважды эксгибиционировал перед дамами на двух парижских улицах. С этого времени ему пришлось вести отчаянную борьбу со своим болезненным влечением, которое преследовало его почти

беспрерывно; во время припадка он становился мрачным, расстроенным и плакал целую ночь напролет. При всем том постоянные рецидивы. Заключение экспертизы: наследственное вырождение с навязчивыми представлениями и непреодолимым влечением («perversion delirante du sens genital»). Оправдание *(Magnan.* — Archives de l'antropologie criminelle. Vol. V. N. 28).

Наблюдение 216. Б., 27 лет, сын невропатической матери и отца-алкоголика, имеет брата пьяницу и сестру истеричку. Четверо близких родственников со стороны отца алкоголики, одна двоюродная сестра истеричка.

С 11 лет занимался онанизмом, одиночным и взаимным. С 13 лет влечение к эксгибиционизму. Он попробовал эксгибиционировать в одном писуаре на улице, испытал при этом сладострастное ощущение, то тотчас же почувствовал угрызения совести. В дальнейшем его попытки подавить в себе свое влечение сопровождались чувством сильной тоски и давления в груди. На военной службе он часто испытывал желание показать по тому или иному поводу своим товарищам половой член.

С 17 лет он начал половые сношения с женщинами. Ему доставляло большое удовольствие показываться им в обнаженном виде. При этом он продолжал эксгибиционировать и на улице. Но так как он только в редких случаях мог рассчитывать на присутствие женщин около писсуаров, то перенес арену проявлений своего эксгибиционизма в церковь. Чтобы совершить в этом месте акт эксгибиционизма, он всегда должен был предварительно для храбрости напиться.

Под влиянием спиртных напитков его влечение, с которым он обычно еще кое-как справлялся, становилось непреодолимым. Б. был оправдан, но потерял место и стал после того еще больше пить. Вскоре после того он снова был арестован за эксгибиционизм и даже мастурбацию в церкви *(Magnan.* Op. cit).

Наблюдение -217. X., подмастерье в парикмахерской, 35 лет, неоднократно подвергался наказанию за бесстыдные действия; в последнее время снова арестован за то, что в продолжение трех недель разгуливал вблизи женского учебного заведения, старался обратить на себя внимание девочек и, когда ему это удавалось, эксгибиционировал. Иногда он предлагал им деньги и при этом говорил: «У меня красивый член, приходите ко мне, чтобы его потрогать».

На допросе X. во всем сознался, но не мог объяснить, как это с ним случилось. Обыкновенно он отличается полным благоразумием, но в нем живет склонность к этому

преступлению, и он не может ее победить.

Уже в 1879 г., будучи солдатом, он отлучился однажды со службы, бродил по городу и эксгибиционировал перед детьми. За это он получил год тюрьмы. В 1881 г. то же преступление. Он гнался за детьми, наводя на них страх своим неподвижным взглядом. Снова тюремное заключение на 1 год и 3 месяца. Через 2 дня после освобождения он обратился к маленьким девочкам с такими словами: «Если хотите посмотреть на мой член, пойдемте со мной в это помещение». Эти слова он отрицал, но заявил, что был пьян. 3 месяца тюрьмы.

В 1883 г. снова эксгибиционизм; при этом он ничего не говорил; на допросе объяснил, что со времени тяжелой болезни, которую он перенес за 8 лет до того, он страдает подобного рода приступами болезненного возбуждения. Один месяц тюрьмы.

В 1884 г. эксгибиционизм на кладбище перед девушками, в 1885 г. — снова. Он дал такое объяснение: «Я сознаю свое преступление, но оно подобно болезни. Когда на меня находит, я не могу удержаться от таких поступков. Иногда проходит много времени, прежде чем это влечение оставит меня». 6 месяцев тюрьмы. 12 августа 1885 г. он был освобожден, а 15 августа снова рецидив. Те же самые оправдания. На этот раз врачебное исследование, которое, однако, не нашло никакого душевного расстройства. 3 года заключения в исправительной тюрьме.

По окончании этого наказания следует ряд новых актов эксгибиционизма.

На этот раз исследование дало такие результаты:

Отец страдал хроническим алкоголизмом и, по-видимому, совершал такие же бесстыдные действия. Мать и сестра — нервнобольные, вся семья отличается бурным темпераментом.

С 7 до 18 лет X. *страдал эпилептическими судорогами.* На 16-м году первое совокупление. Позднее заболел гонореей и, по-видимому, сифилисом. Впоследствии нормальные половые сношения до 21 года. В это время ему часто приходилось проходить мимо одной детской площадки, и когда он при случае останавливался, чтобы помочиться, то дети смотрели на него с любопытством.

Случайно он заметил, что когда дети на него смотрят, то У него появляется половое возбуждение, эрекция и даже эякуляция. Этот вид полового удовлетворения стал ему все больше и больше нравиться, и он все чаще стал к нему прибегать, становясь в то же время равнодушнее к половому акту; он чувствовал, что весь он находится под влиянием мыслей об эксгибиционизме, они не

оставляли его и во сне, сопровождаясь поллюциями. Борьба с этим влечением становилась все более и более трудной. Когда его охватывало желание эксгибиционировать, то он ни о чем не мог думать, ничего другого не видел и не слышал, теряя рассудок, становился «как бык, который хочет пробить головой стену».

У X. ненормально широкий череп и маленький пенис, левое яичко атрофировано. Пателлярный рефлекс отсутствует. Признаки неврастении, в особенности церебральной. Частые поллюции. В сновидениях он по большей части видел нормальный половой акт и только изредка — акт эксгибиционизма перед маленькими девочками.

Что касается его полового извращения, то он уверяет, что первоначально у него появляется потребность выискивать и заманивать девочек и что Только тогда, когда ему это удается, обратить их внимание на его обнаженные половые органы, что вызывает эрекцию и эякуляцию[1]. Во время акта сознание у него сохранялось; после же него он чувствовал досаду и говорил сам себе, если только его не ловили на месте: «Еще один раз избежал прокурора».

В тюрьме он не чувствовал этой потребности; здесь его мучили только сны и поллюции. На свободе же он ежедневно искал случая удовлетворить себя эксгибиционизмом. Он говорил, что отдал бы 10 лет жизни, чтобы избавиться от этой болезни: «этот вечный страх, эти постоянные аресты делают жизнь невыносимой».

Экспертиза установила наличие врожденного (?) извращения полового ощущения при несомненном наследственном отягощении, невропатической конституции, асимметрии черепа и недостаточном развитии половых органов.

Примечательно также то обстоятельство, *что, когда больной начал эксгибиционировать, у него прекратились эпилептические припадки, так что это можно было бы считать явлением замещающего порядка.*

Половое извращение развилось здесь на почве имевшегося предрасположения из-за случайной ассоциации сексуальной идеи (то, что дети смотрели на него с любопытством, когда он мочился), с незначительным самим по себе действием.

Больной был оправдан и помещен в психиатрическую больницу (Dr. *Freyer.* — Zeitschrift fur Medizinalbeamte, 3 Jahrg., N. 8).

Наблюдение 218. Весной 1891 г. однажды вечером к полицейскому чиновнику городского парка в городе X. явилась

дама с крайне расстроенным видом и заявила, что из кустов на нее выскочил мужчина, совершенно обнаженный спереди, так что она в ужасе бросилась бежать. Полицейский тотчас же отправился в указанное место и нашел там мужчину, который стоял с обнаженным животом и половыми органами. Он пытался убежать, но был пойман и арестован. При этом он объяснил, что находился в половом возбуждении благодаря опьянению и явился сюда с целью найти проститутку. Но по дороге через парк он вспомнил, что эксгибиционизм доставляет ему больше удовольствия, чем половой акт, к которому он прибегает только редко и лишь по необходимости. Вытащив рубашку и расстегнув верхнюю часть брюк, он спрятался в кусты, и, как только женщина приблизилась, он показал ей свои обнаженные органы. При этом он чувствовал приятную теплоту и прилив крови к голове.

Арестованный оказался фабричным рабочим, которого мастер в своем свидетельстве аттестовал как добросовестного, аккуратного, трезвого и интеллигентного человека.

В 1886 г. Б. был уже однажды осужден за двукратный эксгибиционизм в общественном месте под фонарем — один раз среди белого дня, а другой раз — вечером.

Б., 37 лет, холост, производит несколько странное впечатление своим франтоватым костюмом, витиеватой речью и щегольскими манерами. Глаза его имеют невропатическое, мечтательное выражение; на лице самодовольная улыбка. По его словам, он происходит от здоровых родителей. Одна тетка со стороны отца и другая — со стороны матери были душевнобольные. Другие сестры матери отличались религиозной экзальтацией.

Никаких тяжелых болезней у Б. не было. С детских лет он был эксцентричен, отличался пылким воображением, любил рыцарские и другие романы, которые всецело его поглощали, так что он отождествлял себя в своей фантазии с героями романов. Он всегда считал себя лучше других, старался хорошо одеваться, любил драгоценности и когда по воскресеньям совершал прогулку, то гордо держал голову и воображал себя при этом важным чиновником.

Эпилептических явлений у него никогда не было. В молодости умеренно занимался онанизмом, впоследствии — умеренные половые сношения. Никогда раньше у него не было никаких извращенных половых ощущений или влечений. Он вел уединенный образ жизни, в свободное время занимался чтением (популярных книг, рыцарских романов, сочинений Дюма и др.). Спиртными напитками не злоупотреблял. Только изредка приготовлял себе нечто вроде пунша, что вызывало у него

половое возбуждение.

За последние годы вместе со значительным ослаблением полового влечения у него под влиянием спиртных напитков появлялись «проклятые, безумные мысли» и он ощущал желание показывать половые органы женской публике.

Если ему предоставлялась к этому возможность, то он чувствовал теплоту, сердце начинало усиленно биться, кровь приливала к голове и он не мог уже противостоять своему влечению. В это время он ничего другого не видел и не слышал, весь поглощенный своими ощущениями. После этого он нередко бил кулаками свою безумную голову и твердо решал никогда этого больше не делать, но бредовые идеи возвращались все снова и снова.

Во время акта эксгибиционизма его пенис находился в состоянии неполной эрекции, эякуляция при этом никогда не наступала; при половом акте она совершалась тоже очень медленно. Достаточно было ему во время акта эксгибиционизма посмотреть на свои половые органы, чтобы у него появилось сладострастное ощущение, сопровождаемое мыслью, что это зрелище должно быть в высшей степени приятно женщинам, так как ведь и он охотно смотрит на женские половые органы; половой акт он мог совершить только в том случае, если женщина была к нему очень предупредительна. В противном случае он предпочитал заплатить ей деньги и уйти, ничего не сделав.

В своих эротических сновидениях он эксгибировал перед красивыми женщинами.

Судебно-медицинская экспертиза признала в обвиняемом наследственно-психопатическую личность, высказалась за импульсивный характер инкриминируемых ему поступков и сделала еще одно в высшей степени интересное заключение, а именно что влечение к алкоголю, появлявшееся периодически у вообще трезвого и бережливого пациента, имело в основе своей также патологический характер. То, что Б. во время своих приступов находился в состоянии психического угнетения, как бы спутанности, и весь отдавался во власть своих извращенных сексуальных образов, это вполне ясно доказывает состав преступления. Этим объясняется, между прочим, то, что он увидел приближение полицейского только тогда, когда уже было поздно бежать. В этом случае наследственного дегенеративно-импульсивного эксгибиционизма интересным является то, что извращенное половое влечение пробуждалось из скрытого состояния под влиянием алкоголя.

Еще пять случаев см.: *Ruland.* — Psychiatr. Bladen, Bd. XI, Lieferg.

4 (дегенеративные, имбецильные субъекты, эксгибиционизм неимпульсивного характера).

Приведенные факты решительно говорят в пользу того предположения, что эксгибиционизм в качестве сексуальной демонстрации имеет психопатологическое значение.

Существует еще одна очень интересная в судебно-медицинском отношении разновидность эксгибиционизма, которая также развивается на невротически-дегенеративной почве и вызывается ослаблением потенции при одновременном усилении полового влечения (половая гиперестезия); речь идет о так называемых *фроттёрах.*

В качестве примера приведем три наблюдения, взятые у Маньяна (указ. соч.).

Наблюдение 219. Д., 44 лет, отягощенный субъект, алкоголик, страдает сатурнизмом, до последнего года много онанировал, часто рисовал порнографические картинки и показывал их своим знакомым. Нередко, оставаясь один дома, одевался в женское платье.

В последние два года со времени потери потенции у него появилась потребность находиться в толпе во время сумерек, обнажать свой член и плотно прижимать его к заду женщины.

Однажды его поймали на месте преступления, и он был присужден к 4 месяцам тюремного заключения.

Жена его содержала молочную торговлю. Не раз он не мог удержаться от того, чтобы не опустить свои половые органы в горшок, наполненный молоком. При этом он испытывал сладострастное ощущение «как бы от прикосновения к бархату».

У него хватало цинизма употреблять это молоко для себя и для продажи.

В тюрьме у него развился алкогольный бред преследования.

Наблюдение 220. М., 31 года, 6 лет женат, отец четырех детей, с тяжелой невропатией, страдает временами меланхолией; 3 года назад жена застала его в тот момент, когда он, переодетый в шелковое платье, мастурбировал. Однажды его поймали в магазине, когда он «терся» около одной дамы. Он казался глубоко огорченным, высказывал желание, чтобы его сурово наказали за этот порок, который он, впрочем, считал непреодолимым.

Наблюдение 221. Д., 33 лет, субъект с тяжелой

наследственностью, был застигнут у места остановки омнибусов в тот момент, когда он терся своим членом об одну даму. Он обнаружил глубокое раскаяние, но уверял, что при виде зада какой-нибудь дамы его неудержимо влечет совершить этот акт, причем он теряет ясность сознания и не знает, что делает.

Помещен в психиатрическую больницу.

Наблюдение 222. Фроттёр. Ц. родился в 1850 г., в прошлом вел безупречную жизнь, происходит из хорошей семьи, частный служащий, материально хорошо обеспечен, без тяжелой наследственности. В 1873 г. овдовел после непродолжительного супружества. Уже давно стали замечать, что в церкви он прижимается сзади к женщинам — одинаково к молодым и к старым и трется около их турнюров. За ним стали следить и в конце концов поймали его на месте преступления. Ц. казался сильно расстроенным, пришел в отчаяние по поводу случившегося, чистосердечно сознался во всем и просил, чтобы его простили,

так как иначе ему ничего другого не остается, как наложить на себя руки.

Уже два года, как его преследует эта несчастная склонность пробираться в толпу в церкви, около театральных касс и т. д., прижиматься сзади к женщинам и тереться около их развевающихся юбок; при этом он доходил до оргазма и эякуляции.

Ц. утверждает, что никогда не занимался онанизмом и ни в каком отношении не обнаруживал полового извращения. Со времени ранней смерти своей супруги он удовлетворял свою интенсивную половую потребность случайными любовными связями: к домам терпимости и проституткам он всегда чувствовал отвращение. Влечение заниматься «трением» появилось у него внезапно, 2 года назад, когда он случайно находился в церкви. И хотя он понимал, что это неприлично, однако он не мог удержаться, чтобы не последовать тотчас же своему влечению. С этого времени ягодицы женщин приводили его в такое возбуждение, что его тянуло найти где-нибудь случай, чтобы потереться о них. В женщине его привлекал только турнюр, все остальное в ее одежде и в ней самой было для него совершенно безразлично; точно так же его мало интересовало, была ли женщина молода или стара, красива или безобразна. К естественным половым отношениям его уже больше не тянуло. В последнее время желание «тереться» сделалось также предметом эротических сновидений.

Во время указанного акта он вполне сознавал окружающее и старался действовать по возможности незаметно. После акта он

всегда испытывал стыд за свой поступок.

Экспертиза не обнаружила никаких следов душевной болезни или умственной слабости, но нашла признаки половой неврастении от полового воздержания (?), на что, между прочим, указывало то обстоятельство, что одного соприкосновения даже необнаженных половых органов с фетишем было достаточно, чтобы вызвать эякуляцию. По всей вероятности, Ц. дошел до своего занятия таким образом, что на почве половой слабости, повышенного полового влечения и недоверия к своей потенции случайное совпадение впечатления от женского зада с половым возбуждением привело к ассоциативной связи между первым и вторым, так что впечатление приобрело значение фетиша.

Вопрос о том, можно ли отнести этих фроттёров (как дегенеративных субъектов, страдающих временным или постоянным повышением полового чувства и ослабленной вследствие каких-либо причин потенцией) просто к группе эксгибиционистов, или же их нужно считать фетишистами — как полагает Гарнье (Les Fetichistes. P-73), — этот вопрос не может быть окончательно решен из-за малого количества имеющихся наблюдений.

Происходит ли при этом обнажение половых органов или нет, это не имеет решающего значения, так как все зависит от степени оргазма, могущего достигнуть высоты сладострастного экстаза, и от внешних условий, благоприятствующих удовлетворению этого отвратительного влечения.

В общем, против взгляда Гарнье относительно фетишизма фроттёров говорит то обстоятельство, что до сих пор ни в одном случае патологического фетишизма половые органы и соседние части не играли роль фетиша.

Проще всего объяснить указанное явление таким образом, что это есть акт мастурбации на теле женщины у субъекта с половой гиперестезией и недоверием к своей потенции, причем вполне понятно, почему акт совершается сзади, а не спереди (ср. наблюдение 219). Но то, что здесь может играть роль и фетишизм, в пользу этого говорит наблюдение 220, где, очевидно, существовал фетишизм шелка. По всей вероятности, жена больного ходила в шелковом платье, и целью бесстыдного поступка было платье, а не ягодицы. Точно так же и в наблюдении 222 поступок был, по-видимому, вызван турнюром, а не соответствующей частью тела.

В качестве действий, нарушающих общественную нравственность и подлежащих поэтому наказанию, можно причислить сюда и случаи *осквернения статуй;* Моро (указ. соч.)

описал целый ряд таких случаев из древности и из современной жизни. К сожалению, описание их носит несколько анекдотический характер, так что трудно составить себе о них правильное мнение. Во всяком случае, они производят впечатление чего-то патологического; такова, например, история об одном молодом человеке, который пользовался для удовлетворения своей страсти статуей Афродиты Праксителя (об этом случае сообщают^ Луциан и св. Климент Александрийский), далее случай Клизифа, который осквернил статую богини в Самосском храме, приложив предварительно кусок мяса к известному месту. Из нового времени аналогичный случай сообщает журнал «L'evenement«оТ 4 марта 1877 г.: один садовник влюбился в статую Венеры Милосской и был пойман во время попытки совершить над статуей половой акт. Подобные случаи, несомненно, находятся в этиологической связи с ненормально усиленным сексуальным влечением и с одновременным ослаблением потенции, или недостатком решимости для нормального полового акта, либо отсутствием к этому благоприятных условий.

То же можно сказать и о так называемых «вуайерах», то есть людях, которые настолько циничны, что нуждаются в зрелище полового акта для того, чтобы усилить собственную потенцию или дойти до оргазма и эякуляции при виде полового возбуждения женщины.

Не имея возможности по различным соображениям останавливаться здесь на этом моральном заболевании, я удовольствуюсь ссылкой на книгу Кофиньона «Развращенность в Париже». Разоблачения, которые содержатся в этом сочинении в области половой извращенности, а также полового извращения, возбуждают настоящий ужас.

Наблюдение 223. X., около 58 лет, происходит от здоровых, по-видимому, родителей. Имеет брата, очень уважаемого коммерсанта, обладающего энергичным характером. Уже в молодости X. был очень изнежен родителями; он изучил ювелирное дело и побывал по делам во всех столицах Европы. X. всегда отличался мягким, ленивым характером, особенных способностей не обнаруживал, любил роскошный образ жизни. Пациент сам сообщает, что с 10 лет занимался онанизмом и даже взаимной мастурбацией с такими же мальчиками, как он; напротив, к женщинам у него издавна было резкое отвращение, так что он не мог понять, как может кому-нибудь нравиться женщина; до 22 лет он, по собственному его признанию, не мог совершить полового акта, несмотря на неоднократные попытки, так как в самый момент акта он чувствовал такой страх и отвращение, что его прямо-таки начинало тошнить.

На 23-м году ему случилось однажды в Париже присутствовать

при самых непринужденных сценах, происходивших между его друзьями и девицами; это зрелище, как он сам рассказывает, положительно опьянило его: он испытал такое чувство блаженства, какого никогда раньше не знал, причем у него несколько раз произошла эякуляция. Под влиянием уговоров и насмешек со стороны друзей он несколько раз пытался совершить половой акт, но, несмотря на содействие женщин, совершенно безрезультатно; напротив, это вызывало у него еще большее отвращение. С этого времени он искал удовлетворения исключительно в зрелище циничных сцен, в которых, однако, обязательно должны были принимать участие вместе и мужчины и женщины; всеми законными и незаконными путями он старался найти такие зрелища; проделывал отверстия в дверях, за которыми он подозревал что-либо подобное, или пытался получить это удовольствие за деньги. При этом он всегда чувствовал сладострастное ощущение и доходил до оргазма и эякуляции, хотя и без эрекции. Сознавая ненормальность своего поведения и следуя совету врачей, пациент неоднократно пытался перейти к нормальным половым отношениям, но каждый раз единственным результатом было разочарование и отвращение.

На 28-м году пациент вступил в брак по расчету — для улучшения своего материального положения. Он устроился в X. в качестве коммерсанта и начал вести широкий, роскошный образ жизни. Половые сношения с женой, которая не отличалась особенной страстностью и к которой он вообще относился хорошо, были для него очень тягостны и удавались ему лишь в редких случаях, и то только тогда, когда он с закрытыми глазами воображал себе при этом циничные сцены между мужчиной и женщиной. После рождения своего единственного ребенка он, с согласия своей жены, совершенно прекратил с нею половые сношения под предлогом, что это вредит его здоровью, и стал искать удовлетворения исключительно в зрелище циничных актов и поз; для этого он не жалел каких угодно жертв, ибо испытывал при этом несказанное удовольствие.

С падением его благосостояния он уже не мог доставлять себе этого удовольствия в желательных размерах; поэтому он снова обратился к онанизму, которым и стал заниматься без всякой меры, так что здоровье его все более и более расстраивалось.

В момент знакомства автора с пациентом последнему было 58 лет, это был человек высокого роста, крепкого сложения, но с необычайной нервной раздражительностью, робкий до лености и щедрый до мотовства во всем, что могло обещать удовлетворение его страсти. Физически он был крепко сложен и имел широкие бедра. Склонность к ожирению.

Больной жаден до всевозможного рода наслаждений, и если речь идет об удовлетворении чувственных влечений, то он не может себе отказать даже в малейшем пустяке. Умственное состояние: память сравнительно хорошо сохранена, способность суждения ослаблена; больной легко поддается всякого рода предвзятым мнениям. Он суеверен, изящен до щегольства, побит пестрые костюмы и дорогие украшения; был ленив и беззаботен до тех пор, пока его блестящие когда-то дела шли хорошо, и тотчас же впадал в отчаяние, если наступало малейшее стеснение в делах. А когда материальное расстройство сделалось длительным, умерла его жена и он должен был вести одинокий и стесненный образ жизни, то стал предаваться бесстыдным действиям над мальчиками и девочками, на чем его несколько раз ловили. В конце концов у него развилось слабоумие, и приблизительно на 60-м году он умер от инсульта.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ И ЭРОТИЧЕСКОЕ УБИЙСТВО

(Австрия. Уголовный кодекс, § 125, 127; проект, § 192 (259). Германия. Уголовный кодекс, § 177)

Под изнасилованием законодатель разумеет такого рода внебрачное половое сношение, которое совершается либо с девушкой моложе 14 лет, либо с взрослой женщиной при условии угрожающих или прямо насильственных действий над нею или же в случае, когда она находится в бессознательном и беззащитном состоянии. Введение пениса или по крайней мере соприкосновение половых органов (Шюльце), безусловно, требуется для состава преступления. В настоящее время очень часто встречается изнасилование детей. Гофман (Gerichtliche Medizin. I, 153) и Тардье (указ. соч.) сообщают ужасные факты.

Последний пишет, что с 1851 по 1875 г. включительно во Франции был вынесен приговор по 22 017 делам об изнасиловании; в их числе было 17 657 дел об изнасиловании детей.

Изнасилование предполагает наличие резко повышенного полового влечения — либо под влиянием алкоголя, либо под влиянием других факторов. Чтобы нравственно здоровый человек мог совершить такое, во всяком случае жестокое, преступление, представляется невероятным. Ломброзо (Goltdammers Archiv) полагает, что большинство лиц, совершающих изнасилование, принадлежат к категории дегенератов; в особенности это относится к тем случаям, когда изнасилованию подвергаются дети и старые женщины. Он утверждает, что у многих преступников этого рода он находил признаки вырождения.

И действительно, очень часто изнасилование является

импульсивным актом наследственно отягощенных имбецилов, которые при этом нередко не обращают даже внимания и на кровное родство.

Вполне возможны и действительно наблюдались случаи совершения этого преступления при бешенстве, сатириазе, эпилепсии.

Вслед за изнасилованием может иметь место убийство жертвы. При этом убийство либо является непредвиденным заранее актом и имеет целью устранить единственного свидетеля преступления, либо оно совершается под влиянием сладострастия (см. выше). Только к случаям последнего рода подходит выражение «эротическое убийство».

Побуждения к убийству под влиянием сладострастия были уже описаны нами раньше. Приведенные при этом примеры характеризуют обычный образ действий при этих преступлениях. Мысль о том, что произошло эротическое убийство, появляется тогда, когда повреждения половых органов имеют такие размеры и такой характер, что их нельзя объяснить одним только насильственным половым актом, и в особенности в тех случаях, когда у жертвы вскрыты полости тела или вырваны органы (кишки, половые органы).

У убийцы-эротомана, находящегося в психопатическом состоянии, по-видимому, никогда не бывает сообщников.

Наблюдение 224. Слабоумие, эпилепсия. Покушение на изнасилование. Смерть жертвы.

27 мая 1888 г. вечером 8-летний мальчик Блазйус играл со своими сверстниками вблизи деревни С. Мимо них проходил какой-то незнакомый мужчина, который и заманил мальчика в лес.

На следующий день труп мальчика был найден в овраге. У трупа был вскрыт живот, имелась рана в области сердца и две колотые раны на шее.

Так как еще 21 мая какой-то человек, по приметам подходивший к описанию убийцы, пытался сделать то же самое с 6-летней девочкой, что ему не удалось только благодаря случайности, то было заподозрено эротическое убийство.

Установили, что труп лежал с согнутыми ногами и был прикрыт только рубашкой и нагрудником, далее, что на мошонке имелась длинная резаная рана.

Подозрение в убийстве пало на одного сельского рабочего Э.,

однако при очной ставке с детьми не удалось установить тождество его с тем незнакомцем, который завлек мальчика в лес. Кроме того, он сослался на свое алиби, что подтвердила его сестра.

Но благодаря энергичным поискам жандармерии удалось собрать ряд новых улик, и в конце концов Э. сознался.

Девочку, которую он заманил в лес, он бросил на землю, обнажил ее половые органы и хотел ее изнасиловать. Но так как у нее была сыпь на голове и так как она страшно кричала, то сладострастный порыв его угас и он убежал.

Мальчика он завлек в лес под предлогом, что он раздобудет для него птичьи гнезда. В лесу у него появилось желание изнасиловать мальчика. Так как последний не хотел снять штаны, то он стащил их с него, а когда мальчик начал кричать, нанес ему две колотые раны в шею. Затем он провел над лонным бугром разрез, чтобы получилась щель наподобие женских половых органов, через которую он мог бы удовлетворить свою похоть. Но так как тело ребенка быстро сделалось холодным, то у него пропало желание; он вытер нож и руки о труп и бросился бежать.

Как только он увидел, что мальчик мертв, его обуял страх и эрекция прекратилась.

Во время допроса Э. вел себя апатично и играл четками. Он утверждал, что действовал в состоянии слабоумия. Он, дескать, не может понять, как он мог совершить такое преступление. По-видимому, это у него в крови, ибо часто он делается безумным, доходит почти до припадков. Прежние работодатели сообщают, что он временами становился оцепенелым, безучастным ко всему, по целым дням не работал, избегал людей.

Отец его рассказывает, что Э. учился с трудом, в работе не обнаруживал никакой ловкости и иногда бывал до того странным, что его не решались наказывать. В такое время он ничего не ел, убегал даже из дома и скитался неизвестно где целыми днями.

В эти периоды он производил впечатление человека, у которого в голове все спуталось, лицо его искажалось, и он говорил бессвязные фразы.

Уже будучи юношей, он иногда мочился в постели; случалось также, что он приходил из школы с мокрым или замаранным в кале платьем. Во сне он вел себя до того беспокойно, что около него нельзя было спать. Товарищей у него никогда не было.

Жестоким, злым или безнравственным он не был.

Аналогичные показания дает мать: она сообщает, что у Э. на 5-м году жизни были в первый раз судороги и что он однажды в течение 7 дней не мог говорить. Приблизительно на 7-м году у него однажды были судороги в течение 40 дней, кроме того, наблюдалась водянка. Впоследствии его тоже часто «ломало» во сне, со сна он много говорил, и нередко после того постель его оказывалась мокрой.

Временами с ним положительно нельзя было сладить. Но так как мать не знала, порочность это или болезнь, то она не решалась наказывать его.

Со времени судорожных приступов, происходивших на 7-м году, мальчик настолько отстал в умственном отношении, что не мог даже заучить обыкновенные молитвы; кроме того, он сделался очень раздражительным.

Соседи, бургомистр, учитель — все подтвердили, что Э. был человеком странным, умственно слабым, раздражительным, впадавшим временами в какое-то своеобразное состояние, — по-видимому, в состояние психической подавленности.

Обследование преступника, произведенное судебными врачами, дало следующие результаты:

Э. высокого роста, худощав, истощен, окружность черепа не больше 53 см. Череп ромбической формы, с круто спадающим затылком.

Черты лица лишены интеллигентности, взор неподвижен, без выражения, общий вид вялый, небрежный, движения медлительны, угловаты. Половые органы развиты нормально. В общем, Э. оставляет впечатление тупости и слабоумия.

Признаков вырождения, ненормальностей в физиологическом плане, расстройств двигательной и чувствительной сферы у Э. не обнаружено. Происходит он от вполне здоровых родителей. О судорогах, недержании мочи он ничего не знает, но рассказывает, что за последние годы у него стали появляться припадки головокружения и «тупоумия».

Свое преступление он вначале совершенно отрицал. Затем он с сокрушенным видом во всем сознался и откровенно разъяснил свой поступок следователю. Раньше у него никогда не являлось подобных мыслей.

Э. давно уже занимается онанизмом. Он онанирует чуть не дважды в день. Из-за недостатка решимости он не мог ни разу

отважиться на совершение полового акта с женщиной, хотя содержание его эротических сновидений составляли исключительно картины подобных сношений. Ни во сне, ни наяву у него никогда не было извращенных влечений, в частности, превратных или садистских. Вид избиваемых животных никогда не привлекал его. Когда он заманил девочку в лес, он имел в виду удовлетворить с ее помощью свою половую страсть, но как случилось все то, что он совершил с мальчиком, — этого он не может объяснить. По всей вероятности, он был тогда вне сознания. После убийства он со страха не мог спать всю ночь; чтобы облегчить совесть, он уже дважды исповедовался. Он боялся только, чтобы его не повесили. Но этого не должны с ним сделать, ибо он действовал в состоянии слабоумия.

Почему он разрезал мальчику живот, он не мог сказать. Ему даже и в голову не приходило рыться в его внутренностях, нюхать их и т. п. Он утверждает, что на следующий день после покушения на изнасилование девочки и в ночь после убийства мальчика у него были приступы судорог. Во время совершения преступления он, правда, был в сознании, но совершенно не понимал, что делает.

Его сильно мучают головные боли, он не выносит жары, жажды, спиртных напитков; бывают часы, когда в голове у него все спутано. Исследование интеллекта обнаруживает слабоумие в резкой степени.

Экспертиза (доктор Каупшер в Граце) высказалась в том смысле, что у обвиняемого имеет место имбецильность и эпилептический невроз и поэтому вполне вероятно, что он совершил свое преступление, о котором, кстати сказать, у него сохранилось лишь общее воспоминание, в состоянии психического угнетения, обусловленного неврозом (преэпилептическое состояние). Во всяком случае, его следует признать в высшей степени опасным для общественного спокойствия, почему он и подлежит помещению в психиатрическое заведение, по всей вероятности, на всю жизнь.

Наблюдение 225[1]. Изнасилование маленькой девочки идиотом. Смерть жертвы.

3 сентября 1889 г. дочь рабочего Анна, 10 лет, отправилась в церковь в соседнюю деревню, расположенную на расстоянии 1/2 часа ходьбы. Девочка домой не вернулась, а на следующий день ее нашли мертвой в 50 шагах от дороги, в роще, лежащей лицом к земле, причем рот оказался заткнутым мхом, задний проход имел следы изнасилования.

Подозрение в преступлении пало на 19-летнего рабочего К.,

который еще 1 сентября пытался заманить девочку в лес, когда та возвращалась из церкви.

Будучи арестован, К. вначале отрицал свою вину, но затем откровенно во всем сознался. Он убил ребенка путем удушения и, когда тело перестало «биться», совершил извращенный акт в задний проход ребенка.

Во время предварительного следствия ни у кого не возникло вопроса относительно состояния умственных способностей преступника, совершившего такое чудовищное деяние. Защитник, назначенный незадолго до судебного разбирательства, подал заявление о необходимости обследования психического состояния К., но это заявление было оставлено без последствий, «ибо акты настоящего дела не дают никаких оснований предполагать душевное расстройство».

Энергичному защитнику удалось случайно узнать, что прадед и тетка преступника были душевнобольными, что отец его был с ранней юности пьяницей и плохо владел одной половиной тела. Факты эти были оглашены на суде.

Но и это не произвело никакого впечатления. Наконец защитнику удалось побудить судебного врача высказаться за помещение К. на 6 недель в психиатрическое заведение для обследования.

Там врачи дали заключение, что К. — идиот, которому не могут быть вменяемы его поступки.

Он не проявлял ни к чему интереса, был апатичен, тупоумен, забыл почти все, что учил в школе, ни в голосе, ни в мимике не обнаруживал никогда сострадания, раскаяния, стыда, надежды, страха за будущее. Лицо оцепенелое, как маска.

Череп ненормальный, шаровидный. Имелись указания на то, что уже в утробной жизни и в первые годы развития наступило заболевание мозга.

На основании этой экспертизы К. был помещен в психиатрическое заведение для продолжительного пребывания.

Только благодаря неутомимым стараниям защитника, честно выполнившего свой долг, правосудие избежало осуждения на смерть невинного человека и честь культурного общества не была запятнана несправедливой казнью.

Наблюдение 226. Эротическое убийство. Неразвитость нравственного чувства.

Мужчина средних лет, родился в Алжире, происходит, по-видимому, от арабов. Несколько лет служил в колониальных войсках, затем ездил матросом между Алжиром и Бразилией и, наконец, в надежде на легкий заработок поселился в Северной Америке. В кругу, где он вращался, его считали лентяем, бездельником, человеком, склонным к насилию. Несколько раз он подвергался наказанию за бродяжничество; его считали вором самой низкой пробы и говорили, что он общается с подонками, проститутками и совершает извращенные половые акты. Неоднократно он кусал и бил женщин, с которыми имел половой акт. По приметам, его считали похожим на того неизвестного человека, который ходил ночью по улицам и наводил страх на женщин, бросаясь на них с объятиями и поцелуями, и который получил прозвище «Джек-целователь».

Он был высокого роста (более 6 футов), слегка сутуловат. Низкий лоб, необыкновенно выдающиеся скуловые кости, крупные челюсти, маленькие, близко расположенные друг к другу налитые кровью глаза, острый взгляд, большие ступни, руки с птичьими когтями, покачивание при походке. На плечах и руках обильная татуировка, между прочим, пестрое изображение женщины «Фатимы», что очень странно встретить у арабов из алжирских войск, так как они считают постыдным татуировку женских изображений; проститутки же там татуируют на своем теле крест.

По своему виду М. производит впечатление человека, стоящего на очень низкой ступени интеллигентности. Он был уличен в убийстве пожилой женщины, с которой провел вместе ночь. На трупе оказалось много ран, из которых некоторые поражали своей длиной; полость живота была вскрыта и оттуда вырезаны части кишок, яичник; другие части валялись около трупа. Некоторые раны имели форму креста, одна — форму полумесяца. Свою жертву убийца удушил. И факт убийства, и склонность к подобным актам М. отрицал (Dr. *Mac-Donald.* — Clark university, Mass.).

НАНЕСЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ РАН, НАНЕСЕНИЕ ВРЕДА, ИСТЕЗАНИЕ ЖИВОТНЫХ НА ПОЧВЕ САДИЗМА

(Австрия, § 151, 411; Германия, § 223 (телесные повреждения).

Австрия, § 85, 468; Германия, § 303 (нанесения вреда).

Австрия. Полицейское распоряжение, проект, § 478.

Германия. Уголовный кодекс, § 360 (истязание животных)

Кроме эротического убийства, описанного нами выше, существуют более легкие проявления садистских наклонностей,

как, например, нанесение уколов, сечение и пачканье женщин, сечение мальчиков, истязание животных и т. п.

То, что подобные случаи имеют характер глубоко дегенеративный, доказывается фактами, приведенными нами в общей части. Дегенераты этого рода, если они не умеют подавлять в себе своих извращенных склонностей, подлежат помещению в психиатрические заведения.

Наблюдение 227. Садизм у супруга (?).

28 июня 1886 г. Э. Р., 20 лет, жена переплетчика, обратилась в полицию с заявлением, что в ночь на 27 июня муж ее, Карл Р., напившись, избил ее кнутом за то, что она неудачно сделала какую-то переплетную работу; побои были так сильны, что она не могла встать с постели.

В полицейском дознании сказано: «Из обстоятельств дела выясняется, что Э. Р. подверглась *необыкновенно жестокому, прямо нечеловеческому истязанию,* которое могло быть совершено только умственно ненормальным человеком. Обе верхние конечности, спина, живот, правая ягодица, задняя поверхность бедер, даже лицо и шея — все усеяно бесчисленным множеством длинных полос шириною в палец...»

Пострадавшая находилась на 4-м месяце беременности. Она заявила, что неоднократно во время истязания муж стягивал ей поясом руки и ноги и что он не щадил ее даже при болезни.

Судебно-медицинское обследование, произведенное 15 июля, могло подтвердить большую часть того, что было найдено полицейским врачом, и констатировало многочисленные следы нанесенных ран. Экспертиза подчеркнула необычайную жестокость преступления и нашла, что болезнь и потеря трудоспособности у Э. Р. продолжатся по меньшей мере 20 дней.

При более подробном расспросе Э. Р. показала следующее:

«Я вышла замуж за Р. 17 января 1886 г. Очень скоро обнаружилось, что муж мой отличается необыкновенной грубостью и жестокостью. Он не только ежедневно бил меня кулаками, но нередко прибегал даже к кнуту.

В качестве примера могу привести факт, имевший место 10 июня, когда муж ударил меня металлической головкой кнута и глубоко поранил мне голову; в другой раз ему вздумалось среди ночи, без всякого повода с моей стороны, связать меня поясом и затем высечь; 26 июня я должна была сделать переплетную работу; работа не понравилась ему, и он сек меня

так, что все тело покрылось полосами. И т. д.".

Допрошенный подмастерье показал, что К. Р. постоянно требовал от жены переплетной работы, которую она не могла выполнить; из-за этого у них выходили постоянные ссоры. К. Р- был очень вспыльчив, но вообще производил впечатление человека вполне нормального в умственном отношении.

Одна свидетельница подтвердила, что К. Р. очень часто ссорился со своей женой, кричал на нее и даже дважды выгнал ее за дверь.

Р. — человек грубый, вспыльчивый, несколько сумасбродный.

Обвиняемый оправдывался следующим образом: «Теща и жена всегда доводили меня до такого раздражения, что я не мог более владеть собой; в таком именно состоянии я нанес жене побои... Я — человек очень вспыльчивый и в состоянии гнева не сознаю сам, что делаю.

Главная причина наших ссор — это теща... Связал я жену по рукам и ногам только шутки ради...

Родители мои еще живы, отец — переплетчик и домовладелец. Я учился в народной школе, учебном заведении по подготовке учителей и коммерческой академии. На военной службе я не был. С нового года я сделался самостоятельным переплетчиком».

Полицейское дознание не дало никаких оснований для признания обвиняемого душевнобольным, но было установлено, что Р. отличается крайностями и что он уже однажды был обвинен в нанесении оскорбления одному из своих учеников.

У жены Р., по-видимому, мягкий характер.

На суде — 7 сентября 1886 г. — обвиняемый оправдывался тем, что он терпел от жены постоянные мучения и что она не хотела исполнить даже самую простую работу.

Жена рассказала, что она часто подвергалась нечеловеческим истязаниям со стороны мужа. Однажды он явился ночью домой и потребовал себе салата; так как она не могла удовлетворить этого требования, то он ее избил до крови, затем заставил смыть кровь на полу; при этом он ее снова бил и топтал, а когда она наконец легла в постель, то он еще раз избил ее кнутом по животу и груди. 17 или 18 июня он встал ночью и под предлогом шутки связал ей руки и ноги, так что она чуть не задохнулась и почти лишилась чувств. Несмотря на все ее просьбы, он ее не развязывал и бил ее ладонью по ягодицам. Только спустя

порядочное время он освободил ее из этого мучительного состояния.

26 июня он ударил ее по щеке, толкнул ее доской в живот и затем вечером ушел из дому, заявив, что идет к проститутке. В полночь он вернулся, стащил ее с кровати и заставил голую спать в кухне на холодном полу. После долгих просьб он впустил ее обратно в комнату, велел ей сесть на стул и начал ее бить по животу и груди кнутом. Затем он заставил ее завести стенные часы, а когда она встала, чтобы исполнить это приказание, он начал наносить ей удары по спине и сказал: «Если ты, каналья, пропадешь, вместе с твоим ребенком, то мне от этого мало горя».

После этого она ушла от него и чувствовала себя больной и разбитой в продолжение 3-х недель.

Обвиняемый утверждал, что не все в рассказе жены соответствует истине и что во всем виновата ее собственная строптивость.

Р. был приговорен к 13 месяцам тюрьмы; жалоба на этот приговор была оставлена без последствий.

Наблюдение 228. Садистские действия над мальчиками и девочками, совершенные нравственно неразвитым субъектом.

К., 14 лет 5 месяцев, с необыкновенной жестокостью умертвил маленького мальчика. Следствие обнаружило, что кроме двух убийств К. совершил еще целый ряд (7) истязаний маленьких мальчиков. Все пострадавшие дети были в возрасте от 7 до 10 лет. К. заманивал их куда-либо, снимал с них всю одежду, связывал им руки и ноги, привязывал их к какому-нибудь предмету, затыкал им рот носовым платком и затем начинал их бить палкой, или ремнем, или веревкой — медленно, с остановками на целую минуту, совершенно молча, с улыбкой на лице. Одного мальчика он заставил под угрозой смерти повторить трижды «Отче наш», затем поклясться в том, что он будет молчать, и, наконец, повторять за ним неприличные слова. Другому мальчику он колол иголкой щеки, играл его половыми органами, затем нанес ему несколько уколов в лобковую область и в половые органы, заставил его лечь на живот и топтал его ногами и, наконец, исколол и искусал ему ягодицы. В другой раз он укусил одного мальчика за нос и нанес ему рану ножом. Восьмой его жертвой была маленькая девочка, которую он заманил в лавку к своей матери. Там он напал на нее сзади, зажал ей одной рукой рот, а другой — перерезал горло.

Труп нашли в углу прикрытым угольной пылью и сором, причем голова была отделена от туловища, мясо отделено от костей и

туловище покрыто массой резаных ран. Громадная, зияющая рана проходила по внутренней поверхности левого бедра через половые органы вплоть до брюшной полости. Другая рана шла наискось от fossa iliaca (подвздошная ямка) через весь живот. Одежда и белье были разрезаны и разорваны.

Труп девятой жертвы был найден тоже с перерезанным горлом: из глаз сочилась кровь, область сердца и живот были пронизаны массой колотых ран. Мошонка была вскрыта, яички выпали наружу, головка пениса отрезана.

К. заманил мальчика так же, как и девочку, перерезал ему сначала горло, а затем уже нанес ему раны.

О наследственности К. ничего не известно. На первом году жизни он был очень болен, исхудал до костей. Затем понемногу поправился. За исключением головных болей, головокружения и болей в глазах, он, по-видимому, ничем не болел до 11 лет, когда перенес какую-то «тяжелую болезнь», сопровождавшуюся бредом. Головные боли у него часто возникали внезапно, и с такой силой, что он должен был на некоторое время бросать игру. Когда его спрашивали, что с ним, то он медленно выговаривал в ответ: «Голова, голова!»

Он был непокорным, непослушным ребенком, не поддававшимся воспитанию. Был вспыльчив, резко менялся в настроении, в своих желаниях и утверждениях переходил от одной крайности к другой. Когда ему было 3 года, его однажды нашли держащим в руках петушка и наносящим ему раны ножом. С видом полной искренности он рассказывал всевозможные небылицы. В школе он постоянно нарушал тишину, гримасничал, шептал что-то себе под нос, не слушался учителей, был невежлив. На всякое наказание он смотрел как на несправедливость. Помещенный в исправительную школу, он держал себя нелюдимо, был всегда занят сам собой, недоверчив к окружающим; товарищи не любили его, друзей у него не было. Умственные способности хорошие, легко усваивает и запоминает преподаваемое, проявляет остроумие. Напротив, в области нравственного чувства обнаруживает резкую ущербность. По поводу своих поступков он не проявляет ни тени раскаяния, или сожаления, либо понимания ответственности. Только по отношению к своей матери в нем заметно нечто вроде нежного чувства. Своим преступлениям он не придает особого значения. Он хладнокровно взвешивает шансы на тот или иной приговор, говорит, что к смерти его не могут присудить, так как ему только 14 лет: насколько ему известно, до сих пор еще не вешали 14-летних мальчиков, не начнут же именно с него. Что касается мотивов его преступлений, то от него ничего нельзя было узнать по этому поводу. Один раз он объяснил свою жестокость тем, что начитался о пытках, которым индейцы

подвергают своих пленных, и ему захотелось проделать то же самое. Однажды он даже для этой цели хотел убежать к индейцам. Если он подстерегал жертву, то представлял себе при этом всевозможные жестокости по отношению к ней.

После таких дней он пробуждался с головокружением и тяжестью в голове и оставался в таком состоянии целый день.

В области физических ненормальностей отмечены только необыкновенно крупные размеры пениса и яичек. На лобке много волос; вообще половые органы вполне развиты, как у взрослого мужчины. На эпилепсию нет никаких явных указаний (Dr. *Mac-Donald.* — Clark university, Mass.).

Наблюдение 229. Садизм. Нанесение ран. Б., 17 лет, жестянщик, купил 4 января 1893 г. длинный нож, отправился к проститутке, с которой неоднократно находился в половых сношениях, дал ей денег и заставил ее раздеться и сесть на край кровати. Затем он нанес ей ножом три легкие раны в грудь и живот; при этом пенис его находился в состоянии эрекции. Когда на крик проститутки сбежался народ, Б. убежал, но вскоре сам явился в полицию. Сначала он говорил, что нанес раны в борьбе, затем что сделал это без всякой причины. Среди кровных родных в семье отца было много душевнобольных. Сам Б. не обнаруживает признаков невропатического отягощения, не пьет, не болел никогда тяжелыми болезнями, никогда не мастурбировал, половые сношения начал 2 года назад. Половые органы нормальны. На испытании он оказался нормальным в психическом отношении; обнаруживал несомненное чувство стыда по поводу своего поступка. Экспертиза признала, что преступление совершено на сексуальной почве. Преступник был оправдан, несмотря на признание его душевно здоровым *(Contagne.* — Annales medico-psychologiques, 1893, Juillet—Aout).

Наблюдение 230. Истязание на почве садизма. М., 60 лет, миллионер, живет в добром согласии с женой, имеет двух дочерей, 18 и 16 лет. Обвиняется в совращении малолетних и в истязании женщин. Он обыкновенно поджидал своих жертв — трех обнаженных девушек[1] — в доме одной сводницы, где он был известен под именем «Fhomme qui pique» («человек, который колет»)[2]. Там он помещался на софе, закутанный в розовый атласный пеньюар, богато украшенный кружевами. Девушки должны были подходить к нему поодиночке, молча, с улыбкой на устах. Ему давали иголки, батистовые носовые платки и хлыст. Затем одна девушка становилась перед ним на колени, он вкалывал ей до 100 иголок в тело, прикреплял ей к груди носовой платок приблизительно 20 иголками, потом срывал его и начинал хлестать свою жертву, рвать ей волосы на лобке, щипать груди и т. д. Другие две девицы должны были в это время стирать ему пот со лба и принимать различные

сладострастные позы. Наконец, когда возбуждение его достигало максимума, он совершал половой акт со своей жертвой. Впоследствии из соображений экономии он стал истязать свою жертву наедине. Проститутка в конце концов заболела и обратилась к М. за материальной поддержкой, но тот сообщил полиции, что она «вымогает» у него деньги. Полицейское дознание привело к тому, что против М. был начат судебный процесс. Вначале М. отрицал все, но затем, когда его уличили, он выразил удивление, что из-за пустяков поднимают такой шум! По описанию, М. имел безобразную наружность и покатый лоб. Он был приговорен к 6 месяцам тюрьмы, 200 франкам штрафа и к уплате своей жертве 1000 франков вознаграждения (Journal Gil Bias, 1891, 14, 16 Aout; *Eulenburg.* Klinisches Handbuch der Harn- und Sexualorgane, IV. S. 59).

Наблюдение 231. Убийство на почве садизма. Женатый человек 30-летнего возраста заманил одну девушку на колокольню церкви, где он был причетником, и там умертвил ее. Целый ряд улик заставил его сознаться, причем он сообщил еще о другом, аналогичном случае. На обоих трупах были найдены многочисленные резаные и ушибленные раны головы, перелом черепных костей, кровоизлияния на твердой оболочке и в мозгу. На остальных частях тела у трупов не было найдено никаких повреждений, в частности половые органы были совершенно не повреждены.

На белье преступника, который был тотчас же арестован, были найдены семенные пятна. По описанию, Л. обладал привлекательной наружностью, отличался угрюмостью; бороды не имел. Относительно наследственности, предыдущей жизни, половой жизни данных нет.

В качестве мотива преступления он указал «сладострастие самого грубого и отвратительного характера» (Dr. *Mac-Donald.*

— Clark university, Mass.).

См далее убийство на почве садизма в «Rivista sperimentale», 1897, XXIII, p. 702, 1898, XXIV, fasc. 1 *(Kolle.* Ger. Psych. Gutachten. Fall. 4. S. 48).

Рядом со всеми этими ужасными садистскими актами над людьми можно поставить случаи истязания животных, которые описал профессор ветеринарной школы в Берне[1].

1. Повреждение влагалища у 6 коров. Преступник не найден.

2. Смертельное повреждение 4 телят и коз с помощью заостренной палки. Преступник — 19-летний парень, перенесший на 4-м году менингит и сделавшийся после того

имбецилом. Он сознался, что совершил преступление из чувства сладострастия. Признана невменяемость.

3. Неоднократные и многочисленные повреждения влагалища и заднего прохода у коров и коз, совершенные посредством палки 24-летним батраком. Он сознался, что при доении и уходе за этими животными испытывал сильнейшие эрекции, страх и половое возбуждение и что он сперва вводил в соответствующие места животных руки, а затем стал прибегать к палкам. Это, по его словам, делалось им совершенно импульсивно, и именно в те периоды, когда он страдал бессонницей, нервозностью и половым возбуждением. После описанных действий он всегда чувствовал угрызения совести, но одновременно и значительное облегчение, а через некоторое время он повторял снова то же самое. Признана невменяемость.

4. В том же коровнике 18-летний пастух с очень ограниченными умственными способностями, из подражания, совершил такое же преступление над ослом.

В перечисленных случаях истязание животных является, по-видимому, эквивалентом нормального полового акта с женщиной, невыполнимого вследствие каких-либо причин.

В следующем наблюдении описан случай совершенно своеобразный, хотя в психологическом отношении и аналогичный предыдущим случаям; особую окраску этот случай приобретает благодаря роли в нем эрогенной зоны.

Наблюдение 232. X., 24 лет. Родители здоровы, два брата умерли от туберкулеза, сестра страдает периодическими судорогами. Уже в 8 лет у него появлялось своеобразное чувство сладострастия с эрекцией при прижатии живота к парте.

Он стал часто доставлять себе это удовольствие. Впоследствии он занимался взаимным онанизмом с одним товарищем по школе. Первая эякуляция на 13-м году. На 18-м году первая попытка совершить половой акт, причем он оказался импотентным. После этого он продолжал заниматься онанизмом; когда он прочел популярную книжку, в которой последствия онанизма были описаны в ярких красках, у него появились признаки тяжелой неврастении. Водолечение доставило ему облегчение. При новой попытке совершить акт совокупления снова импотенция. Тогда он снова вернулся к онанизму. С течением времени, однако, онанизм перестал его удовлетворять. Эрекцию он мог получить только при виде мучений животных: он брал живых птиц за клюв и махал ими в воздухе. Когда птица при этом приходила в соприкосновение с головкой его члена, у него наступала эякуляция и он испытывал сильнейшее чувство сладострастия (Dr. *Wachholz* — Friedreichs

Blatter fur gerichtliche Medizin, 1892. H. 6. S. 336).

МАЗОХИЗМ И ПОЛОВОЕ ПОДЧИНЕНИЕ

Мазохизм также может при известных обстоятельствах приобрести судебно-медицинское значение, так как современное уголовное законодательство отвергает принцип «volenti non fit injuria» («отказавшийся от своего права не может жаловаться на его нарушение»). В § 4 действующего австрийского кодекса определенно сказано: преступление может быть совершено и по отношению к таким лицам, которые сами соглашались на причиняемый им вред.

Несравненно больший уголовно-психологический интерес представляют случаи *полового подчинения* (см. с. 205). Если чувственность сильно повышена, если, например, человек находится под властью фетишизма и в то же время его нравственная устойчивость понижена, то какая-нибудь алчная или мстительная женщина, к которой его приковывает страстная любовь, может побудить его на самые тяжкие преступления. Примечательный пример этого рода представляет следующий случай.

Наблюдение 233. Убийство семьи под влиянием полового подчинения.

Н., фабрикант мыла из Катании, 34 лет, пользовавшийся раньше хорошей репутацией, в ночь на 22 декабря 1886 г. заколол кинжалом спавшую рядом с ним жену, а затем задушил двух своих дочерей — 7 лет и 6 недель. Сначала Н. отпирался, старался возбудить подозрение против других лиц, наконец чистосердечно сознался и просил, чтобы его казнили.

Н. происходил из здоровой семьи, раньше был здоров, считался дельным и всеми уважаемым коммерсантом, жил в согласии с женой. За последние годы подпал под сильное влияние одной метрессы, которая сумела привлечь его к себе и сделать послушным своим орудием.

Свои отношения к этой госпоже он удачно скрывал и от жены, и вообще от всех окружающих.

Под влиянием своей любовницы он сделался жено- и детоубийцей. Эта чудовищная женщина сумела воспользоваться его слабоволием и безумной страстью, она возбуждала в нем ревность и постоянно указывала ему, что только путем брака он может сохранить связь с нею. После совершения преступления он заставил своего маленького племянника связать его как якобы жертву убийц и потребовал от него молчания, угрожая в противном случае смертью. Когда пришли люди, он пытался

разыграть роль несчастного отца, пораженного горем.

После признания он обнаружил глубокое раскаяние. Во время 2-летнего расследования и на суде, где дело разбиралось несколько раз, он не обнаружил никаких признаков душевного расстройства.

Свою безумную любовь к куртизанке он мог объяснить только своего рода внушением. На жену он никогда не имел поводов жаловаться. Никаких следов ненормально сильного или извращенного полового влечения у него нельзя было найти. Это был примечательный случай преступления, совершенного исключительно под влиянием страсти. Раскаяние, угрызения совести показывали, что он не страдал отсутствием нравственного чувства. Он был признан психически здоровым. Наличие непреодолимого влечения было отвергнуто *(Mandalari.* — II Morgagni, 1890, Febbraio).

Наблюдение 234. Половое подчинение у женщины.

X., 36 лет, имеет 4 детей, происходит от матери, страдавшей тяжелой невропатией, и от отца-психопата; с 5 лет начала заниматься мастурбацией, в 10 лет испытала меланхолический приступ, во время которого ее преследовала мысль, что она за грехи не попадет на небо; после этого она сделалась нервной, возбужденной, стала страдать неврастенией; в 17 лет влюбилась в одного мужчину, но родители воспротивились браку с ним. С этого времени стали обнаруживаться признаки истерии. На 21-м году вышла замуж за человека, много старше нее, обладавшего очень вялым темпераментом; супружеские сношения никогда не доставляли ей удовлетворения, так что после каждого полового акта она испытывала сильнейшее сексуальное возбуждение, которое ей с трудом удавалось успокоить при помощи мастурбации. Ее неудовлетворенное половое влечение доставляло ей ужасные страдания; она все больше и больше предавалась онанизму, заболела истероневрастенией, сделалась капризной и сварливой, в силу чего и без того не особенно горячая привязанность между супругами стала еще более охладевать.

После 9 лет душевных и физических страданий X. поддалась соблазну со стороны одного мужчины, в объятиях которого она нашла наконец то удовлетворение, которого так долго ждала.

Зато ее стало преследовать сознание, что она нарушила супружескую верность; ее пугала мысль, что она сойдет с ума. Не раз она была близка к самоубийству, и только мысль о детях удерживала ее от этого.

Она боялась смотреть прямо в глаза своему мужу, которого она

не могла не уважать за его благородные душевные качества; сознание, что она должна скрывать от него такую ужасную тайну, доставляло ей страшные страдания.

Хотя в объятиях своего любовника она находила полное удовлетворение и испытывала невыразимое чувственное наслаждение, она не раз делала усилия бросить путь греха, но все ее старания были напрасны. Все больше и больше подпадала она под влияние своего любовника, который знал свою власть над нею и злоупотреблял этой властью. Ему стоило только сделать вид, что он хочет ее бросить, чтобы она готова была исполнить все его приказания. Эту привязанность несчастной женщины он эксплуатировал исключительно для удовлетворения своей чувственности, которая с течением времени стала принимать извращенный характер: послушная рабыня не смела отказать ему ни в одном его желании.

Близкая к отчаянию, X. обратилась ко мне за медицинским советом; она заявила, что у нее нет больше сил идти этим терновым путем. Какая-то непреодолимая страсть, внушающая ей самой отвращение, влечет ее к человеку, которого она не любит, но которого она тем не менее не в состоянии бросить. В то же время постоянная боязнь, что ее позорная тайна будет открыта, и мучительное сознание, что она нарушила человеческие и божеские законы, доставляют ей невыносимые страдания.

При всем том она испытывала величайшие муки при мысли, что может лишиться своего возлюбленного, который действительно угрожал этим каждый раз, когда она не исполняла какого-либо его желания. Этим он достигал неограниченной власти над нею, и она делалась послушным орудием в его руках.

Само собой разумеется, что в ужасном случае, описанном в наблюдении 233, и во многих других аналогичных случаях нельзя отрицать наличие вменяемости, так что при современном положении вещей, когда неспециалистам совершенно недоступен тонкий анализ мотивов преступления и когда юристов в угоду логическому формализму систематически держат вдали от всякой психологии, при таком положении вещей нельзя ожидать, чтобы судьи и присяжные придавали значение явлениям полового подчинения, тем более что при половом подчинении самый мотив к совершению наказуемого поступка не является патологическим, а интенсивность того или иного мотива сама по себе не может быть принята во внимание.

Тем не менее в подобных случаях необходимо взвесить, сохранена ли восприимчивость к моральным контрмотивам, или эта восприимчивость утрачена; в последнем случае мы имеем

дело с нарушением психического равновесия.

Не подлежит сомнению, что в этих случаях имеет место приобретенная моральная слабость особого рода, которая оказывает влияние на вменяемость. При преступлениях, совершенных под чьим-нибудь влиянием, наличие полового подчинения должно всегда играть роль смягчающего вину обстоятельства.

НАНЕСЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ, ГРАБЕЖ, ВОРОВСТВО НА ПОЧВЕ ШЕТИШИЗМА

(Австрия, § 190; Германия, § 249 (грабеж); Австрия, § 171 и 460; Германия, § 242 (воровство)

Из общей части (см. соответствующую главу) мы знаем, что патологический фетишизм может быть причиной преступлений. До сих пор описаны случаи отрезания кос, открытого похищения или воровства женского белья, носовых платков, чулок, женской обуви, шелковой ткани. То, что субъекты, совершающие такие преступления, отягощены тяжелым психическим расстройством, не подлежит никакому сомнению. Но для того чтобы принять в том или ином случае отсутствие свободы воли и, следовательно, невменяемость преступника, необходимо доказать, что преступление совершено под влиянием непреодолимого влечения — либо в смысле импульсивного действия, либо в форме слабоумия, делающего невозможным подавление извращенных стремлений.

Подобного рода преступления — в особенности ввиду того, что самый способ их выполнения достаточно своеобразен, что отличает их от простого грабежа и воровства, — требуют во всяком случае судебно-медицинского исследования. Но что такое преступление само по себе может возникнуть и без всякой психопатической подкладки, это доказывают те редкие случаи отрезания косы[1], когда в основе лежит простое корыстолюбие.

Наблюдение 235. П., поденщик, 29 лет, из семьи с тяжелым наследственным предрасположением, экспансивный, раздражительный, занимался с детства онанизмом. На 10-м году жизни ему пришлось однажды видеть, как другой мальчик пользовался для автомастурбации украденными у женщин носовыми платками. Это зрелище сыграло решительную роль в половой жизни П. С12 лет он не мог противостоять потребности доставать носовые платки красивых молодых девушек, для того чтобы с их помощью мастурбировать. Все усилия матери избавить его от этой страсти увещаниями, отниманием похищенных платков и покупкой специально для него других платков оставались напрасными. Начиная с 15-летнего возраста, П. неоднократно судился и подвергался наказанию за кражу

женских носовых платков, но и это не оказывало никакого влияния. Военную службу в Африке он отбыл удовлетворительно. По возвращении во Францию ряд новых приговоров. Потентным он бывал только в том случае, если женщина во время акта держала в руке белый носовой платок. В 1894 г. он счастливо женился; при супружеских сношениях он помогал себе тем, что сам брал в руки платок.

Приступы фетишизма появлялись у него внезапно, пароксизмами, чаще всего в периоды, когда он был свободен от работы. Начинались они общим недомоганием, психическим угнетением и половым возбуждением, сопровождавшимся влечением к онанизму. Затем это возбуждение ассоциировалось с представлением о носовом платке, которое овладевало всеми его мыслями и чувствами. Если в это время ему попадался на глаза женский носовой платок, то он начинал испытывать страх, чувство удушения, у него возникало сердцебиение, дрожь, пот и он, несмотря на понимание предосудительности своего поступка, готов был на все, даже на открытый грабеж, лишь бы овладеть объектом своего желания и прекратить этот мучительный приступ. В связи с одним таким преступлением П. был арестован. Судебные врачи установили его невменяемость. Во время испытания он был свободен от приступов. Он выражал надежду, что впоследствии справится со своей болезнью. Число украденных им платков он определял в 100 штук. Он пользовался платком только один раз и затем бросал его *(Magnan. Thoinot.* Attentats aux moeurs. P. 428).

Наблюдение 236. Фетишизм носового платка. Повторные кражи носовых платков у женщин.

Д., 42 лет, слуга, холост, 11 марта 1892 г. был помещен властями для обследования психического состояния в окружную психиатрическую лечебницу в Деггендорфе (Нижняя Бавария).

Д. — субъект крепкого сложения, упитан, ростом в 1,62 метра. Череп субмикроцефалический, выражение лица неподвижное. Глаза с несомненным невропатическим выражением. Половые органы вполне нормальны. Кроме умеренной неврастении и повышения коленных рефлексов, никаких других ненормальностей в нервной системе Д. не заметно.

В 1878 г. Д. был в первый раз осужден судом к полутора годам тюрьмы за грабеж и воровство носовых платков.

В 1880 г. он украл на одном дворе у торговки носовой платок и получил за это 14 дней тюрьмы.

В 1882 г. он покушался вырвать носовой платок из рук у одной крестьянской девушки, шедшей по большой дороге. Его

привлекли к суду по обвинению в покушении на грабеж, но из-за заключения врачебной экспертизы, констатировавшей у него высокую степень слабоумия и болезненное расстройство умственной деятельности в момент совершения преступления, он был оправдан.

В 1884 г. за грабеж женского носового платка, совершенного при аналогичных условиях, он был осужден судом присяжных к 4 месяцам тюрьмы.

В 1888 г. он на рыночной площади вытащил носовой платок из кармана одной девушки, 4-месячное тюремное заключение.

В 1889 г. за аналогичный грабеж осужден на 9 месяцев тюрьмы.

8 1891 г. то же преступление — 10 месяцев тюрьмы. Кроме того, в списке судимостей имеется еще несколько мелких наказаний и штрафов за недозволенное ношение ножей и бродяжничество.

Д. воровал носовые платки исключительно у молодых девушек, по большей части днем, в присутствии свидетелей, и притом так неловко и необдуманно, что тут же попадался. Ни в одном документе нет указаний, чтобы Д. украл когда-либо какой-нибудь другой, хотя бы самый незначительный предмет.

9 декабря 1891 г. Д. был освобожден из тюрьмы. 14-го он был снова пойман на месте преступления; в толпе на ярмарке он пытался вытащить у одной крестьянской девушки носовой платок из кармана.

Он был тут же арестован, причем у него нашли еще два белых носовых платка, также принадлежавших женщинам.

При прежних арестах у него тоже находили целые коллекции женских платков (в 1880 г. — 32, в 1882 г. — 14, из которых 9 он носил на голом теле; в другой раз в том же году — 25. В 1891 г. при обыске найдено на теле 7 белых носовых платков).

На допросе он всегда объяснял свои кражи тем, что был пьян и хотел пошутить. Относительно других платков, которые у него находили, он утверждал, что купил их, или выменял, или получил от проституток, с которыми находился в связи.

При обследовании Д. оказался субъектом в высшей степени ограниченным в умственном отношении, и притом сильно истощенным из-за бродяжничества, пьянства и мастурбации, но в то же время добродушным, послушным и неленивым.

О своих родителях он не имеет никаких сведений, рос без всякого присмотра, с раннего детства жил милостыней, в 13 лет

стал конюхом, в 14 — сделался жертвой педераста. Утверждает, что половое влечение проснулось в нем рано и в сильной степени, что он с ранних лет узнал о половых сношениях и начал предаваться онанизму. Когда ему было 15 лет, один кучер сообщил ему, что с помощью носовых платков молодых девушек можно доставить себе большое наслаждение, если приложить их к половым органам. Он сделал опыт, который подтвердил верность этого сообщения. С тех пор он всеми силами старался доставать такие платки. Страсть его была так сильна, что если он видел какую-нибудь привлекательную девушку, которая держала в руках носовой платок или у которой носовой платок торчал в кармане, то его охватывало сильнейшее половое возбуждение, так что он готов был броситься на девушку и отнять у нее платок.

В трезвом состоянии он из страха перед наказанием по большей части подавлял в себе эту страсть. Но как только он напивался, у него исчезала всякая способность сопротивляться. Уже будучи на военной службе, он брал у молодых нравившихся ему девушек подержанные носовые платки и, попользовавшись ими некоторое время, обменивал их на другие. Когда он ночевал у девицы, он обыкновенно менялся с нею носовыми платками. Неоднократно он покупал носовые платки для того, чтобы обменивать их на другие, бывшие в употреблении у женщин.

Новые, не использованные платки не оказывали на него никакого влияния. Половое возбуждение они вызывали у него лишь после того, как были некоторое время в употреблении у девушки.

Чтобы привести носовой платок в соприкосновение с девушкой он, как это засвидетельствовано в актах, неоднократно прибегал к такому приему: он бросал платки под ноги встречным девушкам, чтобы заставить последних наступить на них. Однажды он напал на одну девушку, прижал ей к шее платок и тотчас же убежал прочь.

Как только ему попадал в руки платок, бывший в употреблении у девушки, так у него появлялась эрекция и оргазм. Он прикладывал платок к обнаженному телу, в особенности к половым органам, что и вызывало у него эякуляцию и половое удовлетворение.

Он никогда не добивался у девушек полового акта, отчасти потому, что боялся отказа, отчасти потому, что «носовой платок был ему приятнее, чем девушка».

Все эти признания были добыты у Д. лишь с трудом и по частям. Он то и дело начинал плакать и отказывался продолжать разговор, который доставляет ему столько стыда. Он не вор, он

никогда не украл ничего хотя бы на один пфенниг, даже когда находился в крайней нужде. Никогда он не доходил до того, чтобы продавать носовые платки.

Искренним тоном он уверял всех: «Я вовсе не дурной человек, но когда я совершаю эти глупости, я совершенно не помню себя».

Свидетельство, выданное после расследования, гласило, что Д. страдает непреодолимым патологическим влечением, развившимся на почве болезненного предрасположения, а также умеренной степени слабоумия. Д. был оправдан в воровстве.

Наблюдение 237. Порча принадлежностей дамского туалета на почве фетишизма.

9 декабря 1894 г. инженер Д., сидевший вместе со своей женой в читальном зале, заметил, что к ним подкрадывается какой-то субъект. При уходе жена Д. заметила, что ее пальто разрезано. То же открытие относительно своего пальто сделала и другая дама. Подозрительный субъект был арестован. У него нашли ножницы, семь лоскутков, вырезанных из женской одежды, а дома — массу лент, кусков материи, меха — все, по-видимому, похищенное у женщин.

Х. отрицал свою вину, несмотря на то что куски материи, найденные в его карманах, вполне подходили к разрезам в испорченных вещах.

Х., 31 года, имеет нормальные половые органы; уши с признаками вырождения.

Прадед был душевнобольной, отец — пьяница, сестра — идиотка. Х. считался чудаком, но в своей специальности (пекарь) был хорошим работником. Относительно своей половой жизни утверждает, что она совершенно нормальна; в момент совершения преступления был пьян и ничего не помнит о случившемся. Опьянение и амнезия, однако, неправдоподобны. Оставлен без наказания. Передан для наблюдения в полицейскую префектуру (в Париже).

С 10-летнего возраста у него обнаруживалась слабость к шерстяным и вообще мягким тканям; постепенно она усилилась до того, что один взгляд на них, в особенности же ощупывание их, вызывало у него оргазм и эякуляцию. Особенно сильное влияние оказывал на него мех, отчасти атлас. Этим объясняется, что в его коллекции имелось много атласных лент.

Дома он вызывал у себя половое возбуждение тем, что

прикладывал отрезанные куски материи к голому телу. Если этим не достигалась эякуляция, то он помогал себе онанизмом. Женщина сама по себе и половое общение с нею не имели для р^ег° ничего привлекательного *(Gamier.* Les Fetichistes pervertis. г. 4У. *Vallon.* — Annales d'hygiene publique, XXXIV, 6).

К ВОПРОСУ О ВМЕНЯЕМОСТИ ПРИ СЕКСУАЛЬНЫХ ПЕРСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ НА ПОЧВЕ НАВЯЗЧИВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Вопрос о вменяемости при тех половых аффектах, которые имеют место при фетишизме, а также при садизме и эксгибиционизме, представляет иногда большие трудности. В высшей степени важно в этих случаях выяснить, что в основе преступления лежит — фетишизм или садизм, чтобы не видеть, например, простое воровство там, где речь идет все-таки о половом преступлении, хотя бы в форме эквивалента невозможного почему-либо полового акта. Часто обвиняемые из чувства стыда сами толкают следователя на ложный путь. Необходимо подчеркнуть, что нередко мы имеем дело не просто с сексуально окрашенным влечением к определенному наказуемому поступку, влечением, с которым можно было бы еще бороться, а с *импульсивным* действием, вытекающим из навязчивого представления и устраняющим вменяемость. Хотя в большинстве случаев больной и не теряет сознания, он, однако, не может освободиться от преследующей его идеи иначе как путем подчинения ей и совершения требуемого поступка, который и оказывает в этих случаях целительное действие. На этой психологической почве разыгрывается аффект сильнейшего страха. Органическим источником подобного аффекта является ряд сопутствующих явлений в вазомоторной сфере, которые в высокой степени усиливают аффект. С психической стороны решающую роль играет сознание, что правильность мышления нарушена, далее, ощущение слабости воли и неспособность вызвать определенные моральные представления, необходимые для борьбы с навязчивыми представлениями. К этому присоединяется половая гиперестезия, так что аффект страха побеждает преждевременно наступающее половое возбуждение. Таков, вероятно, психологический механизм этих преступлений, при которых больной сознает и свой поступок, и его последствия, но не в состоянии предотвратить их и под влиянием страха, равно как сознания слабости воли и спутанности мышления, старается избавиться от невыносимого психического состояния единственным представляющимся ему путем — путем превращения навязчивого стремления в действие. Таким образом, поступок является здесь психически мотивированным, но вызван он состоянием аффекта, flOj стигшим невыносимой силы; это, следовательно, настоящий непроизвольный поступок; преступник является простым автоматом, рабом навязчивой идеи.

В сознании самого преступника поступок представляется результатом органического влечения, единственным средством избавиться от невыносимого состояния, угрожающего, как ему кажется, жизни. И действительно, вместе с совершением поступка наступает благотворное ощущение освобождения от навязчивой идеи и от вызываемого ею ужасного напряженного состояния. С навязчивыми поступками в тесном смысле слова, при которых кардинальными симптомами является сохранение сознания, борьба с побуждающей к действию идеей и страх, не следует смешивать:

1. *Сексуальные поступки у индивидов с умственным дефектом,* у которых вследствие недостатка интеллекта и нравственного чувства половые побуждения ведут к соответствующим половым действиям без всякого аффекта, без противодействия со стороны нравственных чувств и представлений и, следовательно, без всякой борьбы.

2. *Импульсивные сексуальные поступки у тяжелых дегенератов,* возникающие на почве повышенных половых ощущений при сексуальной гиперестезии. Эти ощущения, не поднимающиеся до уровня сознательных представлений, превращаются без всякого участия волевой и мыслительной сферы — уже в стадии возникновения — в могучие и внезапные половые аффекты, которые непосредственно, в форме психического рефлекса, ведут к актам полового насилия; это своего рода психические конвульсии.

Злоупотребление алкоголем и продолжительное половое воздержание могут во всякое время вызвать у дегенерата подобные половые аффекты. Соответствующие преступления сводятся почти исключительно к изнасилованию. Подобные импульсивные акты, не выходящие за пределы клинической картины психической дегенерации, отличаются от поступков, вызываемых навязчивыми представлениями, в том отношении, что первые имеют в основе главным образом эпилепсию, истерию и алкоголизм, между тем как навязчивые представления стоят в близкой клинической связи с неврастенией.

3. *Сексуальные действия* (по большей части эксгибиционизм) при сумеречных состояниях сознания (с бредом и галлюцинациями или без них) на почве общих неврозов (эпилепсии, истерии) и алкоголизма — действия, возникающие в период затемнения сознания часто совершенно импульсивно.

Если попытаться классифицировать случаи действительного полового извращения, выражающегося в форме навязчивых идей и поступков, то мы будем иметь прежде всего две группы: извращения у гетеросексуалистов и извращения у

гомосексуалистов. В каждой группе мы различаем две подгруппы — потентов и импотентов.

1. У *гетеросексуалистов*

а) *Потенты. Навязчивое влечение к совокуплению.* Хотя половое влечение, так же, как аппетит, не может считаться патологическим ощущением, поскольку оно является естественной потребностью, сопровождается чувством удовольствия, а не страха и может быть во всякое время в неподобающем месте и по отношению к неподобающему лицу подавлено, тем не менее на дегенеративной почве, вследствие гиперестезии и недостаточного удовлетворения (анафродизия), отчасти вследствие воздержания, а, возможно, также и под влиянием эрогенного действия алкоголя, могут возникнуть такие состояния, при которых половое ощущение превращается в половой аффект (половой голод) и настолько овладевает сознанием, что мысль о половом удовлетворении вытесняет все остальные.

Такие случаи могут иметь место во всякое время на почве нимфомании и сатириаза вследствие анафродизии.

В отдельных случаях имеет значение не столько интенсивность и продолжительность полового аффекта или полового представления, сколько характер его проявления, то есть где он проявляется, по отношению к какому лицу и в каком виде (при врожденных, а также и при приобретенных извращениях полового влечения). Что касается способа проявления полового аффекта, то здесь решающую роль играет фетишизм; извращение полового влечения является эквивалентом неосуществимого почему-либо полового акта. Всегда мы имеем здесь дело с эквивалентным действием, которое путем эякуляции или по крайней мере полового акта разрешает напряженное состояние.

В качестве примеров извращенной формы проявления полового аффекта, служащего эквивалентом акта совокупления, можно привести следующие: *потребность представить себе женские половые органы (Raymond* et *Janet.* Nevroses et idees fixes II. P. 162); *потребность видеть половые органы у женщин (Petres* et *Regis.* Obsessions. P. 40); *потребность прижиматься собственными гениталиями к ногам женщины* (наблюдение 77); *потребность мочеиспускания женщины в рот больному* (наблюдение 81); *влечение к зверским поступкам; периодическое влечение к педерастии (Tamowsky.* Die krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes. S. 38). Сюда же относится и влечение к мастурбации в публичных местах (наблюдение 188).

Что касается *лиц,* по отношению к которым проявляется половой аффект, то здесь можно упомянуть, например, случаи Маньяна (Geistesstorungen. Obers. von Mobius. H. 2, 3), наблюдавшего двух женщин с половой гиперестезией и периодическим влечением к половому акту (S. 35), одну даму с половым влечением к племяннику, другую — с таким же влечением к молодому человеку из знакомой семьи (S. 41), далее, женщину с влечением к 21-летнему мужчине и, наконец, женщину с влечением к одному извозчику (S. 42). Сюда же относятся случаи педофилии, которые описал Аньель (в одном из наблюдений описывается женщина, в другом — мужчина).

б) *Импотенты.* В этих случаях, стоящих в тесной связи с фетишизмом и садизмом, навязчивые представления возникают таким образом, что имеющаяся сексуальная гиперестезия временами повышается до степени полового аффекта. Представление о фетишизме возникает самопроизвольно или вызывается соответствующим предметом. Импульсивное действие сводится к выполнению садистского акта или к удовлетворению желания, связанного с фетишем. И в том и в другом случае целью является достижение оргазма и эякуляции, после чего навязчивое представление тотчас же исчезает. В данном случае садистский или фетишистский акт является не чем иным, как эквивалентом полового акта, невозможного по каким-либо физическим или психическим основаниям. Аффект страха может быть вытеснен аффектом сладострастия, в особенности в тех случаях, когда поступок не является компрометирующим.

Примерами импульсивных действий *садистского* характера являются: *нанесение уколов девушкам* (случай Маньяна, описанный у *Туано* — «Attentats aux moeurs». P. 451, наблюдение 25—27), *пачканье женщин* (наблюдение 33); *порча принадлежностей дамского туалета* (Маньян у Туано, указ. соч., с. 434); *эксгибиционизм* (случаи Маньяна, наблюдения 215, 216; случай Фрейера, наблюдение 174; случай Хрхе, наблюдение 176; *Magnan.* Die Geistesstorungen der Entarteten. Ubers. von Mobius. H. II, III. S. 62; *Boissier* et *Lachaux.* — Archives de neurologie, 1893, Octobre); *трение половых частей* (случай Маньяна, наблюдения 220, 221). Примерами навязчивых действий *фетишистского* характера являются: *влечение к вырезанию кожи у девушек (Magnan.* Ubers. von Mobius. H. IV, V. S. 49); *отрезание кос* (наблюдения ЮЗ—104); *грабеж: или кража женского белья* (наблюдение 108), *женских передников* (наблюдение 111), *носовых платков* (наблюдения 113, 236), *лайковых перчаток* (наблюдение 127), *женских башмаков* (наблюдение 79); *фетишизм материи* — иногда с порчей принадлежностей женского туалета *(Raymond* et *Janet.* Nevroses II. P. 165).

2. У *гомосексуалистов*

Здесь с соответствующими изменениями повторяется все то, что мы видели у гетеросексуалистов, — новое доказательство в пользу того, что гомосексуализм есть не что иное, как эквивалент нормального, двуполого полового ощущения. Укажу на случаи эротической педофилии у Молля (Die kontrare bexualempfindung, 3 Aufl. S. 325), на влечение ходить босиком (наблюдение 94), *надевать женское платье* (см. в моей книге с. 256; *Вестфаль.* — Archiv fur Psychiatric Band II. S. 102), на *фетишизм носовых платков* (см. мою книгу наблюдение 115 Молля).

К диагностике. Проявления навязчивых представлений настолько разнообразны, субъективные симптомы имеют здесь такое большое значение, что диагноз необходимо по возможности ставить на почве клинического наблюдения. Так как навязчивые поступки возможны вообще только при психической дегенерации, то желательно в каждом случае производить клинико-антропологическое обследование преступника.

Научные исследования в достаточной степени осветили уже эту область психической патологии, так что никогда не бывает недостатка в симптомах и стигматах для установления наличия дегенерации.

Здесь не место касаться деталей вопроса. Укажем только, что мнение Мореля относительно наследственного происхождения вырождения не подтверждается новейшими исследованиями. Повреждение черепа в период утробной жизни, равно как болезни раннего детства, могут также вести к вырождению.

Раз установлено наличие вырождения, выяснена его форма и степень, то можно перейти к изучению конкретного случая, сопровождающих его обстоятельств и его механизма.

Во многих случаях патологическая подкладка преступления проявляется в извращенном характере мышления и чувств, который обнаруживается в навязчивых представлениях. Это извращение может стоять совершенно особняком по отношению к остальной психической жизни индивида.

Навязчивые представления появляются пароксизмами, нередко при одинаковых обстоятельствах (употребление алкоголя, неврастенический приступ, менструация и т. д.) и даже периодически.

Развиваются они на импульсивной почве полового аффекта.

В высшей степени важно установить картину происшествия, для чего необходимы изучение обстановки, повторные расспросы больного о его субъективных ощущениях и перекрестный врачебный допрос.

Навязчивые представления возникают внезапно, по большей части рефлекторно, как проявления бессознательной психической жизни. Они подавляют ход ассоциации идей, направляют по-своему все мышление, вызывают мучительный аффект страха и отчаяния, который резко усугубляется сопутствующими соматическими процессами.

Навязчивая идея встречает противодействие со стороны «я» больного, дело доходит до отчаянной борьбы противоположных чувств, интересов, этических предписаний.

Не доверяя своей силе противодействия, больной пытается спастись от опасности окольными путями, невинными способами, но это не помогает. Наконец наступает катастрофа, а вместе с нею приходит и облегчение. После этого начинаются сожаления, но больной не считает себя ответственным за происшедшее, так как он чувствует, что здесь нет его вины, что он боролся изо всех сил, но его победила какая-то враждебная сила, с которой он не мог справиться; он смотрит на происшедшее как на нечто роковое. Впрочем, бывают изредка случаи (периодически возвращающиеся навязчивые представления, недостаток моральной и интеллектуальной сопротивляемости), когда борьба продолжается очень недолго.

Встречаются и переходные формы к актам импульсивного характера.

На вершине приступа может на короткое время наступить потемнение сознания. При эксгибиционизме это случается нередко. Непосредственно же перед приступом и после него сознание остается ясным.

Опыт учит, что там, где навязчивые идеи имеют опасный характер, больной редко остается победителем. Если он чувствует, что его внутренняя сила противодействия недостаточна, то он прибегает к различным мерам предосторожности, убегает, запирается или велит себя запереть и т. п.

Для выяснения степени ответственности в случае привлечения к суду очень важно выяснить, какие именно условия понижают психическую сопротивляемость преступника. Нередко мы имеем дело с индивидами со слабым характером, отличающимися длительным снижением этических и интеллектуальных способностей. Затем встречаются прямые переходы к

сексуальным преступлениям на почве психических дефектов (см. выше). В других случаях половой аффект усиливается из-за длительного полового воздержания, которое ведет к тому, что чувство сладострастия вместе с навязчивым представлением пересиливает аффект мучительного страха. Очень часто дело осложняется влиянием алкоголя, который действует возбуждающе и в то же время снижает нравственную сопротивляемость индивида. Особенно это относится к эксгибиционизму. Вопрос об *юридической ответственности* этих несчастных решается в зависимости от того, доказано ли, что преступник действительно боролся со своим влечением и что он истощил весь запас своей сопротивляемости.

В конкретном случае этот вопрос выясняется обстоятельствами, предшествовавшими преступлению. В какой мере преступнику может быть поставлено в вину то обстоятельство, что он по легкомыслию сознательно ослабил свою сопротивляемость алкоголем, пусть решают юристы. Раз доказана импульсивность поступка, не может уже быть и речи об его наказуемости.

Трудно ожидать, чтобы проявление психического вырождения в форме навязчивого действия было квалифицировано как Душевная болезнь; скорее это может быть отнесено к разряду спутанности сознания (Австрия), или бессознательного состояния (Германия), или вообще преходящего расстройства психической жизни. Такая квалификация приложима лишь к тем случаям, когда во время приступа действительно имеет место потемнение сознания.

В других же случаях необходимо обратить внимание судей на то, что преступник в момент совершения преступления находился в состоянии непреодолимого влечения и что сильный аффект, вызванный навязчивым представлением и усугубленный интенсивными соматическими процессами (изменение кровяного давления, тахикардия и т. д.), ослабил или даже парализовал волю преступника.

При таких условиях случай подходит в Германии под § 52 уголовного кодекса, предусматривающий «непреодолимое влечение»; так же и во Франции (Уголовный кодекс, § 64: «принуждение к действию силой, которой нельзя было противостоять«[1]). Правда, законодатель имел при этом в виду физическое, а не психическое влечение, но навязчивые поступки как раз являются доказательством того, что непреодолимое влечение может иметь свои корни также и в психике. Если наличие непреодолимого психического влечения доказать не удается, если преступник раньше, при аналогичных обстоятельствах, справлялся со своим влечением, то все-таки необходимо еще обратить внимание на то, что преступник — субъект «дегенеративный», заслуживающий снисхождения

вследствие своего психического вырождения, в котором он не повинен.

Во всяком случае, преступник опасен для окружающих, и для общества, равно как и для него самого, лучше, если его помещают в психиатрическую лечебницу: воздержание от алкоголя, правильное лечение, при случае длительное лечение гипнозом освобождают иногда больных от их припадков.

6. Противонравственные действия с лицами моложе 14 лет. Растление (Австрия)

(Австрия. Уголовный кодекс, § 128, 132; проект § 189, 191[3]. Германия. Уголовный кодекс, § 174, 176[3])

Под противоправными действиями (Unzucht) с лицами, не достигшими половой зрелости, законодатель разумеет всевозможные безнравственные поступки над лицами, не достигшими 14 лет, притом такие поступки, которые не подходят под понятие изнасилования. Выражение «безнравственное действие» в юридическом смысле слова охватывает все самые ужасные извращения, самые отвратительные пороки, на какие только способен, в порыве сладострастия, безнравственный и по большей части ослабленный в своей половой способности человек.

Во всех подобных случаях преступление, если оно совершено взрослым человеком, носит на себе печать чего-то детского, несвойственного мужчине, подчас прямо чего-то комического. К сожалению, приходится сознаться, что немалая доля подобных преступлений, и притом как раз наиболее отвратительные из них, совершается не душевнобольными, а здоровыми людьми, забывающими свое человеческое достоинство под влиянием пресыщения естественными половыми сношениями, уродливого сладострастия, огрубения, а подчас и опьянения. В очень редких случаях эти отвратительные преступления совершаются из суеверия в расчете, что совокупление с невинной девочкой может избавить от венерической болезни; конечно, это относится к людям, очень низко стоящим в нравственном отношении.

Преступления, совершаемые психически нормальными людьми

Эта категория безнравственных действий над детьми может быть разделена на следующие группы.

1. Развратники, испытавшие все способы нормального и ненормального полового общения с женщиной и прибегающие к растлению девочки из одного только желания пощекотать свои чувства, вообще доставить себе новое половое наслаждение и в

особенности насладиться стыдливостью и застенчивостью маленького существа. Известную роль может играть также недостаток половой способности для совершения полового акта со взрослой женщиной или необходимость неиспытанных раздражений для появления потентности.

В качестве дальнейшей стадии безнравственных поступков с малолетними можно рассматривать половые сношения с мальчиками, чаще всего в форме педерастии. Как легко удовлетворяются такие извращенные потребности в больших городах, показывают разоблачения Тардье для Парижа и Тарновского для Петербурга. Благодаря Касперу мы даже знаем, что существуют такие чудовищные женщины, которые предлагают развратникам своих маленьких дочерей.

2. Следующую категорию представляют молодые люди, которые не доверяют или еще не доверяют своей потентности и своей храбрости при сношениях со взрослыми женщинами. По большей части это, однако, мастурбанты, страдающие психической импотенцией или импотенцией на почве раздражительной слабости половых органов и ищущие в безнравственных действиях над малолетними эквивалента недоступного для них полового акта. Для таких относительно импотентных субъектов иногда достаточно сладострастного ощупывания детей, чтобы наступили оргазм и эякуляция.

Если же половая способность вполне сохранена, то обычно делаются попытки к введению пениса.

То, что иногда даже братья могут сделаться опасными для своих маленьких сестер, показывают 4-й и 5-й случаи из «Клинических рассказов» Каспера.

3. Обширную категорию представляют служанки, бонны, даже родственницы, которые пользуются порученными их попечению мальчиками для половых сношений и подчас даже наделяют их гонореей.

Что касается случаев, когда воспитатели из сладострастия секут своих воспитанников (без всякого повода со стороны последних), то вопрос о том, относятся ли эти случаи к психопатологическим или нет, остается до сих пор открытым.

Безнравственные действия над детьми бывают крайне разнообразны, в особенности со стороны развратников. По большей части они сводятся к ощупыванию, сечению, активной мастурбации, пользованию детской рукой для онанирования, сладострастным прикосновениям к телу лица, совершающего безнравственное деяние. Редко встречаются куннилингус, орогенитальные контакты с мальчиками и девочками, педикация

девочек, половой акт между бедер, эксгибиционизм. Этим, однако, еще не исчерпываются все возможные случаи.

Непосредственное чувство восстает против того, чтобы считать этих осквернителей детской невинности людьми нормальными в психическом отношении. Несомненно, имеются данные, доказывающие, что нравственное чувство и половая способность этих людей подорваны. Но дефект нравственного чувства! и недостаток половой способности сами по себе не дают еще основания для признания невменяемости субъекта, так как и простая безнравственность на почве пресыщения нормальными половыми сношениями, а иногда и опьянения может

довести похотливых индивидов до подобных противоестественных поступков. Но чем чудовищнее преступное действие, чем больше оно отклоняется в физическом и психическом отношениях от нормального полового акта, тем осторожнее надо быть в оценке субъективной стороны преступления.

Случаи психопатологические

Значительная часть изучаемых нами преступлений возникает, однако, безусловно на патологической почве. Знакомство с категорией патологических случаев показывает, что большая часть их возникает на почве приобретенного слабоумия. На первом плане нужно здесь поставить старческое слабоумие *(Kirn.* — Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie, 39. S. 217), затем хронический алкоголизм, паралич, снижение умственной способности при эпилепсии, повреждение головы и апоплексию при сифилисе мозга. Затем сюда же относятся врожденные состояния умственной ущербности и вырождения.

Состояния болезненной потери сознания могут также вести к подобным преступлениям.

Далее эти преступления представляют нередкое явление при состояниях угнетенного сознания на почве алкоголизма и эпилепсии, отчасти вследствие error sexus aut personae (отклонение пола или личности). Они объясняются половым возбуждением, которое очень часто сопровождает эти состояния, в особенности при эпилепсии.

В таких случаях дело легко доходит до изнасилования и педерастии. При состояниях психической ущербности характер полового действия зависит главным образом от того, сохранена потенция или нет.

Кроме указанных выше категорий: нравственно падших субъектов, затем субъектов со слабостью интеллекта и

нравственного чувства, врожденной или приобретенной на почве позднейших мозговых заболеваний, и, наконец, лиц, сделавшихся растлителями детей в состоянии временного угнетения сознания; кроме этих категорий, следует упомянуть еще одну, к которой относятся индивиды, чувствующие влечение к детям не вследствие низкого нравственного уровня и физической или психической импотенции, а главным образом вследствие особого болезненного предрасположения, того психосексуального извращения, которому можно дать название *эротической педофилии.*

Я наблюдал только 4 случая. Все они касались мужчин. Особенно ценным представляется первый случай, так как здесь все отношения оставались в пределах платонической любви; сексуальный характер этого случая ясно подчеркивался тем обстоятельством, что друг детей (к тому же параноик) чувствовал влечение только к маленьким девочкам. К взрослой женщине он был совершенно хладнокровен; кроме того, он страдал, по-видимому, фетишизмом волос. В других наблюдавшихся мною случаях дело дошло до наказуемых действий.

Во втором случае речь шла о наследственно отягощенном субъекте, который, начиная с половой зрелости (последняя впрочем, наступила очень поздно — на 24-м году), чувствовал половое влечение только к 5—10-летним девочкам. Уже при одном взгляде на них он эякулировал, при прикосновении же к ним у него наступал настоящий половой аффект, от которого у него оставалось лишь общее воспоминание. Супружеские сношения доставляли ему слабое удовлетворение. Долгое время ему удавалось побеждать свое влечение к маленьким девочкам, но наконец из-за усилившейся неврастении (отчасти в результате прерывания полового акта), а может быть, под влиянием ослабления нравственной сопротивляемости или повышения половой возбудимости он дошел до преступления.

В третьем случае я наблюдал субъекта наследственно отягощенного с конституциональной неврастенией и неправильным черепом; к взрослым женщинам он не испытывал настоящего влечения, но во время полового акта доходил до сильнейшего возбуждения.

Этот субъект сделался педофилом только на 25-м году; непристойное ощупывание маленьких девочек доставляло ему величайшее удовольствие.

В четвертом из наблюдавшихся мною случаев речь шла об отягощенном субъекте, который никогда не чувствовал полового влечения к взрослым женщинам, а только к девушкам, не достигшим половой зрелости. Вследствие импотенции (на почве

сухотки спинного мозга?) и начавшего развиваться прогрессивного паралича больной не мог долее бороться со своим болезненным влечением.

Все случаи, отнесенные мною к «эротической педофилии» в смысле полового извращения, характеризуются следующими общими чертами:

1. Во всех случаях мы имеем дело с субъектами, невропатически отягощенными.

2. Склонность к представителям другого пола развивается первично (в противоположность тому, что наблюдается у развратников); соответствующие представления резко и ненормально окрашены ощущением удовольствия.

3. Все без исключения преступники этой категории были потентны; преступление заключалось «в непристойном ощупывании и онанировании жертвы. Эти действия доставляют половое удовлетворение даже в том случае, если субъект не доходит до эякуляции.

4. Половые раздражения со стороны взрослых индивидов не действуют на педофилов. Половой акт со взрослыми они совершают лишь за неимением лучшего, не получая при этом психического удовлетворения.

То, что эротическая педофилия встречается также и у женщин, показывают следующие наблюдения Маньяна (Psychiatrische Vorlesungen. Ubers. von Mobius, 1892. H. II, III. S. 41).

Первый случай Маньяна касается 29-летней женщины с наследственным отягощением, фобией и навязчивыми представлениями.

В течение 8 лет она испытывала сильное половое влечение к одному из (пяти) своих племянников. Вначале предметом ее страсти был старший, которому тогда было всего 5 лет; затем, когда подрос младший, влечение ее перешло к нему. Стоило ей только посмотреть на мальчика, чтобы у нее наступил оргазм и даже поллюция. Несчастная умела, однако, побеждать в себе свое странное, непонятное для нее самой влечение. Взрослые нисколько не привлекали ее.

Во втором случае речь шла о 32-летней женщине, матери Двух детей, страдавшей тяжелым наследственным отягощением и разведшейся с мужем вследствие его жестокости.

В течение нескольких месяцев она уходила ежедневно в одну знакомую семью, оставляя без присмотра собственных детей;

она старалась приходить к знакомым в то время, когда их сын возвращался из школы. Она его ласкала, целовала и иногда даже заявляла, что влюблена в него и готова за него выйти замуж.

Однажды она в присутствии матери ребенка стала утверждать, что ребенок болен, несчастен и что она хочет совершить с ним половой акт, чтобы вылечить его.

Ее выгнали, но она продолжала осаждать дом своего маленького возлюбленного.

Когда она однажды пыталась прибегнуть к насилию, ее поместили в дом умалишенных; там она не переставала бредить мальчиком.

Эротическая педофилия может наступать и периодически; это доказывают наблюдения Аньеля (наблюдения 195 и 196 данной книги).

Этому извращению не вполне чуждо и превратное половое ощущение. Так как последнее есть эквивалент гетеросексуального ощущения, то и любовь к малолетним должна также иметь при нем ненормальный и извращенный характер. В действительности безнравственные преступления против мальчиков со стороны мужчин-гомосексуалистов принадлежат к величайшим редкостям.

Этот факт я уже установил в моем сочинении «Der Kontrarsexuale vor dem Strafrichter» («Половое извращение перед судебным наказанием», 2-е изд., с. 9). Там я указал на то, что действительными развратителями юношества являются слабоумные с нормальной половой организацией, затем развратники, сделавшиеся импотентными или дошедшие до половой извращенности и потерявшие нравственное чувство, и, наконец, безнравственные старики с повышенным половым влечением.

При наличии этих сопутствующих обстоятельств и гомосексуалист может сделаться опасным для мальчиков (ср. наблюдение 132 настоящего и 109 9-го издания этой книги); однако о педофилии здесь говорить не приходится, так как в таких случаях мальчики уже находились в пубертатном возрасте, между тем как действительный педофил чувствует влечение только к лицам, не достигшим еще половой зрелости. Наиболее поучительными в этом отношении нужно считать первый случай Маньяна, когда влечение переходило от старшего мальчика к младшему, 3—5 лет.

Но что все-таки и при превратном половом ощущении может

встречаться эротическая педофилия, показывает следующий случай, описанный, в частности, Рейно (Archives d'anthropologie criminelle, X. P. 435).

Наблюдение 238. X., 36 лет, журналист, субъект с тяжелым наследственным отягощением, с дефектами в области интеллекта и нравственного чувства, с юных лет страдал эпилептоидными приступами, не выносил алкоголя, имел асимметричное лицо, никогда не обнаруживал влечения к женщине, мастурбировал с 18 лет, при попытках совершить половой акт оставался холодным и импотентным.

Напротив, мальчики 10—15 лет вызывали в нем сильнейшее возбуждение. Прекрасно сознавая преступность своих поступков, он, однако, не мог удержаться от безнравственных действий над мальчиками. Впрочем, часто он довольствовался их «обворожительным видом и ласкающим смехом».

Взрослые мужчины, равно как и маленькие девочки, никогда не возбуждали в нем влечения. По его словам, он сделался педофилом только на 22-м году, когда один 12-летний мальчик побудил его к половому акту. В первый раз он прогнал своего развратителя, но страсть, возбужденная в нем этим инцидентом, быстро развилась настолько, что он не мог уже бороться с нею. Даже многократное тюремное заключение нисколько не помогло в этом отношении. Эта несчастная страсть разбила ему всю жизнь, и он несколько раз делал серьезные попытки к самоубийству.

Эксперты нашли врожденное превратное половое ощущение и особенную аномалию, развившуюся в рамках гомосексуализма, а именно исключительное влечение к мальчикам определенного возраста и нежного сложения.

Подчеркивая его дегенеративную психическую конституцию, экспертиза нашла его невменяемым и в то же время очень опасным для окружающих.

Такой исход процесса поверг X. в безутешное горе, так как он рассчитывал на временное лишение свободы, а вместо того попал в психиатрическую больницу.

В моих «Работах» — «Arbeiten» (H. 4. S. 119—124) я опубликовал еще три наблюдаемых мною случая эротической педофилии у гомосексуалистов. Они могут служить дополнением к описанным выше (с. 534—535) случаям той же аномалии у гетеросексуалистов. Кроме того, в моем распоряжении имеется еще 2 неопубликованных наблюдения. То, что у этих субъектов не развивается влечение к зрелым индивидам другого пола, что они стремятся к сношениям с малолетними и остаются

совершенно равнодушными к взрослым, по-видимому, находится в некоторой связи с фетишизмом; по крайней мере, в одном из моих случаев мне удалось установить элемент фетишизма. Это проливает некоторый свет на явление эротической педофилии. Само собой разумеется, что ассоциативная связь поступка с представлением о фетише, овладевающим всем сознанием субъекта и уже по одному этому безусловно патологическим, может быть установлена только при наличии тяжелого невропатического отягощения данного лица. Такое дегенеративное предрасположение я мог установить во всех наблюдавшихся мною случаях эротической педофилии. То обстоятельство, что такое тяжелое отягощение не встречается на каждом шагу и что интересующая нас форма извращения, по всей вероятности, нуждается для своего развития в беспрерывном влиянии фетишистских представлений, объясняет, почему эта аномалия составляет относительную редкость.

Во всяком случае, гораздо чаще встречается псевдопедофилия, при которой мы имеем дело с людьми, обнаруживавшими половое влечение первоначально к взрослым и только затем — вследствие наступившей импотенции (обычно на почве мастурбации), при оставшейся в прежней силе половой потребности — сделавшимися педофилами. Очень интересный случай такого рода описан в 10-м издании настоящего сочинения в наблюдении 106. Здесь речь идет о псевдопедофилии, развившейся вследствие импотенции и боязни опозорить себя перед взрослыми. В этом случае, представляющем переходную фазу к приобретенному гомосексуализму, субъект по мере ослабления половой способности, без всяких сознательных мотивов, начал обнаруживать влечение к 12—13-летним девочкам; с развившейся же затем сексуальной инверсией (гомосексуализмом) это влечение перешло на мальчиков 13—15 лет.

Затем классический пример псевдопедофилии на почве импотенции, которая развилась вследствие вызванной онанизмом половой неврастении, представляет случай, описанный мною в моих «Arbeiten» (H. 4. S. 125).

Эротическая педофилия сама по себе еще недостаточна для того, чтобы вытекающие из нее поступки были признаны ненаказуемыми, ибо опыт показывает, что педофилы всегда могут справиться со своим влечением, если только какие-либо болезненные процессы не ведут к ослаблению или уничтожению моральной сопротивляемости. Во 2-м и 3-м из описанных на с. 534—535 случаев такое ослабление произошло вследствие тяжелой неврастении, в 4-м — вследствие паралитического слабоумия. Во 2-м и 3-м случае наличие смягчающих вину

обстоятельств не подлежит никакому сомнению уже на основании того факта, что мы имеем здесь дело с болезненным лечением у отягощенных субъектов. Судебно-медицинское исследование в случаях эротической педофилии безусловно необходимо. Вопрос о юридической ответственности за преступления этого рода может быть решен только конкретно, на основании обсуждения всей совокупности данных о личности преступника. Носитель этой аномалии является всегда субъектом вырождающимся и потому менее устойчивым, чем здоровый человек. Повышенная половая возбудимость, опьянение в момент совершения преступления, нравственная ущербность и пр. — все это должно быть принято во внимание как обстоятельства, парализующие свободу воли преступника.

Во всяком случае, все эти несчастные представляют опасность для окружающих и требуют постоянного надзора и врачебного наблюдения. Самым подходящим местом для них нужно считать не тюрьму, а больницу, в которую их следует помещать впредь до выздоровления. То, что излечение возможно, в этом я мог убедиться в двух своих случаях.

Чтобы покончить с вопросом о юридической оценке преступлений против нравственности, совершаемых над детьми, необходимо еще принять во внимание, что, к сожалению, очень часто в подобных преступлениях нет никаких данных для того, чтобы заподозрить их психопатическое происхождение. Тем не менее не нужно забывать, что в действительности патологические моменты встречаются в очень многих случаях. Вот почему в каждом случае, когда взрослый совершает преступление против ребенка, необходимо обследовать состояние психики преступника.

В особенности это приложимо к тем случаям, где развратителями являются старики. Экспертиза не представляет никаких затруднений, если налицо нравственная и интеллектуальная идиотия, состояние тяжелого психического вырождения или дефект вследствие какой-либо приобретенной органической причины или если преступление совершено в состоянии помрачения сознания в смысле § 2 австрийского и § 51 германского уголовных кодексов. Большие затруднения представляют только те случаи, где имеется слабоумие старческое или паралитическое в начальной стадии, причем оно развито как раз настолько, что его легко можно заподозрить и очень трудно с несомненностью доказать. Такие случаи требуют продолжительного наблюдения.

ПРОТИВОЕСТЕСТВЕННЫЕ ПОЛОВЫЕ СНОШЕНИЯ (СОДОМИЯ)

(Австрия. Уголовный кодекс, § 129, проект § 190. Германия.

Уголовный кодекс, § 175)

а) *Сношения с животными (скотоложство)*

Скотоложство, несмотря на всю свою чудовищность, далеко не всегда имеет в основе психопатологические условия. Низкий уровень нравственного развития, сильное половое влечение, при затрудненном почему-либо естественном удовлетворении, может и у мужчин и у женщин вести к этому противоестественному способу полового удовлетворения.

Благодаря Полаку мы знаем, что в Персии противоестественные половые сношения совершаются нередко из дикого суеверия, будто таким образом можно избавиться от гонореи. Аналогичное суеверие существует в Европе: во многих местах совокупление с маленькой девочкой считается средством против венерического заболевания.

Как показывает опыт, скотоложство составляет далеко не редкое явление в коровниках и конюшнях. Иногда встречаются сношения с козами, суками и, как показывают случай Тардье и случай Шауенштейна (Lehrbich. S. 125), даже с курами.

Как известно, Фридрих Великий по поводу одного кавалериста, который осквернил кобылу, вынес следующее решение: «Парень вел себя как свинья — отправить его в пехоту».

У женщин сношения с животными ограничиваются собаками. Показательный случай, рисующий падение нравственности в больших городах, описал Машка (Handbuch, III): одна женщина в Париже за деньги демонстрировала перед развращенными субъектами сношение с бульдогом!

Наблюдение 239. В одном провинциальном городе был пойман 30-летний субъект из высшего сословия в момент совершения акта содомии с курицей. Преступника предварительно долгое время подстерегали: обращало на себя внимание, что в доме все куры одна за другой погибали. На вопрос председателя суда, каким образом обвиняемый дошел до такого ужасного преступления, последний сослался на то, что у него очень маленькие половые органы, так что сношения с женщинами для него невозможны. Врачебное обследование действительно подтвердило показание обвиняемого. *В психическом отношении* преступник был *совершенно нормален.*

Относительно наследственности, времени появления полового влечения и т. д. данных не имеется *(Gyurkovechky.* Mannliche Impotenz, 1889. S. 82).

Наблюдение 240. 23 сентября 1889 г. 16-летний В., ученик сапожника, нашел в соседском саду гуся и начал совершать над

ним акт содомии. Сосед застал его на месте преступления и начал его стыдить. Тот ответил: «Ну разве гусю что-нибудь от этого сделалось?» — и ушел. На допросе В. сознался в своем преступлении и оправдывался тем, что в тот момент находился в бессознательном состоянии. Со времени тяжелой болезни, перенесенной им на 12-м году, у него несколько раз в месяц бывают приступы, сопровождающиеся жаром в голове и сильным половым возбуждением. В такие моменты он не может ничего с собой поделать и не сознает своих поступков. Во время одного из таких приступов он и совершил преступление. То же говорил он и на суде; он утверждал, что о подробностях своего поступка он знает только со слов соседа. Отец обвиняемого сообщил, что последний происходит из здоровой семьи, перенес на 5-м году скарлатину, после которой остался болезненным ребенком; на 12-м году страдал какой-то мозговой болезнью, сопровождаемой жаром. В. пользовался хорошей репутацией, хорошо учился в школе, впоследствии помогал отцу в его ремесле. Мастурбацией не занимался.

При врачебном обследовании не было найдено ни интеллектуальных, ни моральных дефектов. С физической стороны наблюдаются нормальные половые органы, сравнительно сильно развитой пенис, резкое повышение коленного рефлекса. В остальном получены отрицательные данные.

Амнезия (утрата памяти) по отношению к времени совершения преступления казалась неправдоподобной. О прежних приступах психического расстройства нельзя было получить никаких сведений; в продолжение 6-недельного наблюдения также не было таких приступов. Извращений в области половой жизни не было. Заключение врачей сводилось к тому, что в данном случае имевшее место мозговое заболевание могло оставить после себя органический след (приливы к голове), который, возможно, оказал определенное влияние на совершение инкриминируемого В. поступка. (Из экспертизы профессора Фрича в Вене.)

Среди случаев скотоложства имеется группа, которая возникает безусловно на патологической почве, в которой можно доказать наличие тяжелого отягощения, конституциональных неврозов, импотенции при сношении с женщинами и где противоестественные действия являются импульсивными. Вполне целесообразно дать этим патологическим случаям особое название: именно если за непатологическими случаями сохранить термин «скотоложство» («бестиализм»), то для патологических можно было бы избрать слово *«зооэрастия».*

Наблюдение 241. Импульсивная содомия. А., 16 лет, ученик садовника, незаконнорожденный, отец неизвестен, мать с

тяжелым отягощением, истериоэпилептичка. Асимметрический череп; кости лица и скелета также асимметричны. А. низкого роста, с детства мастурбирует, всегда пасмурен, апатичен, любит одиночество, очень раздражителен, обнаруживает аффекты несомненно патологического характера. Имбецил очень истощен и неврастеничен — вероятно, вследствие мастурбации. Кроме того, у него замечаются истеропатические симптомы (ограничение поля зрения, дисхроматопсия, понижение обоняния, вкуса, слуха с правой стороны, утрата чувствительности правого яичка, бородавчатая мозоль и т. д.).

А. был уличен в содомии и мастурбации с собаками и кроликами. Когда ему было 12 лет, он видел, как мальчики мастурбировали собаку. Он стал подражать этому и затем не мог уже удержаться от самых отвратительных действий над собаками, кошками и пр. Чаще всего он содомировал с самками кролика — единственным животным, которое действовало на него возбуждающим образом. С наступлением ночи он обычно отправлялся в помещение, где у хозяина содержались кролики, и там удовлетворял свою чудовищную потребность. После него неоднократно находили животных с разорванной прямой кишкой. Содомистские акты имели всегда один и тот же характер. Приблизительно каждые 8 недель по вечерам у него наступали настоящие приступы — всегда в одной и той же форме. У него появлялось резкое недомогание и такое чувство, как будто ему кто-нибудь разбил голову. Он как бы терял рассудок. Появлялась навязчивая идея содомировать кроликов, он начинал бороться со своим влечением, но чувство страха и головная боль, все усиливаясь, достигали невыносимой силы. Во время приступа он слышал звон колоколов, его обдавало холодным потом, появлялась дрожь в коленях; в конце концов он терял силу противодействия и импульсивно совершал содомистское действие. После этого страх у него быстро исчезал, нервный приступ прекращался, он снова овладевал собою, чувствуя при этом глубокий стыд за свой поступок и боязнь повторения его. А. уверяет, что если бы во время приступа ему пришлось выбирать между женщиной и кроликом, то он мог бы решиться на совокупление только с последним. В промежутки между кризами его также часто привлекали кролики. В момент приступа для него достаточно прижать или поцеловать кролика; но иногда он впадает в такое сексуальное безумие, что неудержимо должен совершить содомистский акт.

Только такие акты скотоложства доставляют ему половое удовлетворение; другой формы половой жизни он не знает. А. утверждает, что он при этом никогда не испытывает сладострастного чувства, а только находит в этом избавление от мучительного состояния импульсивного влечения.

Врачебной экспертизе нетрудно было доказать, что это

чудовище в образе человека представляло из себя дегенерата, больного, лишенного воли, а отнюдь не преступника *(Bocteau.* — La France medicale, 38).

Наблюдение 242. X., крестьянин 40 лет, греко-католик. Отец и мать страдали тяжелым алкоголизмом. С 5 лет у пациента появились эпилептические приступы: он падал без сознания, неподвижно лежал 2—3 минуты, затем вскакивал и бросался бежать без определенной цели с широко раскрытыми глазами. На 17-м году в нем проснулось половое чувство. У пациента не было полового влечения ни к мужчинам, ни к женщинам, а только к животным (птицам, лошадям и т. д.). Он совершал совокупление с кобылами, коровами и пр. Онанизмом никогда не занимался.

Пациент по профессии иконописец, в умственном отношении очень ограничен. Давно страдает религиозной паранойей с приступами экстаза. У него «необъяснимая» любовь к Богородице, за которую он готов был бы отдать жизнь. В клинике, куда он был помещен, он не обнаруживал никаких пороков; анатомических признаков вырождения не найдено.

Женщины всегда отталкивали его. Только один раз он совершил попытку совокупления с женщиной и оказался при этом импотентным; напротив, с животными он всегда потентен. С женщинами он очень стыдлив. Половой акт с ними кажется ему почти грехом *(Kowalewsky.* — Jahrbiicher fur Psychiatrie, VII. H. 3).

Наблюдение 243. Т., 35 лет, происходит от отца-алкоголика и от психопатической матери, не болел никакими болезнями и в своей наружности не представляет ничего такого, что бросалось бы в глаза. Уже в 9 лет он совершил безнравственное действие с петухом, впоследствии стал совершать то же и с другими домашними животными. Когда он начинал совершать половой акт с женщинами, у него исчезала его склонность к скотоложству. На 20-м году он женился; в половом отношении был удовлетворен.

В 27 лет начал пить. Тогда у него снова проснулись прежние извращенные склонности. Однажды, когда он вел козу на бойню, в нем внезапно появилось желание совершить с нею содомистский акт; желание становилось все сильнее и сильнее, но ему все-таки, хотя и с трудом, удалось преодолеть его. В конце концов он изнемог от сердцебиения, мучительных болей в груди и сильного оргазма. Т. уверяет, что при актах скотоложства он получает гораздо большее удовлетворение, чем при совокуплении с женщиной.

В своих содомистских актах он не был уличен. Он попал в

заведение для душевнобольных вследствие алкогольного помешательства: там он сообщил вышеприведенные» сведения. *(Boissier* et *Lauchaux.* — Annales medico-psychologiques, 1893, Juillet—Aoflt. P. 381).

Большие трудности возникают при попытках объяснить происхождение зооерастии. Видеть здесь проявление фетишизма, как при эротической зоофилии (ср. с. 205 предыдущего издания), невозможно, так как наблюдавшимися до сих пор случаями такое предположение не подтверждается.

Еще не решен вопрос, может ли вообще зоофилия вести к половым актам над животными (следовательно, и к скотоложству). Если она является действительно проявлением фетишизма, то все наблюдения над последним говорят против такой возможности.

Примечательно, что в описанном случае фетишистской эротической зоофилии дело не доходило до подобных действий, причем носитель этого отклонения вовсе не думал о том, к какому полу принадлежит соответствующее животное. В настоящее время ничего более не остается, как считать зооэрастию врожденным извращением половой жизни.

В пользу такого предположения говорит, между прочим, следующий, правда рудиментарный и абортивный (ослабленный, «недоношенный»), случай зооэрастии; здесь обнаруживается отсутствие сознательной мотивировки извращенного влечения.

Наблюдение 244. Y., 20 лет, интеллигентный, хорошо воспитанный человек, по-видимому, наследственно не отягощенный; в физическом отношении, за исключением неврастении и гиперестезии уретры, никаких отклонений от нормы. Онанизмом не занимался. С детства проявлял большую дружбу к животным, в особенности к собакам и лошадям. Со времени наступления половой зрелости занимался спортом, в котором участвовали эти животные, но половых представлений у него при этом, по-видимому, не возникало.

Однажды, когда он садился на лошадь, у него появилось ощущение сладострастия. Через 14 дней при таких же условиях он испытал то же ощущение, на этот раз с эрекцией.

Когда ему вскоре после этого пришлось в первый раз поехать верхом, у него сделалась эякуляция. То же повторилось через месяц. Это вызвало у пациента чувство досады и огорчения, он стал избегать верховой езды. В то же время у него стали чуть не ежедневно появляться поллюции.

При виде наездников или собак у него наступала эрекция. Почти каждую ночь у него делались поллюции, причем в сновидениях он видел себя сидящим на лошади или дрессирующим собак. Пациент обратился к врачебной помощи. После курса зондирования гиперестезия уретры исчезла и поллюции уменьшились. Врач посоветовал нормальные половые сношения, но пациент согласился на это крайне неохотно отчасти вследствие недостаточного влечения к другому полу, отчасти вследствие недоверия к своей половой способности.

Он сделал ряд бесплодных попыток в этом отношении, ни разу не достиг эрекции, которая, однако, тотчас же наступала при виде наездника. Это подействовало на него угнетающим образом, он начал считать себя ненормальным существом и потерял надежду на излечение.

Было назначено соответствующее лечение. Новая попытка совершить половой акт удалась при помощи фантазии, которая рисовала ему в это время образы собак и наездников.

Постепенно влечение к животным ослабевало, эрекции при виде собак и наездников исчезли, сладострастные сновидения, сопровождающие поллюции, все реже и реже имели содержанием животных, ему стали сниться девушки. Половой акт, бывший вначале еще ненормальным следствием недостаточной эрекции и преждевременного семяизвержения, сделался в конце концов нормальным под влиянием зондирования. Пациент чувствует себя удовлетворенным в половом отношении и свободен от своего ненормального полового влечения (Dr. *Напс.* — Wiener medizinische Blatter, 1877, № 5).

В следующем наблюдении речь идет о безусловно патологическом случае, в котором фигурирует осквернение животных.

Наблюдение 245. X., 47 лет, занимает высокое общественное положение. Обратился ко мне за советом и помощью по поводу своей половой аномалии, особенно мучительной для него вследствие того, что он наконец решил жениться и что в теперешнем своем состоянии он считает невозможным и безнравственным вступить в брак. По-видимому, X. тяжело отягощен: отец, две сестры и брат страдают тяжелыми нервными болезнями. Мать, видимо, вполне здорова.

Половая жизнь проснулась очень рано. Уже в 11 лет он без всякого влияния со стороны начал заниматься онанизмом.

Из-за повышенной половой возбудимости он страстно предавался онанизму; на 14-м году дело дошло до того, что он

начал совершать содомистские акты с суками, кобылами и другими животными. Он объясняет это чрезмерным половым влечением, с одной стороны, и отсутствием возможности достигнуть полового удовлетворения нормальным путем (в детстве и юности он жил одиноко сначала в деревне, а затем в одном воспитательном учреждении) — с другой.

X. уверяет, что он вполне сознавал всю чудовищность своих поступков и всеми силами боролся со своим влечением к скотоложству. Но сладострастие и наслаждение, которое он получал при таком удовлетворении полового чувства, брали верх. Со времени достижения половой зрелости он никогда не чувствовал влечения ни к лицам собственного пола, ни к женщинам.

До получения этого признания были все основания предполагать, что содомия у X. представляет не извращение, а простую извращенность, упроченную привычкой.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эротические сновидения его вращались исключительно около содомистских актов и что когда он с целью излечиться от своей аномалии сделал на 25-м году жизни попытку совершить половой акт с женщиной, то, несмотря на крайнюю привлекательность объекта этой попытки и полную потентность, не получил ни малейшего удовлетворения.

То же самое случилось и при дальнейших девяти попытках, которые он совершил в течение последующих 22 лет. При этом он обнаруживал только «механическую» деятельность — так, как если бы он совершал совокупление с куском дерева; он даже испытывал отвращение при этих актах, между тем как совокупление с животными доставляло ему величайшее наслаждение!

Уже при одном взгляде на животных в нем просыпался бурный порыв страсти; между тем в обществе женщин он оставался равнодушным и скучал, а в доме терпимости проститутка принуждена была прибегать к особым приемам, чтобы сделать его способным к половому акту.

За 2 месяца до того как он явился ко мне, он напряг всю силу воли, чтобы удержаться от онанизма и содомистских актов.

X. представляет человека со своеобразной психикой, пожалуй, даже с проявлениями дегенеративности. Но у него нельзя найти никаких анатомических признаков вырождения и никаких следов неврастении.

Я стал применять энергичное внушение (без гипноза) против

мастурбации и содомии; для возбуждения влечения к женскому полу я назначил aphrodisiaca (средство, влияющее на половую возбудимость); затем я посоветовал умеренный образ жизни, осторожную гидротерапию, усиленные движения, отвлекающие занятия. Через 10 месяцев я мог с чувством удовлетворения констатировать, что пациент привык к женщинам, стал испытывать некоторое удовлетворение при сношениях с ними и чувствовал себя сравнительно свободным от своих прежних извращенных ощущений.

Аналогичный только что описанному случай сообщает Молль в своем сочинении о половом влечении («Libido sexualis». S. 431).

Примечателен также случай зооэрастии, опубликованный Хоуардом (Alienist and Neurologist, 1896, vol. XVII, 1). Речь шла о молодом человеке 16 лет, который испытывал половое влечение только к свиньям и получал удовлетворение, только лаская этих животных.

Однако случаи действительной зооэрастии представляют большую редкость. Это объясняется, может быть, тем, что данный порок очень легко скрыть.

Окончательно решить вопрос, представляет ли зооэрастия врожденную аномалию или простое извращение полового чувства на почве фетишизма, в настоящее время не представляется возможным.

Молль (указ. соч., с. 432) считает вероятным, что мы имеем здесь дело с задержкой полового развития на стадии полового безразличия; это обстоятельство наряду с половой гиперестезией ведет к тому, что половое влечение направляется на животных (аналогично возникновению влечения к онанизму); при длительном существовании влечения к животным задерживается развитие влечения по отношению к женщинам. И действительно, в большинстве случаев мы находим здесь отсутствие чувства пола, а также психическую импотенцию при сношениях с женщинами; нередко зооэрасты не разбираются даже, служит ли им для полового удовлетворения животное мужского пола или женского. Отсюда можно было бы, пожалуй, заключить, что эта аномалия развивается на почве ассоциаций; в особенности это относится к тем случаям, когда, как в наблюдении Хоуарда, больной оказывал явное предпочтение одному виду животных.

Установление различия между скотоложством и зооэрастией, имеющее большое судебно-медицинское значение, в конкретных случаях не представляет существенных трудностей.

Тот, кто для своего нормального полового влечения ищет и

находит удовлетворение исключительно у животных, должен сейчас же возбудить подозрение относительно патологического характера его полового извращения. Во всяком случае, патологический характер извращения здесь гораздо более вероятен, чем при гомосексуализме, так как при половых сношениях с животными отсутствует психическое влияние, которое делает возможным то, что извращение одной стороны ведет к извращенности Другой. Нужно, однако, признать, что число случаев зооэрастии по сравнению с случаями гомосексуализма крайне незначительно. Это легко объясняется различным характером обеих аномалий, именно тем, что зооэраст отстоит неизмеримо дальше от нормального объекта полового удовлетворения, чем гомосексуалист. Отсюда ясно, что первую аномалию нужно считать гораздо более тяжелой формой вырождения.

б) *Противонравственные действия с лицами того же пола* (Педерастия, содомия в узком смысле)

Германское законодательство знает только противоестественные половые сношения между мужчинами; австрийское — вообще между лицами одного и того же пола; следовательно, австрийское законодательство преследует также и противонравственные действия между женщинами.

Под противонравственными действиями между мужчинами разумеется главным образом педерастия (введение пениса в задний проход). Очевидно, законодатель имел в виду исключительно это извращение полового акта. По толкованию наиболее выдающихся комментаторов уголовного кодекса *(Oppenhoff.* Strafgesetzbuch. Berlin, 1872. S. 324; *Rudolf* und *Stenglein.* Strafgesetzbuch fur das Deutsche Reich, 1881. S. 423), введение пениса в подобных случаях заключает в себе все признаки преступления против § 175.

По этому толкованию все другие виды противонравственных действий между мужчинами ненаказуемы, *поскольку они не осложняются нарушением общественной благопристойности, применением насилия или совращением мальчиков моложе 14 лет.* В последнее время от этого толкования сделано отступление в том смысле, что стали считать преступлением такие противоестественные действия между мужчинами, которые *имеют сходство с совокуплением* (beischlafahnliche Handlungen).

Исследование превратного полового влечения пролило совершенно новый свет на половые сношения между мужчинами, и мы смотрим теперь на них совсем не теми глазами, какими смотрел в свое время законодатель на вытекающие из них противонравственные преступления,

главным образом на педерастию. Тот факт, что многие случаи превратного полового влечения имеют в основе психологическую дегенерацию, не оставляет никакого сомнения, что и педерастия может наблюдаться у людей невменяемых, почему мы in foro (перед судом совести) должны исследовать не только факты преступления, но и психическое состояние преступника.

Здесь мы должны руководствоваться теми же положениями, которые были выставлены в начале этого раздела. Не само преступление, а клинико-антропологическое изучение преступника — вот что только может дать нам руководящую нить для решения вопроса, имеем ли мы перед собой простую извращенность, подлежащую наказанию, или патологическое извращение психики и инстинктов, — извращение, порою совершенно исключающее вменяемость преступника.

In foro мы должны прежде всего поставить вопрос, представляет ли влечение к лицам собственного пола явление врожденное или приобретенное, а если приобретенное, то оказывается ли оно болезненным извращением (перверсией) или только моральной испорченностью — извращенностью?

Врожденное превратное половое влечение встречается только у лиц с болезненным предрасположением (отягощенных) и представляет одно из проявлений их анатомической или функциональной ненормальности. Увереннее всего можно поставить диагноз, если индивид обнаруживает в характере и в сфере чувств изменения, соответствующие его половой аномалии, если у него совершенно отсутствует влечение к лицам другого пола или он испытывает даже отвращение к нормальным половым сношениям и, наконец, если в его превратном половом влечении обнаруживаются еще и другие ненормальности, как, например, глубокая степень вырождения в форме периодического появления превратного влечения или импульсивных действий.

Затем необходимо обследовать состояние психики У урнингов (гомосексуалистов). Если это состояние таково, что вообще отсутствуют условия вменяемости, то педераста нужно считать не преступником, а невменяемым душевнобольным.

Однако у врожденных урнингов это, по-видимому, встречается сравнительно редко. Обычно мы находим у них в высшей степени элементарные психические расстройства, которые сами по себе еще не исключают вменяемости.

Но этим еще не решается вопрос о судебной ответственности урнинга. Половое влечение является одним из сильнейших органических влечений человека. Никакое законодательство не

считает внебрачное удовлетворение половой потребности наказуемым; а то, что урнинг имеет превратную потребность, — это не его вина, а вина природы, вложившей в него ненормальные задатки. Как бы отвратительны ни казались с эстетической стороны половые вожделения урнинга, для него самого, с точки зрения его аномалии, они являются естественными. К этому нужно еще прибавить, что в большинстве случаев извращенное половое влечение у этих несчастных проявляется с ненормальной силой и что они не сознают его как нечто противоестественное. Кроме того, у них не хватает нравственного и эстетического противовеса для борьбы со своим влечением.

Среди людей с нормальной организацией имеется множество таких, которые могут воздержаться от удовлетворения своего полового влечения, не испытывая от такого вынужденного воздержания никакого вреда для своего здоровья. Напротив, невропаты, а такими являются все урнинги, заболевают тяжелой нервной болезнью, если они удовлетворяют свое естественное влечение в недостаточной степени или ненормальным для них способом.

Большинство урнингов находится в мучительном положении. С одной стороны, ненормально сильное влечение к собственному полу, влечение, удовлетворение которого действует благотворно и которое сознается самим урнингом как нормальное; с другой стороны, общественное мнение, которое клеймит презрением их поведение, и закон, который угрожает им позорным наказанием. С одной стороны, мучительное психическое состояние, граничащее с душевной болезнью и самоубийством и ведущее по меньшей мере к тяжелому повреждению нервной системы, с другой — позор, потеря положения и пр. То, что несчастное предрасположение и врожденная склонность могут создавать мучительные, безысходные положения, не подлежит сомнению. Все эти факты должны быть приняты во внимание и обществом, и судом. Обществу следует не презирать, а жалеть этих несчастных; суд должен освобождать их от наказания, если они не выходят из тех рамок, в которых вообще допустима половая деятельность.

В качестве иллюстрации к высказанным нами положениям и для подтверждения тех требований, какие должны соблюдаться в отношениях к этим пасынкам природы, мы позволим себе опубликовать послание, полученное нами от одного урнинга. Автором этого послания является одно высокопоставленное лицо, живущее в Лондоне.

«Вы не имеете никакого представления о той тяжелой борьбе, которую приходится в настоящее время выдерживать всем нам, в особенности же мыслящим и тонко чувствующим людям из

нашей среды. Вы не знаете, как много мы страдаем от господствующего ныне ложного взгляда на нас и на нашу так называемую «безнравственность».

Ваше воззрение, что интересующее нас явление в последнем счете обусловливается врожденным «болезненным» предрасположением, может быть, больше всего в состоянии победить господствующие предрассудки и, вероятно, возбудить в обществе сострадание к этим несчастным «больным» вместо презрения и отчуждения, с которыми к ним относятся в настоящее время.

И хотя я верю, что защищаемое вами воззрение принесет нам *пользу,* я в интересах науки не могу легко примириться с употребляемым вами термином «болезненный» и хочу, если вы позволите, сказать по этому поводу несколько слов.

Интересующее нас явление безусловно ненормально, но слово «болезненный» имеет несколько иное значение, которое мне кажется в данном случае неподходящим; по крайней мере это слово неприложимо к очень многим случаям, которые мне пришлось наблюдать. Я готов умозрительно согласиться с тем, что среди урнингов встречается гораздо больший процент душевных болезней, повышенной нервной раздражительности, чем среди нормальных людей. Но еще вопрос, находится ли повышенная нервозность в связи с самой аномалией, которою страдают урнинги, или это есть просто результат того обстоятельства, что вследствие господствующих в современном обществе предрассудков урнинг не может так просто и легко удовлетворять свое врожденное половое влечение, как это доступно другим людям.

Уже при первых проявлениях полового чувства, когда юноша-урнинг с наивной доверчивостью обращается к своим товарищам, он убеждается, что окружающие совершенно не понимают его; тогда он уходит в себя. Если он поделится своими ощущениями с учителем или родителями, то он услышит, что эти ощущения, которые присущи ему в такой же мере, как потребность плавать присуща рыбе, постыдны и порочны и что с ними нужно бороться всеми силами и победить их какой угодно ценой. И вот начинается внутренняя борьба, насильственное подавление половых ощущений, и, чем сильнее эта борьба, чем больше подавляется удовлетворение естественной потребности, тем живее начинает работать фантазия и тем настойчивее рисует она образы, которые урнинг старается отогнать от себя. И чем более энергичным характером обладает человек, ведущий эту борьбу, тем сильнее страдает его нервная система. Насильственное подавление потребности, которая так глубоко коренится в природе человека, насколько я могу судить, и ведет к тем болезненным явлениям, которые мы можем наблюдать у

многих урнингов, но которые не находятся в непосредственной связи с самой их аномалией.

И вот одни ведут эту внутреннюю борьбу более или менее долгое время, изнывая под ее тяжестью, другие приходят в конце концов к убеждению, что врожденное и столь могучее чувство не может быть греховным, и бросают бесплодную 6орb6v с ним. Тогда только начинается для них ряд страданий и бес прерывных волнений. Дионинг (гетеросексуалист), ищупци. удовлетворения своему половому чувству, легко находит это удовлетворение; в ином положении находится урнинг! Он сталкивается с мужчинами, которые кажутся ему привлекательными, но он не смеет не только сказать им о своих чувствах, но даже дать им их заметить. Ему кажется, что во всем мире только он один испытывает такие ненормальные ощущения. Он, конечно, ищет общения с молодыми мужчинами, но он не решается довериться им. Тогда ему приходит в голову мысль искать у себя самого того удовлетворения, которого он не может найти у других. Он начинает необузданно предаваться онанизму, и на сцену выступают все последствия этого порока. И если через известное время вы найдете у него разрушенную нервную систему, то эти болезненные явления опять-таки не зависят от самой аномалии, от самого превратного полового ощущения, а вызваны тем, что вследствие общераспространенных теперь воззрений урнинг не может найти удовлетворения своему хотя и превратному, но *для него* все-таки естественному половому влечению и принужден предаваться онанизму.

Но возьмем даже тот случай, когда урнингу выпадает редкое счастье найти человека, испытывающего одинаковые с ним ощущения, или когда кто-нибудь из более опытных друзей вводит его в мир урнингов. Это избавляет его, пожалуй, в известной степени от внутренней борьбы, но зато появляются страх и заботы, которые преследуют его на каждом шагу. Правда, теперь он уже знает, что он не единственный на свете, что существует множество людей, чувствующих так же, как и он; его даже поражает вначале та масса товарищей, которую он находит во всех классах общества и на всех ступенях социальной лестницы; он узнает, что в мире урнингов существует проституция так же, как и в мире дионингов, что за деньги можно достать не только публичных женщин, но и мужчин. У него уже нет теперь недостатка в объектах любви. Но все-таки насколько и теперь его положение разнится от положения дионингов!

Возьмем даже самый благоприятный случай. Предположим, что урнинг нашел наконец товарища по ощущениям, которого он искал всю жизнь. Но он не смеет открыто признаться ему в любви, как это делает юноша со своей возлюбленной. В

постоянном страхе обе стороны принуждены скрывать свои отношения, и, чем интимнее их дружба, тем тщательнее должны они скрывать ее, ибо тем легче она может вызвать подозрения, в особенности если друзья сильно отличаются друг от друга по возрасту или принадлежат к различным классам общества. Таким образом, вместе с любовью появляется на свет Божий целая цепь опасений, появляется страх, что тайна может быть отгадана или раскрыта, и этот страх отравляет бедному урнингу все его счастье. Какое-нибудь незначительное происшествие, на которое другой не обратил бы внимания, заставляет его дрожать от страха, что возникнет подозрение, что тайна его раскроется и что он вследствие этого потеряет свое общественное положение, лишится должности, профессии. Неужели же это вечное напряженное состояние, этот постоянный страх и беспрерывные заботы могут пройти бесследно и не оказать влияния на всю его нервную систему?

Другой, менее счастливый урнинг, не нашедший себе друга, попадает в руки какому-нибудь красивому мужчине, который вначале охотно идет навстречу его желаниям, пока не узнает от него все интимные подробности его жизни. Тогда начинаются самые утонченные преследования. Несчастный попадает в безвыходное положение. Перед ним альтернатива — либо платить, либо потерять социальное положение, опозорить самого себя и семью. И он платит; но чем больше он платит, тем ненасытнее становится вампир, который высасывает из него соки до тех пор, пока ему остается только выбор — между полным финансовым разорением и позором. Удивительно ли, если его нервы не выдержат этой ужасной борьбы?

У одного они вовсе отказываются служить, наступает психическое расстройство, и несчастный находит наконец в доме умалишенных тот покой, которого он не мог найти в жизни. Другой впадает в отчаяние и кладет конец своим мучениям самоубийством. Как много самоубийств среди молодых людей — самоубийств, кажущихся часто непонятными, — находит себе здесь объяснение!

Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что по меньшей мере половина самоубийств среди молодых людей объясняется указанными причинами. И это случается не только там, где урнинг страдает от какого-нибудь безжалостного вымогателя: даже там, где существуют мирные отношения между двумя мужчинами, раскрытие этих отношений, а порою один только страх пред таким раскрытием может вести к самоубийству. Как часто офицер, находящийся в связи со своим подчиненным, или солдат, живущий в интимных отношениях со своим товарищем, прибегает к пуле, чтобы избавить себя от позора в тот момент, когда ему кажется, что грозит разоблачение! И то же самое

происходит среди лиц других профессий!

Таким образом, если действительно необходимо признать, что у урнингов встречаются гораздо больше психических ненормальностей и, пожалуй, даже настоящих душевных болезней, чем у других людей, то это еще отнюдь не доказывает, что эти психические расстройства находятся в *необходимой* связи с самим превратным половым влечением, что они им обусловливаются. По моему глубокому убеждению, *преобладающую* часть наблюдаемых у урнингов психических расстройств и болезненных задатков нужно отнести не на счет их половой ненормальности, а на счет господствующих в обществе ложных воззрений на превратное половое влечение и на счет законодательства, отражающего эти воззрения. Кто имеет хотя бы приблизительное понятие о той массе психических и нравственных страданий, которые переживает урнинг, об угнетающих его заботах и опасениях, о притворстве и обманах, к которым ему приходится прибегать, чтобы скрыть свою аномалию, наконец, о всех тех бесконечных трудностях, которые он встречает на пути к удовлетворению своей естественной половой потребности, — кто знает все это, тот должен удивляться тому, что у урнингов не встречается еще большего числа психических расстройств и нервных заболеваний. Но значительная часть этих болезней, наверно, не развилась бы даже, если бы половое удовлетворение давалось урнингу так же просто и легко, как дионингу, и если бы он не был обречен на вечный мучительный страх».

De lege *lata* (с точки зрения *действующего* закона) урнинг должен встретить снисхождение в том отношении, что соответствующий параграф закона должен пониматься в смысле *действительной педерастии* и что должны быть подробно обследованы все психические и соматические ненормальности и сделана оценка преступления с учетом конкретных обстоятельств.

De lege *ferenda* (с точки зрения *желательного* закона) урнинги ничего не хотят так настойчиво, как отмены указанного параграфа. На это, однако, трудно ожидать согласия со стороны законодателя, ибо он не может упустить из виду, что педерастия гораздо чаще является отвратительным пороком, чем следствием физической или психической аномалии, и что хотя урнинги действительно бывают вынуждены прибегать к половым сношениям с лицами собственного пола, они все-таки могут обойтись без педерастии — этого отвратительного и циничного способа полового удовлетворения, вызывавшего к себе во все времена глубокое отвращение, да к тому же еще — в пассивной форме — крайне вредного. Что касается вопроса о том, *не было ли бы удобнее и практичнее* (из-за трудности установить состав преступления, злоупотреблений в целях вымогательства и

шантажа) *вычеркнуть из уголовных кодексов преследование за половые сношения между мужчинами, — этот вопрос остается на решение будущих законодателей.*

Мои доводы в пользу отмены соответствующего параграфа сводятся приблизительно к следующему:

1. Предусматриваемые законом преступления в большинстве случаев вытекают из ненормальной психической организации.

2. Только тщательное врачебное обследование может отличить простую извращенность от болезненного извращения. Но уже одно возбуждение преследования против человека губит его социальное положение.

3. Большинство урнингов страдает наряду с извращением полового влечения еще и ненормальной интенсивностью этого влечения. В удовлетворении своего полового чувства они находятся под властью почти физического принуждения.

4. Многим урнингам удовлетворение их полового влечения кажется вполне естественным; напротив, половые сношения, освященные законом, представляются им противоестественными. Это лишает их всех тех нравственных установок, которые могли бы удержать их от их сексуальных преступлений.

5. При отсутствии точного определения понятия «противоестественные сношения» представляется слишком много простора субъективной оценке судьи. Хитросплетения, к которым все чаще прибегают в Германии при толковании § 175, показывают, насколько неустойчивы юридические воззрения в этой области. Решающее значение как для этих воззрений, так и для суда имеет объективная сторона преступления (о субъективной стороне обычно даже не спрашивают). Но как установить эту объективную сторону? Ведь большей частью преступление совершается без свидетелей.

6. Теоретические юридические основания в пользу сохранения этого параграфа довольно шатки. Устрашающее действие он имеет редко, исправляющее — никогда, ибо патологические природные явления не устраняются наказаниями; рассматривать наказание как искупление за деяние, которое является наказуемым только с определенной да к тому же еще зачастую ошибочной точки зрения, — значит создавать почву для величайших несправедливостей. Не нужно забывать, что в некоторых культурных государствах этого параграфа уголовного кодекса не существует и что в Германии он является не чем иным, как уступкой общественной морали, которая, однако, оценивает эти преступления с неправильной точки зрения,

смешивая извращенность с извращением (перверсией).

7. По моему мнению, подрастающее поколение, равно как и общественная нравственность, в достаточной степени защищены в Германии другими параграфами; между тем § 175 приносит безусловно больше вреда, чем пользы, именно тем, что создает почву для одного из самых гадких и отвратительных явлений — для так называемого шантажа.

Правда, изобличенный шантажист также подвергается наказанию, но он не без основания рассчитывает, что жертва не доведет дело до крайности, то есть до суда. В худшем случае такой субъект может без особого вреда для своей репутации просидеть некоторое время в тюрьме, между тем как его жертва лишается чести, состояния и нередко кончает жизнь самоубийством.

8. Если законодатель полагает, что отмена § 175 может оставить без защиты немецкую молодежь, то во всяком случае было бы вполне достаточно для этой цели, если'бы § 176[1] был распространен на *лщ обоего пола* (в настоящее время этот параграф имеет в виду безнравственные поступки, совершенные с насилием или угрозой только над *лицами женского пола).* Такой параграф имеется во французском уголовном кодексе. Кроме того, можно было бы предложить изменить § 173[3] в смысле повышения возраста (теперь 14 лет), с которого противонравственные преступления против подростков уже считаются ненаказуемыми. Это было бы также полезно для защиты девушек, которые в 15 лет крайне редко обладают той интеллектуальной зрелостью и самостоятельностью, которые необходимы для того, чтобы защищать свою честь. Юношам (приблизительно до 16-летнего возраста) это принесло бы гораздо более существенную пользу, чем § 175, который, как известно, карает только педерастию (по новейшему толкованию еще и действия, имеющие сходство с совокуплением), а онанирование и другие безнравственные деяния оставляет безнаказанными. Между тем лица с извращенными половыми ощущениями опасны для молодежи именно этими действиями, к педерастии же они прибегают лишь в исключительных случаях. Начиная с определенного возраста — хотя бы, например, с 18 лет, когда имеется уже достаточная степень интеллектуальной и моральной зрелости, — безнравственные деяния между мужчинами, совершаемые с взаимного согласия и за закрытыми дверями, не должны подлежать наказанию. Законодатель не имеет на это права, да это и не составляет его обязанности. Каждый отвечает здесь сам за себя; ничьи интересы — ни частные, ни общественные — здесь не нарушаются.

То, что мы с точки зрения действующего закона говорили

относительно врожденного гомосексуализма, это в значительной своей части приложимо и к *приобретенному.* И здесь при оценке преступления громадное значение и в диагностическом, и в судебном отношении имеют неврозы, сопровождающие аномалию.

Громадный психопатологический, а нередко и криминальный интерес представляет то обстоятельство, что лица с превратным половым чувством, встречая отказ или измену со стороны возлюбленного, способны проявить все те психические реакции в форме ревности или мести, которые мы привыкли наблюдать в отношениях между мужчинами и женщинами и которые нередко ведут к тяжким насилиям со стороны оскорбленного по отношению к бывшему объекту любви и к похитителю счастья.

Подобные факты являются лучшим доказательством в пользу того, что при превратном половом чувстве имеется глубокое, конституциональное изменение всей сферы мышления, чувств и стремлений и что нормальный характер ощущений и развития вполне заменяется гомосексуальным. В качестве примера, показывающего, на какие поступки может толкнуть отвергнутая или обманутая любовь, я приведу следующий примечательный случай, заимствованный из американской судебной хроники последнего времени. При этом считаю долгом поблагодарить доктора Бёка в Троппау за выборки, сделанные им для меня из газет и судебных документов.

Наблюдение 246. Девушка-гомосексуалистка убивает свою возлюбленную, не отвечавшую ей взаимностью.

В январе 1892 г. в г. Мемфисе (Северная Америка) молодая девушка Алиса М., принадлежавшая к одной из знатнейших в городе семей, убила свою подругу Фреду У., также происходившую из аристократических кругов. Убийство было совершено на людной улице. Убийца нанесла своей жертве несколько глубоких ран в шею бритвой.

Исследование дало следующие результаты.

Алиса тяжело отягощена со стороны восходящего поколения матери: дядя и несколько двоюродных братьев были душевнобольными: мать сама имела психопатические задатки и после каждых родов страдала «пуерперальным психозом»; впоследствии у нее развилось состояние слабоумия с идеями преследования.

Брат преступницы долгое время страдал помешательством, будто бы после солнечного удара.

Алисе 19 лет, она среднего роста, некрасива. Лицо имеет

детское выражение и по сравнению с величиной тела мало. Асимметрия: правая половина лица развита сильнее, чем левая; нос «удивительно неправилен», взор острый. Алиса — левша.

Со времени наступления половой зрелости часто страдает тяжелыми и продолжительными припадками головной боли; раз в месяц у нее появляются носовые кровотечения; часто бывают приступы дрожания всего тела. Один раз такой приступ сопровождался потерей сознания.

Алиса была нервозным, раздражительным ребенком, отставшим в своем развитии. Детские игры, а в особенности игры девушек, никогда не привлекали ее. В возрасте 4—5 лет ей доставляло большое удовольствие мучить кошек, сдирать с них кожу или вешать за ногу.

Она предпочитала играть в обществе своего маленького брата и, напротив, чуждалась сестер; она соперничала с ним в катании юлы, в игре в бейсбол и футбол, в снежки и во всякие другие буйные игры. Она была любительницей лазания и обнаруживала в этом большую ловкость. С особенным удовольствием она посещала конюшни, где стояли мулы. Когда ей было 6 или 7 лет, отец ей купил лошадь; она стала за нею ухаживать, кормить ее, научилась ездить верхом без седла — по-мужски. И впоследствии она часто занималась тем, что чистила лошадь, мыла ей копыта, водила ее за уздцы по улице; она умела запрягать лошадь, понимала толк в сбруе, умела чинить ее.

В школе училась плохо, продвигалась медленно, не могла долго заниматься одним делом, с трудом усваивала и запоминала преподаваемое. Музыка и рисование совершенно не давались ей, к рукоделию у нее ни было ни малейшей склонности. Чтения она не любила и даже впоследствии не читала ни книг, ни газет. Она была своенравна и капризна, учителя и знакомые считали ее ненормальной. С мальчиками она не дружила и не играла с ними; впоследствии она не обнаруживала никакого интереса к молодым мужчинам, к флирту. Она всегда была совершенно равнодушна к молодым людям, иногда даже обращалась с ними грубо, так что те считали ее «сумасшедшей».

Напротив, к своей сверстнице Фреде У. — дочери одной знакомой семьи — она всегда, «с тех пор, как помнила себя», чувствовала необычайную симпатию. Фреда была женственно нежна и чувствительна; симпатия у девушек была взаимная, хотя со стороны Алисы гораздо более интенсивная; постепенно эта привязанность превратилась у Алисы в страсть. За год до катастрофы семья У. переселилась в другой город. Алиса была страшно опечалена разлукой. Между подругами завязалась самая нежная любовная переписка.

Дважды Алиса приезжала к семье Фреды в гости. Подруги были при этом между собой необыкновенно нежны; в этой нежности, по словам окружающих, было что-то отталкивающее. Целые часы просиживали они в гамаке, обнимаясь и целуясь; «беспрерывные объятия и поцелуи внушали прямо отвращение». Алиса стеснялась проявлять свою нежность открыто, Фреда же порицала ее за эту застенчивость.

Когда затем Фреда приехала в гости к Алисе, последняя совершила покушение на убийство своей подруги: она пыталась влить ей в рот во время сна опий, но та проснулась, и попытка не удалась.

Тогда Алиса перед глазами подруги сама выпила яд, после чего долгое время пролежала в постели. Мотив этого покушения на убийство и самоубийство сводится к следующему: Фреда обнаружила интерес к двум молодым мужчинам, Алиса же не могла отказаться от нее: «она хотела убить себя, чтобы избавиться от страданий и сделать свободной Фреду». После выздоровления Алисы переписка возобновилась с новой силой, еще более страстная, чем раньше.

Вскоре после того Алиса стала предлагать своей возлюбленной брак; она послала ей обручальное кольцо и угрожала смертью в случае измены. Они должны были переменить фамилии и убежать в Сент-Луис. Алиса предполагала надеть мужское платье и начать работать для новой семьи. Она хотела также, если Фреда будет на этом настаивать, вырастить у себя усы, что, по ее мнению, можно достигнуть бритьем.

Непосредственно перед тем, как Фреда должна была убежать, весь план был раскрыт. Бегство расстроилось, обручальное кольцо и другие вещественные доказательства их любви были пересланы матери Алисы, всякие дальнейшие сношения между обеими девушками были воспрещены.

Алиса была страшно убита. Она лишилась сна, аппетита, сделалась безучастной ко всему окружающему, глубоко рассеянной (например, на домашних счетах она подписывалась именем своей возлюбленной). Кольцо и другие вещи, полученные от возлюбленной, в том числе наперсток Фреды, который Алиса когда-то наполнила кровью своей подруги, она спрятала в углу в кухне; там она часто просиживала целые часы, задумчиво разглядывая эти вещи, то смеясь, то плача.

Она исхудала, лицо ее приобрело выражение испуга, в глазах появился «странный, неприятный блеск». В это время она вдруг узнает, что Фреда должна вскоре приехать в М. Тогда у нее созревает план убить Фреду, *если не удастся овладеть ею.* Она

похищает у отца бритву и тщательно прячет ее.

Она затевает переписку с поклонником Фреды, делая вид, что очень им интересуется, в действительности же имея в виду узнать об отношениях его к Фреде и желая следить за дальнейшим развитием этих отношений.

Во время пребывания Фреды в М. Алиса делает ряд попыток увидеться с ней или вступить с нею в переписку. Но все попытки не удаются. Она начинает выслеживать Фреду на улице; однажды она была уже близка к тому, чтобы совершить на нее нападение, но какое-то случайное обстоятельство помешало ей. Только в самый день отъезда Фреды Алисе наконец удается настигнуть ее по дороге к пароходу.

Глубоко оскорбленная тем, что во все время пути Фреда только раз скользнула по ней взглядом, не сказав ей ни одного слова, хотя их коляски ехали рядом, она, наконец, не выдержала, соскочила с коляски, бросилась на Фреду и нанесла ей бритвой удар. Сестра Фреды ударила ее и стала ругать. Тогда она впала в безумное бешенство и с слепым ожесточением стала наносить Фреде одну за другой глубокие раны в шею: одна рана шла почти от одного уха до другого. Пользуясь общей сумятицей, когда все бросились оказывать помощь раненой, Алиса умчалась галопом и, исколесив вдоль и поперек весь город, приехала домой. Там она сейчас же сообщила обо всем матери. Она совершенно не сознавала весь ужас того, что она сделала; к упрекам, к напоминаниям об ожидающих ее последствиях она оставалась совершенно равнодушной. Только когда она услышала, что Фреда умерла и что ее хоронят, и когда она таким образом поняла, что лишилась своей возлюбленной, она стала неудержимо рыдать, целовать оставшиеся у нее портреты Фреды, говорить с нею, как с живой.

Во время следствия бросалось в глаза ее полное равнодушие к глубокому горю, в которое были повергнуты ее родственники, и какое-то тупое непонимание нравственной стороны всего происшедшего.

Только в те моменты, когда в ней просыпалась страстная любовь к Фреде или ревность, она приходила в волнение и впадала в состояние сильного аффекта. *«Фреда изменила мне», «я убила ее, потому что любила».* Интеллектуальное ее развитие, по общему мнению экспертов, не превышало развития 13—14-летней девочки. То, что от ее «связи» с Фредой не могли произойти дети, — это она понимала, но почему «брак» между ними был бы нелепостью, она отказывалась понять. Половые сношения (хотя бы в форме онанизма) с Фредой она отрицает. Об этой стороне дела, равно как о половой жизни обвиняемой после этого, вообще ничего не известно. Гинекологического

обследования также не произведено.

Процесс закончился признанием ее душевнобольной (The memphis medical monthly, 1892).

Аналогичный случай сообщает Хэвлок Эллис (Studies etc., p. 79). Там речь шла о двух актрисах, из которых одна была гомосексуалистка, другая нормальная. Когда последняя нарушила верность и завела связь с мужчиной, гомосексуалистка из ревности застрелила своего соперника. Она была приговорена к пожизненному заключению.

Доктор фон Сасси из Венгрии сообщает о случае, когда одна женщина с превратным половым влечением, влюбленная в другую, не отвечавшую ей взаимностью, пыталась убить эту последнюю, ревнуя ее к кельнеру, с которым та кокетничала; после этого она сделала покушение на самоубийство (Allgemeine Wiener medizinische Zeitung, 1901, 46 Jahrgang, № 38—41). Преступница в свое время была замужем, но вследствие ее превратного полового влечения брак оказался несчастлив. Приговорена, ввиду смягчающих обстоятельств, к 8 месяцам тюрьмы.

ПЕДЕРАСТИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НЕ БОЛЕЗНИ, А РАЗВРАЩЕННОСТИ

Здесь перед нами одна из ужаснейших страниц в истории человеческих отклонений.

Причины, доводящие человека с нормальным половым ощущением и психически здорового до педерастии, могут быть крайне разнообразны. Иногда она является средством полового удовлетворения за неимением лучшего, точно так же, как это бывает в редких случаях с скотоложством, при вынужденном воздержании от нормальных половых сношений[2]. Такие вещи случаются на кораблях во время дальних рейсов, в тюрьмах, на каторге. В высшей степени вероятно, что в подобных случаях развратителями других являются люди с низким моральным уровнем и сильной чувственностью или даже урнинги. Немалую роль играют, конечно, сладострастие, подражательность, а иногда и корыстолюбие.

Но во всяком случае то обстоятельство, что все эти побуждения в состоянии подавить отвращение к противоестественному акту, показывает, насколько сильно само половое влечение.

Другую категорию педерастов представляют старые развратники, пресыщенные нормальными половыми наслаждениями и ищущие в педерастическом акте новых, неиспытанных ощущений. Таким путем они временно

восстанавливают свою психическую и физическую потенцию, нередко очень резко ослабленную. Своеобразное половое действие делает их, так сказать, относительно потентными и дает им возможность получить наслаждение, которого не может им доставить сношение с женщиной. С течением времени падает и потенция по отношению к педерастическому акту. Тогда субъект переходит к пассивной педерастии как к раздражающему средству, делающему возможным активный акт, а иногда к флагелляции или к наблюдению грязных сцен (о случае осквернения животных сообщает Машка).

В конце концов половая деятельность у подобных нравственно павших субъектов сводится ко всевозможного рода противонравственным действиям над детьми, к куннилингусу, феллации и другим отвратительным приемам.

Эта категория педерастов представляет наибольшую общественную опасность, ибо здесь педерастия направлена прежде всего и чаще всего *на мальчиков,* которые гибнут при этом физически и морально.

Потрясающие наблюдения в этой области сделал Тарновский (указ. соч., с. 53 и след.) среди представителей петербургского общества. Ареной и рассадником этого рода педерастии являются институты. Старые развратники и урнинги играют роль развратителей. Вначале развращенному очень трудно совершить отвратительный акт. Он прибегает к помощи фантазии, рисуя в своем воображении женщину. Но постепенно у него развивается привычка и отвращение уменьшается. В конце концов он, подобно онанисту, становится импотентным с женщинами и в то же время достаточно сладострастным, чтобы находить удовольствие в извращенном акте. В определенных случаях он начинает продавать себя, превращаясь в проститутку.

Таких субъектов, как показывают наблюдения Тардье, Гофмана, Лимана, Тэйлора, немало в крупных городах. Из многочисленных сообщений урнингов известно также, что в области гомосексуальных отношений существуют профессиональная проституция и настоящие дома терпимости.

Примечательно, что мужчины-проститутки прибегают к кокетству, к украшениям, парфюмерии, надевают костюмы женского покроя, чтобы казаться привлекательными педерастам и урнингам. Впрочем, в случаях врожденного, а также в некоторых случаях приобретенного превратного полового влечения такого рода имитация женских черт проявляется непроизвольно и бессознательно.

Интересные сведения, очень ценные для психологов и в

особенности для полицейских чиновников, касающиеся социальной жизни и привычек педерастов, читатель найдет в следующих строках.

Кофиньон (La corruption a Paris. P. 327) делит *активных* педерастов на три группы: amateurs, entreteneurs и souteneurs (любителей, содержателей и сутенеров).

К любителям принадлежат люди зажиточные, с общественным положением, по большей части с врожденным превратным половым ощущением, которые принуждены ограничивать себя в удовлетворении своих гомосексуальных наклонностей из боязни разоблачений. Они посещают дома терпимости, дома свиданий или частных проституток, поддерживающих близкие отношения с проститутками-мужчинами. Таким путем любители избегают шантажа.

Некоторые из них достаточно смелы, чтобы удовлетворять свои отвратительные склонности в публичных местах. При этом они подвергают себя риску быть арестованными; сделаться жертвой шантажа при этих условиях (в больших городах) труднее. Но зато опасность увеличивает наслаждение.

Содержатели — это старые грешники, которые даже с риском попасть в руки шантажиста не могут отказать себе в том, чтобы иметь содержанку-мужчину.

Сутенеры — это бывшие под судом педерасты, имеющие своего «jesus», которого они посылают завлекать гостей («faire chanter les rivettes»), и подстерегающие момент, чтобы явиться и обобрать жертву.

Нередко они живут семьями, где отдельные члены, смотря по тому, являются они пассивными или активными педерастами, играют роль то жен, то мужей. Здесь бывают настоящие свадьбы, помолвки, банкеты и торжественные проводы новобрачных в их покои.

Такой сутенер часто привязывается к своему «jesus».

Пассивные педерасты делятся на категории «petits jesus», «jesus» и «tantes».

Petits jesus — это безвозвратно испорченные дети, случайно попавшие в руки активного педераста, развратившего их и толкнувшего на путь ужасной профессии — в форме ли содержания или в форме мужской уличной проституции, с сутенером или без него.

Научившись под руководством опытных лиц искусству одеваться

и держаться по-женски, эти дети превращаются в самых ценных и привлекательных petits jesus.

С течением времени они стремятся избавиться от своих учителей и эксплуататоров, для чего иногда прибегают к анонимным доносам в полицию на своих сутенеров; затем они делаются содержанками.

Petit jesus всеми силами старается при помощи искусства туалета сохранить возможно дольше юношеский вид; сутенер помогает ему в этом.

Но самым крайним сроком является 25-летний возраст. Тогда petit jesus становится jesus и содержанкой, причем по большей части живет на содержании у многих лиц одновременно. Jesus делятся на категорию «filles galantes» («девиц легкого поведения»), то есть таких, которые снова попадают в руки сутенера, затем категорию «pierreuses» (шляющихся по панели аналогично их женским коллегам) и, наконец, «domestiques» («домашних слуг»).

Последние нанимаются к активным педерастам, чтобы удовлетворять их страсть или чтобы доставить им petits jesus.

Одной из разновидностей этих domestiques являются те, которые в качестве горничной оказывают услуги petits jesus. Главная цель каждой domestique — это собрать во время своей службы достаточно компрометирующих материалов, чтобы впоследствии можно было заняться шантажом и обеспечить себе таким образом сносное существование на старости лет.

Но едва ли не худшей категорией пассивных педерастов являются «tantes». Это сутенеры проституток, вполне нормальные в половом отношении, прибегающие к педерастии (пассивной) только из корыстолюбия или для целей шантажа.

Богатые любители собираются вместе, имеют места, где устраивают отвратительнейшие оргии; пассивные педерасты появляются там в женском платье. Кельнеры, музыканты и вообще все присутствующие при этих оргиях — исключительно педерасты. Filles galantes не решаются появляться на улице в женском туалете — за исключением только карнавала, но они умеют придать своей одежде особый характер, в некотором роде женский покрой, так что наружность их приобретает нечто, указывающее на их позорный промысел.

Они заманивают к себе гостей жестами, рукопожатиями и ведут их затем в отели, бани или дома терпимости.

То, что автор сообщает о шантаже, общеизвестно. В некоторых

случаях педерасты дают выжать из себя все свое состояние.

Petits jesus, это чудовищное явление крупных мировых центров, не является только искусственным продуктом, вызванным к жизни существованием соответствующего промысла, а гораздо чаще служит выражением дегенеративной конституции, в пользу этого говорят исследования Лорана (Les bisexues. Paris, 1894. P. 172), который под названием «hermaphroditisme artificiel» («искусственный гермафродитизм») обозначает явление эффеминации и «инфантилизма».

Он описывает мальчиков, у которых с момента наступления половой зрелости остановилось развитие скелета и половых органов, у них отсутствуют волосы на лице и в лобковой области, они умственно отсталы, нередко с женскими вторичными признаками — как психическими, так и физическими. При вскрытии таких «petits garroches» (Бруардель) находят недоразвитый пузырь, рудиментарную простату, недостаточное развитие мышц ischio- и bulbo-cavernosi (седалищно- и луковично-кавернозных), маленький пенис и очень узкий таз.

Здесь, по-видимому, мы имеем дело с тяжело отягощенными индивидами, у которых в период половой зрелости произошла рудиментарная половая трансформация.

Лоран (с. 181) делает интересное замечание, что *из этой группы инфантильных и эффеминированных субъектов рекрутируются профессиональные пассивные педерасты (petits jesus).*

Таким образом, необходимы, очевидно, дегенерация и другие антропологические факторы, чтобы толкнуть этих уродливых представителей человеческого племени на такую отвратительную дорогу.

Следующая заметка из одной берлинской газеты за февраль 1884 г., случайно попавшаяся мне на глаза, прекрасно характеризует жизнь и обычаи педерастов и урнингов.

«Бал женоненавистников». Почти все социальные слои Берлина имеют свои общественные собрания — толстяки, плешивые, холостяки, вдовцы, отчего бы не иметь своего клуба и женоненавистникам? Эта интересная в психологическом отношении порода людей, не очень любимая в обществе, устроила недавно бал. В извещениях он был назван «Большой венский маскарад»; билеты продавались, то есть раздавались, с большим выбором, чтобы не проникли посторонние. Место собрания — один очень известный и большой танцевальный зал. Мы явились туда в полночь. Оркестр играл, гости оживленно танцевали. Облака дыма, застилавшие люстру, не давали вначале разглядеть подробности в волнующейся толпе. Только

во время антракта мы могли внимательно рассмотреть окружающее. Преобладали маски; черные фраки и бальные костюмы составляли исключение.

Но что за странность? Мимо нас в розовом тарлатане проходит дама, которая держит в углу рта зажженную сигару и выпускает клубы дыма, как хороший драгун. У нее даже русая бородка, чуть-чуть замазанная румянами. Вот она разговаривает с сильно декольтированным «ангелом» в трико, который закинул назад голые руки и тоже курит. Оба они говорят мужскими голосами, и тема разговора мужская. Одним словом, двое мужчин в женском платье.

В другом месте у колонны стоит клоун и нежно беседует с балериной, обняв ее стройную талию. У нее белокурая шевелюра, резко очерченный профиль и, видимо, пышные формы. Блестящие серьги, колье с медальоном на шее, круглые плечи и руки — все заставляет думать, что это уже «настоящая». Но вот она делает внезапный поворот, освобождает себя из объятий и, зевая, говорит басом: «Эмиль, ты сегодня невыносимо скучен!» Непосвященный не верит своим глазам: и балерина оказывается мужского пола!

Полные сомнений, мы продолжаем свои наблюдения. Нам начинает казаться, что перед нами мир наизнанку. Вот идет, семеня ногами, мужчина — нет, это не мужчина, безусловно нет, хотя он и носит тщательно закрученные усы. Завитые кудри, напудренное и нарумяненное лицо, подведенные тушью брови, золотые серьги, букет живых цветов, спускающийся с левого плеча на грудь и украшающий элегантный черный лиф, браслеты на руках, изящный веер, белые перчатки — ведь все это далеко не атрибуты мужчины. И как он кокетливо помахивает веером, как он вертится, танцует, переставляет ножки и шепчет что-то губами! Но нет! Все-таки мать-природа создала эту куклу мужчиной. Это приказчик одного из крупных здешних магазинов, а балерина, которую мы видели раньше, его «коллега».

На конце стола в углу зала собрался кружок. Несколько пожилых мужчин осаждают группу сильно декольтированных дам, сидящих за бутылкой вина и отпускающих — если судить по шумному веселью слушателей — не совсем деликатные шуточки. Кто же эти три дамы? «Дамы»! — улыбается мой опытный спутник. Сидящая направо темноволосая в коротком фантастическом костюме — это «Butterrieke» — парикмахер; другая, белокурая, в костюме шансонетки, с жемчужным колье на шее, известна под именем «Miss Ella aufs Seil», она — дамский портной; третья — это знаменитая, популярная в широких кругах «Lotte».

... Но невозможно, чтобы это был мужчина! Эта талия, этот бюст, эти классические руки, вся фигура — все это безусловно женское!

Но я слышу, что «Lotte» была раньше бухгалтером. Теперь она или, точнее, он только «Lotte» и занимается тем, что вводит мужчин в заблуждение по поводу своего пола. Вот она начинает петь не совсем приличную песенку, при этом у нее оказывается недурной альт, приобретенный путем многолетнего упражнения; ее голосу могла бы позавидовать иная певица. «Lotte» уже «работала» в женских комических ролях. В настоящее время прежний бухгалтер так втянулся в женскую роль, что и на улицах появляется почти исключительно в женской одежде и даже — как рассказывает его прислуга — надевает на ночь кружевное дамское неглиже.

При внимательном изучении окружающих я, к великому моему удивлению, нашел много знакомых лиц: моего сапожника, которого я готов был считать кем угодно, но только не «женоненавистником»; он одет трубадуром с пером в шляпе и с кинжалом в руках; а его «Leonore» — в подвенечном костюме — я встречал в табачной лавочке, где она предлагала мне разные сорта папирос. Эту «Leonore» я узнал по ее большим, испорченным от мороза рукам, когда она во время антракта сняла перчатки. Ба! вот и фабрикант галстуков, мой постоянный поставщик! На нем странный костюм Вакха, он вертится, как селадон, около безобразной разряженной Дианы, которая в обычное время исполняет обязанности кельнера в пивной. Что касается «настоящих» дам на этом балу, то о них неудобно говорить на страницах газеты. Впрочем, заметим, что они держались друг около друга и избегали подходить к мужчинам-женоненавистникам, но и эти последние совершенно их игнорировали и развлекались исключительно между собой.

Эти факты заслуживают полного внимания полицей[1] ских властей, которым *должна быть предоставлена законом такая же возможность бороться с мужской проституцией, какая предоставлена им по отношению к женской.*

Во всяком случае мужская проституция гораздо опаснее для общества, чем женская, и является самым позорным пятном в истории человечества.

Из сообщений одного высшего полицейского чиновника в Берлине мне известно, что полиция прекрасно знает весь мужской полусвет немецкой столицы и старается всеми силами бороться с шантажистами среди педерастов, не останавливающимися иногда даже перед убийством.

Приведенные выше факты вполне оправдывают наше желание,

чтобы *законодатель в будущем прекратил преследование педерастов, хотя бы из утилитарных соображений.*

В этом отношении интересно, что французский уголовный кодекс оставляет педерастию безнаказанной до тех пор, пока она не соединяется с «публичным оскорблением, не приобретает бесстыдный характер». Новый итальянский уголовный кодекс обходит молчанием противоестественные половые действия и делает это, очевидно, по соображениям юридического свойства. То же мы встречаем в законодательстве Голландии и, насколько мне известно, Бельгии и Испании.

Вопрос о том, насколько можно считать здоровыми в физическом и психическом отношениях лиц, у которых склонность к педерастии развилась на почве развращенности, — этот вопрос я оставляю открытым. Несомненно только, что половые неврозы имеются у большинства. Во всяком случае, мы встречаем *ряд незаметных переходов к приобретенному болезненному гомосексуализму.* Но все-таки в общем у этих субъектов, стоящих по своему нравственному уровню гораздо ниже обыкновенных проституток, нельзя отрицать вменяемость.

Различные категории мужелюбивых мужчин отличаются между собой в отношении способа полового удовлетворения главным образом тем, что *врожденный* ур-нинг делается педерастом только в исключительных случаях, может быть, только тогда, когда он уже испытал и исчерпал все другие способы половых сношений, возможные между мужчинами.

Пассивная педерастия является и в теории, и на практике адекватным для врожденного урнинга способом полового удовлетворения. На активную педерастию он решается только из любезности. Самым важным признаком является врожденное, не поддающееся никаким изменениям извращение полового ощущения. Иначе обстоит дело у педераста-развратника. Он прежде имел нормальные половые сношения с лицами другого пола; во всяком случае, его половые ощущения были вполне нормальны.

Его половое извращение не врожденно и поддается изменениям. Он обращается к педерастии после других приемов, к которым его вынуждает слабость эрекцион-ного и эякуляционного центра. Главный предмет его желаний — на вершине половой способности — это активная, а не пассивная педерастия. На пассивную он соглашается из любезности или из корыстолюбия (в роли мужской гетеры) или желая таким путем возбудить угасающую половую способность, чтобы иметь возможность совершить затем активный, педерастический акт.

В заключение упомянем еще об одном отвратительном явлении

— о *педикации женщин*[1], подчас даже супруг! Развратники совершают это нередко над проститутками или даже над своими женами, желая пощекотать таким образом притуплённую чувственность. Тардье приводит примеры, когда мужья наряду с половым актом совершали время от времени и педикацию своих жен! Иногда муж решается на этот отвратительный акт из боязни новой беременности у жены; из тех же соображений соглашается на это и жена!

Наблюдение 247. Недоказанное обвинение в педерастии. Извлечение из протокола.

30 мая 1888 г. доктор химии S. в г. X. был обвинен в анонимном письме, адресованном его тестю, в том, что состоит в безнравственной связи с сыном мясника G. Получив письмо, S. был глубоко возмущен его содержанием и поспешил к своему начальнику, который обещал принять строгие меры и узнать в полиции, известен ли этот случай публике и что говорят о нем.

Утром 31 мая полиция арестовала G. в квартире S., где тот лежал больной гонореей и орхитом. S. обратился к прокурору с просьбой об освобождении G. и предлагал поручительство, но предложение это было отклонено. В своем заявлении суду S. сообщил, что он познакомился с юношей G. 3 года назад на улице, затем потерял его из виду, а осенью 1887 г. снова встретился с ним в лавке его отца. Начиная с ноября 1887 г. G. доставлял S. мясо для кухни, причем он каждый вечер являлся за заказом, а каждое утро доставлял товар. Таким образом S. близко познакомился с G. и постепенно с ним подружился. Когда S. заболел, то во все время болезни, которая приковала его надолго к постели, G. обнаружил такое внимательное отношение к больному, что обворожил своим мягким, веселым, детским характером и самого S., и его жену. S. показывал G. свои коллекции древностей, они проводили вместе вечера, причем по большей части присутствовала и госпожа S. Кроме того, S. делал вместе с G. опыты по изготовлению колбасы, желе и пр. В конце февраля 1888 г. G. заболел гонореей. Так как S. считал его своим другом, любил ухаживать за больными и несколько семестров изучал медицину, то он принял в G. горячее участие, давал ему лекарства и т. д. Поскольку G. прохворал до мая и по различным соображениям для него было желательным оставить отцовский дом, то семья S. взяла его к себе на квартиру.

S. с негодованием отвергает все подозрения, вызванные этим обстоятельством, ссылается на свое безупречное прошлое, на свое хорошее воспитание, на то обстоятельство, что в то время G. был болен отвратительной, прилипчивой болезнью, а сам он страдал долго мучительными коликами из-за почечных

камней.

Но с объяснением S., которое представляет все дело в таком невинном свете, следует сравнить следующие факты, добытые судебным следствием и повлиявшие на приговор первой инстанции.

Отношения между S. и G. казались многим неприличными и дали повод к разным толкам не только в частных домах, но и в трактирах. G. проводил вечера в семейном кругу у S. и в конце концов сделался там своим человеком. Оба совершали вместе частые прогулки. Во время одной из таких прогулок S. обратился к G. и сказал: «Ты красивый парень, и я люблю тебя». При этом они говорили также о половых излишествах, между прочим о педерастии. S. будто бы только коснулся этого вопроса, желая предостеречь от этого G. Что касается их домашних отношений, то доказано, что S., сидя на софе, иногда обнимал и целовал G. Это случалось в присутствии как жены S., так и служанки. Когда G. заболел гонореей, S. обучал его спринцеваниям, причем брал в руки его пенис. G. сообщает, что на его вопрос, почему S. так его любит, тот отвечал: «Сам не знаю». Если G. отсутствовал несколько дней, S. встречал его потом со слезами на глазах. Между прочим S. сообщил ему, что он несчастлив в браке, и просил его со слезами на глазах, чтобы он его не оставлял, что он заменяет ему жену.

На всем этом было построено обвинение в том, что отношения между обоими обвиняемыми носили половой характер. То обстоятельство, что обвиняемые вели себя открыто, ни перед кем не стесняясь, не говорит, по мнению обвинителя, в пользу невинного характера отношений, но скорее указывает на интенсивность страсти у S. Безупречное поведение обвиняемого в прошлом, его благородный и мягкий характер — действительно подтверждаются. Весьма вероятно, что супружеские отношения S. сложились несчастливо и что он обладал чувственной натурой.

Во время следствия G. был неоднократно подвергаем судебно-медицинскому обследованию. Он чуть ниже среднего роста, бледен, крепкого сложения. Пенис и яички сильно развиты.

Единогласно было признано, что задний проход болезненно изменен, а именно, что складки в окружности его сглажены и сфинктер расслаблен, и эти изменения дают основание заподозрить с большой вероятностью пассивную педерастию.

На этих фактах был основан приговор. Было признано, что отношения между обвиняемыми не указывают с несомненностью на противоестественный разврат между ними и что телесные изменения, найденные у G., сами по себе также недоказательны

в этом отношении.

Однако из сопоставления обоих моментов суд вынес убеждение в виновности G. и S. и счел доказанным, «что ненормальное состояние заднего прохода у G. вызвано тем, что обвиняемый S. в продолжение долгого времени вводил в него член и что G. добровольно соглашался на это противонравственное действие».

Таким образом, налицо имелся состав преступления в соответствии с § 175 уголовного кодекса. При определении наказания был принят во внимание образовательный ценз S., а также то, что, по-видимому, он был развратителем G., а по отноше-570

нию к этому последнему было принято во внимание как указанное обстоятельство, так и его юношеский возраст и, наконец, по отношению к обоим — их незапятнанное прошлое; в результате S. был приговорен к 8-месячному заключению, G. — к 4-месячному.

Осужденные подали апелляцию в имперский суд в Лейпциге, а на случай отклонения апелляции решили собрать материал, чтобы иметь возможность возобновить процесс.

Они подвергли себя обследованию и наблюдению со стороны видных специалистов. Последние удостоверяли, что по состоянию заднего прохода у G. нельзя сделать никаких предположений о том, что он предавался пассивной педерастии.

Так как заинтересованные считали важным осветить психологическую сторону случая, на которую в процессе не было обращено должного внимания, то они обратились ко мне с просьбой об испытании и обследовании доктора S. и G.

Результаты испытания, произведенного от 11 по 13 декабря 1888 г. в Граце.

Доктор S., 37 лет, 2 года женат, бездетен, был раньше директором городской лаборатории в X., происходит от отца, расстроившего свою нервную систему переутомлением, получившего на 57-м году апоплексический удар и умершего на 67-м году от повторного удара. Мать жива, по-видимому, здорова, но давно отличается нервозностью. Бабушка умерла в пожилом возрасте, по всей вероятности, от опухоли мозжечка. Один из дядей матери был пьяницей. Дед S. по отцу умер рано от размягчения мозга.

У S. два брата, отличающиеся полным здоровьем.

S. считает себя человеком крепкого сложения и нервного

темперамента. После перенесенного на 14-м году острого суставного ревматизма он несколько месяцев страдал сильной нервностью. Впоследствии он часто страдал ревматическими болями, сердцебиением и одышкой. Под влиянием морских купаний все эти расстройства постепенно исчезли. 7 лет назад он перенес гонорею. Болезнь длилась долго и сопровождалась длительным расстройством пузыря.

В 1887 г. S. в первый раз заболел почечными коликами. Зимою 1887/88 г. такие приступы повторялись часто, пока 16 мая 1888 г. не вышел порядочной величины почечный камень. С тех пор он чувствовал себя сравнительно удовлетворительно. Во время почечной болезни он при мочеиспускании, а также при половом акте в момент семяизлияния чувствовал сильную боль в мочеиспускательном канале.

Что касается биографии S., то он сообщает, что до 14 лет учился в гимназии, а потом вследствие тяжелой болезни продолжал свое образование дома. Затем 4 года служил у аптекаря, прослушал 6 семестров на медицинском факультете, участвовал в войне в 1870 г. в качестве добровольца-санитара. Так как у него не было аттестата зрелости, то он бросил медицину, получил звание доктора философии, поступил на службу в минералогический музей в К., затем служил ассистентом в минералогическом институте в X., прошел специальный курс химии питательных веществ и 5 лет тому назад занял должность директора городской лаборатории.

Обследуемый сообщил все эти данные быстро и точно, не задумываясь над ответами, так что складывалось впечатление, что это человек правдивый и что он сообщает верные сведения, к тому же в ближайшие дни он в точности подтвердил все сообщенное. Относительно своей половой жизни S. откровенно и скромно рассказывает, что уже с 11 лет он ясно сознавал различие полов, до 14 лет занимался онанизмом, с 18 лет умеренно совершал половые сношения. Чувственность его никогда не была особенно сильна, половой акт был и остается нормальным во всех отношениях; S. потентен и получает при акте достаточное ощущение удовольствия. Со времени брака, в который он вступил *2* года назад, он имеет сношения по нескольку раз в неделю исключительно со своей женой, на которой он женился по любви и которую он сердечно любит до сих пор.

Жена S., охотно давшая эксперту показания, в точности подтвердила все, что сообщил ее муж.

На все вопросы относительно наличия у него превратного полового влечения к мужчинам он отвечал отрицательно, причем никакими перекрестными допросами, повторявшимися

несколько раз, не удавалось его спутать: он давал одни и те же показания, нисколько над ними не задумываясь. Даже когда его хотели поймать в ловушку и представили дело так, что для целей экспертизы было бы выгодно доказать наличие у него превратного полового влечения, он все-таки остался при своих прежних показаниях. Создавалось впечатление, что S. абсолютно незнаком с научными наблюдениями над однополой любовью. Так, например, удалось узнать, что его сновидения во время поллюций никогда не имели содержанием мужчин, что его интересуют только женские прелести, что на балах он очень охотно танцует с женщинами и т. д. Никаких следов полового влечения к собственному полу у S. не было. О своих отношениях к G. он сообщает совершенно то же, что показывал на судебном допросе. Он объясняет свою склонность к G. только своей нервозностью, впечатлительностью и отзывчивостью, тем, что очень расположен к дружеским отношениям. Во время своей болезни он чувствовал себя одиноким и несчастным; жена часто проводила время у родителей, в силу этого он так близко сошелся с добродушным и симпатичным G. У него до сих пор сохранилась склонность к нему, в его присутствии он чувствует себя удивительно спокойным и довольным.

У него раньше дважды были такие же интимные друзья: когда он был студентом, он любил одного своего товарища по корпорации, некоего доктора А., которого он также обнимал и целовал; позднее он был дружен с бароном М. К последнему он был так привязан, что безутешно плакал, если не мог видеть его несколько дней.

Но такую мягкость характера и привязчивость он обнаруживает и по отношению к животным. Так, у него был пудель, который некоторое время назад умер; он часто целовал его, а смерть его оплакивал, как если бы это был член семьи. (При этих воспоминаниях у обследуемого появились слезы на глазах.) Эти показания подтвердил брат обследуемого, который добавил, что относительно дружбы S. с А. и М. никоим образом не может возникнуть предположения о наличии сексуальной подкладки их отношений. Самый подробный и в то же время осторожный расспрос S. также не дает никаких оснований для такого предположения.

Он утверждает, что и по отношению к G. у него никогда не появлялось ни малейшего чувственного побуждения, в его присутствии он ни разу не имел эрекции или вообще какого-нибудь полового ощущения. Свою нежность к G., граничащую с ревностью, он объясняет просто своим сентиментальным характером и своей безграничной дружбой. И до сих пор G. ему так близок, как будто он его сын.

Интересно, что, когда G. рассказывал S. о своих похождениях у

женщин, последний огорчался только тем, что G. может таким путем расстроить свое здоровье, что излишества могут повредить ему; но чувства, похожего на оскорбление, он никогда при этом не испытывал. Если бы он знал хорошую невесту для G., то от души посоветовал бы ему жениться.

S. утверждает, что только во время процесса он понял, что поступал опрометчиво, не принимая во внимание общественного мнения и давая повод к разговорам. Потому он и был откровенен в своих дружеских отношениях к G., что эти отношения были совершенно невинны.

Примечательно, что госпожа S. никогда не видела ничего подозрительного в отношениях между мужем и G., хотя даже самая необразованная женщина, просто инстинктивно, поняла бы, если бы в этих отношениях было что-нибудь предосудительное. Когда речь шла о том, чтобы взять G. в дом, она также нисколько не колебалась. Она между прочим сообщает, что комната, где лежал больной G., находилась на нижнем этаже, между тем как вся семья жила на третьем; далее, что S. никогда не оставался наедине с G. Она утверждает, что глубоко убеждена в невиновности мужа и любит его по-прежнему.

Доктор S. без всякого раздумья подтверждает, что раньше он часто целовал G. и разговаривал с ним о половых сношениях. Дело в том, что G. был очень падок до женщин, и S. предостерегал его от половых излишеств, в особенности в те дни, когда G. после ночных похождений имел дурной вид.

Выражение, что G. красивый парень, он действительно раз употребил, но совершенно в невинном смысле.

Целовал он G. исключительно из чувства дружбы в тех случаях, когда тот обнаруживал к нему особое внимание. Никогда он не испытывал при этом каких-либо половых ощущений. Если он и видел его время от времени во сне, то эти сновидения также носили невинный характер.

В высшей степени важным казалось автору подвергнуть подробному обследованию самого G. Случай для этого представился 12 декабря этого года.

G. — молодой человек чуть-чуть нежного сложения, развитый пропорционально возрасту (20 лет), по-видимому, невропатической организации и чувственный. Половые органы хорошо развиты и вполне нормальны. Результаты исследования заднего прохода автор обходит молчанием, так как не считает себя компетентным в этой области. При продолжительном разговоре с G. складывается впечатление, что это безобидный,

добродушный человек без всяких задних мыслей, может быть, несколько легкомысленный, но никоим образом не испорченный в нравственном отношении. Он не внушает ни малейшего подозрения относительно мужского куртизанства.

На прямой и откровенный вопрос G. отвечает, что S. и он, сознавая свою невиновность, ничего не утаивали, отчего и разгорелся весь процесс.

Вначале дружба S. и в особенности его поцелуи казались ему самому странными. Впоследствии он убедился, что здесь нет ничего, кроме простой дружбы, и больше уже не удивлялся.

G. видел в S. старшего друга и охотно отвечал взаимностью на его бескорыстную привязанность.

Выражение «красивый парень» было употреблено, когда G. был влюблен и выразил S. опасения относительно своего будущего счастья. Тогда-то S. и сказал ему в утешение, что при такой привлекательной наружности он, наверно, сделает хорошую партию.

Однажды S. признался ему в том, что госпожа S. обнаруживает склонность к вину; при этом S. плакал. G. был тронут несчастьем своего друга. S. поцеловал G. и просил, чтобы он не отказывал ему в дружбе и чаще навещал его.

Никогда S. по собственному почину не заводил разговора на сексуальные темы. Когда однажды G. спросил его, что такое педерастия, о которой он много слышал в Англии, тот объяснил ему.

G. не отрицает своей чувственности. На 12-м году он был посвящен товарищами в тайны половой жизни. Он никогда не занимался онанизмом, первое совокупление совершил на 18-м году, затем усиленно посещал дома терпимости. Никогда он не испытывал влечения к собственному полу; когда S. целовал его, он никогда не чувствовал полового возбуждения. Половой акт он совершал нормально, получая полное удовлетворение. Сновидения при поллюциях имели своим содержанием только женщин в сладострастных позах. Он возмущен инсинуацией, обвиняющей его в пассивной педерастии; он с негодованием отвергает это обвинение, ссылаясь на свое происхождение из здоровой и уважаемой семьи. До появления всех этих толков он не подозревал, чтобы их отношения могли казаться предосудительными. По поводу изменений, найденных в его заднем проходе, он дает те же объяснения, какие приведены в актах. Автомастурбацию этого места он отрицает.

Заслуживает упоминания, что брат S., узнав об обвинении

последнего в гомосексуальных отношениях, был так же глубоко удивлен, как и все другие, близко знавшие его брата. При всем том он не мог понять, что привлекало брата в G., все попытки S. объяснить брату свои отношения к G. были напрасны.

Автор не остановился перед тем, чтобы понаблюдать за отношениями G. и S. в то время, когда они, ничего не подозревая, ужинали в обществе жены и брата S. Это наблюдение не дало ни малейших оснований для предположения о преступной связи между обвиняемыми.

В общем, S. произвел на меня впечатление нервного, сангвинического, легко возбудимого человека с добрым характером, открытой душой, притом человека, легко подчиняющегося настроению.

Доктор S. физически крепко сложен, с легкой наклонностью к полноте; череп симметричный, чуть-чуть брахицефаличный. Половые органы развиты нормально, пенис несколько бочковатой формы, praeputium (крайняя плоть) слегка гипертрофирована.

Экспертиза

Для современного человечества, в особенности для населения Европы, педерастия является хотя и нередким, но во всяком случае необычным, извращенным, можно даже сказать, чудовищным способом полового удовлетворения. Она предполагает врожденное или приобретенное извращение полового ощущения и в то же время врожденную или развившуюся под влиянием патологических условий ущербность нравственного чувства.

Судебно-медицинской науке в точности известны все те физические и психические условия, на почве которых развивается это извращение половой жизни; поэтому в каждом конкретном, и в особенности в каждом сомнительном случае представляется целесообразным посмотреть, имеют ли место все эти эмпирически установленные субъективные предпосылки педерастии.

При этом прежде всего важно отличать активную педерастию от пассивной.

Активная педерастия может развиваться I. *Не* на почве болезни:

1. Как средство полового удовлетворения в случаях повышенной половой потребности при вынужденном воздержании от естественных сношений.

2. У старых развратников, пресыщенных нормальными сношениями и сделавшихся более или менее импотентными, к тому же нравственно павших; такие субъекты ищут в педерастии новые ощущения, чтобы возбудить свою чувственность и тем устранить свою физическую и психическую импотентность.

3. Как традиционный обряд у некоторых некультурных народов, низко стоящих в отношении цивилизованности и морали. П.

На почве *болезни:*

1. При наличии врожденного превратного полового чувства, сопровождающегося отвращением к нормальным половым сношениям с женщиной вплоть до полной неспособности к таковым. Но, как писал уже Каспер, педерастия встречается здесь крайне редко. Так называемый урнинг удовлетворяет свое половое чувство путем пассивной или взаимной мастурбации или путем действий, напоминающих половой акт (например, акт между бедрами), и только в исключительных случаях — под влиянием сильного полового возбуждения или из уступчивости при упадке нравственного чувства — доходит до педерастии.

2. При приобретенном болезненном изменении полового ощущения.

а) После многолетнего онанизма, который вызывает импотенцию по отношению к женщине, сохраняя в силе половое влечение.

б) При тяжелой психической болезни (старческое слабоумие, размягчение мозга у помешанных и пр.), делающей возможным извращение полового ощущения.

Пассивная педерастия может появляться

I. *Не* на почве болезни:

1. Среди низших слоев населения у лиц, сделавшихся в детстве жертвами развратников, соглашавшихся за деньги мириться с болью и отвращением, затем совершенно погибших в нравственном отношении и дошедших впоследствии до роли мужских гетер.

2. При тех же условиях, как и в вышеприведенном пункте, в качестве платы за разрешение совершить активный педерастический акт.

II. На почве *болезни:*

1. У лиц с превратным половым влечением, соглашающихся, несмотря на боль и отвращение, на пассивную педерастию в

обмен за любовные услуги со стороны мужчин.

2. У урнингов, чувствующих себя по отношению к мужчине женщиной и находящих таким путем удовлетворение своего сладострастия. У этих женщин в мужском образе существует страх перед женщиной и полная неспособность к половым сношениям с женщиной. Характер и склонность у них женские.

Таковы данные, добытые судебной медициной и психиатрией. С медицинской точки зрения можно предполагать педерастию только в том случае, если доказано, что человек принадлежит к одной из перечисленных выше категорий.

Но ни в прошлом доктора S., ни в его настоящем нельзя найти никаких признаков, которые дали бы основание зачислить его в одну из установленных наукой категорий педерастов. Его не могло толкнуть к педерастии половое воздержание, он не сделался импотентным с женщинами из-за половых излишеств, у него нет врожденного влечения к мужчинам, он не злоупотреблял настолько мастурбацией, чтобы потерять склонность к женщинам и искать удовлетворения половых побуждений у мужчин, наконец, у него нет какой-либо тяжелой душевной болезни, которая могла бы извратить его половое чувство.

Но кроме того, у него нет общих условий для педерастии — нравственной недоразвитости или потери нравственного чувства, с одной стороны, и повышенного полового влечения — с другой.

Точно так же невозможно отнести другого обвиняемого, G., в какую-нибудь из эмпирически установленных категорий пассивных педерастов, так как у него нет черт, характеризующих мужскую гетеру, и так как он не обнаруживает ни клинических признаков эффеминации, ни антрополого-клинических признаков (стигматов), присущих урнингам. Напротив, все эти признаки у него как раз имеют противоположный характер.

Для того чтобы с научно-медицинской точки зрения можно было предположить педерастические отношения между S. и G., необходимо было бы найти у первого предпосылки и признаки активной педерастии по 1,2 и у второго — пассивной по II, 1 или 2.

С точки зрения юридической психологии предположение, лежащее в основе приговора, не выдерживает критики.

С одинаковым основанием можно было бы признать педерастом любого человека. Совершенно излишне разбирать, насколько

правдоподобны с психологической стороны те мотивы, которыми S. и G. объясняют свою действительно несколько странную дружбу.

Психология знает аналогичные случаи; человек с такой мягкой натурой и такой эксцентричностью, как S., может и без всяких половых побуждений поддерживать самые невероятные дружеские отношения.

Достаточно вспомнить о дружбе, которая встречается в женских пансионах и у сентиментальных молодых людей, или о нежности, которую проявляют иногда чувствительные люди просто к домашним животным, в чем, между прочим, никто не предполагает содомии. При своеобразном психологическом складе доктора S. такая экспансивная дружба во всяком случае не представляет ничего невероятного. То, что друзья не скрывали своих отношений, говорит гораздо больше в пользу безобидности этих отношений, чем в пользу предположения о чувственности.

Обвиняемым удалось добиться пересмотра процесса. Вторичное судебное разбирательство имело место 7 марта 1890 г. Свидетельские показания были очень благоприятны для обвиняемых.

Все единодушно подтвердили, что S. вел раньше безупречный образ жизни. Сестра милосердия, которая ухаживала за больным G. в доме S., не нашла ничего предосудительного в отношениях между S. и G. Прежние друзья S. подтвердили его безупречную нравственность, его склонность к интимной дружбе и показали, что у него была привычка целовать всех при встрече и расставании. Изменений, которые раньше были найдены в анальном отверстии у G., при вторичном исследовании не оказалось. Один из экспертов, приглашенных судом, высказал предположение, что эти изменения могли возникнуть просто от манипуляций пальцем. Эксперт, приглашенный защитой, вообще отрицал за ними всякое диагностическое значение.

Суд признал обвинение недоказанным и вынес оправдательный вердикт.

ЛЕСБИЯНСТВО

Если речь идет об отношениях между взрослыми, то юридическая оценка не представляет никаких затруднений. Практическое значение такие случаи имеют только в Австрии. Но как параллель к отношениям между урнингами лесбиянство имеет клинико-антропологическое значение. Здесь все происходит с соответствующими изменениями, как у мужчин. И по частоте лесбиянство, по-видимому, не уступает однополой

любви у мужчин. Но в большинстве случаев лесбийская любовь развивается не на почве врожденного влечения, а на почве извращенности, как у урнингов-развратников.

Эта «запретная дружба» процветает в особенности в женских тюрьмах.

Краузольд (указ. соч.) сообщает о том, что у заключенных женщин часто встречается такая дружба, которая ведет при благоприятствующих этому обстоятельствах к взаимному онанизму.

Но целью дружеских отношений является не только достижение удовлетворения с помощью ручных манипуляций; дружеские союзы заключаются здесь надолго, так сказать, систематически, причем сопровождаются и дикой ревностью, и пылкой страстью — точь-в-точь как это имеет место и между лицами разных полов. Стоит только арестантке увидеть, что другая арестантка улыбнулась ее возлюбленной, как возникает сцена сильнейшей ревности вплоть до драки.

Если за драку на арестантку наденут кандалы, то она говорит, что «родила ребенка от своей подруги».

Интересными данными о лесбиянстве мы обязаны также Паран-Дюшателе (De la prostitution. 1857, vol. I. P. 159).

Отвращение к тем возмутительным извращенным действиям, которые позволяют себе мужчины над проститутками (половой акт в подмышку, рот, между грудями[1] и т. п.), нередко, как показывают наблюдения этого опытного автора, толкают эти несчастные создания к лесбийской любви. По словам Паран-Дюшателе чаще всего прибегают к этой любви очень чувствительные проститутки, не удовлетворенные сношениями с импотентными или извращенными в половом отношении мужчинами и испытывающие отвращение от всяких извращенных приемов, практикуемых над ними.

Кроме того, трибадией занимаются по большей части проститутки, которые провели много лет в тюрьмах — этих рассадниках лесбийской любви, где это извращение привилось к ним на почве воздержания.

Интересно, что проститутки презирают трибадов, так же как мужчины презирают педерастов, между тем как среди арестантов этот порок не считается позорным.

Паран-Дюшателе сообщает об одной проститутке, которая в пьяном виде пыталась изнасиловать в смысле лесбиянства свою подругу. Это вызвало такое негодование среди других обитательниц дома терпимости, что они сообщили о своей

безнравственной товарке полиции. Такие же наблюдения сообщает Таксиль (указ. соч., с. 166, 170).

Мантегацца (Anthropologisch-kulturhistorische Studien. S. 97) также находит, что половые сношения между женщинами носят по преимуществу характер порока, развивающегося на почве неудовлетворенной половой гиперестезии.

Но во многих случаях этого рода, если даже исключить случаи врожденного гомосексуализма, все-таки складывается такое впечатление, что здесь так же, как это бывает при аналогичных условиях у мужчин (см. выше), порок постепенно превращается в приобретенное превратное половое ощущение с отвращением к половым сношениям с другим полом.

Во всяком случае, сюда относятся все те наблюдения Паран-Дюшателе, когда между возлюбленными велась такая трогательная и интимная переписка, какая возможна только между мужчиной и женщиной, когда неверность и разлука повергали

покинутую сторону в безграничную печаль, разыгрывались сцены дикой ревности и дело иногда доходило до кровавой мести. Безусловно патологическими нужно считать следующие случаи Мантегаццы (указ. соч., с. 98); возможно, что мы имеем здесь дело и с врожденным превратным половым ощущением.

1. 5 июля 1777 г. в Лондоне судили одну даму, которая носила мужское платье и уже три раза вступала в брак с различными женщинами. Ее публично объявили женщиной и присудили к 6 месяцам тюрьмы.

2. В 1773 г. другая женщина, переодетая в мужское платье, стала ухаживать за молодой девушкой и сделала ей предложение. Однако эта смелая попытка не удалась.

3. Две женщины жили в продолжение 30 лет вместе как муж и жена. Только на смертном одре «жена» открыла окружающим тайну.

Интересные сообщения из новейшего времени находим у Кофиньона (указ. соч., с. 301).

Он сообщает, что этот порок в настоящее время «в моде» отчасти под влиянием известного сорта романов, отчасти вследствие раздражения половых органов при работе на швейных машинах, при совместном спанье женской прислуги, отчасти вследствие совращения воспитанниц пансионов со стороны испорченных подруг, а девушек частных домов — со

стороны прислуги.

Автор утверждает, что этот порок («сафизм») преимущественно распространен среди аристократических дам и проституток.

Он, однако, не отличает физиологических случаев от патологических, а среди патологических — случаи врожденного характера от случаев приобретенного характера. Некоторые подробности, относящиеся к случаям, несомненно, патологическим, вполне соответствуют тем наблюдениям, которые сделаны относительно мужчин-гомосексуалистов.

У «сафисток» имеются в Париже особые места свидания, они узнают друг друга по взгляду, внешности и пр. Сафистические пары любят одинаково одеваться, носить одинаковые украшения и т. д. Их называют «petites soeurs» («сестренками»).

Интересные данные о половых отношениях между женщинами сообщает Моралья, который старается провести строгую границу между трибадизмом и сафизмом.

Куннилингус, по его наблюдениям, встречается по большей части независимо от превратного полового ощущения; к нему прибегают просто те женщины, которые при повышенной чувственности остаются неудовлетворенными в половом отношении; сюда относятся: во-первых, девушки, которые избегают по понятным причинам полового акта, а затем девушки и женщины, не получающие от такого акта достаточного удовлетворения вследствие либо импотенции их сожителя, либо анафродизии в результате мастурбации, либо других каких-либо причин. Здесь мы не встречаем, как при трибадии, действительной любви, сопровождающейся иногда даже пламенной ревностью; впрочем, исключение составляют случаи, где успело уже развиться приобретенное превратное половое ощущение; обычно же мы имеем дело с мимолетной связью для взаимного удовлетворения полового влечения, причем для этой цели могут применяться и всякие другие приемы, кроме куннилингуса.

Трибадия (взаимные трения соприкасающимися половыми органами[1]), по мнению автора, практикуется исключительно женщинами с превратным половым влечением в качестве способа полового удовлетворения при интимных любовных отношениях. При этом активная сторона чувствует себя мужчиной по отношению к другой стороне — женской, завоевание которой достается активной стороне с большим трудом и усилиями, чем нормальному мужчине.

Если бы эти наблюдения были верны, то по виду полового акта можно было бы легко отличить у женщин извращенность от

извращения. Случаи трибадии, которые наблюдал Моралья, относятся действительно к явлениям вирагинии и гинандрии.

У Шевалье мы находим меткую характеристику извращенности и извращения, для отличия которых он указывает характерные черты (L'inversion sexuelle, Paris, 1893. P. 268):

"... Можно быть педерастом или лесбиянкой под влиянием истощенного полового чувства, из корыстных соображений, из потребности «заморить червячка» желания, слабости духа или простого любительства: из этого анализа следует, что аномалия не рождается вместе с индивидом неизвестно каким образом, что она обнаруживает себя не сразу, а постепенно, шаг за шагом, в определенном возрасте после нормальной сексуальной практики, что она не постоянна и не абсолютна, что она совмещается с полнотой сознания и цельностью интеллекта, что она может измениться и исчезнуть, что она не сопровождается примитивным образом шпсакой физической или психической ущербностью, что у нее нет другого объективного критерия, кроме заключенного в ней самой, что она не фатальна, не непреодолима в своих побуждениях, что, наконец, она порождает особое состояние, по своим истокам более социальное, чем индивидуальное.

Недостаток инстинктивности, спонтанности, неукротимости, неизменяемости, отсутствие или недостаточность органических и духовных взаимосвязей, позднее и искусственное приобретение, предумышленность действия, сознания; возникновение некоего промежуточного состояния, необходимость предварительного вовлечения и в особенности никаких следов наследственности, все это как раз признаки чистой страсти, порока без всякой примеси. Короче говоря, ничего слишком патологического; его должно предупредить, его, стало быть, можно пресечь».

НЕКРОФИЛИЯ

(Австрия. Уголовный кодекс, § 306, проект § 249)

Этот способ полового удовлетворения настолько чудовищен, что в каждом случае невольно возникает мысль о психопатическом состоянии преступника, так что требование, которое выдвигает Машка, — о необходимости у всех подобных преступников производить обследование умственных способностей кажется нам вполне основательным. Во всяком случае, для того, чтобы победить естественное отвращение человека к трупу и даже сделать привлекательным половое общение с трупом, необходимо безусловно болезненное извращение чувственности.

К сожалению, в большинстве описанных в литературе случаев не было произведено обследования психического состояния

преступника, так что вопрос, может ли некрофилия иметь место у психически здоровых людей, остается открытым. Кто знает те ужасные извращения, которые возможны в половой жизни, тот не решится ответить на этот вопрос категорическим отрицанием.

ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ К БЛИЗКИМ РОДСТВЕННИКАМ (ИНЦЕСТ)

(Австрия. Уголовный кодекс, § 132; проект § 189. Германия. Уголовный кодекс, § 174)

Охрана нравственной чистоты семейного очага является одним из приобретений культурного развития. Вот почему у нравственно нормального культурного человека всякая мысль о каких-либо сладострастных отношениях к члену его семьи вызывает явное чувство отвращения. Только при неимоверно сильной чувственности и ущербности в морально-правовых представлениях может развиться половое влечение к близким родственникам.

В семьях отягощенных иногда имеют место оба эти условия. У мужчин алкоголизм и состояние опьянения, у женщин слабоумие, задерживающее развитие стыдливости, а порою ведущее и к эротизму, — вот те условия, которые благоприятствуют осквернению кровного родства. Внешним способствующим этому условием является недостаточное разделение полов в пролетарских семьях.

Выше мы видели, что в качестве безусловно патологического явления половое влечение к близким родственникам встречается при врожденных и приобретенных состояниях умственного недоразвития, а также изредка при эпилепсии[1] и у параноиков.

Однако во многих случаях, если не в большинстве, не удается доказать патологической основы для этих преступлений, оскверняющих не только кровное родство, но и вообще моральное чувство культурного человека. Впрочем, в некоторых из описанных в литературе случаев удалось к чести человечества доказать наличие психопатологических мотивов.

Наблюдение 248. Ц., 51 года, директор института, влюблен в свою дочь со времени ее половой зрелости. Поведение отца глубоко возмущало очень строгую в нравственном отношении девушку; в конце концов ее принуждены были отослать за границу к родственникам. Отец — человек нервный, со странностями, немного алкоголик, по-видимому, не отягощен. Он отрицает свою любовь к дочери, последняя, однако, утверждает, что он держал себя с нею, как возлюбленный. Ц. страшно ревновал ее ко всякому мужчине, который решался

приблизиться к ней. Он угрожал наложить на себя руки, если она выйдет замуж, и даже однажды предложил ей умереть вместе с ним. Он постоянно старался остаться наедине с дочерью, задаривал ее подарками, осыпал нежностями. Проявлений гиперсексуальности у Ц. не было. Он слыл нравственным человеком, метрессы не имел.

В случае Фельдмана *(Marc-Ideler* I. S. 18), где отец сделал ряд безнравственных покушений на свою взрослую дочь и в конце концов убил ее, речь шла о слабоумном субъекте, страдавшем к тому же, по-видимому, периодическим помрачением сознания. В другом случае безнравственных сношений между отцом и дочерью (S. 247) последняя, несомненно, страдала слабоумием. Ломброзо (Archivio di psichiatria, VIII. P. 519) сообщает о случае, когда 42-летний крестьянин жил с своими

тремя дочерьми — 22, 19 и 11 лет; последнюю он даже заставил сделаться проституткой и посещал ее в доме терпимости. Судебно-медицинское обследование обнаружило отягощение, интеллектуальное и моральное недоразвитие, алкоголизм.

Неисследованными в психическом отношении остались следующие случаи: случай Шюрмайера (Deutsche Zeitschrift fur Staatsarzneikunde, XXII. H. 1), когда женщина клала на себя своего сына пяти с половиной лет и совершала с ним безнравственные действия; далее случай Лафарга (Journal medical de Bordeaux, 1874), когда 17-летняя девушка клала на себя своего 13-летнего брата, прикасалась к его половым органам и мастурбировала мальчика.

В следующих случаях речь идет о субъектах отягощенных.

Легран (Annales medico-psychologiques, 1876, Mai) сообщает об одной 15-летней девушке, которая побуждала своего брата совершать с ней всевозможные половые действия; когда после 2 лет половых сношений с сестрой мальчик умер, она совершила покушение на убийство одного родственника. Сюда же относится случай, когда одна 36-летняя замужняя женщина вывешивалась обнаженной грудью в окошко и, кроме того, жила с своим 18-летним братом. Наконец случай, когда женщина 39 лет была до смерти влюблена в своего сына, жила с ним, забеременела и вызвала выкидыш.

Случай, описанный под № 2 в судебно-психиатрических экспертизах Цюрихской психиатрической клиники, изданных Кёлле, касается безнравственных сношений между отцом, страдавшим хроническим алкоголизмом, и слабоумной взрослой дочерью.

Туано (указ. соч.) сообщает о 44-летней нимфоманке, которая

покушалась на самоубийство вследствие несчастной любви к своему собственному 23-летнему сыну и была доставлена затем в психиатрическую больницу. Она ему положительно не давала покоя, постоянно целовала его, однажды ночью сделала настоящее покушение на изнасилование, так что он должен был прогнать ее; это, однако, не удержало ее от новых покушений. Временами ей удавалось овладевать собой, но затем снова наступали приступы страсти, а с ними и покушения на сына. Когда она убедилась, что не может исправиться, она совершила попытку самоубийства.

Еще ужаснее случай, сообщаемый Тардье. Одна хроническая нимфоманка, гомосексуалистка, целыми часами, иногда среди ночи мастурбировала во влагалище и задний проход свою 12-летнюю дочь. При этом она приходила в состояние сильнейшего возбуждения.

То, что среди отбросов населения в больших городах встречаются матери, которые ужаснейшими способами «готовят» своих малолетних дочерей к разврату, стало известно благодаря Касперу. Но эти преступные действия относятся уже к другой области.

БЕЗНРАВСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НАД ПИТОМЦАМИ. СОВРАЩЕНИЕ (АВСТРИЯ)

(Австрия. Уголовный кодекс, § 131, проект § 188. Германия. Уголовный кодекс, § 173)
Безнравственные действия над лицами, вверенными чьему-либо воспитанию или надзору и находящимися в большей или меньшей зависимости от совершающего эти действия, очень близки к преступлениям, описанным в предыдущем разделе, хотя они и не оскорбляют настолько нравственное чувство, как эти последние. Преступления этого рода, подведенные законодателем под особую статью, представляют психопатологический интерес только в исключительных случаях.